ИСТОРІЯ

КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ВЪ ГЕРМАНІИ

ПО ЛѢТОПИСЯМЪ И РАЗСКАЗАМЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

Д-ра В. ЦИММЕРМАНА.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИСПРАВЛЕННАГО ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ III.

Изданіе редакціи журнала: «Дѣло».

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. МОРИГЕРОВСКАГО, ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ГАССЕ.
1868.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Брейсгау, Баденъ и Рейнскій Пфальцъ.

На востокѣ, первую линію великаго германскаго народнаго движенія, составляла Эльзаская банда, а во второй линіи, отдѣленной отъ эльзасцевъ только Рейномъ, были, какъ извѣстно, расположены три другія большія банды, занимавшія пространство отъ Щварцвальда, гдѣ перекрещиваются области верхней Австріи, Бадена и другія, — до Пфальца, такъ что въ самое короткое время онѣ могли соединяться съ бандами, находившимися по другую сторону Рейна. Щварцвальдская банда подъ предводительствомъ Ганса Мюллера изъ Бульгенбаха, въ первыхъ числахъ мая двинулась на востокъ, чтобы въ соединеніи съ другими бандами изъ передней Австріи и маркграфства, занять прекрасный укрѣпленный Фрейбургъ въ Брейсгау. Уже въ концѣ прошлаго года, когда въ верхнихъ государствахъ началось давно уже ожидаемое движеніе, дворяне изъ Брейсгау, Эльзаса, Зундгау и многихъ

другихъ мѣстъ бѣжали въ безопасный Фрейбургъ (*. Вслѣдъ за ними и духовные спасали за стѣнами укрѣпленнаго города свою жизнь и имѣніе, а марграфъ Эрнстъ Баденскій себя, жену свою и дѣтей. Все это дѣлало городъ заманчивою добычею для крестьянъ, и потому онъ былъ укрѣпленъ такъ, какъ ни одинъ изъ другихъ городовъ; Фрейбургъ служилъ сборищемъ и всеобщимъ бастіономъ для помѣщиковъ, князей, прелатовъ и дворянъ; крестьяне рѣшили взять его приступомъ и сравнять съ землей.

Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе увеличивалъ свою банду. Всѣ общины, охотно или по принужденію вступившія въ евангелическое братство, должны были отпускать ему деньги, съѣстные припасы, людей, ружья и порохъ; тѣ, которые уже выставили контингенты, должны были теперь подкрѣпить ихъ. Городъ Вальдсгутъ, давно уже вступившій въ братство, почти колыбель евангелическаго союза, отправилъ 22-го апрѣля 30 гражданъ съ городскимъ значкомъ, а 3-го мая еще небольшой отрядъ съ оружіемъ на повозкахъ для присоединенія къ шварцвальдской бандѣ.

Въ Сентблазіенскомъ аббатствѣ такъ опасались вторженія банды, что аббатъ уложилъ въ бочки всѣ церковныя сокровища, стоимостью въ 13 тысячъ гульденовъ, намѣреваясь отправить ихъ въ Швейцарію въ Клингнау. Извозчики подъ видомъ, что везутъ вино, въѣхали съ ними въ Вальдсгутъ. Но, вѣроятно, граждане города или знали, или догадывались, что заключается въ бочкахъ, они заперли ворота, остановили повозки, отыскали сокровища и отнесли ихъ въ подвалъ дома Іоганитовъ. Обозъ сопровождали фогтъ изъ Гуттенберга и протоіерей изъ Берна. Оба они были задержаны въ Вальдсгутѣ нѣкоторое время, а церковныя сокровища оставались тамъ до окончанія войны, когда городъ возвратилъ ихъ монастырю. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, вальдсгутцы заняли замокъ Гуттенбергъ и аббатство Гурцвиль, и то и другое мѣсто принадлежало къ Сентблазіенскому монастырю, и ни одно не было ни разрушено, ни сожжено.

*) Записана отъ 17 сентября 1524 въ Штутгардскомъ государственномъ архивѣ.

4-го мая крестьяне поймали одного гражданина изъ Вилингена. Этотъ городъ высказался враждебно къ крестьянамъ и былъ у нихъ въ большой опалѣ за то, что велѣлъ перебить нѣсколькихъ инсургентовъ; потому пойманнаго повѣсили на деревѣ и за тѣмъ отправились дальше; но повѣшенный нашелъ въ карманѣ ножъ, перерѣзалъ веревку и убѣжалъ.

Въ эти дни случилось то, чего опасался Сентблазіенскій аббатъ Іоганнъ. Одинъ изъ младшихъ начальниковъ Шварцвальдскаго отряда Конць, Іеле-Фоннидермлюзе изъ Дагсбахерской общины, начальникъ Гауштейнеровъ, получилъ приказаніе привести въ исполненіе всѣ тезисы въ этомъ большомъ, богатомъ аббатствѣ. Первый майскій день былъ для гордаго храма тяжелымъ днемъ страданія, знамя Гауштейнеровъ развивалось на его стѣнахъ, отправка денегъ и архива, сдѣланная изъ предосторожности для пользы храма, обратилась во вредъ ему. Раздраженные этимъ поступкомъ крестьяне свирѣпствовали. Конць Іеле, человѣкъ не только опытный, но и умѣренный, употреблялъ тщетныя усилія обуздать крестьянъ; его или совсѣмъ не слушали, или слушали, но очень мало; онъ хотѣлъ умѣрить разрушеніе, звѣрство и жестокость, но крестьяне были разгорячены найденными въ аббатствѣ хорошими винами, съ которыми они поступали такъ нецеремонно, что погребъ по-колѣно былъ наполненъ разлитыми напитками. Кромѣ вина и старое озлобленіе противъ крѣпостнаго ига и новыхъ ограниченій обычныхъ правъ, подогрѣвало тѣхъ крестьянъ, которые считали себя крѣпостными монастыря со всѣмъ ихъ имѣніемъ,

жизнью, вѣрностью и честью. Друзья монастыря стали его злѣйшими врагами. Съ нимъ случилось тоже самое, что съ Христомъ, котораго покинули ученики *). Монастырская братія спаслась бѣгствомъ. Съ книгами поступили, какъ и вездѣ: въ старомъ и новомъ соборахъ, во всѣхъ часовняхъ изваянія, прекрасныя оконныя картины, всѣ украшенія были разбиты, изъ главнаго алтаря вынуты святыни, мощи выброшены изъ гробовъ; дорогіе камни, слоновая кость и драгоцѣнные металлы выламывались отовсюду, какъ хорошая добыча; искуство, произведеніе и утѣха возвышенныхъ умовъ, гибло здѣсь въ рукахъ невѣжественныхъ крестьянъ, подобно тому, какъ гибло оно часто въ благородныхъ рукахъ высокорожденныхъ господъ; жаждущій добычи крестьянинъ выдавливалъ пальцемъ драгоцѣнный камень изъ его художественной оправы, а тончайшую золотую работу комкалъ въ шары, чтобы удобнѣе унести съ собою; ящикъ съ таинствами былъ тоже взломанъ разгоряченными виномъ и ревностію къ вѣрѣ побѣдителями; дары выбросили они на землю; одинъ крестьянинъ со смѣхомъ набилъ ими ротъ, говоря, что хочетъ разомъ вдостоль наѣсться Господа Бога. Варварство простиралось такъ далеко, что не были пощажены даже тѣ художественныя произведенія, которыя доступны уму и сердцу даже простыхъ людей,—именно удивительные куранты аббатства, звономъ которыхъ долгое время забавлялась окрестность. Изъ двадцати двухъ колоколовъ двадцать были сломаны, проданы, частью перелиты въ пули, только два самые большіе были оставлены, по невозможности снять ихъ. Хотя нѣтъ точныхъ доказательствъ того, что изъ колоколовъ были вылиты пули, но это тѣмъ вѣроятнѣе, что С. Блазіеръ разсказываетъ, какъ крестьяне отовсюду выламывали желѣзо и свинецъ и лили пули.

---

*) Подлинныя слова монастырскаго хроникера.

Шесть дней простояли Гауенштейнеры въ С. Блазіенѣ. Сосѣдній съ С. Блазіенскимъ монастырь въ Тодмосѣ постигла та же участь, однако ни онъ, ни С. Блазіенъ не были сожжены *). Отсюда крестьяне направились для соединенія съ огромнымъ отрядомъ, который 7-го мая подъ предводительствомъ Ганса Мюллера двинулся черезъ Вольтердингенъ къ Форенбаху. По дорогѣ Гансъ Мюллеръ велѣлъ занять и сжечь замокъ Циндельштейнъ и Нейфюрстенбергъ. Фюрстенбергскій оберфогтъ такъ дурно обращался съ крестьянами, что они прогнали его сквозь строй. Виллингенъ нѣсколько разъ отвергалъ всѣ требованія Мюллера вступить въ братство, и Мюллеръ, не останавливаясь здѣсь для осады, пошелъ на Трибергъ, занялъ городокъ, осадилъ замокъ, разграбилъ и сжегъ его.

Фогта этого замка, Одерманна, тоже хотѣли прогнать сквозь строй, но Урасскій отрядъ просилъ за него и спасъ его. Аббатъ Николай изъ монастыря св. Георгія вышелъ на встрѣчу бандѣ съ своими монахами; пригласилъ крестьянъ къ себѣ въ гости и такъ обошелъ ихъ своимъ виномъ, карпами и дружеской бесѣдой, что монастырь остался невредимъ и впередъ не былъ болѣе тревожимъ.

11-го мая банда отправилась далѣе, прошла черезъ Фуртвангелъ къ монастырямъ св. Петра и св. Мергена, снова остановилась здѣсь и, спустившись по дорогѣ, ведущей прямо въ Фрейбургъ, въ долину Кирхцартнеръ, вступила 13 мая въ

---

*) Даже тѣ, которые приводили въ исполненіе «тезисы», жгли рѣдко. Всѣ историки до конца прошлаго столѣтія разсказываютъ о сожженіи всѣхъ монастырей, въ томъ числѣ и С. Блазіенскаго. Но С. Блазіенъ сгорѣлъ, спустя годъ, во время мира. Въ исторіи Лотарингіи Кольмета эльзаскіе крестьяне выставлены богохульниками, убійцами и поджигателями. Справедливъ же только нашъ разсказъ. Богохульство, убійство и поджигательство было дѣломъ лотарингскихъ помѣщиковъ, какъ это указываетъ даже дворянинъ Ульрихъ Рапполтштейнъ.

округъ города. Замокъ Виснехъ, стоявшій на выступѣ горы въ этой долинѣ и командовавшій обѣими дорогами, ведущими въ Фрейбургъ, принадлежалъ фрейбургскому гражданину барону Давиду ф. Ландекъ. Онъ былъ взятъ штурмомъ и сожженъ; съ деревень отобрана присяга, и при Кирхцартнерѣ разбитъ лагерь.

Начальникъ шварцвальдцевъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Фрейбургъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, заранѣе уже вооруженнымъ въ Брейсгау и въ маркграфствѣ.

Баденомъ управляли оба сына маркграфа Христіана, бывшаго тогда еще въ живыхъ, но помѣшаннаго; Эрнестъ—въ верхнемъ, Филиппъ въ нижнемъ Баденѣ. Такъ какъ маркграфскія владѣнія граничили и пересѣкались владѣніями передней Австріи, Страсбурга, Ганау и Эберштейна, и въ каждой бандѣ насчитывались крестьяне изо всѣхъ этихъ земель, то банды здѣсь можно было различать только по именамъ ихъ начальниковъ, а не по названіямъ областей, изъ которыхъ онѣ происходили.

Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемся съ бандою Ганса Циллера изъ Амольтерна подъ Кихлингсбергомъ, недалеко отъ города Эндингена. Гансъ Циллеръ долго былъ на службѣ у дворянства. Въ постояломъ дворѣ на Кихлингсбергѣ было положено первое основаніе возстанію. Посвященные вскорѣ послѣ этого собрались на уединенной полянѣ подъ Вейсвейлемъ на Рейнѣ, ниже Кицингена; чтобы обезопасить себя отъ всякой случайности, они подняли за собою мостъ. Здѣсь было окончательно рѣшено возстаніе; инсургенты соединились съ эльзаскою бандою Эберсгеймъ-Мюнстера; ихъ посланные перенесли изъ лагеря у Кестенхольца, черезъ Рейнъ двѣнадцать статей, надъ которыми и была произнесена клятва братства. Въ Шлетштадтѣ они получили значекъ, въ Засхеймѣ въ первый разъ распустили его,—а подворье монастыря Тенекбахъ у Кихлингсбергенъ первое испытало ихъ посѣщеніе.

Монахъ, жившій на этомъ подворьѣ, уѣхалъ, струсивши, задолго еще до начала возстанія.

Еще 5-го марта, на масляницѣ, когда отецъ экономъ по старому обычаю угощалъ нѣкоторыхъ кихлингсбергцевъ, Вольфъ Крумейзенъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи: «подавай отче,—говорилъ онъ монаху,—все что у тебя есть, потому что скоро мы сами это возьмемъ себѣ.» Когда инсургенты, дѣйствительно, явились исполнить обѣщаніе, то все оживилось; мужчины, женщины, дѣти, всѣ дѣлили добычу. Святой духъ дѣйствуетъ въ народѣ, воскликнулъ Яклейнъ Куруманнъ, «Богъ хочетъ этого-да будетъ такъ!»

Рядомъ съ Гансъ Циллеромъ во главѣ банды стоялъ Матвѣй Шумахеръ изъ Ригеля. Духовенство должно было дорогою цѣною покупать себѣ охранительныя грамоты; такъ священникъ Іехтингенъ принужденъ былъ дать за нихъ 20 золотыхъ гульденовъ, и въ добавокъ еще хлѣба и вина.

Фогтъ Мюнцингена, Гансъ Шлехтленъ, добровольно присоединился къ бандѣ. Послѣ того, какъ дворяне бѣжали изъ Мюнцингена въ Фрейбургъ, онъ собралъ общину и потребовалъ, чтобы она вошла въ евангелическое братство. Желающихъ сейчасъ же набралось такое количество, что каждому сопротивляющемуся они угрожали поставить колъ передъ домомъ. Священникъ отказывался явиться передъ общиной; Фогтъ велѣлъ вывести его на веревкѣ и назвалъ его измѣнникомъ. Онъ послалъ въ Менгенъ сказать крестьянамъ, чтобы приходили, что у него домъ полонъ всѣмъ, что имъ нужно. Банда явилась, и замокъ въ Мюцингенѣ былъ разграбленъ. Въ числѣ инсургентовъ находился приходскій священникъ изъ Нидерзингена Андрей, Мецгеръ ф. Бадельейлеръ, который выступилъ съ своими крестьянами. Онъ помогалъ опустошать погреба и анбары и самъ принесъ три мѣшка съ хлѣбомъ. Первый, сказалъ онъ, это ранняя обѣдня, другой—средняя, а третій—главная обѣдня. Когда замокъ былъ пустъ, приказано было разрушить «гнѣздо червей.» Священ-

никъ сѣлъ самъ на крышу и помогалъ ломать ее. Замки Хехингель, Даксвангель и Кранцнау были сожжены до тла. Фаслинъ ф. Стауфель и длинный Фишеръ были распорядителями добычи. Гансъ Карреръ между тѣмъ, по приказанію начальниковъ банды, напалъ на замокъ Кранцнау. Аббатство Воннеталь было ограблено этою же бандою, причемъ распорядителемъ добычи былъ Клаусъ Циммерманъ ф. Мальтудингедъ, и его замокъ сдѣлался добычею пламени; одинъ кихлингсберецъ бросилъ въ него зажженный факелъ. Города Бургеймъ, Эдингенъ и Кецингенъ тоже должны были сдаться и присягнуть крестьянамъ. Въ Эдингенѣ у Ганса Циллера было множество единомышленниковъ, и онъ напередъ зналъ, что стоитъ ему только явиться, и городъ уже будетъ въ рукахъ инсургентовъ. Въ Канцингенѣ у крестьянъ изъ сосѣдней деревни Кербельсгеймъ происходили тайныя совѣщанія, и Циллеру было извѣстно все происходящее въ городѣ. Австрійское владѣніе Кенцингенъ было тогда въ рукахъ Вольфа Ф. Хирнгеймъ, совѣтника при Штутгардскомъ правительствѣ, бѣжавшемъ въ Тюбингенъ. Онъ писалъ въ Кенцингенъ, чтобы гордъ отнюдь не допускалъ стеченія духовенства и его богатствъ, которыя могли бы привлечь крестьянъ. Вкорѣ послѣ этого инсургенты потребовали сдачи города и выдачи всѣхъ сложенныхъ тамъ сокровищъ монастырей и духовенства. Городской совѣтъ воспротивился этому, но, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, вынужденъ былъ согласиться на присоединеніе къ евангелическому братству. Совѣтъ написалъ Вольфу Хирнгеймскому, чтобы онъ спасалъ городъ, если онъ долженъ будетъ, какъ и многіе его предшественники, присягнуть крестьянамъ. Потому что вездѣ Гансъ Циллеръ принуждалъ приносить присягу и гражданъ и бароновъ и графовъ. Графа Георга Тюбингенскаго постигло тоже, что и графа ф. Гогенлохе на Грюнбинѣ; «братъ Георгъ,— сказалъ ему Яклейнъ Куруманъ, — твое тѣло есть мое тѣло, мое тѣло есть и твое тѣло; твое богатство—мое богатство, мое богатсто—твое богатство; мы всѣ равные братья по Христу.»

Кенцингенъ былъ такъ стѣсненъ оттого, что на него напала ни одна только банда Ганса Циллера, но еще и банда изъ Ортенау. Въ обѣихъ насчитывали до 12,000 человѣкъ. Главный предводитель послѣдней банды былъ Георгъ Гейдъ ф. Лоръ. За нимъ слѣдовали Іоргъ Шецлинъ, Клаусъ, Шингемеръ, Гансъ Летцманъ и Яковъ Курцель. Банда образовалась изъ жителей Страсбургскаго округа Эттенгейма, владѣнія Лоръ, подвластнаго маркграфу Филиппу, и обитателей Дасбургской долины. Аббатство Шутпорнъ первое испытало посѣщеніе Георга Гейдъ ф. Лоръ. Аббатъ бѣжалъ въ Фрейбургъ и съ дороги могъ видѣть огненные столбы своей разграбленной церкви. Аббатство Іегенбахъ точно также пострадало отъ крестьянъ, къ которымъ при Киммерсбахѣ присоединились граждане изъ Генгенбаха, Оффенбурга и Целя,—городовъ, принадлежавшихъ аббатству. Аббатство Генгенбахъ было не тронуто, но за то обязалось отмѣнить совсѣмъ крѣпостное право въ Ортенау, гдѣ до тѣхъ поръ всѣ жители, мужчины и женщины, должны были ежегодно платить пошлины въ государственное аббатство. Теперь эта повинность на всегда была прекращена, и Ортенаутцы сдѣлались свободными; хотя аббатъ Филиппъ владѣтель Эзельберга и жаловался позже императору, но безуспѣшно. Если присоединить къ этому еще потерю трехъ городовъ Генгенбаха, Офенбурга и Целя, прекратившихъ взносъ имъ повинностей и вошедшихъ въ составъ государственнаго союза, то потери монастыря оказываются значительными. Монастырь Этенгеймъ-Мюнстера на Шейдѣ, между Бресгау и Ортенау, былъ опустошонъ и сожженъ. Сожжены были также и два замка: Даутенштейнъ Ганса Вернера ф. Плиссенъ, и Ильмбургъ; баронъ жившій въ послѣднемъ изъ нихъ, погибъ отъ руки крестьянина.

Предводителемъ банды верхнаго маркграфства, т. е. владѣній Ретельнъ, Заузенбергъ и Баденвейлеръ, былъ Гансъ

Гаммерштейнъ; за нимъ слѣдовали Бреккеръ ф. Штопфгеймъ, Морицъ Нейдгардъ, ф. Валпахъ, Яковъ Шерреръ, Мартынъ Лангъ, Гансъ Шлисдменъ ф. Бадшвейлеръ. Отъ нихъ бѣжалъ изъ своего замка Ретельна въ Фрейбургъ маркграфъ Эрнестъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Отсюда при посредничествѣ города Фрейбурга онъ посылалъ крестьянамъ письма съ изъявленіемъ готовности на всевозможныя облегченія ихъ тягостей. Въ первыхъ числахъ мая крестьяне собрались въ Кондернѣ и Баденбрейлерѣ и призвали чиновниковъ бѣжавшаго маркграфа. Эти послѣдніе отъ имени своего правителя предлагали крестьянамъ какія угодно условія. Но крестьяне не довѣряли маркграфу; они знали на опытѣ, что Эрнестъ не обладалъ, подобно своему брату Филиппу, человѣколюбивымъ сердцемъ и не былъ, какъ онъ, расположенъ къ народу. Они сослались на 12 статей, надъ которыми приносили клятву, и рѣшились устроить другое правленіе. Если маркграфъ Эрнестъ согласится быть намѣстникомъ императора и приметъ ихъ 12-ть тезисовъ, то они оставляютъ его съ его замками и его владѣніями. Правителемъ признаютъ они съ этого времени одного императора и его намѣстника; дворянство, какъ привелигированное сословіе, должно быть уничтожено, за крестьянами признается право участія во всякой государственной службѣ, и маркграфъ самъ долженъ сдѣлаться простымъ свободнымъ крестьяниномъ, крупнымъ землевладѣльцемъ. Маркграфъ Эрнстъ не разсчитывалъ услышать такія рѣчи. На этотъ разъ онъ рѣшился: «положиться на всемогущество Бога и на время.» *) — За отказомъ маркграфа удовлетворить крестьянъ послѣдовало общее нападеніе. Замки Ретельнъ, Заузенбергъ и Баденвейлеръ были взяты крестьянами; въ Зейтерсгеймѣ, на границѣ австрійскихъ и маркграфскихъ владѣній, откуда они могли дать помощь зунд-

*) Письмо маркграфа въ городѣ Базелѣ.

гауерской и оберельвасерской бандѣ, крестьяне расположили свою главную квартиру. Дома, принадлежавшіе духовенству въ Ноллингенѣ, Вейтнау, Зитценкархѣ, Бюргленѣ, Гутнау и Кроуингенѣ, были опустошены. Должностныя лица уволены, духовенство частью подверглось той же судьбѣ, частью должно было слѣдовать за инсургентами; многіе впрочемъ успѣли бѣжать еще ранѣе. Въ лагерѣ подъ Хейтерсгеймомъ присоединилась банда изъ Кейзерштуля съ бандою Ретельнъ-Баденвейлера. Кейзерштульцы произвели здѣсь измѣненіе въ составѣ предводителей. Гансъ Циллеръ долженъ былъ подчиниться Георгу Мюллеру, вслѣдствіе чего онъ вышелъ изъ банды и принялъ начальство надъ отрядомъ Ортенау. Георгъ Мюллеръ, бывшій магистратскій писецъ въ городѣ Штауфенѣ, сдалъ крестьянамъ и городъ и замокъ Штауфенъ. Въ благодарность за это кейзерштульцы сдѣлали его начальникомъ надъ четырьмя отрядами. Городъ Нейенбергъ былъ осажденъ и принужденъ войти въ союзъ евангелическаго братства. Церкви св. Ульриха и Сельдена были опустошены. Замки Бангенъ, и Большвейль были также разграблены Маркграфъ Эрнстъ удалился изъ Фрейбурга, въ Брейзахъ, оттуда въ Страсбургъ, чтобы набрать войско противъ своихъ крестьянъ. Онъ не могъ добыть ни одного всадника. Даже городъ Базель отказалъ ему въ вооруженной защитѣ. Тогда онъ сдѣлалъ черезъ депутатовъ этого города самыя выгодныя миролюбивыя предложенія своимъ крестьянамъ.— Они согласились заключить миръ только въ томъ случаѣ, если маркграфъ Эрнстъ выхлопочетъ у императора, у эрцъ-герцога, и у другихъ князей и начальниковъ, чтобы все, что онъ предлагаетъ имъ, было дано и всѣмъ другимъ, находящимся въ братствѣ и союзѣ съ ними. Городъ Базель взялся вести переговоры, а маркграфъ обѣщалъ ему согласиться на предложенія крестьянъ, если жалобы ихъ будутъ найдены справедливыми.

Другая банда образовалась въ маркграфствѣ Гогбергъ, въ

нижней части маркграфства. Начальникомъ ея былъ Клеви Рюдиса. Отъ этой банды наиболѣе пострадалъ богатый монастырь Тененбахъ, который оцѣнивалъ свою потерю болѣе чѣмъ въ 30,000 гульденовъ, слѣдовательно, по нашему счету, около одной трети милліона.

Когда Кенцингенъ былъ взятъ соединенными шайками, начальникъ шварцвальдцевъ условился здѣсь съ другими начальниками идти общимъ походомъ на Фрейбургъ.

Въ ожиданіи присоединенія остальныхъ отрядовъ, крестьяне посѣтили аббатство Понтерсталь, а 15-го мая изгнали дворянина Мартина ф. Рекенберль изъ его города Эльзаса на Эльзѣ; впрочемъ это послѣднее, можетъ быть, было дѣломъ банды Клеви Рюдиса.

Положеніе Фрейбурга было очень печально; войска здѣсь было слишкомъ мало, такъ какъ нѣсколько недѣль тому назадъ всѣ состоявшіе на службѣ города ратники были посланы на помощь ближайшимъ притѣсненнымъ городамъ: Витингену, Лауфенбургу и Секингену. На всѣ его просьбы никто не пришелъ къ нему на помощь, такъ что на самомъ опасномъ пунктѣ города Шлосберга, который господствовалъ надъ всею окрестностью, находилось всего только 124 человѣка воиновъ. Граждане, дворянство, духовенство, студенты университета, всѣ взялись за оружіе; прежде всего стали исправлять крѣпостныя укрѣпленія; съѣстныхъ припасовъ и огнестрѣльныхъ орудій было довольно. Когда шварцвальдцы расположились у Киркъ-Царгнена, фрейбургцы выслали спросить ихъ: къ чему они ходятъ толпами по странѣ, и что имъ сдѣсь нужно. Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха письменно отвѣчалъ имъ такъ: «Вы знаете всѣ притѣсненія, которыя мы терпѣли отъ господъ, и насъ крайне удивляетъ, что вы хотите помогать имъ принуждать насъ, бѣдныхъ крестьянъ, еще долѣе переносить ихъ противозаконную власть. Мы желаемъ, чтобы слово Божіе проповѣдывалось простолюдинамъ, мы желаемъ, чтобы оно соблюдалось всѣми, и потому дружески просимъ васъ присоединиться къ нашему братству, чтобы братскою любовью былъ скрѣпленъ вѣчный миръ и возстановлено божественное право». Въ тотъ же самый день писалъ онъ еще во второй разъ и угрожалъ народу. Рано утромъ на другой день пришелъ отвѣтъ. Городъ упоминалъ о своей присягѣ Австріи и соглашался быть посредникомъ для уничтоженія злоупотребленій нѣкоторыхъ дворянъ, шварцвальдцевъ же уговаривалъ уйти и подумать о томъ, какъ хорошо и богоугодно жить въ мирѣ. Крестьяне тотчасъ отвѣчали, что готовы исполнять все, что господа потребуютъ, согласно съ божественнымъ правомъ, но не болѣе того; пусть господа впередъ не говорятъ, какъ прежде, что они одни имѣютъ права, а что бѣдные люди своихъ правъ и силою пріобрѣсти не могутъ. На другой день 16-го мая шварцвальдцы писали опять, что они дѣйствуютъ за-одно съ своими товарищами, съ брейсгауской бандой, что Фрейбургъ долженъ присоединиться къ братству и для этого послать въ банду шесть выборныхъ отъ городскаго совѣта и шесть отъ общины.

Въ это время Гансъ Мюллеръ подошелъ съ своимъ войскомъ ближе къ городу и послалъ ему, какъ ультиматумъ, слѣдующее требованіе: «Хотите вы быть за одно съ нами, братья, мы будемъ жить съ вами побратски; если нѣтъ, то мы ворвемся въ вашъ городъ, и если вы обидите хоть одного изъ нашихъ людей, мы безпощадно истребимъ всѣхъ васъ.» Это посланіе подписалъ Гансъ Мюллеръ, предводитель Шварцвальда вмѣстѣ съ другими предводителями и съ совѣтниками святаго евангелическаго братства.

Въ этотъ же день, 17 мая, уже собрались около Фрейбурга банды изъ Брейсгау; съ городскихъ башень можно было насчитать до двадцати летучихъ отрядовъ; на западъ и сѣверъ расположились кейзерштульцы, банды нижняго маркграфства и Ортенау, противъ Кархзаршертоль, по горамъ—шварцвальдцы, а около нихъ на полѣ св. Георгія—банды верхняго маркграфства. Никто не могъ ни войти и не выйти изъ города. Городъ не отвѣчалъ на ультиматумъ. Крестьяне взяли сначала

монастырь на Іоганнсбергѣ и разграбили его. Затѣмъ закрыли шлюзы въ каналахъ Дрейзамы, чтобы лишить воды мельницы и колодцы города. Четыре крестьянина пробрались къ блокгаузу на Шлосбергъ,—маленькій тамошній гарнизонъ поспѣшилъ отступить, крестьяне призвали прочихъ и блокгаузъ былъ взятъ.

Дворяне сидѣли въ прекрасный майскій вечеръ въ городѣ и по обычаю пѣли, когда пять сотъ выстрѣловъ изъ Шлосберга на Мюстерскую площадь извѣстили ихъ о случившемся; «никто не зналъ, какъ это сдѣлалось». Цѣлую ночь всѣ стояли на рыночной площади, въ полномъ порядкѣ и въ вооруженіи. Въ темнотѣ крестьяне подняли на веревкахъ на гору пушки и укрѣпились на верху, а съ разсвѣтомъ началась канонада по городу. Они стрѣляли въ него такими тяжелыми ядрами, что многія стѣны, даже цѣлые дома разрушались. Крыши соборной башни были сбиты. Скоро Фрейбургская башня сравняется съ Кирх-Циртнеромъ, говорила чернь. Въ толпѣ поговаривали, что если городъ не сдастся самъ, то надо убить всѣхъ священниковъ, дворянъ и городскія власти. Одинъ крестьянинъ сказалъ: «если бы я могъ убить всѣхъ въ Фрейбургѣ однимъ выстрѣломъ, я не пожалѣлъ бы самого себя». Молодые дворяне города сдѣлали вылазку, но въ воротахъ были отбиты народомъ и одинъ изъ нихъ господинъ фонъ-Фалькенштейнъ былъ убитъ выстрѣломъ.

Съ распущенными знаменами банды въ полномъ составѣ обошли кругомъ города, чтобы показать осажденнымъ свое могущество.

Въ самомъ городѣ было много членовъ общины, которые частью находились въ тайномъ сношеніи съ осаждающими, частью считали дѣло крестьянъ своимъ собственнымъ.

Въ общинномъ собраніи одинъ изъ бюргеровъ прямо сказалъ: «кто за крестьянъ, тотъ подойдетъ ко мнѣ; ихъ дѣло—святое дѣло; оно будетъ имѣть успѣхъ!» Совѣтъ посадилъ его въ тюрьму, но по требованію цеховъ долженъ былъ возвратить заключенному свободу. Даже между стражей совѣтъ от-

крылъ измѣну и сильно опасался, чтобы часовые не стали черезъ стѣну вести переговоровъ съ крестьянами.

Городъ просилъ перемирія. Въ воскресенье вечеромъ Гансъ Мюллеръ согласился дать его до вторника, до 4-хъ часовъ утра. Между тѣмъ шли переговоры; крестьяне продолжали требовать отъ города вступленія въ евангелическое братство, и категорическаго отвѣта да или нѣтъ. Такъ какъ «да» не было сказано къ сроку, крестьяне снова начали канонаду. Осажденные просили продлить перемиріе до 8 часовъ утра. Опять собрался совѣтъ, и въ тотъ же день, во вторникъ 23-го мая, главный городъ Брейсгау присоединился къ крестьянамъ. Предводитель шварцвальдцевъ съ 300 вооруженныхъ крестьянъ былъ впущенъ въ городъ, чтобы взять съ гражданъ клятву на братство. Горожане, особенно скрывавшіеся въ городѣ прелаты и дворяне, должны были заплатить 3,000 гульденовъ контрибуціи,—этимъ они купили безопасность своей личности и своихъ имуществъ. Наказаніе, разрушеніе и дѣлежъ между городомъ и округомъ монастырей и церквей округа, все это должно было быть отложено до будущаго совѣщанія. Городъ долженъ былъ представить въ банду 4 огнестрѣльныхъ орудія, шелковое знамя съ гербомъ и извѣстное число войска.

Замѣчательно, что и при этомъ договорѣ главнымъ составителемъ котораго былъ предводитель шварцвальдцевъ, эрцгерцогъ Фердинандъ и австрійскій домъ играли туже роль, что и въ Гегау и Авгау.

Австрійское владычество было безусловно признано шварцвальдцами и всѣми другими предводителями. Это сочувствіе Ганса Мюллера австрійскимъ интересамъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на его отношенія къ Ульриху, герцогу виртембергскому, и къ виртембергской бандѣ,—отношеніе, имѣвшее вліяніе на ходъ всей великой войны.

Принявъ клятву и получивъ все требуемое, крестьяне отступили вечеромъ 24-го мая, наканунѣ Вознесенія. До деревни

св. Георгія провожали ихъ совѣтъ и граждане города; здѣсь ихъ встрѣтили депутаты города Брезока и договарились о мирѣ для своего города. Прежде однако, чѣмъ послѣдуемъ за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла въ этихъ мѣстностяхъ, мы должны спуститься въ Ортенау, въ Пфальцъ и пограничныя съ ними земли.

Банда, названная нами ортенауской, была лишь остаткомъ двухъ большихъ бандъ, распавшихся въ Ортенау.

Одна изъ нихъ стояла лагеремъ передъ Оберкирхомъ, а впослѣдствіи передъ Оффенбургомъ, другая—въ г. Шварцахѣ, между Бюлемъ и Штейнбеломъ, недалеко отъ Баденъ-Бадена.

Возставшая область принадлежала частью Австріи, частью Страсбургу, а преимущественно маркграфу Филиппу.

Даже во владѣніяхъ Филиппа, который былъ умнѣе и добрѣе другихъ лицъ своего сословія и своего времени, находилось столько горючаго матеріала, что маргграфскіе крестьяне поднялись въ окрестностяхъ Дурлаха въ первые же дни вспыхнувшаго движенія, и въ числѣ 150 человѣкъ, подъ предводительствомъ Ганса Винглера, окружили Дурлыхъ.—Горожане были за-одно съ крестьянами, они арестовали своего старшину 9-го апрѣля, на вербной недѣлѣ, и отворили ворота инсургентамъ. Эти послѣдніе взяли Пфалцгеймъ, разграбили и опустошили монастырь Гатесау и укрѣпились сами въ виртембергскомъ Шварцвальдѣ. Особенно отличались въ этой бандѣ крестьяне изъ Вергаузена.—Маркграфъ Филиппъ разсчитывалъ сначала устрашить ихъ строгостью. Онъ послалъ конницу въ Вергаузенъ и приказалъ ей поджечь нѣкоторые дома. Казалось, это подѣйствовало; крестьяне разошлись по своимъ хижинамъ; но вскорѣ ихъ снова увлекъ вѣтеръ, подувшій съ границы, изъ тѣхъ областей, которыя съ давнихъ поръ одни изъ первыхъ подняли Башмакъ. Это была уже упомянутая нами шайка Бруайнса, подъ начальствомъ Фридриха Вурма и Іоганна ф. Галля. Между Рейномъ и Кроохомъ, Перинцигомъ и нижнимъ Шварцвальдомъ собрались по большей части подданные шпейерскаго епископа. Въ большой деревнѣ Мальшъ на святой недѣлѣ соединилось около 500 человѣкъ крестьянъ. Шпейерскимъ епископомъ былъ тогда Георгъ, братъ Людвига, пфальцграфа рейнскаго. Вывѣдавъ чрезъ лазутчиковъ подробности происшествія, онъ старался миролюбивыми предложеніями и просьбами остановить возмущеніе какъ въ Мальшѣ, такъ и другихъ селеніяхъ. Мы, отвѣчали ему крестьяне, тому только будемъ повиноваться, кто сильнѣе и кто сумѣетъ защитить насъ. Банда въ Мальшѣ отправила къ сосѣднимъ общинамъ призывъ о помощи, и въ туже ночь прислано имъ въ Мальшъ хорошо вооруженное подкрѣпленіе.

Крестьяне напали на монастырскій погребъ въ Мальшѣ и заняли ближнюю гору. Епископъ, понимая какъ опасно медлить, тотчасъ же послалъ противъ нихъ дворянина Ганса ф. Бюкеля (Вагенгейма), брурайнскаго фогта съ своими всадниками. Онъ далъ ему еще нѣсколькихъ крестьянъ, поклявшихся въ вѣрности епископу; кромѣ того на пути съ ними присоединился пфальцскій маршалъ фонъ Габернъ съ 200 всадниковъ и легкой артиллеріей. Но конница могла только съ огромными потерями аттаковать расположившихся на горѣ крестьянъ, такъ какъ гора была защищена живою стѣною густо-росшаго винограда; а пѣшіе крестьяне, вмѣсто того чтобы сражаться съ бывшими на горѣ, перешли на ихъ сторону. Войско должно было отступить. Между тѣмъ возстаніе возрастало такъ быстро — особенно между прирейнскими жителями, что князь-епископъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Оденгейма (Филипсбургъ) къ своему брату курфюрсту, въ Гейдельбергъ. Возстаніе обнаружилось повсюду; города Бруксаль, Оденгеймъ, Кислау, всѣ близлежащія мѣстечки, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ, присоединялись къ крестьянамъ по первому призыву. Тутъ нечему дивиться, говорили при гейдельбергскомъ дворѣ, они всѣ точно злые духи, ни одинъ ни на волосъ не лучше другаго.

Распустивъ знамена возстанія, инсургенты перешли въ усмиренное уже маргграфство баденское и, соединившись съ его недовольными поселянами, вторгались въ церкви и кельи. Особенно пострадали отъ нихъ монастыри Герренальбъ и Фраунеальбъ.

Маркграфъ Филиппъ, желая предохранить свою страну отъ опустошенія, избралъ мирный путь, онъ уступилъ желаніямъ крестьянъ и заключилъ съ ними договоръ.

Также поступилъ онъ и въ Ортенау съ бандами оберкирхской и шварцвельдской. На собраніи въ Ахернѣ черезъ посредство своихъ совѣтниковъ и совѣтниковъ Страсбурга онъ вступилъ въ мирные переговоры съ крестьянами Ортенау. Банды объявили, что онѣ соединились «не вслѣдствіе злыхъ и враждебныхъ намѣреній и не для сопротивленія его власти», но для того, чтобы добиться реформатскаго богослуженія и облегченія налоговъ; маркграфъ Филиппъ и страсбургскіе совѣтники заслужили такое довѣріе со стороны крестьянъ, что обѣ банды разошлись мирно, оставивъ одинъ только отрядъ, чтобы вмѣстѣ съ совѣтниками господъ устроить свои дѣла и обезпечить свою участь на основаніи 12 статей. Къ 27 апрѣля жители Ортенау мирно воротились подъ свои кровли; только нѣкоторые отряды не приняли мирныхъ ахернскихъ предложеній и, составивъ ларишскую банду подъ начальствомъ Георга Гейда, направились въ Брейсгау, гдѣ мы и встрѣтились съ ними.

22-го мая былъ заключенъ договоръ между господами и крестьянами Ортенау, 25-го подтвержденъ клятвенно и закрѣпленъ печатью. Однако 12 статей не были вполнѣ приняты; маркграфъ не могъ этого сдѣлать безъ кореннаго нарушенія существующаго порядка. Во всякомъ случаѣ этотъ договоръ доставлялъ большія облегченія для его подданныхъ и подданныхъ другихъ князей: выборъ священника леннымъ владѣльцемъ, по представленію суда и комитета мѣстнаго собранія, проповѣди, сообразныя съ св. писаніемъ, увольненіе безъ

пансіона тѣхъ, которые хотя и занимали священническія мѣста, но по молодости не были способны для отправленія требъ; уничтоженіе мелкихъ податей, уменьшеніе податей на сѣно и коноплю на 20-ю часть; сборъ десятины виномъ и овощами для духовенства чрезъ выборныхъ; уничтоженіе платы за требы, на томъ основаніи, что священникъ долженъ заботиться безъ всякаго особеннаго вознагражденія о каждомъ прихожанинѣ; свобода выѣзда; неограниченная свобода женитьбы; внесеніе податей и отправленіе повинностей только въ мѣстѣ осѣдлости и соглашеніе различныхъ господъ между собою относительно этого предмета; отмѣна крѣпостнаго права, если оно будетъ вообще уничтожено въ священной имперіи; свобода охотиться на вредныхъ животныхъ и птицъ, исключая молодыхъ выводковъ, фазановъ и собственно дичи, съ тѣмъ чтобы она не приносила вреда овощамъ и плодамъ бѣдныхъ; чтобы каждому было предоставлено право огораживать, окапывать и иными способами охранять свое имущество; а также ловить и убивать звѣрей и дичь, напр. дикихъ свиней, которыя попадутся на ихъ собственной землѣ; возвращеніе крестьянамъ тѣхъ рыбныхъ ловлей, которыя, по мнѣнію старожиловъ, были у нихъ отобраны; выдача имъ, сообразно ихъ нуждамъ, строеваго и дровянаго лѣсу; барщина только для тѣхъ, которые обязаны были ею изстари, и то съ большими огранченіями, а именно, чтобы каждый мужчина отбывалъ для своего помѣщика барщины не болѣе 4 дней, въ продолженіе которыхъ помѣщикъ долженъ выдавать ему пищу или по 8-ми пфен. въ день; назначеніе податей, по безпристрастной оцѣнкѣ имущества; наказанія лишь по законному опредѣленію безпристрастныхъ присяжныхъ на мѣстѣ совершенія преступленія; возвращеніе отнятыхъ полей, луговъ, выгоновъ и усадебъ; опредѣленіе налога на наслѣдство, до общегосударственной реформы, по соразмѣрности, такъ чтобы получающій 50 гульденовъ платилъ всего $1/2$ гульдена, а получающій 100 и болѣе—не свыше одного.

Эти и другія облегченія маркграфъ баденскій Филиппъ и совѣтники гор. Страсбурга обѣщали крестьянамъ отъ себя и отъ имени другихъ владѣльцевъ—епископа Вильгельма страсбургскаго, Рейнгарда графа цвейнбрюкенскаго и властителя Битчи и Лихтенберга, Вильгельма графа Ганау, Вильгельма Гуммеля страсбургскаго, Вольфа фонъ-Виндека и родственныхъ имъ графовъ, господъ и рыцарей. Благородный князь доказалъ этимъ договоромъ, что понимаетъ библію лучше Лютера и Меланхтона и умѣетъ, руководясь правилами христіанской вѣры, выбрать изъ 12 статей то, что можетъ принести истинную пользу его крестьянамъ. Вопреки маккіавелевской политикѣ, которая учитъ, что князь можетъ обѣщать возставшимъ подданнымъ всѣ блага, чтобы потомъ отнять ихъ силою, или хитростью, вопреки княжеской дипломатикѣ, которая никогда не давала народу права войны и мира и даже въ справедливой необходимой оборонѣ противъ невыносимой несправедливости видѣла только бунтъ и оскорбленіе величества, вопреки всему этому маркграфъ Филиппъ выслушалъ народный стонъ нужды, вопль удрученнаго человѣчества; онъ понялъ его, понялъ и духъ времени, не ладившій со старымъ вѣковымъ гнетомъ и требовавшій свободы и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ; онъ понялъ также, что долгъ христіанскаго правителя — возстановлять спокойствіе въ государствѣ не обманомъ и оружіемъ, а справедливостью, умѣренностію, разумными и христіанскими мѣрами, которыя возобновили бы ослабшій союзъ между правителями и управляемыми.

И онъ былъ вознагражденъ за то не только Богомъ и потомствомъ, но и современниками: крестьяне какъ будто хотѣли доказать всему міру, что они могутъ быть христіанами и людьми, если исполняютъ ихъ просьбы, желанія и требованія, что они отвѣчаютъ жестокостью только на жестокость: ни одинъ изъ согласившихся на ахернскій договоръ не присталъ къ другой бандѣ, не сдѣлалъ никому вреда, и

по истеченіи срока ренхенскаго договора они оставались спокойными и вѣрными своимъ господамъ. Маркграфъ Филиппъ пріобрѣлъ признательность всего народа, даже за предѣлами своей земли.

Послѣ заключенія Филиппомъ договора съ своими крестьянами, брюрайнская шайка также отошла отъ маркграфства и направилась въ епископство шпейерское къ дурлахцамъ. Около половины банды переправилось чрезъ Рейнъ при деревнѣ Шрекъ и наводнило собой Шпенергау. Инсургенты расположились преимущественно въ монастыряхъ Гердъ и Мехтерсгеймъ; опорожнили погреба и хлѣбные амбары, уцѣлѣвшіе отъ ихъ предшественниковъ; потомъ при Рейнсгеймѣ они снова переправились черезъ Рейнъ и соединились здѣсь съ другою половиною своего отряда, рѣшившаго направиться къ Шпейеру и наказать тамошнее духовенство.

Передъ ними въ гердтскомъ монастырѣ побывали рейнпфальцы. Хотя курфирстъ Людвигъ рейнпфальцскій сдѣлалъ все, что только могъ, для охраненія своей земли отъ распространящаюгося пожара, однако искры этого пожара, были занесены и въ его владѣнія, и огонь, долго тлѣвшій подъ пепломъ, превратился въ страшное пламя. Въ Нусдорфѣ, прелестной деревушкѣ при Ландау, на Пасху былъ восьмидневный церковный праздникъ; сюда, по обыкновенію, собралось много крестьянъ сосѣднихъ деревень, и здѣсь-то 200 человѣкъ поклялись образовать банду. Въ ту же ночь они расположились на горѣ у монастырскаго двора и разослали по окрестнымъ деревнямъ отдѣльные отряды, которые разбудили крестьянъ и волей не волей заставили многихъ присоединиться къ союзу. Число инсургентовъ къ разсвѣту дошло уже до 500 челов. Они рѣшились идти въ Зибельтингерскую долину и присоединить тамошнихъ крестьянъ къ своему отряду. Яковъ Флекенштейнъ, курпфальцскій фогтъ въ Гермeнсгеймѣ, во время оповѣщенный о случившемся, въ туже ночь отправился съ своими всадниками въ Зибельтингерскую долину, уговаривая та-

мошнихъ крестьянъ идти вмѣстѣ съ нимъ противъ бунтовщиковъ Гайльвейлера, которые, между тѣмъ, услыхавъ о походѣ фогта и чувствуя свою слабость, сами разсѣялись, какъ дымъ. Флекенштейнъ уѣхалъ домой съ увѣренностію, что все спокойно. Однако черезъ нѣсколько дней движеніе снова началось съ удвоенной силой, молодые и старые крестьяне собирались толпами въ гердтскомъ монастырѣ, въ домѣ іоаннитовъ, на монастырскомъ дворѣ въ Лихтерсбейнѣ, ѣли и пили день и ночь и угоняли тучныя, монастырскія стада.

Они оправдывали свои сборища подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы собираются дать отпоръ гайльвейлерскимъ шайкамъ. Большею частью это были крестьяне деревень Неукастеля, Магдебурга, Кирхвейнской и Зибельтингерской долины. Они соединились вскорѣ съ поселянами Нусдорфа и Гейльвейлера. Около Эльзаса всѣ эти шайки соединились съ нижнеэльзаскою бандою. Они занимали всѣ окрестные монастыри, мѣстечки и замки; сожгли мужской монастырь въ Эйзенсталлѣ и женскій въ Гейльсбрюнѣ; той же участи подверглись нѣкоторые бурги. Потомъ всѣ шайки, разошедшіяся было для осады церквей и замковъ, соединились и направились къ Винцингену; 30 апрѣля они расположились лагеремъ въ Фихбергѣ у Нейштадта на Гардтѣ. Къ 1 мая граждане Нейштадта, запуганные угрозами крестьянъ, открыли имъ ворота своего превосходно укрѣпленнаго города. Бюргеры сами заставили городское начальство согласиться на предложенія крестьянъ, которые устроили въ городѣ свою главную квартиру.

Въ тоже время крестьяне, сначала въ числѣ только 300 человѣкъ собрались и во владѣніи графа фонъ-Лейнингенъ у Бокенгейма. Усилившись новыми пришельцами изъ Предерсгейма, они подвигались впередъ отъ мѣстечка къ мѣстечку и постоянно увеличивая свой отрядъ, дошли до Гахгейма у Вормса; 30 апрѣля въ полдень они остановились въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, а вечеромъ отправились въ женскій-же монастырь въ Либенау, оттуда въ Неугазенскій мо-

настырь, гдѣ къ нимъ присоединились два каноника: Филиппъ Шиндель и Сикстъ Майеръ; они захватили съ собой монастырскіе запасы, и отправились къ замку Флерегейму, принадлежавшему дворянину фонъ-Дальбергу; туда ихъ впустили очень скоро; крестьяне принудили 40 человѣкъ слѣдовать за собой и обязали гражданъ присягою присоединиться къ ихъ союзу. Затѣмъ они повернули къ Остгофену, опустошили тамошній монастырь, принудили всѣхъ сосѣднихъ крестьянъ вступить въ ихъ братство и расположились лагеремъ въ большомъ лейнингенскомъ мѣстечкѣ Бехтгеймѣ. Отсюда они перешли въ Вестгофенъ—самую живописную часть этой страны—остановились на развалинахъ Розенберга за Вестгофеномъ и, въ числѣ 3000 человѣкъ, расположились въ курфальцскомъ Альцеѣ.

Пфальскій дворъ, сначала тѣшившій себя пословицами въ родѣ того, что «свой свояка видитъ изъ далека» и что «мужикъ, какъ двѣ капли воды, походитъ на мужика», отправилъ наконецъ въ Альцей маршала Вильгельма фонъ-Габернъ съ 300 конныхъ и 500 пѣшихъ, чтобы помѣшать дальнѣйшему распространенію возстанія. Узнавъ на пути, что крестьяне расположились у Вестгофена, Габернъ направился туда. Когда вѣсть объ этомъ достигла до крестьянъ, всѣ бывшіе въ Вестгофенѣ перешли оттуда въ окруженный виноградомъ Розенбургъ и приготовились къ отпору. При всемъ желаніи дать сраженіе, маршалъ, видя, что крестьяне слишкомъ хорошо защищены виноградниками, не захотѣлъ жертвовать своими людьми. Онъ трижды направлялъ на крестьянъ своихъ стрѣлковъ, но не могъ похвастать успѣхомъ этой атаки; только съ наступленіемъ ночи, когда крестьяне, не имѣя оружія, воротились въ Нейштадтъ, онъ приказалъ своимъ всадникамъ заколоть шестьдесятъ крестьянъ, вѣроятно, безоружныхъ вестгофцевъ, потому что отступленіе инсургентовъ мало походило на бѣгство и происходило въ такомъ порядкѣ, что по пути отъ Вестгофена до Нейштадта они еще увиличили число своихъ братьевъ, а

маршалъ и не подумалъ о преслѣдованіи или атакѣ. Крестьяне расположились въ мѣстечкѣ Вагенгеймѣ, сосѣдній монастырь Лимпургъ доставлялъ имъ вдоволь средствъ, и отсюда они употребляли всѣ усилія, чтобы присоединить къ своему дѣлу всю окрестность.

Курфирстъ Людвигъ пфальцскій, не собравшій войска, достаточнаго для того, чтобы дѣйствовать силой, рѣшился съ своими совѣтниками прекратить зло мирными средствами. Переговоры въ родѣ ахернскихъ готовы были открыться; но еще до начала ихъ произошли важныя событія въ Шпейерѣ.

Когда брурайнско-шпейерскій отрядъ (у Филинсбурга) подошелъ къ Шпейеру, епископъ Георгъ рѣшился дѣйствовать самъ. Городъ издавна былъ въ раздорѣ съ духовенствомъ изъ-за своихъ правъ, потерянныхъ при епископѣ, и вполнѣ сочувствовалъ новому ученію. Каноники такъ мало надѣялись на сколько нибудь хорошій для себя исходъ дѣла, что просили сдѣлать ихъ гражданами города. Городской совѣтъ снесся съ гейльброннскимъ совѣтомъ, дастъ ли тотъ гражданство духовенству; епископъ опасался, что внутреннее броженіе въ городѣ подоспѣетъ на помощь крестьянскому возстанію, и лишь только инсургенты покажутся у воротъ, всѣ сокровища соборной церкви погибнутъ вмѣстѣ съ городомъ; онъ взялъ крестъ и вмѣстѣ съ вормскимъ совѣтникомъ Дитрихомъ фонъ-Дальберхомъ и Бернгардомъ Гелеромъ равенсбургскимъ отправился въ лагерь крестьянъ, получивши напередъ отъ нихъ надежныхъ проводниковъ; здѣсь, по примѣру многихъ другихъ владѣльцевъ, епископъ самъ заключилъ договоръ съ своими подданными и, чтобы заставить ихъ скорѣе отступить, обѣщалъ, что духовенство Шпейера пошлетъ въ Рейнгаузенъ 200 мальтеровъ хлѣба, 25 бочекъ вина и на 100 гульденовъ мяса. 30 апрѣля крестьяне снялись съ лагеря и, отпраздновавъ заключеніе договора, съ дозволенія своихъ начальниковъ разошлись по домамъ; предводители съ канцеляріей и небольшимъ отрядомъ остались въ Брюксовѣ; отсюда они продолжали сно-

шенія съ деревнями, такъ что въ случаѣ нужды тотчасъ же могли собрать подъ свои знамена 5000—6000 вооруженныхъ людей. Курфирстъ пфальцскій поступилъ по примѣру своего брата—епископа: онъ извѣстилъ крестьянъ о желаніи войти съ ними въ мирныя соглашенія. Граждане Нейштадта были посредниками между нимъ и крестьянами. Начальники и совѣтники стоявшихъ у Винцингена и Фрихберга отрядовъ назначили день, часъ и мѣсто переговоровъ; курфирстъ долженъ былъ явиться лично на слѣдующій день въ среду, 10 мая, съ восходомъ солнца, на открытое поле у деревни Форстъ съ своими совѣтниками; онъ могъ взять съ собою конвой, но не болѣе какъ въ числѣ тридцати всадниковъ.

Въ назначенномъ мѣстѣ курфирстъ сошелся съ крестьянскими депутатами; тѣ приняли его съ почетомъ. Начались переговоры; оба войска Вагенгейма и Винцингена съ распущенными знаменами отступили и стали вдали. Послѣ долгихъ переговоровъ обѣ стороны согласились, что жалобы крестьянъ будутъ обсуждены на предстоящемъ ландтагѣ, и ихъ справедливыя требованія будутъ исполнены на основаніи 12 статей; тѣ пункты, на которые дворянство согласно вполовину, будутъ обсуждены отдѣльно,—на которые же оно вовсе не можетъ согласиться, будутъ предоставлены рѣшенію государственныхъ сословій (die Stände des Reichs). Крестьяне должны были возвратить владѣльцамъ взятые ими замки, города и мѣстечки, не вынося оттуда ничего, и разойтись по домамъ. Людвигъ же съ своей стороны объявилъ полную амнистію. Договоръ былъ подтвержденъ взаимною клятвою. Послѣ того оба войска возвратились въ лагери, а курфирстъ въ сопровожденіи нейштадтскихъ гражданъ возвратился въ городъ. На слѣдующій день крестьянскіе предводители снова пришли къ курфирсту, чтобы назначить вмѣстѣ съ нимъ время и мѣсто для всеобщаго ландтага. Онъ пригласилъ ихъ къ своему столу и крестьяне сидѣли за однимъ столомъ, ѣли и пили вмѣстѣ съ своимъ князёмъ. Курфирстъ назначилъ мѣсто и

день и отпустилъ ихъ милостиво. Потомъ онъ отправился въ Гейдельбергъ и извѣстилъ весь Пфальцъ о всеобщемъ сеймѣ въ Гейдельбергѣ на Духовъ день, отдавъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе всѣмъ дворянамъ, рыцарямъ и чиновникамъ не нарушать ни въ чемъ составленный договоръ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Начало безпорядковъ въ Виртембергѣ.

Крестьянинъ деревни Диттрихъ, Маркъ-Генкштейнъ, первый принесъ въ Бакнангъ извѣстія о вейнсбергскихъ событіяхъ; онъ, какъ и другіе бывшіе съ нимъ крестьяне изъ Бакнанга, были до того утомлены, что не могли продолжать путь дальше; викарій пробста сообщилъ страшную вѣсть въ Штутгардтъ, гдѣ въ это время собралось земство. Изъ Штутгардта это извѣстіе было тотчасъ же послано въ Ульмъ, союзному совѣту, вмѣстѣ съ просьбою о помощи. Изъ Ульма на просьбу о помощи отвѣчали выраженіемъ сожалѣнія о несчастіи, постигшемъ страну, но обвиняли во всемъ эрцгерцога, правительство и самое земство и удивлялись ихъ нерадѣнію, медлительности и неосторожности; каждый долженъ самъ укрѣплять свои крѣпости и города, а въ Виртембергѣ ни одинъ замокъ не укрѣпленъ. Уже давнымъ давно было извѣстно, что гогенлохскіе крестьяне возстали и направляются на княжество, а между тѣмъ ни одинъ человѣкъ не былъ высланъ на защиту границы и даже крѣпость Вейнсбергъ не была готова къ оборонѣ. Теперь

требуютъ немедленной помощи отъ союза, но союзъ не можетъ безъ большого риска раздѣлить и ослабить свои силы. Австрія до сихъ поръ еще не исполнила ни одной изъ своихъ обязанностей, какъ союзнаго государства. Даже эрцгерцогское войско, состоявшее при союзѣ, — которому слѣдовало уплатить 6,000 гульденовъ жалованья, не могло ничего получить отъ его свѣтлости. Еслибы эрцгерцогъ ничего не сдѣлалъ, то пришлось бы вернуться съ поля по домамъ со стыдомъ и позоромъ. Союзъ можетъ обѣщать несчастному княжеству одно только: что Георгъ Трухсесъ, справившись съ швабами, тотчасъ же двинется къ Виртембергу. Княжество виртембергское дѣйствительно находилось въ безпомощномъ состояніи, кой-какія приготовленія къ отпору были въ высшей степени недостаточны. Самого эрцгерцога не было въ странѣ; все войско, какое только могъ набрать, онъ долженъ былъ послать брату въ Италію. Казна была пуста, особенно благодаря приготовленіямъ, которыя дѣлались еще противъ герцога Ульриха; народъ былъ большею частью недоволенъ, такъ что на него положиться было нельзя. Въ февралѣ и позже начали появляться строжайшія приказанія пограничнымъ чиновникамъ стоять твердо противъ гегаускихъ, шенкскихъ и гмюдскихъ крестьянъ. Священникамъ и монахамъ, въ виду опасности предстоявшей не только святой вѣрѣ, но и всѣмъ властямъ, приказано было творить особыя молитвы о спасеніи святой церкви и властей и о дарованіи мира. Въ то же время фогты и рыцари, находившіеся на службѣ, получили строжайшіе приказы сопротивляться инсургентамъ и запрещать всякія сношенія подданнымъ съ бунтовщиками. Но никто не позаботился снабдить княжество войскомъ; напротивъ эрцгерцогъ еще потребовалъ изъ Виртемберга восемьдесятъ вооруженныхъ всадниковъ, чтобы отправить ихъ въ Миланъ. Георгъ Трухсесъ, раздраженный этимъ, писалъ своему двоюродному брату, штатгальтеру, что лучше было бы присылать войска въ Виртембергъ, чѣмъ требовать ихъ отъ него. Земство настоятель-

*

но просило Фердинанда позаботиться о странѣ, которой со всѣхъ сторонъ грозятъ нападаніемъ, просило, чтобы онъ прислалъ войска и самъ лично бы пріѣхалъ въ Ульмъ. Съ герцогомъ Ульрихомъ онъ долженъ былъ бы какъ нибудь помириться, чтобъ съ этой стороны избавиться отъ заботъ и издержекъ. Они совѣтовали ему также освободить доктора Мантеля, такъ какъ его арестъ возбудилъ сильное неудовольствіе, и придется во всякомъ случаѣ выпустить его,—лучше сдѣлать это теперь взявъ съ него клятву, что онъ оставитъ княжество. Но земство на всѣ свои просьбы ничего неполучало, кромѣ постоянно повторяемыхъ увѣреній, что почти всѣ распоряженія сдѣланы, и войско скоро придетъ на помощь княжеству; а до тѣхъ поръ они должны стоять твердо, какъ слѣдуетъ набожнымъ людямъ. Самъ же князь никакъ не можетъ выѣхать изъ Тироля, но молится съ другими князьями о спасеніи Виртемберга. Это было отчасти справедливо. Австрійское правительство пригласило Пфальцъ, Баденъ, Гессенъ и Триръ составить частный конгрессъ въ Мосбахѣ, чтобы общими силами дать отпоръ возставшимъ крестьянамъ. На этомъ конгрессѣ всѣ и въ особенности курфирстъ Лудвигъ пфальцскій обѣщалъ штутгардтскому правительству помощь, но безпорядки, вспыхнувшіе въ его собственныхъ владѣніяхъ, помѣшали ему выполнить это обѣщаніе. А между тѣмъ въ Виртембергѣ уже началось движеніе. Оно было тѣмъ непріятнѣе австрійскому правительству, что въ немъ принималъ участіе изгнанный герцогъ.

Возстаніе прежде всего обнаружилось въ Урахѣ, Мюнзингерѣ и на блаубернскихъ альпахъ; въ то же время поднялся балингерскій округъ и Розенфельдъ; въ этихъ послѣднихъ округахъ, равно какъ въ Вутлингенѣ и окрестностяхъ Швенингена, безпокойства проявлялись еще въ декабрѣ, февралѣ и мартѣ. Безпрестанно возникали тайныя общества, не смотря на увѣщанія фохта, представлявшаго бунтовщикамъ, что ихъ силы—ничтожная былинка въ сравненіи съ силами всего земства. Крестьяне балингерскаго округа соединились съ

розенфельдерцами, и балингенская банда снова появилась въ Гегау, угрожая Балингену. Однимъ изъ ея предводителей былъ пасторъ изъ Дигезгейма. Фохту Гуго Вернеру было трудно защищать городъ, такъ какъ онъ не могъ довѣрять своимъ собственнымъ людямъ. «Я не имѣю болѣе никакой власти,—писалъ онъ,—я того только и гляжу, что они сами убѣгутъ къ бунтовщикамъ». На урахскихъ альпахъ, гдѣ со времени бѣднаго Конрада волненія не прекращались, уже въ началѣ февраля собралось около четырехсотъ крестьянъ, твердо рѣшившихся не давать болѣе десятинъ, никому не принадлежать, ни работать на господъ, защищать всякаго отъ притѣсненій дворянъ и уничтожить замки и монастыри. Много, говорили они, было совѣтовъ и совѣщаній, но ни на одно изъ нихъ не пригласили крестьянъ; теперь наступила ихъ пора, они будутъ заключать союзы и совѣщаться, не приглашая ни одного господина, ни одного благороднаго. Такъ доносилъ правительству Леонардъ фонъ-Штейнъ отъ 5 февраля 1525 года. Въ срединѣ марта взволновались крестьяне эбингенскіе и мюнцингенскіе, крестьяне съ урахскихъ альпъ пристали къ нимъ, и волненіе распространилось до леннингской долины.

Когда лейпгеймерцы поднялись на Дунаѣ, къ нимъ прибыли въ день Благовѣщенія съ развѣвающимися знаменами блауберерцы, а когда лейпгеймерская банда 4 апрѣля разсѣялась, тысячи бѣглецовъ переправились чрезъ Дунай къ Виртембергу, перешли альпы и остановились лагеремъ близь Пфулингена. Рудольфъ Эгингенскій, оберфохтъ тюбингенскій, собиралъ противъ нихъ войско; но солдаты, которые должны были бросать дома, женъ и дѣтей, шли очень неохотно. Крестьяне вокругъ Вейнгельма, Нюртенгена и въ эрихской долинѣ также взволновались. «Мятежники уже появляются, въ городѣ и округѣ начинаются безпорядки», писалъ правительству Рейнгардтъ Шпетъ, начальникъ города Ураха. У Пфуленгангена изъ близь лежащихъ долинъ и дальнихъ мѣстъ собралось до тысячи крестьянъ. Городъ 6 апрѣля отворилъ имъ ворота, мя-

тежники потребовали, чтобы вольный имперскій городъ Рейтлингенъ примкнулъ къ евангелическому братству; они могли разсчитывать на это тѣмъ болѣе, что Рейтлингенъ за своего реформатора Альбера и свой евангелизмъ находился подъ опалою и отлученіемъ. Но Альберъ и городской совѣтъ держали общину въ рукахъ, такъ что жители города отказали крестьянамъ и впустили союзный отрядъ, присланный швабскимъ союзомъ и виртембергскими штатгальтерами противъ крестьянъ. Послѣ этого крестьяне отошли отъ Фуллингена, между тѣмъ какъ туда стали стягиваться рейтары и ополченцы изъ Тюбингена и Ураха подъ предводительствомъ Дитриха Шпета, оберфохта гагенъ-урахскаго. Особенно сильные толки возбуждали знамена крестьянъ и таинственные разсказы о ихъ предводителѣ. У инсургентовъ было два бѣлыхъ шелковыхъ знамени съ изображеніемъ Бога съ распростертыми руками, внизу находился образъ Божіей матери и въ каждомъ углу по оленьему рогу. «Скоро,—говорили они,—узнаютъ, кто нашъ начальникъ». Эти слова, а также изображенія оленьихъ роговъ на знаменахъ заставляли предполагать, что этотъ начальникъ былъ никто иной, какъ изгнанный герцогъ Ульрихъ.

2 апрѣля шайки, отдѣлившіяся отъ гайльдорфской банды, ворвались въ Гепихнеръ, чтобы присоединить къ своему союзу виртембергскихъ вассаловъ.

И такъ пламя обнимало со всѣхъ сторонъ княжество Виртембергское, а между тѣмъ, за исключеніемъ Тюбингена и Вутлингена, всѣ крѣпости и укрѣпленныя мѣста, не смотря на всѣ просьбы и донесенія чиновниковъ, были въ самомъ жалкомъ состояніи; затрудненіе увеличилось еще болѣе, когда два первыхъ члена военнаго совѣта, стольникъ Вильгельмъ, штатгальтеръ Вальсбурга, и канцлеръ докторъ Винкельгаферъ написали 11 апрѣля изъ Тюбингена въ Штутгардтъ, что они оба опасно заболѣли и потому просятъ освободить ихъ отъ всѣхъ занятій и заботъ. Изъ Ураха Дитрихъ Шпетъ

жаловался, что въ замкѣ и городѣ мало запасовъ, что онъ уже нѣсколько разъ доносилъ объ этомъ, но не получалъ никакой помощи. Фохтъ сильной, большой крѣпости Нейфена доносилъ, что ему не доставляется ни съѣстныхъ припасовъ, ни вина, ни денегъ, что въ гарнизонѣ насчитывается всего шесть человѣкъ, и что даже и имъ онъ не въ состояніи платить жалованья: онъ просилъ прислать ему денегъ и побольше людей, а также перевести къ нему трехъ храбрыхъ поповъ, которые находились въ городѣ Нейфенѣ и могли быть полезны при защитѣ замка. Гансъ Бальденъ изъ Гертенска, посланный начальниками въ Мульбронъ просилъ отставить его, такъ какъ его люди служатъ неохотно, у него нѣтъ денегъ на жалованье солдатамъ, нѣтъ ни пороху, ни пуль, ни оружія и потому онъ не въ состояніи принести никакой пользы. Больше всѣхъ жаловался бургфохтъ Бастіанъ Емгартъ фонъ-Гегенаспергъ: въ Марбахъ, Безихгеймъ и въ другія мѣста всюду послали войска, писалъ онъ, а объ Аспергѣ, кажется, совсѣмъ забыли; на всѣ его письма къ штатгальтеру онъ не получаетъ не только людей и денегъ, но даже и отвѣта. Если случится несчастіе, онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности. У него въ Аспергѣ нѣтъ франкфуртской ярмарки, гдѣ бы онъ могъ достать все нужное; само правительство въ Тюбингенѣ снабжено всѣмъ, и ему, какъ кажется, нѣтъ дѣла до того, что будетъ съ городами и замками, лишь бы оно само было въ безопасности. Битва подъ Рейнсбергомъ окончательно унизила, смутила и ошеломила правительство. Фохты жаловались, что они не только не получаютъ отвѣтовъ, но даже не знаютъ, гдѣ находится правительство; нѣкоторые вернулись изъ Штутгардта съ извѣстіемъ, что никто не принялъ отъ нихъ писемъ. Примѣру военнаго совѣта послѣдовали многіе чиновники и тоже оставили свои посты; это были большею частью или явные враги герцога Ульриха, или люди особенно ненавистные народу за свою жестокость,—и тѣ и другіе считали себя небезопасными

и хотѣли стушеваться на время возстанія. Такъ Буркартъ Фюрдереръ, фохтъ Штутгарда, смертельный врагъ Ульриха, бѣжалъ въ Асперrъ; его братъ Іаковъ, киргеймскій фохтъ,—въ замокъ Нейфенъ; онъ доносилъ правительству, что поссорился изъ-за герцога Ульриха съ нѣкоторыми негодяями, которые, соединившись съ крестьянами, поносятъ власти и дворянство, и что его всѣ предостерегали не оставаться въ Кирхгеймѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ чернь въ Вейнсбергѣ такъ страшно отомстила господамъ, ни одинъ аристократъ не могъ считать себя безопаснымъ въ своемъ округѣ, австрійцы бѣжали изъ Штутгарда въ Тюбингенъ, а возстаніе между тѣмъ охватывало одинъ округъ за другимъ. Не смотря на всѣ доводы, которыми земство старалось отклонить правительство отъ созванія, при такихъ обстоятельствахъ, ополченія, оно не могло противопоставить ничего другаго приближающимся оденвальдцамъ и бокингерцамъ. Лауфенъ, городокъ на Некарѣ, которому прежде всего угрожала опасность, былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ ополченія.

Въ ботвартской долинѣ, непосредственно граничащей съ страною гейльбронскою, на вербную недѣлю происходили выборы, и оберъ-фохтъ Дитрихъ фонъ-Вейлеръ отправился въ Вейнсбергъ успокоенный, такъ какъ городъ и округъ обѣщали быть вѣрными правительству и не признавать герцога Ульриха своимъ господиномъ. Утромъ 16 апрѣля въ день Христова Воскресенія было назначено выступить въ Лауфенъ. Выбранныхъ ополченцевъ предъ выступленіемъ, по обычаю, угощали виномъ въ ратушѣ. Вдругъ поднялся ропотъ, часть выбранныхъ отказывалась идти. Дитрихъ фонъ-Вейлеръ сильно обманулся, принявъ мнѣнія нѣкоторыхъ за общее настроеніе. Пламя возстанія вспыхнуло и здѣсь. Яклейнъ занесъ его сюда: въ воскресенье, на пятой недѣлѣ поста, проѣзжая въ Зонтгеймъ и Гардтахъ, онъ останавливался въ Бельштейнѣ и Ботварѣ. Фогтъ и почетные граждане выгнали его тогда; но онъ достигъ-таки своей цѣли, какъ это доказалъ настоящій случай. Послы свѣтлой банды, прибывшіе изъ Некарсульма, еще

прибавили горючаго матеріала. Замѣтивъ настроеніе отряда, фогтъ взялъ отпускъ. Въ долину пришло извѣстіе о приближеніи свѣтлой банды къ Вейнсбергу. Всю пасху въ Ботварѣ продолжались волненія и безпокойства. Въ подстрекателяхъ не было недостатка. Еще во время бѣднаго Конрада Гросботваръ принадлежалъ къ мѣстностямъ, гдѣ впервые загорѣлось возстаніе. Многіе изъ дѣятелей того времени жили еще и теперь, нѣкоторые только-что вернулись на родину послѣ десяти-лѣтней ссылки, напр. Людвигъ Дитрихъ, Михаилъ Кранцеръ, Бортгекъ, Ульбахеръ. По сосѣдству, въ бѣдномъ Концѣ, Кирхбергерцы подняли знамя бѣднаго Конрада,—знамя башмака, а въ Бейльштейнѣ, за милю оттуда, еще жилъ аптекарь, мастеръ Ебфгардъ, который въ созваніи ландтага видѣлъ только желаніе правительства надуть добрыхъ людей *). На первыхъ же порахъ оказалось, что въ долинѣ были люди, которые знали, какъ слѣдуетъ дѣйствовать во время возстанія.

Между Бейльштейномъ и Ботваромъ, около деревни Винцергаузенъ, возвышалась поросшая лѣсомъ и виноградникомъ гора Виненштейнъ. На вершинѣ горы стояла церковь во имя св. архангела Михаила, древняя чтимая святыня, привлекавшая тысячи богомольцевъ. Народная вѣра приписывала этому грому особенную благодать. Звонъ Анны Сусанны—такъ назывался большой освященный колоколъ—далеко разгонялъ собиравшіяся тучи, и часто сосѣдніе крестьяне думали, что градъ, падавшій на поля ихъ, посланъ имъ этимъ колоколомъ. И на этотъ разъ гроза началась въ Вунненштейнѣ, пронеслась надъ ней безъ малѣйшаго вреда и разразилась надъ цѣлымъ Виртембергомъ. На Вунненштейнъ сбѣгались бюргеры и крестьяне. Цѣлый день собирался народъ. Вечеромъ только раздался колокольный звонъ, изъ всѣхъ домовъ и улицъ города

*) Штутг. государствен. архивъ.

вышли вооруженные люди, молодые и старые, и отправились къ горѣ. Фогтъ Гансъ Гейнрихъ Шертлинъ и бургомистръ употребляли все свое краснорѣчіе, чтобъ уговорить ихъ не ходить хоть въ этотъ день; они обѣщали имъ даровую попойку, два ведра вина и десять гульденовъ на угощеніе; но, не смотря на то, всѣ бѣжали на гору. Мельхіоръ Ульбахеръ сталъ во главѣ возставшихъ.

Тогда городской писецъ обратился къ священнику Петру съ просьбою пойти за ними и убѣдить ихъ возвратиться. Можетъ быть, это былъ тотъ самый Петръ, который десять лѣтъ тому назадъ занималъ священническое мѣсто, тотъ самый Петръ Гмейтлинъ, который отличился во время бѣднаго Конрада. Судя по описанію, это былъ онъ. Городской писецъ говорилъ объ немъ: «священникъ пользуется большимъ вліяніемъ на народъ, можетъ быть, онъ и виноватъ, что они разбѣжались, потому что онъ лютеранинъ.» А между тѣмъ число бѣглецовъ росло съ минуты на минуту; принуждены были выдать имъ барабаны и знамена, и они отправились на Вунненштейнъ. На горѣ они расположились лагеремъ. Ихъ можно было видѣть изъ-далека; при наступленіи ночи, сторожевые огни ихъ были видны за Бельштейномъ съ высотъ Вейнсбергерталя, изъ замка Левенштейна, изъ помѣстья Лихтенберга, изъ монастыря Оберстенфелльдъ, съ высотъ Буха, съ развалинъ древняго родоваго виртембергскаго замка, съ Асперга, съ Штрамберга, изъ крѣпости Гогенштейнъ, изъ замка нѣмецкаго ордена Штосгейма, изъ башень замка Вейлера, на Штейнѣ, изъ помѣстья Штетенфельза, изъ рыцарскихъ крѣпостей Гельфенбергъ и Вильдекъ—со всѣхъ высотъ и укрѣпленныхъ дворянскихъ замковъ, болѣе чѣмъ изъ 40 мѣстъ въ окружности,—три ночи сряду можно было видѣть на Вунненштейнѣ сторожевые огни безпрестанно прибывавшей крестьянской толпы, наводившіе ужасъ на всѣхъ, до кого дошла вѣсть о вейнсбергскихъ событіяхъ. Но и съ Вунненштейна въ первую же ночь были видны сотни мерцающихъ сквозь туманъ факеловъ и огней, со стороны

Цапергейга. Этотъ яркій огонь блестѣлъ не на Штрамбергѣ, а далѣе, на Гейгельбергѣ, мрачную вершину котораго окаймляли грозныя стѣны рыцарскаго замка. Тамъ ихъ братья приводили въ исполненіе шварцвальдскіе параграфы. И въ многолюдномъ, богатомъ лугами, плодоносномъ Цабергейгѣ, между Штрамбергомъ и Гейгельбергомъ, бѣдный Конрадъ имѣлъ также много приверженцевъ, какъ и въ Батварѣ. Тамъ, въ Пфафенгофѣ, на мосту около церкви 10 лѣтъ тому назадъ раздался крикъ: «Тутъ стоитъ бѣдный Конрадъ, я—бѣдный Конрадъ, кто любитъ меня, пусть идетъ за мною.» Тамъ же въ Гюглингенѣ, Каспиръ Сумменгордъ, Павелъ Кольбъ и рыжій Этдерло съ колокольнымъ звономъ провозгласили свободу общины и кричали передъ домомъ фогта: «Здѣсь стоитъ бѣдный Конрадъ, вся земля его, и нѣтъ господъ, кромѣ него!» Тамъ находился и Бракенгеймъ, жители котораго вздумали однажды штыками приводить народъ къ бѣдному Конраду и объявили, что дѣлиться съ бѣдными, — обязанность богатыхъ *). Буря 1525 года только раздула пламя, таившееся здѣсь подъ пепломъ съ 1514 года.

Около Ганса Вундерера изъ Пфафенгофа собралась банда изъ жителей Бракенгейма, Меймегейма, Гаузена, Хабесшлохта, Клеброна и Кирхейма на Некарѣ. Генрихъ Гусфъ фонъ-Кирхенгеймъ сказалъ рыцарю Петру фонъ-Либенштейну: «я сорву съ тебя шпоры, такъ что у тебя изъ пятокъ потечетъ кровь.»

Въ ночь съ перваго на второй день пасхи инсургенты напали на замокъ Штоксбергъ. Вскорѣ имъ удалось взять этотъ сильно укрѣпленный пунктъ. Они нашли въ немъ богатые запасы и оружіе: 6 пищелей, 15 ружей, 2 фальконета и 1 небольшую мортиру. Затѣмъ они подожгли замокъ и съ разсвѣтомъ пламя объяло это величавое и великолѣпное зданіе, Бракенгеймъ еще держался противъ крестьянъ; они обрати-

---

*) Штутгард. государствен. архивъ.

лись къ Дердингену на виртембергской границѣ, извѣстному въ исторіи союзнаго башмака, а оттуда во владѣнія маульбраннскаго монастыря; заставили тамошнихъ крестьянъ присягнуть себѣ и потомъ напали на самый монастырь. При приближеніи крестьянъ, аббатъ и монахи бѣжали изъ монастыря, ибо замѣтили, что ихъ люди также высказываютъ неудовольствіе, а слугъ у нихъ было очень немного. Однако и эти не многіе такъ храбро защищали замокъ, что прекрасное зданіе ни мало не потерпѣло отъ крестьянъ. Около Маульбронна инсургенты соединились съ брухрайнскими крестьянами. Брухрайнъ былъ первою колыбелью союза башмака; тамъ еще на первыхъ дняхъ страстной недѣли составилась банда подъ предводительствомъ 2-хъ бруксальскихъ бюргеровъ, Фридриха Вурма и Іоанна фонъ-Галля. Усиленный ихъ помощью Гансъ Вундереръ, узнавъ о ботварскомъ возстаніи, возвратился въ Виртембергъ, потребовалъ 18 апрѣля отъ Браненгейма, а 19 отъ Битингтема, присоединенія къ евангелическому братству и въ тотъ же день разграбилъ и частью сжегъ монастырь Рехентсгофенъ. Въ посланіи къ Битингейму говорилось такъ: «Всемогущій Богъ просвѣтилъ насъ своимъ словомъ и далъ намъ возможность понять, что мы до сихъ поръ были лишены не только насущнаго хлѣба, но и духовной пищи; онъ даруетъ намъ теперь и, какъ мы твердо увѣрены, дастъ впредь силу и власть, потому просимъ васъ придти и помочь намъ; въ противномъ случаѣ вамъ будетъ худо» *).

Банда сожгла въ Боннингеймѣ Ганербенскій замокъ. Изъ Рехентсгофена она отправилась къ вейнсбергской и боттвардской долинамъ, такъ какъ послы отъ тамошнихъ инсургентовъ предлагали крестьянамъ сойтись въ Лауфенѣ на Некарѣ. Вуннепштейнцы рѣшили избрать себѣ предводителемъ Матерна Фейербахера, и даже если придется принудить его къ

*) Штутгард. государствен. архивъ.

этому силою. Въ Гросбатварѣ знать и фогтъ, Гансъ Генрихъ Шертлинъ, сильно трусили. Они все еще не знали положительно, что случилось въ Вейнсбергѣ. Вечеромъ въ Свѣтлое Воскресенье фогтъ послалъ гонца навести справки и спросить совѣта у оберъ-фогта Дитриха фонъ-Вейлера. Посланный не возвращался, а уже начинало сильно вечерѣть. Жена фогта Шертлина горько плакала въ домѣ Матерна Фейербахера; было страшно: десять лѣтъ тому назадъ она видѣла бѣднаго Конрада въ Шарндорфѣ, и тогда уже жизнь мужа ея подвергалась опасности. Фейербахеръ ободрялъ ее, но слезы и страхъ женщины заражали и его самого. При всей своей энергіи Матернъ былъ мягкій, добродушный человѣкъ и къ тому же былъ лично знакомъ съ большинствомъ сосѣднихъ дворянъ, нерѣдко посѣщавшихъ гостинницу, которую онъ содержалъ въ окрестности. Между тѣмъ какъ Матернъ утѣшалъ жену фогта, не будучи въ тоже время въ силахъ самъ отдѣлаться отъ мрачныхъ предчувствій, его маленькая дочка, стоявшая у окна, закричала: «спасайся, отецъ, они бѣгутъ сюда!» Ну, сказалъ Фейербахеръ, помилуй насъ Пресвятая Матерь Божія, если въ собственномъ домѣ я не могу быть спокоенъ. Жена умоляла его спрятаться, она настаивала до тѣхъ поръ, покуда онъ не уступилъ ея просьбѣ; она заперла его въ каморку и снова поднялась въ гостинницу. «Молитесь, дѣти, молитесь», говорила она, но дѣти могли только плакать. Дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжали четверо мужчинъ; одинъ изъ нихъ держалъ топоръ въ рукахъ, другой былъ вооруженъ алебардой, а остальные два ружьями. «Гдѣ Фейербахеръ?» кричали они; хозяйка увѣряла ихъ, что Фейербахеръ вышелъ. Но они не вѣрили. Стали выламывать одну дверь за другою, однако Фейербахера не нашли и прекратили поиски. Затѣмъ они обратились къ женѣ Фейербахера и въ угрожающихъ выраженіяхъ выражали требованіе, чтобы онъ пришелъ къ нимъ на гору; въ противномъ случаѣ—добавляли

они—пусть онъ бережетъ свою жизнь, мы осрамимъ его на весь свѣтъ.»

Фейербахеръ не двигался съ мѣста до самаго ухода посѣтителей; послѣ того онъ отправился къ фогту и посовѣтовалъ ему запереть ворота; между тѣмъ все болѣе и болѣе распространялся слухъ, что Вейнсбергъ разрушенъ и всѣ жившіе тамъ дворяне или убиты, или взяты въ плѣнъ. По просьбѣ Шертлина Фейербахеръ тутъ же ночью въ сопровожденіи бургомистра поѣхалъ въ сосѣдній Гопфгеймъ, къ господину Людвигу Шпету старшему, одинъ изъ родственниковъ котораго былъ въ Вейнсбергѣ, отъ него надѣялись узнать что-нибудь болѣе положительное. Фейербахеръ совѣщался ночью, въ продолженіи получаса, съ этимъ рыцаремъ и его двоюроднымъ братомъ, что ему дѣлать и какъ поступить, крестьяне непремѣнно хотятъ сдѣлать его своимъ главнымъ начальникомъ и сулятъ ему и доброе, и злое; если не придетъ,—угрожаютъ смертью, если придетъ,—сдѣлаютъ его знатнымъ бариномъ и графомъ. «Бѣдный графъ», сказалъ Шпетъ, ударяя его по плечу. Фейербахеръ вышелъ, но чрезъ минуту снова вернулся. «Милостивый государь,—сказалъ онъ,—я надумалъ вотъ что: судя потому, что происходило въ Вейнсбергѣ, нужно и здѣсь ожидать того же дворянамъ и духовенству. Если я буду съ ними, то я могу имѣть на нихъ вліяніе, но вы потомъ должны быть свидѣтелемъ, съ какими намѣреніями я шелъ. Шпетъ согласился и далъ ему слово; онъ особенно просилъ Фейербахера уговорить своихъ не примыкать къ вейнсбергской шайкѣ. Съ этимъ добрымъ совѣтомъ Фейербахеръ уѣхалъ отъ старика; онъ хотѣлъ посовѣтоваться еще съ бахскимъ фогтомъ, жившимъ за милю отъ Шпета. Тотъ такъ же одобрилъ его намѣренія. А, возвратясь домой, Матернъ узналъ, что и фогтъ держится того же мнѣнія. Рано утромъ въ понедѣльникъ на пасхѣ онъ отправился въ Вунаенштейнъ въ сопровожденіи бургомистра и нашелъ въ лагерѣ уже нѣсколько сотъ человѣкъ. Фейербахеръ попытался было уговорить ихъ вернуться домой. «Пустяки, кричали ему крестьяне,—мы хотимъ идти въ Вейнсбергъ, чтобы соединиться съ свѣтлой бандой. Фейербахеръ сталъ у церкви, они окружили его. Я прошу только одного слова—сказалъ онъ—бросьте это намѣреніе; если вейнсбергская банда явится въ нашей странѣ, то и богатымъ, и бѣднымъ будетъ плохо; она раззоритъ, разграбитъ и опустошитъ страну. Оставайтесь здѣсь, мы вмѣстѣ съ прочими округами довольно сильны, чтобъ самимъ освободиться отъ давящихъ насъ тяжестей, и не нуждаемся для этого въ помощи чужой шайки.

Сходка нашла это предложеніе благоразумнымъ, но порѣшила, что для этого Фейербахеръ долженъ остаться съ ними, и не отступали отъ него до тѣхъ поръ, покуда онъ не согласился быть ихъ предводителемъ. Дворянство не могло жалѣть о томъ, что во главѣ виртембергскаго народнаго возстанія сталъ Матернъ Фейербахеръ. Получивъ достовѣрное извѣстіе о вейнсбергскомъ происшествіи, о казни дворянъ и о смерти обоихъ Вейнеровъ, отца и сына, онъ тотчасъ же послалъ одного бюргера изъ Ботвара въ замокъ Вейнера Лихтенбергъ, «чтобы какой-нибудь крикунъ не поѣхалъ въ замокъ, не обидѣлъ бы женщинъ и не огорчилъ бы ихъ внезапнымъ извѣстіемъ о смерти ихъ мужа, отца и сына». Жена молодаго Вейнера писала Фейербахеру письма, которыя могли бы смягчить даже камень; онъ тотчасъ же выпросилъ для нея охранную грамоту у своей банды. Молодая женщина боялась, что жители Вунненштейна нападутъ на замокъ и сожгутъ его; этого и всѣ опасались. Жена рыцаря Вольфа Рухъ изъ Винненденa тайкомъ отправила свои драгоцѣнности въ Лихтембергъ. Узнавъ о смерти Вейнеровъ, она снова взяла ихъ оттуда, потому что не была увѣрена въ ихъ сохранности въ замкѣ. Дорогой ее начисто обобрали бродячіе крестьяне. Вечеромъ въ понедѣльникъ на пасхѣ на Вунненштейнъ подымался какой-то плохо одѣтый рыцарь. Это былъ рыцарь Вольфъ Рухъ. Онъ шелъ пѣшкомъ, потому что хотѣлъ явиться къ

крестьянамъ одѣтый покрестьянски, а не порыцарски, чтобы не взволновать ихъ. Фейербахеръ засмѣялся, увидавъ дворянина въ такомъ костюмѣ, и когда узналъ отъ него о случившемся, тотчасъ приказалъ выдать ограбленныя вещи. Нѣкоторые крестьяне роптали и не соглашались на это. «Товарищи,—воскликнулъ Фейербахеръ,—если вы дѣйствуете такимъ образомъ, то лучше бы вы оставили меня дома и не заставляли принимать начальства надъ вами. Я выступилъ не для того, чтобы обижать дворянина или кого бы то ни было, но для того, чтобы воспрепятствовать вейнсбергской бандѣ придти сюда—жечь и убивать. Грабить—дѣло безбожное по евангельскому ученію». Рыцарь возвратился съ своими драгоцѣнностями и долго спустя все еще прославлялъ Матерна за оказанную услугу и желалъ ему всего лучшаго. Штутгардское правительство отправило посланныхъ къ фейербахеровой бандѣ, чтобы затянуть дѣло переговорами. Послы пришли въ Вуннентейнъ 18 апрѣля въ обѣденное время. Они хотѣли было уговорить крестьянъ разойтись, но потерпѣли неудачу. Крестьяне отвѣчали, что дѣлаютъ достойное дѣло, что съ настоящаго времени должны царствовать справедливость и правосудіе; евангеліе и слово божіе должны проповѣдываться открыто и ясно, и жизнь должна устроиться, согласно божьему ученію; что они не хотятъ болѣе слушать, какъ одинъ говоритъ съ каѳедры о бѣломъ, другой о черномъ, третій о голубомъ; что всѣ мѣстные налоги должны быть уничтожены, а 12 пунктовъ, составленные на Дунаѣ, должны быть приняты всѣми безъ исключенія; и что они не разойдутся до тѣхъ поръ, покуда всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены. Депутаты отвѣчали, что господа ничего болѣе и не желаютъ, какъ христіанскаго устройства, справедливости и открытаго ученія евангелія. А что касается мѣстныхъ повинностей и 12 пунктовъ, то съ этимъ лучше всего обратиться къ рѣшенію ландтага; пусть они только письменно изложатъ свои требованія. Депутатовъ прервали крикомъ: «Не хотимъ этого, не хотимъ». Нѣкоторые воз-

ражали такъ: «хорошо, мы согласны, но съ тѣмъ, чтобы ландтагъ состоялся сейчасъ же и тутъ же на открытомъ полѣ». На увѣщанія воздерживаться, по крайней мѣрѣ, отъ насилій они отвѣчали, что никого не желаютъ оскорблять, но будутъ добывать себѣ пищу и питье, конечно, не у бѣдныхъ людей, а въ монастыряхъ и замкахъ.—Затѣмъ они велѣли привести на гору магистратскаго писца изъ Гросботвара, онъ долженъ былъ на бумагѣ изложить ихъ требованія, чтобы на другой же день представить ихъ посланнымъ. Послѣдніе возвратились между тѣмъ въ Штутгардъ, чтобы разсказать о результатахъ переговоровъ и запастись дальнѣйшими инструкціями. Нужно замѣтить, что крестьяне каждый день впродолженіи всего своего пребыванія въ Вуннентейнѣ служили обѣдни. Винцергаузенскій священникъ по ихъ просьбѣ отправлялъ службы въ старинной церкви св. Михаила, и крестьяне поручились ему за то въ безопасности его жизни и имущества; Матернъ же Фейербахеръ до конца своей жизни (онъ умеръ старикомъ) оставался католикомъ. Правительство отослало депутатовъ, съ предложеніемъ немедленно собрать ландтагъ въ Марбахѣ. Они не застали уже вуннентейнской банды на горѣ. Крестьяне, которыхъ набралось уже до 3000 человѣкъ, ушли въ Гемрикгеймъ. Геймрикгеймскій приходскій священникъ пользовался у нихъ дурною славою, потому они собирались ограбить его. Чтобы защитить священника, Фейербахеръ назначилъ его домъ своей главной квартирой. Крестьяне были такъ недовольны этимъ, что хотѣли даже смѣнить предводителя. Въ это именно время къ Фейербахеру явились послы, онъ былъ очень взволнованъ. Посланные стали прежде всего уговаривать крестьянъ возвратиться къ своимъ очагамъ; особенно убѣдительно увѣщевалъ ихъ Пфейферъ фонъ-Бейльштейнъ. «Друзья мои,—говорилъ онъ,—какую пользу принесетъ вамъ походъ? Что выиграете вы оттого, что пройдетесь по странѣ, выбьете окна въ жилищахъ поповъ, выломаете двери, разобьете черепицы крышъ и т. п.

Подумайте, какой выйдетъ изъ этого прокъ?» Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ доводовъ, депутаты стали настаивать на собраніи ландтага. Фейербахеръ запальчиво отвѣчалъ имъ: «Мы самымъ положительнѣйшимъ образомъ отказываемся отъ ландтага; сеймовъ было много, а какая отъ нихъ польза? всякій разъ, возвращаясь на родину, на вопросъ: что далъ сеймъ? приходится отвѣчать: «ничего не знаю, кромѣ того, что мы тотчасъ же должны заплатить деньги»! Мы теперь не хотимъ болѣе платить, а потому переходите къ намъ; придете—увидите насъ; не придете—все-таки увидите».

Фейербахеръ самъ лично бывалъ на ландтагахъ; онъ по опыту зналъ, чего можно ожидать отъ нихъ; ему стало досадно, что справедливыя требованія крестьянъ остаются безъ отвѣта и что на его предложеніе не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Сознавая важность своей роли, онъ продолжалъ: «Вы бы должны ползти къ намъ на колѣняхъ по всей улицѣ, будь она даже покрыта грязью; еслибъ не я и не моя рать, то огромная шайка оденвальдцевъ и неккардевъ, всюду сѣящая зло и убійство, давно уже ворвалась бы сюда и покрыла бы страну трупами и развалинами; только мы отвратили бѣду.»

Онъ объявилъ, что можетъ вести переговоры только на основаніяхъ, изложенныхъ въ двѣнадцати тезисахъ, онъ прочелъ ихъ посламъ и приказалъ имъ придти на слѣдующій день въ лауфенскій лагерь. Тамъ онъ вручитъ посламъ эти тезисы; теперь же банда выступаетъ, чтобы соединиться съ цабергейскимъ отрядомъ. Послѣ этого они снялись съ лагеря.

Крестьяне уже давно собирались раззорить замокъ Лихтенбергъ, гдѣ жила несчастная вдова Вейлера; а теперь они обнаруживали тоже желаніе относительно и другихъ встрѣчавшихся имъ на пути замковъ: Либенштейна на правой сторонѣ Некара и Гагенштейна — на лѣвой сторонѣ.

Матернъ Фейербахеръ воспрепятствовалъ этому и крестьяне миновали замки, не причинивъ имъ ни малѣйшаго вреда;

однако многіе остались этимъ крайне недовольны, и въ Кальтенвестенѣ добились смѣны Фейербахера за то, что онъ уже слишкомъ умѣренъ и стоитъ за дворянъ. 20 апрѣля инсургенты стали лагеремъ у Лауфена.

Жители Лауфена давно просили помощи отъ Штутгарда, но не получили ее до самаго прибытія крестьянъ. Имъ оставалось только присоединиться къ крестьянамъ. Такъ и сдѣлали. Черезъ нѣсколько времени имъ прислали подкрѣпленіе, подъ начальствомъ штутгардца Людвига Циклера; но они объявили, что уже слишкомъ поздно и что они теперь уже не нуждаются въ штутгардцахъ.

Посланные сошлись съ Фейербахеромъ въ послѣдній разъ передъ городомъ на открытомъ полѣ у высокой стѣны. Матернъ объявилъ, что уже не имѣетъ болѣе права вести переговоровъ; что онъ лишился его вмѣстѣ съ должностью. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ отправиться всѣмъ вмѣстѣ, составить ландтагъ на открытомъ полѣ, обсудить дѣло по обычаю древнихъ народныхъ собраній и послать условія эрцгерцогу. Но крестьяне, сопровождавшіе Фейербахера, замѣтили, что послы ихъ проводятъ. «Мы не хотимъ ландтага,— говорили они,—если онъ будетъ созванъ, мы не договоримся ни до чего, кромѣ новаго налога». Фейербахеръ прекратилъ наконецъ переговоры словами: «еслибъ наши знали, что я съ вами такъ долго совѣщаюсь, они просто убили бы меня».

Такъ посланные вернулись въ Штутгардъ, а Фейербахеръ въ Лауфенъ, гдѣ его снова признали предводителемъ. Ему было не совсѣмъ по себѣ въ этой новой обстановкѣ, Матернъ чувствовалъ себя гораздо лучше въ своей красивой, зажиточной гостинницѣ, гдѣ онъ принималъ знатныхъ господъ и даже угощалъ ихъ добрымъ ботварскимъ виномъ.

И теперь, конечно, къ нему пріѣзжали многіе изъ его старыхъ знатныхъ знакомыхъ; но этими посѣщеніями руководили уже совершенно другія цѣли. У Фейербахера въ крестьянскомъ лагерѣ иногда появлялись господа Гансъ и Петръ

фонъ-Либенштейны, господинъ Вильгельмъ Фолей, изъ Гагенштейна, Леммлинъ фонъ-Боннингеймъ, Каспаръ фонъ-Вейлеръ, благородная госпожа фонъ-Ниппенбургъ, многіе дворяне изъ Саксенгейма, — всѣ они выпрашивали и получали отъ него охранныя грамоты. «Я стыжусь, говорилъ однажды Фейербахеръ рыцарю Валей, что долженъ находиться съ этою дрянью и такимъ образомъ принимать васъ». Но теперь всякій шагъ назадъ былъ для него опасенъ. Банда во многомъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ стала въ Лауфенѣ. Въ нее набролось много кровожадныхъ и жестокихъ людей. Уже цабергейцы и Гансъ Вундереръ были сильно ожесточены; а тутъ еще присоединился элементъ еще болѣе вредный, — именно Яклейнъ Рорбахъ главный предводитель бекингерцевъ. Какъ только изъ Гейльброна пришло извѣстіе, что швабы тоже собираются, Яклейнъ съ 200 товарищами, большею частью самыми отъявленными разбойниками, явился къ Виртембергской бандѣ и направился вмѣстѣ съ ней къ Виртембергу. Они составили при Фейербахерѣ комитетъ изъ 32 человѣкъ и назвали себя «свѣтлой христіанскою бандой».

Каждый важный вопросъ рѣшала вся банда большинствомъ голосовъ, и Фейербахеръ долженъ былъ исполнять всѣ ихъ желанія, даже если не былъ согласенъ съ ними. Однако, по мѣрѣ возможности, онъ удерживалъ банду отъ грабежа.

Въ присутствіи г-на Рейнгарда фонъ-Саксенгеймъ къ предводителямъ привели однажды крестьянина, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, когда онъ отрѣзалъ кошелекъ у одного прохожаго. Негодяй, — закричалъ на него Фейербахеръ, — его слѣдуетъ прогнать сквозь строй, хоть бы въ немъ сидѣлъ самъ чортъ! Я думалъ, что мы собрались ради евангелія, чести и правосудія, а теперь оказывается, что мы здѣсь для того, чтобы отрѣзывать кошельки. Еслибъ дѣло шло только о грабежѣ дворянъ, священниковъ и чиновниковъ, мы были бы хорошими воинами; кто бѣденъ, долженъ остаться бѣднымъ, а кто богатъ — богатымъ».

Банда быстро подвигалась къ центру страны; ея цѣль была привлечь къ себѣ всѣхъ способныхъ носить оружіе горожанъ и крестьянъ всего княжества, и заставить всѣ города и округа волей неволей пристать къ ихъ христіанскому собранію, помочь имъ освободить бѣдныхъ людей отъ налоговъ и, согласно слову Божьему, распространить ученіе святаго евангелія.

Съ этой цѣлью распространяли они всюду свои воззванія. Банда послала 20-го апрѣля приглашеніе къ Христофу Гайсбергу, лѣсничему въ Райхенбергѣ; она предлагала ему присоединиться къ нимъ и привести съ собою Карстгонса, находящагося у него въ плѣну. Лѣсничій жилъ далеко, нужно было пройти къ нему въ сторону на гору не одну милю; потому онъ не слишкомъ торопился привести къ нимъ народнаго проповѣдника Карстгонса, тѣмъ болѣе, что шайка двигалась по другому направленію и 22-го апрѣля расположилась уже лагеремъ въ Битенгеймѣ, находящемся въ 5-часовомъ разстояніи отъ Штутгарда.

Смущеніе столицы было велико. Число крестьянъ возрасло до 6000 человѣкъ и они стояли почти у воротъ города. Штутгарду нужно было угодить, съ одной стороны, крестьянамъ, съ другой — австрійскому правительству или швабскому союзу. Члены магистрата были сильно озабочены; затрудненіе ихъ еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что между горожанами постоянно существовала партія, державшая сторону изгнаннаго герцога, втихомолку выжидающаго благопріятнаго исхода дѣла. Трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Почти все регулярное войско было отправлено за границу, а жители страны не охотно шли въ ополченіе. Такъ какъ Лауфенъ передался крестьянамъ, то правительство назначило сборнымъ пунктомъ для ополченія Марбахъ и приказало битгеймцамъ и греннингенцамъ занять Безиггеймъ.

Въ Марбахѣ было собрано около 1200 человѣкъ, частью иноземныхъ наемниковъ, преимущественно же туземцевъ; но при приближеніи крестьянской банды поднялся общій ропотъ,

и предводители напрасно старались сохранить порядокъ; слухи о совершенныхъ убійствахъ и разрушеніяхъ разогнали большую часть ополченія, и только горсть людей удалось удержать въ городѣ въ видѣ гарнизона; всѣ остальные разошлись по домамъ 21-го апрѣля, даже нѣкоторые изъ членовъ магистрата оставили свои мѣста, только немногіе остались. Эти послѣдніе избрали на мѣсто убѣжавшаго фогта исправляющимъ его должность Павла Венцельгайзера, въ помощники которому указомъ отъ правительства изъ Тюбингена былъ назначенъ Лаврентій Аккерманъ. Они вдвоемъ созвали гражданъ на площадь рынка, убѣждали ихъ оставаться въ покоѣ и порядкѣ при наступающей опасности и предложили имъ избрать комитетъ изъ 27 извѣстныхъ гражданъ, съ которыми можно было бы совѣщаться о надлежащихъ мѣропріятіяхъ. Граждане собрались на трехъ площадяхъ, на площади Леонгарда, на рынкѣ и на полѣ турнира, которое называется теперь госпитальною площадью. Выборъ комитета единогласно предоставленъ былъ членамъ магистрата, которые приступили къ избранію и, окончивъ его, тотчасъ вмѣстѣ съ комитетомъ постановили слѣдующее: наискорѣйшимъ образомъ согласиться съ ближайшими волостными правленіями Каппштадта, Вайблингена, Шорндорфа, Леонберга, Геннингена, Кирхгейма и Нюртингена и набрать поскорѣе войско, которое могло бы удерживать крестьянъ изъ понизовья отъ дальнѣйшаго наступательнаго движенія въ странѣ, пока прибудетъ Георгъ Трухзесъ съ обѣщанной помощью. Депутаты были посланы въ названные города, другіе отправлены въ лагерь крестьянъ въ Битенхгеймъ для вывѣдыванія и для того, чтобы возобновленіемъ переговоровъ выиграть время; имъ поручено было предложить созваніе общаго сейма въ открытомъ полѣ, въ которомъ участвовали бы одни крестьяне и граждане, и который занялся бы разсмотрѣніемъ жалобъ всѣхъ городовъ и селъ. Посланные къ крестьянамъ всѣ были изъ числа членовъ комитета: Матвѣй Миллеръ, Лаврентій Кенленъ, Леонгардъ Мессершмидтъ и Матвѣй Герберъ. Послѣдній былъ главнымъ ораторомъ. Герберъ, здоровый и краснорѣчивый штутгардтскій гражданинъ, бывшій когда-то тѣлохранителемъ герцога Ульриха, уже прежде, судя по заявленіямъ магистрата, нѣсколько разъ являлся ораторомъ по дѣламъ гражданъ. Онъ увѣрилъ крестьянъ отъ имени штутгардтцевъ въ готовности ихъ сдѣлать все возможное и приложить всѣ старанія передъ чинами земства для устраненія ихъ тягостей; онъ предлагалъ имъ изложить теперь же свои желанія, но не двигаться дальше, или, по крайней мѣрѣ, обойти Штутгардтъ и отправиться въ старый лагерь въ Неккарскую долину, куда будутъ возить къ нимъ изъ Штутгартта всѣ необходимые припасы.

Фейербахеръ отвергъ это предложеніе. Онъ говорилъ: «евангеліе, право и справедливость, вейнсбергское дѣло, возстаніе всей нѣмецкой націи и происшедшія отъ того опустошенія и грабежи заставляютъ насъ поступать такъ, а не иначе; мы намѣрены овладѣть княжествомъ и потомъ уже, по достиженіи этого, мы совершимъ христіанскую реформацію, но не теперь на сеймѣ». Какимъ же образомъ эта реформація должна наконецъ совершиться? спрашивали депутаты. Фейербахеръ снова указалъ имъ на двѣнадцать дунайскихъ тезисовъ, какъ на основаніе начатаго дѣла, и предложилъ штутгардтцамъ, «также отдаться подъ иго Христово». Онъ обѣщалъ пощадить Штутгардтъ. Но вышеупомянутыя волости, къ которымъ присоединился еще Винненденъ, рѣшили, что лучше собрать свое собственное войско, чѣмъ примкнуть къ цибергей-ботварской толпѣ и стать подъ ея начальство.

На другой день въ воскресенье, 23-го апрѣля, крестьяне послали письменное предложеніе въ столицу, въ которомъ ей давалось крайнимъ срокомъ еще 36 часовъ на размышленіе. «По волѣ божіей и изъ христіанской любви», такъ писали они, «мы поставили себѣ цѣлью, съ помощью всемогущаго Бога, учредить совершенно христіанское и мирное войско для установленія, поддержки и возвышенія слова Божія и еван-

гелія, въ которомъ для насъ начертаны общественные законы, во славу Божію, для установленія христіанскихъ порядковъ, для защиты, покровительства и для удовлетворенія всѣхъ насъ и намѣрены во всей строгости привести это въ исполненіе съ помощью вашей и совѣтовъ нисшихъ чиновъ земства. Потому предлагаемъ мы вамъ и городу, всему управленію и обществу тотчасъ же или крайнимъ срокомъ въ слѣдующій понедѣльникъ къ вечеру присоединиться къ нашему братству и отдаться подъ нашу защиту и покровительство. Воспротивившись этому, вы дадите намъ поводъ, идти на васъ вооруженною силою, и понудить васъ съ помощью Божіей къ соглашенію, поступивъ съ вами со всею строгостью, отъ которой могутъ произойти для васъ весьма вредныя послѣдствія».

Уже въ Битенхгеймѣ они показали, что не шутятъ. Исправляющій должность фогта этого города, отказывался написать приказаніе, въ которомъ требовалось, чтобы жители города и волости примкнули къ шайкѣ;—его, по приказанію Ивана Вундерера, заковали въ кандалы и бросили въ тюрьму. Поговаривали о томъ, чтобы прогнать его сквозь строй. Вождь отряда изъ Безихгейма выступилъ и сказалъ, что если это будетъ сдѣлано, то онъ и всѣ безихгеймцы покинутъ шайку. «Но это необхолимо!» закричалъ Вундереръ. «Вы хотите, — возразилъ безихгеймецъ, — руководствоваться словомъ Божіимъ. Слово Божіе не велитъ купаться въ крови». Этотъ отвѣтъ и рѣшеніе Фейербахера спасли заключеннаго. Мы обезпечимъ ему жизнь, такъ рѣшилъ послѣдній, если онъ дастъ письменное удостовѣреніе, что онъ оставитъ мѣсто фогта.

Фогтъ аспергскій, надѣясь на крѣпость своего дома, безбоязненно могъ вести дѣятельную борьбу съ крестьянами. Георгъ Трухзесъ, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, обыкновенно извинялъ распутство своихъ грабившихъ и поджигавшихъ солдатъ слѣдующими словами: «не надо забывать, что невозможно удержать въ порядкѣ подобный народъ въ подобномъ походѣ.» Если такъ говорилъ полководецъ столь могущественный и столь уважаемый въ своемъ войскѣ, то съ нашей стороны было бы слишкомъ строго обвинять почтеннаго родственника одного изъ членовъ магистрата, ботварскаго трактирщика Матвѣя Фейербахера, за то, что нѣкоторые изъ его крестьянъ, не смотря на его приказанія и строгость, все-таки выходили на грабежъ: иные грабители, быть можетъ, и не принадлежали къ бандамъ, но пользовались только ихъ близостью для своихъ частныхъ предпріятій. На этихъ-то мародеровъ, появлявшихся и грабившихъ тамъ и сямъ шайками въ 10, 12 или 20 человѣкъ, усердно охотился аспергскій фогтъ съ сотнею своихъ батраковъ. «Если бы мнѣ, такъ писалъ онъ къ правительству, прислали еще нѣсколько всадниковъ и денегъ, я бы надѣлалъ крестьянамъ много хлопотъ: тогда я могъ бы сдѣлать то же, что половина всего союза». Такое дѣятельное сопротивленіе фогта и близость Асперга сдѣлали начальниковъ бандъ весьма снисходительными къ маркгренингенцамъ, пославшимъ депутацію въ крестьянскій лагерь въ Битихгеймъ и примкнувшимъ къ братству, имъ дано было позволеніе не присылать къ нимъ своихъ людей, а доставить имъ взамѣнъ того три ведра вина и телѣгу съ хлѣбомъ.

Изъ Битихгейма банда еще съ вечера 22-го числа двинулась въ Саксенгеймъ; крестьяне хотѣли поужинать вмѣстѣ съ Рейнгардомъ саксенгеймскимъ; оттуда они пошли дальше черезъ Горгеймъ, для того чтобы стянуть къ себѣ подкрѣпленія изъ Цабергая, маульброннской волости и Крайхгау. Здѣсь, вѣроятно, присоединился къ нимъ начальникъ шайки Антонъ Эйзенгутъ, эпингенскій священникъ въ Крайхгау, имя котораго упоминается впослѣдствіи вмѣстѣ съ именемъ Фейербахера. Затѣмъ они повернули опять назадъ въ Файнингенъ на Энцѣ, гдѣ они 23-го и 24-го числа стояли лагеремъ.

Файингенскій фогтъ былъ также въ числѣ дворянъ, погибшихъ въ Вейнсбергѣ. Уже 18-го числа файингенцы писали къ австрійскому правительству, что на Некарѣ собралась шайка, къ которой постоянно примыкаютъ новыя, что они боятся нападенія крестьянъ и что получили уже о томъ предостереженія. Они объявили, что они слишкомъ слабы для обороны замка и города, но что они пребываютъ въ совершенной вѣрности; что они просятъ помощи, потому что ихъ фогтъ Конрадъ Шенкъ фонъ-Винтерштеттенъ погибъ въ дѣлѣ при Вейнсбергѣ, а они люди бѣдные, рабочіе, и ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслятъ.

Помощь не приходила, а 21-го числа пришло требованіе отъ крестьянъ, чтобы послать имъ 60 человѣкъ и военные снаряды. Мнѣнія въ обществѣ раздѣлились; опасались, что почетное гражданство будетъ принуждено уступить черни, стоявшей на сторонѣ крестьянъ. Магистратъ послалъ депутацію въ крестьянскій лагерь съ извиненіемъ, что жители заняты въ поляхъ, и съ просьбою объ отсрочкѣ. Но тутъ крестьяне двинулись къ самымъ стѣнамъ города и онъ долженъ былъ пристать къ общему дѣлу. Замки крестьяне не тронули, ибо пришло извѣстіе изъ Штутгардта, которое заставило ихъ поспѣшить въ этотъ городъ.

Георгъ Раугебъ, штутгардтскій гражданинъ, сообщилъ крестьянамъ, что городскій магистратъ и прочіе города относятся къ нимъ непріязненно и стараются протянуть время, пока прибудетъ въ Штутгартъ уже находившееся на пути союзное войско. Получивъ это извѣстіе, крестьяне закричали: Впередъ, въ Штутгартъ! Утромъ 25 го числа начальники шайки послали изъ Швибердингена въ городъ объявленіе о своемъ прибытіи къ вечеру въ Штутгардтъ и о томъ, что они тамъ будутъ совѣщаться съ магистратомъ. Они просили, чтобы городъ озаботился о съѣстныхъ припасахъ, и чтобы ни въ чемъ не было недостатка. А для того чтобы отнять у столицы отговорку, будто несовмѣстно съ ея честью стать подъ начальство крестьянъ, они тутъ же замѣтили, что крестьяне до сихъ поръ откладывали назначеніе своихъ полковниковъ, потому что хотятъ замѣстить эти должности членами столичнаго магистрата.

Уже въ Швибердингенѣ крестьяне были вынуждены занять у господина Ниппенбурга нѣсколько штукъ скота, вина и другіе предметы, объявивъ при этомъ, что занятое будетъ современемъ выплачено. Штутгардтскіе запасы были имъ теперь очень кстати.

Во второй разъ магистратъ поспѣшилъ послать Матвѣя Гербера и нѣкоторыхъ другихъ на встрѣчу къ крестьянамъ съ просьбою избавить Штутгардтъ отъ ихъ постоя. Начальники согласились, и телѣги съ мясомъ, хлѣбомъ и виномъ, назначеннныя для крестьянъ, уже направились въ «старый лагерь въ Некарскую долину», на луга, находящіеся противъ Берга а крестьяне уже повернули съ швибердингенской дороги по направленію къ Канштадту,—но тутъ разразилась надъ ними ужасная гроза, и потоки града и дождя промочили ихъ на сквозь. Тогда они стали искать себѣ теплаго помѣщенія и приблизились снова къ столицѣ. Они объявили, что они не намѣрены ничего предпринимать противъ его императорскаго Величества, не желаютъ ничьего отпаденія отъ него и не требуютъ никакой присяги. Вольфъ Кенигъ, штутгардтскій гражданинъ, безъ всякаго на то полномочія, открылъ имъ сихенскія ворота. И такимъ образомъ начальники съ крестьянскимъ войскомъ вступили въ городъ, въ однихъ возбуждая радость, въ другихъ—страхъ и ужасъ. Страхъ этотъ еще еще увеличился, когда увидѣли въ числѣ начальниковъ или ихъ свиты знакомыя лица. Между прочими въѣзжали тутъ люди, имена которыхъ сдѣлались страшными еще при Вейнсбергѣ; тутъ былъ и Андрей Реми фонъ-Циммернъ, который ѣхалъ на лошади графа Гельфенштейна и носилъ на головѣ его же шляпу съ развѣвающимся перомъ, и Рорбахъ, на которомъ виднѣлась штофная рубашка казненнаго. Тутъ

же ѣхалъ въ числѣ начальниковъ и Рамей Гарнашеръ, богатый штутгардтскій гражданинъ и трактирщикъ, другъ герцога Ульриха, который уже въ 1519 году силился опять ввести герцога въ страну, но вмѣсто того самъ долженъ былъ удалиться. Герцогъ Ульрихъ послалъ его изъ Мемпельгарда въ Цабергей, «чтобы наблюдать, что такое затѣвается», а начальники приняли его въ свой совѣтъ. Но были такіе, и къ нимъ принадлежали даже нѣкоторые члены комитета и магистрата, которые съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія крестьянъ.

Комитетъ и члены магистрата всѣ были въ сборѣ въ ратушѣ и всѣ начальники крестьянъ тотчасъ отправились туда. Матвѣй Фейербахеръ повторилъ прежнее объявленіе, что они не намѣрены ничего предпринять противъ правительства, что они желаютъ только ввести христіанскій порядокъ, но что для этой цѣли необходимо, чтобы вся страна дѣйствовала съ ними заодно и что Штутгардтъ также долженъ выставить хорошо вооруженный отрядъ съ начальникомъ. Тотчасъ позвали городскаго секретаря Илью Мейхнера, и приказали ему изготовить около 40 писемъ, въ которыхъ повелѣвалось городамъ и дворянамъ, чтобы они съ своими подданными, хорошо вооружившись, примкнули къ христіанской шайкѣ и старались споспѣшествовать божескимъ порядкамъ и справедливости. Затѣмъ крестьяне расположились по квартирамъ. Членъ магистрата, Гейнрихъ Габлеръ, экзальтированный другъ народнаго дѣла, выдалъ крестьянамъ изъ ратуши 11 шелковыхъ знаменъ, помѣстилъ въ своемъ домѣ начальника Андрея Реми и приставилъ къ нему сына своего, въ качествѣ тѣлохранителя.

Въ городѣ крестьяне ничего не трогали. Они посѣтили только бебенгаузенскую опеку, богатое подворье богатаго монастыря Бебенгаузенъ. Тамъ они проткнули своими копьями семь или восемь бочекъ съ виномъ, такъ что вино текло, какъ будто изъ множества трубочекъ и всѣ могли немедленно напиться досыта; но много было пролито въ подвалахъ. Опекунъ зная, какъ дурно крестьяне обращаются съ духовенствомъ,

убѣжалъ, и изъ вѣрнаго убѣжища своего просилъ членовъ магистрата, чтобы они выдали подворье за свою собственность.

Между тѣмъ нѣкоторые пьяные крестьяне поговариливали, что не дурно было бы разрушить все строеніе, а потому, чтобъ избѣжать всякаго рода безчинства, послали на подворье граждан Лаврентія Аккермана, Павла Венцельгейзера и Петра Траутвейна, которые занялись раздачею плодовъ и вина. Начальники посылали своихъ старшинъ, которые отгоняли крестьянъ и возвѣщали при барабанномъ боѣ, что строго запрещается брать съ подворья, что бы то ни было. Обильные припасы подворья пришлись очень кстати комитету. Но настоятель монастыря впослѣдствіи начелъ 162 ведра вина, 220 четвериковъ полбы и 800 четвериковъ овса, и требовалъ отъ штутгартцевъ 1780 гульденовъ вознагражденія за убытки, потому что они его запасы «своевольно растратили въ свою пользу.» Онъ и знать не хотѣлъ о томъ, что штутгардтцы спасли его подворье отъ разрушенія; однако, не смотря на неправоту его дѣла, требованіе его было уважено.

Съ штутгардтскимъ духовенствомъ начальники обращались мягко; отъ всѣхъ канониковъ и обладателей доходныхъ мѣстъ потребовали всего 400 гульденовъ вспомоществованія.

Одну духовную особу, проповѣдника при церкви св. Леонгарда, доктора Ивана Мантеля, они даже выпустили на свободу. Онъ находился въ заточеніи въ Нагольдѣ, и когда начальники христіанской шайки освободили его, то онъ вышелъ «почти одурѣвшій отъ тяжкаго заключенія», такъ что въ письмѣ къ Матвѣю Фейербахеру онъ этимъ именно и извиняется. что не можетъ лично явиться и поблагодарить ихъ.

Крестьянское войско оставалось только въ продолженіи двухъ сутокъ въ стѣнахъ Штутгарта. Пока они еще были въ городѣ, они замѣстили нѣкоторыя должности по управленію войскомъ, были назначены завѣдывающіе казной, штрафными деньгами и контрибуціею. Въ числѣ такихъ сборщи-

ковъ контрибуцій, были между прочими: Павелъ Меркъ и Конрадъ Плисъ. Они обязаны были назначать и сбирать вспомогательныя и штрафныя деньги, въ особенности съ духовенства, между тѣмъ какъ другіе заботились о поставкѣ провіанта, о записываніи, сохраненіи и распредѣленіи припасовъ. Когда Павелъ Меркъ узналъ о своемъ избраніи, онъ сталъ передъ толпой, снялъ свою шляпу, вѣжливо поблагодарилъ за довѣріе и сказалъ: «Я дѣлаюсь настоящимъ епископомъ. Кто бы подумалъ, что мнѣ придется оцѣнивать поповъ!» Онъ такъ охотно и съ такимъ удовольствіемъ исполнялъ должность казначея, что его преимущественно стали называть оцѣнщикомъ поповъ. Въ числѣ старшинъ упоминается Иванъ Мецгеръ изъ Безихгейма. Въ шайкѣ былъ также староста, какъ и въ другихъ шайкахъ, а именно: Вильгельмъ Шереръ изъ Марбаха. Старшимъ писаремъ ихъ былъ мастеръ Іоахимъ изъ Нордгейма.

Въ числѣ многихъ воззваній, въ которыхъ крестьяне требовали присылки людей или объясненій, они послали также отъ 26-го апрѣля требованіе къ свободному имперскому городу Эсслингену. Этотъ городъ, значительный въ то время и хорошо укрѣпленный, уже со времени движенія при Вейнсбергѣ, находился въ безпокойствѣ. 21-го апрѣля члены магистрата писали швабскому союзу, что они вынуждены просить у союза о подкрѣпленіи, такъ какъ крестьяне подходятъ все ближе и ближе. Городъ ихъ,—писали они,—окруженъ слишкомъ растянутой стѣной, защитить ее у нихъ не достаетъ людей; поэтому они прибѣгаютъ къ союзу, разсчитывать на помощь котораго они считаютъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что ихъ городъ принадлежитъ къ союзу и служитъ резиденціею имперскаго правленія и имперскаго суда. На слѣдующій день посланный принесъ отказъ, «потому что всякому члену союза приходится защищаться самому. Пусть они обратятся за помощью къ имперскому правленію.» Вмѣсто подкрѣпленія союзъ прислалъ новое требованіе денегъ и подтвер-

дилъ о высылкѣ старыхъ недоимокъ, оправдываясь тѣмъ, что возстаніе все возростаетъ. Имперское правленіе, считая себя уже не безопаснымъ въ Эсслигеенѣ, перенесло свою резиденцію въ Гейслинтенъ въ тотъ самый день, когда въ Эсслингенѣ было получено посланіе крестьянъ. Магистратъ города отвѣтилъ посланному вопросомъ: кто далъ крестьянамъ право обращаться съ такими предложеніями къ свободному имперскому городу? Крестьяне послали второе письмо: «Мы хотимъ только знать, какъ намъ относиться къ вамъ, и хотите ли вы придерживаться божескихъ законовъ. Напрасно обвиняютъ насъ, что мы хотимъ отпаденія города отъ императора и упраздненія правительства. Мы должны соединиться противъ чужеземцевъ, отъ которыхъ мы можемъ ждать только бѣды, какъ это и было въ Вейнсбергѣ. Мы, какъ члены имперіи, желаемъ только союза съ вами, чтобы сообща уберечься отъ дальнѣйшихъ обидъ со стороны чужеземцевъ».

Магистратъ отвѣтилъ, что крестьянамъ уже было объявлено чтобы они возвратились, откуда пришли, и что теперь городъ можетъ только повторить тоже самое.

Магистратъ могъ говорить съ крестьянами такимъ языкомъ, ибо въ Эсслингенѣ царствовало полное согласіе. Чтобы и на будущее время удержать простолюдиновъ на своей сторонѣ, магистратъ озаботился, чтобы ихъ щедро угощали; подворья городскаго духовенства также должны были удѣлить для этого нѣкоторую часть своихъ припасовъ; а имперское правленіе выслало городу 200 человѣкъ воиновъ: «пусть эсслингенцы пока платятъ имъ жалованье, это вознаградится имъ впослѣдствіи» *).

Послѣ этого толпа крестьянъ напала на монастырь Вейль, лежавшій подъ самымъ городомъ и находившійся подъ покровительствомъ Виртемберга, и ограбила его, потому что онъ

*) Восемь писемъ и донесеній эсслингенскаго архива.

не хотѣлъ заплатить контрибуціи. Однако отрядъ, высланный изъ Эсслингена, скоро разогналъ крестьянъ, и они удалились черезъ мостъ около Тюркгейма. Эсслингенскій монастырь Сирнау по другую сторону города также былъ ими ограбленъ и разрушенъ *).

Крестьяне не шутили, когда говорили эсслингенцамъ о «чужеземцахъ.» Главная шайка ихъ, вышедши изъ Штутгарта, направилась прямо къ ремской и фильской долинамъ, чтобы оттѣснить вторгнувшуюся туда гайльдорфскую шайку грабителей **).

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Гайльдорфская шайка разрушаетъ Мургартъ, Лорхъ, Адельбергъ и имперскій замокъ Гогенштауфенъ.

Когда тауберскія баны возвратились изъ шентальскаго лагеря въ Таубергрундъ, галльскіе бѣглецы съ своими начальниками

---

*) Эсслингенскій архивъ.

**) Для возстанія въ Виртембергѣ главные источники слѣдующіе: 1) Дѣло о Матвѣѣ Герберѣ, штутгартскомъ начальникѣ, допросъ свидѣтелей въ двухъ томахъ in folio. 2) Уголовное дѣло о Матвѣѣ Фейербахерѣ, крестьянскомъ начальникѣ изъ Ботвара, допросъ почти 100 свидѣтелей. 3) Цѣлый рядъ писемъ и донесеній. Все это находится въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ. Тамъ же можно найти объ этомъ предметѣ хорошую статью въ рукописи Гинцлера.

Леонгардомъ Зейцингеромъ и Вейднеромъ изъ Гейслингенна и съ Фридрихомъ Филиппомъ Бауманомъ изъ Мюнкгейма, тоже вернулись назадъ въ свою родину; здѣсь они увидѣли, что гайльдорфцы составляли уже огромную шайку, ежедневно возраставшую все болѣе и болѣе. По мѣрѣ того, какъ росло движеніе въ Оденвальдѣ и въ некарской долинѣ, оно усиливалось и между крестьянами на Кохерѣ, въ области лимпургскихъ шенковъ, и въ имперскихъ городахъ Гминдѣ и Галѣ. Не смотря на увѣщанія своего магистрата, гальскіе крестьяне снова поднялись и ушли. Успѣхъ ихъ братьевъ во Франконіи и въ некарской долинѣ опять ободрилъ ихъ, они снова заговорили высокомѣрнымъ тономъ. Крестьяне, сходившіяся изъ окрестностей на городской рынокъ, расхаживали по Галю и указывали на дома, которые, по ихъ словамъ, скоро будутъ имъ принадлежать. Они говорили горожанкамъ, что и онѣ скоро будутъ большими барынями. Гайльдорфскіе предводители и крестьяне ежедневно приходили въ городъ съ бѣлыми крестами на шляпахъ, и магистратъ не смѣлъ ихъ задерживать; они навѣщали своихъ знакомыхъ и дѣлали заказы; одинъ кузнецъ снабдилъ ихъ пищалями и одинъ пьяный молодой крестьянинъ хвасталъ въ одномъ гальскомъ кабакѣ, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ онъ и его товарищи овладѣютъ городомъ, прогонятъ сквозь строй членовъ внутренняго магистрата, а членамъ внѣшняго отрубятъ головы, гражданъ заколятъ копьями, ратниковъ сожгутъ и изъ латъ ихъ выльютъ пули, которыми будутъ обстрѣливать другіе города. Магистратъ бросилъ его въ тюрьму, но на другой день рано поутру выслалъ за городскія ворота, прежде чѣмъ поднялись ратники, которые разрубили бы его на части. Магистратъ самымъ кроткимъ образомъ увѣщевалъ крестьянъ подумать о своихъ женахъ и дѣтяхъ, заняться дома своей работой и остерегаться такихъ поступковъ, вредныхъ послѣдствій которыхъ они теперь еще не могутъ понять; съ своей стороны онъ подтверждалъ свое обѣщаніе сдѣлать для нихъ все, что только будетъ возможно.

Однако крестьяне, не смотря на это, все-таки покидали женъ и дѣтей и шли въ банды. Они надѣялись возвратиться домой съ богатою добычею, свободными и богатыми, и тогда они думали встрѣтить пріемъ еще болѣе ласковой. Магистратъ старался запугать ихъ швабскимъ союзомъ: но крестьяне потѣшались надъ нимъ, сочиняли и пѣли на него разныя ироническія пѣсни, какъ будто союзъ уже былъ въ ихъ рукахъ. «Гдѣ союзъ? unser Gurr die gumpt!» Онъ запутался въ мѣшкѣ, какъ кошка,» или «онъ лежитъ въ Геппингенѣ въ колодцѣ съ кислой минеральной водой, отбивши ноги при паденіи.»

Между крестьянами и въ городѣ ходила молва, что шайки изъ Оденвальда и некарской долины намѣрены напасть на Галь. Магистратъ, не жалѣя денегъ, приготовлялся всѣми силами къ встрѣчѣ этого нападенія. Всѣмъ честнымъ ремесленникамъ выдавали еженедѣльную плату въ четверть гульдена, или около того, чтобы они оставались въ городѣ; опасались, что они уйдутъ, и въ случаѣ нападенія не достанетъ людей, способныхъ къ защитѣ; иные притворялись, что хотятъ уйти, и магистратъ былъ вынужденъ платить имъ. Когда же молва о приходѣ крестьянъ усилилась, они стали требовать ежемѣсячнаго жалованья, и магистратъ долженъ былъ согласиться. Одинъ изъ ратниковъ, Иванъ Сейтеръ, привелъ въ самое безпокойное время нѣсколькихъ солдатъ изъ Ульма, Нердлингена и Динкельсбюля, такъ что гарнизонъ Галя составлялъ около 250 человѣкъ. Даже сыновья бюргеровъ требовали денегъ за то, что остаются въ городѣ; имъ объясняли, что они, какъ граждане, обязаны защищать городъ, и что нужно слишкомъ много денегъ, чтобы платить каждому гражданину; имъ отказали, а самымъ упорнымъ выдали «нѣсколько грошей на водку». Поэтому нѣкоторые оставили городъ и перешли на сторону крестьянъ. Прибывшихъ ратниковъ раздѣлили на отряды и поставили по восьми или десяти человѣкъ въ каждый домъ; каждую ночь 50 человѣкъ въ панцыряхъ

должны были держать караулъ въ ратушѣ, гдѣ имъ давали водку, и 50 человѣкъ должны были отрядами обходить улицы города. Но сами ратники доставляли магистрату множество хлопотъ, онъ долженъ былъ выслушивать отъ нихъ всевозможныя претензіи; нѣкоторые изъ нихъ не соглашались принести обычную присягу, если имъ не выдадутъ деньги на случай отпуска и тому подобное. Они пьянствовали и въ пьяномъ видѣ нерѣдко разбивали вкровь другъ друга. Чтобы внушить страхъ крестьянамъ, «приходившимъ и выходившимъ изъ города,» магистратъ приказывалъ носить каждый день по разу или по два черезъ улицы города, съ барабаннымъ боемъ, и при звукахъ трубъ, «по 20, 30 или 40» отличныхъ палицъ, обитыхъ 4-мя желѣзными острыми зубцами и кольцами, которыя по его распоряженію были поставлены на стѣнахъ города для отраженія штурма. Отъ времени до времени магистратъ дѣлалъ фальшивыя тревоги, для того чтобы убѣдиться въ бодрости и усердіи каждаго гражданина и ратника; сборнымъ мѣстомъ для гражданъ были городскія стѣны, на рынкѣ собирались ратники, а передъ ратушей—остальные. Стѣны вездѣ починялись. Всѣ эти мѣры наконецъ устрашили до нѣкоторой степени тѣхъ немногихъ въ городѣ, «которые желали бы побунтовать и овладѣть домомъ командора и другими поповскими домами.»

Въ это время въ городъ пришло письмо отъ эрингенской банды къ гальскому обществу. Чтобы возбудить довѣріе и прекратить на будущее время всякія тайныя сношенія крестьянъ съ гражданами, магистратъ рѣшился сообщить письмо общинѣ, ремесленникамъ было предложено выбрать отъ каждаго цеха по два человѣка,—эти выборные должны составить комитетъ для обсужденія письма, такъ какъ дѣла этого нельзя было откладывать, а сборъ всего общества потребовалъ бы слишкомъ много времени. Магистратъ старался въ особенности налегать на то, что крестьяне намѣрены внести въ городъ раздоръ. Цехи отозвались, что они крѣпко будутъ держаться

магистрата, и что они не только ничего не имѣютъ противъ того, чтобы встрѣтить крестьянъ каменьями и выстрѣлами, но даже помогутъ въ этомъ магистрату.

Магистратъ обратился также къ союзному совѣту въ Ульмѣ, съ просьбою отослать назадъ городскихъ людей, которые примкнули къ союзному войску въ верхней Швабіи, такъ какъ они нужны теперь для защиты города. Союзный совѣтъ отказалъ. Если,—писалъ онъ,—Галю будетъ возвращенъ его конный и пѣшій контингентъ, то это непремѣнно произведетъ раздоръ въ другихъ членахъ союза и весь союзъ распадется. Магистратъ старался добыть самыя полныя свѣдѣнія о различныхъ крестьянскихъ шайкахъ, чтобы быть готовымъ ко всему. На тотъ случай, если бы главное крестьянское войско направилось къ городу и гальскіе крестьяне присоединялись къ инсургентамъ (какъ они прямо говорили), рѣшено было напередъ послать къ нимъ на-встрѣчу нѣкоторыхъ изъ членовъ магистрата и большаго комитета, которые должны были предложить имъ миръ и потребовать, чтобы они оставили городъ въ покоѣ, такъ какъ магистратъ надѣется, что его подданнымъ не на что будетъ жаловаться. Магистратъ усердно продолжалъ обнадеживать жителей и дѣлалъ имъ различныя уступки; онъ относился къ своимъ крестьянамъ съ дипломатическою тонкостью, хотя втайнѣ давно рѣшился вернуть всѣ старые порядки, «какъ только удастся опять засадить собаку подъ лавку».

Однако за прекрасными словами, онъ не забывалъ и дѣло, и съ жаромъ продолжалъ свои воинственныя приготовленія. Въ городѣ все было въ движеніи; на стѣны и башни сносили ружья, порохъ, фонари, смоляной варъ, смоляныя и сѣрныя кружки, метательные и осадные снаряды; во рвы ставили рѣшетчатые щиты, обитые гвоздями,—очищали ихъ. Укрѣпляли стѣны, устроивали метательные снаряды. Всѣ запасы дровъ были свезены за городъ и свалены тамъ въ кучи, чтобы затруднить приступъ. Ворота и всѣ важные пункты вну-

три города были заставлены разнаго рода тяжелыми орудіями; кромѣ того ворота и стѣны защищены сильнымъ гарнизономъ, устроены деревянные бастіоны, ворота обиты желѣзомъ и повсюду разставлена стража. Главный надзоръ надъ воротами порученъ или членамъ совѣта или знатнѣйшимъ гражнанамъ, которые должны были за всѣмъ наблюдать и въ особенности предостерегать входившихъ крестьянъ воздерживаться отъ неосторожныхъ рѣчей. Были закуплены большіе запасы муки, вблизи города согнанъ скотъ; зерновой хлѣбъ раздѣленъ между жителями. Самые искусные упражняли гражданъ въ примѣрномъ отраженіи штурма и показывали имъ способы обороны; на случай вылазки была приготовлена телѣга съ копьями и другимъ оружіемъ *).

Между тѣмъ главная квартира крестьянъ все еще находилась въ Гайльдорфѣ. Въ Гайльдорфскомъ лагерѣ можно было встрѣтить крестьянъ изъ Логенштейна, Мурарта, Адельберга, Лорха, Гогенштауфена Гогенрехберга, Лаутербурга, Вассеральфінгена, Гогенштадта, Комбурга, Лейнродена, изъ владѣній господъ: Адельмана, Герена, Гердегена, Вестерштетена, Фельберга, Шенкъ-Лимбурга, Гогенштейна, Ріндербаха, и ополченіе имперскаго города Аалена. Крестьянѣ нѣкоторыхъ мѣстностей находились здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, что могли образовать свои отдѣльные полки: такъ составились отдѣльные полки: гмюдскихъ крестьянъ, галльскихъ, вельцгеймскихъ, гонгардскихъ, танненбургскихъ, гютлингенскихъ и Вейсенштейнскихъ **).

Всѣ они собрались сюда, частью теперь, частью еще прежде во время похода ополченія къ Гейльдорфу; но достовѣрно извѣстно, что крестьяне названныхъ мѣстъ находились уже въ Гайльдорфѣ.

---

*) Гофманъ, рукопись. Геролтъ, рукопись.

**) Документъ находится въ собраніи прелата Шмидта.

Гайльдорфское ополченіе не разбирало средствъ, чтобъ принудить къ соединенію съ собою; большинство было собрано въ банду угрозами и насиліемъ.

Между тѣмъ, какъ френкское крестьянство выступило (какъ мы скоро увидимъ), подъ именемъ *чернаго* ополченія, виртембергскіе, оденвальдскіе и некарскіе крестьяне назывались въ своихъ документахъ въ противоположность *чернымъ* — *свѣтлымъ христіанскимъ* ополченіемъ; предводители гейльдорфскаго ополченія подписывались обыкновенно: «Начальники всеобщаго свѣтлаго ополченія, отборъ и совѣтъ» *). Они объясняли, что составили одинъ христіанскій союзъ съ цѣлью возбужденія другъ въ другѣ братской любви, возстановленія святаго Евангелія, для утѣшенія, пользы и улучшенія положенія бѣдныхъ; они говорили, что настала пора покончить со всѣми злоупотребленіями, которыя выдуманы людьми противъ Бога, святаго Евангелія и нашихъ ближнихъ, и существовали до сихъ поръ на погибель бѣднымъ **). Напослѣдокъ гайльдорфское ополченіе примкнуло къ большому франконскому ополченію.

Языкъ ихъ требованій былъ гораздо рѣзче, чѣмъ у виртембергской банды, они говорили совершенно тономъ шварцвальдскаго посланія. «Благородный, милостивый господинъ», писали они изъ Гайльдорфа главному шенку священной римской имперіи, «господину Готтфриду Лимпургу, наше сильнѣйшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы ваша милость вмѣстѣ съ вашими бѣдными людьми, съ вашею артиллеріею и ея принадлежностями немедленно присоединились къ нашему свѣтлому ополченію и обязались письменно и подъ присягою вступить въ нашъ братскій союзъ. Мы хотимъ этого для

*) Многіе документы находятся въ гофмановской рукописи и въ собраніи прелата Шмидта.

**) Посланіе къ Шенку изъ Лимпуга, отъ 22 апрѣля, въ Гайль 30 апрѣля и Гмюндъ 6 мая.

васъ же. Мы примемъ на себя всѣ заботы относительно вашей милости. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ принуждены силою принудить васъ къ этому; тогда все, что принадлежитъ вамъ, будетъ брошено на произволъ судьбы, и вы лишитесь покровительства законовъ.—При этомъ мы просимъ вашу милость доставить намъ возъ съ хлѣбомъ, возъ съ виномъ и пару быковъ. Ждемъ получить все это отъ вашей милости» *).

Было утро пятницы, послѣ пасхи (21 апрѣля), когда крестьяне послали это письмо въ замокъ изъ города Гайльдорфа. Милостивый господинъ не отвѣтилъ имъ на него; за нимъ въ тотъ же день послѣдовало второе посланіе, въ которомъ крестьяне угрожали, что если его милость не присягнетъ бандѣ, то они вступятъ въ ихъ землю какъ въ непріятельскую, возьмутъ имѣнья и добро ихъ, опустошатъ замокъ и взорвутъ его **).

Въ тотъ же самый день послали они приказаніе къ тюнгейтальцамъ гальскаго округа, чтобы они и всѣ еще непослѣдовавшіе за «свѣтлой бандой», немедленно шли помогать спасать и защищать бѣдныхъ и возстановлять божественные законы св. Евангелія. Гдѣ же приказаніе не будетъ исполнено, туда банда отправитъ своихъ людей, которымъ отдастъ ихъ и ихъ имущество въ собственность. При этомъ прилагалось письмо съ приказаніемъ пересылать его дальше изъ одного прихода въ другой и отвѣчать на него подъ страхомъ лишенія жизни и имущества ***).

Крестьяне отложили исполненіе своихъ угрозъ владѣтелямъ Лимпурга и предпочли поискать добычи въ виртембергскихъ монастыряхъ. Еще передъ выступленіемъ удалось имъ сдѣлать одно пріобрѣтеніе. Начальникъ гальскихъ пѣхотинцевъ Яковъ

*) Гофманъ, рукопись.

**) Выписки г. Лимпурга, свѣдѣнія изъ сборника Шмидта.

***) Гофманъ, рукопись.

Пфеннингмюллеръ, отозванный своими согражданами изъ союзнаго войска, отправился къ нимъ тотчасъ же по полученіи посланія. Когда онъ ѣхалъ изъ Гмюнда въ Гайльдорфъ, на него напала при Гисвендѣ толпа крестьянъ и взяла его въ плѣнъ. Крестьяне были злы на него. Одни прямо хотѣли прогнать его сквозь строй, другіе сжечь его; болѣе предусмотрительные, убѣдили большинство, что сохраненіе жизни такого опытнаго воина будетъ имъ полезнѣе его смерти. Они взяли его съ собою въ Гайльдорфъ. Совѣтъ Галля поспѣшилъ распустить слухъ, что онъ случайно ѣхалъ въ Гайльдорфъ, безъ всякаго злаго умысла, не желая ни кому вредить. Но крестьяне всетаки удержали его; онъ долженъ былъ сдѣлаться членомъ крестьянскаго совѣта и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Виртембергъ.

Оставивъ при Гайлдорфѣ сильный отрядъ, чтобы наблюдать за владѣтелями Лимпурга и защищать тылъ, они отправились въ Бакингъ, чтобы сжечь и ограбить тамошній монастырь. Но городъ скоро присоединился къ свѣтлой христіанской виртембергской бандѣ, чтобы избавиться отъ Гийльдорфской *).

Гайльдорфцы напали на Мурхартъ, богатый древній монастырь, по преданію служившій мѣстомъ, гдѣ спасался набожный король Людовикъ I-й Карловингъ. Крестьяне опустошили и разграбили его. Аббатъ заранѣе отослалъ въ городъ самыя важныя письма, граматы и документы. Затѣмъ онъ бѣжалъ и самъ съ приближенными, когда Мурхартъ, какъ и деревни, присягнулъ и передался бандѣ. Въ монастырскомъ архивѣ крестьяне тщательно разыскивали документовъ на владѣніе монастырскими землями и все оставшееся еще тамъ изорвали и сожгли; послѣ этого самая церковь была опустошена и разграблена. Яковъ Пфеннингмюллеръ совѣтовалъ

*) Штутгартскій госуд. архивъ.

оставить въ монастырѣ гарнизонъ и сдѣлать его укрѣпленнымъ пунктомъ, могущимъ служить защитою въ будущемъ.

Чрезъ это онъ воспрепятствовалъ имъ открыть изъ зданій дружный огонь.

Главнымъ предводителемъ банды сдѣлался теперь Филиппъ Фирлеръ, фохтъ Танненбурга; самое важное значеніе въ крестьянскомъ совѣтѣ получилъ священникъ изъ Бюллертана Гельдъ, уроженецъ Нордлингена. Кромѣ того было еще много второстепенныхъ предводителей, совѣтниковъ и фендриховъ.

Отъ Мургарта крестьяне двинулись по направленію къ Вельцхеймервальду и спустились въ вислауфскую долину. Вислауфъ течетъ изъ Вельцхеймервальда и подъ стѣнами Торндорфа впадаетъ въ Ремсъ. Мѣстность вдоль Вислауфа и на берегахъ Ремса одиннадцать лѣтъ тому назадъ была главнымъ центромъ бѣднаго Конрада: здѣсь по теченію Вислауфа лежали деревни и Нижній и Верхній Шлехтбахтъ и Рудерсбергъ, крестьяне которыхъ во время бѣднаго Конрада волновались болѣе всѣхъ другихъ. Здѣсь и въ верхне-ремской долинѣ до самаго Гогенштауфена, въ особенности въ окрестностяхъ монастыря Аделберга въ геппинскомъ округѣ, уже въ первые дни, назначенные къ всеобщему возстанію — 29 и 30 марта 1525 г.—собирались клубы и сходки.

Движеніе началось въ гмюндерскомъ лѣсу, «и ихъ заговоръ и безпорядки быстро распространились до Шорндорфа, *). Назначенное на 16 апрѣля нападеніе на монастырь Лорхъ, не было приведено въ исполненіе. Яковъ Бернгаузенскій, оберфохтъ Гоппингена, поспѣшилъ съ своими всадниками къ сборному пункту крестьянъ, арестовалъ предводителей двухъ шаекъ и удержалъ прочихъ отъ ихъ намѣренія **). Онъ имѣлъ въ своемъ Геппингенѣ хорошую артиллерію, окопы и осадныя

*) Докладъ изъ штутгартскаго государственнаго архива. 30 марта.
**) Докладъ предводителя Остерабендъ.

пушки *); онъ разчитывалъ на нихъ и на нѣсколько сотенъ въ округѣ, остававшихся ему вѣрными. Но что неудалось горсти сосѣднихъ крестьянъ, то должно было удастся большой свѣтлой бандѣ. Вмѣсто того чтобы идти по долинѣ Вислауфа до ея устья, до воротъ Шорндорфа, они повернули налѣво по дорогѣ черезъ Унтерштейненбергъ и Пфагьлбронъ и тамъ раздѣлились на два отряда, которые подошли въ одно время 26 апрѣля, одинъ—къ мѣстечку Маркфлеккель Лорхъ по дорогѣ чрезъ Клоценъ и Штрайбунгофъ, другой по дорогѣ чрезъ Брехъ и Брухъ къ монастырю Лорхъ.

Выше мѣстечка, лежащаго на самомъ берегу Ремса, на прекрасной возвышенности Либфрауенберга лежатъ развалины стараго монастыря Лорхъ. Монастырь былъ перестроенъ изъ древняго римскаго укрѣпленія и изъ замка предковъ Гогенштауфенскихъ императоровъ, которые въ благодарность за усиленіе своего дома посвятили это мѣсто Богу. Съ 1102 г. монастырь разбогатѣлъ и прославился даже въ 1525 г., когда вслѣдствіе изящной роскоши онъ сталъ приходить въ упадокъ, богатства его все-таки сильно привлекали. Его теперешнія развалины показываютъ только часть его прежней величины, потому что онъ былъ только отчасти вновь отстроенъ послѣ разрушенія.

Въ то время аббатомъ монастыря былъ Себастіанъ. Услыхавъ о намѣреніи крестьянъ, онъ послалъ въ Шорндорфъ за помощію. Онъ писалъ, что безъ помощи, съ одними своими людьми, онъ не можетъ отстоять монастыря, что его вассалы не позволяютъ ему ни стрѣлять изъ монастыря, ни бить въ барабанъ, ни распустить знамя **).

Но начальство Шорндорфа само не знало, что дѣлать. Уже 20 апрѣля оберфогтъ этого города, Генрихъ изъ Фрейберга, писалъ австрійскому правительству: «бунтовщиковъ въ Шорндорфѣ болѣе чѣмъ преданныхъ слугъ; я не могу надѣяться сдѣлать что нибудь, безъ посторонней помощи; я собиралъ старостъ округа и они не сказали мнѣ ничего утѣшительнаго; по моему мнѣнію, всѣ крестьяне на одинъ ладъ *).

*) Штутгартскій государств. архивъ.

**) Письмо аббата, отъ 26 апрѣля.

Судьба монастыря скоро была рѣшена. Его собственные вассалы возставали еще во время бѣднаго Конрада и теперь вмѣстѣ съ крестьянской бандой требовали его разрушенія. Образъ надъ воротами, Пресвятой Дѣвы Маріи съ младенцемъ, предъ которымъ вѣрующіе преклонялись въ продолженіи 4 столѣтій, потерялъ свою чудодѣйственную силу надъ бандой. Крестьянинъ пересталъ уважать то, предъ чѣмъ цѣлыя тысячелѣтія преклонялся съ трепетомъ и благоговѣніемъ. Напрасно каменная статуя стараго императора Барбароссы, напрасно изображенія другихъ князей и героевъ въ одеждахъ королей и римскихъ императоровъ грозно глядѣли на крестьянъ, они не обращали вниманія даже на мертвыхъ, даже на гробницы великихъ, прославленныхъ народными преданіями друзей народа, на гробницы Гогенштауфеновъ.

Монастырь, разрушенный безъ особеннаго труда, былъ разграбленъ, аббатъ Себастіанъ убитъ, консисторія разогнана, и всѣ документы и письма, въ томъ числѣ и спрятанныя здѣсь бумаги монастыря Мурхарта, сдѣлались добычею пламени, поглотившаго старыя, священныя стѣны. Крестьяне не считали это старинное зданіе домомъ Господнимъ, они видѣли въ немъ древнюю твердыню деспотизма, старую темницу, «жилище дьявола», много вѣковъ распространявшее вокругъ себя не свѣтъ и избавленіе, а только рабство и отупѣніе. Они не хотѣли оставить камня на камнѣ, но ихъ бѣшеная страсть къ разрушенію была безсильна предъ крѣпостью старой башни и нѣкоторой части большой стѣны, которая противостояла даже пламени. Лорхъ былъ сожженъ

*) Письмо въ штутгартскомъ государствен. архивѣ.

въ первый же день ихъ прибытія; они пробыли 5 дней, отъ 26 апрѣля до 1 мая, подъ его раскаленными развалинами. Отдѣльныя шайки дѣлали набѣги въ окрестности, и одна изъ нихъ направилась къ старой королевской крѣпости Гогенштауфенъ.

Гогенштауфенъ, этотъ прекрасный укрѣпленный городъ королевства, принадлежалъ уже съ давнихъ поръ виртембергскому дому. Жители окрестностей Гогенштауфена давно уже были свободными крестьянами; они даже пользовались относительно другихъ извѣстными преимуществами, и потому охотно тянули къ Виртембергу; заложенные въ XV столѣтіи, они собственными жертвами выкупили свою самостоятельность. По изгнаніи Герцога Ульриха изъ страны, Георгъ Штауферъ Блоссенштауфенскій присоединилъ ихъ крѣпость съ нѣкоторыми деревнями къ своимъ владѣніямъ. Штауферъ, опираясь на созвучіе своего имени съ именемъ знаменитаго дома римскихъ императоровъ, выдавалъ себя за потомка боковой линіи Гогенштауфеновъ и, благодаря тому обстоятельству, что былъ фогтомъ близъ лежащаго Геппингена, безъ труда завладѣлъ крѣпостью. Хотя притязанія его и были отвергнуты австрійскимъ домомъ, однако намѣстничество въ Штауфенѣ оставалось за нимъ. Самъ Штауферъ жилъ въ Геппингенѣ, въ его же городѣ управлялъ — Фохтъ Михаелъ Рейсъ изъ Рейссенштейна на Фильзекѣ.

Мѣстные крестьяне, должно быть, не имѣли причинъ любить новаго повелителя, также какъ его предшественниковъ; въ противномъ случаѣ Іергъ Бадеръ Бебингенскій врядъ ли рѣшился бы напасть на крѣпость съ горстью людей. Іергъ Бадеръ, главнокомандующій гмюндской бандой, вывелъ изъ лархскаго лагеря 300 солдатъ, съ цѣлью сдѣлать ночное нападеніе на Гогенштауфенъ. Его сопровождали самые храбрые крестьяне, и между ними первые зачинщики движенія въ этой сторонѣ, Мюльмихель и Гансъ Никъ Декингенскій. Это были потомки тѣхъ самыхъ крестьянъ — окрестностей

Гмюнда, Геппингена и Гейслингена, о которыхъ болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ крестьянахъ Швабіи, заботились старые Гогенштауфены. Казалось, старая *) каролевская крѣпость, расположенная на высокой, со всѣхъ сторонъ обнаженной вершинѣ горы, съ своею высокою плитняковой стѣною, толщиною въ 7 футовъ, съ многочисленными крѣпкими башнями, представляетъ вполнѣ надежный оплотъ, даже и противъ правильной осады. Но замокъ обветшалъ отъ своей древности. 23 января того года, фогтъ города потребовалъ исправленія укрѣпленій, и его требованіе было удовлетворено **). Исправленія эти еще не были окончены; но все же Гогенштауфенъ былъ однимъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ страны и заключалъ въ себѣ 32 человѣка горнизона подъ командою вицефогта, Михаила Рейсса. Іергъ Бадеръ поднялся на гору поздно ночью съ своими крестьянами. Въ потьмахъ эта горсть людей была принята за цѣлую шайку, и гарнизонъ, на которыхъ крестьяне навели сильнѣйшій ужасъ, только-что пролитою кровью въ Вейнсбергѣ, только нѣсколько минутъ защищался выстрѣлами, кипяткомъ и камнями. Перепуганные и ошеломленные дикими криками нападающихъ, свирѣпствующихъ въ глубокой ночи у стѣнъ и воротъ, нѣкоторые изъ солдатъ совсѣмъ потеряли мужество и, безъ памяти спустившись по стѣнѣ, въ менѣе опасныхъ мѣстахъ, бѣжали въ противоположную сторону. По инымъ разсказамъ, кастелланъ Михаилъ Рейссъ провелъ этотъ день у фогта города Геппингена и не успѣлъ еще воротиться на гору, когда крестьяне подошли къ ней; по другимъ—онъ былъ во время осады въ замкѣ и одинъ изъ первыхъ прокравшись изъ него съ восемнадцати-лѣтнимъ слугою (оруженосцемъ) Петеромъ Іостомъ, бѣжалъ въ свой укрѣпленный замокъ Фильзекъ, близъ Геппингена. Народъ впослѣд-

*) Urgicht des Mullmichel.

**) Докладъ изъ штутгартскаго королевскаго архива отъ 23 января 1525 года.

ствіи шопотомъ разсказывалъ это; «Рейсъ взбѣсился и умчался.» Тѣ, которымъ не удалось бѣжать, перебравшись черезъ стѣну, попрятались тамъ и сямъ по угламъ замка. Караульные у воротъ, измѣнивши или боясь быть убитыми, перебросили крестьянамъ ключи черезъ зубцы стѣнъ. Послѣдніе вошли, такимъ образомъ, самымъ легчайшимъ и прямымъ путемъ въ ворота; не желѣзомъ и огнемъ отворили они ихъ, но обыкновенными ключами. Такъ какъ нѣкоторые изъ крестьянъ были убиты выстрѣлами изъ замка, то побѣдители въ отмщеніе побросали захваченныхъ ими солдатъ черезъ зубцы внизъ по крутой горѣ и затѣмъ принялись за грабежъ. Они взвалили на телѣгу все движимое имущество, находящееся въ замкѣ, и отправили его подъ гору, захвативъ съ собою и ружья, которыхъ при лучшемъ употребленіи было бы достаточно для спасенія замка. Опустошивъ все, они бросили внутрь строеній зажженныя головни.—Былъ ли лишенъ этотъ городъ въ послѣдніе годы старинныхъ вольностей, которыми пользовались подданные Гогенштауфеновъ, была ли попрана его послѣдними господами та свобода, которую основали древніе владѣтели замка? Намъ не случалось встрѣчать гдѣ либо извѣстіе, чтобы хоть одинъ гогенштауфенскій крестьянинъ оказалъ замку помощь, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ; какъ, напримѣръ это сдѣлали гогенштауфенцы въ гайльдорфской шайкѣ.

Во всей Швабіи нѣтъ ни одной горы, которая была бы видна съ большаго числа мѣстъ и съ болѣе дальняго разстоянія, какъ величественный, уединенный Гогенштауфенъ Со всѣхъ сторонъ открытый, онъ свободно глядитъ кругомъ; а къ западу взоръ, брошенный съ него, теряется въ безпредѣльной дали.

Скоро къ темному ночному небу высоко поднялись, подобно новой утренней зарѣ, столбы пламени, зажженнаго ревностными крестьянами. Это пламя своимъ кровавымъ свѣтомъ распространяло далеко на всѣ стороны до вершинъ Шварцвальда, до Рейна и до франконскихъ горъ страшную вѣсть о разрушеніи

знаменитой, величественной твердыни Гогенштауфена, нѣкогда бывшаго родовымъ замкомъ славнѣйшихъ государей и королей, а теперь уже давно опозореннаго.

И такъ крестьяне съ факелами погребли послѣдній призракъ стараго величія. Спустя догло времени, уже чрезъ 63 года камни все еще были красны отъ этого разрушительнаго пожара; между одиноко-стоявшими развалинами стѣнъ и башенъ крестьяне воздѣлывали землю, сѣяли плоды, и плугъ работаетъ теперь тамъ, гдѣ нѣкогда, разрушая и повелѣвая міромъ, господствовалъ мечъ. Теперь гора, на которой стоялъ замокъ, совершенно обнажена, на ней сохранилось всего какихъ нибудь 9—10 обломковъ—единственные слѣды ея бывшаго феодальнаго вѣнца. У ногъ его разстилается цвѣтущая Швабія, чуждая уже и крѣпостнаго права и барщины.

Легкое завладѣніе такою важною крѣпостью крестьяне приняли за явное доказательство, что Богъ стоитъ за нихъ и за ихъ дѣло. Ихъ увѣренность росла вмѣстѣ съ распространяемымъ ими ужасомъ. Еще изъ Гайльдорфа они грозили жителямъ Галля, что они испробуютъ на ихъ союзникахъ тѣже самыя мѣры, которыя они съ такимъ наглымъ произволомъ употребляли противъ ихъ братій крестьянъ *). 30 апрѣля Галю было строго настрого приказано присоединиться къ нимъ съ братскою любовью, въ противномъ случаѣ они будутъ вынуждены—къ крайнему своему нежеланію—предпринять противъ него необходимыя мѣры. Почти всѣ мѣстные дворяне, даже шенки фонъ Лимпурги, поспѣшили принять 12 статей и присоединиться къ христіанскому братству. Помня разрушенія Мурхарта, Лорха, Гогенштауфена, сожженіе множества маленькихъ дворянскихъ помѣстій, шенки не были расположены дожидаться, чтобы крестьяне «подняли къ небесамъ ихъ замки». Филиппъ Рехбергъ, жившій въ Рамспергѣ, первый подалъ примѣръ

*) Писаніе отъ 24.

другимъ, онъ присоединился 26-го апрѣля къ крестьянамъ; за нимъ послѣдовали: Бальтазаръ Адельманъ изъ Адельмансфельдена, въ Шехингенѣ —1-го мая; Гердегенъ Гирнхеймскій, изъ Вельштайнъ 30-го апрѣля; Еркингеръ Рехбергскій изъ Рауенштейна и Ернстъ Геренскій изъ Герена—3-го мая; Киринъ Геркамскій изъ Шпретбаха и Вольфъ Вельбергскій изъ Вельберга; Вольфъ Рехбергскій изъ Гогенрехберга—18-го апрѣля; Бернгартъ Риндербахскій, Каспаръ Ротскій и госпожа Агнеса Лимпурская, урожденная графиня Верденбергъ-Гейлигенбергъ—1-го мая.—Въ тотъ же день далъ запись крестьянамъ и Вильгельмъ, владѣлецъ Лимпурга, наслѣдственный шенкъ священной Римской имперіи, за себя, за своихъ братьевъ, сестеръ и наслѣдниковъ. Всѣ они открыто объявили въ представленныхъ письмахъ, съ приложеніемъ собственныхъ печатей, «что они совершенно добровольно, по договору съ свѣтлою ратью, обѣщаются и клянутся ей и всѣмъ ей подчиненнымъ принять 12 статей *), которыя были недавно составлены крестьянами, собравшимися у верховьевъ Дуная и честнымъ образомъ, добросовѣстно исполнять ихъ.» Документы эти существуютъ до сихъ поръ **).

Гайльдорфская шайка, болѣе страшная по своему внутреннему составу, чѣмъ всѣ прочія, потеряла по винѣ своего предводителя почти весь страхъ, который наводила. Филиппъ Фирлеръ, таненбургскій фогтъ, вассалъ эльвангенскаго прелата и чиновникъ его, бывшій въ это время главнымъ предводителемъ шайки, состоялъ, какъ это доказываютъ документы (переписка до сихъ поръ сохранена) ***), въ тайныхъ переговорахъ съ своимъ господиномъ и городами Галемъ и Гмюндомъ. Вмѣсто того чтобъ теперь идти прямо на Галь и исполнить угрозу, онъ двинулся съ шайкою дальше впередъ, на Виртем-

*) «Время Фершинера».

**) Тринадцать свидѣтельствъ въ собраніи прелата фонъ-Шмидта.

***) Эльвангенскіе акты въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

бергъ. Они встрѣтились съ большою свѣтлою христіанской ратью, предводительствуемою Матерномъ Фейербахеромъ.

Образъ дѣйствій гайльдорфской банды не сообразовался съ тѣми планами и намѣреніями, ради которыхъ Матернъ Фейербахеръ сталъ во главѣ движенія. Личность этого предводителя виртембергской банды хорошо очерчивается уже тѣмъ однимъ фактомъ, что ни Гансу Вундерору, ни вейнсбергцамъ еще ни разу доселѣ не удалось отклонить его отъ умѣреннаго образа дѣйствій и заставить прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

Первыя извѣстія о насиліяхъ, произведенныхъ гайльдорфскими крестьянами въ виртембергскихъ земляхъ, заставили Матерна Фейербахера направиться туда, гдѣ «чужой народъ» вторгся въ виртембергскія земли. Его побуждало къ этому кромѣ того принятое имъ рѣшеніе: стараться привлекать себѣ людей способныхъ къ оружію изъ всѣхъ округовъ.

Когда, 28 апрѣля, онъ находился въ Вайблингенѣ, туда прибыли послы отъ шорндорфскаго общества съ просьбою, чтобы скорѣе идти спасать городъ отъ гайльдорфцевъ. Матернъ потребовалъ, чтобы Шорндорфъ, подобно другимъ городамъ, присоединился къ христіанской рати. Ратуша и судъ отвѣтили ему, что письмо получено ими только во вторникъ, 25, что округъ ихъ обширенъ, и они должны посовѣтоваться не только съ городскимъ обществомъ, но и съ окрестными мѣстностями, поэтому они просятъ дать имъ сроку до воскресенья, чтобы обдумать предложеніе. Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ къ Матерну Фейербахеру они написали австрійскому правительству, что всѣми силами старались сохранить спокойствіе, предупреждать, разсѣявать сборища и усмирять безпокойныхъ; но что такъ какъ крестьянское дѣло все подвигается впередъ, а союзъ медлитъ помощью, то простолюдины, народъ малодушный, могутъ увлечься этимъ дѣломъ. Поэтому они просятъ немедленной помощи, тѣмъ болѣе, что стѣны

ихъ въ иныхъ мѣстахъ не прочны, а крестьяне и многіе горожане ненадежны. Тюбингенское правительство не прислало ни денегъ, ни военныхъ снарядовъ, словомъ, ничего, кромѣ писменнаго обнадеженія, что стольникъ собирается выступить и чтобъ городъ держалъ себя пока хорошо и спокойно. Со стороны Матерна Фейербахера было сдѣлано между тѣмъ новое предложеніе: немедленно присоединить къ его отряду 200 чоловѣкъ. Гайльдорфская банда, съ другой стороны, подстрекала жителей деревень шорндорфскаго округа идти за ней въ Адельбергъ. Тогда городъ, притѣсненный и запуганный гайльдорфцами, сдался 28 апрѣля виртембергской бандѣ; Матернъ Фейербахеръ вступилъ въ него на слѣдующій день, но не останавливаясь въ немъ, тотчасъ же двинулся дальше черезъ Оберкеркенъ, Нидеркеркенъ и Вангенъ къ Геппингену и присоединилъ этотъ городъ къ христіанскому братству. Яковъ бернхаузенскій,—оберфогтъ, былъ другомъ герцога Ульриха и не относился враждебно къ крестьянамъ, онъ сочувствовалъ народу и его положенію. Недѣли двѣ тому назадъ, онъ совѣтовалъ правительству оказать помощь крестьянамъ въ ихъ жалобахъ противъ дворянства, утверждая, что эта мѣра будетъ имѣть самыя лучшія послѣдствія *). Это письмо было написано въ великую субботу; черезъ три дня узналъ онъ, что сынъ его убитъ крестьянами въ Вейнсбергѣ. Тѣмъ не менѣе однако онъ присоединился къ Матерну, какъ только тотъ явился предъ городомъ и потребовалъ его сдачи. Даже послѣ, когда дѣло крестьянъ стало уже падать, онъ все еще дѣйствовалъ въ пользу ихъ и своего князя. Матернъ отказался отъ предложенной ему помощи гайльдорфцевъ: «Виртембергцы—сказалъ онъ—съумѣютъ сами разчищать монастыри и сундуки». Однако онъ заручился ихъ содѣйствіемъ на случай столкновенія съ союзными войсками.

---

*) Собственноручное письмо его находится въ штутг. госуд. архивѣ.

Гайльдорфцы порѣшили выйти изъ виртембергскаго королевства; 30 апрѣля они уже отправили посланныхъ въ Гмюндъ, съ требованіемъ свободнаго прохода черезъ этотъ городъ, лежавшій на ихъ пути *); но передъ самымъ выступленіемъ они неудержались, и напали на старинный монастырь Адельбергъ. Эта святая обитель, основанная вѣрнымъ слугою императора Барбароссы, была разрушена преимущественно руками собственныхъ своихъ вассаловъ и крестьянъ геппингенскаго округа. Монастырь былъ богатъ и такъ обширенъ, что онъ походилъ на маленькій городокъ. Аббатъ Леонардъ Дюрръ выѣхалъ въ Гейслингенъ еще при первыхъ проявленіяхъ крестьянскаго движенія въ окрестностяхъ. Монастырь оставался безъ всякой защиты, когда крестьяне напали на него. Они пили, ѣли, грабили все, что имъ попадалось: вино, хлѣбъ и проч., опустошили до-чиста амбары и вывезли все заключавшееся въ нихъ **); затѣмъ выгнали монаховъ и принялись за разрушеніе остальныхъ строеній. За стаканами вина бросили они жребій, кому первому поджечь монастырь. Было 1 мая, когда монастырь былъ зажженъ; горѣлъ онъ впродолженіи многихъ дней. Одна только часовня св. Ульриха была пощажена; ее спасъ одинъ мужичекъ, «глупый человѣкъ»: онъ со слезами просилъ о спасеніи часовни, увѣряя, что она принадлежитъ ему; гдѣ же станетъ онъ молиться, если ее сломаютъ?— Но однако всѣ были довольны этимъ грабежемъ. Когда отрядъ Гейнингена погналъ изъ монастыря, по дорогѣ, прекрасный скотъ, какъ свою добычу, въ генингенскомъ округѣ явился Гансъ Клепферъ Лауфенскій, отнялъ скотину у гейнингенцевъ и погналъ его къ лагерю Фейербахера. Это приказаніе было ему дано генингенскими распорядителями добычи ***).

---

*) Свидѣтельство наход. въ гмюндскомъ городскомъ архивѣ.
**) Besoldi doc umenta rediviva, p. 18 n. XV.
***) Акты изслѣдованія отъ 1527 до 1553.

Монахи, выгнанные изъ Адельберга, отправились въ Геппингенъ, чтобы отдохнуть въ находящемся тамъ подворьѣ ихъ монастыря, но имъ не позволили остаться въ городѣ: горожане, тянувшіе сторону крестьянъ, сами засѣли въ богато снабженномъ монастырскомъ подворьѣ. Опечаленные монахи отправились въ Іебенгаузенъ, гдѣ переночевавъ, отправились къ Шорндорфу, и здѣсь ихъ очень радушно приняли и содержали съ любовью и уваженіемъ. Монахи обратились въ то же время къ Матерну Фейербахеру; онъ выставилъ имъ ведро вина и отправилъ въ Геппингенъ приказъ: возвратить манахамъ ихъ подворье, защищать ихъ и снабжать нужною пищею. Но помѣстившіеся въ подворьѣ находили свое помѣщеніе слишкомъ теплымъ и уютнымъ, чтобы уступить его попамъ, а Матернъ былъ уже слишкомъ далеко, чтобы продолжать свои заботы о нихъ. Лагерь его былъ уже 1 мая въ Кирхгеймѣ, подъ Текомъ, и онъ приготовлялся къ встрѣчѣ съ войскомъ швабскаго союза.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Соединеніе Матерна Фейербахера съ бандою изъ Гейа и изъ виртембергскаго Шварцвальда.—Герцогъ Ульрихъ, защитникъ крестьянъ.

Крестьяне киргеймскаго округа взбунтовались въ половинѣ марта во время воинственнаго карнавала герцога Ульриха. Близь города, 19 числа, показались толпы бунтовщиковъ, спустившіяся съ Альпъ къ Леннингерталю. Фогтъ не рѣшался

произвести аресты, предписанные ему правительствомъ *). 24 апрѣля партія бунтовщиковъ преобладала уже въ городѣ, и послѣ того какъ фогтъ бѣжалъ, принудила судъ и совѣтъ выпустить всѣхъ арествованныхъ *). Ночью съ 30 апрѣля на первое мая къ христіанской рати присоединился безоружный Нюртингенъ, а 1-го мая, Кирхгеймъ, безъ выстрѣла, сдался Теусу Герберу, который тотчасъ же расположился тутъ **). Въ Кирхгеймъ спустился и Фейербахеръ и отсюда, какъ изъ главной квартиры, выслалъ отрядъ, который долженъ былъ подступить съ требованіемъ сдачи сначала къ укрѣпленному Гогенейфену, а затѣмъ къ городу и замку Урахъ. Крестьяне не могли даже мечтать о томъ, чтобъ занять Гогенейфенъ, эту сильную горную крѣпость. Главные предводители должны были удовлетвориться письменнымъ требованіемъ ея сдачи. Въ заключеніе они вѣжливо просили позволить крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, занять крѣпость, что они хотятъ только защищать страну отъ вторженія чужеземцевъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго,—чужеземцевъ, которые заявили себя въ Вейнсбергѣ, Гогенштауфенѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ пожарами, грабежемъ и убійствами, тогда какъ они постоянно удерживали ихъ отъ всякихъ насилій ***).

Жители Нейфена видѣли пожаръ лежавшаго вправо отъ нихъ Гогенштауфена, предъ ихъ глазами ежедневно зажигались «огни въ гмюндскомъ лѣсу, гдѣ крестьяне сожигали дома дворянъ» ****); имъ знакома была сила фейербахерской рати, но въ то же время имъ было извѣстно, что она дурно вооружена и что всѣ ея средства къ оборонѣ заключаются въ

---

*) Докладъ отъ 19 марта, въ штутг. госуд. архивѣ.

*) Докладъ совѣта отъ 24 апрѣля, тамъ же.

**) Донесеніе фюрдерера изъ Нейфена отъ 1 мая.

***) Посланіе отъ 2 мая, штутг. госуд. архивъ.

****) Донесеніе Якова фюрдерера отъ 1 мая, въ штутг госуд. архивѣ.

тринадцати пищаляхъ, на каждую изъ которыхъ приходилось не болѣе 2 лошадей; кромѣ того, Дидрихъ Шпетъ кирхгеймскій фогтъ, послалъ въ Нейфенъ изъ Ураха подкрѣпленіе, состоящее изъ нѣсколькихъ солдатъ и стрѣлковъ, припасы и деньги, да и сама крѣпость была снабжена всѣмъ необходимымъ для двухмѣсячной осады *). По всѣмъ этимъ соображеніямъ они не согласились впустить къ себѣ крестьянъ; къ тому же въ замкѣ скрывалось нѣсколько бѣжавшихъ сюда смертельныхъ враговъ Ульриха, которые должны были особенно опасаться его мести; они предполагали, что Ульрихъ находится въ отрядѣ или же въ сношеніяхъ съ нимъ; такъ какъ шпіоны имъ донесли, что большинство крестьянъ нашило себѣ красные кресты и оленьи рога, прямо указывавшіе на герцога Ульриха **). Матернъ Фейербахеръ приказалъ своимъ надѣть эти значки, приближаясь къ гайльдорфцамъ, вѣроятно, для того, чтобъ различаться отъ нихъ, оленій рогъ онъ избралъ, какъ старинный знакъ виртембергцевъ, крестъ — какъ естественный символъ всякой христіанской рати, возставшей для распространенія Евангелія: лучшіе люди отряда считали свой походъ войною за свободу и за Божіе слово. Впрочемъ многіе дѣйствительно думали объ Ульрихѣ. Они видѣли безначаліе, возрастающую распущенность, многовластіе и опасались, чтобы все это не привело ихъ дѣло къ «дурному исходу и собственной погибели,» они считали необходимымъ имѣть главнымъ предводителемъ человѣка, импонирующаго своею внѣшностью, которому привыкли повиноваться; поэтому не прочь были поставить во главѣ отряда герцога Ульриха ***). Рамей Гарнашеръ тоже не бездѣйствовалъ.

Шайка Матерна за послѣднее время въ самомъ дѣлѣ сильно испортилась. Нечистые элементы, которые все прибывали, во время похода начали теперь сильно бушевать, такъ что Фейербахеру не всегда удавалось усмирять и удерживать ихъ. Мало дѣйствовали въ лагерѣ его рѣчи и проповѣди, которыя онъ произносилъ раза по два въ день. Въ штоксбергской бандѣ было слишкомъ много людей въ родѣ Гейнриха Руфа, который при выходѣ изъ Кирхгейма близь Неккара, своего мѣстопребыванія, воскликнулъ: «прокляни васъ, Господь — старымъ головамъ не сдобровать!» бросилъ свое копье на землю и, обратившись къ рыцарю Петру фонъ-Либенштейну, сказалъ, что сниметъ съ него шпоры, такъ что изъ пятокъ у него потечетъ кровь. Гансъ Вундереръ, слѣдующій за Матерномъ въ начальствѣ, самъ отличался склонностію къ разрушенію, и уже на пути чрезъ леннингенскую долину къ Нейфену, лживость Матернова письма къ нейфенцамъ была блистательно доказана пожаромъ сосѣдняго Тека.

*) Тамъ же. Тоже посланіе правительства отъ 25 апрѣля.

**) Второе посланіе Фюрдерера отъ 1 мая.

***) Тамъ же.

Текъ, похожій болѣе на городъ, нежели на бургъ, былъ расположенъ въ видѣ продолговатаго четыреугольника; своими башнями, зубцами, стѣнами и зданіями онъ окаймлялъ широкую вершину горы того же имени. Эта гора, одѣтая зеленой мантіей виноградниковъ, лѣсовъ, и пастбищъ, спускалась гладкою цвѣтущею покатостью къ знаменитой по красотѣ своей долинѣ. Матернъ Фейербахеръ пожалѣлъ прекрасный замокъ своего князя; онъ велѣлъ только профосу доставить ему 3 пушки, находившіяся на верху. Но Текскіе вассалы приступили къ Гансу Вундереру, жалуясь, что они должны работать въ замкѣ, имъ было невыносимо взбираться на эту крутую гору по дурной, длинной дорогѣ съ припасами, которые они должны подобно животнымъ или тащить на своей спинѣ или навьючивать ихъ на свою жалкую скотину. Вундереръ — безъ вѣдома Фейербахера отдалъ профосу приказаніе сжечь крѣпость герцога. Профосъ вывезъ изъ нея 3 пушки, но не рѣшился зажечь замокъ и, возвратясь, доложилъ главному предводителю, что не онъ исполнилъ приказанія Ганса Вун-

дерера. Матернъ похвалилъ профоса и сильно напалъ на Ганса Вундерера. Сторонники этого послѣдняго говорили между собой, что Фейербахера слѣдуетъ прогнать сквозь строй. За дѣло замка взялся предводитель штокбергерцевъ, онъ послалъ туда отрядъ людей, и вскорѣ столбы дыма и пламени показали Фейербахеру и всей окрестности, насколько его приказанія уважаются вторымъ предводителемъ отряда. Отъ прекрасной крѣпости остались однѣ только развалины.

Злой духъ, кажется, бралъ верхъ въ свѣтлой христіанской бандѣ. «Что ты станешь дѣлать со всею этою сволочью?» говороли Фейербахеру друзья его. Страсть къ разрушенію заразила многихъ. Одни разрушили адельбергскій дворъ въ городѣ Кирхгеймѣ; другіе же, и между ними, если только вѣрить пострадавшимъ, предводители и фендрихи изъ Вейхингена, Ботвара и Шорндорфа, — по дорогѣ Эбершпаха и Рейхенбаха къ Нотцингену, въ полмилѣ отъ Кирхгейма, ограбили домъ капелана, вломились въ тамошній дворецъ Ганса Шпета фонъ-Томанна и, разрушивши и ограбивши все, что было можно, сожгли его.... *) Банда говорила, что надо сжечь въ долинѣ всѣ дома, въ которыхъ крестьяне работали на господъ. Особенно ненавистны крестьянамъ были Клаусы фонъ-Графенекъ и Бальдекеръ, фогтъ Нейфена, и тогда-то былъ, можетъ быть, брошенъ первый факелъ мщенія вассаловъ, зажегшій не только ихъ помѣстья, но и замки многихъ другихъ дворянъ: какъ напримѣръ древнее гнѣздо облагороженнаго рода Шперберговъ,—этотъ огромный замокъ, обнесенный высокою стѣною, развалины котораго украшаютъ теперь Ленингенскую долину. Древнее сказаніе о Wielandstein'ѣ осуществилось въ дѣйствительности: братская борьба разра-

*) Акты изслѣдованія въ штутг. госуд. архивѣ отъ 1715—27 г. Обвиняемые предводители утверждали впослѣдствіи, что многіе крестьяне дѣлали это безъ ихъ вѣдома.

зилась въ прекрасной долинѣ. Три брата: рыцарь, священникъ и земледѣлецъ вышли, какъ три равные сына изъ-подъ отеческаго крова. Сначала оба старшіе брата лишили третьяго наслѣдства и обратили его въ рабство, потомъ они поссорились между собой, начали бороться и обижали другъ друга; а теперь третій братъ, такъ долго угнетаемый, 500-лѣтній рабъ возсталъ и поднялъ мечъ мести и противъ духовнаго и противъ свѣтскаго брата. Памятники тѣхъ дней являются грознымъ предостереженіемъ и напоминаніемъ о возмездіи, о смертномъ приговорѣ, произнесенномъ въ хижинахъ угнетенныхъ.

Больше всего крестьяне были озлоблены на Дидриха Шпета и его гогенурахскаго унтеръ-фогта Вернера. Въ понедѣльникъ на другой день, послѣ Георгія 24 апрѣля унтеръ-фогтъ приказалъ своимъ слугамъ привести четырехъ зачинщиковъ безпорядковъ урахскаго округа и самаго главнаго велѣлъ отвести въ Гогенурахъ. Онъ написалъ тотчасъ же правительству, чтобы къ нему въ Деттингенъ выслали палача, такъ какъ онъ намѣренъ пытать въ замкѣ однаго молодца и надѣется узнать отъ него многое *). Дидриху представили еще пойманнаго проповѣдника, который распространялъ новое ученіе. Онъ приказалъ четвертовать бюргера, впустившаго его въ Урахъ, а проповѣдника, какъ бунтовщика, повѣсить; четырехъ же схваченныхъ и еще одного сперва пытать, а затѣмъ обезглавить. Къ этой жестокости Дидриха побудила ненависть къ новому ученью, ненависть къ крестьянамъ, ненависть къ герцогу Ульриху, но въ то же время и желаніе строгостью запугать городъ и округъ и помѣшать имъ присоединиться къ возстанію. Городъ Урахъ всегда пользовался особенною милостью виртембергской знати. Онъ долгое время былъ мѣстопребываніемъ виртембергскихъ графовъ и потомъ получилъ многія льготы и свободу отъ по-

*) Запись отъ 24 апрѣля въ штутг. госуд. архивѣ.

датей и повинностей. На войну горожане обязаны были выступать только въ томъ случаѣ, если графъ самъ принималъ въ ней участіе *).

Городъ не пользовался такою свободой при управленіи Дидриха Шпета. Потому онъ не могъ довѣрять многимъ горожанамъ; городской фогтъ насчиталъ около 60 изъ нихъ, которые не только сочувствовали крестьянамъ, но и сносились съ ними. Вслѣдствіе этого, замѣчая, что возстаніе все болѣе и болѣе увеличивается и приближается, Дидрихъ Шпетъ изо всѣхъ силъ старался собрать въ городъ и крѣпость достаточно сильный гарнизонъ. Онъ распродалъ въ Ульмѣ серебряной посуды на 1000 гульд. и разъѣжалъ всюду, вербуя поселянъ. Этихъ наемниковъ онъ такъ хорошо содержалъ, что имѣлъ полное право написать, что они всѣ отъ перваго до послѣдняго совершенно довольны и веселы и ихъ предводители увѣряютъ, будто ничего подобнаго они не видѣли ни въ одномъ войскѣ. Вскорѣ закипѣла работа, наемники съ жаромъ и усердіемъ старались укрѣплять и вооружать все, какъ въ нижнемъ городѣ, такъ и на верху въ крѣпости. Первое посланіе крестьянъ въ городъ съ предложеніями, 27-го апрѣля, было оставлено безъ отвѣта; 1-го мая прибылъ второй посолъ, его встрѣтили насмѣшками; однако Шпетъ, понимая, что дѣло крестьянъ серьезно, поспѣшилъ послать городскаго писца Ганса Фоглера къ совѣтникамъ союза, прося помощи, «потому чуо крестьянъ много, 10,000 человѣкъ или еще больше». Между тѣмъ, 2-го мая, въ городъ прибылъ третій посолъ. Солдаты заставили его «съѣсть печать съ восковою и бумажною оберткою»; его принудили бы съѣсть и письмо, еслибъ Рейнгардъ Шпетъ не вмѣшался въ дѣло. Онъ написалъ крестьянамъ, что если они еще разъ пришлютъ пословъ, то онъ съ ними раздѣлается по своему и повѣситъ ихъ передъ городомъ.

*) Писаніе отъ 24 апрѣля въ штутг. госуд. архивѣ.

Письмо было адресовано: «Негодяямъ, называющимъ себя предводителями и начальниками.» Гансъ Фоглеръ, котораго союзный совѣтъ послалъ въ Рейтлингенъ, не получилъ оттуда помощи. Жители Рейтлингена отвѣчали, что они по данной присягѣ не могутъ отдавать крѣпостныхъ. Крестьянскія роты подошли 3-го мая къ Эрмсталю и стали передъ городомъ, рѣшившись отмстить. Начали уже приготовляться къ приступу, но городъ былъ спасенъ прибывшими во время послами изъ главной квартиры крестьянъ, которые принесли приказаніе всѣмъ крестьянскимъ ротамъ какъ можно скорѣе возвратиться въ главную квартиру, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что войско швабскаго союза находится у Белингена и подходитъ уже къ городу. Предводительствуя главною силою банды, Матернъ Фейербахеръ оставался до 3-го мая въ Кирхгеймѣ. Отсюда онъ посылалъ во всѣ еще медлившіе города точно также, какъ въ Неффенъ и Урахъ, приказанія собираться. Мы видѣли, что даже штутгартская рота присоединилась къ бандѣ 1-го мая въ Кирхгеймѣ; по приказанію Матерна, она была хорошо вооружена пиками и ружьями.

Теусъ Герберъ, предводитель штутгартской банды, имѣлъ при себѣ фендрихомъ Мартина Риттеля. Штутгартскій совѣтъ и комитетъ выбрали Теуса Гербера, какъ наиболѣе способнаго къ этому дѣлу, но онъ очень неохотно принялъ эту должность. «Вы знаете, господа», сказалъ онъ, «что я бѣдный человѣкъ, у меня жена и девять человѣкъ дѣтей, и я долженъ оставить ихъ безпомощныхъ?» Совѣтъ увѣрялъ Теуса, что о его женѣ и дѣтяхъ будутъ заботитьтя. «Положимъ, господа», продолжалъ онъ, «но вѣдь я знаю, какую обязанность вы на меня налагаете; если дѣла пойдутъ хорошо, то скажутъ, что все было дѣло штутгардцевъ, если же, наоборотъ, они пойдутъ дурно, то все падетъ на меня одного.» Совѣтъ старался убѣдить его, что и въ этомъ случаѣ ему нечего безпокоится, за него будутъ стоять всѣ. Теусъ Герберъ просилъ, чтобъ въ виду будущихъ затрудненій, по крайней мѣрѣ, назначили ему двухъ

благоразумныхъ совѣтниковъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобъ они не были ни забіяками, ни крикунами.

Такимъ образомъ Герберъ согласился занять мѣсто главнаго предводителя. Его снабдили довольно значительною суммою денегъ для провольствія въ пути людей и совѣтовали только не связываться съ вейнсбергскою бандой и не предпринимать съ крестьянами никакихъ дѣйствій безъ увѣдомленія и согласія штутгардцевъ, — условіе, весьма опасное и во многихъ случаяхъ совершенно неудобоисполнимое *).

3-го мая Фейербахеръ перевелъ лагерь въ Нюртингенъ на Неккарѣ. Свѣтлая христіанская банда зашла на свою главную квартиру — пустой замокъ вдовствующей герцогини Елисаветы, умершей за годъ передъ тѣмъ. Крестьянское войско быстро увеличивалось здѣсь цѣлыми тысячами, вслѣдствіе присоединенія бандъ изъ долинъ Ремса, Фильса и Неккара, и чѣмъ ближе подходили онѣ къ мѣсту встрѣчи съ войскомъ швабскаго союза, тѣмъ болѣе понимали крестьяне необходимость присоединить къ себѣ даже болѣе отдаленныя банды, чтобъ усилиться всѣми братьями. Городской писецъ, Илья Мейхснеръ изъ Штутгарта, который вмѣстѣ съ другими писцами слѣдовалъ за главною квартирою, снова долженъ былъ разсылать во всѣ стороны приказанія соединяться. Матернъ Фейербахеръ послалъ 3-го мая письмо «и къ уважаемымъ мудрымъ христіанскимъ братьямъ, предводителямъ, и ко всей рати христіанскаго собранія въ Алльгау, на Боденскомъ озерѣ и въ Шварцвальдѣ.» — «Пощада и миръ,» писалъ онъ, «во Христѣ, нашемъ Господѣ. Знайте, многоуважаемые, христіанскіе, дорогіе братья, долго терпѣли мы тежелые налоги, страхъ и нужду во всѣхъ отношеніяхъ, долго подвергалось униженію, посмѣянію и оскорбленію все христіанское братство, долго духовенство и свѣтскія власти, вопреки повелѣніямъ Бога, права и справедливости, заставляли насъ переносить все

*) Акты процесса Теуса Гербера въ штутгарт. госуд. архивѣ.

это: теперь снова швабскій союзъ собралъ всю свою силу и власть, чтобы съ помощію огромнаго войска, пѣхоты и конницы, возвратить насъ подъ прежнее иго. Онъ долго старался погубить васъ, но по милости божіей это ему не удалось; теперь, видя наше приближеніе, онъ оставилъ васъ и обратилъ всѣ свои силы противъ насъ, чтобы воспрепятствовать намъ и погубить наше христіанское дѣло; по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ видно, что когда союзу удастся побѣдить насъ, онъ снова обратится противъ васъ, разобьетъ всѣ банды одну за другою, и снова намъ, нашимъ дѣтямъ и внукамъ придется испытать на себѣ ихъ гордость и ихъ жестокія притѣсненія. Обдумайте все это хорошенько; размыслите о томъ, какіе налоги, тягости и униженіе предстоятъ намъ, если мы не одержимъ верхъ надъ врагомъ. Мы выступили поэтому въ походъ на помощь и утѣшеніе вамъ и всѣхъ христіанъ, наскоро собравъ противъ союза хорошее войско; и мы просимъ и умоляемъ васъ подать намъ помощь: присоединитесь къ намъ всѣ, какъ можно скорѣе, идите, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью; мы увѣрены, что если вы и другія сильныя банды соединятся съ нами, то съ помощію божіей мы вскорѣ совершенно избавимся отъ всѣхъ притѣсненій союза и достигнемъ тогда полнаго мира. Послѣ побѣды надъ союзомъ намъ нечего будетъ бояться какихъ бы то ни было враговъ; съ помощію божіею мы безъ опасенія приступимъ тогда и къ устроенію христіанскаго, братскаго войска и будемъ и мы, и наши потомки жить спокойно и мирно, не страдая отъ несправедливыхъ и богопротивныхъ притѣсненій. Безъ вашей помощи намъ будетъ трудно достигнуть этого. Вотъ почему мы обращаемся къ вамъ—христіанамъ, дорогимъ братьямъ, съ покорною просьбою принять наше дѣло къ сердцу и обдумать его, и не оставить насъ своею помощію, и собраться въ Тюбингенъ.» *).

*) Письмо, написанное въ среду послѣ Филиппа и Якова.

По этому призыву отдѣльныя банды изъ преданныхъ округовъ поспѣшили присоединиться къ главной квартирѣ для подкрѣпленія центральнаго отряда. На пути одна изъ нихъ попыталась овладѣть городомъ Марбахомъ, который все еще былъ занятъ войскомъ правительства. Крестьяне по одиночкѣ, по двое и по трое, незамѣтно, подъ различными предлогами входили въ городъ, пока ихъ не набралось такимъ образомъ 150 человѣкъ. Тогда они стали нахально требовать, чтобъ имъ выдали вина изъ господскаго погреба. Имъ дали его вдоволь, такъ что они могли вполнѣ насладиться вкуснымъ напиткомъ. Между тѣмъ фогтъ Михаилъ Деммлеръ, городской совѣтъ и судъ, собравшись въ ратушѣ, разсуждали, какъ бы избавиться отъ этой шайки. Услыхали ли объ этомъ крестьяне или подмывало ихъ вино, но они напали на ратушу и стали кричать, что слѣдуетъ выбросить изъ оконъ всѣхъ совѣтниковъ. Ворваться въ ратушу имъ не удалось, и они снова набросились на вино и продолжали пить его до сумерекъ, пока наконецъ не заснули одинъ за другимъ тамъ и сямъ на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Въ этотъ день оберъ-фогта Эйтеля Ганса фонъ-Плинингена не было въ городѣ; онъ возвратился ночью изъ своего замка Шаубека и тихонько собралъ горожанъ. Съ наступленіемъ дня пьяные крестьяне увидѣли себя окруженными горожанами при барабанномъ боѣ и стукѣ оружій, и прежде, чѣмъ успѣли прійти въ себя и понять, какъ все это случилось, были обезоружены; полупьяные, испуганные они молили только о спасеніи жизни. Ихъ пощадили, но съ условіемъ, чтобъ они, какъ ослы, вышли изъ города черезъ такъ называемые ослиные ворота.

Всѣ округи высылали теперь къ бандѣ такое же количество хорошо вооруженныхъ людей, какое прежде во время двухъ нападеній герцога Ульриха они доставляли австрійскому правительству. Вотъ почему предводители нашли штутгартскій контингентъ неудовлетворительнымъ сравнительно

съ другими округами, они требовали, чтобъ контингентъ и совѣтъ, какъ можно скорѣе выслали еще 200 человѣкъ.

Но чѣмъ больше увеличивалось крестьянское войско внѣшнимъ образомъ, тѣмъ болѣе теряло своей внутренней силы: нечистыя волны все прибывали, Матернъ не могъ далѣе править рулемъ, потокъ, вышедшій изъ береговъ повиновенія, бросалъ его изъ стороны въ сторону и уносилъ за собою. Хотя ядро войска и состояло изъ воинственнаго народа, хотя уполномоченные отъ городовъ и округовъ слѣдовали за нимъ подъ общимъ названіемъ «виртембергскихъ людей,» но все же перевѣсъ былъ на сторонѣ сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ народа,—на сторонѣ грабежа и разрушенія. Хорошо понимавшій положеніе дѣлъ, Теусъ Герберъ, предводитель штутгартцевъ, скоро замѣтилъ рану, разъѣдавшую свѣтлую христіанскую банду. Онъ, встрѣтилъ у виноградниковъ, между Штутгартомъ и Дегерлахомъ, 200 штутгартцевъ, которыхъ велъ, въ видѣ подкрѣпленія, въ крестьянскій лагерь, фендрихъ Яковъ Лацарусъ. «Братъ», сказалъ онъ ему, «вотъ уже 7 дней, какъ хожу съ крестьянами; прежде я думалъ, что они хотятъ исполнить Божіе слово, но теперь вижу, что они мало заботятся объ этомъ, что большинство думаетъ только о грабежѣ и воровствѣ» *).

Чтобъ устроить военную кассу, Фейербахеръ спѣшилъ собрать всѣ остававшіяся еще невнесенныя податныя деньги съ духовенства. Недоимки числились даже за штутгартскими канониками. Преводители послали имъ сказать: что если они тотчасъ же, безъ малѣйшаго отлагательства, не вышлютъ въ лагерь требуемыхъ денегъ, то крестьяне принуждены будутъ принять свои мѣры, къ которымъ бы имъ не хотѣлось прибѣгать **). Эта серьезная угроза произвела должное дѣйствіе, сборщики податей свѣтлой христіанской банды дали «достойнымъ, вы-

*) Акты процесса Теуса Гербера.

**) Письмо, написанное во вторникъ послѣ Misesicordia domini, 2 мая.

сокоученымъ и духовнымъ господамъ» квитанціи въ вѣрномъ полученіи вспомогательныхъ денегъ *).

Послы, съ предложеніями, какъ можно скорѣе прибыть къ лагерю въ Дегерлохъ, были также посылаемы: къ аристократіи страны, къ тѣмъ дворянамъ, которые клялись крестьянамъ и получили отъ нихъ охранныя грамоты, и къ тѣмъ, которые еще не были замѣшаны въ дѣло. Изъ Нюртингена Фейербахеръ съ бандою отправился въ Дегерлохъ черезъ Кенгенъ, Денкендорфъ и Неллингенъ. Въ лагерѣ Неллингена крестьяне взбунтовались противъ него. Раздражила ли ихъ пощада, которую Фейербахеръ противъ ихъ желанія оказалъ монастырю Денкендорфъ, или онъ слишкомъ отдѣлился отъ банды, или же дошелъ до нихъ разнесшійся слухъ о мирныхъ переговорахъ, которые Матернъ, безъ согласія другихъ, втайнѣ завелъ съ императорскимъ войскомъ въ Эйслингенѣ, — но во время стоянки въ Неллингенѣ, въ бандѣ стали кричать, что «Матернъ и священникъ Эйзенхутъ ускакали въ Эйслингенъ, что Матернъ стоитъ за союзъ, что его подкупили, что въ Эслингенѣ у него есть братъ священникъ». Другіе утверждали, будто Матернъ получилъ отъ герцога Ульриха письмо съ важными извѣстіями и утаилъ его, что онъ измѣнникъ. Когда бунтовщики узнали, что Матернъ не уѣзжалъ въ Эйслингенъ, но уже перевелъ главную квартиру въ Дегерлохъ, тогда они стали повторять только, что онъ измѣнникъ, окружили домъ, гдѣ онъ квартировалъ, и съ пиками и алебардами кричали: «онъ въ сношеніяхъ съ союзомъ, надо схватить мошенника и прогнать сквозь строй». Матернъ вскочилъ на дворѣ на своего большаго коня и неожиданно и смѣло выѣхалъ къ толпѣ бунтовщиковъ. «Друзья мои,» сказалъ онъ, «дайте же мнѣ оправдаться передъ вами;

---

*) Квитанція, 5 мая штутг. государств. архивъ.

если мнѣ не удастся, прогоните меня сквозь строй. Тотъ, кто говоритъ, что я получилъ письмо отъ герцога, лжетъ, какъ негодяй». Изумленные бунтовщики молчали. Матернъ это замѣтилъ и продолжалъ: «Мы собрались здѣсь не ради герцога Ульриха; онъ до насъ не касается; послѣ Бога императоръ нашъ господинъ, и ему хотимъ мы служить. Мы собрались здѣсь ради слова Божія, ради того, чтобъ исполнять его и отдать должное всякому, кто пожалуется на несправедливость». Вслѣдствіе этой сцены Фейербахеръ отказался быть болѣе главнымъ предводителемъ: но никто не хотѣлъ взять на себя начальство и потому никто не перенималъ у него команды.

Черезъ нѣсколько времени въ главную квартиру дѣйствительно прибылъ посолъ съ письмомъ отъ герцога Ульриха. Посолъ этотъ, вѣроятно, искалъ Фейербахера еще въ Нюртингенѣ; поиски главнаго предводителя, вѣроятно, заставили его запоздать, такъ что извѣстіе о письмѣ отъ Ульриха успѣло распространиться въ войскѣ прежде, чѣмъ самый посолъ успѣлъ нагнать поспѣшно подвигающагося впередъ предводителя. Матернъ принялъ письмо, и Антонъ Эйзенгутъ, ставъ въ средину толпы, прочелъ въ слухъ громкимъ голосомъ. Письмо было отъ 1 мая. До него дошелъ слухъ, писалъ изгнанный и опальный князь Гогентвиль, что крестьяне заняли довольно значительную часть его княжества; онъ надѣется, что они не предпримутъ ничего ни противъ него, ни противъ правъ его на эту землю въ странѣ; но такъ какъ они ему до сихъ поръ не давали ни малѣйшихъ извѣстій о своихъ намѣреніяхъ, то онъ покорнѣйше проситъ ихъ послать ему отвѣтъ чрезъ этого посла.

Поднявшееся вскорѣ послѣ несчастнаго исхода его воинственнаго карнавала всеобщее крестьянское движеніе снова возбудило надежды Ульриха, и онъ не оставался бездѣятельнымъ. Хотя онъ уже при самомъ началѣ послѣдняго похода тотчасъ же испортилъ дѣло съ

Гансомъ Мюллеромъ изъ Бульгенбаха, хотя во время этого похода виртембергскіе округи проявляли большею частью осторожность, герцогъ лично и посредствомъ эмиссаровъ снова дѣлалъ попытки — придать движенію выгодный для него оборотъ; значки виртембергскихъ крестьянъ высказали, по крайней мѣрѣ, во время послѣдняго похода, «что копья ихъ не пронзятъ герцога Ульриха!» Когда въ первыхъ числахъ апрѣля возстали крестьяне Гегау, Баара и Клетгау, поднялся и герцогъ Ульрихъ въ Шафгаузенѣ, гдѣ онъ въ то время находился. 4-го апрѣля поѣхалъ онъ къ ближайшимъ бандамъ и просилъ ихъ помощи, для того чтобы занять прежнее положеніе. Банды объяснили ему, что онѣ не могутъ сами собой его принять, и что ему слѣдуетъ обратиться къ свѣтлой бандѣ *). Ульрихъ воротился и 9-го апрѣля отправилъ пословъ въ крестьянскій лагерь въ Бондорфъ, куда въ то время собрались: Гансъ Бенклеръ, главный предводитель гегаусской банды, вмѣстѣ съ Гансомъ Мюллеромъ изъ Булгенбаха. Ульрихъ просилъ принять его въ крестьянское братство и обѣщалъ дать своимъ подданнымъ все, что будетъ назначено евангелическимъ братствомъ. Гансъ Бенклеръ, какъ кажется, не относился враждебно къ герцогу. Но Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха и шварцвальдцы выразили ему рѣшительное нерасположеніе и грозили отдѣлиться отъ гегаузцовъ и возвратиться назадъ, если герцогъ будетъ принятъ **). Вступить въ братство крестьянъ и слѣдовать за ними желали также швейцарцы, принимавшіе участіе въ послѣдней экспедиціи герцога и не рѣшавшіеся возвратиться на родину изъ страха грозившаго

*) Докладъ 8 отъ апрѣля въ штутгарт. архивѣ.

**) Докладъ города Филлингена, отъ 11 апрѣля. Письмо Келлера въ Тутлингенъ, къ Стефану Циглеру, отъ 16 апрѣля. Штутгар. государст. архивъ.

имъ тамъ наказнія. Но и имъ было отказано: ихъ обращеніе съ герцогомъ во время послѣдняго похода и отношеніе швейцарскихъ кантоновъ къ крестьянскому дѣлу не внушало къ нимъ довѣрія. Швейцарцы не пользовались вообще хорошей славой. Въ народѣ ходили на ихъ счетъ разныя сатирическія пѣсни, въ родѣ того, «что швейцарцы всюду все пронюхаютъ, одному измѣнятъ, другого продадутъ, отъ третьяго безстыдно убѣгутъ» *).

Ульрихъ однако не терялъ надежды. Пока онъ поручалъ своимъ повѣреннымъ стараться расположить гегаузцевъ въ свою пользу, 20-го апрѣля, когда главная квартира банды была расположена въ Гюфингенѣ, Ульрихъ лично отправился къ нимъ въ сопровожденіи 15 всадниковъ и просилъ снова принять его въ братство. Эмиссары уже ранѣе обѣщали, что онъ съ своими швейцарцами изъ Тюргау и Клетгау поможетъ крестьянамъ взять Энгенъ, Штокахъ и Целль, затѣмъ они вмѣстѣ отправятся въ Ротвейль, добудутъ герцогскія орудія, остававшіяся тамъ съ послѣдняго военнаго карнавала, и направятся дальше въ Виртембергское королевство. Составили сходку. Ульрихъ сказалъ, что онъ князь, несправедливо изгнанный изъ своей страны, и что если они помогутъ ему пріобрѣсти потерянныя права, онъ доставитъ имъ 300 лошадей и всѣ свои орудія. Крестьяне послѣ нѣкотораго совѣщанія объявили, что согласны оказать ему помощь и принять его въ братство, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ велъ свое дѣло честно, держалъ себя въ братствѣ, какъ прочіе братья, исполнялъ ихъ статьи и, послѣ возвращенія съ помощію ихъ въ свою страну, далъ бы бѣднымъ своимъ крестьянамъ всѣ права, перечисленныя въ этихъ статьяхъ, и не мстилъ бы имъ за прошлое. Герцогъ изъявилъ желаніе познакомится ближе со статьями, чтобы, обдумавши ихъ, дать въ непродолжительномъ времени

*) Штубензоль, у Бертольда, стр. 113-я.

рѣшительный отвѣтъ. Съ этимъ онъ уѣхалъ. На слѣдующій день, 21 апрѣля, въ пятницу онъ возвратился, принялъ присягу и вступилъ въ евангелическое братство. Гансъ Мюллеръ и шварцвальдцы двинулись къ Целлю; Ульрихъ присягалъ предъ Гансомъ Бенклеромъ и гегаузцами въ лагерѣ около Гильцингена *). Однако онъ не остался при бандѣ, а отправился къ Твилю, чтобъ тамъ собрать подкрѣпленіе. Въ одномъ изъ писемъ своихъ городу Щафгаузену онъ оправдывалъ свой поступокъ такъ: »Всѣмъ извѣстно насиліе и несправедливость, сдѣланныя намъ, и наши напрасные *протесты* противъ нихъ; поэтому Богъ и природа позволяютъ намъ изыскивать всѣвозможныя средства для возвращенія нашего достоянія. Руководствуясь этимъ и еще многими другими причинами, мы вступили въ сношенія съ крестьянскимъ собраніемъ, находящимся теперь въ Гегау и Шварцвальдѣ, получили обѣщаніе съ его стороны содѣйствовать возвращенію нашихъ правъ, гарантировать нашу безопасность и достояніе. Впрочемъ мы намѣрены поддерживать эти отношенія только до тѣхъ поръ, пока крестьяне будутъ вѣрны своему обѣщанію руководствоваться только божескими повелѣніями и дѣйствовать справедливо и честно» **).

2 мая Ульрихъ присоединился съ своимъ оружіемъ и 50 всадниками къ гегауской бандѣ, стоявшей лагеремъ въ Мерингенѣ; многіе рыцари, бывшіе до сихъ поръ вѣрными ему и слѣдовавшіе за нимъ, оставили теперь герцога и не повиновались его приказанію собираться въ походъ; «теперь другіе взялись защищать герцога—говорили рыцари,—и они положительно недоумѣваютъ, въ чемъ они могутъ быть ему полезны при такомъ войскѣ» ***).

*) Докладъ Ганса Циглера тютлингенскаго отъ 18 до 20 апрѣля. Докладъ келлера изъ Балингена отъ 24 апрѣля.

**) Письмо изъ Твиля, отъ 29 апрѣля. Изъ шафгаузенскаго архива у Шрейбера.

***) Письмо рыцаря Сигмунда Цвиккофа, отъ 2-го мая въ штутг. государств. архивѣ.

Наканунѣ своего прибытія Ульрихъ послалъ письма къ виртембергской бандѣ, находившейся подъ предводит. Фейербахера.

Мы уже видѣли, что Рамей Гарнашеръ, вѣрный слуга и агентъ Ульриха, сопровождалъ свѣтлую христіанскую банду въ качествѣ члена крестьянскаго совѣта. Въ этой бандѣ была также партія, сильно расположенная къ Ульриху. Она настояла на томъ, чтобы у каждаго порознь были отобраны мнѣнія о письмѣ герцога и о томъ, слѣдуетъ ли его принять, и что ему отвѣчать. Теусъ Герберъ, предводитель штутгартцевъ не надѣялся, чтобъ необузданная неорганизованная толпа крестьянъ могла противостоять многочисленному правильному войску швабскаго союза, предводительствуемому такимъ главнокомандующимъ, какъ Іергъ Трухзесъ; онъ полагалъ поэтому, что союзъ съ герцогомъ Ульрихомъ не имѣетъ въ настоящее время никакого смысла. Чтобы не испортить добрыхъ отношеній къ настоящему правительству, онъ осторожно пустилъ въ ходъ этотъ вопросъ. Онъ напомнилъ имъ свою присягу эрцгерцогу Фердинанду и предложилъ бандѣ отвѣчать уклончиво. Большинство было съ нимъ согласно. Герцогу послали такой отвѣтъ: «пусть его княжеская совѣсть милостиво вспомнитъ всѣ настоящія страданія крестьянъ и благодѣянія, полученныя ими отъ предковъ его свѣтлости, пусть онъ вспомнитъ и о томъ злѣ, которое они терпѣли ради его свѣтлости; вспомнитъ, что цѣль ихъ похода состоитъ въ томъ, чтобы помощію евангелической христіанской свободы защитить право и справедливость противъ насилія; что они не думаютъ противодѣйствовать своимъ законнымъ властямъ, что не ихъ дѣло разсуждать, кому по принадлежности долженъ принадлежать Виртембергъ, и что они никого не желаютъ лишать законныхъ правъ **).

Прокламаціи, разосланныя еще изъ Нюртингена по всей

**) Акты процесса Теуса Гербера.

странѣ предводителями банды и всего крестьянства и призывающія къ немедленному выступленію, были написаны въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Въ этихъ прокламаціяхъ предводители настаивали на необходимости самаго скораго соединенія, въ виду угрозъ швабскаго союза, съ бандами въ Альгау, въ Гегау, въ Шварцвальдѣ, Гмюндѣ и въ другихъ мѣстахъ; состоялось уже соглашеніе и они надѣялись, что дня черезъ 4—5 окончательно покончатъ это дѣло *). Такую увѣренность въ бандѣ поселяли ежедневно прибывавшія и ожидаемыя подкрѣпленія. По требованію Фейербахера, посланному 28 апрѣля, банда «Гейя», соединилась съ свѣтлой христіанской толпой еще въ Нюртингенѣ, и сильные отряды «банды виртембергскаго Шварцвальда» были уже въ пути.

Въ Гей, т. е. въ ту часть Виртемберга, которая тянется отъ виртембергскаго Шварцвальда чрезъ гернбергскій округъ до Шенбукса, движеніе было занесено съ Дуная тѣми отдѣльными бандами, которыя заняли Фуллингенъ и отсюда перешли въ Амерталь, какъ кажется, прежде войска правительства, потому что беблингерскій фогтъ Леонардъ Брейтшвертъ доносилъ уже 7-го апрѣля, что изъ Бебенгауса подвигается толпа крестьянъ съ бѣлыми знаменами, на верху которыхъ находится изображеніе господне съ распростертыми руками, внизу—Божія Матерь, а въ каждомъ углу оленій рогъ, и что всюду носится слухъ, будто герцогъ Ульрихъ на дняхъ открыто станетъ во главѣ возставшихъ. Это были, очевидно, тѣ же самые крестьяне, которые вмѣстѣ съ остатками лейпгеймерской банды приняли передъ Фуллингеномъ теперешніе виртембергскіе знаки и загадочно говорили объ Ульрихѣ, съ цѣлью склонить виртембергцевъ къ соединенію съ ними; можетъ быть, то были виртембергцы, которые присоединились къ лейпгеймерской толпѣ изъ Блауберера и мюнсин-

*) Письмо изъ Нюртингена отъ 3 апрѣля.

генскаго округа. Они не аттаковали непосредственно Беблингена, но черезъ Шенбухъ и Брейтенгольцъ направились къ Кайху, занявъ сперва въ лѣсу выше Кайха позицію, обезпечивавшую имъ сообщеніе съ Амерталемъ, Шенбухомъ и графствомъ Гохенбергъ и дававшую возможность беспрепятственно рыскать по Гею, гдѣ частію добровольно, частію насильственно присоединялись къ нимъ мѣстные крестьяне. Воинственно выступали они, съ своими двумя значками, съ барабанами и трубами *). Потомъ они спустились въ беблингенскій округъ и силою присоединили къ братству деревни, не пристававшія къ нимъ добровольно. Въ иныхъ мѣстахъ напр. въ Дармсгеймѣ, они не застали ни одного человѣка, крестьяне покинули жилища при ихъ приближеніи. Дармсгеймерцы, какъ большинство жителей беблингенскаго округа, все еще были обезоружены, такъ какъ они сражались за Ульриха во время послѣдняго нападенія.

Жители округовъ Беблингена и Леонбергера при самомъ началѣ обратились къ правительству, говоря, что они прогонятъ гейцевъ, такъ какъ между ними много благомыслящихъ. Но ихъ посолъ не засталъ уже никого въ штутгартской концеляріи, а 24 апрѣля леонбергерцы написали въ Тюбингенъ, что ихъ фогтъ вчера уѣхалъ и, вѣроятно, больше не воротится, вслѣдствіе всеобщаго возстанія; что теперь уже отъ нихъ ожидать нечего, такъ какъ они со всѣхъ сторонъ окружены приближающимися громадными силами крестьянскихъ бандъ **). Жители Дагерсгейма, сохранившіе оружіе, попытались было дать отпоръ натиску крестьянскихъ отрядовъ; но не имѣли никакого успѣха, и тутъ же одинъ изъ дагерсгеймцевъ, Леонардъ Шварцъ, сталъ во главѣ банды. Крестьяне этой страны держались того же правила, какъ и всѣ прочіе: въ каждой мѣстности прежде всего заставлять при-

*) Докладъ изъ Гернберга отъ 8 и 9 апрѣля.
**) Многія письма изъ совѣта и думы (судя) въ штутг. госуд. архивѣ.

соединяться богатыхъ; и здѣсь также можно было видѣть въ бандѣ зажиточныхъ бюргеровъ и крестьянъ, «никогда въ жизни не думавшихъ и нежелавшихъ ничего подобнаго» и часто со слезами принимавшихся за оружіе, чтобъ слѣдовать за бандою *). Многіе убѣгали при первомъ удобномъ случаѣ. Вотъ почему количество людей въ толпѣ, когда она пошла на Мерклингенъ, не превышало 4—500 чел. Они намѣревались напасть на Гирзау.

Эта прекрасная древняя обитель, бывшая нѣкогда разсадникомъ знанія и метрополіею множества монастырей, была расположена при Нагольдѣ, между Кальвомъ и Либенцелемъ. Не смотря на всѣ перемѣны судьбы и невзгоды, монастырь до крестьянскаго возстанія все еще сохранялъ значительное величіе. Было 24 апрѣля, когда Леонардъ Шварцъ съ нѣсколькими отрядами приблизился къ монастырю. Онъ потребовалъ сначала только вина. Аббатъ Гансъ Шультгейсъ былъ въ Тюбингенѣ по вызову правительства. Настоятель и монахи спѣшили удовлетворить страшныхъ гостей хлѣбомъ и виномъ. Изъ страха и опасенія, что за этими крестьянами слѣдуетъ еще значительнѣйшая шайка, и что они тогда уже не будутъ въ силахъ сладить съ крестьянами, монахи написали правительству, прося совѣта и подкрѣпленія **). Въ тотъ же день и на слѣдующіе въ монастырь дѣйствительно приходили толпы за толпами. Разгоряченные виномъ, крестьяне скоро сдѣлались своевольны и не только грубою рукою опустошили погребъ и амбаръ, но даже добрались и до хозяйственныхъ принадлежностей. Удержать ихъ было навозможно; монастырь въ этотъ разъ и позже такъ сильно пострадалъ, что убытокъ его можно опредѣлить сум-

*) Многія письма отъ совѣта и думы въ штутг. госуд. архивѣ.
**) Докладъ игумена и конвента въ понедѣльникъ послѣ Георгія.

мою не менѣе 14,675 гульденовъ. Строенія однако не были повреждены. Чтобъ выманить побольше вина, предводители распустили слухъ, будто герцогъ Ульрихъ приближается къ нимъ съ 1000 человѣкъ конницы и пѣхоты. Жители Кальва были сильно озабочены съ тѣхъ поръ, какъ первые отряды подошли къ Мерклингену. Фогтъ Конрадъ Лампартеръ поскакалъ къ Мерклингену, чтобъ мирнымъ путемъ уладить дѣло съ крестьянами. Его переговоры прервало извѣстіе, что крестьяне заняли Булахскій лѣсъ и быстро подвигаются къ его округу *). Когда крестьяне заняли Гирцау, отстоявшій отъ Кальва всего на $^3/_4$ часа пути,—бюргеры рѣшительно не знали, какъ имъ быть съ своимъ неукрѣпленнымъ городомъ; совѣтъ и судъ составили комитетъ и пытались еще разъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Но Леонардъ Шварцъ изъ Гирцау рѣшительно требовалъ, чтобъ городъ немедленно присоединился къ братству, угрожая въ противномъ случаѣ разрушить городъ при помощи вильдбергской банды **).

Вторая банда собралась на святой недѣлѣ, въ Нейвейлерѣ, недалеко отъ Вильдберга, и одна рота ея 23 апрѣля распустила знамя въ храмовой праздникъ села. На слѣдующій день они отправились въ городокъ Булахъ. Фогтъ этого города слишкомъ долго обдумывалъ предложенія крестьянъ, они раскачали бревно на манеръ тарана, отперли имъ ворота, отняли у фогта ключи и заставили его дать приказъ отпускать имъ даромъ пищу и напитки, и ѣли, и пили, не платя ничего. Предводителемъ этой банды былъ Гансъ Гусъ. 24 апрѣля они отправили посольство въ Вильдбергъ. Укрѣпившись въ лѣсу, крестьяне требовали сдачи города, обѣщая въ такомъ случаѣ неприкосновенность всѣхъ жителей, — въ противномъ случаѣ они угрожали взять городъ силою. Го-

*) Письмо фогта отъ 24 апрѣля.
**) Доклады отъ 25 и 26 апрѣля.

родъ и крѣпость были намѣрены защищаться твердо, и потому не приняли предложенія небольшой булахской банды. Крестьяне сначала отошли отъ города, но потомъ снова подступили къ нему, призвавъ на помощь значекъ изъ Гейя и большую банду изъ Шварцвальда *).

Эта банда, предводительствуемая опытнымъ воиномъ Томасомъ Майеромъ изъ Фогельсберга собралась въ виртембергскомъ Шварцвальдѣ, въ окресностяхъ Зульца, Ротвейля и Тутлингена. Всѣ разбросанные значки отъ Шенбуха до Тутлингена признали Майера общимъ предводителемъ. Главная квартира его сперва была въ окрестностяхъ Нейнека, откуда они дѣлали набѣги на сосѣднія помѣстья господъ Нейнекъ. Его банда между тѣмъ росла съ каждымъ днемъ. Городъ Дорнштетенъ былъ занятъ имъ совершенно также, какъ Булахъ Гусомъ. Оберфогтъ Дорнштетена сперва относился къ крестьянамъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и всѣ другіе дворяне. «Еслибъ у меня только было 50—60 человѣкъ конницы», писалъ онъ 11 апрѣля, «я бы живо разогналъ бунтующихъ мошенниковъ». Спустя недѣлю онъ долженъ былъ сознаться, что къ инсургентамъ присоединяется одинъ округъ за другимъ; нѣсколько дней спустя его постигла та же участь, какъ горнбергскаго фогта **) 19 апрѣля онъ выѣхалъ послѣдній изъ Штутгарта. У Глатта, не вдалекѣ отъ Дорнштетена, наткнулся онъ на крестьянскія банды. Его ссадили съ лошади и заставили идти пѣшкомъ вмѣстѣ съ крестьянами, и при этомъ ихъ своеволіе разыгралось надъ нимъ безпощадно. Наконецъ его отпустили, взявъ клятву ничего не предпринимать противъ крестьянъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца ***). Такую же клятву долженъ былъ дать крестьянамъ дорнштетенскій оберфогтъ 24 апрѣля. Фогтъ

*) Доклады отъ 24 и 25 апрѣля.

**) Донесенія оберфогта отъ 10, 11, 13 и 14 апрѣля.

***) Доклады изъ орнштетена и изъ Горнберга въ штутг. госуд. архивѣ.

Балингена давно уже былъ въ безпокойствѣ. На святой недѣлѣ онъ послалъ правительству съ курьерами пять писемъ, одно за другимъ; онъ писалъ, что къ Балингену все болѣе приближаются крестьяне изъ Гегау и изъ Шварцвальда, что ходятъ слухи, будто къ нимъ присоединился герцогъ Ульрихъ, и что онъ, фогтъ, уже осужденъ на смерть. 23 апрѣля часть округа присоединилась къ бандѣ *). Городъ Балингенъ имѣлъ менѣе поводовъ къ возстанію, чѣмъ прочія мѣстности. Горожане его пользовались большими правами. Но не смотря на примѣръ сосѣдняго Эбингена, откуда никто не бѣжалъ въ банды, многіе изъ балингенцевъ присоединились къ крестьянамъ, и между оставшимися было много сочувствовавшихъ движенію, или, покрайней мѣрѣ, герцогу Ульриху. 24 апрѣля Томасъ Майеръ приблизился къ городу съ отрядомъ болѣе чѣмъ въ 3000 человѣкъ. Онъ послалъ жителямъ возваніе такого рода: «вы должны, подобно намъ», писалъ Майеръ «соблюдать св. Евангеліе и повелѣнія Божіи; въ послѣдній разъ мы предлагаемъ вамъ соединиться съ нашимъ братствомъ; если вы несогласны, вы наши враги, и мы станемъ обращаться съ вами, какъ съ врагами.» Но на этотъ разъ Майеръ не рѣшился осадить городъ, сильно укрѣпленный и хорошо снабженный оружіемъ; онъ заставилъ только окружныхъ крестьянъ присоединиться къ бандѣ и прошелъ мимо, направляясь къ Розенфельду.

Вблизи этого города только-что расположились, въ видѣ передоваго отряда свѣтлой банды, лейдрингерскіе крестьяне и послали въ городъ возваніе. Хотя въ Розенфельдѣ было не болѣе 100 вооруженныхъ людей, но они рѣшились «дѣйствовать честно» и отвергли предложеніе о сдачѣ. Но, когда 25 апрѣля свѣтлая банда въ полномъ составѣ подступила къ городу, расположеніе умовъ совершенно измѣнилось. «Я выбиваюсь изъ всѣхъ силъ,

*) Штутгарт. госуд. архивъ.

жаловался фогтъ, «никто не хочетъ повиноваться, и каждый дѣйствуетъ, какъ хочетъ» *). Вечеромъ того же дня объявилъ онъ правительству о сдачѣ города: «нужда заставила ихъ впустить крестьянъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ они ничего не предпринимали противъ дворянъ.»

Томасъ Майеръ поступалъ также, какъ и другіе предводители. Каждый городъ, каждое мѣстечко должны были поставлять опредѣленный контингентъ, такъ Дорнштетенъ выставилъ 34 чел. подъ предводительствомъ Блазіуса Блауса. Только насиліемъ удалось присоединить Безингенъ и прочія мѣстечки Рудольфа фонъ-Эхингена. Мимоходомъ крестьяне захватывали бюргеровъ изъ городовъ, оказывавшихъ сопротивленіе, и уводили ихъ съ собой, такъ они увели между прочимъ двухъ уважаемыхъ гражданъ Дорнхау; изъ нѣкоторыхъ мѣстечекъ, напр. Глатта, увели они всѣхъ крестьянъ **). Уже за шесть дней до сдачи Балингена Томасъ Майеръ сдѣлалъ тоже предложеніе присоединиться къ братству монастырямъ Альпирсбаху, Книбису и Рейхенбаху. Уже въ началѣ апрѣля проявилось волненіе между вассалами аббатства въ Альписрбахѣ, основаннаго въ 1095 году при Кинцигѣ, на виртембергскомъ Шварцвальдѣ между Фрейденштатомъ, Горнбергомъ, Шильтахомъ и Дорнганомъ. Нѣсколько бѣдняковъ изъ подданныхъ аббата отправились въ понедѣльникъ вечеромъ, 10-го числа, къ своему господину и объявили ему, что они не намѣрены больше платить зерноваго налога и просятъ, чтобъ онъ былъ отмѣненъ. Аббатъ Ульрихъ старался ихъ задобрить обѣщаніемъ, что онъ дастъ имъ все, что будетъ мирно и справедливо достигнуто другими бѣдными людьми Виртемберга; кромѣ того онъ обѣщалъ еще поговорить за нихъ при штутгартскомъ правительствѣ, ко-

*) Два доклада фогта отъ 25 апрѣля, въ штутгарт. госуд. архивѣ.
**) Докладъ фогта отъ 25 апрѣля въ штутг. госуд. архивѣ.

ролевскомъ судѣ въ Ротвейлѣ или при королевскомъ войскѣ въ Эйслингенѣ и въ заключеніе объявилъ, что тому, кто вступитъ съ нимъ въ соглашеніе, нечего опасаться какого нибудь вреда для жизни, чести или имущества. Онъ принялъ такой образъ дѣйствій, чтобъ «какъ нибудь съ ними справиться,» и потому еще, что возстаніе вспыхнуло въ Трибергѣ, во всѣхъ окрестностяхъ *). Съ этихъ поръ, по собственному свидѣтельству аббата, вассалы были ему вѣрны и постоянно обращались къ правительству, прося защиты противъ притѣсненій другихъ крестьянъ. Такъ какъ ожидаемое аббатомъ подкрѣпленіе не приходило, то крестьяне проводили своего владыку въ безопасное мѣсто и оставались въ монастырѣ для его защиты до тѣхъ поръ, пока другіе крестьяне не заставили ихъ присоединиться къ движенію. Это сдѣлалъ Дорнштетенскій предводитель Блазіусъ Блаусъ; онъ вынудилъ у монастыря присягу въ вѣрности, увезъ въ Дорнштетенъ вино, плоды, болѣе 126 головъ скота, и оставилъ въ немъ 12 чел., которые въ продолженіи 3 недѣль самовольно тамъ распоряжались. Изъ Альпирбаха къ бандѣ присоединились преимущественно жители Рейти, Петерцелля, Ганвейлера и Римлисдорфа; предводителемъ ихъ былъ Гансъ Блохеръ изъ Альпирсбаха **).

Онъ и Блазіусъ Блаусъ заставили присягнуть въ вѣрности и монастырь Рейхенбахъ. Настоятель этой обители собралъ своихъ подданныхъ еще при началѣ движенія и дружески уговаривалъ ихъ; они увѣрили его, что не подымутъ возстанія, хотя имѣютъ много причинъ къ неудовольствію. Когда возстаніе стало приближаться къ Рейхенбаху, аббатъ угналъ весь скотъ и отправилъ всѣ драгоцѣнности въ безопасное мѣсто. Около 200 крестьянъ изъ Байерсбронна вскорѣ подступили къ монастырю и потребовали вина. Настоятель велѣлъ подать

*) Докладъ аббата отъ 11 апрѣля тамъ-же.
**) Свидѣтельство аббата въ собраніи прелата фонъ-Шмидтъ.

имъ вина и хлѣба. За ними послѣдовалъ отрядъ дорнштетеровъ и тоже намѣревался расположиться въ монастырѣ, но настоятель отговорился тѣмъ, что всѣ мѣста уже заняты первыми прибывшими отрядами, и крестьяне мирно удалились. Между тѣмъ инсургенты, находившіеся въ монастырѣ, перепились и начали грозить. Настоятель приказалъ поспѣшно снабдить своихъ людей всѣмъ нужнымъ и, вооруживъ ихъ, занялъ ими монастырь. Крестьяне присмирѣли и удалились. Блазіусъ Блаусъ и Гансъ Блохеръ явились въ монастырь 29 апрѣля, въ сопровожденіи всего 34 человѣкъ; они требовали, чтобъ настоятель произнесъ надъ евангеліемъ клятву, что онъ будетъ стоять за правое дѣло. Пріоръ сперва колебался, но наконецъ долженъ былъ присягнуть и предводители обѣщали въ свою очередь оставить его за это блюстителемъ монастыря. Потомъ они переписали всѣ монастырскія вещи, чтобъ ничего нельзя было вынести изъ него, и потребовали, чтобъ настоятель выдалъ имъ угнанный скотъ. Тотъ не соглашался; тогда предводители стали грозить ему. «Попъ» сказалъ одинъ изъ нихъ, «и твоя ряса скоро будетъ тебѣ узка». Имъ указали мѣсто, гдѣ стоитъ скотъ; крестьяне отправились туда и захватили почти весь, оставивъ кое-что только потому, что байербронскій староста сказалъ, что нѣсколько головъ скота принадлежатъ между прочимъ ему и его товарищамъ. Всѣ вассалы монастыря должны были произнести клятву и присягнуть бандѣ: «что будутъ стоять за правду, хотя и не будутъ дѣйствовать противъ господъ». Каждой мѣстности было опредѣлено число людей, которое она должна была выслать въ главный отрядъ, находящійся подъ Зульцемъ на Неккарѣ. На пути къ Зульцу рейхенбахскіе крестьяне вмѣстѣ съ дорнштетерскими разрушили еще помѣстья дворянъ фонъ-Глаттъ и Диссенъ *).

*) Доклады города Дорнштетена и игумна Рейхенбаха.

Изъ Нейнека главный предводитель банды направилъ ее, по приглашенію булахцевъ, къ Вильдбергу. Дорогой захватилъ онъ съ собой нѣсколько шаекъ, собравшихся въ Швандорфѣ и въ Рордорфѣ; всѣ мѣстечки, кромѣ Гейтербаха и Нагольда, добровольно пристали къ инсургентамъ. Староста Нагольда, узнавъ, что къ городу приближаются три банды изъ Гейя и Шварцвальда, созвалъ общину. Община подъ клятвою обѣщала ему оставаться спокойною, но такъ какъ ее составляли, по большей части, совершенные бѣдняки, то староста просилъ правительство прислать ему двѣсти мальтеровъ плодовъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ 24 апрѣля приказаніе выслать въ Тюбингенъ, изъ города и округа, десятерыхъ стрѣлковъ. Въ городѣ между тѣмъ только-что было получено предложеніе крестьянъ, и староста отвѣчалъ правительству, что онъ проситъ трехдневнаго срока, чтобы обдумать, можетъ ли онъ надѣятся на помощь, иначе онъ не будетъ въ состояніи удержаться *). Такъ какъ помощь не пришла, городъ долженъ былъ уступить силѣ. Послѣ взятія Кальва, какъ шварцвальдцы, такъ и гейскія банды, къ которымъ присоединились всѣ крестьяне кальверскаго округа (и охотнѣе всѣхъ, мѣстечки Гехингенъ и Генгштетъ), направились къ Вильдбергу. Городу грозилъ штурмъ и разрушеніе, поэтому онъ вмѣстѣ съ близлежащимъ монастыремъ Рейтиномъ сдался крестьянамъ. Вильдбергъ долженъ былъ выставить контингентъ въ 35 человѣкъ. Крестьяне изъ Гейя спустились къ Геренбергу, а Томасъ-Майеръ снова воротился къ Зульцу.

Томасъ Майеръ уже подступилъ разъ къ горному замку Альпекъ, высившемуся надъ Зульцемъ. Замокъ и городъ принадлежали гг. Герольдзекъ. Но замокъ былъ мужественно

*) Письмо отъ 23, 24, 26 апрѣля, въ штутгардскомъ государственномъ архивѣ.

обороняемъ двумя братьями Гангольфъ и Вальтеромъ фонъ-Герольдзекъ, и Томасъ Мейеръ былъ принужденъ удалиться, оставивъ передъ замкомъ и городомъ только наблюдательный постъ. Теперь по неккарской долинѣ поднялось до 8000 человѣкъ крестьянъ и снова осадили Зульцъ и Альпекъ. Едва оправившаяся отъ родовъ супруга Гангольфа должна была бѣжать изъ замка въ Гогенгерольдзекъ *). Между инсургентами въ бандѣ были вассалы богатыхъ господъ фонъ-Циммернъ, въ особенности Вильгельма Вернера, жившаго въ Оберндорфѣ. Въ самомъ городѣ Оберндорфѣ была партія, сочувствующая крестьянамъ. Предводителями этой партіи называли Якова Шнеллера и Ганса Затлера; эти два бюргера дошли до того, что обѣщали бандѣ напасть, при ея содѣйствіи, на своего господина и умертвить его. Томасъ Мейеръ не обратилъ однако вниманія на ихъ предложеніе, а Яковъ Реннеръ открылъ измѣнническій умыселъ людямъ Вильгельма Вернера, которые передали о немъ своему господину, когда онъ вернулся съ рыцарями изъ поѣздки въ Остдорфъ. Извѣстіе объ этомъ такъ сильно перепугало барона, что онъ не считалъ себя болѣе безопаснымъ въ Оберндорфѣ и вмѣстѣ съ женой своей Маргаритой, ландграфиней лейхтенбергской, отправился въ укрѣпленный имперскій городъ Ротвейль **). Туда же, еще ранѣе, бѣжалъ его братъ, жившій въ Зедорфѣ и испуганный взбунтовавшимися крестьянами. Противъ третьяго брата Готфрида Вернера фонъ-Циммернъ также взбунтовались всѣ его крестьяне въ Мескирхѣ. Они жаловались между прочимъ, что онъ набираетъ слишкомъ много наемщиковъ и поденщиковъ. Господинъ Готфридъ хотѣлъ было ихъ задобрить, но это ему не удалось; вѣрными остались только

---

*) Келеръ, исторія Зульца.

**) По хроникѣ Циммермна, рукопись Н. Рукгабера, Цимменрскихъ графовъ, ст. 182—85.

двое, Галлусъ Гахъ изъ Обербигтингена и Яковъ Фридрихъ изъ Гуттенштейна. Даже въ самомъ городѣ Мескирхѣ были сильно раздражены противъ Готфрида. Кажется, анабаптисты много содѣйствовали этому. Всѣмъ извѣстенъ строгій аскетизмъ первыхъ приверженцевъ Мюнцера. На одномъ изъ собраній въ Мескирхѣ ими было даже сдѣлано предложеніе изгнать изъ города всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ легкаго поведенія. «Дорогіе друзья,» вскричалъ тогда одинъ изъ присутствующихъ «вы намѣрены изгнать изъ города всѣхъ подозрѣваемыхъ грѣшницъ, но, повѣрьте, въ такомъ случаѣ намъ придется самимъ варить себѣ обѣдъ». Поднялся шумъ. Обидчика сильно побили и потащили чрезъ улицу къ тюрьмѣ, но господинъ Готфридъ освободилъ его, говоря, что онъ не сказалъ ничего кромѣ правды. Съ этихъ поръ отношенія барона къ жителямъ и жительницамъ Мескирха совершенно испортились; видя повсюду ненависть къ себѣ, и со стороны горожанъ, и со стороны крестьянъ. Готфридъ тоже бѣжалъ въ древнее убѣжище своего дома, замокъ Вальденштейнъ, расположенный на уединенной, крутой скалѣ, подымающейся изъ волнъ Дуная. А его крестьяне сдѣлали себѣ значекъ съ гербомъ Циммерновъ и отправились къ нижнегейской бандѣ, находящейся въ то время въ Ридлингенѣ на Дунаѣ *).

Цимернскіе вассалы находились въ зависимости отъ Ротвейля. Конрадъ Макъ, ротвейльскій бургомистръ, пріѣхалъ въ главную квартиру Томаса Мейера надъ Альпекомъ и уговорилъ его отпустить всѣхъ ротвейльскихъ и циммернскихъ вассаловъ, находящихся въ его лагерѣ; дѣйствительно, многіе покинули послѣ этого крестьянскую стоянку, другіе же, напротивъ, остались тамъ, не смотря на разрѣшеніе удалиться.

Тутъ же находился повѣренный и совѣтникъ герцога Ульриха, рыцарь и докторъ Фуксъ фонъ-Фукштейнъ. Онъ увѣ-

---

*) Тамъ же стр. 186.

домилъ герцога о всѣхъ происшествіяхъ. Весьма жаль, что у насъ нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности этого храбраго и хитраго человѣка. Еще въ 1531 г. онъ отваживался для Ульриха на такіе смѣлые поступки, что даже самъ герцогъ писалъ, что «не знаетъ, безуменъ онъ или въ немъ сидитъ дьяволъ» *). Около этого же времени сдался крестьянамъ городъ Зульцъ. Онъ честно защищался и отворилъ ворота только тогда, когда крестьяне стали мѣтать въ него зазженными стрѣлами и пламя уже охватило дровяные запасы; многіе дома загорѣлись, пожаръ грозилъ всему городу; къ тому же орудія осаждающихъ разрушили часть стѣны въ 147 футовъ, и крестьяне готовились къ общему приступу **). Даже послѣ сдачи горожане не хотѣли присоединиться къ инсургентамъ, не смотря на упреки крестьянъ, «что они не добрые христіане». Однако все-таки, въ концѣ концовъ, они принуждены были подчиниться побѣдителямъ, которые были до того раздражены сопротивленіемъ города, что подвергли его грабежу, не смотря на уплату контрибуціи въ 400 гульденовъ. Замокъ Альпекъ тоже былъ взятъ и ограбленъ ***).

Герцогъ Ульрихъ, извѣщенный обо всемъ этомъ, писалъ Фукштейну, чтобы тотъ всѣми силами старался препятствовать Герольдзеку, его злѣйшему врагу, снова занять городъ; «если крестьяне допустятъ это,» писалъ онъ, «они поступятъ относительно насъ не по братски и не какъ добрые подданные». Крестьянамъ Ульрихъ совѣтовалъ, «чтобъ они, когда придется драться, нападали смѣлѣе, ибо отъ этого многое зависитъ, и онъ надѣется, что тогда, съ Божьею помощію, все пойдетъ хорошо» ****).

---

*) Письмо Ульриха къ Цвингли.

**) Донесеніе находится въ штутг. госуд. архивѣ. Келеръ, исторія Зульца.

***) Циммернская хроника, рукопись.

****) Письмо герцога въ штутг. госуд. архивѣ.

Тотчасъ послѣ взятія Зульца, къ побѣдоносной бандѣ явилось посольство отъ Матерна Фейербахера, и Томасъ Мейеръ снялся съ лагеря, чтобъ двинуться въ Тюбингенъ. Гейская банда между тѣмъ направилась чрезъ Гернбергъ къ монастырю Бебенгаузенъ. Богатая обитель сочла за лучшее покориться крестьянамъ. Съ 1-го мая она начала съ ними переговоры и заключила миръ на весьма выгодныхъ условіяхъ. Въ самый монастырь позволено было войти только главнымъ предводителямъ и ихъ совѣтникамъ, прочіе крестьяне остались частію въ переднемъ дворѣ, частію же передъ нимъ, куда имъ было вынесено достаточное количество хлѣба, вина и мяса. Одна изъ хроникъ увѣряетъ *) впрочемъ, что вскорѣ всякій сталъ свободно входить въ монастырь. Но какъ бы то ни было, монастырь отдѣлался довольно дешево. Хотя дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ поврежденій, «однако сравнительно съ другими монастырями все обошлось, слава Богу, хорошо,—говорится въ донесеніи монастыря по этому поводу; крестьяне только попортили кое-гдѣ наружныя зданія монастыря, но ничего не разграбили и ушли черезъ нѣсколько часовъ». По всему можно заключить, хотя монастырь и не сознается въ этомъ, что монахи присягнули крестьянамъ, за что и тѣ въ свою очередь обѣщали «ничего не предпринимать противъ правительства и не производить разрушеній **).

Послѣ этого гейская банда, повинуясь приказанію Матерна Фейербахера, главнаго предводителя всѣхъ виртембергскихъ крестьянъ, поспѣшно удалилась къ Нюртингену. Въ Бебенгаузенѣ остался только Леонардъ Шварцъ съ гарнизономъ; банда же, захвативъ въ Альдингенѣ подкрѣпленія, приготовленныя гейцами, отправилась вдоль по Неккару къ Нюртин-

---

*) Швабскіе замѣтки Крузіуса.

**) Донесеніе монастыря правительству отъ 1-го мая въ штутг. госуд. архивѣ.

***) Акты изслѣдованія въ штутг. госуд. архивѣ.

гену. Дорогой крестьяне изъ Геттельфингена, Фольмарингена и Беблингера***) разрушили Некарбургъ, принадлежавшій Гансу Шпенглеру изъ Рейтлингена. 5 мая гейская банда соединилась въ Нюртингенѣ съ свѣтлою ратью, которая собиралась уже выступить къ Дегерлоху. Чѣмъ болѣе приближался день неизбѣжнаго столкновенія большой виртембергской банды съ войсками швабскаго союза, тѣмъ болѣе сознавалась крестьянскимъ совѣтомъ необходимость подкрѣпленій и резерва. Яковъ Рорбахъ разъѣзжалъ съ этою цѣлью по Цабергау за Михильбергомъ и по окрестностямъ Асперга, стараясь всюду возбудить и поднять народъ, а Антонъ Эйзенгутъ, первый совѣтникъ Матерна Фейербахера, отправился изъ догерлахскаго лагеря на родину, въ Крайхгау, чтобъ разжечь тамъ потухавшее возмущеніе. 7-го мая онъ распространилъ по Крайхгау и въ Бруррайнѣ прокламаціи, въ которыхъ всѣ, принадлежащіе къ братству, приглашались тотчасъ же вооружиться, сѣсть на коней и спѣшить къ нему. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Гохсгеймъ,—городокъ, принадлежащій графу фонъ-Эберштейнъ. Въ случаѣ неповиновенія, онъ грозилъ прійти вмѣстѣ съ братьею.

Прежде всѣхъ Эйзенгуту сдался Гохсгеймъ, въ которомъ онъ устроилъ свою главную квартиру, какъ Яковъ Рорбахъ въ Маульброннѣ. Въ непродолжительномъ времени вокругъ него собралось до 1200 человѣкъ. Онъ отправился въ мѣстечко Еппингенъ, гдѣ былъ священникомъ, и былъ легко допущенъ туда; затѣмъ двинулся далѣе къ Гейдельсгейму, между Брукзалемъ и Бреттеномъ, и взялъ этотъ городъ со всѣми окрестными мѣстечками. Въ воскресенье вечеромъ, изъ Гильспаха, мѣстечка, принадлежащаго пфальцграфу, вышелъ бургомистръ Кристофъ Гаффнеръ въ сопровожденіи одной или двухъ дюжинъ товарищей, принуждая каждаго встрѣчнаго давать обѣтъ вступить въ христіанское братство и присоединиться къ свѣтлой бандѣ Антона Эйзенгута, какъ тотъ самъ назвалъ ее. Въ Гильспахѣ инсургенты захватили также

курфиршескій погребъ. Винные запасы дворянъ, дома духовенства и аристократовъ были опустошены. Затѣмъ, усиливаясь съ каждымъ шагомъ, крестьяне двинулись впередъ къ городу Сансгеймъ, который почти тотчасъ же впустилъ ихъ. Они бросились въ бывшее аббатство, учрежденіе послѣдняго Гаураафа въ Крайхгау, уже съ давнихъ поръ превращенное въ канониатъ. Дома канониковъ были большею частью разрушены и сами они слышали угрозы смертью. Какъ прежде былъ разграбленъ замокъ господъ фонъ-Менцингенъ, такъ теперь по дорогѣ къ Штейнсбергу подвергся разрушенію и огню замокъ Ганса Гипполитъ фонъ-Веннингенъ. Эта горная твердыня издалека виднѣлась изъ окрестныхъ долинъ, такъ что пожаръ ея, какъ огненный тріумфальный столбъ, зажженный крестьянами въ честь себя и своихъ собратій, разливалъ кровавое зарево по всей Брухрайнѣ.

Курфирстъ Людвигъ письменно обратился къ Антону Эйзенгуту, предлагая ему начать переговоры о мирѣ. Онъ обѣщалъ облегчить всѣ тягости. Крестьяне согласились, но дозволили ему прислать на совѣщаніе не болѣе 10 всадниковъ. Депутатами со стороны курфирста были: графъ Филиппъ Нассаускій, владѣтель Висбадена, и нѣкоторые другіе пфальцкіе совѣтники; а со стороны крестьянъ: Антонъ Эйзенгутъ и Томасъ Рейсъ, и еще нѣсколько выборныхъ. Переговоры затянулись до поздней ночи, и депутаты курфирста стали обнаруживать безпокойство, чувствуя себя далеко не безопасными среди дерзкой и своевольной толпы. Они опасались даже за свою жизнь; однако все обошлось благополучно. Курфирстъ обѣщалъ разсмотрѣть жалобы и облегчить тягости во время слѣдующаго ландтага и обязался дать всеобщую амнистію; крестьяне же, съ своей стороны, обѣщали смириться и возвратиться домой *).

*) Главнымъ источникомъ служилъ Гаареръ, бывшій тогда секретаремъ курфирста Людвига Пфальцкаго; источникъ къ-несчастію не совсѣмъ чи-

Горожане и крестьяне вормскаго епископства, лежащаго въ срединѣ между Пфальцомъ и Майнцскимъ курфиршествомъ, также взялись за оружіе. Въ Вормсѣ епископскій престолъ занималъ, въ качествѣ администратора, пфальцскій принцъ, Генрихъ IV, тотъ самый, который былъ пробстомъ въ Эльвангенѣ. Еще въ 1524 г. въ Вормсѣ взбунтовались горожане цехи собрались къ епископскому дворцу и принудили соборный капитулъ выдать документы разныхъ привиллегій, полученныхъ епископами отъ императоровъ въ ущербъ города; члены совѣта публично, при одобрительныхъ крикахъ народа, изорвали эти бумаги и бросили ихъ въ грязь. Епископъ оставилъ городъ. Совѣтъ и бюргеры просили его брата, епископа пфальцкаго, быть посредникомъ между ними и ихъ епископомъ. Этотъ посредникъ склонялся скорѣе на сторону граждан чѣмъ епископа. Таковы были дѣла въ Вормсѣ.

Но не только крестьяне Швабіи и Франконіи соединились, какъ мы видѣли, въ одно цѣлое; цѣль тайнаго союза распространилась далеко во всѣ стороны; на востокъ она доходила до самаго сердца Австріи, а на югъ до альпійскихъ долинъ, гдѣ италіянское небо отражается въ волнахъ Эча.

стый. Дальнѣйшіе источники: старая рукопись у Шунка; матеріялы; рядъ донесеній въ штутг. госуд. архивѣ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

Религіозное движеніе въ восточной Швейцаріи.

Возстаніе въ Тургау далеко не имѣло того успѣха, какого можно было ожидать въ предшествовавшемъ году: мѣры, принятыя всѣми кантонами, мѣшали его правильному ходу; такъ что, несмотря на данную клятву, многіе должны были отложить въ сторону свои длинныя сѣкиры, не сдѣлавшись свободными тургаузцами. Волненіе въ Тургау не прекращалось ни на одну минуту, не доходя однако до открытаго возстанія. Число людей, сочувствовавшихъ новому ученію, росло съ каждымъ днемъ. Изъ церквей во многихъ мѣстахъ выкидывали образа, и какъ въ Тургау, такъ и въ Сентъ-Галенѣ, Аппенцелѣ и Саргансерѣ, анабаптисты дѣлались все возбужденнѣе и фанатичнѣе. Въ восточной Швейцаріи, гдѣ большая часть жителей пользовалась гражданской свободой и очень немногіе оставались еще въ крѣпостной зависимости, движеніе принимало болѣе религіозный оттѣнокъ, хотя и здѣсь политическій элементъ проявлялся по временамъ довольно сильнымъ

образомъ. Въ Тургау постоянно требовали уничтоженія, или по крайней мѣрѣ смягченія налоговъ, крѣпостнаго права и другихъ тягостей, и фрауенфельдскій ландфогтъ слышалъ, какъ крестьяне говорили, что они еще доживутъ до полной независимости. Тургаузцы составили союзъ съ сенъ-галленцами, аппенцельцами и сарганцами. Въ началѣ 1525 г. къ новому ученію присоединились почти всѣ жители Сарганца и Рагаца. Въ Амдѣ собрали въ кучу кресты, хоругви, престолы и образа и сожгли ихъ *). Еще ранѣе духъ новаго ученія глубоко проникъ въ Аппенцель. Уже въ 1524 г. нѣкоторые крестьяне открыто говорили, что лютеранство должно быть принято всюду, и что если гдѣ нибудь его не захотятъ допустить, то простолюдины Рейнталя и Тургау силою принудятъ къ этому **). Жители Сарганца сбирались на сходки и не хотѣли платить ландфогту поземельныхъ оброковъ. Во главѣ ихъ стояли: приходскій священникъ Фогель и его, братъ, валленштадтскій староста. Они грозили арестовать ландфогта и взять въ плѣнъ всѣхъ, кого кантоны вздумаютъ пригласить къ нимъ. Какъ только староста услыхалъ, что его, вмѣстѣ съ братомъ священникомъ, собираются захватить, тотчасъ же велѣлъ запереть ворота. Вассалы пфефферскаго монастыря были заодно съ крестьянами. Мельзерцы отказали монастырю въ десятинѣ. По какому праву, говорили они, папа лишилъ нашего священника десятины и отдалъ ее монастырю? Они требовали, чтобы ландгерихтъ уничтожилъ это постановленіе. Правительство не соглашалось на это. Тогда мельзенцы рѣшились привести въ исполненіе шварцвальдскій манифестъ и уничтожить сперва пфефферское аббатство, потомъ женскій монастырь въ Мельзенѣ, а затѣмъ уже идти дальше. Въ каждый при-

*) Союзное увольненіе въ понедѣльникъ послѣ праздника Тѣла Христова.

**) Союзное рѣшеніе 1524 г.

ходъ, до самаго Флумса, Валенштадта и Квартепа, было отправлено по два посла, которые при барабанномъ боѣ провозглашали: чтобы всѣ, кто хочетъ дѣйствовать въ пользу простолюдиновъ, явились въ назначенный день на мѣсто общаго собранія; правительственныя сословія не нападутъ на нихъ; бояться этого нечего. Гейнрихъ Мерръ изъ Квартена обѣщалъ привести 200 человѣкъ, чтобы помочь разрушить префферскій монастырь. Однако это обѣщаніе не было исполнено. Древніе дворянскіе роды владѣтелей Верденберга, Сарганца и Верденбергъ-Гейлигенберга, погибли въ междоусобныхъ браняхъ, а ихъ помѣстья уже болѣе полустолѣтія, какъ перешли изъ рукъ владѣльцевъ, обремененныхъ долгами, подъ власть свободнаго швейцарскаго союза. Крестьянз, однако не сдѣлались чрезъ это свободными. Швейцарцы не могли подняться выше грубаго, эгоистическаго понятія свободы и оставили по прежнему всѣ ленныя тягости во вновь пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ. Сарганцы и верденбергцы находили, что они болѣе стѣснены подъ властью свободныхъ кантоновъ, чѣмъ подъ властью прежнихъ благородныхъ господъ, такъ какъ ландфогты свободныхъ кантоновъ держали себя гораздо важнѣе прежнихъ графовъ. Такое же стѣсиеніе терпѣли всѣ вассалы сен-галленскаго духовнаго князя, гнетъ котораго распространялся и на дѣла религіи, и на гражданскую жизнь. Поэтому, вмѣстѣ съ требованіями свободы совѣсти, они заявили и о своихъ гражданскихъ правахъ. Сенгалленцы сходились и составляли собранія еще въ началѣ марта. Потомъ они отказались платить оброкъ и десятину и желали возвратить себѣ право охоты, рыбной ловли и проч. старыя льготы, которыхъ они были совершенно несправедливо лишены. Духовный князь, жившій въ Сен-Галленѣ, былъ доведенъ до такой крайности, что Яковъ Штапферъ, его ландгофмейстеръ, просилъ защиты покровительствующихъ городовъ, а самъ князь долженъ былъ выслушать отъ крестьянъ предложеніе вывести свой гарнизонъ изъ замка Роршаха, пото-

му что они хотятъ и должны сами занять его. Аббатъ не смѣлъ никого наказывать, даже за преступленія противъ вѣры. Повѣренный аббата, докторъ Винклеръ, знатокъ римскаго права и поэтому уже ненавистный крестьянамъ, сказалъ какъ-то: что будь онъ господиномъ, онъ укоротилъ бы зачинщиковъ на цѣлую голову. Тотчасъ же въ концѣ марта крестьяне сдѣлали нападеніе на домъ доктора въ Зандбюлѣ и разграбили его. Докторъ спрятался подъ полъ. Три дня лежалъ онъ тамъ, наконецъ его нашли, вытащили и взяли въ плѣнъ, а представителю покровительствующихъ городовъ, желавшему освободить его, грозили смертью. Однако же эти насильственные поступки такъ не нравились прочимъ монастырскимъ деревнямъ, что онѣ выдали аббату плѣннаго на его отвѣтственность, до окончательнаго рѣшенія дѣла.

Покровительствующіе города совѣщались съ аббатомъ о мѣрахъ для предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ и рѣшили, по его просьбѣ, назначить въ пятницу на третьей недѣлѣ поста 17 марта рейхстагъ въ Рапперсвилѣ. Вассалы монастыря пріѣхали; и здѣсь, какъ и вездѣ, вскорѣ обнаружилось вѣроломство дворянъ, старавшихся только выиграть время; они требовали, чтобъ послы крестьянъ представили новыя полномочія, и, прежде всего, письменно изложили свои жалобы на монастырь. Дворяне, постоянно откладывая день суда, дотянули его до мая мѣсяца. Встревоженные общимъ возстаніемъ сосѣдей, тѣснившихъ ихъ со вѣхъ сторонъ, они не торопились однакоже воспользоваться удобнымъ временемъ для переговоровъ съ своими вассалами. Въ Люмишвилѣ, 1 мая сошлось наконецъ собраніе; оно состояло изъ уполномоченныхъ Рошаха, Госсау, Таблата, Вальдкирха, Люмишвиля, Гольдаха, Унтерeггена, Штрубенцеля: Мершвиля, Виттенбаха, Мюллена, Гайсервальда, Штейнаха, Бернардцелля, Ротмонтена, Берга, Рамисгорна, Суммерейя, Зиттердорфа, Кессилиля и Геренгофна. Они требовали, чтобъ болѣе никого не брали въ заточеніе, въ противномъ случаѣ это будетъ считаться преступленіемъ; чтобы были уничтожены ленныя повинности и малая десятина; тотъ кто захочетъ получить барщину, яичныя и куриныя деньги, или другіе несправедливые налоги, долженъ письменно изложить суду свое право на то; охота, рыбная ловля и винокуреніе должны быть свободно предоставлены всякому; монастырь Сен-Галленъ и всѣ духовные должны, подобно прочимъ, платить налоги и подати; аббатъ не долженъ впредь давать наслѣдства незаконнорожденнымъ дѣтямъ и пользоваться преимуществами при аукціонѣ; должники должны содержаться подъ арестомъ на его счетъ, а не на счетъ кредиторовъ; денежные штрафы за проступки, совершенные многими, не должны лежать исключительно на богатыхъ. Мѣстныя дѣла не должны рѣшаться имъ однимъ безъ вѣдома деревень, а общины должны пользоваться правомъ по произволу собирать сходки. Каждая община, кромѣ этихъ общихъ требованій, обращалась еще съ своими особенными жалобами по поводу лѣсовъ, поземельныхъ податей и другихъ пунктовъ. Въ случаѣ, если князь Францъ Гайзбергъ не согласится на все это, собраніе рѣшилось обратиться къ покровительству большаго и малаго совѣта Цюриха и Люцерна, совѣта и ландгерихта Швица и Гларуса, и приказало до окончательнаго рѣшенія дѣла всѣмъ сельскимъ общинамъ пріостановить внесеніе поземельнаго оброка. 4-ре покровительствующихъ кантона назначили послѣ этого рейхстагъ въ воскресенье, 24-го мая послѣ Вознесенія *).

Вассалы зальцбургскаго архіепископства гораздо рѣшительнѣе выступили противъ своего господина; но за то они и терпѣли больше притѣсненій.

---

*) Договоръ въ Рапперсвилѣ, рукопись въ собраніи прелата фонъ-Шмита. Аркса, исторія Сен-Галлена. Целльвегера, исторія Аппенцеля. Пуппикофера, исторія Тургау.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вооруженное возстаніе зальцбурцевъ противъ тиранства ихъ архіепископа

Зальцбурцы привыкли къ гнету уже съ давнихъ поръ, въ особенности же въ послѣдніе годы на ихъ долю выпадало мало свѣтлыхъ дней.

Уже въ 1462 году пинсгаузцы возмутились противъ незаконно возложенныхъ на нихъ тяжкихъ налоговъ. Архіепископомъ былъ тогда Буркгардъ изъ рода Вейсбріаха. Они возмутились—говоритъ біографъ архіепископа—потому что обширныя предпріятія религіознаго и великодушнаго князя требовали большихъ средствъ, и эти средства «должны были доставляться его подданными» *). Въ чемъ же заключались эти огромныя предпріятія, требовавшія такихъ расходовъ? Архіепископъ хлопоталъ въ Римѣ о канонизаціи какого-то набальзамированнаго покойника, устроивалъ канонiатъ, пріобрѣлъ себѣ кардинальскую шапку и жилъ самымъ блестящимъ образомъ **). Положеніе альпійскихъ крестьянъ стало уже слишкомъ тяжело; они возмутились и разрушили нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ. Архіепископъ обратился къ помощи баварскаго герцога, который вмѣстѣ съ дворянами Георгомъ фонъ-Гауншпергомъ, Вильгельмомъ фонъ-Альмъ, Вильгельмомъ

*) Ioseph. Mezgeri, historia Salisburgensis p. 496—497: «Cum res magnae, quas religiosus et magnanimus princeps agebat, pares impensas exigerunt, ad quas subditi symbolam conferre debebant». Нужно прочесть этого Мецгера, чтобы на каждой страницѣ видѣть гнусность политическихъ основныхъ положеній этихъ господъ.

**) Тамъ же страница 495—496.

фонъ-Турнъ, Траунеромъ и Гартманномъ фонъ-Нусдорфъ принялъ на себя посредничество между крестьянами и ихъ духовнымъ пастыремъ. Въ тоже время возстали и жители лѣсовъ верхней Каринтіи; но они были усмирены. Пинсгаузцы должны были заплатить 2000 гульденовъ штрафа.

Пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1478 г., пинсгаузцы были совершенно спокойны, когда крестьяне Каринтіи (прежде всего въ графствѣ Ортенбургѣ), собравшись подъ предлогомъ похода противъ турокъ, составили союзъ для своего освобожденія и силою принуждали присоединиться къ этому союзу крестьянъ, неприставшихъ къ нему добровольно *). Предводителя ихъ звали Георгомъ. Они перешли черезъ рауризерскія Альпы, производя всюду грабежи и насилія. Часть ихъ заняла Гаштейнъ. Здѣсь въ то время, когда они спали, напившись на веселой пирушкѣ, ночью на нихъ напали пинсгаузцы, умертвили многихъ и разогнали толпу. Большинство изъ нихъ погибло отъ альпійскихъ холодовъ **). Однако поступки архіепископовъ были таковы, что между крестьянами вскорѣ снова вспыхнуло возстаніе. Даже Зальцбургъ давно уже тяготился своимъ духовнымъ княземъ: еще въ 1510 г. совѣтъ придумывалъ, какъ бы отдѣлаться отъ него и выхлопотать у императора для своего города вольности имперскихъ городовъ. Архіепископъ Леонгардъ, провѣдавши ихъ намѣренія, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ бургомистра и 20 человѣкъ изъ членовъ совѣта и почетныхъ гражданъ. По обычаю страны, они пришли въ легкой и щеголеватой одеждѣ. Тотчасъ же по ихъ приходѣ ворота дворца были заперты. Они вошли въ обѣденный залъ. Подали роскошный обѣдъ; но только-что они сѣли за столъ, какъ тотчасъ залъ наполнился вооруженными людьми: на нихъ напали и, въ одинъ мигъ, связали всѣхъ, въ присутствіи

*) Всѣ рукописи Іог. Турса, у Мегизеръ, Annales Carinthiae, p. 1214.

**) Mezger histor. Salisburg. p. 503.

архіепископа, укорявшаго ихъ въ неблагодарности и измѣнѣ. Одинъ изъ гостей, Шмекенвитцъ, запоздалъ нѣсколько къ обѣду и, подойдя къ воротамъ замка, нашелъ ихъ уже запертыми. Онъ разсердился, началъ громко браниться и требовалъ отъ привратника пропуска, говоря, что тоже приглашенъ на обѣдъ. Тотъ сдѣлалъ ему выговоръ за буйство и шепнулъ на ухо, чтобъ онъ убирался во время подобру да поздорову, такъ какъ «гостямъ приготовленъ въ замкѣ скверный супъ». Шмекенвитцъ послѣдовалъ благоразумному совѣту и поспѣшилъ удалиться изъ дворца и изъ города. Князь замѣтилъ его отсутствіе. «Не даромъ дано ему такое имя», сказалъ онъ, «небось, пронюхалъ бѣду своимъ длиннымъ носомъ». Гости были перевязаны и въ каретахъ отвезены изъ дворца въ замокъ. Слухъ объ этомъ скоро распространился по городу и произвелъ всеобщее смятеніе. Архіепископъ успокоивалъ гражданъ, говоря, что главные заговорщики уже въ его власти, и что кромѣ арестованныхъ никто болѣе не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности. Послѣ этого народъ, непитавшій особенной любви къ совѣту, разошелся. Плѣнныхъ снабжали въ замкѣ кушаньемъ и питьемъ, но цѣпи отняли у нихъ аппетитъ. Въ ту же ночь самыхъ предпріимчивыхъ между ними связали, посадили въ кареты и задними воротами, вывезли изъ замка въ Верфенъ, а оттуда уже въ Раштадтъ. Съ ними въ каретѣ сидѣлъ палачъ съ подписаннымъ уже предписаніемъ о ихъ казни. Совѣтники архіепископа, неожидавшіе для себя отъ этого никакихъ добрыхъ послѣдствій, въ особенности епископъ Химзээ и аббатъ св. Петра Вольфгангъ, начали ходатайствовать за осужденныхъ; архіепископъ склонился на ихъ просьбу, и милостиво перемѣнилъ смертный приговоръ на значительный денежный штрафъ. Аббатъ и епископъ Химзээ поспѣшили въ Раштадтъ и освободили несчастныхъ. Но холодъ зимней ночи, заставшій ихъ въ легкой придворной одеждѣ и страхъ смерти подѣйствовали на нихъ самымъ тяжкимъ образомъ, такъ что почти всѣ

они вскорѣ умерли *). Архіепископъ отнялъ у города его лучшія имперскія привилегіи **); горожане уже несмѣли болѣе выбирать себѣ бургомистра, совѣтъ не могъ собираться безъ дозволенія архіепископа.

Въ 1519 году архіепископскій престолъ занялъ Матвѣй *Лангъ*. Вышедшій изъ бюргерскаго сословія, патрицій свободнаго города Аугсбурга, изъ фамиліи Ланге фонъ-Велленбургъ, любимецъ императора Максимиліана,—онъ возвысился до званія епископа гуркскаго, былъ сдѣланъ потомъ кардиналомъ и наконецъ княземъ одного изъ самыхъ богатыхъ архіепископствъ. Лангъ пользовался громадною славою; онъ много лѣтъ былъ министромъ покойнаго императора, употреблялся имъ въ качествѣ посла для веденія важнѣйшихъ переговоровъ, слылъ постоянно другомъ и покровителемъ художниковъ и ученыхъ, но при всемъ томъ все-таки это былъ пастырь безъ вѣры и совѣсти, князь, про котораго даже его собственные совѣтники говорили, что «только всевозможными хитростями и интригами добился онъ принятія въ монастырь», —что «въ продолженіе всей жизни у него не было ни одного хорошаго помысла» и что «онъ полонъ всевозможныхъ хитростей, плутней и никогда не былъ доброжелателемъ своего народа» ***). Уже въ Мартѣ 1525 ему никто не вѣрилъ.

Когда Матвѣй Лангъ сдѣлался сперва коадъюторомъ архіепископства, а потомъ и архіепископомъ,—онъ обѣщалъ и обязался зальцбургскимъ гражданамъ защищать ихъ привиллегіи свободу и старые порядки, не только не обременять ихъ

---

*) «Божество не пощадило невѣрныхъ, которыхъ пощадила злоба князя», сказалъ біографъ архіепископа игуменъ Мецгеръ.

**) «И справедливо,—полагаетъ этотъ духовникъ,—потому что они злоупотребляли ими». Hist. Salisb. 519.

***) Показаніе Ганса Гольда, зальцбургскаго городскаго судьи, данное имъ безъ пытки. Князья и господинъ знали, что Гольдъ говоритъ правду. Cod. Germ. Mon. 4925 f. 232. Yorg. 369.

какими нибудь тягостями, но напротивъ стараться расширить ихъ права. Онъ присягнулъ въ этомъ, а папа и императоръ подтвердили его присягу. Зальцбургцы повѣрили и, надѣясь на его слова, держали себя относительно него, какъ вѣрные подданные. Однако Лангъ скоро уклонился отъ своихъ обѣщаній и отъ своей присяги, и зальцбургцы были принуждены востать въ огражденіе себя отъ его насилій. Къ тому же кардиналъ яростно преслѣдовалъ новое ученіе, къ которому зальцбургцы относились очень сочувственно, и распространенію котораго онъ самъ косвенно много помогалъ. Желая обогатить свою казну и еще болѣе увеличить роскошь усиленными доходами отъ своихъ рудниковъ, онъ выписалъ въ Зальцбургъ саксонскихъ рудокоповъ, принявшихъ ученіе Лютера въ самомъ его источникѣ. Саксонцы принесли съ собою лютеранское ученіе и лютеранскія книги, и распространили ихъ между зальцбургцами; съ ними прибыло нѣсколько энтузіастовъ священниковъ и проповѣдниковъ, въ числѣ которыхъ были: Костенбауеръ, духовникъ самого архіепископа, Павелъ Шпреттеръ,—босоногій монахъ, Георгъ Шереръ изъ Раштатта, Мартинъ Ладингеръ изъ Гаштейна, находившійся въ перепискѣ съ Лютеромъ, и пасторъ Матвѣй, державшій проповѣдь въ Пинцгау. Кромѣ того, желая лишить Лютера самой сильной его поддержки и помощи, въ лицѣ его высокоученаго друга, августинскаго генералъ-викарія Штаупица,— этого постоянно находящагося при немъ оракула, какъ называлъ его Мюнцеръ,—кардиналъ вызвалъ въ Зальцбургъ Штаупица и вмѣстѣ съ нимъ—даже противъ его воли—ученіе Лютера, его сочиненія и письма. Когда кардиналъ увидалъ такимъ образомъ свое архіепископство зараженнымъ новымъ ученіемъ, онъ сталъ строго преслѣдовать всѣхъ послѣдователей Лютера, кто бы они ни были, граждане или проповѣдники. Кастенбауеръ томился въ тюрьмѣ отъ 1521—24 г., за тѣмъ его выслали изъ страны; Павелъ Шпреттеръ спасся только самымъ поспѣшнымъ бѣгствомъ въ 1522 году. Зальцбургцы были сильно недовольны всѣмъ этимъ; но архіепископъ только радовался этому недовольству, видя въ немъ благовидный предлогъ дѣйствовать оружіемъ противъ недовольныхъ и совершенно подавить ихъ вольности, которыя (хотя онъ и мало стѣснялся ими) все-таки не нравились деспоту князю. Лангъ хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ города и всей страны. Онъ предложилъ своимъ довѣреннымъ привести изъ-за границы небольшое войско. «Я хочу, сказалъ онъ имъ, напасть и захватить сначала городъ, а потомъ уже округъ; хочу погубить прежде гражданъ, за тѣмъ очередь дойдетъ и до крестьянъ». Тѣ съ удовольствіемъ приняли предложеніе князя. Кардиналъ быстро собрался и поѣхалъ къ императорскому намѣстнику, эрцгерцогу Фердинанду, который въ то время въ Инспрукѣ принималъ присягу въ качествѣ наслѣдника престола. Въ Тиролѣ онъ навербовалъ 6 ротъ солдатъ, съ цѣлью—какъ онъ объяснялъ эрцгерцогу—предупредить возстаніе и отпаденіе города Зальцбурга. Предводителемъ наемниковъ былъ Леонгардъ фонъ-Фельсъ (Vo!s), главный начальникъ Эча и бургграфства Тироля. Кардиналъ направился съ ними черезъ иннскую долину въ Гредингенъ близъ Ундерсберга, гдѣ и расположился лагеремъ. Граждане Зальцбурга испугались; на верху въ замкѣ, господствующемъ надъ городомъ, жилъ священникъ Вильгельмъ, отличный артиллеристъ, извѣстный всѣмъ своимъ искуствомъ пускать фейерверки; они боялись, что онъ изъ замка подожжетъ городъ. Архіепископъ угрожалъ вблизи съ 6-ю ротами. Они «скромно и чинно» просили милостиваго и справедливаго суда его величества. Кардиналъ потребовалъ покорности. Городъ сдался безъ сопротивленія.

Въ сопровожденіи Леонарда фонъ-Фельса и двухъ военныхъ ротъ кардиналъ вступилъ въ городъ, окруженный блестящимъ придворнымъ штатомъ дворянъ, между которыми фонъ-Нуссдорфъ служилъ ему маршаломъ, фонъ-Турнъ—шенкомъ,

фонъ-Альмъ—стольникомъ, фонъ-Виспекъ—казначеемъ. Самъ онъ сидѣлъ на бѣломъ жеребцѣ, духовнаго князя воинственно украшали блестящія свѣтлыя латы съ позолоченными обручами; сверхъ нихъ былъ надѣтъ пурпуровый атласный воинскій плащъ, на головѣ красовалась пурпурово-красная тафтяная шапка, въ рукѣ кардиналъ держалъ жезлъ полководца. Такъ кортежъ прошелъ черезъ Нунталь до хлѣбнаго рынка, по направленію къ Брадмаркту. Сюда вышли совѣтъ и граждане. Когда они увидали архіепископа, они поклонились ему до земли. Бургомистръ обратился къ нему съ рѣчью, на которую тотъ тотчасъ же отвѣчалъ чрезъ своего канцлера рѣзкимъ выговоромъ, «безчестными бранными словами, которыя онъ относилъ ко всему обществу главнаго города и которыми грубо оскорблялъ ихъ честь» *). Затѣмъ онъ принудилъ ихъ выдать всѣ королевскія льготныя грамоты и всѣ данные имъ документы, вытребовалъ обѣщаніе отказаться отъ всѣхъ ихъ вольностей и правъ, и впредь быть довольными всѣми распоряженіями, которыя его милость сочтетъ за нужное издать.

Всѣ грамоты были, смотря по его желанію, или разорваны или исправлены; онъ изорвалъ также старый городской и ремесленный уставъ, который они и ихъ предки содержали съ полнымъ уваженіемъ; бюргеры должны были дать письменное обѣщаніе, что никогда не будутъ собираться безъ приказанія князя, что онъ будетъ назначать имъ городскаго судью, бургомистра и 12 членовъ совѣта, и будетъ имѣть въ своихъ рукахъ всю городскую полицію. Далѣе они обязывались выдать ему всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ обвинитъ въ намѣреніи отдѣлиться отъ его власти, и наконецъ приняли на себя всѣ издержки этого похода.

Вслѣдствіе такихъ распоряженій городское населеніе, а

---

*) Письмо зальцбургской провинціи къ Георгу Трухзесу. Рукописная хроника у Мегизера, Annales Carinthiae, стр. 1316—17.

тѣмъ болѣе бѣдные ремесленники, пришли въ страшный упадокъ. Точно такъ же поступилъ кардиналъ и въ другихъ городкахъ, мѣстечкахъ и рудникахъ архіепископства; онъ ввелъ много нововведеній, обременялъ народъ очень тягостными для него налогами, и позволялъ своимъ чиновникамъ многое, что почти совершенно раззоряло бѣдняковъ. Не смотря на то, что доходы были очень велики, аббатство пришло въ большой упадокъ во время правленія архіепископа Матвѣя; расточительность его двора была слишкомъ велика; она была исключительной причиной приращенія большаго и тягостнаго долга *).

Съ этихъ поръ кардиналъ началъ мощною рукою преслѣдовать проповѣдниковъ Евангелія, онъ наказывалъ ихъ тяжелымъ заточеніемъ, оскорблялъ на каждомъ шагу, не обращая никакого вниманія на ихъ требованія открытаго суда. Благочестивый священникъ Матвѣй не ускользнулъ отъ надзора его полицейскихъ агентовъ; архіепископъ осудилъ его на вѣчное заключеніе въ Миттерзиллѣ, главномъ городѣ Пинцгау, тамъ онъ долженъ былъ погибнуть въ тюрьмѣ. Это было въ концѣ 1524 г. Матвѣя привязали къ лошади, сковали ему желѣзными цѣпями ноги подъ животомъ лошади и повезли такимъ образомъ, въ сопровожденіи чиновниковъ и служителей суда. На дорогѣ въ берхтольдсгадскомъ мѣстечкѣ Шелленбергъ **) всадники, привлеченные веселымъ шумомъ одной гостинницы, оставили плѣннаго одного, а сами вошли въ трактиръ, чтобъ сотворить небольшую попойку. Вокругъ связаннаго, почтеннаго священника, собрались лю-

---

*) Адресъ провинціи въ воскресенье послѣ дня св. Ульриха.

**) Показаніе городскаго судьи Гольда. Нѣкоторые говорятъ, что это было недалеко отъ Зальцбурга въ Гартенау; одинъ же источникъ показываетъ, что въ деревнѣ С. Леонгардъ, недалеко отъ Гартенау.

*

бопытные. «Будьте сострадательны,—умолялъ онъ ихъ,—посмотрите, какъ я страдаю ради чистаго слова Божія и правды, за которую я осужденъ и долженъ сгнить въ мрачной темницѣ». Стеченіе народа подлѣ несчастнаго вскорѣ сдѣлалось громаднымъ, тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный. Въ гостинницѣ собралось много пировавшаго народа. Они тоже услыхали шумъ и умоляющій голосъ. Одинъ рѣшительный крестьянинъ, именно молодой Штокль изъ Брамберга, сталъ во главѣ собравшагося народа, отнялъ священника изъ рукъ приставовъ и судейскихъ служителей и освободилъ его подъ условіемъ, чтобъ онъ тотчасъ же удалился.

Архіепископъ, узнавши объ этомъ, вызвалъ къ себѣ Штокля и еще одного крестьянина; онъ жаждалъ ихъ крови. При его дворѣ, какъ и при всѣхъ прочихъ, не было недостатка въ придворныхъ юристахъ, которые сумѣли бы повернуть законъ по прихоти ихъ господина. Къ такимъ юристамъ принадлежалъ и докторъ Фолландъ, одна изъ самыхъ безславныхъ и преступныхъ личностей въ виртембергской исторіи; онъ объяснилъ князю, что «читалъ въ книгахъ, будто кардиналъ совсѣмъ не обязанъ судить обоихъ плѣнныхъ законнымъ судомъ». Всѣ зальцбургцы знали, что уголовный судъ архіепископства судилъ всегда справедливо. Когда вслѣдствіе этого Штокль и его товарищъ были приговорены къ смерти, помимо всякихъ законныхъ формальностей, то исполнитель приговоровъ отказался выполнить казнь. Онъ не можетъ и не долженъ, говорилъ онъ, казнить этихъ двухъ людей, ибо ихъ нужно было первоначально осудить открытымъ судомъ. Городской судья Гольдъ, одинъ изъ совѣтниковъ архіепископа, доложилъ объ этомъ канцлеру Гансу Шенку. Послѣдній совѣтовалъ городскому судьѣ уладить дѣло уговорами. «Если же бунтовщикъ не согласится исполнить казнь добровольно,—сказалъ Шенкъ, уснащая свою рѣчь проклятіями,—то его заставятъ насильно». Но, не смотря на увѣщанія Гольда, тотъ долго колебался. «Дѣлай, какъ я тебѣ говорю,—ска-

залъ наконецъ Гольдъ,—и предоставь отвѣтственность князю и начальству» *).

Рано утромъ, между 6 и 7 часами, плѣнные были тайно обезглавлены, не на обыкновенномъ лобномъ мѣстѣ, а за замкомъ, вблизи дороги, ведущей на площадь аббатства.

Извѣстіе объ этой казни сильно подѣйствовало на жителей Зальцбурга, они приняли къ сердцу это гнусное злодѣйство, понимая, что его милости можетъ точно также вздуматься умерщвлять безъ всякаго суда и употреблять подобныя же насилія и надъ всѣми другими мирными гражданами **).

Архіепископъ сталъ поступать такъ, какъ будто хотѣлъ доказать справедливость ихъ предположеній. Одинъ изъ его чиновниковъ отправился въ горы съ дозволеніемъ употреблять насилія надъ честными гражданами ***).

Родственники и друзья казненныхъ ходили по долинамъ и горамъ Пинцгау и другихъ частей Альпъ; словами и разсказами возбуждали они жителей къ мести за невинно-пролитую кровь и къ защитѣ честнаго слова Божія; тамъ, гдѣ не дѣйствовали ихъ слова, дѣйствовали финансовыя операціи, къ которымъ позволили себѣ прибѣгнуть архіепископъ и господа, служащіе при его дворѣ.

Кардиналу нужны были деньги, и онъ совѣщался съ своими приближенными, какъ бы скорѣе пріобрѣсть 10,000 гульденовъ; тѣ посовѣтовали ему сдѣлать принудительный заемъ у самыхъ богатыхъ зальцбургскихъ гражданъ. У кого же, спросилъ кардиналъ городскаго судью. Гольдъ назвалъ Георга Веннингера и Клецлей. Кардиналъ, канцлеръ Гансъ Шенкъ, Вигиліусъ фонъ-Турнъ, Эренрейхъ Траутмансдорфъ и Гансъ Гольдъ были согласны и рѣшили, что вышеназванные граждане должны ссудить ихъ должною суммою,

*) Показаніе Ганса Гольда. Рукописная хроника.

**) Адресъ зальцбургской провинціи.

***) Тамъ же.

въ противномъ же случаѣ ихъ отправятъ въ замокъ связанными и плѣнными, и поступятъ съ ними, такъ что объ этомъ будетъ немало говору и пересудовъ. Такимъ же образомъ они хотѣли сдѣлать принудительный заемъ приблизительно въ 1,000 гульденовъ и у нѣкоторыхъ изъ дворянъ, какъ то у Ганса фонъ-Альма и у Кристофа Граффа; въ случаѣ упорства, съ ними сдѣлаютъ тоже, что и съ бюргерами *).

Это была только частная финансовая операція. Главная же распространялась на всю страну. Нужно было взять со всей страны 30,000 гульд. Кардиналъ собралъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Прелаты и высшія духовныя лица, которыя, при общемъ налогѣ, должны были тоже платить, отговаривали князя отъ общаго податнаго обложенія и совѣтовали ему собрать эти 30,000 гульденовъ посредствомъ особыхъ финансовыхъ мѣръ, некасавшихся привиллегированныхъ сословій. Кардиналъ принудилъ округъ къ тяжелому денежному налогу безъ малѣйшаго на то права и безъ всякой потребности для страны, которая одна могла бы оправдать это беззаконіе **).

При совѣщаніи о сборѣ вышеупомянутыхъ 10,000 гульденовъ канцлеръ Гансъ Шенкъ совѣтовалъ, въ случаѣ неудачнаго сбора съ гражданъ, употребить въ дѣло серебряные образа и напрестольную пелену собора. Гансъ Гольдъ былъ съ нимъ одного мнѣнія; кардиналъ же, кромѣ займа въ 10,000, 30,000 и другихъ денегъ, взялъ и всѣ драгоцѣнности церкви вмѣстѣ съ напрестольною пеленою и увезъ къ себѣ въ замокъ. Даже самъ казначей Питтербергеръ заговорилъ теперь противъ Гольда: «такимъ образомъ и страна и люди потерпятъ убытокъ» ***).

Городъ Зальцбургъ волновался. Видя такіе поступки князя, граждане считали себя вправѣ жаловаться на его деспотизмъ.

*) Показаніе Ганса Гольда.

**) Показаніе Ганса Гольда. Адресъ округа.

***) Показаніе Ганса Гольда.

Кардиналъ полагалъ, что онъ имѣетъ право поступать такъ, и потому порѣшилъ прекратить неудовольствіе гражданъ, пока оно еще не перешло въ открытое неповиновеніе. Онъ снова собралъ отрядъ изъ 500 чужеземныхъ солдатъ. Гансъ Шенкъ, канцлеръ, подалъ мысль созвать городское населеніе въ воскресенье, въ огороженное мѣсто, окружить его солдатами, поймать непослушныхъ, связать ихъ и отвести въ замокъ. Затѣмъ онъ велѣлъ барабаннымъ боемъ собрать къ своему дому войско, часть котораго квартировала въ концѣ города. Населеніе, и прежде неожидавшее ничего хорошаго отъ князя, не соглашалось теперь собраться. «Вы испугали гражданъ перемѣщеніемъ войска, сказалъ Гансъ Гольдъ канцлеру, теперь они нейдутъ на огороженное мѣсто». Лишь бы только мой господинъ слѣдовалъ моимъ совѣтамъ, отвѣчалъ Шенкъ, ужъ я ихъ всѣхъ соберу въ кучу; если они забудутъ долгъ своей присяги, то я ихъ всѣхъ сожгу и изъ замка спущу огонь въ ихъ дома. Но дворъ не рѣшался еще въ то время употреблять насиліе *).

Архіепископъ попробовалъ даже внушить священству осторожность, чтобы хотя съ этой стороны не раздражать народъ. Но такъ какъ онъ все-таки не принялъ настоящихъ мѣръ для примиренія съ народомъ, не хотѣлъ сознаться въ своихъ несправедливостяхъ и отказаться отъ нихъ, то и надъ нимъ оправдалась поговорка благочестиваго Себастіана Франка, что «тиранство всегда справедливо наказывается возмущеніемъ; одно влечетъ и родитъ за собою другое, именно: тиранство—возмущеніе, а возмущеніе—тиранство. Такъ наказываетъ Богъ зло—зломъ, грѣхъ—грѣхомъ» **).

Народное возстаніе, приготовлявшееся и усиливавшееся

*) Показаніе Ганса Гольда.

*) Себастіянъ Франкъ въ своей хроникѣ, а не Гнодаль, какъ многіе думаютъ Гнодаль жилъ позже и только выписалъ это мѣсто изъ Франка.

въ продолженіи всей зимы, разразилось наконецъ со всѣхъ сторонъ. Прежде всѣхъ возмутились работники и рудокопы, которыхъ лишили ихъ прежней свободы и которыхъ архіепископъ глубоко оскорбилъ, такъ грубо коснувшись ихъ вѣрованій и ихъ совѣсти; они собирались и проводили цѣлые дни около церквей или въ самыхъ церквяхъ; они требовали чистаго слова Божьяго и возвращенія старыхъ правъ. Крестьяне Гаштейна, знаменитой долины, славящейся красотами своей природы и теплыми цѣлебными ключами,—собрались въ мѣстечкѣ Гаштейнъ — предъявивъ тѣ же требованія, что и крестьяне другихъ частей Германіи. Удивительно, что несмотря на то, что движеніе совершалось въ исходѣ апрѣля, знаменитыя 12 статей верхней Швабіи еще не были приняты въ видѣ манифеста крестьянами этой альпійской страны, однако же въ своихъ требованіяхъ они не много уклоняются отъ этихъ статей: кромѣ требованій общихъ съ верхне-швабскими, они представляли еще свои мѣстныя. Они постановили 14 пунктовъ. Тутъ также на первомъ планѣ стояло «Слово Божіе и Евангеліе,» они хотѣли, чтобъ оно проповѣдывалось имъ безъ всякихъ человѣческихъ прибавленій, хотѣли сами выбрать себѣ священниковъ, которыхъ никакое начальство не смѣло бы смѣнить безъ уважительной причины. Затѣмъ они требовали уничтоженія всѣхъ тяготѣвшихъ надъ ними мелкихъ податей, какъ то: подати посвященія, рыцарской подати, которую еще до сихъ поръ должны были платить при обрядѣ посвященія въ рыцари какого нибудь помѣщика, свадебной подати при бракосочетаніи кого нибудь изъ его дѣтей; требовали отмѣны мортуаріевъ, мелкихъ десятинныхъ сборовъ; 30-й же снопъ, какъ справедливый процентъ, долженъ былъ платиться. Они требовали правдиваго суда, требовали, чтобъ судья произносилъ приговоръ безъ землевладѣльцевъ и ихъ чиновниковъ, требовали наконецъ правильной починки дорогъ для облегченія торговли и проѣзда.

Они разослали изъ Гаштейна вѣстовыхъ въ Раурисъ, въ Виндишматрей, въ Радштадтъ, во всѣ округи, требуя присоединенія къ евангелическому братству, къ «*христіанскому союзу*». Давно уже, писали они, дурно и мало проповѣдуется святое Евангеліе и слово Божіе; простолюдинъ, вслѣдствіе этого, заблуждался, и духовенство присвоило себѣ столько правъ, что совершаетъ теперь пропасть злоупотребленій. Такъ какъ повсюду начинается волненіе,—можетъ быть, по волѣ Божіей, которая хочетъ обуздать нѣсколько власть господъ, въ особенности же духовныхъ,—то они хотятъ братски соединиться, чтобъ постоять за слово Божіе.

Гаштейнцы выбрали себѣ въ главные предводители Вейтмозера, богатаго фабриканта изъ Гаштейна, и Каспара Праслера, воина изъ Брамберга. Востаніе скоро распространилось по всѣмъ долинамъ архіепископства и, частью самостоятельно, частью помощію эмиссаровъ, спустилось изъ Зальцбурга по эннской долинѣ, въ 5 австрійскихъ герцогствъ, потомъ въ Штирію, верхнюю Австрію и Каринтію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Крестьяне и рудокопы 5-ти австрійскихъ герцогствъ вступаютъ въ христіанскій союзъ.

Не смотря на то, что природа богато одарила Зальцахъ и въ особенности Пинцгау, представляющійся весь однимъ сплошнымъ, прелестнымъ паркомъ, не смотря на обиліе ключей, озеръ, рѣкъ, луговъ, садовъ, горъ и лѣсовъ, украшающихъ долину Гаштейна,—и здѣсь нисшій классъ городской и сельскій былъ вынужденъ къ вооруженному востанію.

Несправедливость и роскошь, господствовавшія въ верхнихъ слояхъ общества, при дворѣ самого князя, разрушительно дѣйствовали на жизнь, честь и вѣру простолюдина, они отнимали у бѣдняка даже тотъ единственный источникъ его утѣшенія--Евангеліе, который именно и былъ предназначенъ для нищаго и убогаго.

Иную картину представляли австрійскія герцогства; не такъ щедро одаренные природою, они пользовались за то любовью и попеченіемъ своихъ князей. Но здѣсь былъ другой источникъ угнетѣнія: народъ терпѣлъ здѣсь отъ дворянъ, духовныхъ, придворныхъ, высшихъ и нисшихъ чиновниковъ, которые изъ своекорыстныхъ видовъ злоупотребляли довѣріемъ народа и удаленнаго отъ него князя.

Эти пять австрійскихъ герцогствъ были все еще достаточно богаты солью, рудами, пастбищами, полями и неистощимыми лѣсами, которые съ избыткомъ могли вознаграждать трудъ и дать средства къ жизни бѣднѣйшему жителю. Кромѣ того въ политическомъ отношеніи крестьяне здѣсь были до первой четверти XVI столѣтія сравнительно гораздо свободнѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ. Присутствіе императоровъ, которые въ послѣднія столѣтія только на короткій срокъ покидали свои наслѣдственныя владѣнія, само собою вело къ уменьшенію несправедливыхъ притязаній и того самоуправства, съ которымъ относились къ простолюдинамъ дворяне другихъ мѣстностей. Правосудіе этой страны было, сравнительно, правильнѣе и строже, и уже поэтому положеніе крестьянъ не могло сдѣлаться вполнѣ рабскимъ, какъ это было почти вездѣ въ Германіи. Здѣсь было еще много крестьянъ, пользовавшихся личною свободою и владѣющихъ своими наслѣдственными имѣніями; но даже и несобственники, даже и зависимые крестьяне въ продолженіи многихъ столѣтій находились въ весьма сносномъ положеніи; они были обезпечены твердыми законами общество имѣло право выбирать судей, имѣло присяжныхъ, оно пользовалось отчасти самоуправленіемъ и несло подати, хоти-

значительныя, но все-таки гораздо меньшія, чѣмъ гдѣ либо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на нѣкоторыя частныя стороны быта австрійскихъ крестьянъ.

Поземельный налогъ, напримѣръ, не могъ быть возвышаемъ владѣльцемъ, вслѣдствіе улучшенія имѣнія, но, съ другой стороны, пользующійся землею не имѣлъ и права на уменьшеніе этой подати, не смотря ни на какой неурожай; неосвобожденный отъ барщины (Robothen), крестьянинъ употреблялся помѣщикомъ только какъ помощникъ въ сельскихъ работахъ.

Только въ крайнемъ случаѣ хозяинъ имѣлъ право требовать отъ своего крестьянина необычной работы, какъ напр. охраненія своего замка; онъ никогда не смѣлъ мѣшать крестьянину въ его хозяйственныхъ занятіяхъ, и когда вассалу приходилось работать на своего господина, то послѣдній долженъ былъ давать ему хлѣбъ и другое необходимое продовольствіе, а также кормъ его лошадямъ и воламъ.

Высшіе суды были обязаны устранять злоупотребленія, и всѣ спорныя дѣла рѣшались на основаніи письменныхъ документовъ. Нѣкоторые изъ самыхъ ненавистныхъ феодальныхъ повинностей были здѣсь вовсе неизвѣстны; однако и австрійскіе крестьяне платили такъ называемыя «посмертныя деньги,» по пяти процентовъ со всѣхъ необремененныхъ долгами движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ каждаго умершаго; впрочемъ это не распространялось на имѣніе оставшагося въ живыхъ супруга, также исключалось изъ налога завѣщанное имущество, полевыя и земледѣльческія орудія, одежда и т. п. вещи. Каждый, платящій подать съ наслѣдственнаго помѣстья, имѣлъ право свободной продажи этого имѣнія, но не иначе какъ другому благонадежному крестьянину. При обмѣнѣ имущества или при переходѣ его по наслѣдству хотя бы даже отъ отца къ сыну, непремѣнно должна была вноситься владѣльцу извѣстная пошлина, 5% съ имущества, по предыдущей его оцѣнкѣ (Pfundgeld, Laudem). Каждый вассалъ имѣлъ

право свободнаго выхода, но это переселеніе было возможно только по уплатѣ всѣхъ долговъ. Помѣщикъ имѣлъ право прогнать крестьянина съ владѣемой имъ земли только въ такомъ случаѣ, если бы тотъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не исполнялъ своихъ обязанностей. Каждый помѣщикъ, кромѣ того, долженъ былъ аккуратно вести поземельныя книги и по временамъ на свой счетъ устроивать собранія для ихъ повѣрки. Въ эти книги должны «съ доказательствами вноситься и вслухъ внятно прочитываться» имена всѣхъ владѣльцевъ наслѣдственно-ценсовыхъ участковъ, платящихъ подать, всѣ перемѣны, добровольно признанныя обязательства, права и имущества подданныхъ и оцѣнка имущества.

Такими преимуществами пользовались австрійскіе крестьяне, въ сравненіи съ земледѣльцами другихъ странъ, но и твердые законы не могли защитить ихъ отъ злоупотребленій дворянъ и духовныхъ, которые сдѣлали наконецъ невыносимыми ихъ сначала хорошее положеніе и вынудили крестьянъ вооруженною рукою оборонять свои вольности *).

Ихъ просьбы, ихъ законныя требованія, обращаемыя къ самымъ высшимъ правителямъ, не имѣли никакихъ результатовъ. Они добились только оскорбительнаго отказа. И вотъ въ 1515 году возникъ, какъ мы уже видѣли, виндскій союзъ съ его лозунгомъ «стара прува», старое право. Сигизмундъ фонъ-Дитрихштейнъ разогналъ этотъ союзъ, повѣсилъ множество плѣнниковъ, казнилъ десятерыхъ начальниковъ, 15 зачинщиковъ и 136 крестьянъ. Въ Грецѣ со многихъ онъ велѣлъ содрать кожу, сажалъ на колъ и четвертовалъ крестьянъ **), но ни одна изъ жалобъ, единственныхъ причинъ востанія, положительно ни одна не была удовлетворена.

*) Сравни поучительныя разсужденія Бухгольца о положеніи дѣлъ крестьянскаго сословія въ Австріи, въ Исторіи Фердинанда I; 8 т. стр. 1—88.

**) Aquilini Julii Caesaris Annal. Styriae III., 666.

Въ 1523 году само правительство должно было сознаться, что старыя права были во многомъ нарушены, что большинсво господъ и чиновниковъ притѣсняетъ бѣдныхъ крестьянъ, и что все это слѣдуетъ измѣнить и возстановить добрый порядокъ въ Каринтіи и въ Крайнѣ *). Въ 1524 году явились реформы на бумагѣ, но онѣ такъ и остались только на бумагѣ.

Таково было положеніе и настроеніе этой части Австріи, когда сюда были занесены сѣмена новаго евангелія. На поэтическихъ жителей Альповъ всего болѣе подѣйствовали полныя гармоніи пѣсни Лютера, тѣ пѣсни, которыя, по словамъ іезуитовъ, погубили болѣе душъ, нежели всѣ сочиненія и проповѣди реформатора. Легче было изгнать проповѣдниковъ и истребить сочиненія, чѣмъ уничтожить пѣсню, которая быстро и неудержимо разносилась по свѣту странствующими ремесленниками, распространяя съ собою и духъ новаго евангелія. Скоро и на штирійскихъ альпахъ и на австрійскихъ долинахъ раздавалось «Eine feste Burg ist unser Gott» и «von Gott will ich nicht lassen»; нищіе пѣли передъ дверями: «Es ist das Heil uns kommen her», и архіепископъ Матвѣй Лангъ жаловался, что нищіе и другіе люди открыто поютъ на зальцбургскихъ площадяхъ еретическія пѣсни, соблазняютъ этимъ народъ и вообще приносятъ много вреда **).

И такъ эмиссары евангельскаго братства и тутъ нашли почву, достаточно приготовленную для ихъ цѣлей. Апостолы новаго евангелія явились сюда изъ сосѣдней Швабіи и, при помощи живого слова и письменныхъ сочиненій, быстро распространили христіанскій союзъ въ Штиріи, верхней Австріи и Каринтіи. Работники на виноградникахъ между Вѣною и Ней-

*) Предложеніе новоустановленнаго совѣта (Rathkammer) у Бухгольца VIII. 240.

**) Салигъ, исторія аугсбургскаго исповѣданія, III. 171—173.

штадтомъ проявляли опасное и угрожающее настроеніе. Эти виноградари составляли большинство населенія окрестностей столицы, гдѣ воздѣлываніе винограда было главнымъ источникомъ благосостоянія *) гражданъ; частью это были пришлые чужестранцы, частью туземные работники, составлявшіе правильно организованную артель.

Въ половинѣ мая 1525 года высшія власти провѣдали, что между ними существуетъ союзъ, до того обширный, что въ продолженіи 8 часовъ они могутъ собрать отъ 10 — 12000 человѣкъ **). Евангеліе и евангелическій союзъ имѣли также достаточно приверженцевъ среди многочисленныхъ работниковъ соляныхъ копей и различныхъ рудниковъ, желѣзныхъ, серебряныхъ и ртутныхъ. Эти работники, въ особенности же рудокопы, были здоровые, закаленные люди, привыкшіе къ оружію, и каждый изъ нихъ стоилъ добраго солдата.

Эрцгерцогъ Фердинандъ находился въ Тиролѣ и тутъ пытался переговорами предупредить возстаніе, или по крайней мѣрѣ ослабить его, растягивая переговоры. Онъ составилъ сначала въ пяти герцогствахъ сословный совѣтъ, чтобы съобща посовѣтываться о томъ, какъ поддержать христіанскій миръ въ виду зарождавшагося возстанія. Собранный въ Линцѣ въ верхней Австріи ландратъ изъ господъ и рыцарей, называющійся земствомъ, но въ сущности состоявшій изъ однихъ дворянъ, самъ настаивалъ на томъ, чтобы какъ можно скорѣе собрать во всѣхъ 5-ти герцогствахъ ландтаги и выбрать депутатовъ, которые для возстановленія правосудія и порядка должны сойтись въ какомъ нибудь удобномъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало укрѣпить и снабдить провіантомъ нѣкоторые пункты ***). Правительству пришлось выслушать много

---

*) «Одна изъ лучшихъ пищъ этой страны» Уставъ.

**) Докладъ надворнаго совѣта и казначейства, отъ 22 мая. Бухгольцъ VIII 88.

***) Письма земскаго суда отъ 11 мая 1525 г. къ государственному совѣту въ Вѣнѣ, Бухгольцъ. VIII, 89.

правды на этихъ ландтагахъ, города сочувствовали справедливости крестьянскаго дѣла, большинство господъ вынужденные обстоятельствами, выказывали умѣренность, многіе изъ нихъ, быть можетъ, дѣйствительно сознали несправедливость своихъ дѣйствій относительно простолюдиновъ.

Въ городахъ было очень много бѣднаго народа, который сочувствовалъ крестьянамъ и стоялъ за нихъ: дворянство и духовенство боялось вывести изъ терпѣнія сильно и давно раздражаемый народъ. При предложеніи одной части собранія взяться за оружіе противъ крестьянъ, въ случаѣ если они не согласятся на мирныя предложенія, всѣ другіе члены собранія положительно отвергли этотъ способъ дѣйствія; они рѣшительно отказывались вооружить своихъ людей и вести ихъ вмѣстѣ съ войскомъ противъ крестьянъ и горнорабочихъ верхней Штиріи.

Городъ Штейеръ объявилъ: «что такъ какъ настоящія распри касаются не цѣлой страны, а только прелатовъ и ихъ подданныхъ, то городу совсѣмъ не пристало подавать помощь или высылать войска; онъ твердо убѣжденъ, что какъ совѣтники и комиссары князя, такъ и все земство отнесется къ требованіямъ крестьянъ настолько разумно, что никакихъ походовъ и не потребуется. Если же дѣло дойдетъ до того, что княжескимъ долинамъ или всему округу будетъ угрожать неожиданная опасность или нападеніе, то въ такомъ случаѣ граждане Штейера, какъ вѣрные подданные, добровольно и съ готовностью будутъ служить жизнію и имуществомъ своему государю» *).

Ландратъ въ Лайбахѣ прямо объявилъ вѣнскому правительству, что причинами возстанія и раздора были частью странныя распоряженія его свѣтлости, частью новыя пош-

---

*) Изъ архива города Штейера, Annales Styrenses, 222.

лины и другія мѣры и дѣйствія, которыми, вопреки старымъ обычаямъ, отягощали бѣдныхъ простолюдиновъ *).

Общее собраніе депутатовъ всѣхъ провинцій также подтвердило, что главнымъ поводомъ настоящаго движенія были несправедливыя утѣсненія. Оно рѣшило собрать 3000 верхне-австрійскихъ крестьянъ въ непродолжительномъ времени, вооружить всѣхъ обязанныхъ къ военной службѣ, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, избрать въ каждой изъ этихъ пяти провинцій по два члена военнаго совѣта и предоставить назначеніе военачальника выбору эрцгерцога. При этомъ депутаты съ увѣренностью говорили, что «если бы своекорыстіе не пренебрегало общественными нуждами, если бы бѣднымъ были предоставлены одинаковыя права и надъ простолюдинами не тяготѣло бы никакихъ несправедливыхъ обремененій, то не было бы и такихъ дурныхъ послѣдствій. Поэтому если непокорные будутъ принуждены къ послушанію и миру, то ихъ нужно будетъ освободить отъ всего, на что они теперь по справедливости жалуются, и не предпринимать болѣе никакихъ несправедливыхъ жестокостей противъ невинныхъ и неимущихъ **).

Такимъ образомъ даже сами земскіе чины, преимущественно же низшее дворянство, соглашались помочь вооруженному усмиренію возстанія, только подъ условіемъ исполненія нѣкоторыхъ требованій крестьянъ.

Эрцгерцогъ Фердинандъ соглашался съ ихъ мнѣніемъ, не по убѣжденію, конечно, а потому, что другого выбора ему не оставалось: броженіе и возстаніе большинства его собственныхъ удѣльныхъ подданныхъ сдѣлало его озлобленнымъ и мстительнымъ. Фердинандъ и вѣнскій государственный совѣтъ предначертали сначала одинъ и тотъ же образъ дѣйствія: «преступленіе слѣдуетъ наказывать желѣзными розгами,» «наказаніе своевольныхъ поступковъ крестьянъ должно было служить примѣромъ другимъ и отвратить отъ возстанія тѣхъ, которые въ противномъ случаѣ предались бы ему. Мы полагаемъ, что всѣ начальники и зачинщики, гдѣ бы вы ихъ не встрѣтили, гдѣ бы не достигли, должны быть жестоко наказаны сажаньемъ на колъ, четвертованьемъ и т. п. мѣрами» *).

*) Письма округа отъ 10 іюня 1525 г. Бухгольцъ VIII, 90.

**) Предложеніе депутатовъ. Бухгольцъ. VIII, 89.

Тотъ самый Сигизмундъ Дитрихштейнъ, который десять лѣтъ тому назадъ такъ жестоко поступалъ съ крестьянскимъ союзомъ, все еще былъ главнымъ начальникомъ земщины въ Штейрѣ. Онъ былъ уже старъ и страдалъ пораличемъ.

На лантагѣ, собравшемся въ Грецѣ, онъ не нашелъ ничего утѣшительнаго. Туда явилось мало дворянъ и земледельцевъ, и явившіеся крестьяне высказали дворянамъ прямо въ лицо, что ихъ жестоко и своевольно обременяютъ прелаты и начальство, и что они вынуждены сами защищаться, если имъ не оказываютъ помощи. Дитрихштейнъ вызывалъ совѣтъ столицы помочь ему уничтожить возстаніе. Члены совѣта дали ему понять, что общество совсѣмъ не такъ настроено, и что они не имѣютъ никакой возможности принудить его къ борьбѣ противъ крестьянъ; они не надѣются найти людей даже для защиты и охраны замка.

Дитрихштейнъ всѣми силами старался уговорить крестьянъ и дворянъ идти въ походъ; они согласились, когда онъ обѣщалъ идти съ ними. Онъ тратилъ свои собственныя деньги, дѣлалъ займы, вербовалъ на нихъ войско, — и наконецъ вооруженный орудіемъ, принадлежавшимъ ему самому и орудіемъ пяти другихъ землевладѣльцевъ, выступилъ по направленію къ Бруку при сліяніи Мюрца и Мура. Бюргеры этого города выказали большое нерасположеніе къ Дитрихштейну. Не больше сочувствія встрѣтилъ онъ и въ пѣхотѣ, высланной ему изъ Вѣны, въ видѣ подкрѣпленія. Солдаты объясня-

*) Инструкція Фердинанда и согласіе государственнаго совѣта.

ли, что они низачто не пойдутъ противъ рудокоповъ и крестьянъ. Дитрихштейнъ поскакалъ къ нимъ и старался уговорить солдатъ, но они не хотѣли и слушать. 60 изъ пришедшихъ солдатъ даже ушли изъ отряда и прямо отправились къ крестьянамъ. Дитрихштейнъ подарками удержалъ остальныхъ; они снова дали ему присягу. Въ то же время къ нему присоединилось еще 300 чел. богемцевъ. Это составило значительное подкрѣпленіе, ибо богемцы считались тогда искуснѣйшими артилеристами. Крестьяне христіанскаго союза, «союзники», какъ они себя называли, овладѣли между тѣмъ многими замками и мѣстечками; между прочимъ Мурау съ его желѣзодѣлательными заводами и замкомъ. Дитрихштейнъ хотѣлъ направиться къ Юденбургу, съ цѣлью возвратить опять отнятыя мѣста.

Шпіоны увѣдомили его, что всѣ крестьяне вокругъ Леобена, рудокопы и жители прилежащихъ долинъ, ждутъ только его ухода, чтобы присоединиться къ христіанскому союзу. Дитрихштейнъ самъ поскакалъ къ жителямъ Трафейяха, а графа Георга фонъ-Монфоръ и Леонарда Штейнбока послалъ къ рудокопамъ Фордернберга, знаменитой желѣзной горы, обрабатываемой уже въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія. Фордернбергцы выказали повиновеніе. Тоже самое сдѣлали и жители Леобена; они обѣщали быть послушными до тѣхъ поръ, пока на нихъ не нападутъ жители мѣстечка Ейзенерца, центра горнаго пріиска, и другіе сосѣди. Прочія общины бунтовали.

Въ Иннернбергѣ напали на пословъ Дитрихштейна и тѣ съ трудомъ спасли свою жизнь. Рудокопы вломились въ ратушу вынесли оттуда ружья и копья и вооружились ими. Старшина Форндернберга Цольнеръ уговорилъ фордернбергцевъ остановить жителей Иннернберга и дать свободу все еще плѣннымъ посламъ Дитрихштейна, но послѣдній долженъ былъ обѣщать, что онъ не предприметъ ничего рѣшительнаго ни противъ ихъ, ни противъ ихъ сосѣдей, и отказался отъ своей угрозы сжечь мѣстечки. Дитрихштейнъ видѣлъ, что воз-

станіе все болѣе и болѣе окружаетъ его. Союзная банда поднималась чрезъ енскую долину и заняла уже маленькій обнесенный стѣною городъ Роттенманъ. Изъ Каммерталя пришло извѣстіе, что и тамошніе крестьяне объявили себя на сторонѣ крестьянскаго союза. Главнымъ ихъ предводителемъ былъ теперь Рейстль, бывшій княжескій горный судья въ Шладмингѣ. Нѣкоторые плѣнные крестьяне разсказали Дитрихштейну, что въ Шладмингѣ собрано 1200 человѣкъ, что крестьяне Гойса находятся въ Гойсѣ у бенедиктинскаго монастыря, что въ 2-хъ миляхъ оттуда собрано 10,000 челов. крестьянъ и что главный ихъ предводитель находится съ 300-ми человѣкъ съ Адмонтѣ при Эннсѣ, въ прекрасномъ бенедиктинскомъ монастырѣ, считающемся самымъ богатымъ во всей Штиріи. Дитрихштейнъ повѣрилъ этому; у него было 5000 человѣкъ и онъ рѣшился напасть на крестьянъ. По другую сторону на горѣ, направо отъ Гойса, онъ замѣтилъ толпу крестьянъ, расположенныхъ лагеремъ, откомандировалъ туда сильный отрядъ, которому и удалось прогнать ихъ, самъ же онъ направился прямо на главную шайку. Но она предупредила нападеніе: какъ только крестяне направили свою артиллерію на германскую пѣхоту, она припала къ землѣ и затѣмъ пустилась въ бѣгство; задержать ее не было никакой возможности, знаменщикъ бросилъ даже свое знамя. Когда командиръ богемцевъ упалъ, тяжело раненный, они также неудержимо бросились въ бѣгство, увлекая за собою дворянство и рыцарей. Напрасно Дитрихштейнъ пытался остановить бѣгущихъ; впрочемъ ему удалось спасти свою артиллерію.

Отступающіе шли по узкому ущелью между скалами. Крестьяне заняли ихъ вершины и сверху бросали камнями въ солдатъ. Даже Дитрихштейнъ получилъ сильные удары въ плечи и бока. Потерявъ нѣсколько сотенъ людей — въ одной сотнѣ онъ самъ признавался — онъ возвратился въ Эренау, сконфуженный и съ усилившейся подагрой. Въ довершеніе всего онъ услыхалъ здѣсь, что наемники не хотятъ долѣе слу-

жить, и большая часть ихъ намѣревается перейти къ крестьянамъ. Онъ клялся, что убьетъ всякаго, кто только откажется отъ службы, такъ какъ они обязаны прослужить еще полъмѣсяца. Но наемники взбунтовались, они требовали жалованья, и только съ этимъ условіемъ соглашались продолжать службу. Богемскіе артиллеристы были съ ними за одно и тоже волновались. «Какъ? воскликнулъ Дитрихштейнъ, вы покинули меня, какъ злодѣи, и требуете еще денегъ?» Однакоже дѣлать было нечего, онъ долженъ былъ уступить, чтобы усмирить ихъ, тѣмъ болѣе, что подкрѣпленіе, котораго онъ ожидалъ отъ крайнскаго и каринтійскаго дворянства, только-что выступало.

Изъ Каринтіи прибыли наконецъ двѣ роты наемныхъ солдатъ и нѣсколько сотъ конницы. Начальникомъ ихъ былъ Ганцъ фонъ-Грейфенекъ. Они вышли изъ Клагенфурта и направились къ Неймаркту. Въ этомъ городкѣ стояло 700 крестьянъ; Грейфенекъ поднялся съ артиллеріей и ландскнехтами къ замку и приказалъ бомбардиру Мартину Флейгу дать нѣсколько выстрѣловъ. Жители городка разссорились съ крестьянами, хотѣвшими остаться въ замкѣ, вышли изъ воротъ и выдали ключи Грейфенеку. Крестьяне просили пощады. Грейфенекъ согласился. Съ нимъ было много туземныхъ дворянъ, именно: гг. Гансъ Унгнадъ, Христофъ Вельтцеръ старшій, Рупрехтъ Вельтцеръ, Андрей фонъ-Зильбербергъ, Гансъ и Христофъ Мордаксенъ, Эрнауеръ, Гиммельбергеръ и Рауберъ. Кажется, дворяне, не смотря на капитуляцію, намѣревались снова изощрить на крестьянахъ свое своеволіе. Такъ напримѣръ, когда крестьяне выходили изъ города, то между рядами всадниковъ произошло смятеніе и шумъ, многіе изъ шедшихъ позади пустились въ бѣгство, передніе-же, предположивъ, что конница сдѣлала нападеніе, приняли оборонительное положеніе. Дѣло дошло до рукопашнаго боя, конница и гусары бросились на крестьянъ; убитыхъ было около 50 человѣкъ. За то когда дворяне прибыли въ Гойсейнъ, недалеко отъ Роттенманна, то нашли тамъ тѣла людей убитыхъ союзными крестьянами, въ особенности-же было много мертвыхъ на лугу недалеко отъ села, между ними они нашли и Леонарда Штейбена, друга Дитрихштейна, храбраго дворянина: его положили съ другимъ дворяниномъ Зюсбекомъ въ гробъ; прочихъ же сложили въ одну яму близъ церкви *).

Какъ только Дитрихштейнъ присоединилъ къ себѣ этихъ дворянъ Крайны и Каринтіи,—онъ снова двинулся на крестьянъ. Рейстль, видя превосходство силъ дворянскаго войска, отступилъ къ укрѣпленному пункту у Роттенманна; у него было всего 6000 человѣкъ. Дитрихштейну по этому было легко снова занять Роттенманнъ и заставить близъ-лежащія селенія еще разъ присягнуть эрцгерцогу. Онъ не рѣшался открыто напасть на Рейстля въ его укрѣпленіи. расчитывать на успѣхъ такой атаки, было не возможно; поэтому онъ завладѣлъ лагеремъ хитростью, посредствомъ переговоровъ. Его дружелюбныя предложенія породили въ бандѣ несогласіе; Рейстль и тѣ, кто предугадывалъ вѣроломныя намѣренія Дитрихштейна, недовѣряли ему и его предложеніямъ. Большинство же крдстьянъ стояло за ихъ принятіе. Дитрихштейнъ, незнавшій что происходитъ въ лагерѣ, и сильно страдавшій отъ своей болѣзни, сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ дѣла и посылалъ къ правительству одно посланіе за другимъ, въ которыхъ требовалъ, чтобы Никласъ фонъ-Сальмъ поспѣшилъ принять отъ него начальство; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдалъ войску приказаніе, что его замѣститъ Никласъ фонъ Турнъ. Въ это время изъ крестьянскаго лагеря пришло посольство съ согласіемъ принять договоръ и покориться. Крестьяне раздѣлились; между тѣмъ какъ большинство покорилось, Рейстль вмѣстѣ съ рудокопами и самыми отважными крестьянами отступилъ черезъ Тауеръ, Лунгау и Понгау и направился къ большой зальцбургской бандѣ.

*) Старая рукопись у Мегизера. Anales carinthiae. стр. 1343.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Взятіе въ плѣнъ зальцбургскаго совѣтника Гольда.

Между тѣмъ положеніе архіепископа въ Зальцбургѣ очень ухудшилось. Крестяне различныхъ округовъ собрались лагеремъ въ Галлингѣ, деревнѣ, отстоящей отъ Зальцбурга на 3 мили. Мѣры, употребляемыя обыкновенно при вторженіи непріятеля, напр. при нападеніи Турокъ, были предприняты теперь въ зальцбургскихъ горахъ противъ туземныхъ дворянъ. На всѣхъ вершинахъ зажигались огни, набаты раздавались изъ селенія въ селеніе, сигнальные выстрѣлы передавались съ мѣста на мѣсто, словомъ, все напоминало войну. Крестьяне спускались съ своихъ горъ, выходили изъ долинъ, изъ Пинцгау и Бриксенталя, вооруженные кольями, шестами, дубинами, серпами; нѣкоторые изъ нихъ были въ шлемахъ, другіе съ заржавленными мечами и пиками, въ кожанныхъ кафтанахъ, въ короткихъ кожаныхъ панталонахъ, тамъ и сямъ виднѣласъ задняя или передня часть брони. Имъ первымъ суждено было мстить за смерть своихъ братьевъ и друзей. Сторонники архіепископа были застигнуты въ расплохъ.

Архіепископъ всѣми средствами старался предупредить грозу въ самомъ ея началѣ. Отправивъ пословъ въ крестьянскій лагерь въ Голлингъ и уговаривая ихъ возвратиться по домамъ, онъ принялъ доброжелательный отеческій тонъ: если они имѣютъ причины жаловаться на его княжескую милость, или на какого нибудь другого начальника, священника или судью, то—говорилъ онъ—пусть выберутъ депутатовъ и уполномочатъ ихъ высказать свои требованія; князь милостиво и

отечески разсмотритъ и по возможности исполнитъ ихъ просьбы. Крестьяне ясно понимали значеніе этихъ словъ и отвергли дипломатическую уловку. Жители Зальцбурга, съ своей стороны, отправили къ нимъ посольство, убѣждая, какъ можно скорѣе, напасть на столицу, они обѣщали имъ въ такомъ случаѣ свою помощь. Начальниками въ крестьянскомъ лагерѣ были тогда: Вейтмозеръ, Мелхіоръ, Шпетъ, Михаилъ Груберъ, Лудвигъ Альтъ и Каспаръ Прасслеръ, послѣдній былъ главнымъ предводителемъ банды *).

Настроеніе жителей города Зальцбурга скоро высказалось, какъ и слѣдовало того ожидать; архіепископъ уже не чувствовалъ себя безопаснымъ въ своемъ дворцѣ и перебрался съ своими канониками и совѣтниками въ укрѣпленный замокъ. Тутъ, подобно орлу въ своемъ скалистомъ убѣжищѣ, онъ чувствовалъ себя безопаснымъ. Узкая тропинка вела изъ города въ замокъ, обнесенный двойною стѣною; внутренняя стѣна, снабженная многими башнями помѣщалась на скалѣ, въ ней было 4 цистерны и воротовой колодезь, наружная стѣна была тоже на скалѣ и охранялась большимъ количествомъ башенъ; фундаментъ, съ каждой стороны, отвѣсно поднимался на 440 футовъ, т. е. былъ совершенно недоступенъ. Князь былъ такимъ образомъ не только въ безопасности отъ нападенія, но даже господствовалъ надъ городомъ и мѣстностью. Онъ оставилъ въ самомъ городѣ роту наемныхъ солдатъ подъ предводительствомъ Ганса Шенка и Сигмунда фонъ-Турна. Его совѣтники входили и выходили изъ замка, стараясь дружелюбнымъ обращеніемъ задобрить гражданъ и городской совѣтъ. Въ столицѣ изъ духовныхъ лицъ остался только одинъ

*) Въ нѣкоторыхъ хроникахъ и рукописяхъ Прасслера пишется Просслеръ или Прошлеръ: это вовлекло нѣкоторыхъ въ ошибку называть какого-то Фрошлера предводителемъ; но о немъ я ничего не могъ найти. Во всѣхъ-же источникахъ Прасслера называютъ главнымъ предводителемъ въ то время.

епископъ Химзе, человѣкъ честный и любимый народомъ; онъ старался тоже успокоить гражданъ и склонить ихъ на сторону господъ и противъ крестьянъ.

Крестьяне между тѣмъ находились въ постоянномъ сношеніи съ городомъ. Они изъ Голлинга двинулись на Галлейнъ,— знаменитую саловарню,—честные граждане которой присоединились къ нимъ. Граждане столицы хотѣли, по крайней мѣрѣ, обезопасить себя отъ входящихъ и выходящихъ изъ замка совѣтниковъ архіепископа. Чаще всѣхъ прочихъ архіепископъ употреблялъ для переговоровъ городскаго судью Гольда, который безпрестанно ходилъ изъ замка въ городъ и обратно. Онъ дѣлалъ видъ, что сочувствуетъ бюргерамъ, говорилъ малому и большому совѣту, что поручаетъ имъ свою вѣрность, честь, жизнь и состояніе и что будетъ сообщать тайные порученія, получаемыя имъ отъ князя; словомъ «все, что ему будетъ извѣстно», и что если онъ что нибудь скроетъ или когда нибудь отстанетъ отъ нихъ, то они имѣютъ право прогнать его сквозь строй *).

Неосторожная брань и угрозы Ганса фонъ-Шенка еще болѣе раздражали крестьянъ; слухи о невѣрности городскаго судьи не замедлили распространиться между народомъ; возстаніе такъ возрасло, что Гольдъ сталъ уже приготовляться къ отъѣзду изъ города. Онъ былъ уже одѣтъ въ панцырь и броню, спрятанные однако подъ обыкновенную одежду,—и его слуга сидѣлъ уже на лошади. Это было въ пятницу передъ Троицей между 9 и 10 часами утра. Въ то же время бюргеры составили собраніе на площади. Господа Гансъ Шенкъ и Зигмундъ фонъ-Турнъ говорили съ ними по порученію архіепископа и старались успокоить ихъ. Вмѣсто того чтобы выѣхать за городъ, Гансъ Гольдъ отправился на площадь; онъ однакожъ не въѣхалъ въ толпу, а остался въ сторонѣ, «чтобы

*) Показаніе городскаго судьи Гольда.

видѣть и слышать, что предпринимаютъ и что говорятъ». Его увидѣлъ мясникъ Георгъ Родлеръ, котораго Гольдъ еще недавно несправедливо осудилъ; Георгъ стянулъ его съ сѣдла крючкомъ своей алебарды и хотѣлъ умертвить; но другой бюргеръ пивоваръ Пихлеръ изъ Гугеля, увидавъ это, подбѣжалъ и, чтобы спасти городскаго судью, накрылъ его своимъ тѣломъ. Между тѣмъ раздраженнаго Родлера успѣли успокоить. Все бюргерство пришло въ смятеніе. Когда совѣтники архіепископа Гансъ Шенкъ и Сигмундъ фонъ-Турнъ увидали свалку, они поспѣшно, одни, безъ служителей, улизнули изъ круга и черезъ соборъ прошли въ замокъ. Тоже сдѣлалъ Гильгхейзеръ, придворный портной и шпіонъ архіепископа;— «сильно задыхаясь, испуганные и унылые вошли они въ замокъ, гдѣ находился епископъ тоже въ тревожномъ состояніи». Упавшаго Ганса Гольда подняли, посадили на кресло; нѣкоторые успокоивали его, другіе же, напротивъ, били по лицу и таскали за волосы, говоря: «вотъ тебѣ, за твой несправедливый судъ». Слуга его поскакалъ съ лошадьми за ворота. Чтобы высвободить Гольда изъ рукъ черни его подъ стражею повели въ домъ суда и посадили въ тюрьму; тутъ же при судебномъ приставѣ ему былъ сдѣланъ строгій допросъ, и онъ сознался на пыткѣ и безъ пытки въ такихъ вещахъ, которыя должны были еще болѣе усилить недовольство на архіепископа.

Когда на площади произошелъ безпорядокъ, иностранные солдаты поспѣшно собрались къ квартирѣ своего предводителя. Узнавъ, что онъ бѣжалъ отъ нихъ въ замокъ, «они высказали сильное нетерпѣніе и недовольство». Рота эта охотно нанялась на службу города; въ тоже время галлейскіе крестьяне подвигались уже къ стѣнамъ города.

Въ понедѣльникъ, послѣ Троицы, вошелъ въ городъ первый крестьянинъ. То былъ братъ казненнаго Штокла, онъ съ самой смерти послѣдняго, день и ночь бродилъ въ горахъ, возбуждая къ мести горцевъ; какъ съумасшедшій, бѣгалъ

онъ по столицѣ, прибивая къ домамъ всѣхъ канониковъ и придворныхъ совѣтниковъ билеты съ такою надписью: «этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, до тѣхъ поръ, покуда не отомстится невинная смерть моего брата».

Къ вечеру того же дня, союзные крестьяне прошли чрезъ Буехъ и вошли въ Зальцбургъ черезъ каменныя ворота; двери и ворота были открыты для нихъ. На слѣдующій день, рано утромъ, они ворвались въ городской дворецъ архіепископа. Они присвоили себѣ все, что нашли тамъ. Палатѣ и канцеляріи они нанесли много убытка, истребивъ письменные документы, росписки и регистры; они рвали и уничтожали ихъ въ такомъ количествѣ, что по колѣна ходили въ этихъ бумагахъ; архіепископъ не ожидалъ, что дѣла примутъ такой оборотъ и не увезъ изъ города въ замокъ ни бумагъ, ни другихъ документовъ; теперь было уже слишкомъ поздно спасать что нибудь. Придворная прислуга, какъ-то: кельнеры, кастеляне, повара и другіе, были отставлены крестьянами отъ своихъ должностей, а ключи у нихъ отобраны; крестьяне сами замѣнили ихъ должности. Домъ его княжеской свѣтлости былъ совершенно опустошенъ; въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежде архіепископъ, теперь женщины сушили и развѣшивали бѣлье по окнамъ.

Вскорѣ въ Зальцбургъ пришли рудокопы изъ Рауриса, Гаштейна, Китцбюля и изъ другихъ горнозаводскихъ городовъ. Ими предводительствовалъ Эразмъ Вейтмозеръ. Всѣ они имѣли видъ хорошо вооруженныхъ воиновъ. Послѣ этого часть крестьянъ снова возвратилась къ своимъ полевымъ работамъ, а вмѣсто себя наняли рудокоповъ *).

Гансъ Гольдъ совѣтовалъ зальцбургскому земству—такъ называли себя теперь граждане и крестьяне—не допускать уже архіепископа до управленія, быть осторожнымъ, хорошо

*) Старая рукопись, у Мегизера и Залиха.

стеречь его въ замкѣ, занять всѣ проходы, для того чтобы онъ не могъ выйти оттуда; ибо онъ способенъ на всякую хитрость *). Населеніе осадило тогда архіепископа и многихъ дворянъ въ замкѣ Гогензальцбургѣ. Они бдительно стерегли его днемъ и ночью, чтобы никто не могъ войти въ замокъ или выйти изъ него. Еще передъ приходомъ крестьянъ совѣтникъ архіепископа уѣхалъ въ Рибейзенъ, чтобы попросить помощи у баварскаго и австрійскаго двора. Но эрцгерцога Фердинанда еще болѣе, чѣмъ, въ пяти эрцгерцогствахъ тѣснили съ другой стороны, а именно въ его любимомъ мѣстопребываніи, въ графствѣ Тиролѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возстаніе Тирольцевъ.

Если уже положеніе крестьянъ въ Штиріи и прочихъ австрійскихъ герцогствахъ такъ много отличалось отъ положенія ихъ въ другихъ частяхъ имперіи, то положеніе Тироля и тирольскихъ жителей можно было назвать исключительнымъ. Но не смотря на то, что многое здѣсь носило совершенно иной характеръ, нежели у тюрингенскихъ, франконскихъ и швабскихъ крестьянъ, возстаніе и здѣсь вспыхнуло въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, и съ тою же силою, какъ и всюду. Эта высокая альпійская страна, съ своими дикими горными ключами и потоками, никогда не была земледѣльческою. Тамъ почти нѣтъ полей, доступныхъ для

*) Показаніе Гансъ Гольда.

*

плуга и обработка почти всей земли совершается руками человѣка. Съ весны до самой осени стада пасутся на лугахъ, но это не обогащаетъ тирольцевъ, потому что скотоводство и хлѣбопашество не находятся въ такой тѣсной зависимости другъ отъ друга, какъ въ другихъ странахъ. Нѣкоторые скотоводы, для прокормленія скота, рискуютъ даже своей жизнію, скашивая траву, растущую на откосахъ скалъ, надъ страшными пропастями. Еслибъ тиролецъ не былъ умѣренъ, его уже съ давнихъ поръ можно бы было назвать скорѣе бѣднымъ нежели достаточнымъ. Но за то, онъ изстари былъ богатъ свободою и старыми нѣмецкими прочными законами.

Благодаря своему выгодному географическому положенію между Италіей и Германіею—главными центрами громадныхъ религіозныхъ и политическихъ битвъ среднихъ вѣковъ—нѣкоторымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ и другимъ благопріятнымъ условіямъ, Тироль рано достигъ благодѣтельной свободы. Здѣсь уже давно вымерли старые дворянскіе роды, многія изъ ихъ владѣній не перешли къ новымъ господамъ, а князья, соединявшіе нѣсколько округовъ подъ своею непосредственною властію, покровительствовали обыкновенно самостоятельности крестьянскаго сословія. Еще въ началѣ XVI столѣтія высшее и нисшее дворянство было рѣдко въ этой странѣ. Монастырей и аббатствъ тоже было немного. Здѣсь было иначе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, гдѣ больше половины всѣхъ земель и доходовъ приходилось на долю аббатовъ и епископовъ; духовный и свѣтскій гнетъ не ужился долго на высокихъ Альпахъ Тироля.

Жители Флеймской долины еще въ первой половинѣ XI столѣтія получили льготныя грамоты освобождающія ихъ отъ нѣкоторыхъ пошлинъ и податей; а когда, нѣсколько позднѣе, крестьяне Иннской долины возстали въ защиту герцога Фридриха, подпавшаго подъ опалу императора Сигизмунда,—съ тѣхъ поръ австрійскіе князья стали щедрою рукою сыпать льготы и милости вѣрному тирольскому народу. Народъ тоже привязался къ нимъ и даже не помышлялъ о независимости въ то время, когда сосѣдніе швейцарцы завоевали свободу своей странѣ, представляя Тиролю и примѣръ, и благопріятный случай добиться того же. Уже нѣсколько вѣковъ число крѣпостныхъ въ Тиролѣ было очень не велико, да и самое крѣпостное право было здѣсь сноснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Вдова съ ея дѣтьми наслѣдовала все имущество, оставшееся отъ ея мужа. Господинъ не получалъ ничего, кромѣ одного быка; а земля, которую обработывалъ крѣпостной, жаловалась ему и его потомкамъ въ наслѣдственное владѣніе съ правомъ обработывать ее. Большинство жителей состояло изъ землевладѣльцевъ или же изъ лицъ, пользующихся землею наслѣдственно на основаніи письменныхъ документовъ и за умѣренныя повинности, денежныя или натуральныя. Крестьянинъ могъ пріобрѣтать дворянскія земли со всѣми ихъ правами и могъ, подобно всякому дворянину, присутствовать съ правомъ голоса на земскихъ собраніяхъ. Они же составляли и судъ, въ числѣ 12 человѣкъ, четверо изъ которыхъ ежегодно должны были перемѣняться; денежныя повинности, которыя несли крестьяне, выплачивались такъ, какъ было записано въ старыхъ книгахъ, или какъ они сами рѣшали. Произволъ дворянъ былъ сильно стѣсненъ и даже нѣкоторые изъ нихъ были подвергнуты суду за то, что говорили о крестьянахъ, какъ о своихъ подданныхъ. Крестьяне защищали свои права даже и противъ князей: каждая ихъ деспотическая попытка тотчасъ же вызывала возстаніе. Крестьяне дѣйствовали въ этихъ случаяхъ съ рѣдкимъ единодушіемъ: оскорбленіе, нанесенное одному округу, чувствовалось всѣми и стоило напр. возстать сѣверу, чтобы югъ тотчасъ же отказался повиноваться.

Въ послѣдніе годы царствованія Максимиліана, деспотическіе поступки императора значительно охладили къ нему крестьянъ. Неудовольствія, накоплявшіяся давно, съ силою вырвались наружу, тотчасъ же послѣ того какъ прибылъ Карлъ V, эрцгерцогъ Фердинандъ и испанскіе совѣтни-

ки. Состояніе умовъ въ Германіи было безпокойно еще въ промежутокъ времени между смертію Максимиліана и пріѣздомъ Карла V. Крестьяне Тироля жаловались, что на ландтагахъ имъ многое обѣщается, но ничего не дается; что они сильно пострадали отъ хищныхъ звѣрей, поэтому они отправились теперь и по всему лѣсу настрѣляли звѣрей цѣлыми кучами. Дичь, расплодившаяся безъ мѣры, приноситъ положительный вредъ ихъ хозяйству, говорили они, и самъ государь, умирая, дозволилъ имъ охоту. Австрійское правительство въ Инспрукѣ созвало собраніе, позволило каждому охотиться и стрѣлять звѣрей на своей землѣ; выбрало изъ нижней и верхней иннской долины нѣсколько человѣкъ крестьянъ и разослало ихъ въ долины въ видѣ комиссаровъ, «для того чтобы дать простолюдину правильное понятіе объ ландтагахъ.» Но простолюдинъ былъ такъ раздраженъ дворянами и духовенствомъ, которые, какъ нарочно, были теперь своевольнѣе, чѣмъ когда-либо, что въ Имстѣ, въ верхней части иннской долины, коммисары, окруженные крестьянами, едва успѣли спасти свою жизнь, а въ другомъ мѣстѣ одному изъ нихъ нанесли смертельную рану потому только, что онъ наружностью походилъ на дворянина. Штейнахъ, Штерцингъ, Шонегъ, Гулидаунъ и Бриксенъ составили между собою союзъ, грозившій жизни каждаго, противившагося имъ. Часто въ окрестностяхъ и даже на улицахъ городовъ находили трупы людей, чѣмъ нибудь навлекшихъ на себя злобу крестьянъ. Жители Эйзакталя отказались даже отъ присяги. Въ троицынъ день въ 1520 г. въ Эйзакѣ собралось до 800 тирольцевъ, они образовали 5 ротъ и направились въ Бриксенъ, резиденцію епископа, осадили городъ и разграбили дома духовныхъ лицъ. Въ рудникахъ тоже было очень безпокойно, въ особенности на Швауцѣ. Горцы требовали 40,000 недоплаченныхъ имъ гульденовъ которыхъ до сихъ поръ не могли по-

лучить. Новое начальство увеличило налогъ, что еще болѣе усилило недовольство *).

Новое ученіе проникло вскорѣ затѣмъ и въ тирольскія Альпы. Тирольцы всегда отличались большою набожностію и теперь жаждавшіе религіозной истины, нашли въ проповѣди реформаторовъ новый источникъ, совершенно отличный отъ того, который предлагало имъ въ конецъ развратившееся бѣлое и черное духовенство. Высшіе слои общества отстаивали старое и преслѣдовали реформу. Это породило борьбу.

Въ 1523 году въ Перзенѣ былъ убитъ австрійскій начальникъ Георгъ Пюхлеръ изъ Вейдега. Евангеліе успѣло уже въ то время пріобрѣсти много послѣдователей въ Тиролѣ, преимущественно же между горцами. Эти послѣдніе завязали сношеніе не только съ зальцбургцами, но и съ мейсенцами, такъ что къ нимъ проникли писанія и ученіе какъ Лютера, такъ и другихъ реформаторовъ. Новому ученію болѣе всѣхъ сочувствовали рудокопы нижняго Иннталя. Въ Швацѣ проповѣдывалъ извѣстный въ исторіи реформаторъ Іоганнъ Штраусъ и Кристовъ Золль; въ Галлѣ, находящемся въ нѣскольнихъ миляхъ отъ Шваца,—тоже всѣмъ извѣстный Урбанъ Регіусъ. Вооруженная толпа учениковъ сопровождала его, также какъ и Шаппелера, каждый разъ, когда они шли въ церковь въ Мемингенъ. Ихъ проповѣдь имѣла такой успѣхъ, что даже одинъ босоногій монахъ изъ Галля оставилъ свою келью и пошелъ въ Швацъ наниматься въ горные работники, чтобъ, по заповѣди писанія, въ потѣ лица заработывать свой хлѣбъ. Штраусъ открыто говорилъ о князьяхъ и вельможахъ, объ ихъ порокахъ и обязанностяхъ, о томъ, что, по законамъ природы, своекорыстные поступки ведутъ государство къ гибели, и что христіанинъ не долженъ зависѣть отъ языческихъ законовъ и законодателей, и что

*) Донесеніе епископа Бернгарда Тріентскаго эрцгерцогу Фердинанду.

братская любовь требуетъ не брать процентовъ за каждую ссуду; лихоимство говорилъ онъ, противно христіанской вѣрѣ. Штраусъ соглашался даже съ виртембергскимъ проповѣдникомъ докторомъ Мантелемъ, что старый юбилейный годъ Моисеева законодательства долженъ до сихъ поръ сохранять свое значеніе, и что многое въ обыкновенной жизни должно подвергнуться коренному измѣненію *).

Хотя вслѣдствіе рѣшенія рейхстага, высказавшагося противъ Лютера и новаго ученія, открыто и съ кафедръ провозглашаемаго въ Тиролѣ, проповѣдники эти и ихъ послѣдователи должны были оставить страну; однако еще въ концѣ 1524 и въ первыхъ мѣсяцахъ 525 въ Тироль, особенно на Адижъ успѣли проникнуть анабаптисты. Здѣсь, на итальянскихъ долинахъ, эммисары Томаса Мюнцера имѣли огромный успѣхъ. Въ нижнеиннской долинѣ анабаптисты поселились въ Швацѣ и отсюда уже начали распространять свое вліяніе. Австрійское правительство не скупилось на аресты и изгнанія; однако извѣстіе о возстаніи въ Швабіи, по границамъ Фарарльберга и Тироля и о требованіяхъ, составленныхъ швабскими крестьянами, встрѣтило сильное сочувствіе на сѣверѣ и на югѣ тирольскихъ горъ.

Общины стали собираться на сходки. Спокойно и разсудительно—какъ прилично свободнымъ людямъ—они толковали о своихъ дѣлахъ, составляли требованія и представляли ихъ начальству.

Обитатели Тауера и Раттенберга съ полнымъ довѣріемъ обращались съ своими жалобами къ эрцгерцогу: «До сихъ поръ», писали они, «слово Божіе было затемняемо человѣческимъ ученіемъ, едва вовсе не отняли у насъ возможности войти въ царствіе небесное, теперь оно проповѣдуется громче, яснѣе; но часто всѣхъ исполняющихъ его преслѣдуютъ, сбиваютъ нече-

---

*) Изъ проповѣдей Іоганна Штрауса.

стивыми выдумками корыстныхъ проповѣдниковъ, сочиненными для противодѣйствія новому ученію, такъ что простодушные люди, не зная къ какому ученію имъ примкнуть, за кѣмъ имъ слѣдовать, приходятъ въ смущеніе и составляютъ заговоры; поэтому наша всеподданнѣйшая просьба состоитъ въ томъ, чтобъ ваша княжеская свѣтлость дозволила намъ приіскать для нашихъ церквей ученыхъ и благочестивыхъ мужей. Богъ проститъ насъ тогда и дастъ намъ всѣмъ свѣтлыя понятія. Мы надѣемся, что ваша княжеская свѣтлость будетъ такъ милостива, что освободитъ насъ отъ этого человѣческаго ученія».

Ихъ отдѣльныя требованія (числомъ 19) касались частью церковныхъ, частью свѣтскихъ дѣлъ. Они требовали освобожденія всѣхъ арестованныхъ за Евангеліе, дозволенія вернуться бѣглецамъ и изгнанникамъ; требовали, чтобъ духовенство не имѣло свѣтской власти, и чтобъ приходъ пользовался правомъ назначать и отрѣшать священниковъ. Управленіе и надзоръ застраной должны быть поручены хорошимъ и честнымъ мѣстнымъ жителямъ. Требовали, чтобъ представители городовъ и округовъ имѣли право свободно разсуждать о своихъ дѣлахъ на собраніяхъ; чтобы власти хорошо наблюдали за преступниками. Чтобъ всякому было предоставлено право охотиться за красною дичью, свободно пользоваться живностью, дичью и проточною водою. Они высказали при этомъ еще цѣлый рядъ важныхъ жалобъ: что иноземныя войска постоянно проходятъ черезъ ихъ земли, и границы ихъ заняты иностранными гарнизонами; что господа требуютъ отъ нихъ платежа въѣзжаго и отъѣзжаго; что они платятъ слишкомъ большую подать аугсбургскому епископу; жаловались на новые дорожные и другіе сборы; на тѣхъ господъ, которые ѣздятъ на охоту черезъ ихъ и безъ того уже небогатыя поля; на пошлины за печать и письма; на властей, которыя мѣшаютъ примиренію тяжущихся общинъ и назначаютъ наказанія безъ присутствія присяжныхъ, лишая бѣднаго человѣка его закон-

ныхъ правъ; на незаконное взиманіе десятины, которая съ иного требуется по два раза въ годъ; наконецъ на Фуггеровъ и другія привилегированныя торговыя компаніи, которыя своими барышническими продѣлками ввели такую дороговизну, что цѣна многихъ вещей поднялась въ короткое время съ 18 крейцеровъ до цѣлаго гульдена *).

Главнѣйшею побудительною причиною ихъ собранія, говорили крестьяне, было желаніе помѣшать осуществленію намѣренія увезти на корабляхъ ихъ оружіе и порохъ. Крестьяне боялись, вѣроятно, чтобъ эти ружья не были употреблены противъ ихъ же братій, другихъ крестьянъ.

Эрцгерцогъ Фердинандъ согласился на просьбы крестьянъ. Конечно, это сильно говорило бы въ его пользу, если бы было сдѣлано раньше и добровольно, а не теперь, подъ гнетомъ вынуждающихъ обстоятельствъ. Онъ не задолго передъ тѣмъ соединился съ регенбургскими папистами, чтобы подавить слово Божіе и рѣшился дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ. Онъ уже и предпринялъ кой-какія мѣры въ этомъ направленіи. Теперь же, противорѣча самому себѣ, онъ объяснялъ тирольцамъ, что строго прикажетъ духовному и свѣтскому начальству назначать способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, которые бы проповѣдали простолюдину истинное, чистое слово Божіе, христіанское и по духу и по буквѣ, во имя любви къ Богу и ближнему. Если же они, подъ видомъ Евангелія, станутъ проповѣдывать народу нехристіанскія ученія и возбуждать его къ возстанію, отчего простолюдинъ можетъ пострадать душою и тѣломъ, то онъ надѣется, что они помогутъ ему наказать ихъ по справедливости и по закону Вопросъ о свѣтской власти духовенства и другія требованія крестьянъ будутъ обсуждены на общемъ земскомъ съѣздѣ, назначенномъ на Мартыновъ день. Относительно Фуггеровъ

*) Рукописное показаніе Шмидта въ собраніи прелатовъ.

и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ онъ далъ самый удовлетворительный отвѣтъ, и часть требованій была даже тотчасъ же приведена въ исполненіе. Всѣмъ заключеннымъ за Евангеліе была дана свобода; проходъ ожидаемаго иностраннаго войска чрезъ ихъ страну отмѣненъ; оружіе, говорилъ онъ, вывезено только для защиты Куфштейна и Раттенберга; тяжущимся общинамъ будетъ дозволено полюбовное соглашеніе другъ съ другомъ. Рѣшено уменьшить число лѣсничихъ и не мять плодовъ во время охоты. Нѣкоторыя статьи были отложены до съѣзда, и на немъ обѣщано измѣнить ихъ къ лучшему. По поводу самихъ ландтаговъ эрцгерцогъ говорилъ, что они должны быть ведены по старинѣ, и нужды каждаго должны быть выслушаны. Управлять онъ будетъ, сообразуясь съ вольностями, предоставленными странѣ, и съ старинными обычаями; относительно суда—онъ согласенъ, чтобы дѣла касающіяся Тироля, судились по обычаямъ страны но что аппеляціи по дѣламъ, переднихъ областей, гдѣ дѣйствуетъ писанное императорское право, а также и италіянскихъ округовъ, должны рѣшаться въ присутствіи одного или двухъ правительственныхъ докторовъ правъ *).

Другія общины Иннталя представили такія же жалобы и требованія и получили подобные же утѣшительные отвѣты. Да и нетрудно было удовлетворить большинство требованій: такъ напр. зонненбергскій округъ требовалъ, чтобъ каждому честному человѣку было позволено имѣть въ своемъ домѣ ружье, для того, чтобы ходить съ нимъ въ горы, стрѣлять волковъ и медвѣдей. Крестьяне другихъ долинъ также не выставляли требованій, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ мѣстныхъ интересовъ. Мюльбахерцы изъ Эйзакталя жаловались на рубку лѣса въ мюльбахскомъ ущельѣ, на поборы, вымогаемые правителемъ, на отмѣну у нихъ ярмарки и по-

*) Рѣшеніе эрцгерцога въ извлеченіи у Бухольца VIII, 328—29.

рядковъ, установленныхъ роденекскимъ судьею Михаиломъ фонъ-Волькенштейномъ, —порядковъ, положительно необходимыхъ въ ихъ мѣстности, лежащей на большой торговой дорогѣ и составляющей складное мѣсто венеціянскихъ и имперскихъ товаровъ. Они требовали поэтому установленія еженедѣльной ярмарки, которая предупредила бы несправедливости въ торговлѣ, часто случающіяся теперь у нихъ въ горахъ и долинахъ и наносящія ущербъ общественнымъ интересамъ.

Теперь, кажется, ясно, что въ большей части Тироля политическія неудовольствія не были настолько сильны, чтобы вызвать вооруженное возстаніе. Его породили главнымъ образомъ религіозные и церковные вопросы. Депутаты городовъ и округовъ иннской и виппской долинъ, собравшіеся въ Иннспрукѣ, также считали ихъ главной причиной возстанія. Простолюдины, говорили они, приходятъ въ смущеніе оттого, что имъ сообщаютъ слово Божіе не въ такомъ истинномъ и чистомъ видѣ, въ какомъ оно находится въ св. писаніи; пусть имъ проповѣдуютъ Евангеліе, съ тѣмъ, конечно, чтобъ проповѣдники не старались возбудить своею проповѣдью бунтъ и неповиновеніе. Далѣе они говорили, что простолюдинъ видитъ, какъ духовенство пользуется своею властью только для собственныхъ выгодъ, а не для распространенія слова Божія и общаго блага.

Затѣмъ они говорили о правительственныхъ чиновникахъ, совѣтникахъ Фердинанда и о народной молвѣ, будто онъ хочетъ ввести въ страну иностранныя войска, покинуть ее и потомъ, наказать, съ помощію войска. Эрцгерцогъ объявилъ такой слухъ ложнымъ; согласился на ихъ просьбу относительно свободной проповѣди слова Божія; объяснилъ, что простолюдинъ имѣетъ ложное понятіе о духовенствѣ, въ особенности же о его участіи въ правленіи, на что также намекали выборные; что онъ вообще постарается устроить дѣла такъ, чтобъ не приходилось болѣе слышать справедливыхъ жа-

лобъ. Онъ говорилъ тоже самое и о своемъ Казначеѣ. Депутаты жаловались на него за го, что онъ, еще недавно бывшій такимъ незначительнымъ лицомъ, вдобавокъ еще иностранецъ, теперь одинъ своевольно управляетъ всѣмъ, заботясь только о своемъ карманѣ, а вовсе не о выгодахъ страны, вслѣдствіе чего онъ и разбогатѣлъ такъ страшно въ самое короткое время.

Этотъ Казначей былъ испанецъ Гавріилъ фонъ-Саламанка, властолюбивый, деспотъ, корыстный и своевольный царедворецъ, пріобрѣтшій безграничное довѣріе молодаго эрцгерцога. Даже въ Мадритѣ, при дворѣ самого императора, были недовольны Саламанкою; тирольцы считали его то жидомъ, то магометаниномъ *).

На всѣ обѣщанія эрцгерцога уполномоченные, съ своей стороны, обѣщали дожидаться спокойно слѣдующаго ландтага, который разрѣшитъ всѣ жалобы и неудовольствія, представить эрцгерцогу отъ 5,000—15,000 человѣкъ для подавленія возстанія и тотчасъ же разослать депутатовъ по всѣмъ возмутившимся округамъ, чтобъ извѣстить ихъ о переговорахъ, бывшихъ въ Иннспрукѣ и убѣдить спокойно дожидать сейма. Депутація составилась изъ одного дворянина, двухъ горажанъ, двоихъ отъ сельскихъ округовъ и двухъ рудокоповъ. Въ большей части общинъ сѣвернаго Тироля они были встрѣчены сочувственно. Послушали совѣта представить свои жалобы ландтагу и обѣщали сохранить до тѣхъ поръ совершенное спокойствіе. Вожаки рудокоповъ въ Швацѣ и округа Фрондсберга, лежащаго выше Шваца, вызвались даже помочь эрцгерцогу при первомъ его вызовѣ, если не всею своею силою, то, покрайней мѣрѣ, половиною, такъ какъ они питаютъ полное отвращеніе къ подобнымъ возстаніямъ. Эрц-

*) Въ манифестѣ южныхъ тирольцевъ къ жителямъ передней Австріи его называютъ;—«Злодѣй Гавріилъ Саламанка».

герцогъ собственноручнымъ письмомъ (20 мая) благодарилъ ихъ за это. Изъ Пустерталя было тоже прислано удостовѣреніе въ вѣрности и спокойствіи; отъ ландтага ждали многаго. Иначе было въ сѣверо-западной и южной части страны.

Сѣверо-западная оконечность Тироля, *Форарльбергъ*, далеко вдается въ швабское плоскогоріе и, соприкасаясь съ Швейцаріей и Альгау, по своему географическому положенію неминуемо должна была отразить на себѣ политическое и религіозное настроеніе этихъ странъ. Въ форарльбергскомъ округѣ проповѣдывалъ Іосифъ Вильбургеръ; его проповѣди,—въ духѣ Мюнцера,—особенно сильно дѣйствовали на крестьянъ. Онъ говорилъ, что ужь довольно лгалъ; что обѣдня выгодна только тому, кто ее служитъ; что каждый вмѣсто исповѣди долженъ самъ каяться передъ Богомъ; не нужно ни духовнаго, ни свѣтскаго начальства, каждый самъ себѣ господинъ. Такія рѣчи нравились слушателямъ и подъ ихъ вліяніемъ они вступили въ союзъ съ тремя швабскими шайками, образовавшимися тогда на озерѣ, въ Альгау и на низменности. Они приняли не только всѣ уставы и порядки швабовъ, но и всѣ рѣшенія объ изгнаніяхъ и опалахъ, составленныя ими. Толпами собирались крестьяне около Брегенца, бросали стрѣлы въ дома упорствующихъ принять слово Божіе и соблюдать Божескіе законы. Когда въ Брегенцъ прибыло посольство изъ Инспрука съ предложеніемъ ожидать результатовъ ландтага и спрашивало, согласны ли они на такую отсрочку,—начальники брегенской шайки отвѣчали, что черезъ нѣсколько дней принесутъ отвѣтъ въ сопровожденіи 40,000 человѣкъ.

Напротивъ того жители Эренберга, отстоявшаго на такое же разстояніе отъ Альгау, поклялись не щадить для своего князя жизни, чести и имущества, если онъ подвергнется нападенію въ графствѣ Тиролѣ; они слышали, что ихъ оклеветали предъ княземъ, приписывая имъ намѣреніе возстать вмѣстѣ съ крестьянами; но Богъ свидѣтель, что они хотятъ жить и умереть вмѣстѣ съ своимъ государемъ. Они жаловались только на то, что кураторъ ихъ, Ебергардъ изъ Фрейберга, не уроженецъ Тироля, и что въ судейскомъ замкѣ нѣтъ судьи. Они просили, чтобъ эрцгерцогъ замѣнилъ перваго человѣкомъ, владѣющимъ въ ихъ округѣ, или по крайней мѣрѣ въ ихъ странѣ, наслѣдственною собственностію, и чтобъ въ замокъ былъ назначенъ постоянный судья; требовали также дозволенія собираться безъ куратора. Фердинандъ милостиво отвѣчалъ имъ и далъ полное согласіе на всѣ ихъ желанія. Возстаніе съ юга подвигалось все ближе и ближе.

Здѣсь были единственные соборные капитулы Тироля, епископства Брикенъ и Тріентъ. Здѣсь, какъ и вездѣ народъ былъ очень возстановленъ противъ духовенства. Сельскіе жители окрестностей Бриксена первые соединились, вооружились и двинулись къ городу; старый епископъ бѣжалъ изъ своего дворца, они ворвались въ него и разграбили дома духовныхъ. Къ инсургентамъ присоединились даже чиновники епископа, а именно Михаилъ Гейзмайеръ, бывшій секретарь его, теперь же таможенный чиновникъ. Съѣстные припасы, хранившіеся въ амбарахъ духовенства, пригодились шайкѣ, а изъ найденныхъ денегъ, Гейзмайеръ, выбранный въ предводители, составилъ военную кассу.

Шайка не забыла и священника тирольскаго замка, аббата Маріабергскаго, и другихъ духовныхъ лицъ; дома ихъ были также обысканы и припасы отобраны.

Весьма возможно, что Михаилъ Гейзмайеръ принадлежалъ къ тайному союзу посвященныхъ и игралъ въ Тиролѣ такую же роль, какую игралъ Вендель Гиплеръ въ Франконіи, Вейгандъ, Губмайеръ и многіе другіе въ своихъ кружкахъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ во главѣ возстанія, онъ руководилъ имъ съ замѣчательнымъ умомъ; сомнительно при томъ, чтобы онъ былъ чуждъ и образованію возстанія. Онъ велъ большую переписку, и когда настала опасность, его приверженцы прежде всего спасли ящикъ съ пись-

мами. Въ этомъ ящикѣ, конечно, заключались и исчезли главныя свѣдѣнія о тайныхъ пружинахъ народнаго движенія.

Хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ на Эчѣ крестьяне дѣйствительно заявляли большія требованія чѣмъ другія общины, но вообще желанія ихъ были довольно умѣренны. Они требовали, чтобъ всякое общество имѣло право назначать и смѣнять своего священника; чтобъ никто, кромѣ князя, не собиралъ въ свою пользу налоговъ, чтобъ поземельная подать была нѣсколько измѣнена; чтобъ пошлина въ Ультенѣ (Альтенбургѣ), гдѣ они должны были платить на пять сотъ—сто, была отмѣнена; чтобъ мортуаріумы, поставки и приношенія были навсегда уничтожены; чтобы въѣзжее было умѣренно и чтобъ наконецъ чрезъ ихъ страну не пропускалось болѣе тріентское вино.

Съ умѣренностью этихъ требованій сильно не гармонировало обращеніе крестьянъ съ духовенствомъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя было судить о настроеніи шайки по письменнымъ заявленіямъ ея желаній. Изъ всѣхъ духовныхъ съ самою сильною злобою относились крестьяне къ бриксенскому и тріентскому епископу и канцлеру Бернгарду Элесу.

Гейзмайеръ, вполнѣ раздѣлявшій всѣ тенденціи революціоннаго союза и всѣ основныя положенія новой христіанской республики,—былъ настолько благоразуменъ, что необнаруживалъ своего направленія предъ австрійцами и тирольцами. Онъ воспользовался мѣстнымъ неудовольствіемъ противъ обоихъ епископовъ, Гавріила Саламанки и тайнаго совѣтника эрцгерцога, архіепископа, Фабри и придалъ возстанію такой характеръ, какъ будто всѣ вѣрные подданные хлопочутъ о пользѣ князя и народа, и стремятся только освободиться отъ проклятыхъ, ненавистныхъ странѣ совѣтниковъ. Въ своихъ манифестахъ,—гдѣ онъ подробно излагалъ стремленія народа, Гейзмайеръ сумѣлъ ловко впрясть нити, незамѣтно влекущія народъ на путь революціи и республики.

Въ посланіи, составленномъ шайкою южнаго Тироля «отъ всѣхъ жителей графства Тироля и Иннталя къ жителямъ нижней Австріи», начинавшемся воззваніемъ: «миръ, здравіе и братское единодушіе со Христомъ,» говорилось такъ: пусть будетъ извѣстно всему нѣмецкому народу, какимъ образомъ, въ какой степени и вслѣдствіе какихъ причинъ простолюдины многихъ мѣстностей государства возстали противъ своихъ властей. Правленіе иностранцевъ, испанскихъ выходцевъ и поповъ, заставило многія мѣстности австрійскаго герцогства отпасть нынѣ отъ своихъ владѣльцевъ и туземныхъ князей. Такъ знаменитое герцогство Виртембергское отложилось отъ австрійскаго дома. Наконецъ и они рѣшились, руководствуясь основательными причинами, преимущественно же вслѣдствіе своевольнаго, злаго и пагубнаго правленія, подчиниться другой власти или же по своему усмотрѣнію выбрать правителей изъ своей среды. Однако изъ состраданія къ благородному князю Фердинанду, къ молодости и положенію высокорожденной супруги его, они безбоязненно написали ему и говорили на словахъ, что страна управляется четырьмя лицами, заботящимися только о своихъ собственныхъ выгодахъ и дѣйствующими во вредъ народу и князю; эта жалоба была вызвана своеволіемъ правителей, которые такъ отягощали и обременяли ихъ, что терпѣть долѣе не было ни какой возможности. Эти четыре упомянятыя личности суть: епископы тріентскій и бриксенскій, высокомѣрный еретикъ, африканскій злодѣй Гавріилъ фонъ-Саламанка и Фабри. Они не желаютъ, чтобъ подобные господа служили въ княжескомъ совѣтѣ, у князя въ его странѣ есть и безъ этихъ измѣнниковъ и хитрецовъ довольно знаменитыхъ и простыхъ людей, при помощи которыхъ можно установить добрый порядокъ. Послѣ этого письма оба епископа во время удалились отъ двора. Если Фабри хочетъ грабить и богатѣть, то пусть грабитъ и обогощается на счетъ монастырей и духовенства, у себя они недопустятъ ни подобнаго живодерства, ни вывоза изъ страны денегъ и имуществъ: и тѣ и другія могутъ быть гораздо по-

лезнѣе употреблено, напр. въ случаѣ дороговизны, смертности, нападенія турокъ и т. п. Злодѣй Саламанка въ три года воздвигъ себѣ княжескія палаты ихъ кровавымъ потомъ, купилъ въ Бургундіи землю въ 10,000 гульденовъ, ввелъ ко двору своихъ друзей и сдѣлалъ ихъ могущественными; выслалъ изъ Инспрука большое количество серебра и княжескихъ сокровищъ, и ея княжеская свѣтлость была теперь принуждена выслать въ Галль свои королевскія дрогоцѣнности для того, чтобы отчеканить изъ нихъ монету. Такъ были растрачены Саламанкою сокровища его королевскаго величества и князя австрійскаго. Пусть засохнутъ всѣ колодцы Австріи; пусть солнце перестанетъ свѣтить надъ народомъ, земля перестанетъ носитъ его, если онъ будетъ терпѣть еще африканскаго злодѣя. Потомъ тирольцы пишутъ австрійцамъ, что онъ отправляется теперь въ австрійскія земли и потому они хотятъ, чтобы его поступки были извѣстны какъ тутъ, такъ тамъ. Пусть австрійцы покажутъ себя Фабри и Саламанкѣ; если имъ даже вздумается мучить, колоть, варить и жарить какъ этихъ злодѣевъ, такъ и тѣхъ, которые оказываютъ имъ помощь и поощряютъ ихъ къ своеволію и тиранству, они будутъ совершенно справедливы, потому что эти господа заслуживаютъ еще худшаго. Письмо оканчивалось такъ: «не оставляйте злодѣевъ безъ наказанія; такъ хочетъ Богъ; вы угодите этимъ ему. Мы намѣреваемся послать за ними погоню. Пусть вездѣ гдѣ начнется возстаніе, зажугаютъ костры на горахъ и бьютъ въ набатъ, чтобы всѣ округа подымались разомъ. Австрійцы опередили насъ, они уже пришли въ Каринтію, мы снабдимъ ее народомъ, а Австрію и Штирію—деньгами, если они нуждаются въ нихъ. Теперь же мы будемъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобъ Фабри и Саламанка не бѣжали изъ страны *).

*) Письма населенія Тироля и Иннталя, у Бухгольца VIII, 331—332.

Гейзмайеръ намѣревался одновременно аттаковать нѣсколько пунктовъ и, сообразно этому плану, направилъ движеніе различныхъ частей шайки. Кромѣ него главными предводителями шайки, частью съ равною, частью съ меньшею съ нимъ властью, были Петръ *Песслеръ* и Себастіанъ (Вастль) *Майеръ*. Возстаніе распространилось по направленію отъ озера Гардо черезъ Тріентъ, Бриксенъ, направо къ Пустерталю и налѣво къ Винтшгау и Эйзакфиртелю до округовъ Роттенберга и Китцбюгеля на зальцбургской границѣ. Одна шайка расположилась передъ Тріентомъ, другая производила нападенія на замки и города въ Бриксенталѣ, третья на Адижѣ разрушала дома духовной и свѣтской знати. Главною квартирою Гейзмайера былъ Меранъ; тамъ принимали онъ депутатовъ городовъ и округовъ бургграфства Тироля. Настроеніе и планы возставшихъ крестьянъ не вездѣ отличались единодушіемъ и во многихъ пунктахъ не сходились съ намѣреніями и предначертаніями Гейзмайера. Поэтому онъ и его совѣтъ разослалъ 29 мая 1525 г. по всѣмъ городамъ и округамъ Тироля приглашеніе собраться въ день св. Эриха передъ Троицей, въ Меранъ, на большое народное собраніе и здѣсь рѣшить дѣло общимъ совѣтомъ. Крестьяне заняли дома германскаго ордена въ Ленгмоозѣ и Шландерсѣ, точно также какъ они заняли домъ нѣмецкаго ордена въ Боценѣ. Самымъ безпокойнымъ настроеніемъ отличались жители Шландерса, Кастельбеля и Альгунда. Большая часть замковъ, принадлежащихъ соборному капитулу Бриксена, перешла въ руки инсургентовъ. Замки Рейнекъ и Цугитца держались, только благодаря жителямъ Серента и Цугитца, которые отражали нападенія своихъ возставшихъ братьевъ. Нападали собственно всѣ на замки дворянъ; только замки князя были пощажены. Эрцгерцогъ Фердинандъ, желая спасти замокъ Салурнъ на Адижѣ въ Флеймзерталѣ и Роденекъ, около Бриксена, написалъ крестьянамъ, что они принадлежатъ ему; что первый замокъ достался ему въ залогъ, а второй онъ купилъ у Фаль-

кенштейна. Въ то время онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ къ тирольскимъ крестьянамъ, онъ желалъ всюду казаться кроткимъ миротворцемъ. Многое побуждало его къ этому: онъ былъ расположенъ къ Тиролю, также какъ и его прадѣды; Фердинандъ хорошо помнилъ, какъ его дѣдъ, императоръ Максъ, говаривалъ: «Тироль, это грубый крестьянскій армякъ, но въ дурную погоду въ немъ можно согрѣться». Къ тому же у него не было достаточно войска—да и вести войну въ Тиролѣ было затруднительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь: тирольцы, отъ природы воинственные, были отличными стрѣлками, всякая лощина служила имъ траншеей, всякій утесѣ крѣпостью, каждый тиролецъ зналъ всѣ дорожки и тропинки въ окрестности.

Причины более сильнаго раздраженія въ южномъ Тиролѣ крылись въ мѣстныхъ условіяхъ. Достатокъ и богатство были здѣсь удѣломъ незначительнаго меньшинства; крестьянинъ на югѣ былъ не собственникомъ, а арендаторомъ земли, сосредоточенной въ немногихъ рукахъ. Такимъ образомъ здѣсь, развилась помѣстная система, тѣмъ болѣе тягостная для крестьянъ, что сосѣдство съ республиканскою Ломбардіею зародило въ нихъ свободный духъ. Тиролецъ видѣлъ вблизи себя свободную республику и еще живѣе чувствовалъ давившій и изнурявшій его гнетъ богатыхъ монастырей, городовъ и знатныхъ баръ. И если накопившееся негодованіе заставляло кровь живѣе обращаться въ жилахъ свободолюбивыхъ жителей горъ, заставляло ихъ глаза ярче горѣть огнемъ мести, то понятно, что ихъ раздраженныя и разнузданныя страсти должны были разразиться болѣе разрушительнымъ всепожирающимъ пламенемъ. Къ тому же здѣсь было болѣе побудительныхъ причинъ къ востанію.

Личина кротости, принятая на себя Фердинандомъ, не препятствовала его военнымъ приготовленіямъ. Еще 14 мая онъ послалъ въ инспрукскій совѣтъ полномочіе дѣлать займы, закладывать наслѣдственныя имущества и замки, плавить княжескія драгоцѣнности и серебряную посуду, чтобы на вы-

рученныя деньги навербовывать солдатъ; кромѣ того онъ отправилъ эмисаровъ въ Оберъ и Унтернталь, въ Винтшгау, Адижъ и Бриксенталь, съ цѣлью собрать мирные округа на защиту порядка. Онъ обѣщалъ остаться въ Тиролѣ до тѣхъ поръ, пока это будетъ нужно для страны и требовалъ, чтобы для водворенія спокойствія внутри страны и безопасности внѣ, для защиты отъ нападенія швабскихъ крестьянъ и венеціянцевъ, тотчасъ же было собрано 1,000 человѣкъ и сдѣланы приготовленія къ сбору общаго ополченія въ 20,000 человѣкъ. 5,000 были тотчасъ же созваны въ Иннспрукѣ. Онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что братъ его, императоръ Карлъ V, предоставилъ ему Тироль въ наслѣдственное владѣніе, и что онъ съ этихъ поръ будетъ милостиво править страною не какъ намѣстникъ, а какъ законный государь и обратитъ должное вниманіе на нужды и желанія страны на имѣющемъ собраться ландтагѣ. Въ это время пришло извѣстіе о томъ, что городъ Фюссенъ передался австрійскому дому, и чтобъ обезопасить себя отъ крестьянъ, распустилъ австрійское знамя. Фердинандъ тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ, выставляя его, какъ примѣръ, тирольцамъ: смотрите, говорилъ онъ, простолюдины переднихъ областей сами добровольно дѣлаются подданными Австріи и сами требуютъ ея правителя; пусть же и тирольцы, занимающіе сравнительно съ другими народами такое почетное, обезпеченное и видное положеніе, живутъ миролюбиво и согласно.

Эммисарамъ было поручено отговаривать крестьянъ отъ насильственныхъ дѣйствій и убѣждать ихъ подождать ближайшаго сейма; эрцгерцогъ обѣщалъ за это снисходительное сужденіе о сдѣланныхъ уже проступкахъ, въ противномъ же случаѣ грозилъ, что, согласно рѣшенію послѣдняго ландтага, онъ призоветъ страну наказать возставшихъ.

Сеймъ былъ назначенъ первоначально на 16-е іюня. Но такъ какъ этотъ день казался черезъ чуръ отдаленнымъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, то былъ избранъ ближайшій срокъ

23 мая, въ который князь долженъ былъ изложить свои предположенія объ облегченіи нуждъ страны. Каждый округъ долженъ былъ представить на это собраніе 2-хъ депутатовъ.

Шайка южнаго Тироля, слѣдуя по примѣру виртембергцевъ, предписаніемъ шварцвальдской грамоты заставляла всѣхъ дворянъ, съ которыми только сталкивалась, присоединяться къ союзу и слѣдовать за войскомъ. Среди крестьянъ, расположившихся передъ Тріентомъ, находились графы, свободные дворяне и рыцари *).

Эммисаромъ эрцгерцога въ тріентскій лагерь былъ посланъ знаменитый Георгъ фонъ-Фрондсбергъ, главный военный начальникъ Тироля и тирольскій уроженецъ, родовой замокъ котораго Фрондсбергъ лежалъ выше Шватца.

Его сопровождалъ Христофъ фонъ-Тунъ, предводитель въ Тріентѣ, Францъ фонъ-Костеляльтъ и Эренгольдъ. Фрондсбергъ передалъ приказаніе держаться въ отношеніи города совершенно спокойно и ожидать результатовъ переговоровъ. Отъ Фердинанда же онъ получилъ приказаніе всѣми силами стараться, чтобъ городъ Тріентъ, со всѣми принадлежащими ему областями, принесъ ему, какъ князю страны, присягу, и потомъ опираясь на этомъ, убѣдилъ собраніе крестьянъ остаться спокойными и мирно выжидать законнаго рѣшенія ихъ жалобъ.

Шайка, собравшаяся въ Нейштифтѣ на Эйзакѣ, недалеко отъ Бриксена согласилась на перемиріе. Вслѣдствіе этого депутаты эрцгерцога тотчасъ же, 22-го мая, написали къ жителямъ эчской долины. Они утверждали, будто бы возмущеніе исходитъ отъ немногихъ крестьянъ, которымъ нечего или, покрайней мѣрѣ, почти нечего терять въ странѣ, и что люди зажиточные противъ воли содѣйствуютъ имъ, такъ какъ они малочисленнѣе; они совѣтовали жителямъ эчской долины,

*) Письмо правительства отъ 19 мая къ тѣмъ, которые теперь собрались и бунтовали передъ Тріентомъ.

также какъ и жителямъ Нейштифта, непредпринимать никакихъ непріязненныхъ мѣръ и приглашали ихъ въ Бозенъ на собраніе. Для собравшихся выборныхъ были изданы особенныя поправки и оговорки на рѣшеніе депутатовъ въ Меранѣ, и тутъ же княжескимъ предписаніемъ было совершенно отмѣнено назначенное ими собраніе. Пустертальцы и нейштифтцы повиновались коммисарамъ; но жители эчской и близлежащихъ долинъ желали видѣть «вольности страны», документы, хранившіеся въ замкѣ Прессль у верховнаго правителя Эча, Леонгарда фонъ-Фельсъ, Фердинандъ велѣлъ передать ихъ выборнымъ Мерана запечатанными, для того чтобы они сохранили ихъ до сейма. Вслѣдъ за этимъ большинство крестьянъ, собравшихся въ Меранѣ, согласилось на перемиріе. Крестьяне думали, что съ заключеніемъ перемирія правительство прекратитъ свои военныя приготовленія. Однако эта надежда рушилась: замокъ Роденекъ былъ снабженъ, во время перемирія, гарнизономъ и припасами. Тогда крестьяне бриксенской долины и во главѣ ихъ снова Гейзмайеръ сочли перемиріе нарушеннымъ и возобновили военныя дѣйствія, во время которыхъ, между прочимъ, епископъ бриксенскій лишился богатаго ящика, зарытаго на дворѣ замка и наполненнаго серебряной посудой. При такомъ положеніи дѣлъ жители Эча тоже не считали себя обязанными сохранять миръ. И здѣсь и тамъ составлялись собранія, раздавался колокольный звонъ, дѣлались смотры составленнымъ отрядамъ, правительственные коммисары подвергались насмѣшкамъ, въ особенности въ Зубльцбергѣ. Во всѣхъ деревняхъ, даже вблизи самой резиденціи, въ Копфсбергѣ, били въ набатъ, и вѣстовые поспѣшно сзывали народъ на сходку въ Циллерталь близъ Ротенгольца. Каспаръ Гандль въ округѣ Раттенберга воскликнулъ: «Братья, намъ не пристало запрещать колокольный звонъ и призывъ къ оружію»; онъ уговаривалъ собравшихся взяться за оружіе и снова вскрикивалъ: «кто согласенъ помочь осадить замокъ, пусть тотъ подыметъ руку». Большинство было согласно. Но

и тутъ стараніями «почтенныхъ» удалось настолько усмирить крестьнъ, что замокъ не былъ разрушенѣ. Только Инспрукъ, Галль, Шватцъ и Фрондсбергъ оставались спокойными.

Личина добраго расположенія, которую эрцгерцогъ носилъ предъ тирольцами, не стѣсняла его въ письмахъ къ правительству. «Злыя намѣренія крестьянъ», писалъ онъ, «такъ скоро высказываются всюду, что и описать трудно, мы ни на минуту не можемъ быть увѣрены, что они не нападутъ на насъ, даже здѣсь въ Иннспрукѣ. Они не даютъ прохода войску, идущему къ намъ или отъ насъ. Тирольскіе крестьяне не пропустили черезъ свою страну 600 всадииковъ, заказанныхъ нами въ Италіи и откомандированныхъ въ Виртембергъ; мы должны были снова отослать ихъ, съ тѣмъ чтобъ проникнуть черезъ Граубинденъ. Такимъ же образомъ не пропускали они черезъ свои границы 200 всадниковъ изъ Кроаціи и 200 изъ Австріи, такъ что онѣ должны были вернуться и пройти какой нибудь другой дорогой. Мы сами, не смотря на наше нежеланіе, принуждены оставаться здѣсь въ горахъ, и не можемъ оказать помощи ни себѣ, ни другимъ» *).

Пока архіепископа осаждали въ Гогензальцбургѣ, а эрцгерцогъ, окруженный возстаніемъ, сидѣлъ, какъ плѣнникъ въ своемъ Тиролѣ, Пфейферъ и Мюнцеръ возбуждали и собирали народъ на противоположной сторонѣ, именно въ Тюрингенѣ. Тюрингенъ представлялъ большой очагъ, откуда пламя разливалось въ Гессенъ, Саксонію и далѣе въ нижнюю Германію.

---

*) Письмо эрцгерцога къ Трухзесу отъ 23 мая.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Паденіе городскаго дворянства въ Мюльгаузенѣ. Пфейферъ и Мюнцеръ.

13 декабря 1524 г. Пфейферъ вернулся домой въ Тюрингенъ, въ родной свой городъ Мюльгаузенъ. Это возвращеніе устроили друзья Пфейфера, попавшіе его стараніями въ комитетъ: Михаилъ, какъ ткачъ шерстяныхъ матерій, состоявшій въ сношеніи съ веймарскимъ дворомъ; золотыхъ дѣлъ мастеръ Вейсмелеръ, богатый кожевенникъ Крейтеръ и другіе.

Друзья Мюнцера, собиравшіеся въ то время около мечтателя Роте, скорняка ремесломъ, добивались также и его возвращенія. Мюнцеръ однако же пріѣхалъ только къ веснѣ. Призывъ друзей не могъ скоро дойти до него; время было зимнее, и онъ постоянно разъѣзжалъ то по сѣверной части страны, то по Дунаю.

Пфейферъ и его приверженцы все болѣе и болѣе сознавали, что въ Мюльгаузенѣ необходимо произвести еще болѣе рѣшительный переворотъ. Городской совѣтъ въ прежнемъ составѣ, со старыми правами городскихъ дворянъ, съ одной стороны, и Пфейферъ съ своими стремленіями, съ другой, не могли долѣе уживаться въ мирѣ и между ними царствовалъ уже полный разладъ, въ то время когда наконецъ въ городъ прибылъ Мюнцеръ.

Легко понять, какія чувства, какія надежды должны были волновать Томаса Мюнцера, въ то время когда онъ изъ верхней Швабіи, чрезъ всю среднюю Германію, спѣшилъ домой на родину. Съ наслажденіемъ прислушивался онъ къ каждо-

му слову, чуть не къ каждому дыханію простолюдина, по наружному виду городовъ и селъ угадывалъ ихъ сокровенные помыслы, бесѣдовалъ съ единомышленниками, разжигая огонь всюду, гдѣ находилъ горючіе матеріалы, стараясь раздуть его тамъ, гдѣ уже пылало пламя.

Въ окрестностяхъ Фульды Мюнцеръ былъ арестованъ. Онъ проповѣдывалъ тамъ крестьянамъ и въ короткое время успѣлъ уже вызвать возстаніе. Однако его не узнали и скоро выпустили на свободу. Послѣ этого Мюнцеръ поспѣшилъ въ Мюльгаузенъ.

Едва выступилъ онъ здѣсь на арену проповѣдника, какъ уже встрѣтилъ рѣшительнѣйшаго противника въ совѣтѣ. Но Роте и его партія, поддержанные партіей Пфейфера, ядромъ гражданства—кожевенниками, пивоварами и винокурами, принудили совѣтъ дозволить Мюнцеру свободно проповѣдывать. Мюнцеръ училъ преимущественно въ деревняхъ, пригородахъ и въ селахъ. Во всѣхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ народу, онъ открыто призывалъ его присоединиться къ христіанскому союзу, противъ князей и господъ. Въ городѣ онъ проповѣдывалъ тоже и требовалъ отъ совѣта, чтобъ онъ присталъ къ христіанскому союзу. Послѣ этого совѣтъ запретилъ ему проповѣдывать. Однако, не смотря на запрещеніе, Мюнцеръ постоянно обращался съ рѣчами къ народу. Весь городъ какъ бы приготовлялся къ войнѣ, со всѣхъ сторонъ къ нему стекались люди изъ деревень и селъ. Совѣтъ велѣлъ занять стражею и запереть ворота. Но онъ былъ не въ силахъ остановить возстаніе внутри города, выразившееся здѣсь тѣмъ, что чернь ворвалась въ церкви и сорвала всѣ образа.

Въ это время возвратился бургомистръ Перлетъ Пробстъ, посланный совѣтомъ къ императорскому намѣстнику за помощью. Онъ привезъ печальное извѣстіе, что нигдѣ въ Германіи не могъ отыскать эрцгерцога Фердинанда. Города стараго союза, какъ то Эрфуртъ, Гаспаръ и Нордгаузенъ, присылали письма, выражавшія полное искреннее участіе къ совѣту и предостереженія гражданамъ; но ни одинъ изъ нихъ не далъ помощи. Отъ сосѣднихъ князей городъ не дождался даже и этого. Мюнстеръ и Пфейферъ, съ своей точки зрѣнія, имѣли полное основаніе относиться къ совѣту, съ недовѣріемъ. Поэтому они желали лишить совѣтъ возможности вредить ихъ дѣлу. Этого можно было достичь, только добившись права присутствовать при всѣхъ его засѣданіяхъ: Пфейферу въ качествѣ проповѣдника св. Николая Мюнстеру—какъ священнику въ Маріенкирхѣ. Совѣтъ отказалъ имъ въ этомъ. Городскіе дворянѣ между тѣмъ все болѣе и болѣе теряли бодрость, при видѣ возрастающаго народнаго движенія, особенно ихъ пугала партія Мюнцера. Однажды ночью Мюнцерцы толпою ходили по городу и поименно требовали смерти нѣкоторыхъ дворянъ.

Нѣсколько богатыхъ фамилій на другой же день рано утромъ покинули городъ.

Другіе же, какъ то членъ совѣта Баумгартенъ, Рейнгардъ Ламгардъ и еще нѣкоторые вліятельные дворяне примкнули къ народной партіи. Синдикъ фонъ Оттеръ, вмѣстѣ съ городскимъ начальникомъ, открыто перешли на сторону гражданъ.

Вооруженные граждане собрались для осмотра оружій. Мюнцеръ сказалъ при этомъ рѣчь, увлекшую всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ этого въ Маріенкирхѣ было огромное народное собраніе; Пфейферъ и Оттеръ предсѣдательствовали на немъ. Они предложили рѣшить всеобщею подачей голосовъ, быть или не быть старому совѣту, который до сихъ поръ состоялъ изъ четырехъ смѣнявшихся коллегій. Старый совѣтъ былъ отрѣшенъ. Даже старый бургомистръ Баумгартенъ сочувствовалъ этому рѣшенію, онъ зналъ, что его сынъ долженъ наслѣдовать ему.

Выборы новаго совѣта состоялись совершенно въ духѣ Пфейфера. Выбиралъ не народъ, не граждане, а комитетъ, Пфейферъ далъ новому совѣту названіе «вѣчнаго совѣтъ». Это названіе должно было обозначать, что онъ не состоитъ изъ 4-хъ смѣняющихся коллегій, а изъ одной — постоянной.

Это было, конечно, шагомъ впередъ *). До сихъ поръ не извѣстно, выбирался-ли онъ на одинъ годъ, или на нѣсколько лѣтъ; положительно извѣстно только, что члены новаго совѣта не избирались пожизненно, какъ члены стараго.

Пока въ Маріенкирхѣ разсуждали о составленіи «совершенно новаго христіанскаго правительства,» изъ среды народа стали раздаваться голоса, требовавшіе смерти членовъ стараго совѣта. Совѣтники испугались и вступили въ переговоры съ депутатами комитета восьми, а когда народъ окружилъ домъ совѣта, угрожая разрушить его,—они отказались отъ должностей. Новому совѣту должны были присягнуть не только всѣ граждане, но и весь народъ вообще. Съ старымъ совѣтомъ исчезла въ Мюльгаузенѣ послѣдняя искра старой вѣры. Движеніе внутри города достигло своей цѣли. Это случилось 17 марта 1525 года **). Пфейферъ и Мюнцеръ пользовались сильнымъ вліяніемъ какъ на новый совѣтъ, такъ и на комитетъ восьми гражданъ; однако ни тотъ, ни другой не предсѣдательствовали въ немъ, какъ это пишетъ Меланхтонъ; ни одинъ изъ нихъ не принялъ на себя ни должности бургомистра, ни званія члена совѣта. Пфейферъ остался священникомъ св. Николая, Мюнцеръ — священникомъ Маріинской церкви. Они выговорили себѣ только право присутствовать на засѣданіяхъ совѣта и почти постоянно посѣщали ихъ. Въ совѣтѣ за основаніе при

---

*) Уставы этого вѣчнаго совѣта затеряны.

**) Доказательство того, какъ фальшиво, какъ поверхностно, какъ вполнѣ ложно и съ какою явною ненавистью рисуетъ Меланхтонъ, даже и тѣ событія изъ исторіи Мюнцера, изслѣдованіе коихъ не могло представлять для него ни малѣйшаго затрудненія, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Онъ говоритъ (въ своей исторіи Мюнцера), что Мюнцеръ провелъ цѣлый годъ въ Іоганитергофѣ въ Мюльгаузенѣ, «какъ важный баринъ»; и многіе, послѣ основываясь на его словахъ, повторяли тоже; однако по достовѣрнымъ источникамъ извѣстно, что Мюнцеръ провелъ въ Мюльгаузенѣ только 8 недѣль: отъ 12 марта до начала мая.

всѣхъ разсужденіяхъ принимались христіанское право и правила священнаго писанія, долженствующія руководить всѣми поступками христіанина. При этомъ, по мнѣнію Мюнцера, одинаковымъ значеніемъ съ буквою писанія, должно было пользоваться толкованіе его, основанное на внутреннемъ откровеніи.

Пфейферъ дѣйствовалъ въ чертѣ города и его окрестностяхъ. Мюнцеръ смотрѣлъ на Мюльгаузенъ, какъ на исходный пунктъ, откуда агитація должна была распространяться далеко во всѣ стороны. Онъ поддерживалъ самую живую связь съ Франконіей и Швабіей, возбуждая въ тоже время волненіе во всей Тюрингіи.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Мюнцеръ въ Тюрингіи, Гессенъ, Саксоніи.

Приверженцы Томаса Мюнцера считали святымъ чуть не каждое его слово. Такія отношенія еще болѣе укрѣпились теперь, когда Мюнцеръ началъ осуществлять на практикѣ все то, что проповѣдывалъ прежде въ теоріи. Такъ онъ училъ прежде, что для угожденія Богу люди должны возстановить между собою отношенія первоначальнаго равенства, — теперь онъ настаивалъ на общности имуществъ, въ духѣ древняго христіанскаго ученія. Враги Мюнцера увѣряли, что на основаніи этого ученія, «каждый, у кого не было за душой ни гроша, могъ брать теперь все, что только ему понадобится, гдѣ бы онъ его ни находилъ, могъ при-

нуждать и другихъ дѣлиться съ собою, на томъ основаніи, что Христосъ приказалъ дѣлиться съ нуждающими». Но въ дѣйствительности Мюнцеръ не расширялъ понятія объ этой общности имуществъ далѣе тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно было поставлено первыми христіанскими учителями апостольскихъ временъ, по ученію которыхъ богатый долженъ былъ накормить бѣднаго и одѣть нагого. Мюнцеръ не шелъ далѣе дѣлежа зерна, съѣстныхъ припасовъ и снабженія бѣднаго кускомъ сукна на платье. Самъ онъ одѣвался въ простой сюртукъ, подбитый мѣхомъ и въ широкій плащъ; широкая густая борода придавала его молодому лицу что-то ветхозавѣтное, патріархальное. Мюнцеръ былъ строго нравственъ, въ этомъ лежала отчасти причина того могущества, которымъ пользовался онъ и которое заставляло народъ безусловно повиноваться его волѣ.

Юноша, чужестранецъ, онъ заставилъ преклоняться предъ собою гордыхъ гражданъ большаго свободнаго города.

По словамъ достовѣрнаго лѣтописца, разсказывающаго то, что онъ видѣлъ собственными глазами, Мюнцеръ такъ крѣпко держалъ въ рукахъ свой народъ, что еще долго послѣ его смерти народу казалось, что Мюнцеръ, какъ всевидящій и карающій духъ, постояннно стоитъ за его спиною *). Безспорно это была сильная личность, съ характеромъ, достойнымъ полнаго удивленія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже его смертельные враги, конечно совершенно невольно, безъ всякаго желанія съ своей стороны. Не только Меланхтонъ великолѣпный филологъ и «отличный органонъ Лютера», человѣкъ необходимый для реформаціи, но конечно менѣе всего способный написать исторію Мюнцера и его дѣятельности, даже и самъ Лютеръ — оба они сами того не замѣчая, противъ

*) Этими же словами свидѣтельствуетъ о немъ современникъ его Себастіанъ Франкъ.

воли высказываютъ самое высокое понятіе о могуществѣ и силѣ духа Мюнцера. Сквозь всякую строчку, написанную ими о Мюнцерѣ такъ и просвѣчиваетъ тайный страхъ, что вотъ, вотъ онъ войдетъ и предстанетъ предъ ними въ то время, какъ они упоминаютъ его имя, говорятъ о немъ. Тѣнь давно умершаго Мюнцера оказывала на нихъ такое вліяніе, которое и при жизни бываетъ удѣломъ только не многихъ, сильныхъ личностей. Почти въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ ихъ о Мюнцерѣ видно, что онъ, давитъ ихъ, какъ альпъ, что ихъ постоянно преслѣдуетъ тайный ужасъ, что Мюнцеръ, какъ духъ, «намалеванный на стѣнѣ,» вдругъ явится предъ ними въ ту минуту, какъ они произносятъ его имя. Клевета не разъ пыталась очернить самоотверженныхъ, строгихъ и безкорыстныхъ бойцовъ свободы прошлаго вѣка; но теперь даже наука придворныхъ философовъ не рѣшается отказать имъ въ римскихъ добродѣтеляхъ. Томасу Мюнцеру пришлось испытать тоже: клеветники пытались унизить достоинство его личнаго характера, затоптать въ грязь его прахъ. Его жизнь была такъ же строга какъ и его ученіе; Мюнцеръ былъ постоянно воздерженъ въ пищѣ и питьѣ. Его любовь къ подругѣ его юности была такъ сильна, что даже среди мученій пытки, предъ лицемъ смерти, онъ думалъ только о ней и о ея будущности. Не смотря на это, послѣ его смерти, клевета коснулась даже и этой добродѣтели, она пыталась приписать и Мюнцеру развратъ сумасбродныхъ швейцарскихъ перекрещенцевъ, въ особенности же одну скандальную исторію, случившуюся въ Сентъ-Галленѣ. Въ кружкахъ виртембергскихъ теологовъ тѣшились постоянно разсказами о томъ, какъ Мюнцеръ каждый разъ, когда онъ собирался произнести какую нибудь блестящую народную рѣчь, собиралъ около себя красивѣйшихъ женщинъ города, говоря, что онъ чувствуетъ божественнее дыханіе въ ихъ кругу. Тоже самое говорили и о Сократѣ, и о Магометѣ, и о многихъ другихъ великихъ людяхъ; даже и о самомъ «чистомъ сердцемъ» Основателѣ христіанства

Такимъ образомъ взводимыя на Мюнцера клеветы скорѣе возвышаютъ, чѣмъ унижаютъ его. Мюнцеръ помѣстился съ своими приверженцами въ Іоганитергофѣ подобно Лютеру, жившему въ августинскомъ монастырѣ *).

Обитатели іоганитскаго монастыря должны были уступить. Всѣ церкви города были очищены. Даже женщины и дѣвушки усердно работали при этомъ и шили себѣ красивыя платья изъ ризъ и церковныхъ облаченій. Мюнцеръ приказалъ сшить такое же платье и для своей жены. Онъ привлекъ въ городъ тысячи сельскаго народа, съ жадностію внимавшаго его проповѣди о новомъ царствіи небесномъ. Новое ученіе могущественно дѣйствовало на нихъ. Нѣкоторыхъ прельщала перспектива будущей добычи и наслажденій безъ труда, такъ какъ они думали, что еще прежде, чѣмъ они успѣютъ уничтожить имѣнія дворянъ, князей и духовенства, Богъ уже дастъ имъ все, что нужно. Послѣ каждой проповѣди, въ которой Мюнцеръ говорилъ о свободѣ и подкрѣплялъ свои доводы текстами изъ ветхаго завѣта, Пфейферъ составлялъ изъ молодыхъ людей и дѣвушекъ хоръ, пѣвшій обѣщаніе Іеговы сыновьямъ Іуды: «вы завтра выступите и Господь будетъ съ вами»

Волненіе быстро росло и въ видѣ огромнаго огненнаго пояса распространялось оно отъ Мюльгаузена во всѣ стороны, въ графство Гогенштейнъ, Штольбергъ, Мансфельдъ, Бейхлингенъ, Эрфуртъ, Шварцбургъ, Альтенбургъ, Мейсепъ, Кобургъ, Шмалькальденъ, Эйзенахъ и по другимъ сосѣднимъ мѣстностямъ. Уже въ апрѣлѣ, Лютеръ составлялъ планъ, какъ бы остановить возстаніе при помощи авторитета своей личности и своихъ словъ

*) Болтливые виртембергскіе кружки не дерзали заходить въ своихъ сплетняхъ далѣе этого. Въ другихъ мѣстахъ ложь не останавливалась на этомъ; увѣряли, будто Мюнцеръ предъ каждою проповѣдью предавался плотскимъ наслажденіямъ съ окружавшими его красавицами

Онъ направился въ Мансфельдъ, на свою родину, оттуда далѣе черезъ Штольбергъ, Нордгаузенъ, Эрфуртъ, Веймаръ, Орламюнде, Кала въ Іену, во всѣхъ мѣстахъ проповѣдывалъ съ обычною своей силой, стараясь привести воставшихъ къ повиновенію и предостеречь ихъ отъ прельщеній «кровожаднаго пророка» и его пословъ. Дѣйствительно, Мюнцеръ всюду разослалъ своихъ учениковъ возбуждать народъ къ принятію новаго царствія небеснаго. Пфейферъ велъ списокъ всѣхъ посвященныхъ въ союзъ, основанный уже много лѣтъ тому назадъ. Больно было Лютеру видѣть, что его могущество пало, что его слова уже не имѣютъ прежняго обаянія. Ученіе Мюнцера слишкомъ согласовалось съ ежеминутно чувствуемою суровою дѣйствительностію, чтобъ Лютеръ могъ побороть его, возхваляя божественный авторитетъ, начальство и доказывая христіанское начало рабства. Во время его путешествія возстаніе вспыхнуло даже въ Эйслебенѣ, его колыбели. Оно всюду окружало его. Не успѣлъ еще онъ возвратиться въ Виттенбергъ, а факелъ Мюнцера уже горѣлъ въ Веймарѣ, Лейпцигѣ и Горгау, въ Рудныхъ горахъ и въ Фойтландѣ.

Если даже голосъ самого Лютера былъ заглушенъ шумомъ бури, проникшей теперь во всѣ концы Германіи, то что же значили предъ нею всѣ усилія другихъ болѣе мелкихъ дѣятелей, которые тоже пытались подавить духъ свободы и унять начавшееся броженіе. Противъ Мюнцера ратовалъ даже докторъ Штраусъ, проповѣдывавшій прежде горцамъ Инталя, теперь эйзенахскій священникъ; онъ вмѣстѣ съ эйзенахскимъ бургомистромъ уговорилъ любимаго народомъ сосѣдняго проповѣдника *Вицеля* совершить, въ сопровожденіи двухъ эйзенахскихъ гражданъ, путешествіе по всей странѣ, стараясь всюду успокоить сельскихъ жителей проповѣдью, вліяніемъ и обѣщаніями облегченія ихъ участи, въ случаѣ если они останутся спокойными. Около 11 марта Вицель

послалъ Томосу Мюнцеру письмо, въ которомъ онъ умолялъ, его смириться, одуматься и сознаться, что имъ овладѣлъ злой духъ. Если согласиться онъ—писалъ Вицель—всѣ они будутъ считать его самымъ дорогимъ своимъ братомъ, и готовы съ нимъ всѣмъ подѣлиться; но Мюнцеръ долженъ отрѣчься для этого отъ овладѣвшаго имъ страшнаго духа возстанія,—отъ союза, который, прикрываясь Евангеліемъ, вооружается противъ всѣхъ, не желающихъ присоединиться къ нему; долженъ отказаться отъ ученія, по которому всѣ безбожники должны быть лишены жизни, отъ отданныхъ имъ приказаній уничтожать церкви, образа, алтари; отрѣчься отъ всего, что онъ писалъ противъ авторитета буквы священнаго писанія, и отъ всего, что онъ говорилъ о духахъ, видѣніяхъ и снахъ. Такъ какъ это письмо, естественно, не произвело на Мюнцера желаемаго дѣйствія, то Вицель выбралъ и выписалъ различныя мѣста изъ Библіи, чтобъ при ихъ помощи отвлечь крестьянъ отъ Мюнцера. Но оба эйзенахскіе бюргера, которые должны были сопутствовать Вицелю, отказались отъ поѣздки, и самъ Вицель скоро оставилъ свое намѣреніе.

Ему не удалось удержать даже свой собственный приходъ, Венигенъ-Любеницъ, отъ присоединенія къ евангелическому союзу. Въ тотъ самый день, когда онъ держалъ восторженнѣйшую проповѣдь народу въ Венигенъ-Любеницѣ, весь приходъ взволновался и собрали сходку. На ней явилась вооруженная шайка крестьянъ, старонниковъ евангелическаго союза съ предложеніемъ присоединиться къ союзу; всѣ заявляли о неудовольствіяхъ, которыя они имѣли противъ своего владѣльца Дидриха фонъ-Фарнроде и хотѣли даже напасть на него. Вицель употреблялъ всѣ старанія, чтобъ примирить владѣльца съ его подданными и уговорить послѣднихъ обратиться къ своимъ работамъ; но духъ возстанія уже слишкомъ сильно овладѣлъ ими. Цѣлая шайка вооруженныхъ людей послѣдовала за прибывшими, и Вицель, боясь, чтобъ его, подобно другимъ священникамъ, не принудили слѣдовать за воз-

ставшими, выбрался, какъ можно скорѣе, изъ своего прихода. На улицѣ ему встрѣтились крестьяне изъ деревни Гроссъ-Любеницъ. Куда это вы? спросилъ онъ ихъ, я иду къ вамъ на проповѣдь; крестьяне молча прошли мимо - только одинъ закричалъ ему вслѣдъ: «проповѣдуй пока нашимъ женамъ». Вслѣдъ затѣмъ, встрѣтился онъ съ другой толпой крестьянъ. —Что вы дѣлаете? Крикнулъ онъ имъ; отчего вы не хотите помириться съ вашимъ господиномъ, онъ согласится на выгодныя для васъ условія». Какъ бы не такъ—отвѣчалъ одинъ изъ крестьянъ—знаемъ мы, какъ наши господа держатъ свое слово.

Крестьяне стали лагеремъ въ Вангенгеймѣ при озерѣ Гардо; изъ всѣхъ окрестныхъ деревень ихъ набралось нѣсколько тысячъ, и Вицель, едва успѣвши вернуться домой, уже получилъ отъ нихъ предложеніе явиться и сказать проповѣдь на чистомъ полѣ, собравшемуся христіанскому братству; въ случаѣ же отказа крестьяне грозили ему наказаніемъ. Вицель отвѣчалъ, что проситъ ихъ возвратиться назадъ, въ деревню, тамъ, въ церкви онъ охотно будетъ имъ проповѣдывать. Крестьяне прислали ему второе письмо; они грозили, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства жизнь его будетъ небезопасна, гдѣ бы онъ не находился во всей Тюрингіи; священники другихъ приходовъ уже присоединились къ нимъ, опасность была очевидна, женщины, оставшіяся въ деревнѣ, умоляли и просили его; онъ поѣхалъ въ лагерь, чтобъ уговорить крестьянъ и отъ себя, и отъ имени ихъ женъ, возвратиться домой. Эта попытка не удалась ему; а неурядица въ лагерѣ христіанскихъ братьевъ сильно была ему не по сердцу; поговоривъ съ ними впродолженіи нѣсколько часовъ съ ряду, Вицель вернулся назадъ. На слѣдующій день вечеромъ онъ увидѣлъ, что большинство крестьянъ возвратилось въ деревню съ своими орудіями. Крестьяне пробыли въ отсутствіи впродолженіи четырехъ дней, въ это время они дѣйствительно вели

борьбу, только не противъ людей, а противъ быковъ, свинаго сала, мучныхъ кулей и огромныхъ винныхъ бочекъ.

Только-что успокоенное волненіе было возбуждено снова письмомъ Мюнцера, въ которомъ крестьяне приглашались опять присоединиться къ христіанскому братству. Вицель, съ своей стороны, всѣми силами старался удержать ихъ отъ возстанія. Его старанія и теперь, какъ и прежде, были встрѣчены неблагодарностью: крестьяне назвали его льстецомъ князя, князь съ своей стороны заподозрилъ его въ союзѣ съ ними; а въ кружкѣ Лютера и его пріятелей разсказывали, что докторъ Штраусъ выслалъ своего совѣтника и вѣрнаго друга, Вицеля, увѣрить крестьянъ, будто онъ доведетъ дѣло до того, что ихъ 12 требованій будутъ приняты *). Знаменитыя 12 швабскихъ пунктовъ были перенесены сюда изъ Майнца и Фульда. Крестьянскіе значки собрались не только по сю сторону Ренскихъ горъ, но и на другой сторонѣ хребта, еще въ апрѣлѣ, расположились лагеремъ нѣсколько отрядовъ, составлявшихъ тѣсный братскій союзъ. Ихъ возстаніе было, собственно говоря, только естественнымъ продолженіемъ движенія оденвальдъ-неккарскихъ долинъ, направившагося чрезъ Майнцъ. Лагерь въ Аурахѣ между Киссингеномъ и Гаммельбургомъ, служилъ переходнымъ пунктомъ. Въ штейнбахскомъ лѣсу, у замка Аттенродъ, сходились границы Гессена, Геннеберга и Тюрингена. Однакоже, кажется, вліяніе Тюрингена и Мюнцера было тутъ всего сильнѣе. Когда шайка франконцевъ напала на возвращавшагося во Франконію изъ Хольцкирхена, Мельхіора фонъ-Кюхенмейстера, пробста города Іоганнисберга на Фульдѣ и убила его, то жители Гаммельбурга начали

*) Сочиненіе Неандра, составленное по письмамъ и запискамъ Вицеля и Юстуса Іонаса: «Небольшія замѣчанія біографическаго содержанія» стран. 185—194. Неандръ, истинный христіанинъ, оказалъ важную услугу уже тѣмъ, что дерзнулъ обнаружить сплетни и всю отвратительную мелочность приверженцевъ и льстецовъ Лютера въ Виттенбергѣ.

преслѣдовать убійцъ и разрушили замокъ Рессенбергъ, куда послѣдніе скрылись, доказавъ такимъ образомъ на дѣлѣ привязанность къ своему священнику. Вскорѣ послѣ этого гаммельбургцы, первые между вассалами монастыря Фульда, присоединились къ возстанію, тотчасъ за ними поднялись жители *Букена*, знаменитой своими буковыми лѣсами, части Гарцвальда. Начальникомъ монастыря, аббатъ котораго Гартманъ, жилъ въ Майнцѣ, былъ въ то время коадьюторъ Іоганнъ, сынъ графа Вильгельма, стараго Геннеберга. По прошествіи трехъ дней, подданные и крестьяне собрались толпами, въ числѣ 10,000 въ монастырь *Фульда* и разсыпались по всему Букену, а гессенскіе крестьяне расположились бандами вокругъ Фаха, Герингена, Фриденвальда и Герсфельда: они врывались во многіе монастыри и грабили ихъ; разсоряли также дворцы и замки, превращая такимъ образомъ въ бездомныхъ нищихъ не однихъ монаховъ и монахинь, но и благородныхъ господъ и дамъ. Крестьяне взяли даже городъ Фахъ на Веррѣ и Герингенъ; почти все рыцарство Букена вступило съ ними въ союзъ, и пока одна часть шайки осаждала замокъ Фриденвальдъ, гдѣ засѣлъ фогтъ съ небольшимъ отрядомъ солдатъ и нѣсколькими глупыми крестьянами, другая часть банды направилась къ городу Герсфельду. Они разослали письма по всей окрестности, прося помощи и защиты; медлившимъ грозили истребленіемъ ихъ посѣвовъ, лишеніемъ жизни и имущества. Тогда къ нимъ присоединились многіе даже изъ округовъ ландграфа гессенскаго *).

Замокъ Аттенроде былъ сожженъ. Нѣкоторые мелкопомѣстные владѣльцы, впрочемъ очень не многіе, пытались противиться братству. У Якова Штюкрада было имѣніе неподалеку отъ Ратенберга, между Гердерсхаузеномъ и Нидергу-

*) Письма ландграфа Филиппа швабскому союзу изъ кассельскаго архива у Роммеля.

домъ; когда крестьяне явились туда, Яковъ отослалъ свою жену съ двумя дѣтьми въ укрѣпленный Шпангенбергъ, а самъ остался защищать свой очагъ и умеръ среди пылающихъ головней, переброшенныхъ къ нему на дворъ **). Даже въ самомъ городѣ Фульдѣ, бюргеры разрушили на святой недѣлѣ четыре монастырскихъ церкви, и коадьюторъ вступилъ въ братство крестьянъ. У него было мало людей, такъ какъ большую часть онъ отослалъ къ своему отцу въ Геннебергъ, а нѣкоторыхъ въ Майнцъ; не смотря на это, крестьяне все-таки сочли присоединеніе коадьютора чистосердечнымъ; они привѣтствовали его не только какъ брата, но какъ князя Букена: мы не хотимъ болѣе пастуха (kuhhirten), сказали они съ насмѣшкою, перепначивая титулъ коадьютора. Основываясь на этомъ, и на томъ, что отецъ его, старый Геннебергеръ, тоже присоединился къ крестьянамъ, ландграфъ гессенскій долго относился къ нему съ недовѣріемъ. Коадьюторъ подписалъ на фульдскомъ совѣтѣ 12 крестьянскихъ пунктовъ. Однако онъ согласился на это только тогда когда увидѣлъ, что вокругъ дымящихся развалинъ разрушеннаго монастыря, на Андреасбергѣ (нынѣ Нейенбергѣ) собралось 10,000 крестьянъ, къ которымъ присоединились и бюргеры Фульда. Монастыри на Петерсбергѣ и на прекрасномъ Фрауенбергѣ были тоже разрушены. Пламя поглотило древнюю святыню этой горы, гдѣ въ продолженіи 5 столѣтій раздовалось пѣніе монаховъ. Руки, искавшія скрытыхъ сокровищъ, не пощадили даже могилъ; священники и монахи были изгнаны.

Главнымъ начальникомъ фульдской банды былъ часовщикъ Гансъ Далькобтъ (Дольгоферъ); послѣ него Генне Вильке, Гансъ Кугель и Гансь фонъ-Ронъ (Rone). Комитетъ букенской общины помогалъ начальникамъ.

Здѣсь, менѣе чѣмъ гдѣ нибудь возможно было рѣзкое ра-

*) Изъ семейныхъ хроникъ, Роммель II. 75 примѣчаніе.

зобщеніе отдѣльныхъ отрядовъ. Шайки, выходившія изъ Гарца, Рончы, и Тирингервальда, сходились къ границѣ и дѣйствовали то сообща, цѣлыми массами, то порознь, отдѣльными отрядами.

Вскорѣ послѣ взятія города Фульда, въ братство вступилъ и Герфельдъ, выдержавшій продолжительную осаду 5,000 крестьянъ. Хотя аббатъ Герфельда—Крато (подобно большинству братіи этого монастыря сочувствовавшій ученію Лютера и даже дружески принимавшій у себя самого Лютера, во время его путешествія въ Вормсъ), и укрѣпилъ замокъ на Эйхенбергѣ, Петерсбергѣ и Іоганнисбергѣ, однакожъ онъ все-таки видѣлъ, что крестьянъ слишкомъ много, а людей у него, сравнительно, очень мало; тогда онъ рѣшился подписать 12 пунковъ, но съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ если его милостивый господинъ предпишетъ какой нибудь христіанскій порядокъ; то этотъ порядокъ долженъ быть строго охраняемъ.

Этотъ господинъ былъ ландграфъ гессенскій. Ландграфъ послалъ въ городъ Фульдъ трехъ рыцарей, Удо Хунда, своего намѣстника въ Шенштейнѣ, съ которымъ крестьяне когда-то обошлись такъ сурово, Іоганна Ридзеля изъ Эйзенбаха и Гейнца Люддерна. Они получили отъ города дерзкій отвѣтъ, что коадьюторъ принялъ свѣтскій санъ, и что если ландграфъ присоединится къ христіанскому братскому союзу жителей Букена, то они охотно заключатъ съ нимъ миръ. Въ это же время, въ гессенскіе города, Кассель, Трейсса, Ротенбергъ, Шпангенбергъ, Гомбергъ, Сонтра, Цигенгайнъ, Нейкирхенъ, Альсфелдъ, Мельзунгенъ, Витценгаузенъ, изъ герсфельдскаго лагеря были посланы предложенія принять слово Божіе и соединиться съ крестьянами для низложенія духовныхъ и свѣтскихъ властей. Крестьяне упросили обоихъ герсфельдскихъ бургомистровъ написать имъ эти предложенія. Однако всѣ названные города отослали письма крестьянъ прямо къ своимъ владѣтельнымъ князьямъ, обѣщая положить за нихъ свою

жизнь и имущество и прося немедленной помощи. Христіанское братство Букена продолжало межъ тѣмъ, волей или не волей, присоединять къ себѣ одно за другимъ всѣ мѣстности герсфельдскаго округа. Одна часть банды расположилась главной квартирой въ городѣ Герсфельдѣ, другая изъ Тюрингервальда заняла городъ Фахъ на Веррѣ *).

Въ крестьянскомъ лагерѣ, расположенномъ возлѣ и внутри Фоха, собрались большею частью саксонскіе крестьяне города и округа Зальцунга, округа Брейтенбаха и Герстунгена, города и округа Крейцбурга, и изъ лежавшихъ въ близи этихъ мѣстъ имѣній духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ. Здѣсь около самаго Вартбурга, добровольнаго 10-ти мѣсячнаго Патмоса Лютера, гдѣ онъ еще такъ недавно началъ дѣло реформы и перевелъ библію,—здѣсь возстало почти все населеніе, такъ что число возмутившихся крестьянъ простиралось до 8 тысячъ.

Предводителями этой шайки были Михаилъ Саксъ, Мельхіоръ и Гансъ Шиппель. Михаилъ Хуттеръ изъ Шмалькальдена несъ знамя съ изображеніемъ распятія, птицы, оленя рыбы и лѣса **).

Они направились вверхъ по рѣкѣ Веррѣ, разрушили и сожгли дѣвичьи монастыри Фрауензе и Фрауенбрейтунгенъ разграбили женскія обители Аллендорфъ и Херренбрейтунгенъ, лежавшія не вдалекѣ другъ отъ друга, по ту и по сю стороны Верры. Объ нихъ шла дурная молва въ народѣ и между дворянами. Аллендаргъ, принадлежавшій почти двѣсти лѣтъ ордену цистерціанскихъ монаховъ, лѣтъ 7 тому назадъ былъ преобразованъ по правиламъ бенедиктинскаго ордена, и аббатство Фульда назначило ему въ управители пробста.—

*) Fuldens. III., 250. Буконія, періодическое изданіе для отечественной исторіи. Шнейдера. I., 164 — 169. Раммель, Филиппъ, 1. 106--II III. Примѣчанія стр. 74.

**) Іоаннъ Мюллеръ, повѣствованіе.

Но пробстъ и монахини зажили свѣтскою, да къ тому же еще и распутною жизнію. Саксонскій атманъ Зальцунгена прогналъ духовника монахинь и долженъ былъ сдѣлать это. Бѣжавшія отъ крестьянъ монахини спрятались у жены зальцунгскаго амтмана, рѣшительно отказавшагося выдать ихъ крестьянамъ. Крестьяне расположились послѣ этого на бейхлингерскомъ лугу передъ Зальцунгеномъ; совѣтъ долженъ былъ присягнуть имъ и выслать имъ пива и хлѣба. Потомъ они направились къ Шмалькальдену. Жители этого города были вѣрными евангелистами; духъ свободы давно уже одушевлялъ ихъ; съ 1330 года они пользовались гражданскою свободою, дарованною императоромъ Людвигомъ Баварскимъ. Теперь они хотѣли пріобрѣсти политическія права. Капитулъ при городской соборной церкви и монастырь св. Георгія дали крестьянамъ богатыя военныя средства, и городъ отворилъ имъ ворота. Многіе дворяне должны были вступить въ братство, а въ Вальпурговъ день банда расположилась у нижнихъ воротъ Мейнингена.

Здѣсь они узнали, что городъ уже присоединился къ верхнефранконскому братству, собравшемуся въ Бильдгаузенѣ, а потому, когда бильдгаузенскіе начальники учтиво отклонили предложеніе соединиться съ ними, они снова, возвратились къ Веррѣ и направились къ Эйзенаху; этотъ городъ имъ тоже не удалось склонить присоединиться къ союзу, — поэтому они отправились далѣе къ Мюльгаузену *).

Отрядомъ инсургентовъ, расположившихся на Гардѣ, предводительствовалъ Цикель, крестьянинъ изъ Заненборна. Онъ вывелъ съ собою изъ Вангенгейма плѣнныхъ дворянъ и рыскалъ въ настоящее время по герцогству, Готскому. Передъ самымъ началомъ возстанія графы фонъ-Глейхенъ, владѣвшіе

*) Спалатинъ, саксонская исторія, въ архивѣ Струве. Томъ 3, стр. 100. Глозеръ стр. 284.

помѣстьями въ этой мѣстности, затѣяли съ зеебергской общиной споръ по поводу прудовъ, рыбной ловли, вынутыхъ пограничныхъ камней и т. п. Графъ Гюнтеръ изъ Шварцбурга напрасно старался отстранить неудовольствіе; теперь когда крестьяне востали со всѣхъ сторонъ, графы фонъ-Глейхенъ спѣшили снискать расположеніе своихъ вассаловъ новыми обѣщаніями и окончаніемъ старыхъ споровъ. Они потребовали новой присяги себѣ, они хотѣли выслушивать всѣ подаваемая жалобы. Нѣкоторыя общины отвѣчали на это (29 апрѣля), что у нихъ скопилось слишкомъ много жалобъ, что потому они не могутъ сговориться обо всемъ въ такой краткій срокъ. Они знаютъ, что ихъ начальство—установленіе Божіе. Вчера же имъ дали знать изъ лагеря крестьянъ, чтобъ они отказались отъ присяги, и лучше бы приняли 12 пунктовъ, въ противномъ же случаѣ имъ грозили смертью. Ихъ сильно это безпокоитъ, потому что если крестьянскіе пункты будутъ приняты, то и они должны держаться ихъ; но они надѣются, что въ Курсаксенѣ и въ Тюрингіи будутъ установлены справедливыя правила касательно ренты, лѣсной подати, охоты, рыбной ловли и барщины. Самымъ властолюбивымъ изъ всѣхъ четырехъ братьевъ фонъ-Глейхенъ былъ, какъ кажется, графъ Филиппъ. Онъ жилъ въ своемъ замкѣ въ Тоннѣ, недалеко отъ Унштрута. Шайка увела и его вмѣстѣ съ другими плѣнными. Ему тоже пришлось сносить терпѣливо, какъ Поль Мюллеръ, крестьянинъ изъ Вейнгартена, въ лицо смѣялся надъ нимъ, приговаривая: «что, Филиппъ, и ты теперь сравнялся съ нами».

Въ городѣ Гота и его окрестностяхъ бюргеры и крестьяне были совершенно спокойны. Это спокойствіе не было слѣдствіемъ увѣщаній мѣстнаго городскаго совѣта, скорѣе оно было порождено смягчающимъ вліяніемъ проповѣдей весьма извѣстнаго въ исторіи реформаціи Мекума. Еще въ прошломъ году въ городѣ произошли безпорядки: вооруженная толпа вломилась въ капитулъ соборной церкви и отняла у каноннковъ не только ихъ наложницъ, но и имущество; совѣтъ

не рѣшался или, скорѣе, не могъ ничего предпринять противъ этого. Но Мекуму удалось, силою своего слова, убѣдить скопище крестьянъ, числомъ до четырехъ тысячъ, долгое время находившихся въ Ихтергаузенѣ, отказаться отъ намѣренія разрушить замки Глейхенъ, Іюльбергъ, Вахсенбургъ и перебить живущія въ нихъ семейства благородныхъ господъ *).

Напротивъ того древній монастырь Рейнгардсборнъ былъ разрушенъ. Аббатъ Гейнрихъ отправился въ Веймаръ. На фоминой недѣлѣ изъ Вольтенгаузена и сосѣднихъ мѣстъ поднялась толпа бюргеровъ и крестьянъ; они ворвались въ аббатство, выгнали оттуда монаховъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока не истребили всего, что только было въ монастырѣ. Настоятель не пытался спасти ничего, кромѣ богатыхъ церковныхъ украшеній, монастырскихъ документовъ и привиллегій. Богатая библіотека древней обители со всѣми рукописями и книгами оставалась въ монастырѣ. Крестьяне угнали съ собою скотъ и увезли запасы. Все это они подѣлили между собою. А драгоцѣнные памятники исторіи Тюрингіи, древнія рукописи, были или сожжены, или разорваны ими; они разрушили даже надгробные памятники, камни и надписи надъ наслѣдственными могилами ландграфовъ тюрингенскихъ, раззорили алтари, картины, образа и престолы, не щадили колоколовъ и органовъ, и въ заключеніе сожгли издревле чтимую церковь монастыря **). Быть можетъ, еще прежде, чѣмъ крестьянская банда прибыла въ Ихтерсгаузенъ, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, въ монастырѣ Ильмена, въ герцогствѣ шварцбургскомъ, образовался отрядъ инсургентовъ. Вскорѣ въ немъ уже насчитывалось около восьми или десяти

---

*) Sagittarii histor. Goth., стр. 170, 171, 424 Sagitarii histor. Графство Глейхенъ стр. 398, 399. Tenzelii Suppl.relig. histor. Goth. стр. 733. 734.

**) Thuringia sacra 1.173.

тысячъ чел., частью бюргеровъ, частью крестьянъ. Даже граждане Арнштадта на Герѣ, резиденціи графовъ шварцбургскихъ — не хотѣли болѣе втунѣ имѣть на своемъ гербѣ чернаго орла на золотомъ полѣ — этотъ символъ свободы — и втунѣ носить свое старинное названіе гражданъ «орлинаго города.» Они вооружились и отняли у графа Гюнтера XXXIX и его сына Генриха XXXVII всѣ доходы и всю ихъ власть въ городѣ, а у дворянства и духовенства, жившаго въ городѣ, ихъ привиллегіи. Точно также и шварцбургскіе крестьяне сами письменно утвердили всѣ права и обязанности своихъ графовъ. Такимъ образомъ графы были вынуждены на сеймѣ въ Арнштадтѣ принять 12 пунктовъ и обѣщать, что они никогда не будутъ мстить за случившееся. Ихъ примѣру послѣдовали и округи нынѣшняго княжества: Шварцбургъ, Зондерсгаузенъ, Клингенъ, Грейссенъ и Эрихъ. Гангольфъ, проповѣдникъ шварцбургскаго города Франкенгаузена на Випперѣ, былъ предводителемъ шварцбургскаго отряда. Въ воскресенье на фоминой недѣли они разграбили канониковъ Іехабурга, недалеко отъ Зондерсгаузена, и уничтожили всѣ документы. Ограбивъ капитулъ Іехабурга, въ тотъ же день направились къ Зондерсгаузенскому замку. Молодой графъ Гейнрихъ уже заранѣе скрылся въ Нордгаузенъ. Они угрожали взять замокъ приступомъ, въ случаѣ если канцлеръ Германъ-Ритманъ не выйдетъ къ нимъ. Германъ зналъ, что народъ былъ особенно нерасположенъ къ нему. Онъ работалъ въ это время въ канцеляріи. Ему казалось крайне неудобнымъ давать отчетъ предъ такими ревизорами, и потому, осѣдлавъ коня, онъ тайкомъ улизнулъ изъ замка, пока крестьяне еще шумѣли передъ его стѣнами. Убѣдившись, что Германъ бѣжалъ, крестьяне ворвались въ его домъ, разграбили его, разломавъ и разбивъ все то, чего не могли унести съ собою.

Возстаніе само собою перешло границы графства и вступило въ близълежащее герцогство Саксонію. Здѣшніе крестьяне также хотѣли заставить своего герцога Георга, державшагося еще старой вѣры, принять по примѣру шварцбургскаго графа, 12 пунктовъ. Крестьяне его имѣній Гроссенъ-Гюттернъ, Шонстедтъ, Кирхейлигенъ, Зундгаузенъ и Меррлебенъ соединились съ шварцбургцами и напали на нѣкогда знаменитый монастырь Гомбургъ, при Унштрутѣ, между Лангензальцемъ и Томасбрюкеномъ. Они разграбили его, однако не разрушили до конца. Аббатъ Либоріусъ скрылся вмѣстѣ съ монахами. Большинство бюргеровъ города Лангентальса и частью даже вожди движенія были сторонниками Мюнцера *). Не подалеку оттуда, духовному курфиршеству Майнцу принадлежалъ отдѣленный отъ прочихъ его земель, большой городъ, столица Тюрингіи, *Эрфуртъ*, съ его округомъ, и значительная область Эйшфельдъ, лежащая нѣсколько ниже, и отдѣленная отъ Эрфурта только узкою полосою саксонскаго герцогства. Къ послѣдней обыкновенно причисляли и Эрфуртъ. Здѣсь процвѣтали науки. Эрфуртскій университетъ былъ основанъ здѣсь еще почти полтораста лѣтъ тому назадъ. По усиленной просьбѣ гражданъ, Лютеръ проповѣдывалъ здѣсь, проѣзжая въ Вормсъ. Университетскій совѣтъ и горожане встрѣтили его торжественнымъ шествіемъ. Вскорѣ почти всѣ жители сдѣлались приверженцами евангелическаго ученія. Послѣ отъѣзда Лютера, въ іюлѣ 1521 году, студенты, бюргеры и ихъ сыновья возстали противъ канониковъ, отказывавшихся отъ исполненія гражданскихъ обязанностей; оба монастыря не мало пострадали, даже рѣшетки, печи и окна были выломаны, двери выбиты, не одна бочка вина была опорожнена. Тогда каноники выдали совѣту 10,000 гульденовъ и возстановили этой контрибуціей миръ.

Уже съ 1508 года эрфуртцы принимали живѣйшее участіе въ гражданской жизни своего города. Уже въ этомъ году

*) Olearii Syntagma rer. Thuring. 1. 8, 32, 228 187, 196, 354 1187 Старая тюрингенская хроника.

община возстала. Совѣтъ распоряжался здѣсь хуже, чѣмъ гдѣ либо. Онъ состоялъ исключительно изъ членовъ дворянскихъ фамилій, патриціевъ. Вдругъ въ городѣ разнесся слухъ, что бургомистръ Гейнрихъ Кельнеръ заложилъ замокъ и мѣстечко Коппендорфъ за 8,000 гульденовъ саксонскому дому, и что совѣтъ надѣлалъ огромные долги. Община потребовала отчета. Совѣтъ позвалъ на помощь курфирста саксонскаго. Однако нельзя было избѣжать слѣдствія, и только судебное разбирательство могло успокоить общество; имъ было обнаружено, что главный ратмейстеръ Кельнеръ дѣйствительно заложилъ, безъ вѣдома общины, городское владѣніе Коппендорфъ, и что цифра городскаго долга доходитъ до 600,000 гульденовъ, проценты съ которой составляютъ ежегодно сумму въ 30,000 золотыхъ гульденовъ; все это было сдѣлано безъ вѣдома общины. Переворотъ совершился скоро; весь совѣтъ былъ смѣненъ, большинство патриціевъ скрылось изъ города, съ ними бѣжалъ также исполнитель приговоровъ стараго совѣта. Общество избрало новыхъ членовъ совѣта, изъ главныхъ пяти цеховъ.

При началѣ возстанія, совѣтъ только пополнялся выборными изъ цеховъ, и самъ Генрихъ Кельнеръ еще засѣдалъ въ немъ, какъ депутатъ отъ общества. Когда въ совѣтѣ во время разсужденій о Коппендорфѣ его спросили: « кто же по его мнѣнію составляетъ общество», при чемъ члены совѣта, выбранные отъ цеховъ, прибавили, что, по ихъ мнѣнію, общество составляютъ всѣ граждане Эрфурта,—этотъ патрицій имѣлъ дерзость встать и сказать, указывая на себя: «вотъ общество»!

Судебнымъ рѣшеніемъ онъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ. Никакія просьбы саксонскихъ князей не могли его спасти; онъ былъ обличенъ и признался во всѣхъ своихъ тяжкихъ грѣхахъ. Такъ какъ палача не было, то его повѣсилъ за 13 гульденовъ одинъ воръ, котораго Кельнеръ, какъ крестный отецъ, освободилъ отъ висѣлицы въ Арнштатѣ, заплативъ за него 36 грошей. Ссора между обществомъ и патриціями продолжалась еще 9 лѣтъ, и въ этотъ промежутокъ времени, именно въ 1514 г., четвертовали за измѣну одного городскаго синдика, Бертольда Бобенцана *).

Въ 1524 году въ Эрфуртъ пріѣхалъ извѣстный Іоганнъ Эберлинъ изъ Гинцбурга, цѣлый годъ проповѣдывалъ онъ здѣсь, громя съ благороднымъ безпристрастіемъ, и власти, и подчиненныхъ. Когда же народное возстаніе въ Германіи начало принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, онъ дошелъ до того, что сталъ требовать въ своихъ проповѣдяхъ отъ дворянства, чтобы оно, поступая всегда по совѣсти, обуздало вмѣстѣ съ тѣмъ наглую, злую, своевольную чернь. Въ противномъ случаѣ дворяне должны ждать себѣ кары Божіей. Проповѣдь Эберлина встрѣчала, съ одной стороны, злобу, съ другой—ненависть. Онъ всѣми силами старался убѣдить небольшую преданную ему кучку крестьянъ не вредить дѣлу своимъ нетерпѣніемъ относительно будто бы угнетающихъ ихъ господъ. Когда Эберлину принесли напечатанные 12 пунктовъ швабскихъ крестьянъ, онъ сталъ говорить противъ нихъ. Кромѣ Эберлина, въ городѣ былъ Кобанъ Гессъ, извѣстный въ свое время филологъ и поэтъ, смертельный врагъ духовенства, либералъ, но человѣкъ честолюбивый и безъ твердыхъ убѣжденій, что позволяло ему вертется, какъ флюгеру, въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ. Эберлинъ еще и не чуялъ волненій въ городѣ, а уже тюрингенвальдскіе бюргеры освѣтили небо заревомъ пожара. Рано утромъ, въ пятницу 28 апрѣля онъ былъ по какому то дѣлу у дворянъ въ ратушѣ, и собирался уже уѣхать. Какъ вдругъ всѣ присутствовавшіе встали съ

---

*) Городская хроника Эрфурта, отъ 1036 до 1544 г. Рукопись, перепечатанная у Паулусъ Сафроницонъ II т. 3 тетрадь. Въ этой же хроникѣ есть отрывки: Anecdota ad Historiam Erfurti Германа 1820. 8. Сравни его Historia Erfurt. Стр. 223—24.

своихъ мѣстъ и стали убѣдительно просить его пособить имъ совѣтомъ и помощію. На вопросъ удивленнаго Эберлина, что значитъ эта просьба, они разсказали ему, что подъ стѣнами города расположилось 4000 *) эйхсфельдскихъ крестьянъ, что городъ тоже въ волненіи и что на аухстскомъ мосту собираются толпы горожанъ. «Поступите относительно насъ, какъ честный человѣкъ—сказалъ ему ратмейстеръ Ганскохъ— отъ васъ зависитъ помочь намъ». Если народъ, отвѣтилъ Эберлинъ, станетъ собираться, не смотря на благоразумные совѣты, то я не пожалѣю жизни для водворенія спокойствія. Но я не вижу между вами вашего главнаго начальника господина Адоляра Гюнтера, быть можетъ, онъ задумалъ что нибудь другое? Въ это время пришелъ Адоляръ и подтвердилъ просьбу совѣта. Тогда Эберлинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ совѣта отправился къ старой башнѣ, гдѣ собрался народъ, прочіе остались въ ратуши, съ волненіемъ ожидали его возвращенія. Я пришелъ къ вамъ, какъ другъ, сказалъ Эберлинъ, пропустите меня. Онъ вошелъ съ своими спутниками на одну изъ стѣнъ башни и оттуда обратился къ народу: «если вы меня считаете вашимъ другомъ, сказалъ онъ, то выслушайте меня спокойно». Въ народѣ водворилась мертвая тишина, лишь услышали первые звуки знакомаго голоса. Между тѣмъ къ Эберлину присоединились два другихъ проповѣдника, онъ обратился къ народу съ строгою, но полной любви рѣчью, уговаривая его не дѣлать никому вреда, не наносить позора Евангелію и не ставить себя въ опасное и затруднительное положеніе. «Не думайте, заключилъ онъ, что я лицемѣрю передъ вашими господами, которые стоятъ здѣсь, подлѣ меня; нѣтъ, я никогда

*) 4000 означено въ прежнемъ сочиненіи Эберлина: честное предостереженіе. 11,000 означено въ рукописи Эрфуртской городской хроники. 11,000—въ ректорскихъ матрикулахъ въ Эрфуртѣ.

не былъ лицемѣромъ и не буду имъ. Докажите же, что вы мои друзья и любите мое ученіе: положите ваше знамя».

Эта минута обнаружила еще разъ нравственное могущество любимаго проповѣдника: народъ повиновался ему. «Теперь преклоните колѣна—сказалъ Эберлинъ—и помолитесь, я хочу еще поговорить съ вами». Народъ исполнилъ и это. Тогда Эберлинъ началъ великолѣпную, убѣдительную проповѣдь, которую закончилъ такъ: «Кто со мной, тотъ пусть подниметъ руку». Всѣ руки, съ громкимъ крикомъ, поднялись вверхъ. Радовались члены совѣта, радовался также и Эберлинъ: «милые друзья, сказалъ онъ, я вижу, что ваше сборище было скорѣе дьявольскимъ навожденіемъ, нежели своеволіемъ, это ясно изъ того, что вы такъ скоро отказались отъ него подъ вліяніемъ слова божія; да наградитъ васъ за это Богъ и ваши господа».

Такимъ образомъ въ городѣ снова водворилось спокойствіе. Эберлинъ вмѣстѣ съ членами совѣта и проповѣдниками отправился вслѣдъ затѣмъ въ поле въ крестьянскій лагерь, тамъ онъ говорилъ тоже, что и въ городѣ, и также заставилъ крестьянъ преклонить колѣна и выслушать его. Однако въ самомъ началѣ проповѣди его прервали; къ нему подошли нѣсколько человѣкъ, говоря что, есть дѣло и по важнѣе его проповѣдей, пусть онъ поразмыслитъ, съ чьей стороны пущена стрѣла, конечно ужь не съ крестьянской.

Крестьяне послали въ городъ письмо съ изложеніемъ своихъ желаній. Они требовали свободнаго впуска. Жители Эрфурта подстрекали ихъ къ этому сами. Однако они соглашались впустить въ городъ только вассаловъ своихъ господъ, а не чужихъ. Въ городѣ снова вспыхнуло возстаніе. Дѣло обошлось однако безъ кровопролитія. Кромѣ того въ первый же день съ судебныхъ домовъ архіепископа и съ таможни были сорваны и уничтожены майнцскіе гербы, домъ палача былъ также срытъ до основанія; бюргеры и крестьяне ворвались на майнцское подворье и въ дома многихъ духовныхъ лицъ; монастырскія церкви были превращены въ приходскія; многія церкви за-

крыли «за папизмъ». Обѣдню служили только въ большомъ госпиталѣ, и когда проповѣдывалъ докторъ Конрадъ Клинге, церковь и церковный дворъ наполнялись народомъ. Монастыри сильно потерпѣли,—лучшія вина были выпиты, дорогіе запасы истреблены *).

Въ городѣ крестьяне были такъ смирны, говоритъ Эберлинъ, что можно было подивиться; ни одинъ бюргеръ не пострадалъ отъ нихъ. Еобанъ Гессъ былъ даже отчасти доволенъ ходомъ вещей. Тюрингія, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, полна смятеній, разрушеній, убійствъ, въ Эрфуртѣ же можно быть совершенно безопаснымъ, до сихъ поръ здѣсь не причинили обиды даже ребенку; принялись только за имѣнія монаховъ и архіепископа. Онъ благодаренъ крестьянамъ, потому что теперь, по милости ихъ, снова явилась полная указная мѣра вина и пива, и поконченъ обременительный акцизъ. Одушевленный наслажденіемъ отъ возвращенныхъ ему по старому праву и порядку бутылокъ, онъ испытываетъ даже какое-то опьяненіе свободой: «Мы выгнали епископа майнцскаго, пишетъ онъ; мы перевернули вверхъ дномъ все духовное правительство; хоровое пѣніе и обѣдни прекращены; слово Божіе ревностно проповѣдуется; мы, какъ кажется, добились свободы, но, чуется мнѣ, что намъ предстоитъ гроза **).

Эберлинъ ежедневно переходилъ изъ одной стоянки крестьянъ, расположившихся по монастырямъ, въ другую, уговаривая и ихъ, и горожанъ быть терпѣливыми и послушными. Нѣсколько сотъ крестьянъ расположились въ монастырѣ картезіанцевъ. Вскорѣ Эберлинъ сталъ очень тревоженъ и безпокоенъ: среди крестьянъ явились подстрекатели, безпрестанно мутившіе ихъ. Эти бездѣльники научали простодушную толпу

*) Omnia illorum nobiliora vina tum obsonia consumserunt, уныло разсказываетъ ректоръ Ремберть

**) Eobani Hessi epistolae (Marburg 1543), p. 110 sq. p. 118.

силою ворваться въ ратушу, увѣряя, что дворяне измѣняютъ имъ.

Толпа уже собралась противъ монастыря картезіанцевъ, когда явился Эберлинъ и успѣлъ, впрочемъ не безъ опасности для своей жизни и жизни сопровождавшаго его ратмейстера, Ганса Мюллера — убѣдить толпу успокоиться. Много разъ потомъ проповѣдывалъ онъ всему народу, бюргерамъ и крестьянамъ въ церкви женскаго монастыря. Господинъ Адоляръ Гюттнеръ, желая вознаградить Эберлина, предложилъ ему отъ имени комитета, выбраннаго совѣтомъ, гражданами и крестьянствомъ, мѣсто проповѣдника въ церкви женскаго монастыря и четырехъ ему принадлежащихъ приходовъ. Но Эберлинъ, другъ и двоюродный братъ Якова Веге, лейпгеймскаго мученика, не принялъ этой почести и не вступилъ на эрфуртскую кафедру.

Въ городѣ между тѣмъ одержала верхъ другая партія; вскорѣ былъ выбранъ новый совѣтъ. Эберлинъ былъ противъ этого. Новый совѣтъ рѣшилъ изгнать монахинь изъ ихъ монастырей. Эберлинъ возражалъ. По моему мнѣнію мы не должны притѣснять папистовъ—говорилъ онъ—пусть всякій видитъ, что мы имѣемъ дѣла съ душами, а не съ карманами. Многіе порицали его за то. Однако большая часть женскихъ монастырей осталась неприкосновенною. Только монахини обители св. Андрея принуждены были очистить монастырь. Крестьяне никому въ городѣ, кромѣ монаховъ, не нанесли ни малѣйшаго вреда. Эберлинъ устроилъ дѣло такъ, что даже чиновники архіепископа пользовались совершеннымъ спокойствіемъ. Крестьяне главными предводителями которыхъ были Фенеръ и Дингеръ *), — не трогали даже и ихъ.

Народное волненіе распространилось и по окрестностямъ, и охватило всѣ сосѣднія саксонскія земли. Въ Родѣ и Лобдѣ

*) Городская хроника Эрфурта, рукопись Эберлина, 1526 г.

*

собралось около 3000 чел., въ Нейенштадтѣ и Пезинкѣ столько же, въ Заальфельдѣ 2000 чел., около Гера и Ронненберга 4000 чел., въ Фойтландѣ около Плауэна 8000 чел. По словамъ Спалатина, они причинили много вреда курфирстскимъ кавалерамъ, графамъ и дворянамъ; раззорили почти всѣ ихъ дома и принудили ихъ къ принятію 12 пунктовъ и къ вступленію въ крестьянскій союзъ *),

Очень можетъ быть, эти цифры преувеличины, но во всякомъ случаѣ Мюнцеръ проявлялъ почти невѣроятную дѣятельность. Его агенты особенно энергично дѣйствовали за Плауэномъ, въ саксонской горной странѣ и въ Эрцгебиргѣ. Горцы изъ графства Мансфельдъ — какъ разсказываютъ извѣстія изъ Эрцгебирге — приходили въ верхнюю страну въ Цвиккау, Шварценбергъ, Аннабергъ и Маріенбергъ. Какъ рудокопы, они легко находили себѣ работу и втихомолку распространяли между своими товарищами ученіе новаго царствія Божія, — мюнцеровское ученіе свободы и равенства.

Вскорѣ близъ Элтерлейна, во владѣніяхъ аббата фонъ-Грюнгайна, составился лагерь изъ 1500 крестьянъ и рудокоповъ. Они двинулись на Шлеттау у Аннаберга, выломали ворота, разграбили замокъ, вломились въ домъ священника и въ дома многихъ бюргеровъ, своевольничая безъ конца. Въ Аннабергѣ ихъ попробовали испугать извѣстіемъ, будто герцогъ Георгъ Саксонскій выступилъ въ походъ, это по дѣйствовало: они поспѣшили вернуться въ Грюнгайнъ. Аббатъ вмѣстѣ съ монахами бѣжалъ въ Аннабергъ, гдѣ у него былъ свой дворецъ. Но и тутъ онъ не рѣшался даже ночевать дома: потому что простолюдины, рудокопы Аннеберга, вполнѣ сочувствовали крестьянамъ. Къ первой бандѣ присоединилась также еще другая изъ Цвиккау. Они опустошили и раззорили монастырь въ Ауэ и большую церковь въ Грюнгайнѣ, а рашаускую церковь раз-

*) Саксонская исторія Спалатина у Струве III. 102,

рушили до основанія. Дворяне и духовные бѣжали въ укрѣпленные города. Округи Кенигсвальдъ, Мильденауе, Шенбруннъ, Арнсфельдъ при Аннабергѣ, жители Рюккерсвальда и Лаутербахера близъ Маріенберга, селы близъ Фалькенштейна всѣ собрались въ одинъ отрядъ, изгоняли и грабили дворянъ, духовныхъ, изъ которыхъ очень немногіе были въ добромъ согласіи съ своими подданными *).

Крестьяне этой мѣстности были сильно угнетены. Хотя и здѣсь мѣстами попадались свободные земледѣльцы, не обязанные личною службою, но даже и тѣ должны были платить оброкъ за свои участки. Притомъ дворяне старались всѣми силами лишить ихъ свободы. Большинство же составляли крѣпостные или, покрайней мѣрѣ, несвободные крестьяне, обязанные «давать сколько прикажутъ, пить господское вино, и служить по милости господъ». Кобургскіе крестьяне были принуждены платить, не только оброкъ натурою и обыкновенную подать (справедливый процентъ), но кромѣ того были обложены еще «принудительною податью,» которую землевладѣлецъ имѣлъ право требовать съ каждаго по своему усмотрѣнію. Крестьянинъ могъ покупать вино и пиво только у своего господина и въ каждомъ селѣ только господинъ имѣлъ право вести торговлю виномъ. Къ тому же еще на крестьянахъ лежали невыносимо тяжелыя конныя и пѣшія барщины. Всѣ жалобы крестьянъ на обременительность новыхъ налоговъ и на насиліе оставлялись обыкновенно безъ всякаго вниманія. Имъ указывали въ отвѣтѣ на земскія описи имѣній, гдѣ значилось обыкновенно: «это село принадлежитъ господину, который можетъ дѣлать съ нимъ все, что хочетъ», или: «крестьяне должны дѣлать все, что пожелаетъ господинъ»; или; «имѣніе можно и пощадить, и раззорить» **).

*) Герингъ, исторія горной саксонской страны I. 203—5.

**) Кобургская исторія Адольфа фонъ-Шультеса, изъ лѣтописей, стран 161 до 164.

Ясно, что при такомъ гнетѣ возстаніе должно было вспыхнуть отъ первой брошенной искры. Крестьяне уже болѣе полустолѣтія принимали участіе во всѣхъ распряхъ своихъ господъ. Они постоянно дрались за нихъ,—образуя пѣхоту ихъ ополченій,—то съ луками и стрѣлами, то желѣзными цѣпами, частью даже вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ. Много лѣтъ они составляли какъ бы постоянное поголовное ополченіе, поэтому у каждаго крестьянина были боевые доспѣхи и оружіе *).

Кобургскіе крестьяне уже давно готовы были сбросить съ себя духовный и свѣтскій гнетъ. Фейльсдорфскій аббатъ, неблагосклонно относившійся къ Евангелію и въ особенности къ его проповѣдникамъ, бѣжалъ въ замокъ Гельдбургъ. Августинскій монастырь въ Кенигсбергѣ отправилъ всѣ свои документы, драгоцѣнности и серебро въ крѣпость Кобургъ; туда же скрылись и дворяне; аббатъ видѣлъ, какъ пламя охватывало монастыри, дворяне могли любоваться зрѣлищемъ пожара своихъ замковъ. Всего было сожжено до 24 замковъ; только самые укрѣпленные спаслись отъ всеобщаго разрушенія. Не уцѣлѣла даже и древняя горная твердыня Штруфъ, съ восьмаго столѣтія горделиво высившаяся надъ долиною **).

Крестьяне Клеттенберга и Шварцфельда, въ графствѣ Гогенштейнъ, были менѣе страшны для своихъ господъ, хотя и находились по сосѣдству съ Мюнцеромъ. Они собрались въ числѣ 800 человѣкъ и, подъ предводительствомъ 12-ти начальниковъ, бродили по окрестностямъ. Главною своею квартирою они избрали аббатство Валькенридъ, откуда монахи еще до прибытія крестьянъ ушли вмѣстѣ съ своимъ аббатомъ Павломъ. Крестьяне сломали прекрасную церковную башню, чтобы достать колоколъ и перелить его въ орудіе и принудили графовъ Гогенштейнъ, Гейнриха и Эрнста, вступить въ ихъ братство. Оба графа должны были нѣсколько разъ являться въ монастырь, чтобы присутствовать при военныхъ ученіяхъ и упражняться вмѣстѣ съ крестьянами. На Гейербергскомъ полѣ, мѣстѣ экзерсицій, выступало обыкновенно 800 чел. крестьянъ, выстроенныхъ рядами, каждый съ своимъ оружіемъ; впереди между обоими графами шелъ главный предводитель Гансъ Арнольдъ, пастухъ изъ Бартельсфельда.— «Видишь, братъ Эрнстъ—сказалъ разъ пастухъ — я могу вести войско, а ты что можешь сдѣлать.»—«Гансъ —отвѣтилъ тотъ— пиво еще не въ бочкѣ, оно еще не перебродило». Крестьяне приняли эту шутку весьма недружелюбно, и слова графа едва не навлекли на него весьма плачевныхъ послѣдствій *).

*) Тамъ же стран, 113,

**) Кобургская исторія, Гена. I. 254. II. 138. 139.

Въ то время, когда все вокругъ пришло въ броженіе, заволновалось, забушевало, когда приверженцы Мюнцера всѣми силами раздували и поддерживали огонь, онъ самъ жилъ въ Мюльгаузенѣ и, казалось, совершенно спокойно. Онъ отливалъ втихомолку въ тамошнемъ францисканскомъ монастырѣ тяжелыя орудія, увеличивалъ число преданной ему партіи среди мюльгаузенскихъ крестьянъ, которые поклялись идти за нимъ всюду, куда онъ ихъ поведетъ. Пфейферъ училъ ихъ; пока союзники Мюнцера открывали войну, онъ самъ хотѣлъ хорошенько приготовиться и собраться съ силами для рѣшительной минуты; ему оставалось сдѣлать еще многое. Онъ поддерживалъ сношенія съ верхней Швабіей, **) Франконіей и Рейномъ.

Среди горцевъ Мансфельда давно уже жили его старые сотоварищи заговорщики, и Бартель и Бишовъ. Кромѣ того Мюнцеръ умѣлъ постоянно держать желѣзо горячимъ и при первой надобности могъ накалить его до красна. Мюнцеръ писалъ въ горы:

*) Chron. Валькенрида, стран. 149.

**) Буллингеръ говоритъ: Literariis commerciis agere non destitit.

«Страхъ Божій прежде всего—писалъ Мюнцеръ въ горы.— Добрые друзья, какъ давно уже вы спите. Вы забыли волю Божію, потому что говорите вы — и Богъ забылъ васъ. Но развѣ не училъ я васъ много разъ, что такъ и должно быть. Богъ не можетъ болѣе открываться людямъ. Вы сами должны быть стойки. Въ противномъ случаѣ напрасны всѣ ваши раздирающія сердце жертвы. Вы должны будете претерпѣть еще страданія. Если не захотите пострадать по Божьей волѣ,—пострадаете по волѣ дьявола. Опасайтесь этого. Не унывайте, будьте бодры. Не льстите безумнымъ мечтателямъ и безбожнымъ злодѣямъ. Беритесь за дѣло и выходите на борьбу. Время настало, убѣждайте вашихъ братій не презирать слова Божія, иначе имъ грозитъ погибель. Вся Германія, Франція и Италія уже поднялись. На св. недѣлѣ разрушено 4 монастырскихъ церкви на Фульдѣ. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда возстали въ числѣ 30,000, и ихъ рать прибываетъ съ каждымъ днемъ. Я боюсь только, чтобы глупыхъ людей не увлекли фальшивыми договорами, въ которыхъ они не разглядятъ злого умысла. Если васъ будетъ хоть только трое, твердо вѣрующихъ въ Бога, одушевленныхъ однимъ желаніемъ прославить его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысячъ человѣкъ. И такъ за дѣло, за дѣло! Пора, злодѣи струсили, какъ псы. Возбуждайте вашихъ братьевъ къ согласію и уговаривайте ихъ снаряжаться. Давно, слишкомъ давно пора. Скорѣй же, скорѣй за дѣло, за дѣло! Не склоняйтесь, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ молить и плакать предъ вами, какъ дѣти, но не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ чрезъ Моисея (Моисей кн. 5, 7). «Намъ онъ открылъ тоже. Возбуждайте села и города въ особенности же горцевъ и другихъ добрыхъ людей. Мы не должны болѣе спать. Смотрите, пока я писалъ эти слова, ко мнѣ пришло извѣстіе изъ Зальца, что народъ хотѣлъ выбросить изъ замка Амтмана герцога Георга за то, что онъ замышлялъ тайно погубить троихъ. Крестьяне Эйхсфельда справились съ своими дворянами, они не хотятъ жить ихъ милостью. Со всѣхъ сторонъ предъ вами много примѣровъ, принимайтесь же за дѣло; пора, Бальтазаръ и Бартель! Крумпфъ, Фельтенъ и Бишофъ беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашимъ товарищамъ горцамъ. Хотѣлъ бы такъ наставить всѣхъ братьевъ, чтобы ихъ мужество было тверже всѣхъ замковъ безбожныхъ злодѣевъ во всей странѣ. За дѣло, за дѣло! Желѣзо горячо, куйте. Пусть ваши мечи не омываются отъ теплой крови. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха. Вамъ нельзя говорить о Богѣ, покуда вами управляютъ. И такъ за дѣло, покуда еще не ушло время. Вами предводительствуетъ Богъ, слѣдуйте за нимъ.

«Прочитайте, что сказано у Матѳея. Не робѣйте же, съ вами Богъ, написано во 2 хрон. Богъ говоритъ намъ: не бойтесь, вамъ нечего пугаться этой толпы. Не ваша идетъ война, а Господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь. Вы увидите надъ собою руку Господню. Когда Іосафатъ услыхалъ эти слова, онъ палъ ницъ. Не страшитесь же и вы людей, а вѣруйте, крѣпко вѣруйте въ Бога,—онъ подкрѣпитъ васъ. Аминь.

«Писано въ Мюльгаузенѣ, въ 1525 г. Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ».

Мюнцеръ писалъ и другимъ крестьянамъ, чтобы они брались за дѣло: дворяне не устоятъ противъ христіанской братіи; *франконскіе братья* скоро перейдутъ лѣсъ и прибудутъ въ Тюрингію. Онъ говорилъ правду; на всемъ разстояніи между *Гарцемъ* и *Вюрцбургомъ* возникъ уже цѣлый рядъ крестьянскихъ лагерей.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Восточные франконцы въ верхнемъ Таубертъ.

Ротенбургскіе крестьяне, которые не ушли съ Флоріаномъ *Гейеромъ*, остались въ лагерѣ, въ Нейзитцѣ, въ $^3/_4$ мили отъ Ротенбурга; лагерь былъ расположенъ около кладбища, окруженнаго крѣпкою стѣною и лежащаго на высокой мѣстности. Шайка эта, какъ наблюдательный отрядъ, помѣстилась въ виду города, охраняя вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу въ Аншпахъ. 29-го марта, послѣ обѣда, 32 начальника и совѣтника крестьянскаго отряда отправились въ Ротенбургъ для мирныхъ переговоровъ: они обѣщали это посланнымъ городскаго комитета. Крестьяне говорили съ бюргерами совершенно побратски. Но такъ какъ не смотря на видимое согласіе, интересы бюргеровъ совершенно расходились съ крестьянскими, то они скоро вернулись назадъ и настояли, чтобы на будущее время всѣ переговоры велись письменно.

Уполномоченныхъ отъ города Динкельсбюля, Галля и Нюренберга, явившихся посредничать между народомъ и совѣтомъ, не хотѣли и слушать, ихъ едва не отблагодарили пулями. Стрѣляйте въ нихъ, съ яростью воскликнулъ Христіанъ Гейнцъ, засѣдавшій въ комитетѣ. Другой членъ комитета, Лоренцъ Кноблохъ, вышелъ и отправился за городъ къ крестьянамъ; тамъ его выбрали въ начальники. Но недолго оставался онъ въ этой должности; Лоренцъ вздумалъ изнасиловать жену одного честнаго человѣка, и крестьяне заковали его въ цѣпи. Когда его освободили, онъ изъ мести хотѣлъ открыть швабскому союзу всѣ тайны, которыя ему

были извѣстны. Однако крестьянамъ удалось поймать его въ одной изъ гостинницъ Эстгейма, они стали кричать, что онъ снова собирается совершить насиліе, и тутъ же буквально разорвали его на куски.

30-го марта крестьяне, находящіеся внѣ города, потребовали, чтобъ имъ дали просмотрѣть пункты, въ которыхъ излагалась жалоба ротенбургскаго общества на *Совѣтъ*. Все, говорили они, что противно слову Божьему, должно умереть и изчезнуть; всякое растеніе, не насаженное Богомъ, небеснымъ отцомъ, должно быть вырвано съ корнемъ. Но пункты, въ которыхъ излагались жалобы, не были выданы крестьянамъ, и ихъ требованіе, чтобы все противобожественное было уничтожено, не было принято, поэтому они провозгласили въ лагерѣ, что принуждены оставаться въ сборищѣ, и не откажутъ теперь никому, кто пожелаетъ вступить въ ихъ союзъ, Это относилось прежде всего къ крестьянамъ маркграфства Аншпахъ, которые давно уже находились въ ротенбургскомъ лагерѣ, хотя, какъ писалъ Стефанъ фонъ-Менцингенъ, ротенбургской общинѣ сильно не нравилось, что банда приняла къ себѣ жителей маркграфства. Между тѣмъ еще наканунѣ, вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ изъ Оденвальда, и приказанія Георга Мецлера, крестьяне выступили изъ своего лагеря при Нейзицѣ и перешли въ Зандгофъ, богатое подворье ротенбургскаго монастыря, на лѣвой сторонѣ Таубера. Они дали знать въ городъ комитету, что выступаютъ на нѣсколько дней, чтобъ пособить своимъ союзнымъ братьямъ окончить ихъ дѣло. 2-го апрѣля, въ воскресенье на 5 недѣлѣ поста—этотъ день, какъ мы видѣли, былъ назначенъ для общаго возстанія—они отправились въ Оберштетенъ, продавъ съѣстные припасы, полученные изъ города Ротенбурга, которыхъ не успѣли еще истребить, жителямъ Гогенлохера. Сюда же за ними послѣдовалъ и Валентинъ Икельсгеймеръ вмѣстѣ съ другими посланными комитета. Банда присягнула, что предоставитъ комитету рѣшеніе ихъ дѣла съ совѣтомъ; посланные же

съ своей стороны, поклялись крестьянамъ именемъ комитета и общинъ положить за нихъ жизнь и имущество, въ случаѣ если кто нибудь предприметъ что либо противъ нихъ. Но банда выговорила себѣ отсрочку, чтобъ помочь другимъ христіанскимъ братьямъ, находящимся въ ихъ союзѣ.

Прежде всего надо было подать помощь союзникамъ въ Розенбергѣ. Они поклялись подъ открытымъ небомъ возвратиться, какъ только окончатъ дѣла розенбергцевъ.

Цейзольфъ фонъ-Розенбергъ разграбилъ дома и имущество своихъ крестьянъ за то, что они присоединились къ ротенбургцамъ. 4 апрѣля инсургенты собрались предъ его крѣпкимъ замкомъ Гальтенбергстетеномъ. Это былъ разбойничій вертепъ, давно уже извѣстный окрестнымъ бюргерамъ и крестьянамъ; онъ уцѣлѣлъ, только благодаря ходатайству нѣкоторыхъ господъ, состоявшихъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами, да шести фудерамъ (бочкамъ) таубергскаго вина, которые Цейзольфъ, рыцарь-разбойникъ поднесъ шайкѣ, какъ братъ братьямъ, вступающимъ съ нимъ въ переговоры. Его примѣру послѣдовалъ Филиппъ фонъ-Финстерлохе въ Лаутенбахѣ. Оба они порѣшили, что все противное слову Божьему должно умереть; крестьяне же, усиленные розенбергцами, спустились въ Таубергъ и расположились въ женскомъ монастырѣ Шефтерсгеймѣ и въ его окрестностяхъ. Возстаніе между тѣмъ распространилось въ округѣ Майнца, на Оденвальдѣ, въ Галлѣ, Эрингенѣ и Неккарталѣ. Оно перешло также и во владѣнія нѣмецкаго ордена, въ Мергентгеймъ, гдѣ выдѣлываются прекрасныя вина. Ротенбургская банда стояла въ то время неподалеку отъ города.

26 марта, въ воскресенье на крестопоклонной недѣлѣ, граждане Мергентгейма возстали. Въ подворьѣ монастыря Шонталя находились большіе склады хорошаго вина. Бюргеры вломились въ него, пировали и пили два дня и двѣ ночи, истребляя запасы духовенства Шонтоля. Вольфгангъ фонъ-Бибра, командоръ, не могъ ничего предпринять, такъ какъ у него было слишкомъ мало солдатъ. Онъ принужденъ былъ дать имъ вдоволь ѣсть и пить. Во вторникъ онъ созвалъ горожанъ и обратился къ нимъ съ дружескимъ увѣщаніемъ. Если въ государствѣ, говорилъ онъ, установятся новые порядки, конечно ни онъ, ни гросмейстеръ не будутъ противиться имъ, пусть только онъ держитъ себя, какъ подобаетъ благонамѣреннымъ гражданамъ, не соединяясь съ пришлыми бунтовщиками, и укажутъ ему на опасныхъ людей. Затѣмъ онъ удалился въ ожиданіи ихъ отвѣта. То, что происходило послѣ, нельзя назвать совѣщаніемъ, это была скорѣе жаркая схатка противныхъ партій. Въ двухъ миляхъ отъ города, въ Шюпфергрундѣ, стоялъ Георгъ Мецлеръ съ оденвальдцами; революціонное настроеніе этой банды заразило всю молодежь города. Она думала только о крестьянахъ, о рыцаряхъ же тевтонскаго ордена не хотѣла и слышать. «Мы желали бы, говорили многіе, чтобъ наказаніе Господне постигло эту дрянь съ крестами, чтобы наслалъ на нихъ Господь язву». «Друзья мои, говорили Феттеръ Гансъ и Фрицъ Бюттнеръ, не говорите такъ; если мы начнемъ дѣло такимъ образомъ, намъ нельзя ждать ничего хорошаго».—«Чтожь такое? возразилъ одинъ, еслибъ даже самъ дьяволъ былъ за одно съ этими крестоносцами, то все они не могли бы ничего сдѣлать кромѣ прелюбодѣянія». «Если крестьяне нападутъ на насъ, прибавилъ другой, командоръ убѣжитъ задними воротами, и тогда мы сдѣлаемся жертвою ихъ мести. Лучше мы сами заранѣе пойдемъ къ нимъ». Однако большинство настояло, чтобы данъ былъ отвѣтъ, что они будутъ держать себя, какъ благонадежные граждане и останутся вѣрными; если же между ними и найдутся грубые люди, то пусть не относятъ этого ко всѣмъ гражданамъ. Два дня все было тихо. Въ воскресенье, на 5 недѣлѣ, положеніе сдѣлалось тревожнѣе, но не въ городѣ, а въ окрестностяхъ его, въ округѣ Нейгаусъ. Тамъ собственно, въ замкѣ Нейгаусъ, была постоянная резиденція магистра Тевтонскаго ордена. Крестьяне этого округа потребовали отъ командора

освобожденія отъ разныхъ налоговъ и дозволенія свободной проповѣди евангелія. Вольфгангъ фонъ-Бибра согласился на это и выдалъ крестьянамъ грамоту. Не смотря на то, игерсгеймскіе крестьяне возстали и подъ предводительствомъ своего старосты присоединились къ ротенбургскому ополченію, лишь только оно двинулась къ сосѣднему Шефтерсгейму. Они объявили, что всякій, кто останется вѣрнымъ господамъ, лишится своего дома и имущества. Въ городѣ настроеніе умовъ быстро измѣнилось, какъ только было получено извѣстіе о нападеніи крестьянъ на Шефтерсгеймъ. Нѣкоторые горожаце хотѣли ударить въ набатъ; но совѣтъ, изъ предосторожности, велѣлъ подрѣзать веревки у колоколовъ. Іоргъ Неберъ водрузилъ знамя въ колодезь на площади. «Кто за крестьянъ — закричалъ онъ, — пусть идетъ сюда; кому нужны попы?» «Кто хочетъ стоять за Евангеліе,— воскликнулъ Фрешлинъ,—пусть подниметъ руку». Слышны были возгласы: Мергентгеймъ долженъ быть свободнымъ имперскимъ городомъ; къ чорту нѣмецкій орденъ; другіе говорили: нужно побрататься съ крестьянами и отобрать имѣнія, принадлежащія ордену, прежде чѣмъ крестьяне воспользуются ими.

Городской совѣтъ, не зная, что дѣлать, спрашивалъ у командора мнѣнія: сопротивляться ли крестьянамъ или помириться съ ними. По мнѣнію командора слѣдовало узнать, какъ велика сила шайки. Для развѣдыванія былъ отправленъ членъ совѣта и одинъ изъ бюргеровъ. Они ушли съ различными воззрѣніями на дѣло и вернулись съ противоположными извѣстіями. «Въ жизни не видалъ я такихъ прекрасныхъ воиновъ,—говорилъ одинъ;—они всѣ въ шолковыхъ камзолахъ и съ золотыми цѣпями». Другой, городской писецъ, увѣрялъ напротивъ, что «это все сволочь, нищіе, напоминающіе цыганскій таборъ». Однакоже оба утверждали, что шайка многочисленна. Послѣ этого бюргеры приняли вызовъ крестьянъ и отправили къ нимъ отрядъ въ 100 человѣкъ. Главнымъ начальникомъ его былъ Ми-

хаилъ *Газенбартъ*, а надъ нимъ дворянинъ Гансъ *Моритатть*, фельдфебелемъ Гансъ *Кеслеръ*, совѣтниками были *Феттернгансъ* и Фрицъ *Бюттнеръ*. Въ крестьянскомъ лагерѣ такъ обрадовались этому подкрѣпленію, что не только утвердили всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ въ ихъ должностяхъ, но даже подчинили имъ всѣ другіе отряды изъ окрестностей Мергентгейма. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ: изъ Грюнфельда, Лауда, Вейкерсгейма, Маркельсгейма, даже изъ вюрцбургскихъ округовъ, Бютгарта и изъ пограничнаго мѣстечка Бибарта; нѣкоторые отряды приходили съ однимъ знаменемъ, другіе съ 2-мя и 3-мя, и каждое имѣло собственный гербъ.

Эти знамена и гербы заслуживаютъ вниманія. У франконцевъ напр. было знамя самое красивое; на немъ были изображены трезубыя вилы и цѣпь, расположенная въ видѣ андреевскаго креста, въ серединѣ щита плугъ, изъ-за котораго виднелся башмакъ; знамя вейнсбергской долины представляла такой же гербъ только вила была о двухъ, а не о трехъ зубцахъ. Знамя соденбергцевъ съ крестомъ, по срединѣ котораго стояли три греческія начальныя буквы имени Іисуса, напоминало Христово знамя оберэльзасцевъ. На знамени бильдгейзеровъ былъ также изображенъ крестъ на холмѣ, по сторонамъ его на двухъ другихъ холмахъ стояли цвѣты. Надъ крестомъ были сдѣланы украшенія, а по краямъ два башмака. Генебергцы несли значекъ, съ изображеніемъ Распятія, чтобы показать этимъ, что они стоятъ за Евангеліе, кругомъ его были нарисованы птица, олень, рыба и лѣсъ въ знакъ того, что должно быть предоставлено имъ въ свободное общественное пользованіе.

Новоприбывшіе и прежніе отряды поклялись другъ другу въ лагерѣ Шефтерсгейма составить одну банду и выбрали теперь главными предводителями этой банды «большаго *Линарта* изъ *Шварценбронна*» (близь Ротенбурга) и Фрица *Бюттнера* изъ *Мергентгейма*. Главнымъ профосомъ банды былъ назначенъ *Штирленъ* изъ *Циммерна*. Кромѣ этихъ главныхъ на-

чальников были выбраны еще другіе, между ними находился Леонардъ *Деннеръ*, извѣстный подъ именемъ *Леуценбронскаго попа*»; *Бургъ* изъ шиллингсфуртскаго округа; Кунцъ *Байеръ* изъ Оттельфингена и Адамъ *Гоффманъ* изъ Шюпфа.

Мы видѣли, что крестьяне Верхней Швабіи, Шварцвальда и Эльзаса не хотѣли знать надъ собою другаго господина, кромѣ императора. Въ формулѣ присяги швабскихъ крестьянъ говорилось: «Вы клянетесь Господу и всѣмъ святымъ, что будете поклоняться только единому Богу, творцу неба и земли, что въ своихъ дѣйствіяхъ будете руководиться одною евангельскою правдою, божественнымъ закономъ и братскою любовью, и не признаете надъ собою инаго властелина, кромѣ римскаго императора» *).

Присяга франконцевъ читалась такъ: «Вступая въ крестьянское собраніе, я обязанъ и желаю отказаться отъ платежа пошлины, процентовъ, податей и десятинъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ князьямъ, до тѣхъ поръ, пока дѣло наше не рѣшится и не придетъ къ концу; признаю только единаго Бога и одного властелина; да поможетъ мнѣ Богъ и св. евангеліе. Во имя всемогущаго!» **).

Еще болѣе сходства, чѣмъ въ формулахъ присяги, мы можемъ найти въ тѣхъ параграфахъ, въ которыхъ франконцы и шварцвальдскіе швабы излагали свои требованія. Въ семи параграфахъ крестьянскаго собранія во Франконіи говорится:

«Общее собраніе хочетъ, во-первыхъ, возстановить святое слово Господне и евангельское ученіе и желаетъ, чтобъ отнынѣ оно громко проповѣдывалось во всей своей чистотѣ, безъ примѣси человѣческихъ ученій и прибавокъ.

«Чтобы все, что признается въ Евангеліи, признавалось и въ жизни, и наоборотъ, все отвергаемое Евангеліемъ отвергалось и въ дѣйствительности.

*) Изъ архива гор. Касселя, Роммель II, 72.

**) Бензенъ, крестьянская война въ восточн. Франк. стр. 111.

«Чтобъ никому изъ господъ не платились болѣе проценты, десятина, оброки, поголовщина или тому под. впредь до тѣхъ поръ, пока не будутъ произведены высокоучеными мужами, свѣдущими въ святомъ, божественномъ, истинномъ писаніи реформы, коими не будетъ опредѣлено, что слѣдуетъ давать, и какія услуги слѣдуетъ оказывать духовному и свѣтскому начальству.

«Чтобы всѣ замки и укрѣпленія, причиняющіе простолюдинамъ столь значительные убытки, были разрушены или сожжены; причемъ находящееся въ нихъ движимое имущество должно быть возвращено владѣльцамъ, если они прежде не дѣйствовали противъ братства и теперь пожелаютъ присоединиться къ нему.

«Всѣ духовныя и свѣтскія лица, всѣ благородные и неблагородные должны пользоваться одинаковыми правами съ простыми бюргерами и крестьянами, не имѣть надъ ними никакихъ преимуществъ и повиноваться однимъ законамъ.

«Оружіе же—если оно найдется—предоставляется братству.

«Дворяне должны подъ страхомъ смерти и раззоренія указать и выдать собранію спрятанное имущество духовенства и другихъ лицъ, въ особенности же тѣхъ аристократовъ, которые относились враждебно къ крестьянскому дѣлу.

«Наконецъ, всѣ, и духовные и міряне, должны подчиниться перемѣнамъ и порядкамъ, установленнымъ выше упомянутыми высокоучеными въ священномъ писаніи мужами» *).

Тотчасъ послѣ появленія мергентеймерцовъ въ лагерь таубергововой банды — такъ называлось теперь это скопище по происхожденію большинства составлявшихъ его крестьянъ — въ военномъ совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобъ направиться прямо къ Вюрцбургу.

*) Изъ аншпахскаго архива, рукопись въ собраніи прелата Шмида. Тоже самое говорится въ параграфахъ, высланныхъ изъ Ротенбурга въ Галлъ, въ рукописи Гофмана.

Дворянинъ Гансъ Морштаттъ, разсказывая о томъ, что дѣлается въ Мергенгеймѣ, убѣждалъ крестьянъ не оставлять за собою это главное гнѣздо германскаго ордена въ его настоящемъ положеніи. «Хорошо,— вскричали гогенлохцы,—мы такъ хватимъ нѣмецкихъ рыцарей, что у нихъ долго будетъ течь кровь изъ головы.»

Но вслѣдъ за мергентеймерской ротой, въ тотъ же самый день, 5-го апрѣля, въ лагерѣ явился лично самъ командоръ Вольфгангъ фонъ - Бибра, чтобъ отвратить опасность отъ замковъ нѣмецкаго ордена въ Мергенгеймѣ и Нейгаузѣ. Вольфгангъ долженъ былъ согласиться на уплату огромной контрибуціи и поставку необходимѣйшихъ припасовъ. Послѣ этого совѣтъ и предводители дали ему обѣщаніе пройти мимо города, «и не обидѣть даже цыпленка.» Но вѣроятно вслѣдствіе медленности командора въ поставкѣ припасовъ, вина, хлѣба или денегъ, а, можетъ быть, и всего вмѣстѣ крестьяне, 6-го апрѣля, сами добыли себѣ напитки изъ знаменитаго Маргельсгейма, гдѣ находился главный складъ благородныхъ винъ ордена.

Покончивъ дѣло въ Шефтерсгеймѣ, крестьяне оставили монахинь и ихъ монастырь; по дорогѣ они окончательно опустошили мергентгеймскіе погреба. Банда расположилась теперь на прекрасныхъ открытыхъ долинахъ передъ Мергенгеймомъ, при Таубергѣ; она заключала въ себѣ до 5000 чел. крестьянъ, храбрость которыхъ, нѣсколько буйная, была еще подогрѣта дорогимъ виномъ и возбуждающими рѣчами проповѣдниковъ, по словамъ которыхъ — невозбуждавшимъ въ крестьянахъ ни малѣйшаго сомнѣнія — ни одна пуля не повредитъ инсургентамъ и никто не устоитъ противъ нихъ, потому что съ ними Богъ. Въ то же время, 11-го апрѣля, въ стѣнахъ города горожане заставили командора дать имъ письменное обязательство, подтвержденное и гроссмейстеромъ нѣмецкаго ордена,—не лишать ихъ тѣхъ правъ, на которыя они по слову Господню могутъ имѣть притязанія и не отя-

гощать ихъ тѣмъ, что противно Евангелію. За это они, съ своей стороны, обѣщали не предпринимать ничего противъ своихъ начальниковъ, и воздавать имъ должное по евангелію. Горожане открыли ворота крестьянамъ; тѣ тотчасъ овладѣли запасами, хранящимися въ погребахъ, амбарахъ ордена, заняли замокъ, захватили все, что могли найти въ немъ: порохъ, орудія и припасы, дозволивши свободный выходъ наемнымъ солдатамъ, которые однако отказались отъ присяги не драться противъ крестьянъ. Лично командору не было сдѣлано ни малѣйшаго насилія. Однако замокъ, вѣроятно, вслѣдствіе подстреканій бѣдныхъ жителей Мергенгейма, былъ разрушенъ. Подданные нѣмецкаго ордена самымъ ревностнымъ образомъ трудились и тутъ, при разрушеніи ихъ укрѣпленнаго монастыря. Управляющій замкомъ былъ сильно расположенъ къ крестьянамъ; онъ указалъ имъ оставленныя здѣсь драгоцѣнности и серебро и поощрялъ крестьянъ веселѣе приниматься за разрушеніе. Каждому, кто выбивалъ дверь, онъ давалъ бутылку, а работавшимъ надъ разрушеніемъ бастіоновъ усердно подносилъ вино, чтобы подкрѣпить ихъ силы. Одинъ бюргеръ вздумалъ упрекать его за это. Кажется, закричалъ на него управитель, у тебя въ брюхѣ сидитъ командоръ и три нѣмецкихъ рыцаря. Постойка, я вытащу ихъ мечемъ.

Другой отрядъ отправился между тѣмъ подъ предводительствомъ Ганса Морштатта и Ганса Кесслера къ замку Нейгаузу, который тотчасъ же сдался, такъ какъ въ немъ не было ни хорошихъ орудій, ни прочныхъ укрѣпленій: орудія и богатые запасы были увезены, а строенія замка сожжены мергенгеймерами *).

---

*) Мергентеймерскіе акты также находятся въ штутгарт. госуд. архивѣ. Это единственные документы, которыхъ я не имѣлъ въ рукахъ, но я съ полнымъ довѣріемъ отношусь къ точности Ексля, онъ же увѣрялъ меня, что ему, до сихъ поръ, ничего не пришлось встрѣтить, чтобы за-

Изъ Мергентейма, можетъ быть, даже тотчасъ по выступленіи изъ Шефтерсгейма, большая часть ротенбургскихъ ополченцевъ, соединившись подъ знаменемъ Бретгейма, направилась назадъ домой. Въ главной квартирѣ остались только главный предводитель, великій Лингардъ изъ Шварценбронна и Лейценбронскій попъ. Это доставило возможность изъ Бретгейма за ротенбургскимъ совѣтомъ и присоединить бюргеровъ къ крестьянскому союзу. Вмѣстѣ съ тѣмъ дорога въ Аншпахъ была защищаема отъ нападенія маркграфа Казимира, а таубергаузенская банда, прикрытая съ тылу, могла безопасно дѣлать набѣги на окрестности. Банда въ скоромъ времени возрасла до 8000 человѣкъ, такъ какъ въ Тауберъ возвратилась часть отряда Оренбахера изъ Шонталя, а именно крестьяне гохенлогенскихъ округовъ Бартенштейна, Лангенбурга, Шиллингсфюрста, Яксберга, Дерцбаха, и въ лагерѣ кромѣ того находилось много инсургентовъ изъ Вюрцбурга. 13 апрѣля банда снова послала призывъ къ ротенбургскому ополченію, прося его выслать сперва хотя 1/4 собранныхъ людей; отъ города Ротенбурга вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали орудій и людей.

Этотъ городъ все еще не высказался рѣшительно въ пользу крестьянскаго дѣла. Его волновала въ то время не общая великая народная борьба, не общее великое дѣло, а мѣстное частное несогласіе между общиной и именитыми гражданами.

Менцингенъ былъ правъ, говоря, что совѣтъ дѣйствовалъ несправедливо впродолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Верховный имперскій судъ отмѣнилъ какъ порѣшеніе совѣта по жалобѣ, данной ему какимъ-то мелкимъ бюргеромъ. Однако приговоръ этотъ 22 года лежалъ подъ сукномъ въ совѣтѣ и не приводился въ исполненіе только потому, что истецъ, въ пользу котораго верховный судъ рѣшилъ дѣло, былъ бѣднякъ, а отвѣтчикъ именитый гражданинъ.

ставило его измѣнить свое изложеніе. Поэтому я ссылаюсь на Ексля относительно подробностей происшествій въ Мергентеймѣ и Гогенлое. См. его Исторію крестьянской войны на пограничныхъ швабско-франконскихъ земляхъ.

При наложеніи и взиманіи податей никогда не обозначались отдѣльные податные источники; обыкновенно полагались на совѣсть сборщика. Въ отчетахъ онъ показывалъ общею цифрою всю собранную сумму, и показанія его никѣмъ не повѣрялись. Эти факты говорятъ многое. Всѣ счеты, разсматриваемые комитетомъ, были такого свойства, что изъ нихъ «было трудно выбраться.» Поэтому когда комитетъ вызывалъ въ залъ засѣданія одного за другимъ членовъ совѣта, начиная съ бургомистра Эрасмуса фонъ-Мурлое, кровнаго аристократа и поборника старины въ свѣтскомъ и духовномъ отношеніяхъ *), и они долго не возвращались оттуда, остальные члены совѣта, полагая, что ихъ товарищамъ вѣроятно отрубили уже головы, сильно струсили, за собственную жизнь.

Монахини тоже провели эти дни въ трепетѣ. Онѣ слышали, что поговариваютъ о разграбленіи ихъ монастыря; ежедневный горькій опытъ доказывалъ имъ, что онѣ лишились всякой власти внѣ стѣнъ своего монастыря. Опираясь на свои параграфы, крестьяне безъ малѣйшаго страха выгнали свой скотъ на монастырскіе луга. Въ Ротенбургѣ они говорили тоже, что и въ Гейльброннѣ, въ монастырѣ св. Клары: «совѣтъ теперь уже безъ власти, она принадлежитъ намъ.» «Если я тебя еще разъ застану въ лѣсу,» сказалъ Мелкнеръ фонъ-Нортенбергъ лѣсничему монастыря, «то повѣшу на деревѣ». Разнесся слухъ, будто крестьяне думаютъ сами расправиться съ дѣвичьимъ монастыремъ, если бюргеры не

*) Лемусъ, извлеченіе изъ рукописи Т. Цвейфеля, въ собраніи прелата Шмида.

покончать съ нимъ до вторника свѣтлой недѣли, и что многіе горожане уже согласились на это. Говорили даже, будто крестьяне хотятъ завладѣть городомъ, ограбить всѣхъ богачей, повѣсить членовъ совѣта на городскихъ стѣнахъ и взять на себя правленіе. Комитетъ былъ однакожъ очень остороженъ и не впускалъ слишкомъ большаго количества крестьянъ. Между тѣмъ 11 апрѣля пріѣхали отъ императорскаго намѣстника два совѣтника: графъ Рупрехтъ фонъ-Мандершейдъ и Фридрихъ фонъ-Лидвахъ, чтобы возстановить спокойствіе имперскаго города. Знать ободрилась, именитые граждане снова подняли головы и дали волю языкамъ, они не могли достаточно нажаловаться на зло, причиненное имъ комитетомъ и общиной. Сами имперскіе совѣтники говорили свысока. Менцингенъ съумѣлъ однако посбить съ нихъ спѣсь, и зажать ротъ аристократамъ. Въ среду, послѣ вербнаго воскресенія, онъ отъ имени комитета отдалъ приказъ звонить въ большой колоколъ, чтобы собрать общину въ церковь св. Якова. Менцингенъ вошелъ на хоры и держалъ оттуда рѣчь. Свободно и правдиво говорилъ о притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ прежняго городскаго управленія, о необходимости реформъ и о средствахъ къ нимъ, весьма удобныхъ, умѣренныхъ, ясныхъ и практичныхъ. Вліяніе Карлштата сильно просвѣчивало при этомъ. Такъ Менцигенъ говорилъ, что всѣ молодые священники должны изучить какое нибудь ремесло и жениться; въ такомъ случаѣ они могутъ пользоваться прежними доходами въ теченіе 2 лѣтъ. Это слишкомъ напоминало рѣчи Карлштата въ Витенбергѣ. Имперскіе совѣтники намѣревались говорить съ общиною грозно, требуя прекращенія безпорядковъ. Но тутъ ропотъ народа превратился въ настоящую бурю. «Кой чортъ притащилъ сюда этихъ коммисаровъ,» вскричалъ Гансъ Штиберъ. Другой бюргеръ еще громче кричалъ комитету, что, по его мнѣнію, коммисарамъ слѣдуетъ отсѣчь головы; этимъ способомъ можно скорѣй всего отъ нихъ избавиться. Молча поглядывали несчастные совѣтники, то на комитетъ, то на общину; наконецъ они посовѣтывали совѣту безпрекословно и неизмѣнно принять всѣ параграфы комитета, кромѣ статьи о духовныхъ имѣніяхъ. Они рѣшили, что частный споръ Менцингена съ совѣтомъ долженъ считаться поконченнымъ для обѣихъ сторонъ. При этомъ оказалось, что Менцингенъ не забывалъ и своихъ частныхъ интересовъ: онъ требовалъ отъ совѣта вознагражденія въ 5,500 гульденовъ. Даже комитетъ высказывалъ, что онъ долженъ пожертвовать этимъ для общаго блага. «Чортъ васъ всѣхъ побери,» вскрикнулъ дворянинкъ и вышелъ въ бѣшенствѣ. Онъ уступилъ на слѣдующій день только изъ боязни лишиться вовсе своего вліянія. Такимъ образомъ, произошло нѣчто въ родѣ мира между совѣтомъ и общиной 16 апрѣля въ день пасхи, и совѣтники уѣхали.

Между тѣмъ въ городѣ и окрестностяхъ распространились письма таубергской толпы. Комитетъ напомнилъ ландверу данную имъ въ Оберштетѣ присягу оставаться спокойными и не выступать въ походъ; онъ обѣщалъ въ скоромъ времени окончить дѣло съ совѣтомъ самымъ выгоднымъ для нихъ образомъ. Комитетъ послалъ къ главнымъ предводителямъ мергентеймской банды просьбу оставитъ ихъ ландверъ въ покоѣ и не мѣшать ему сдержать свою клятву. О двухъ шлангахъ, ружьяхъ, пикахъ, порохѣ и людяхъ, которыхъ требовала банда, не было и помину. Крестьяне же, съ своей стороны, послѣ возвращенія изъ Мертгентгейма считали свою присягу вполнѣ выполненною. Но они помнили другую присягу, данную ими еще прежде братскому союзу, и потому 15 апрѣля отправили отрядъ подъ предводительствомъ Ганса Клингера фонъ-Беттенфельда къ Таубергу; вскорѣ и другія двинулись за нимъ въ главную квартиру. Маркграфъ Казиміръ писалъ между тѣмъ изъ Анспаха, что онъ и городъ будутъ оказывать другъ другу взаимную помощь противъ крестьянъ. Совѣтъ письменно обѣщалъ ему это и совѣтовалъ выжидать обстоятельствъ. Даже въ комитетѣ всѣ

согласились посылать маркграфу тайно, безъ вѣдома крестьянъ, денежную субсидію. Онъ убѣдилъ общину дать обѣщаніе, что никто изъ города не уйдетъ въ банду. Въ пользу союза съ маркграфомъ, Менцигенъ приводилъ тотъ доводъ, что вѣдь если Казиміръ дѣйствительно попроситъ помощи, ему всегда можно будетъ въ ней отказать, такъ зачѣмъ же теперь заранѣе отказываться отъ его предложенія и лишать себя въ случаѣ нужды его поддержки. Такимъ образомъ комитетъ, а чрезъ него и весь городъ, разорвалъ изъ-за своихъ частныхъ выгодъ связи съ общимъ дѣломъ. Партія движенія, казалось, покорилась, не смотря на возбужденія со стороны Петра Сайлера, и на праповѣди Дейшлина и слѣпаго монаха, которые во время пасхи, рѣзче чѣмъ когда либо, говорили противъ князей и дворянъ, а въ особенности противъ духовенства.

Но недолго продолжался миръ. 19 апрѣля, люди движенія предложили новый составъ комитета, они ввели въ него девять новыхъ членовъ изъ своей среды, «нечестныхъ парней», какъ прозвала ихъ впослѣдствіи консервативная партія; однако въ сущностиэто были только друзья прогресса и крестьянскаго дѣла. Люди, сочувствующіе движенію, удержали такимъ образомъ за собою большинство въ комитетѣ, а слѣдовательно и въ городѣ они имѣли перевѣсъ. Приближалось время новыхъ выборовъ въ тайный совѣтъ. Комитетъ измѣнилъ прежде всего составъ совѣта: но и послѣ выборовъ въ совѣтѣ все-таки еще сохранилось равновѣсіе между друзьями старины, часть которыхъ добилась, благодаря своему авторитету, вторичнаго избранія, и друзьями прогресса, такъ что, казалось, покрайней мѣрѣ, ротенбургцамъ, что совѣтъ все стоитъ на одномъ и томъ же и не подвинетъ дѣла. 20 апрѣля на улицахъ послышались крики и показались толпа женщинъ, вооруженныхъ аллебардами, вилами, шестами — онѣ бросились, на дома принадлежавшія духовнымъ; храбро отняли

онѣ возъ съ хлѣбомъ у дома одного попа; но мужья остановили ихъ отъ дальнѣйшихъ подвиговъ.

Бѣлое и черное духовенство спѣшило послѣ этого принести гражданскую присягу, соглашаясь нести налоги одинаково со всѣми бюргерами; монахини женскаго монастыря тоже сдѣлались гражданками и отдали городу все имущество своего монастыря, съ условіемъ, чтобы имъ выдавали пенсіи и приданое; а въ городѣ, представителями всѣхъ гражданъ и гражданокъ передъ совѣтомъ, были выбраны четыре народныхъ трибуна подъ именемъ «общинныхъ представителей (гемендмейстеровъ) *).

Причины, по которымъ партія аристократовъ была еще такъ сильна въ городѣ, носили на себѣ самый матеріальный характеръ. Крестьяне, которымъ сочувствовала прогрессивная партія города, отказывались отъ платежа податей, процентовъ и поземельныхъ пошлинъ, а эти именно налоги и составляли главное имущество города. Еслибъ весь городъ перешелъ на сторону крестьянъ, онъ лишился бы этимъ большей части своихъ богатствъ; въ его власти было слишкомъ мало духовныхъ имѣній, чтобъ вознаградить ими потерю крестьянскихъ. Комитетъ зацѣпился за этотъ финансовый крючекъ и не хотѣлъ и не могъ приставать къ крестьянамъ

Между тѣмъ тауберская банда, 14 апрѣля, въ страстную пятницу, перешла изъ Мергентейма въ Лауду, вюрцбургскій городокъ, который тотчасъ же сдался крестьянамъ.

Леонардъ Бейсъ, лаудскій священникъ, давно уже расположилъ этотъ городъ въ пользу новаго ученія и крестьянскаго дѣла. Еще втораго апрѣля въ Лауденѣ происходили безпорядки. Виновниками ихъ были крестьяне, перебѣжавшіе къ оденвальдцамъ,

---

*) Лицамъ, желающимъ подробнѣе ознакомиться съ частностями этого, въ высшей степени интереснаго, городскаго движенія, рекомендую обратиться къ соч. Бензена, «Исторія крестьянской войны въ Франконіи», стр. 78—135, 220—232.

при первомъ появленіи союзнаго Башмака въ Оденвальдѣ, и возвратившіеся теперь назадъ. Замокъ Оберлауда, гдѣ находились нѣкоторые дворяне, именно оберфогтъ Филипъ фонъ-Ридернъ, Сигмундъ Цобель и Эразмъ фонъ-Фехенбахъ съ немногими людьми, не хотѣлъ тотчасъ же сдаться на предложенія крестьянъ, хотя стѣны его были уже, и ветхи, и непрочны. Осажденные заперлись въ укрѣпленной башнѣ и стрѣляли оттуда въ крестьянъ; крестьяне отвѣчали имъ тѣмъ же Однако эта перестрѣлка никому не нанесла чувствительнаго вреда. Тогда крестьяне зажгли замокъ съ одной стороны, пламя быстро охватило деревянныя стропила подъ крышей, распространялись все далѣе и далѣе, — люди бросились въ самый низъ башни. Они лежали тамъ какъ бы заживо погребенные. Каждую минуту имъ грозила опасность, задохнуться отъ жара и дыма или погибнуть подъ обломками стѣнъ. На слѣдующій день, въ страстную субботу, когда огонь уже погасъ, и не было никакой надежды получить помощь, благородные господа стали просить пощады у крестьянъ. Крестьяне вошли въ сожженный замокъ, чтобы поискать добычи въ его развалинахъ. Оберфогту пришлось теперь убѣдиться, какую ненависть возбудилъ онъ въ крестьянахъ. Его, жену его, находившуюся въ послѣднихъ дняхъ беременности, вмѣстѣ съ дѣтьми раздѣли донага, и выпустили на произволъ судьбы. Рыцарей и солдатъ, вытащенныхъ изъ башни, они отправили въ лагерь съ связанными на спинѣ руками. За ними отправилась благородная госпожа съ своими дѣтьми; она умоляла крестьянъ, радовавшихся надеждѣ натѣшиться надъ ними, помиловать ея мужа. Остававшіеся въ лагерѣ тоже подали голосъ за то, чтобъ плѣнные были посажены на колъ. Предводители были гуманнѣе. Главному между ними, купцу Вайеру удалось отговорить крестьянъ отъ жестокаго намѣренія. Дворяне были отправлены, на слѣдующій день, въ Мергентеймъ пѣшкомъ, съ завязанными на спинѣ руками: такъ распорядились главные предводители; въ противномъ случаѣ

трудно было поручиться, что бы неистовые вассалы замка не умертвили ихъ *). На пути, именно въ Маркельсгеймѣ, плѣнные встрѣтились съ крестьянскимъ предводителемъ Ледерле, ѣхавшимъ къ бандѣ.—Кого это вы ведете, спросилъ онъ вожатыхъ.—«Да вотъ—отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ—приказали отвести всѣхъ этихъ собакъ.» Предводитель сдѣлалъ ему выговоръ: «вѣдь это дворяне, сказалъ онъ; съ ними надо уважительнѣе обращаться.» Ледерле, Ледерле, вскрикнулъ Ридернъ, я тебѣ это припомню. Ледерле выхлопоталъ для арестантовъ телѣгу, въ которой они продолжали путь до Мергентейма, гдѣ ихъ посадили въ тюрьму **).

Реттингенъ былъ назначенъ мѣстомъ общаго собранія крестьянъ, отовсюду стекавшихся по вызову банды. Они должны были отправиться отсюда на Оксенфуртъ, а затѣмъ дальше на Вюрцбургъ. По дорогѣ въ Оксенфуртъ лежалъ вюрцбургскій городокъ Аубъ; около него, всего въ $^1/_4$ мили разстоянія, стоялъ вюрцбургскій маршалъ Гейнцъ Трухзесъ съ сильнымъ отрядомъ конницы, кромѣ того дорога была защищена сильною горною крѣпостью Райгельсбергъ. Еслибъ тауберская банда захотѣла миновать Аубъ, она неминуемо лишила бы себя всякой возможности получать подкрѣпленія: въ тылу у ней остались бы въ такомъ случаѣ Аубъ, Райгельсбергъ и войска Трухзеса. Чѣмъ болѣе возрасталъ крестьянскій отрядъ, тѣмъ болѣе ослабѣвала храбрость аубскихъ горожанъ, и тѣмъ недовѣрчивѣе относился къ нимъ маршалъ; онъ не считалъ ихъ надежными; а горажане, сочувствующіе крестьянскому дѣлу, подумывали, съ своей стороны, какъ бы напасть на маршала; однако Трухзесъ былъ предупрежденъ объ этомъ однимъ изъ своихъ приверженцевъ; онъ

*) Исторія крестьянской вейны въ Вюрцбургѣ, рукопись Лоренца Фризе, бывшаго секретаря вюрцбургскаго епископа.

**) Рукопись въ собраніи прелата Шмида.

*

снялся съ лагеря и двинулся съ своей конницей къ Бютгарту. Такимъ образомъ, городокъ Аубъ пересталъ быть камнемъ преткновенія для роттенбургцевъ, затрудненія ихъ съ городкомъ Аубъ.

Въ мергентеймскомъ лагерѣ былъ между тѣмъ составленъ планъ военной организаціи войска. Главнѣйшіе пункты этихъ 14 военныхъ уставовъ относились: къ избранію главнаго провіантмейстера для правильнаго распредѣленія жизненныхъ средствъ; къ назначенію вахтмейстеровъ, а также профаса съ тюремщиками и палачемъ для поддержанія военной дисциплины, наказанія воровства и всякого рода проступковъ, дракъ и другихъ безпорядковъ; было отдано приказаніе, чтобъ никто не отлучался изъ лагеря безъ вѣдома главныхъ предводителей, чтобы никто, подъ страхомъ наказанія, не нарушалъ порядка въ строю; кромѣ того было запрещено пьянство, божба и присутствіе въ лагерѣ роспутныхъ женщинъ *).

Каждый членъ банды долженъ былъ послѣ этого дать въ Реттингенѣ присягу Господу Богу и Спасителю. Ротенбургцы не двинулись дальше, потому что хотѣли взять все еще сопротивляющійся замокъ Реттингенъ. Большая банда снялась съ лагеря въ пятницу, послѣ свѣтой недѣли, 21 апрѣля, чтобъ направиться къ Вюрцбургу. Впередъ отправили три лучшія роты; онѣ должны были окружить и захватить маршала, остававшагося еще съ 130 лошадьми въ замкѣ Бютгартъ. Время было передъ разсвѣтомъ. Но маршалъ хорошо старожилъ замокъ; караульные аванпосты дали знать о приближеніи непріятеля, всадники быстро вскочили на лошадей, вооружились и немедленно открыли огонь по крестьянскому авангарду. Крестьяне межъ тѣмъ шли совершенно беззаботно, въ полной увѣренности, что конница еще погружена въ глубокій сонъ. Встрѣченные неожиданными залпами — хотя и довольно неудачными — они смутились, отступили и вскорѣ обратились въ бѣгство, такъ поспѣшно, что конница едва могла достигнуть и убить нѣкоторыхъ; въ плѣнъ же не успѣли взять никого, не смотря на все желаніе маршала освободить, посредствомъ обмѣна, рыцарей, находившихся въ мергентеймской тюрьмѣ, — единственный крестьянинъ, котораго имъ удалось окружить, не сдавался и боролся до тѣхъ поръ, пока его не закололи. А свѣтлая банда была уже невдалекѣ. Сторонники епископа «осторожно бѣжали»; они не хотѣли дожидаться ея. Свое оружіе они увезли съ собой въ Вюрцбургъ. Мѣстечко Бютгартъ давно уже принадлежало евангелическому союзу; какъ только, 3-го апрѣля въ Шюпфер态грундѣ, Георгъ Мецлеръ приказалъ бить въ барабанъ, около него тотчасъ же собралось много бютгартцевъ; имъ нетрудно было завладѣть замкомъ, расположеннымъ надъ мѣстечкомъ, тамъ они нашли богатую добычу, потомъ замокъ зажгли. Въ то время, какъ банда подвигалась къ Вюрцбургу ближайшимъ путемъ, чрезъ Аубъ, ротенбургская рота направилась туда же по правой сторонѣ Голлаха. 22 апрѣля, занявъ и уничтоживъ замокъ Реттингенъ, аубцы вступили въ братство; крестьяне взяли затѣмъ приступомъ и разрушили лежащей передъ городкомъ замокъ Райгельсбергъ и замокъ Гехельсгеймъ, ниже Ауба. Они нашли въ этихъ трехъ бургахъ такіе богатые запасы зерноваго хлѣба, что на долю каждой роты досталось по 150 мальтеровъ. Войско находилось въ походѣ, когда извѣстія, полученныя разомъ изъ двухъ пунктовъ — Аншпаха и Роттенбурга — заставляли его перемѣнить направленіе и двинуться назадъ, нѣсколько вправо.

Въ Аншпахѣ маркграфъ грозилъ наказаніемъ своимъ подданнымъ, примкнувшемъ къ евангелическому союзу. Между тѣмъ прибыли граждане изъ Оксенфурта, чтобы убѣдить крестьянъ скорѣе подвигаться къ ихъ городу. Банда прибыла туда 24 апрѣля, соединившись въ тотъ же день съ побѣдоноснымъ отрядомъ разрушителей Райгельсберга и примкнувшихъ къ

*) Эксле. стр. 143.

нимъ аубцевъ *). Эти ротенбургскіе отряды еще вели переговоры съ своимъ городомъ. Аубъ, гдѣ былъ расположенъ ихъ лагерь, находился всего въ 4 миляхъ отъ Ротенбурга. Нерѣшительность этого послѣдняго, относительно высылки крестьянамъ людей и орудій, возбудила въ лагерѣ сильное неудовольствіе, такъ что городъ долженъ былъ опасаться нападенія. 22 и 23 апрѣля изъ аубскаго лагеря прибыли въ Роттенбургъ главные предводители Гансъ Голленбахъ и Гансъ Клингеръ въ сопровожденіи депутатовъ. Гансъ Голленбахъ пытался было прежде склонить члена комитета Бартеля Альбрехта къ тому, чтобъ отстранить вліяніе комитета на общину и расположить ее въ пользу крестьянскаго дѣла; но Альбрехтъ не соглашался. Тогда Голленбахъ хотѣлъ самъ попробовать вступить въ прямыя сношенія съ общиной. Совѣтъ и комитетъ, какъ ни непріятна была имъ эта исторія, согласились однако созвать общину. Крестьянскій предводитель велѣлъ прочесть письмо отъ имени тѣхъ, кѣмъ онъ былъ посланъ. Въ письмѣ этомъ говорилось, что возстаніе вспыхнуло по Божьему повелѣнію: что комитетъ и крестьянство дали другъ другу обѣщаніе взаимной помощи; комитетъ согласился поддерживать вмѣстѣ съ ними Божьи законы. «Вы отказали крестьянству въ его требованіи 200 чел. и орудій. Вы дѣйствовали тутъ не побратски. Поэтому мы просимъ васъ, во имя истиннаго слова Господня, прибыть къ намъ въ теченіе двухъ дней, съ 200 чел., вооруженными длинными пиками, съ двумя тяжелыми орудіями и съ двумя палатками. Въ противномъ случаѣ вы не должны ожидать отъ насъ ничего хорошаго» **).

Письмо выслушали, начались совѣщанія. Члены комитета,

*) Рукопись Лоренца Фризе, сравненная съ современною ей рукописью: «походъ и дѣйствія франконской шайки.

**) Письмо главныхъ предводителей и членовъ совѣта у Бензеиа, приложеніе XII.

которые въ Оберштетенѣ дали крестьянамъ изложенныя обѣщанія, не хотѣли прямо сознаться въ этомъ. Голленбахъ уличалъ ихъ. Большинство цеховъ хотѣло вполнѣ предоставить совѣту и комитету рѣшеніе ихъ дѣла съ крестьянами; только шляпочники и ткачи были искренно преданы крестьянамъ и ихъ дѣлу. И такъ предводители крестьянъ снова уѣхали, ничѣмъ не окончивъ дѣла. Они торопились въ Оксенфуртъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вюрцбургскій соборный капитулъ. — Графъ фонъ Генне бергъ

Оксенфуртцы торопили [redacted] банду потому, что хотѣли наконецъ [redacted] дѣло, съ которымъ давно уже возились въ городѣ и его окрестностяхъ. Между Оксенфуртомъ и Вюрцбургомъ находились [redacted] Зоммергаузенъ и Винтергаузенъ; здѣсь уже съ [redacted] чиселъ апрѣля стали собираться сходки, на которыхъ разсуждали о томъ, какъ бы напасть на картезіанскій монастырь Тукель-гаузенъ.

[redacted] толпа крестьянъ [redacted] монастырь. Главнымъ [redacted] ихъ былъ Фрицъ Цобель, изъ благороднаго франконскаго рода Цобелей. Они заняли монастырь и писали въ Эйфельштадтъ и въ ближайшія окрестности: «мы просимъ васъ, по братской дружбѣ, прибыть къ намъ; если вы откажитесь, мы сами придемъ за вами.» Капитулъ вюрцбургскаго собора отправилъ тотчасъ пословъ въ Оксенфуртъ; имъ пору-

ручено было стараться помѣшать отпаденію этого города; послы прибыли туда вечеромъ, ворота были заперты и ихъ непустили въ городъ. Трое почтенныхъ канониковъ принуждены были такимъ образомъ провести ночь на открытомъ воздухѣ. Оскорбленные, они на слѣдующій же день возвратились въ Вюрцбургъ, не смотря на извиненія оксенфуртцевъ, которые оправдывались тѣмъ, что теперь время опасное и трудно отличить, кто другъ и кто врагъ. Городъ обѣщалъ каноникамъ надежный конвой и они снова вернулись. Оксенфуртцы межъ тѣмъ приготовили параграфы, формулирующіе условія, на которыхъ они соглашались остаться вѣрными. Они соглашались по прежнему признавать надъ собою власть соборнаго капитула, но требовали за то, чтобъ капитулъ отрекся отъ всего, что воспрещается евангеліемъ, и предоставилъ бы имъ всѣ права, какія будутъ даны франконскому народу; чтобъ онъ не требовалъ податей до всеобщаго преобразованія; чтобъ онъ никого не принуждалъ идти противъ евангелическихъ братій и предоставилъ бы каждому гражданину свободу присоединиться к[illegible]тьянамъ.

Съ этими параграфами от[illegible]и они каноника Ганса фонъ Лихтенштейна въ капитулъ, о[illegible]льныя два каноника были задержаны въ [illegible]ѣ. Капитулъ, волей не волей, долженъ былъ послать[illegible]апрѣля свое согласіе; при этомъ каноники обѣщали, за себя и за своихъ пріемниковъ, не предпринимать никогда никакихъ мѣръ для наказанія за возстаніе и не допускать до этого другихъ. Капитулъ былъ вынужденъ на такія уступки, такъ какъ оксенфуртцы не хотѣли иначе отпустить двухъ п[illegible]ыхъ канониковъ. Къ то[illegible] возстаніе вспыхнуло или грозило вспыхнуть во всѣхъ концахъ владѣній капитула. Волненіе начало проявляться здѣсь очень рано; еще въ началѣ марта, въ окрестностяхъ Вюрцбурга, именно въ мѣстечкѣ Бибартѣ, начались смуты. Движеніе здѣсь было подготовлено и руководимо двумя проповѣдниками, бюргерами изъ Бибарта, Георгомъ Генлихомъ и

Томасомъ Вагнеромъ. Братство, образованное ими между бѣдняками, было названо «безконечнымъ», быть можетъ, оттого, что ихъ богатство было за предѣлами конечнаго царства, здѣсь временно они были нищими; или же, всего вѣроятнѣе, потому, что они смотрѣли на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, и свой союзъ считали безконечною, чрезъ всѣ страны проходящею цѣпью. Когда въ близьлежащемъ мѣстечкѣ Зугенгеймъ пронесся слухъ, будто братство «безконечныхъ» покончило уже свое существованіе, и оба предводителя его бѣжали,—Генлихъ и Вагнеръ написали туда, 15 марта, «своимъ братьямъ во Христѣ», что слухъ этотъ ложенъ и что напротивъ того, всѣ кто только видитъ и слышитъ ихъ, обращаются на ихъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на сторону Господней справедливости и слова Божія. Примите,—писали они въ заключеніе,—это посланіе во имя любви къ Богу и благоговѣнія къ Нему, и да сохранитъ Господь васъ всѣхъ въ добромъ здоровьи *). Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда у Ингофена, лежалъ монастырь Бирклингенъ. Онъ былъ основанъ не болѣе полустолѣтія тому назадъ. Монахи обогатились благодаря славѣ о чудотворной силѣ, находящагося у нихъ образа Божіей Матери. Это сокровище возбудило зависть сосѣднихъ гражданъ Ингофена, и вотъ, въ 1501 г. какъ-то утромъ, у границы Ингофона, на дорогѣ въ Бирклингенъ, явился второй образъ Божіей Матери, который творилъ такія же точно чудеса. Бюргеры построили надъ нимъ досчатую кровлю, и стеченіе народа къ новой Богородицѣ ослабило вѣру къ старой, находившейся въ монастырѣ Бирклингенъ; касса монаховъ дала имъ почувствовать эту перемѣну и они не успокоились до тѣхъ поръ, пока не добились епископскаго запрещенія посѣщать Богородицу ингофенцевъ, объявленную подложною. Но такъ, какъ

---

*) Фалькенштейнъ, сѣверогаускія древности III, 235. Журналъ франконцевъ, писанный для нихъ же III, 664.

это приказаніе не произвело желаемаго дѣйствія, то епископъ былъ вынужденъ послать туда каноника Томаса фонъ-Штейна съ конницей; онъ положилъ чудотворную Мадонну въ мѣшокъ и отвезъ ее въ дворцовую часовню Вюрцбурга. Это происшествіе породило непримиримую вражду между Ингофенцами и монахами Бирклингена. Монахи владѣли въ пригородѣ Ингофена подворьемъ; въ 1524 году между ингофенцами и монахами возникъ споръ по поводу этого подворья, и шайка бюргеровъ, подъ предводительствомъ Конрада Крена, ворвалась въ богато снабженный винный погребъ подворья. Бунтовщики напились вдоволь и увезли еще съ собою достаточно вина. Игумну, хотѣвшему было защитить погребъ, отвѣчали ударами. Изъ Вюрцбурга прибыло 120 чел. конницы и палачъ; веселые пьяницы бѣжали въ Прихзенштадтъ и воротились только тогда, когда получили на то позволеніе, съ условіемъ спокойно ожидать суда. Тайное братство безконечныхъ распространялось между тѣмъ все больше и больше; въ бирклингенскій монастырь прибыло изъ Бибарта восемь бюргеровъ подъ предлогомъ покупки хлѣба; ихъ впустили; они собрали здѣсь мѣстную общину, приняли ее въ союзъ, назначили главнымъ предводителемъ Конрада Люлиха, заставили монаховъ устроить себѣ вечернюю попойку; а потомъ возвратились въ Бибартъ и призвали жителей къ оружію, и — прежде чѣмъ тѣ подумали о сопротивленіи — выгнали изъ города управителя и его свиту. Бибартцы убѣдили жителей всѣхъ окрестныхъ мѣстъ стоять вмѣстѣ съ ними за правду и отправили жалобы къ епископу. Однако въ отвѣтъ отъ него они не получили ничего, кромѣ совѣта смириться.

Въ Ингофенъ между тѣмъ пріѣхалъ вюрцбургскій маршалъ съ 65 всадниками. Онъ отправлялся на княжескій сеймъ, назначенный на 4 апрѣля въ Нейштадтѣ, на Аишѣ. Но въ городѣ разнеслись слухи, будто маршалъ прибылъ, для того чтобъ отрубить головы, пьянствовавшимъ въ Бирклингенѣ; женщины и дѣти рыдали, мужчины взялись за оружіе и со-

брались на площади; маршалъ успокоилъ ихъ и продолжалъ свой путь въ Нейштадтъ. Виновные однакожъ не довѣряли ему и послали за помощью въ Бибартъ. Въ полночь къ стѣнамъ города прибыло 300 чел., вооруженныхъ бибартцевъ и потребовали впуска. Въ городѣ забили въ набатъ, ворота и стѣны покрылись вооруженными людьми. Бибартцы кричали имъ, что они пришли, какъ друзья. «Друзья приходятъ днемъ,» отвѣтили имъ сверху; если вы не удалитесь, мы перестрѣляемъ васъ, какъ куръ. Такъ говорилъ амтманнъ фонъ-Фестенбергъ; маршалъ снова возвратился изъ Нейштадта и рѣшился защищаться. Бибартцы хотѣли днемъ разрушить ворота; ихъ встрѣтили градомъ пуль, тогда они бросили двѣ фуры, знамя и побѣжали къ Бибарту, крича, что Ингофенцы измѣнники. 6-го апрѣля весь Бибартъ заволновался, всѣ граждане отправились, подобно бютгтрцамъ, къ свѣтлой бандѣ; въ городѣ осталось только восемь человѣкъ *).

Въ сѣверной части владѣній соборнаго капитула, между Фульдой, Геннебергомъ и Тюрингеномъ возстаніе началось 9 апрѣля; инсургенты вышли изъ гостинницы въ Мюнерштадтѣ; сперва число ихъ было незначительно; впереди шелъ барабанщикъ; такъ проходили они чрезъ окрестныя мѣста, но тутъ въ первые дни число мятежниковъ возрастало слабо. За то въ городѣ волненіе быстро усиливалось, предводителемъ ихъ былъ столяръ Гансъ Шнабель. Онъ явился 12 апрѣля къ бургомистру съ толпой бюргеровъ и сказалъ, что они хотятъ занять монастырь Бильдгаузенъ, близъ Залы. Ихъ было 300 вооруженныхъ людей; они вышли изъ города и заняли монастырь, не обращая вниманія на всѣ увѣщеванія бургомистра. Бюргеры, оставшіеся въ Мюннерштадтѣ, присвоили себѣ все, что могли, въ монастырѣ Св. Августина

---

*) Журналъ франконцевъ, писанный для нихъ же. V кн. 5. гл., стр., 550 — 55.

и въ бильдгаузенскимъ подорьѣ, между тѣмъ какъ инсургенты, расположившіеся около бильдгаузенскаго монастыря, превратили его въ укрѣпленный лагерь. Аббатъ и монахи выѣхали оттуда еще раньше; дорога была защищена караулами и наваленными на ней деревьями. Предводителями банды были назначены Гансъ Шнабель изъ Мюннерштадта и Гансъ Шаръ изъ Бурглау; священникъ этой банды Михаилъ Шримпфъ былъ назначенъ канцлеромъ.

«Долго—писали они—слово Божіе попиралось, въ особенности духовенствомъ, и долго простолюдины были обременены невыносимыми тягостями. Поэтому мы собрались теперь здѣсь, въ этомъ лагерѣ. Мы вовсе не отказываемся отъ властей и начальства и отъ платежа имъ всего должнаго: это значило бы, съ нашей стороны, поступать противъ св. писанія и порядка. Мы желаемъ только, чтобъ эти власти поступали съ нами справедливо и сообразно евангельскому ученію». Несмотря на то, что въ лагерь ежедневно прибывали массы народа, порядокъ и дисциплина не нарушались.

Аншахскій амтманъ фонъ-Ротенганъ поручилъ надежнѣйшимъ изъ своихъ вассаловъ охраненіе монастырей Гаузена и Фрауэнрота; эти стражи сдѣлали нападеніе на монастырскіе погреба, выпили всѣ лучшія вина и опустошили конюшни. Въ монастырѣ поднялась страшная суматоха: всякому хотѣлось сторожить его. Амтмана, желавшаго обуздать это своеволіе, встрѣтили ружейными выстрѣлами. Монастыри служатъ не Богу, а дьяволу,—кричали ему бунтовщики, — мы принуждены наконецъ покончить съ этими мошенниками. Скоро ссора съ амтманомъ дошла до того, что крестьяне разрушили его замокъ Аншахъ и увели его вмѣстѣ съ восемью другими дворянами въ плѣнъ. Другая шайка, изъ Кисингена, заняла монастырь Аурахъ, третья—монастырь Гейденфельдъ *).

*) Poligraphia Meiningensis 1674, 4—главный источникъ относительон этой толпы. стр. 211—215.

Хотя и нельзя сказать, чтобы Конрадъ фонъ-Тюнгенъ, съ 1519 г. вюрцбургскій епископъ и герцогъ франконскій, оставался вполнѣ безучастенъ къ донесенію своихъ посланниковъ, но во всякомъ случаѣ, онъ какъ будто, не считалъ все это дѣломъ близко до себя касающимся. Его почти не заботили извѣстія о возстаніи въ южной Швабіи и планахъ герцога Ульриха, о томъ, что шумъ, поднятый въ Ульмѣ противъ монаховъ и священниковъ, не менѣе серьезенъ, чѣмъ прежнія гоненія на евреевъ. Его встревожила только вѣсть о томъ, что ротенбургское ополченіе поднялось и намѣревается идти на Вюрцбургъ, чтобъ изгнать оттуда духовенство и овладѣть его имуществомъ. Извѣстіе это передалъ ему райгелсбергскій амтманъ Іоргъ фонъ-Розенбергъ. Только теперь, когда опасность стояла уже на порогѣ его собственныхъ владѣній, Конрадъ сталъ принимать мѣры противъ нея. Онъ послалъ за совѣтомъ и за помощію къ майнцкому штатгалтеру и къ пфальцграфу Людвигу; написалъ рыцарству своего епископства и герцогства, къ 91 роду графовъ, господъ и дворянъ, чтобъ они приготовились къ защитѣ и были въ полномъ вооруженіи; обратился къ городамъ и мѣстечкамъ, совѣтуя имъ быть осторожными, починить рвы и пограничныя укрѣпленія и вооружаться. Города и мѣстечки вооружились, всюду собирались военные отряды; одни изъ нихъ были одушевлены твердымъ намѣреніемъ защищать противъ крестьянъ, и себя, и своего господина, другіе же—и ихъ было всего болѣе—вооружились, чтобы бороться за свои собственныя выгоды въ союзѣ съ крестьянами. Такимъ образомъ отпадалъ округъ за округомъ, и тщетно раздавались предостерегающіе голоса окружныхъ начальниковъ: въ воскресенье на 5 недѣлѣ поста, епископъ собралъ своихъ совѣтниковъ. Одни совѣтовали, какъ можно строже наказывать пойманныхъ крестьянъ, сжигать ихъ дома, отнимать имущество, выгонять ихъ женъ и дѣтей. Другіе же, напротивъ того, настаивали на политикѣ умѣренности, которая,—не говоря уже о томъ, что

она всего болѣе прилично духовному князю—въ особенности умѣстна теперь, когда возстаніе распространилось уже въ сосѣднихъ странахъ: въ Майнцѣ, Эйштетѣ, Бамбергѣ и Бранденбургѣ, и когда нигдѣ не прибѣгаютъ противъ него къ такимъ строгимъ мѣрамъ. Епископъ согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ, такъ какъ у него не было достаточно войска подъ руками. Думая расположить къ себѣ подданныхъ обѣщаніями, онъ разослалъ повсюду пословъ съ завѣреніями объ ожидаемыхъ льготахъ.

Возстаніе межъ тѣмъ распространялось все дальше и дальше. Епископъ созвалъ рыцарство ко двору; рыцари собрались 6 апр. въ четвергъ, на 5 недѣлѣ поста. Совѣщаніе происходило въ Фрауенбергѣ, такъ какъ нашли небезопаснымъ назначить его въ городѣ; опасались, чтобы чернь, говорящая теперь такимъ страннымъ языкомъ, не натворила чего нибудь недобраго, узнавъ, что ея князь совѣщается съ своимъ рыцарствомъ. Рыцари на рѣчь епископа отвѣтили, что они считаютъ своимъ долгомъ служить, и тѣломъ, и душою своему господину и монастырю, но что они считаютъ необходимымъ, прежде чѣмъ идти противъ крестьянъ, откровенно переговорить съ ними; поэтому они просятъ епископа дозволить нѣкоторымъ изъ нихъ отправиться въ крестьянскій лагерь, предупредить мятежниковъ объ опасности, которой они себя подвергаютъ, напомнить имъ о беззаконности тѣхъ дѣйствій, которыя они совершаютъ сами и принуждаютъ совершать другихъ и попытаться уговорить ихъ мирно разойтись по домамъ, обѣщая въ такомъ случаѣ содѣйствіе рыцарства для исполненія ихъ требованій. Если крестьяне удовлетворятся этимъ и разойдутся,—дѣло выиграно; если нѣтъ,—рыцарство можетъ быть покрайней мѣрѣ спокойно, что они дѣйствовали честно. Предложеніе это понравилось, и рыцари, большинство которыхъ не было вооружено, отправились по домамъ, съ тѣмъ чтобъ вернуться уже съ оружіемъ. Графъ Вильгельмъ фонъ-Генсбергъ, могущественнѣйшій изъ вассаловъ

монастыря, родъ котораго уже съ давнихъ поръ пользовался титуломъ имперскихъ князей, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ правомъ названія маршала соборнаго капитула, не явился вовсе. Ему было послано новое приглашеніе и онъ обѣщалъ прибыть въ пятницу, послѣ пасхи. Епископъ искалъ помощи въ Бамбергѣ, Эйштетѣ и Бранденбургѣ. Въ шефтерсгеймскій лагерь были отправлены депутаты отъ него и отъ рыцарства; между ними находился Севастіанъ фонъ-Ротенганъ. Крестьяне отвѣтили, что они никого не приневоливаютъ вступать въ свое войско, но, съ другой стороны, и не отказываютъ никому, кто желаетъ соединиться съ ними и содѣйствовать ихъ дѣлу. Ихъ желаніе состоитъ въ томъ, «чтобы все, признаваемое евангеліемъ, признавалось бы и въ жизни, и на оборотъ все, отвергаемое имъ, было бы уничтожено и въ дѣйствительности». До окончанія дѣла они отказываются отъ всякихъ платежей своимъ господамъ. Для дальнѣйшихъ переговоровъ они назначили депутатамъ слѣдующій день вербное воскресенье. Однако депутаты не явились: имъ было страшно среди угрожающей крестьянской толпы; изъ Реттингена они повторили письменно всѣ свои увѣщанія и затѣмъ вернулись домой. Крестьяне отправили требованія депутатовъ и свой отвѣтъ въ Вюрцбургъ начальникамъ кварталовъ, требуя, чтобъ они, какъ братья, высказали свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ.

Епископъ не получилъ ожидаемой помощи, ни изъ Бамберга, ни изъ Бранденбурга, ни изъ Эйштата: эти города были слишкомъ озабочены своими собственными дѣлами. Швабскій союзъ тоже не много помогъ ему. Впрочемъ союзъ прислалъ епископу дозволеніе заготовить на счетъ союза 300 лошадей. Отъ себя союзъ не выслалъ ни одной лошади и ни одного солдата.

Вюрцбургъ, подобно многимъ другимъ городамъ, лѣтъ сто тому назадъ былъ лишенъ епископомъ своихъ старыхъ привиллегій. Бюргерство было подавлено силою: этого никогда

не могъ забыть главный городъ восточной франконіи. Умы были особенно взволнованы теперь, когда революціонное настроеніе возбудило надежды сбросить ярмо и возвратить старую свободу. Какъ полвѣка тому назадъ владѣнія капитула были взволнованы вліяніемъ флейтиста Ганса, такъ и теперь первый сигналъ къ возстанію былъ поданъ артистомъ, сыномъ небесной музыки.

Гансъ Берметеръ, по прозвищу Линкъ, былъ сынъ члена ротенбургскаго совѣта *); онъ превосходно игралъ на флейтѣ и лютнѣ и былъ другомъ реформаціи; въ обществѣ онъ слылъ за весельчака и краснобая и пользовался большимъ уваженіемъ въ своемъ кружкѣ. Этотъ-то Гансъ, вмѣстѣ съ товарищами своихъ кутежей, принялся теперь за серьезное дѣло, за революцію въ своемъ городѣ.

Прежде всего онъ сдѣлалъ нападеніе на дома духовенства разраконическаго монастыря Хаугъ, по имени котораго называется участокъ города; добыча, найденная тамъ, образовала кассу и военный магазинъ возстанія. Гансъ старался увеличить число своихъ сторонниковъ и разжечь рѣчами недовольство бюргеровъ противъ духовенства. Цѣлью его было соединить вюрцбургцевъ съ крестьянами. При всякомъ случаѣ онъ восхвалялъ крестьянское дѣло, составлялъ и читалъ гражданамъ письма, будто бы писанныя крестьянами къ совѣту и начальникамъ участковъ и наоборотъ.

Дѣятельнымъ сотрудникомъ его былъ Георгъ Грюневальдъ; онъ также происходилъ изъ древняго, благороднаго дома. Грюневальдъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ живописецъ и рѣщикъ, и слылъ обыкновенно подъ именемъ мастера Тилля. Сыны творческаго искусства были вообще людьми свободномыслящими и нетерпящими духовенства; это видно на разныхъ оконныхъ картинахъ тогдашняго собора: глядя на

*) По Бензену, крестьянская война въ восточной франконіи, ст. 201.

нихъ съ одной стороны, видишь святыхъ, а съ другой—самыя ѣдкія каррикатуры. Бюргеры собирались толпами на улицахъ города и совѣщались. Однажды у воротъ св. Стефана собралась значительная толпа изъ зандерскаго квартала. Случилось, что въ то же время, въ городъ въѣзжалъ Германъ Мордъ, викарій капитула и вмѣстѣ съ тѣмъ ротендорфскій священникъ. Подъ воротами онъ услыхалъ изъ толпы нѣсколько дерзкихъ выраженій на свой счетъ.—«Что только затѣваете вы, молодцы?» закричалъ онъ на нихъ; «мы еще увидимъ, какъ вамъ отрубятъ на площади головы». Эти слова быстро пронеслись въ народѣ; бюргеры заволновались, толпа подъ предводительствомъ начальниковъ кварталовъ тотчасъ же отправилась въ домъ декана капитула Ганса фонъ-Гутенбергъ требовать удовлетворенія за нанесенную обиду. Опасаясь, чтобы возстаніе не приняло болѣе обширныхъ размѣровъ, деканъ позволилъ имъ взять, въ наказаніе, полбочки вина изъ погреба викарія. Толпа хлынула къ дому викарія съ оружіемъ, барабанами и трубами, какъ будто готовясь къ сраженію; викарій не показался. Вмѣсто $1/2$ бочки изъ его погреба вытащили цѣлыхъ 9. Пиръ пошелъ горой. Вино уносили въ чанахъ и увозили на тѣлегахъ. Затѣмъ собирались устроить еще попойку у аббата св. Стефана; однако вмѣшательство начальника квартала спасло его славный погребъ.

Такъ одно возстанія слѣдовало за другимъ. Епископъ послѣдовавъ совѣту своихъ приближенныхъ, распорядился снабдить жизненными припасами нагорные монастыри, и прежде всѣхъ Фрауенбергъ (Маріенбургъ); затѣмъ велѣлъ амтманамъ составить при себѣ гарнизонъ изъ надежныхъ людей. Севастіанъ фонъ-Ротенганъ, съ двумя другими совѣтниками долженъ былъ дѣйствовать на бюргеровъ и стараться убѣдить ихъ выдать зачинщиковъ и удалить изъ города всѣхъ, сочувствующихъ мятежу; городъ и пригороды должны были быть укрѣплены для защиты противъ крестьянъ; за городомъ должны быть выставлены караулы изъ бюргеровъ; въ чертѣ города должны

были стоять рыцари и вербующаяся епископская конница и пѣхота. Ротенганъ съѣхалъ съ Фрауенберга, гдѣ находился въ то время дворъ епископа, въ городъ, и письменно передалъ начальникамъ кварталовъ требованія ихъ князя. Чтобъ запугать бюргеровъ, онъ разсказалъ имъ, что конница уже въ дорогѣ и остановится въ городѣ. Однако это извѣстіе, не входившее въ данныя ему инструкціи, произвело дѣйствіе совершенно противоположное тому, котораго онъ ожидалъ.

Гансъ Берметеръ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, а мастеръ Тилль ходилъ отъ одного бюргера къ другому, убѣждая всѣхъ не впускать конницу въ городъ. Крестьяне борются за евангеліе: они не должны сражаться противъ нихъ. Уже теперь сколько есть въ городѣ почтенныхъ женщинъ, которыхъ священники соблазнили и силою держатъ у себя. А если бюргеры выступятъ за городъ, то ихъ жены и дочери будутъ брошены на произволъ священниковъ и всадниковъ. Пусть они подумаютъ кромѣ того, что орудія, стоящія во дворѣ, обращены жерлами къ городу; ими воспользуется иноземное войско, чтобъ заставить бюргеровъ дѣйствовать по своему желанію.

Весь городъ былъ въ волненіи. Бюргеры заняли всѣ башни и ворота, замкнули въѣздъ въ улицы желѣзными цѣпями, обнесли загородями всѣ дороги отъ Майна и особенно старательно загородили пути въ Фрауенбергъ. Здѣсь они разставили людей, повѣсили цѣпи, сдѣлали запоры. Главную роль во всемъ этомъ игралъ рыбакъ Гансъ Брейтигамъ. Караульнымъ домомъ былъ назначенъ одинъ домъ, находящійся на узкой улицѣ подъ «Теллемъ», ни одинъ всадникъ не могъ миновать его. Караулъ, набранный изъ бѣднѣйшихъ жителей города, смѣнялся ежедневно. Его продовольствовали припасами, которые по мѣрѣ надобности безцеремонно брались изъ посылаемыхъ ежедневно во Фрауенбергъ для епископа и его совѣтниковъ; часто къ прохожимъ, подымавшимся на гору, нахально привязывались, требуя отъ нихъ денегъ на водку и

обѣщая за то надежный конвой. Мосты и ворота были также загорожены, — по нимъ пропускали только пѣшеходовъ. Горожане послали кромѣ того за виномъ въ монастыри и дома духовныхъ лицъ; изъ страха имъ не отказывали. И такъ, если кому нибудь изъ всадниковъ епископа хотѣлось проѣхать на Фрауенбергъ, то онъ долженъ былъ, или перелетѣть туда, или съ опасностью жизни проѣхать черезъ Майнъ. И тутъ переѣздъ былъ не безопасенъ, потому что виноградари засѣли въ своихъ виноградникахъ и стрѣляли оттуда по проѣзжающимъ всадникамъ, какъ по «водянымъ птицамъ». Подъ Каспаромъ фонъ-Рейнштейнъ застрѣлили лошадь въ то самое время, когда онъ находился на срединѣ рѣки. Угрозами задерживали въ городѣ также поваровъ и плотниковъ, требуемыхъ во Фрауенбергъ.

При такомъ-то положеніи дѣлъ, возвратился Ротенганъ съ другими выбранными безъ всякаго отвѣта на гору. 12 апрѣля *) бюргеры писали въ замокъ, что и они желаютъ, чтобъ бунтовщики были наказаны, но только тѣ изъ нихъ, которые не имѣли прямаго повода быть недовольными выступленіемъ въ загородній караулъ. Городъ слишкомъ великъ—писали они и въ немъ живетъ слишкомъ много духовныхъ лицъ, чтобы бюргеры могли выйти оттуда для караула; они не могутъ впустить гарнизона, потому что сами нуждаются въ сѣнѣ и соломѣ. Жители гаугерскаго квартала требовали прежде всего оставленія своихъ проповѣдниковъ, открытой проповѣди евангелія, уничтоженія процентовъ, податей и другихъ повинностей. Епископъ призвалъ къ себѣ бюргеровъ и начальниковъ участковъ и увѣрялъ ихъ, что ему всегда пріятно слышать проповѣди чистаго евангелія, но что теперь всякій по своему толкуетъ его, что онъ не отставитъ ихъ священника, на-

*) На письмѣ означено число кануна праздника (свѣтлаго воскресенья).

противъ, дастъ ему лучшее мѣсто, отъ котораго послѣднiй отказался. Депутаты бюргеровъ стояли на своемъ и требовали собранiя ландтага. Епископъ вынужденъ былъ назначить его на 30-е апрѣля, потому что волненiе въ монастырскихъ владѣнiяхъ росло со дня на день, а Гансъ Берметеръ устроилъ въ концѣ города въ танцовальной бесѣдкѣ бюргеровъ нѣчто въ родѣ лагеря и съ своими единомышленниками бюргерами распоряжался винными погребами духовенства, какъ своею собственностiю, самовольно распредѣляя кромѣ того хлѣбъ, назначенный для канониковъ. Князь назначилъ ландтагъ для рыцарства и городовъ съ намѣренiемъ выслушать ихъ «жалобы на кажущiяся имъ несправедливость и неправосудiе и оказать имъ милость». Онъ выговорилъ себѣ при этомъ безопасный проходъ въ городъ и обратно.

Епископъ просилъ пфальцграфа, въ этотъ же день, прислать къ нему трехъ хорошихъ ружейныхъ мастеровъ и сотню вѣрныхъ людей для подкрѣпленiя Фрауенберга и открыть на всякiй случай ему замокъ Боксберга. Пфальцграфъ охотно удовлетворилъ послѣднюю просьбу, — первую онъ не могъ исполнить, потому что самъ нуждался въ людяхъ.

Не смотря на свое обѣщанiе, графъ Вильгельмъ фонъ-Геннебергъ ни самъ не явился въ Вюрцбургъ, ни отправилъ туда когонибудь отъ себя. Епископъ болѣе всего надѣялся на этого дворянина, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ обагрившаго себя во время швейнфуртскихъ междоусобiй, бюргерскою кровью, и не далѣе какъ еще годъ тому назадъ, такъ грозно относившемуся къ реформацiи. Но Геннебергъ прислалъ извиненiе, говоря, что у него нѣтъ денегъ, что безъ нихъ онъ никого не можетъ нанять на службу и что ему нужно 4000 гульд. Епископъ выслалъ ему эту сумму на семи лошадяхъ съ Павломъ Трухзесомъ. Прибывъ къ Шлейзингену, гдѣ стоялъ геннебергскiй дворъ, Трухзесъ не былъ впущенъ и не могъ даже добиться отвѣта. Ему наконецъ удалось одному пробраться въ замокъ. Вскорѣ онъ вышелъ оттуда, чтобы привести къ замку людей

съ деньгами. Ни графа, ни солдатъ нельзя было видѣть; графиня приняла наконецъ деньги. Спустя нѣсколько дней, загадка объяснилась. Графъ Вильгельмъ фонъ-Геннебергъ переговаривалъ уже съ крестьянскимъ лагеремъ Бильдгаузена и 3-го мая торжественно вступилъ въ крестьянское братство. Онъ поклялся, «во имя Бога и Его святыхъ исполнять его священное слово, оборонять и защищать его; дать свободу, волю и просторъ всему тому, что освобождаетъ Всевышнiй Богъ и возлюбленный Сынъ Его Iисусъ Христосъ, и доказать свою вѣру послѣдующими поступками въ своей жизни» *).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Безплодный сеймъ въ Вюрцбургѣ.

Въ Вюрцбургѣ, главномъ городѣ франконскаго герцогства, настроенiе умовъ становилось съ часу на часъ опаснѣе. 27-го апрѣля собралось 300 гражданъ, чтобы напасть на майенброннскiй монастырь. Большая часть изъ нихъ приходилась на долю гаугскаго и плейхахскаго кварталовъ. На этотъ разъ однако ратушѣ удалось остановить ихъ предпрiятiе; равнымъ образомъ былъ положенъ конецъ опустошенiямъ, которыя Гансъ Берметеръ собирался возобновить въ винныхъ погребахъ и хлѣбныхъ закромахъ духовенства: участковый начальникъ Бальтазеръ Вирцбургеръ, шлейенскiй трактирщикъ, которому безплатные кутежи въ монастырскихъ погребахъ

*) Полный документъ находится въ рукописи Лоренца Фрице, онъ уже неоднократно перепечатывался.

наносили явный ущербъ, убѣдилъ ратушу приставить къ кармелитскому монастырю вооруженную стражу, которая разгоняла бы всякое сборище. Такъ какъ всѣ участки города одобрили эту мѣру, то и гаугское, плейхахское и зандское предместья должны были покориться. Вирцбургеръ и Гансъ Глюкъ стали во главѣ охранительной стражи, безпорядки сначала было пріостановились, но вскорѣ сама стража стала пьянствовать въ погребахъ, ввѣренныхъ ея надзору. А 28-го апрѣля дровосѣки подъ предводительствомъ Іорга Грюневальда ограбили безпрепятственно монастырь Химмельпфортенъ, по ту сторону Майна и открыто привезли добычу въ Вюрцбургъ.

Такое состояніе города казалось совѣтникамъ епископа неблагопріятнымъ для сейма. Они убѣждали его назначить собраніе въ Фрауенбергѣ или какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, или же, покрайней мѣрѣ, отправить туда вмѣсто себя посла. Но большая часть уполномоченныхъ уже съѣхалась въ Вюрцбургъ, и депутація отъ думы и земства явилась на Фрауенбергъ просить князя лично открыть сеймъ въ городѣ. Епископъ сказалъ своимъ совѣтникамъ: «Я не знаю за собой ничего, что могло бы дать моимъ подданнымъ поводъ къ какому нибудь насилію надо мною. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ они имѣютъ одинаковыя мысли и одинаковыя намѣренія, и скоро всѣ заговорятъ въ одинъ голосъ, но пока еще не всѣ хотятъ, чтобы ихъ считали такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Если я не явлюсь для личныхъ переговоровъ, они скажутъ, что, я имъ не довѣряю; вѣдь говорятъ же многіе, что явись я предъ ними, какъ подобаетъ ихъ настоящему, естественному повелителю, — всякій повелъ бы себя, какъ смиренный подданный».

Истребовавъ себѣ надежный конвой, епископъ 2-го мая, отправился въ городъ, верхомъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ капитула и нѣсколькихъ рыцарей и совѣтниковъ, предъ отъѣздомъ онъ торжественною грамотою поручилъ

Фрауенбергъ и все владѣніе соборному пробсту, капитулу и совѣтникамъ, запретивъ имъ соглашаться на уступку замка, или какого нибудь изъ епископскихъ правъ, даже въ случаѣ если бы онъ попалъ въ плѣнъ, и у него, плѣннаго, вынудили бы приказъ въ этомъ смыслѣ. Всѣ присягнули ему въ этомъ. Онъ могъ отправиться въ путь успокоеннымъ, такъ какъ въ то же утро пфальцграфъ, по порученію швабскаго союза, сообщилъ ему утѣшительное извѣстіе, что возстаніе въ Верхней Швабіи потушено частью силою, частью уступчивостью, и что Трухзесъ направляется къ Виртембергу, откуда онъ поспѣшитъ на помощь Пфальцу, Майнцу и Вюрцбургу.

На сеймъ явились депутаты большей части округовъ; только тринадцать не прислали своихъ представителей. Всѣ верхнегерманскіе города прислали уполномоченныхъ; послѣ непродолжительнаго сопротивленія крестьяне бильдгайзерскаго союза, къ которому принадлежали эти города, позволили имъ участвовать въ сеймѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они ни на что не соглашались безъ ихъ вѣдома. Тѣ города, которые побратались съ тауберскою бандой, не выслали своихъ представителей; ихъ удержали отъ этого или, быть можетъ, они раздѣляли на этотъ счетъ мнѣніе своихъ братьевъ крестьянъ. Князь долженъ сдѣлаться христіанскимъ братомъ, говорилъ городъ Бюттгартъ, онъ долженъ поддержать божественное слово.

Еще до сейма епископу пришлось услышать упрекъ въ томъ, что онъ часто подавалъ поводъ къ неудовольствію; что «въ противность божественному постановленію черный народъ былъ притѣсняемъ и угнетаемъ, преимущественно ненасытными монастырями и прелатствами», которые всѣми силами старались затемнить и извратить слово Божіе, возсіявшее два года назадъ снова во всемъ мірѣ. На сеймѣ былъ поданъ адресъ, составленный кенигсгофенскимъ городскимъ писаремъ, Джономъ Мартелемъ, въ которомъ говорилось вообще о нестерпимыхъ притѣсненіяхъ епископскихъ повѣренныхъ, назна-

чаемыхъ преимущественно изъ дворянства и духовенства; имъ же было поставлено въ вину и то, что верхне-германскіе города присоединились къ крестьянамъ. Безъ крестьянъ они не могутъ вести никакихъ переговоровъ и не могутъ ничего рѣшить. Стало быть и епископъ долженъ призвать ихъ.

Епископу оставалось только одно: рѣшиться на небывалое дѣло и пригласить на сеймъ крестьянъ; а пока отправились къ нимъ депутаты, онъ былъ вынужденъ выслушивать жалобы отдѣльныхъ членовъ земства. Тогда-то обнаружилось, какія вопіющія насилія господствовали при взиманіи податей, при десятинномъ сборѣ, при отправленіи правосудія и во многихъ другихъ дѣлахъ; какое терпѣніе проявляли подданные епископа до самой послѣдней минуты; какую умѣренность они выказывали даже и теперь, и какимъ мѣднымъ лбомъ и безсовѣстностью нужно было обладать правителю, чтобы сказать, подобно епископу Конраду, что онъ не сознаетъ за собою ничего, могущаго подать поводъ къ неудовольствіямъ.

Тауберская банда отвѣчала посланнымъ епископа, явившимся къ ней съ приглашеніемъ послать депутатовъ на сеймъ, что: «на этотъ разъ они не могутъ терять времени и желаютъ отложить дѣло до своего прибытія въ Вюрцбургъ, куда они въ скоромъ времени думаютъ явиться». Этотъ отвѣтъ дали вожди изъ тауберской лощины. Другіе члены крестьянскаго совѣта выразили желаніе выслушать депутатовъ епископа и послѣдовать за ними. Тогда таубердцы огласили въ общинѣ письмо епископскаго канцлера къ констанцскому епископу; письмо это было только-что перехвачено и изобличало намѣренія и надежды двора. «Впередъ!» зазвучало изъ всѣхъ устъ; «не давать ни минуты отдыха врагамъ Евангелія! Они хотятъ только выиграть время!» Тогда же былъ отправленъ въ бильдгаузенскій лагерь совѣтъ подняться, идти въ Вюрцбургъ и помочь докончить начатое дѣло.

Послѣ того, что сообщили депутаты земства, сеймъ разошолся. Между городомъ Вюрцбургомъ и депутатами господ-

ствовало такое согласіе, что городъ взялъ на себя ихъ квартирныя издержки, и всѣ города соединились съ Вюрцбургомъ, чтобы въ братскомъ союзѣ кровью и достояніемъ защищать его дѣло, какъ общее. Потомъ всѣ разъѣхались по своимъ городамъ.

Въ виду возрастающей опасности епископъ поспѣшилъ вызвать гарнизонъ изъ многихъ замковъ и сосредоточить его въ Фрауенбергѣ; онъ еще разъ просилъ Вюрцбургъ не измѣнять ему. Граждане между тѣмъ уже видѣли евангелическую рать съ Оденвальда; отрядъ ихъ земляковъ стоялъ съ другой стороны передъ воротами, одни смотрѣли на это со страхомъ, другіе съ надеждой; они дали нерѣшительный отвѣтъ. Князь заподозрилъ въ этомъ намѣреніе задержать его, пока крестьяне придутъ въ Вюрцбургъ. Вюрцбургцы сдержали свое слово относительно конвоя князя и дали ему безпрепятственно вернуться на Фрауенбергъ: только женщины были недовольны и съ гнѣвомъ заявляли, что знай они напередъ, что ихъ мужья будутъ настолько наивны, что отпустятъ епископа назадъ въ замокъ, онѣ сами составили бы роту и взяли бы его въ плѣнъ.

Себастіанъ Ротенганъ озаботился между тѣмъ о Фрауенбергѣ, выказавъ при этомъ столько же дѣятельности, какъ и ума. Онъ велѣлъ вырубить деревья въ саду, обнести замокъ частоколомъ, приставить караулъ къ воротамъ, пробить бойницы, раздать ружья, сдѣлать запасъ воды, вина, дровъ, зерноваго хлѣба, муки, сала, яицъ, масла, солонины, сухарей и разныхъ другихъ вещей; набралъ людей и велѣлъ выстроить пороховую мельницу. Тѣмъ не менѣе дворяне и владѣтельныя лица въ одинъ голосъ совѣтовали епископу, не ожидая осады крестьянъ, обратиться за помощью къ Пфальцскому курфирсту и пугнуть ихъ хорошенько; 5-го мая вечеромъ онъ выѣхалъ изъ крѣпости, сердце его было встревожено мыслью, найдетъ ли онъ живыми своихъ вѣрныхъ слугъ, оставшихся на горѣ, удастся ли ему удержать за собою это

единственное еще принадлежащее ему укрѣпленіе, сохранитъ ли наконецъ онъ свою собственную жизнь. Черезъ Боксбергъ и Лорбахъ онъ съ своею свитою добрался 7-го мая до Гейдельберга. На Фрауенбергѣ остался гарнизонъ въ 244 человѣка каноииковъ, рыцарей и слугъ. Замокъ былъ отданъ подъ начальство соборнаго пробста; главнымъ комендантомъ былъ назначенъ маркграфъ Фридрихъ Бранденбургскій, и всѣ поклялись жить и умереть въ замкѣ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Исполненіе на походѣ въ Вюрцбургъ, грамоты о монастыряхъ и замкахъ.

Въ Оксенфуртѣ, гдѣ великая тауберская банда снова соединилась съ своимъ аріергардомъ, былъ сдѣланъ четырехъ дневный привалъ; здѣсь нашлось 500 бочекъ вина и полныя хлѣбныя закромы вюрцбургскаго соборнаго пробста и причта. Этихъ запасовъ могло хватить на продовольствіе и болѣе многочисленной рати. Здѣсь къ бандѣ присоединилось тысячи двѣ человѣкъ изъ Зоммеръ и Винтергаузена, Ейфельштадта Рандесаккера, Фрикенгаузена, Оберъ и Унтербрейта, Гросмансдорфа, Оберикельсгейма, изъ господскихъ помѣстій Абсберга, Шварценберга и Кастелля. Здѣсь же было составлено новое распредѣленіе войскъ и измѣненъ личный составъ полковъ. Всѣ значки выбрали главнымъ начальникомъ Якова Кель изъ Эйфельштадта; Михаилъ Газенбартъ изъ Моргенгейма былъ назначенъ вторымъ послѣ него, Кунцъ Байеръ изъ Оттельзингена—казначеемъ войска. На мѣсто Газенбарта Гансъ Кольбеншлагъ сдѣлался главнымъ начальникомъ моргентгеймцевъ. Войсковой уставъ былъ просмотрѣнъ и расширенъ; въ него внесли подробныя статьи о субординаціи, порядкѣ, уходѣ за больными, и кромѣ того, по примѣру бильдгейзеровъ, о разрушеніи дворянскихъ замковъ, о дворянствѣ, объ описи и завладѣніи духовными имѣніями; эти статьи мало отличались отъ бильдгейзерскихъ. Наконецъ въ уставѣ вслѣдъ за строгими постановленіями, относящимися къ общественной нравственности, было опредѣлено, «чтобы въ лагерѣ ежедневно проповѣдывалось слово Божіе». Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго начальства было запрещеніе сборщикамъ податей взимать какіе нибудь налоги и приказаніе составить опись погребовъ и ящиковъ съ провизіей. Всѣ запасы перешли въ его вѣдѣніе. Съ тѣхъ поръ войско завело большую и малую печать *). Въ силу статей новаго военнаго устава, въ которыхъ значилось, что всѣ укрѣпленныя жилища, даже принадлежащія дворянамъ, присоединившимся къ братству, должны быть сломаны владѣльцами были немедленно разосланы во всѣ стороны къ побратавшимся общинамъ приказы о томъ, чтобы разрушали всѣ еще оставшіяся укрѣпленія. Лаудаерцы и мергентгеймцы тотчасъ же срыли замокъ Мессельгаузенъ и затѣмъ точно также уничтожили Воксбергъ и Швейгернъ.

28 Апрѣля великая банда выступила изъ лагеря при Оксенфуртѣ, двинулась къ Ингофену и пробыла тамъ двѣ ночи; тамошній монастырь снабдилъ ее виномъ и хлѣбомъ. Получили подкрѣпленіе изъ Гросъ и Клейнланггейма, изъ Ми-

---

*) Этотъ второй войсковой уставъ перепечатанъ много разъ съ рукописи Фризе, въ достопримѣчательностяхъ Штумпфа II тетр. стр. 44, у Бензена 530—535.

*

хельфельда и другихъ мѣстъ, 30-го тауберцы, выступили изъ Ингофена и двинулись на Шварцахъ. На пути въ Грослансгеймъ ихъ привѣтствовали радостными возгласами жители, особенно женщины, которыя выставили на улицахъ достаточное количество вина въ ушатахъ, кружкахъ, кринкахъ, бутылкахъ и другой разнообразной посудѣ. Шварцахскій аббатъ Георгъ Вольфсбахъ сильно угнеталъ своихъ подданныхъ, и шварцахскіе граждане еще прежде просили вюрцбургскаго епископа защитить ихъ отъ несправедливыхъ податей и поборовъ аббата. Благодаря прежнимъ распрямъ, монастырь былъ обремененъ долгами, и аббатъ хотѣлъ уплатить ихъ усиленными налогами. Когда тауберская банда, принявшая теперь и для себя имя «фраконской рати», стала приближаться, шварцахскіе граждане потребовали отъ епископа разрѣшенія взять подъ свою защиту богатый монастырь и поставить въ него гарнизонъ. Епископъ разрѣшилъ, и тотчасъ граждане вмѣстѣ съ сосѣдними крестьянами бросились въ бенедектинскій монастырь, величиною чуть не съ цѣлый городъ, съ дикимъ крикомъ отняли ключи отъ виннаго погреба и кладовой, и многіе до того напились, что ночью надѣлали пожаръ, взломали двери, со всѣхъ сторонъ раздавались крики, ужасъ распространился всюду. Нѣкоторые монахи выскочили со страха изъ оконъ, другіе прикинулись будто хотятъ вступить въ братство крестьянъ. Аббатъ, проснувшійся отъ шума и отъ стука въ дверь, бросилъ имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, лежавшихъ въ его комнатѣ на мраморныхъ столахъ, и тотчасъ же въ сопровожденіи отца повара и отца погребщика выбѣжалъ въ садъ, откуда скрытымъ ходомъ добрался до безопаснаго мѣста и пробылъ 3 дня въ Герлахсгаузенѣ у Іоганна Цирольда. Его онъ отправилъ въ монастырь на рекогносцировку. Извѣстія, принесенныя Цирольдомъ, показали сколько пользы принесли аббату его золото и его бѣгство: какъ только въ монастырѣ замѣтили, что онъ скрылся, между самими бунтовщиками возникли смятенія и раздоры, всякій сваливалъ оплошность съ себя на другого.

Шварцахскіе граждане съ радостью приняли франконскую рать и повели ее въ монастырь, который теперь былъ разграбленъ вторично и уже гораздо основательнѣе. Зарытыя привиллегіи, на которыя указали крестьянамъ, были разорваны и разбросаны, и въ заключеніе самый монастырь зажженъ. Онъ сгорѣлъ дотла, крестьяне подѣлили между собою пахатную землю, луга и лѣса; аббатъ издали смотрѣлъ на разрушеніе своего монастыря и бѣжалъ въ Нюренбергъ, чтобы спасти хотя жизнь. Новые христіанскіе братья собрались изъ Детельбаха, Фолькаха и Штейгервальда и, во время пожара аббатства, присягнули Союзу *).

Изъ Шварцваха франконская рать послала бильдгайзерамъ уже извѣстное приглашеніе присоединиться къ ней. Тѣ отвѣчали, что обязались ожидать рѣшенія сейма.

2-го мая рать посѣтила придворные герольдсгофенскіе погреба, и новые ратники, присоединившіеся къ бандѣ изъ лимбургскаго и галльскаго округа, внесли и въ нее шутливое прозваніе: «веселые опустошители ящиковъ и мѣшковъ съ деньгами». Въ движеніяхъ банды господствовалъ дикій безпорядокъ; днемъ она была вооружена бутылками, ночью факелами; сопротивленія не было нигдѣ. Въ ту же ночь нѣсколько значковъ отправились изъ Герольдсгофена къ горному замку Штольбергу, въ Штейгервальдѣ, главнымъ начальникомъ котораго былъ скрывшійся теперь на Фрауенбергѣ графъ Кастель.

При приближеніи крестьянъ супруга графа съ дѣтьми бѣжала въ замокъ Кастелль. Здѣсь правилъ графъ Гансъ II кастелльскій. Онъ былъ женатъ на мѣщанкѣ Магдалинѣ Редеръ. Изъ Кастелля они видѣли, какъ горѣлъ замокъ Штольбергъ, а 3 мая и Бимбахъ, и какъ потомъ оба они превра-

---

*) Изъ Шварцахской хроники, въ Script. Людвига II, 35.

тились въ груду пепла. Бимбахъ былъ укрѣпленный замокъ Фуксовъ. Но и самому Кастеллю недолго пришлось служить убѣжищемъ бѣглецовъ. Подступили значки съ факелами, значки ихъ же подданныхъ изъ Крейта и Вюстенфельдена, у подошвы горы. Женщины и дѣти бѣжали, какъ только крестьяне прислали приказъ зажечь замокъ. Скоро все обратилось въ бѣгство; и графскій родовой замокъ былъ сравненъ съ землею. Графиня Магдалина умерла черезъ три мѣсяца спустя.

Ея невѣстка, супруга графа Вольфа, нигдѣ не могла найти безопаснаго пристанища; боясь крестьянъ, никто не хотѣлъ пріютить знатную женщину—она была дочь графа Михаила фонъ-Вертгеймъ; изъ пяти человѣкъ дѣтей, которыя были при ней, старшему ребенку было 6 лѣтъ, меньшому $2^1/_2$ мѣсяца. Деревня Кастелль раздѣлила участь замка, не было дома, который остался бы невредимымъ, и благородная женщина прожила подаяніемъ четыре недѣли, скрываясь вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми въ хижинѣ, которую вѣрныя руки построили ей у подошвы горы подъ орѣшникомъ Леонгарда Гердшлена; пятаго младшаго ребенка, она отправила съ кормилицей къ отцу, въ крѣпкій замокъ Брейбергъ. По дорогѣ кормилица попала въ руки мародерствующихъ крестьянъ, они заключили по многимъ признакамъ, что дитя должно принадлежать важнымъ родителямъ. Одинъ крестьянинъ уже хотѣлъ разбить дворянскому ребенку голову объ стѣну; но кормилица стала клясться и божиться, что ребенокъ ея собственный; тогда ее отпустили *).

Остгеймскій картезіанскій монастырь противъ Фолькаха,

*) Это послѣднее свѣдѣніе основано только на показаніяхъ кормилицы. Лѣтописи того же времени, дурно отзывающіяся о крестьянахъ, ничего не говорятъ объ этомъ. Источники: письмо графа Іоганна кастелльскаго къ маркграфу Казиміру о насиліяхъ въ Кастеллѣ, аншпахскій архивъ. акты крестьянской войны 1. 102. Франконскій журналъ VI. Фризе, рукопись. Фибекъ, генеалогическая исторія кастелльскаго дома стр. 46. Сейботъ, гимназическая рѣчь въ Виндсгеймѣ, въ собраніи прелата ф. Шмидъ.

бергренфельдскій монастырь, замки Гейбахъ и Гальбургъ были разграблены и разрушены. Въ четвергъ, 4 мая, главные предводители держали большой совѣтъ, чтобы рѣшить, куда идти, прямо ли на Вюрцбургъ, или къ Цабельштейну—крѣпкому замку, гдѣ находился епископскій архивъ и гдѣ стоялъ сильный гарнизонъ. Окрестные крестьяне считали опаснымъ идти на Вюрцбургъ, оставивъ у себя въ тылу этотъ гарнизонъ; они боялись за своихъ женъ и дѣтей. Послѣ долгихъ совѣщаній большинство потребовало идти «къ милому Фрауенбергу». Поджогъ Цабельштейна былъ порученъ двумъ значкамъ подъ предводительствомъ великаго Лингарда шварценбруннскаго и Вильгельма Рейхарда реттингенскаго. Братья Гансъ и Кюнемундъ фонъ-Гихъ, защищавшіе замокъ, отказались сдаться, значки отступили и присоединились къ франконской рати, направившейся на Вюрцбургъ.

Чтобы исполнить въ окрестностяхъ статьи устава, Гансъ Луфтъ, предводитель значковъ города и округа Герольдсгофена и Гасфурта, отсталъ отъ рати. Они разрушилъ герольдгофенскій замокъ, картезіанскій и женскій монастырь. Тересскій аббатъ Томасъ Гейльдорфъ поручилъ этотъ монастырь, основанный еще въ девятомъ вѣкѣ, защитѣ гасфуртцовъ. Но послѣ возвращенія депутатовъ съ неудавшагося ландтага, всѣ вассалы аббата взволновались, гасфуртцы пришли, описали все, что находилось въ монастырѣ, захватили все это и заняли самый монастырь. Аббатъ скрывался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ хижинѣ, въ деревнѣ Обертересъ.

Гансъ Луфтъ посѣтилъ и эрбахскій монастырь, который былъ такъ богатъ, что его аббатъ хвасталъ, что всего только

на три гроша бѣднѣе вюрцбургскаго епископа. 75 братьевъ жили тамъ, не зная никакихъ заботъ. Когда крестьяне стали приближаться, аббатъ Іоганнъ переодѣлся и попытался незамѣтно скрыться къ эрбахскому двору въ Нюренбергѣ. Но въ деревнѣ Мюльгаузенѣ его узнали бомбергскіе крестьяне. Они схватили его, заперли и стали потѣшаться надъ нимъ. Іоганнъ далъ имъ денегъ и обѣщалъ дать еще больше, чтобы освободиться и вернуться въ свой монастырь. Крестьяне доставили его невредимымъ до Диннаха и далѣе, до его двора въ Геррисдорфѣ. Дворъ оказался запертымъ. Изнутри слышались крики кутящихъ крестьянъ. Наконецъ кое-гдѣ отворились окна и показались смѣющіяся лица; Іоганнъ объявилъ, что онъ ихъ аббатъ и господинъ, но крестьяне смѣялись и дѣлали видъ, будто никогда ни видали его въ глаза и не вѣрятъ ему. Такъ какъ дѣло шло къ ночи, то они все-таки впустили его въ комнаты. Тогда аббату пришлось видѣть своими глазами, какъ рѣзали его скотину, какъ поѣдали его птицу, его прекрасныхъ куръ и гусей, какъ крестьяне напивались его виномъ, какъ опустошали его кладовыя. У аббата сердце надрывалось, глядя на такія опустошенія, но, не смотря на то, онъ долженъ былъ дѣлать веселый видъ и бражничать вмѣстѣ съ бунтовщиками. Наконецъ крестьяне позволили ему безпрепятственно отправиться въ Эрбахъ. Тамъ картина была еще печальнѣе. Шлиссельфельдскіе и другіе сосѣдніе крестьяне угнали его стада, его воловъ и овецъ; погреба и закромы были опустошены; самый монастырь былъ объятъ пламенемъ, свинцовая крыша прекрасной башни растопилась, священные сосуды были разграблены, драгоцѣнные камни на иконахъ выломаны изъ своихъ оправъ; алтари, скульптурныя украшенія и картины уничтожены самымъ варварскимъ образомъ. И къ довершенію всего этого ему довелось видѣть и слышать, какъ его добрые друзья и сосѣди, *благородные* господа, которымъ онъ не разъ гостепріимно предлагалъ откушать въ монастырѣ, и которые теперь поступили въ евангельское *братство*, «спѣшили въ запуски съ Герольдсгофенскими гражданами выгонять его быковъ и коровъ цѣлыми сотнями изъ его фермъ въ Шписгеймѣ, Герльгеймѣ, Алецгеймѣ и Штокгеймѣ». Все это онъ затаилъ въ своемъ сердцѣ и описалъ потомъ нѣмецкими риѳмованными стихами *).

Въ тылу франконской рати и нигофенцы стали храбры. Въ бюрклингенскомъ монастырѣ франконцы только сдѣлали новый запасъ провіанта. 2-го мая значительное число нигофенскихъ гражданъ собралось въ трактирѣ Конрада Крена, который въ прошломъ году былъ ихъ предводителемъ во время ихъ перваго геройскаго подвига; они понировали и пожелали монахамъ всякихъ напастей. Тогда трактирщикъ выступилъ впередъ, провелъ кругъ мѣломъ на столѣ и вскричалъ: пусть тотъ, кто завтра хочетъ помочь поджечь бюрклингенскій монастырь, воткнетъ свой ножъ въ этотъ кругъ. Одинъ только отошелъ, всѣ же прочіе сдѣлали, какъ говорилъ трактирщикъ. Въ среду послѣ вальпургія они отправились въ монастырь, ограбили его дочиста и оскорбили монаховъ. Настоятель спрятался въ кучу мусора и щепокъ; его нашли тамъ, вытащили, и (вѣроятно это были оскорбленные отцы и мужья) оскопили. Потомъ зажгли зданія. Въ 8 часовъ утра монастырь превратился въ груду пепла изъ котораго уже никогда болѣе не воскресалъ **).

Приказъ приводить въ исполненіе статьи о разрушеніи замковъ и монастырей зажегъ во многихъ мѣстахъ пламя пожара. Въ Гейдингсфельдѣ и Оберцеллѣ запылали пріорства, ильмбахскій монастырь сгорѣлъ, Унтерцелль былъ разграбленъ, женскій герлахцелльскій монастырь при Лаудѣ былъ обращенъ въ груду пепла, такая же участь постигла Марія-

---

*) Breks notitia monasterii Ebracensis 1739, стр. 131.
**) Франконскій журналъ для франконцевъ, V. 555.

бурггаузенъ при Гасфуртѣ, Гейлигталь при Гаммельбургѣ; цистернимскій женскій монастырь, процвѣтавшій столько времени, превратился въ пустыню; женскій монастырь Шенау, расположенный среди роскошныхъ луговъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ франконская Заала впадаетъ въ Майнъ, пострадалъ настолько, что долго спустя не могъ поправиться отъ раззоренія.

На обратномъ пути франконская рать сожгла не одно «вредное мѣсто». Въ одну ночь, 5-го мая, небо окрасилось заревомъ пожаровъ замка Стефансберга при Гросланrеймѣ и укрѣпленій Зиггерсгаузена и Михельфельда. Въ Ингофенѣ и во всѣхъ мѣстахъ, по которымъ проходила рать, она забирала съ собою лѣстницы и снаряды для осады Фрауенберга и, еще не доходя до Оксенфурта, на Майнѣ встрѣтила корабль бамбергскаго епископа, плотно нагруженный всякимъ добромъ. Корабль былъ захваченъ. Въ Оксенфуртѣ узнали черезъ посланныхъ начальниковъ вюрцбургскаго кармелитскаго монастыря, что епископъ уѣхалъ. 6-го мая Бильдгейзерцы дневали въ Нейштадтѣ; неудавшійся ландтагъ заставилъ и ихъ рѣшиться двинуться на Вюрцбургъ; и вечеромъ того же дня Флоріанъ Гейеръ расположился съ *черною тауберскою бандой* въ Гейдингсфельдѣ передъ самымъ Фрауенбергомъ; а 7-го мая различные разноцвѣтные и многочисленные значки *свѣтлой, ясной* банды изъ Оденвальда и Некарской долины вошли подъ предводительствомъ Геца фонъ-Берлихингенъ и Георга Мецлера въ Гохбергъ, городокъ, расположенный на лѣвомъ берегу Майна на четверть мили выше Вюрцбурга: въ тотъ же вечеръ явилась и великая «франконская рать», расположившаяся около Гейдингсфельда, у города близъ самаго берега Майна *).

Изъ маркграфскихъ аншпахскихъ владѣній—Кицингена, Уффенгейма, Кольмберга, Лейтерсгаузена, Зульцфельда, Шлюссельфельда, Бургъ-Бернгейма, вскорѣ присоединилось къ франконской рати болѣе 2000 человѣкъ для осады Фрауенберга.

*) Главные источники: рукопись Лоренца Фризе, многія лѣтописи аншпахскаго архива.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Маркграфъ Казиміръ и крестьяне при Якстѣ, Верницѣ, въ Аинской долинѣ, при Рекницѣ и Ротмайнѣ.

Совершенно своеобразное явленіе среди всего этого великаго движенія представляетъ политика князя, подданные котораго присоединились подъ Вюрцбургомъ къ франконской рати, политика постоянно холоднаго, выжидающаго, разсчитывающаго, ведущаго переговоры со всѣми партіями Маркграфа Казиміра Аншпахскаго.

Со времени неудавшагося княжескаго сейма въ Нейштадтѣ при Аншѣ онъ сидѣлъ, повидимому, совершенно пассивно въ своемъ Аншпахѣ, принималъ посольства, получалъ новѣйшія извѣстія со всѣхъ сторонъ и разсылалъ къ своимъ подчиненнымъ гонцовъ съ предписаніями; самъ писалъ къ жителямъ многихъ мѣстностей владѣній фонъ-Эйбовъ, увѣщевая ихъ не отпадать отъ своихъ господъ; приказалъ составить себѣ росписаніе главныхъ предводителей значковъ изъ среды его подданныхъ; сообщалъ сосѣднимъ баварскимъ князьямъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ близлежащихъ странахъ; хлопоталъ изподтишка о помощи и получалъ отъ Баваріи обѣщанія; равнодушно слушалъ воззванія швабскаго союза, приглашающія его поддержать гроссмейстера нѣмецкаго ордена въ борьбѣ

съ тауберскими крестьянами, и не трогался съ мѣста; также равнодушно принималъ онъ письма многихъ вассаловъ, извинявшихся, что не являются съ подкрѣпленіемъ и не въ силахъ отстоять назначенные имъ посты; прислушивался съ особеннымъ вниманіемъ ко всѣмъ извѣстіямъ о возрастающемъ волненіи въ вюрцбургскомъ и бамбергскомъ округахъ; давалъ совѣты бамбергскому епископу и переписывался съ бамбергскою общиной; радовался, когда швабскій союзъ уполномочилъ его прибавить на счетъ союза къ прежнимъ силамъ 500 конныхъ и 6000 пѣшихъ людей; на запросъ того или другаго изъ своихъ фогтовъ о томъ, какъ имъ и ихъ общинѣ держать себя относительно крестьянъ, отвѣчалъ совѣтомъ прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости и уступчивости. Не смотря на безпрестанныя требованія швабскаго союза о возвращеніи данныхъ ему суммъ, онъ не выпускалъ денегъ изъ рукъ и старался промыслить ихъ для веденія войны у сосѣднихъ князей *).

Еще годъ тому назадъ маркграфъ постановленіемъ ландтага исполнилъ одно изъ главныхъ требованій своихъ подданныхъ, даровалъ имъ свободную проповѣдь евангелія. Его руководило при этомъ не религіозное увлеченіе, а единственно политическія соображенія **). Такимъ образомъ онъ отнялъ у нихъ главный поводъ и предлогъ къ неудовольствію. Желѣзные годы прежняго правленія Казиміра сдержали развитіе гражданскаго духа его подданныхъ: они боялись своего жестокаго государя. Къ тому же духъ этотъ и вообще не былъ въ нихъ развитъ, такъ какъ промышленное благосостояніе никогда не достигало здѣсь такого уровня, чтобы могло возвысить городское сословіе и города, лишенные значенія, не могли

*) Аншпахскій архивъ, акты о крестьянской войнѣ. I, 47, 49, 48, 44. 45, 46, IV. 18. I. 52, 58, 60, 273, II. 59, I. 63.

**) Постановленіе ландтага 1-го октября 1524 г.

вліять на просвѣтленіе и совершенствованіе народнаго духа сельскаго населенія. Поэтому маркграфъ не боялся своихъ подданныхъ. Нападенія на монастыри только радовали его, доставляя благовидный предлогъ выказать свою власть надъ монастырями и подчинить ихъ своему господству. Онъ посадилъ въ монастыри своихъ управляющихъ, велѣлъ составить опись монастырскихъ имуществъ и отобрать присягу на вѣрность ему монастырскихъ вассаловъ *). Его взоръ, постоянно жаждавшій расширенія границъ, съ особеннымъ вожделѣніемъ устремлялся на владѣнія сосѣднихъ имперскихъ городовъ и духовныхъ князей. Его брату Альбрехту только-что посчастливилось создать себѣ свѣтское герцогство изъ владѣній нѣмецкаго ордена въ Пруссіи; естественно, что мысль сдѣлать франконское герцогство бранденбургскимъ сама напрашивалась къ Казиміру. А тутъ еще подоспѣло письмо стараго графа Вильгельма фонъ-Геннебергъ, въ которомъ тотъ предлагалъ ему (конечно, съ тайнымъ условіемъ собственной ленной независимости) сдѣлать герцогомъ франконскимъ маркграфа Фридриха, брата Казиміра, теперешняго вюрцбургскаго пробста. Возможность осуществленія такого предположенія основывалась на нежеланіи народа оставаться далѣе подъ властью епископа или попа, онъ требовалъ себѣ свѣтскаго повелителя. Если бы этотъ планъ удался, вся франконская земля подчинилась бы *одному* главѣ, а чрезъ то право и миръ скорѣе были бы водворены въ ней **). Геннебергскій графъ словно угадалъ тайную мысль Казиміра и хотѣлъ испытать его. Братъ Казиміра Георгъ даже предвидѣлъ уже возможность опасности, возможность того, что народъ освободится, и отъ дворянства, и князей, также какъ онъ освободился отъ духовенства. «Неужели сбудется предсказаніе Сивиллы, —писалъ онъ отъ 7-го

*) Акты крестьянской войны, аншпахскій архивъ I. 188.

**) Аншпахскій архивъ, письмо отъ 10-го мая, I. 122.

мая, узнавъ о крестьянскомъ возстаніи,—и Шваненбергъ лежетъ среди Швейцаріи? Въ высшей степени необходимо, чтобы ты и другіе имперскіе князья вмѣшались въ дѣло, и обратили въ другую сторону ходъ событій. Если всѣхъ крестьянъ перерѣжутъ, гдѣ же мы возьмемъ другихъ, которые кормили бы насъ? Поэтому необходимо поступать мудро; я не теряю надежды, что Богъ все поворотитъ къ лучшему. Я думаю, что страшный судъ уже недалекъ. Да свершится воля Всемогущаго» *).

Представлять дѣло до извѣстной степени его свободному теченію, не желая при этомъ торжества крестьянъ, — такая политика была совершенно въ духѣ Казиміра. Онъ далъ свободно бушевать тому потоку, который онъ не въ силахъ былъ запрудить, и въ которомъ должны были погибнуть ненавистные ему мелкіе и крупные, духовные и свѣтскіе владѣтели; онъ далъ ему бурлить и выступать изъ береговъ до тѣхъ поръ, пока ему самому не грозила опасность; онъ щадилъ себя, собирался съ силами, прогуливался по берегу взадъ и впередъ, высматривалъ въ волнахъ добычу и старался обогатиться на счетъ чужаго крушенія. Онъ все еще сидѣлъ сложа руки, хотя каждый день ему приходилось видѣть, какъ отдѣльныя общины и многіе изъ его подданныхъ присоединялись къ франконской рати или отказывались отъ повиновенія. Его слегка взволновало только извѣстіе о томъ, что крестьяне востали въ Эйхштеттенѣ и перешли въ его владѣнія. 22-го апрѣля его извѣстили изъ Швабаха, что крестьяне собрались въ Зульцгау и овладѣли эйштетенскимъ замкомъ Обермессингеномъ. На слѣдующій день эйхштетенскіе крестьяне уже пригласили маркграфскія швабахскія общины пристать къ ихъ союзу; черезъ два дня то же самое произо-

*) Георгъ писалъ изъ Эльса, находясь при дворѣ своего брата Альбрехта, въ воскресеніе юбилея.

шло съ швандскими и ротскими общинами, а 24-го числа Іергъ Габеркорнъ сообщилъ ему о сборищѣ крестьянъ около Эльвангена и Динкельсюля, именно въ фирбской долинѣ, при Якстѣ и Верницѣ. Въ то же время Фрицъ фонъ-Лидвахъ, только-что вернувшійся изъ Ротенбурга, принесъ извѣстіе, что онъ и другіе императорскіе совѣтники были задержаны свѣтлою бандою, и что даже императорскіе уполномоченные не могутъ считать свое положеніе безопаснымъ; онъ передалъ также, что герцогъ Фридрихъ баварскій просилъ у него 100 человѣкъ конницы въ помощь противъ эйхштетскихъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на это Казиміръ тотчасъ же просилъ назначить мѣсто, гдѣ бы онъ могъ присоединиться къ Фридриху съ своими всадниками *).

Въ окрестностяхъ Эйхштетена возстало до 5000 человѣкъ крестьянъ, а такъ какъ это владѣніе лежало въ сѣверномъ баварскомъ округѣ, то многіе изъ подданныхъ герцога Фридриха баварскаго присоединились къ возстанію. Самая Баварія, Верхній Пфальцъ, вообще баварское герцогство были *по большей части* спокойны сравнительно съ взволнованными окрестностями.

Но и въ сѣверномъ баварскомъ округѣ крестьяне и граждане были не вполнѣ спокойны, такъ что, если бы возстаніе взяло верхъ въ другихъ мѣстностяхъ, оно неминуемо увлекло бы и баварцевъ. Обермессингенскіе инсургенты грозили убійствомъ и пожаромъ всѣмъ, кто не хотѣлъ присоединиться къ нимъ. Между этими крестьянами было такъ много сволочи, что даже Гейле не могъ оставаться съ ними въ Эйхштеттѣ. Поэтому, когда эйхштетцы стали грозить Верхнему Пфальцу, герцогъ Фридрихъ, который имѣлъ здѣсь въ Неймарктѣ свою резиденцію, собралъ противъ нихъ свои военныя силы.

Грединrскіе граждане примкнули къ эйхштетскимъ кре-

*) Аншпахскіе акты. I. 62, 272, 273, 274, 64, 65, 66, 70.

стьянамъ. Городъ Эйхштеттъ тоже возсталъ. Епископъ Гавріилъ фонъ-Эйбъ былъ осажденъ своими подданными въ Виллибальдбургѣ. Крестьяне ограбили и разрушили монастыри Бланкштаттъ, Ребдорфъ, Морсброннъ и нѣсколько замковъ, и расположились главной квартирой на обермессингской горѣ близъ замка Ландека. Угрозами «лишенія жизни и достоянія и сожженія домовъ и дворовъ» они принуждали соединяться съ ними и помогать имъ «жизнью, честью и имуществомъ» *). Въ эйхштетскомъ городѣ Шпальтѣ возстаніе началось во имя евангелія; въ магистратѣ не было ни одного человѣка, который бы не перешелъ на сторону крестьянъ. Граждане подняли жестокое преслѣдованіе противъ духовныхъ лицъ; одинъ прислужникъ выгналъ священника изъ церкви и сталъ самъ проповѣдывать о христіанской свободѣ. Инсургенты захватили Бернгрисъ и Берхингенъ; маріенбургскій монастырь сильно пострадалъ отъ нихъ. Къ крестьянамъ присоединились также четыре имперскія деревни, состоявшія подъ управленіемъ вольнаго города Вейссенбурга. Въ вольфштейнскомъ владѣніи и въ Оберпфальцѣ — въ Амбергѣ, Ауербахѣ, Нейенбургѣ — все было еще тихо, хотя жители ихъ уже были готовы къ возстанію. Волненіе здѣсь вскорѣ было разсѣяно быстрымъ движеніемъ герцоговъ Фридриха и Вильгельма баварскихъ. У обоихъ было 700 всадниковъ и 300 богемскихъ стрѣлковъ; маркграфъ Казиміръ приказалъ части своихъ войскъ присоединиться къ нимъ; къ нимъ пристали также многіе изъ эйхштетскихъ ленныхъ дворянъ (которыхъ считалось въ то время 134 дома), не говоря уже о многочисленныхъ пѣшихъ кнехтахъ. Сперва герцогъ Фридрихъ вступилъ въ переговоры съ предводителями крестьянъ, находившихся на горѣ. Тѣ передали условія бандѣ. Прежде всего требовали перемирія. Одни хотѣли принять его,

*) Такое враждебное заявленіе находили въ лѣтописяхъ города Шпальта, Агриколы

другіе отказывались. Однако управлявшій здѣсь баварскій капитанъ и рыцарь, Эргардъ Мукенталеръ, писалъ еще отъ 28 апрѣля своему князю, герцогу Вильгельму, «что онъ отчасти знаетъ крестьянскихъ предводителей и, по приказанію его княжескаго высочества, постарается поладить съ нѣкоторыми изъ нихъ и устроить бунтъ въ крестьянскомъ лагерѣ». И дѣйствительно ему удалось склонить на свою сторону одного изъ предводителей крестьянъ, бывшихъ на горѣ, и поселить въ лагерѣ раздоръ, при помощи людей, которыхъ онъ взялъ изъ дитфуртскаго гарнизона и подослалъ тайкомъ къ крестьянамъ *). Такимъ образомъ большинство приняло перемиріе; а къ вечеру всѣ очистили гору, даже и тѣ, которые стояли противъ перемирія. Согласно условію, пфальцграфъ Фридрихъ осадилъ замокъ Гиршбергъ, а на зарѣ напалъ на мессингенскую гору. Инсургенты повѣрили перемирію и, потому на горѣ оставался только главный начальникъ съ нѣкоторыми предводителями, начальники значковъ, и нѣсколько человѣкъ фускнехтовъ. Четырнадцать изъ нихъ были подвергнуты пыткѣ; ихъ допрашивали о зачинщикахъ мятежа, но безуспѣшно; потомъ имъ отрубили головы. Спасшіеся начальники и совѣтники мессингенскаго лагеря нашли убѣжище въ Нюренбергѣ, который принялъ ихъ подъ свое покровительство; граждане Нюренберга выражали свое негодованіе на поступокъ пфальцграфа такъ открыто, что слухъ объ этомъ дошелъ и до него: «жаль, говорили они, что земля терпитъ еще этого пфальцграфа, который не только не сдержалъ относительно крестьянъ своего слова, но завлекъ и обманулъ ихъ». 5 мая пфальцграфъ самъ жаловался на это герцогу Вильгельму. Въ Гредингѣ гарнизонъ защищался и сдался только на извѣстныхъ условіяхъ. Не смотря на то, восемь плѣнныхъ начальниковъ и знаменщиковъ, которые вмѣстѣ съ городкомъ сдались на капитуляцію, были казнены во-

*) Письма Мукенталера отъ 28 и 29 апрѣля 1525 года.

преки условіямъ. Послѣ этого побѣдители низложили епископа и его должностныхъ лицъ въ Виллибальдбургѣ, разбили банду въ городѣ Эйхштеттѣ, сожгли множество деревень и забрали скотъ. Казалось, возстаніе здѣсь было подавлено, но большая часть крестьянъ присоединилась къ другой бандѣ, составившейся въ нюренбергскомъ округѣ. Крестьяне поднялись еще 17 апрѣля, въ Кноблаухсландѣ за Нюренбергомъ, по направленію къ Эрлангену, и въ Бухгрундѣ и двинулись на Поппенрейтъ. Въ то же время взялись за оружіе и крестьяне изъ окрестностей Форхгейма и Герцогенаураха *).

Между тѣмъ банда усилилась на пути между Эльвангеномъ и Динкельсбюлемъ, заняла городъ Эльвангенъ. Нѣсколько сотъ крестьянъ собрались изъ окрестныхъ деревень къ городу, чтобы направиться потомъ къ гайльдорфской бандѣ. Фогтъ впустилъ ихъ, граждане присягнули имъ частью добровольно, частью по принужденію; добровольно присягнули два каноника Вильгельмъ ф. Гесбергъ и Гансъ ф. Гюльтлингенъ. Они хотѣли отправиться въ замокъ прелата, который былъ въ то время въ отсутствіи; въ замкѣ было только восемь человѣкъ гарнизона; граждане однако не допустили этого, тѣмъ болѣе, что крестьяне говорили о поджогѣ и грабежѣ. Городской фогтъ и начальникъ замка были принуждены присягнуть крестьянамъ, а послѣдній долженъ былъ дать имъ провіанта на 1,200 гульденовъ: за это они пощадили замки Эльвангенъ, Танненбургъ и Ротъ. Черезъ нѣсколько дней, 2 мая, они отправились къ Динкельсбюльцамъ, которые возстали еще съ 24 числа и 30 потребовали, чтобы городъ присоединился къ нимъ. Они расположились лагеремъ возлѣ нихъ, на Брюлѣ, передъ городомъ. Здѣсь они ограбили бенедиктинское пріорство Менхротъ и сожгли его вмѣстѣ съ церковью и

*) Аншпахскіе акты I. 55, 72, 89. Гаареръ. Походъ франконской банды, рукопись. Историко-дипломатическій отечественный магазинъ, Нюренбергъ. 1781—82, I. 9.

всѣми зданіями, Пріоръ Мельхіоръ Редингеръ бѣжалъ вмѣстѣ съ монахами. Таже участь постигла замки Виттельсгофенъ и Дюрвангенъ при Зульцѣ и женскій монастырь въ Кемптенѣ. Многіе изъ гражданъ Динкельсбюля передались инсургентамъ, которые вслѣдъ затѣмъ принудили и магистратъ войти съ ними въ соглашеніе. Магистратъ отдалъ въ руки крестьянъ находившійся въ городѣ монастырь, принялъ 12 статей, позволилъ всѣмъ гражданамъ свободно присоединяться къ бандамъ, далъ имъ три орудія, полтора центнера пороху, 120 пуль и 100 пикъ; это произошло 5 мая. Крестьяне имѣли намѣреніе присоединиться, вмѣстѣ съ маркграфскими людьми въ крайльсгеймскомъ округѣ, къ рисскимъ крестьянамъ и гайльдорфской бандѣ. Крайльсгеймскіе крестьяне возстали 2 мая, ограбили монастырь Ангаузенъ при Кирхбергѣ и сожгли монастырь Зульцъ, замки Лобенгаузенъ и Горнбургъ при Кирхбергѣ. 5 мая они сняли съ постели дворянина Каспара фонъ Крайльсгеймъ въ его наслѣдственномъ замкѣ, принудили присягнуть имъ и отправиться пѣшкомъ вслѣдъ за бандой. »Ты крестьянинъ, братъ Каспаръ«, говорили ему. 6 мая они присоединились къ динкельсбюльской бандѣ.

Въ Рисѣ снова зашевелились съ послѣднихъ недѣль апрѣля. Вожди тамошняго движенія поддерживали постоянныя сношенія съ другими крестьянскими общинами, и 25 апрѣля даже далекіе братья, на Фульдѣ, расположившись въ то время лагеремъ при городѣ Фульдѣ, писали «къ своимъ братьямъ при Дейнингенѣ близъ Нордлингена», чтобы условиться объ общихъ мѣрахъ для секуляризаціи духовныхъ владѣній *). 1 мая графы эттингенскіе, которые въ теченіе послѣднихъ дней апрѣля обращались во всѣ стороны съ просьбами о помощи противъ ихъ подданныхъ, вздумали предостеречь своихъ крестьянъ противъ инсургентовъ, собравшихся близъ Динкельсбюля; они со-

*) Изъ кассельскаго правительственнаго архива, Раммель II. 73.

звали ихъ; но собравшіеся крестьяне потребовали, что бы графы отправились съ ними. Старшій, графъ Людовикъ, отвѣчалъ, что передастъ это своему брату Карлу. Рисскіе крестьяне захватили между тѣмъ монастыри: Майнгеймъ, гдѣ было два зданія для братьевъ и сестеръ ордена Бригитты, Кристгартенъ близъ св. Петра, по выше Гохгауса, картезьянскій монастырь, Ротъ, женскій монастырь Циммернъ и другіе. Они заняли и Эттингенъ, захватили въ плѣнъ молодаго графа Людвига и разграбили домъ нѣмецкаго ордена. Слышались даже требованія, чтобы всѣ эттингенскіе графы были умерщвлены съ женами и дѣтьми. Однако главные начальники отпустили даже плѣннаго графа и его семейство, не нанеся имъ ни малѣйшаго оскорбленія. 8 мая банда оставила динкельсбюльскій лагерь и соединилась въ Риссѣ съ эттингенцами, которымъ они еще нѣсколько дней назадъ указали доступъ къ Динкельсбюлю. 9 они напали вмѣстѣ на бенедиктинское аббатство Аугаузенъ, близъ Вассертрюдингена. Къ динкельсбюльскимъ крестьянамъ присталъ дворянинъ, древняго рода, старый баронъ Генрихъ Іерхъ фонъ-Эльрихсгаузенъ, жившій въ своемъ замкѣ Шопфлохъ. Онъ не только самъ добровольно присоединился къ крестьянамъ, но приглашалъ даже и другихъ дворянъ, напримѣръ Кунца фонъ-Эгенгеймъ, пристать къ евангельскимъ братьямъ и старался отговорить крайльсгеймскихъ владѣтелей, удерживавшихъ крестьянъ, отъ вступленія въ свѣтлую банду. Князья считали его главнымъ участникомъ въ мятежѣ и маркграфъ Казиміръ и пфальцграфъ Фридрихъ отдали приказъ сжечь его замокъ Шопфлохъ и секвестровать его ленныя владѣнія *). 6000 крестьянъ весело собрались подъ своими развѣвающимися значками; они направились въ монастырь Гейденгеймъ за новой добычей, чтобы двинуться

*) Аншпахскіе акты. I. 250. II. 184. VIII. 54. I. 64, 74, 101, 91. Источники къ исторіи етингенской церкви и страны.

потомъ въ долину Альтмюля, гдѣ эйхштеттскіе и маркграфскіе крестьяне соединились, задумали разломать альтмюльскій мостъ и отрѣзать маркграфа Казиміра *). Герриденскіе граждане тоже возстали 6-го мая, невдалекѣ отъ Аншпаха, какъ возлѣ дороги въ Динкельсбюль и Крайльсгеймъ. Но уже при самомъ началѣ этого дѣла между крестьянами произошли разногласія **).

Чувствуя возрастающую опасность, маркграфъ Казиміръ сталъ разыгрывать роль предупредительнаго, любящаго отца своихъ подданныхъ. Онъ сдѣлалъ самъ добровольно то, къ чему приходилось принуждать вюрцбургскаго князя. Онъ пригласилъ и крестьянъ на ландтагъ, назначенный имъ въ Аншпахѣ, чтобы выслушать ихъ жалобы и обсудить ихъ, и 2 мая дружелюбно распрощался съ своими подданными. Онъ сложилъ съ нихъ нѣкоторыя повинности и во многомъ облегчилъ ихъ житье: позволилъ стрѣлять всю дичь, находившуюся внѣ его лѣсовъ; постановилъ, чтобы духовенство несло одинаковыя повинности съ прихожанами, чтобы строевой лѣсъ выдавался каждому изъ лѣсовъ безвозмездно; чтобы промѣнъ денегъ, отъ котораго сильно страдалъ простой человѣкъ, былъ прекращенъ. Маркграфъ согласился на это и на многое другое, и самъ постановилъ, чтобы выборные отъ страны имѣли постоянное пребываніе въ Аншпахѣ, чтобы приготовить и устроить дальнѣйшія реформы. Потомъ онъ уѣхалъ, съ тѣмъ чтобы распустить земское ополченіе и заставить его вновь присягнуть себѣ.

Опасность была близка, слишкомъ близка. Казиміръ пустилъ въ ходъ всю свою изворотливость, все свое притворство, разослалъ ко всѣмъ франконскимъ бандамъ посланныхъ съ любезными письмами и заявленіями, какъ другъ евангелія, какъ правосудный князь; онъ просилъ исключить всѣхъ марк-

*) Аншпахскіе акты I. 112, 106, 84, 85, 86.
**) Аншпахскіе акты I. 106.

графскихъ подданныхъ изъ ихъ сборищъ, на томъ основаніи, что онъ исполнилъ всѣ желанія своей страны.

Динкельсбюлерцы отвѣчали, что маркграфскіе подданные говорятъ, что уступки имъ еще неизвѣстны, и что поэтому банда проситъ маркграфа милостиво даровать своимъ подданнымъ двѣнадцать статей и, въ качествѣ христіанскаго князя, мужественно содѣйствовать имъ въ дѣлѣ возстановленія христіанскаго порядка. Франконская рать отвѣчала, что никого не неволитъ присоединяться къ ней и никого не гонитъ отъ себя. Казиміръ, привычный къ военному дѣлу, тотчасъ замѣтилъ, какъ необходима ему дружба Нюренберга и Ротенбурга. Нюренбергъ отвѣчалъ его посланнымъ, просившимъ у него орудій, пороху и людей, что до сихъ поръ городъ держалъ себя нейтрально. Казиміръ думалъ, что ему непремѣнно слѣдуетъ привлечь на свою сторону Ротенбургъ, гораздо болѣе сильный, чѣмъ Анпшахъ, и находившійся въ серединѣ большей части маркграфскихъ владѣній. Всѣ дружескія заявленія, сдѣланныя до сихъ поръ относительно Ротенбурга, были для него дѣломъ серьезнымъ. Магистратъ и выборные этого города колебались между дружбою маркграфа и франконской рати. По мнѣнію почтенныхъ старцевъ, маркграфъ требовалъ слишкомъ много денегъ, многіе боялись длинныхъ рукъ его политики; Эренфридъ Кумпфъ выражался относительно помощи маркграфа, что и господство вооруженной силы и насилія крестьянъ одинаково дурны; но когда 250 гражданъ прямо и открыто не явились на смотръ, когда и вдали и вблизи положеніе становилось все опаснѣе, когда крестьяне стали одолѣвать, и франконская рать упрекала ротенбургскихъ посланныхъ за ихъ странное поведеніе,—тогда, испуганный заревомъ пожаровъ, покрывавшихъ небо своимъ кровавымъ отблескомъ и разгромомъ сосѣднихъ монастырей и замковъ, магистратъ рѣшительно перешелъ на сторону маркграфа. Менцигенъ былъ посланъ къ Казиміру вмѣстѣ съ другими. Едва только они отправились, едва разнесся слухъ, что магистратъ хочетъ привести маркграфскій

гарнизонъ, община тотчасъ объявила, что если магистратъ не захочетъ помогать крестьянамъ, они забьютъ тревогу и народъ съ ружьями и всѣмъ, что найдется подъ рукой, отправится въ свѣтлую банду. Магистратъ перепугался и послалъ вслѣдъ за выѣхавшими посланными новаго, который долженъ былъ разстроить все, что было устроено ими. Это причинило Казиміру «сильную досаду и огорченіе», глаза его наполнились слезами и онъ заплакалъ. Это случилось 4 мая. Не смотря на уступки, сдѣланныя имъ на ландтагѣ, вокругъ него вспыхнулъ мятежъ со всѣхъ концовъ его княжества. Въ тотъ же день онъ поспѣшилъ въ Вассертрюдингенъ, а оттуда въ Меркендорфъ близъ Менхабальда, чтобы удостовѣриться въ вѣрности этихъ пунктовъ, которымъ прежде всего грозила опасность. Ему присягнули. Мѣстечко и монастырь Гейденгеймъ просили у него помощи противъ приближавшейся рисской банды. Получивши въ Меркендорфѣ вѣсть о возстаніи въ Аншской долинѣ и въ Оберландѣ, объ отпаденіи деревень, лежащихъ по Майну, Казиміръ призвалъ къ себѣ 8 мая въ ночь всю вооруженную силу, находившуюся въ его распоряженіи. 9 мая утромъ около него собралось 650 всадниковъ, 1000 пѣхотинцевъ со всѣми его орудіями и значительный отрядъ земскаго ополченія изъ ближайшихъ окрестностей Анпшаха. Маркграфъ сильно старался привлечь въ свою службу богемскую артиллерійскую прислугу и стрѣлковъ, которые такъ хорошо служили баварскимъ герцогамъ; но тѣ сухо и твердо отказались помогать маркграфу противъ его крестьянъ. Точно также не пришли войска изъ городовъ Фейхтвагена, Кицингена, Гунценгаузена и другихъ. Между Аугаузеномъ и Рехенбергомъ его авангардъ встрѣтился съ арьергардомъ крестьянъ, направлявшихся въ Гейденгеймъ. Артиллерія разогнала крестьянъ, они удалились въ Остгеймъ, выстроились здѣсь снова, двинулись впередъ на обширный лугъ и открыли такой удачный ружейный огонь, что 150 человѣкъ маркграфскаго коннаго авангарда были принуждены отступить, потерявъ нѣ-

сколько человѣкъ убитыми и раненными. Между тѣмъ подоспѣла вся пѣхота и отбросила крестьянъ черезъ поля, луга и рѣку назадъ въ Остгеймъ, въ этой свалкѣ одинъ сынъ встрѣтилъ своего роднаго отца, взялъ его въ плѣнъ и повелъ съ собою въ Гейленгеймъ. Маркграфское войско и крестьяне,—послѣдніе спрятались за свои повозки, такъ что къ нимъ туда нельзя было проникнуть,—продолжали перестрѣлку, пока наконецъ порохъ не истощился съ обѣихъ сторонъ, и имъ не пришлось перебрасываться камнями. Благодаря вѣтру, деревня загорѣлась отъ огня орудій, крестьянамъ пришлось бросить горящую улицу и скрыться въ лѣсокъ, между тѣмъ подошелъ маркграфъ съ 500 всадниками. Крестьяне добрались до лѣска, засѣли въ него и снова начали пріостановившееся сраженіе. Подвезли большія полевыя орудія, которыя, не нанося ни малѣйшаго вреда, стали обстрѣливать лѣсъ; одинъ только выстрѣлъ попалъ, всѣ другіе летѣли слишкомъ высоко. Маркграфскія войска сочли лучшимъ вступить въ переговоры, чѣмъ терять драгоцѣнное время передъ неприступною позиціей банды. Вѣрный своему плану стать на дружелюбную ногу со всѣми чужими бандами, Казиміръ повелъ съ крестьянами черезъ рыцаря фонъ-Генберга переговоры о томъ, чтобы всѣ его подданные сложили оружіе и сдались ему. Имѣя въ виду уступки, уже сдѣланныя на ландтагѣ, и тѣ, которыя еще были обѣщаны, маркграфскіе подданные сдались. Казиміръ обезоружилъ ихъ, обезоружилъ также жителей всѣхъ пограничныхъ мѣстностей и заставилъ ихъ присягнуть снова; вновь присягнувшихъ собралось до 3000, однако болѣе 600 человѣкъ ушло съ бандою, которая безпрепятственно отправилась назадъ и расположилась передъ замкомъ Бальдернъ, отстоящимъ всего только на два часа ходьбы. Маркграфъ былъ доволенъ, потому что возстаніе его подданныхъ въ тылу у него и въ центрѣ его маркграфства ставило его въ необходимость поскорѣе какъ нибудь покончить съ этими динкельсбюлерцами, эльвангерцами и рисскими крестьянами: покончили, кажется, взаимнымъ соглашеніемъ, что всякій будетъ уважать неприкосновенность чужаго владѣнія и ничего не станетъ предпринимать противъ другого. 10 мая, стало быть на другой день, онъ писалъ къ своему правительству въ Аншпахъ о томъ, какъ онъ «полюбовно сладилъ съ бандою и вытребовалъ отъ нея своихъ подданныхъ» *). О великой битвѣ, о побѣдѣ не было ни слова въ его письмѣ! 11 числа онъ открыто послалъ призывное письмо къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые еще находились въ динкельсбюльской, эльвангенской и рисской бандахъ. 12—Іергъ Габеркорнъ, его совѣтникъ, далъ знать объ отступленіи крестьянъ отъ Бальдерна и объ ихъ движеніи на Эллингенъ, а 17—совѣтники, маркграфъ Ѳома фонъ-Кундорфъ и Эйхаріусъ Цобель, вступили съ бандою, стоявшею при Динкельсбюлѣ, въ переговоры о томъ, чтобы назначить день для выслушанія жалобъ крестьянъ **).

На сѣверѣ маркграфства загорѣлось возстаніе, переходившее съ мѣста на мѣсто, сообразно съ движеніемъ франконской рати, отъ Редингена къ Оксенфурту и далѣе къ Швар-

---

*) Аншпахскіе акты I. 123.

**) Аншпахскіе акты I. 213. I. 126, II. 93 Такимъ образомъ великая Остгеймская битва, о которой разсказывается въ большей части лѣтописей и почти во всѣхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, распадается почти въ ничто при свѣтѣ первоначальныхъ источниковъ. Дейберъ, обладающій замѣчательнымъ тактомъ и часто попадающій вѣрно, не ошибся и тутъ. На стр. 207. Онъ одинъ называетъ ее некровавою. Даже современникъ Ѳома Цвейфель, имѣвшій въ другихъ отношеніяхъ точныя свѣдѣнія, говоритъ, что было 4000 убитыхъ и 3000 плѣнныхъ! Въ Аншпахскомъ архивѣ хранятся письма маркграфа за каждый день отъ 6—12 мая; часто приходится на день по нѣскольку писемъ. Ни въ одномъ не говорится ни о побѣдѣ, ни о сраженіи. Какъ Менцингенъ въ Ротенбургѣ тянулъ руку Казиміра, такъ и въ этой бандѣ эльвангскіе крестьянскіе совѣтники Гансъ ф. Гюльтлингенъ и Вильгельмъ ф. Гесбергъ были съ нимъ въ соглашеніи. Эллвангскій архивъ.

цаху; сначала оно охватило границы, потомъ въ первыхъ числахъ мая всю Аишскую долину. Возставшихъ, съ одной стороны, приглашала къ себѣ свѣтлая банда, съ другой—маркграфъ: но они предпочли сражаться за одно съ своими братьями, а не противъ нихъ. Въ Кицингенѣ собралась гроза уже на второй день Пасхи. Въ рыбной улицѣ въ домѣ Стефана Эртлена сидѣло вечеромъ нѣсколько человѣкъ за бутылкою вина; разговоръ велся о томъ и о семъ. Надо сказать, началъ одинъ, что тамъ, въ лѣсу, мы видѣли людей, которые хотятъ войти въ городъ. Это понравилось, всѣ выбѣжали на улицу и стали кричать, что городу грозитъ нападеніе, ударили тревогу, жители сбѣжались съ оружіемъ и въ латахъ, приставили караулъ къ воротамъ, захватили орудія и на зарѣ направили ихъ на ратушу и стали требовать, чтобы имъ помогли отстаивать евангеліе. Филиппъ Сейботъ старался успокоить общину и удержать ее въ повиновеніи магистрата, и многіе думали за одно съ нимъ. Тогда одинъ парень, глазной врачъ, вмѣшался въ ихъ толпу. «Вы, дураки, закричалъ онъ, неужели вы позволите, чтобы сладкій кусокъ такъ, пронесли мимо вашего рта? такъ ловятъ мышей, да и то только ночью». Гвалтъ начался снова; маркграфскій приставъ Людвигъ фонъ-Гуттенъ успокоилъ жителей, предложивши имъ избрать для изложенія ихъ неудовольствій коммисію и уполномоченныхъ. 30 апрѣля свѣтлая ингофенская банда просила о пропускѣ близъ Кицингена. Многіе въ городѣ захотѣли присоединиться къ крестьянамъ, и Флоріанъ Гейеръ и двое другихъ начальниковъ заставили общину и магистратъ присягнуть союзу: старики, члены магистрата вышли изъ ратуши грустные и плакали, какъ дѣти. Къ черной бандѣ присоединился одинъ значекъ въ 70 человѣкъ подъ предводительствомъ Андрея Вольфа; въ его распоряженіи находилось одно полевое орудіе, нѣсколько ружей и двѣ походныя повозки съ пиками. Въ городѣ они разрушили монастырь, а Яковъ Шмидъ схватилъ голову святаго

Гелдологиса, которая сохранялась въ монастырѣ, какъ святыня, и сталъ играть ею, какъ кегельнымъ шаромъ. Всѣ маркграфскіе подданные возстали отъ Креслингена до Штейгервальда, точно также какъ и на югѣ отъ Блауфельдена до лимбургскаго округа. Сами креслигенцы сожгли замокъ Браунекъ. 5 мая къ крестьянамъ присоединился Эргерсгеймъ, 6—Марктъ-Бергель и Бургъ-Бернгеймъ, за ними послѣдовала вся окрестная долина, отъ Гегенока до Форхгейма. Вся церковная утварь была превращена въ деньги, на которыя купили въ Нюренбергѣ ружья и аллебарды; хлѣбныя закромы вездѣ были обложены податью; священники стали казначеями и совѣтниками крестьянъ; бергельскіе и бургъ-бернгеймскіе крестьяне предложили гражданамъ Уффенгейма,—гдѣ въ домѣ Ганса Цигенфельдера собрались недовольные,—пристать къ крестьянскому союзу. Магистратъ удержалъ общину, хотя многіе уже готовы были согласиться на предложеніе. Казиміръ хотѣлъ поставить въ городъ гарнизонъ. Городъ отвѣчалъ, что для всадниковъ у него не хватитъ сѣна и соломы. Однажды къ ратушѣ подошли трое крестьянъ въ латахъ и потребовали свободнаго пропуска для слѣдовавшей за ними банды, а также и денегъ, отданныхъ магистрату вольными селами, находящимися подъ его покровительствомъ. Магистратъ не рѣшился отказать ни въ томъ, ни въ другомъ. А когда въ городъ вошли крестьяне этихъ деревень, Эргерсгейма, Ульзенгейма и другихъ, то, благодаря ихъ стараніямъ и настоянію общины, во главѣ которой стоялъ Цигенфельдеръ, а въ особенности же благодаря дѣятельности девяти *женщинъ*, *) присоединеніе къ бандѣ скоро было рѣшено. Бросили жребій, кому пристать къ бандѣ,—тому выдавалось полгульдена еженедѣльнаго содержанія **). Прошло немного дней, а на верхней Аишѣ и на Гол-

*) **Аншпахскіе акты. IV. 126.**

) **Георги, I. 21—24. Гаммеръ, рукопись, напечатанная въ Аншпаахскихъ извѣстіяхъ Георги. Стр. 109. 112.

лахѣ стояли уже 2000 вооруженныхъ людей, и окрестное дворянство, испуганное этимъ и близостью франконской рати, спѣшило присягать крестьянамъ. Въ Виндсгеймѣ бабы непремѣнно пожелали присоединиться къ крестьянамъ, потому что въ монастырѣ лежало столько прекрасныхъ вещей, которыя онѣ охотно взяли бы себѣ. Въ полночь съ 5 на 6 мая болѣе 60 женщинъ, подъ предводительствомъ «Люллихинъ», отправились на монастырь съ топорами и ножами; но бургомистръ съумѣлъ устроить такъ, что онѣ вернулись назадъ безъ монастырскихъ сокровищъ.

На нижней Аишѣ было собрано 3000 человѣкъ. Къ нимъ присоединялись граждане Форхгейма. Они расположились лагеремъ вокругъ Нейштадта на Аишѣ, который присоединился къ нимъ и былъ избранъ главной квартирой. Къ бандѣ пристали и тѣ, что были на верхней Аишѣ. Маркграфскій казначей Бернбекъ сталъ во главѣ возстанія, и крестьяне пошли по окрестностямъ, подъ предводительствомъ трехъ начальниковъ Мюнхера, Пфефера фонъ-Бургъ—Бернгеймъ, и Михаила Коберера, стараго мельника, и стали грабить монастырь и разрушать замки. Вся банда подчинилась великой франконской рати и поступала по ея статьямъ. 9 мая сожгли замокъ Даксбахъ, 13 мая — монастырь для благородныхъ женщинъ Биркенфельдъ, 14 мая—замокъ Гогенкоттенгеймъ, 16 мая—замокъ Шпекфельдъ, въ тотъ же день—монастырь Ритфельдъ. Вслѣдъ затѣмъ превратились въ груды пепла замки Штекахъ, Саксенъ-Ульштаттъ, Бирнбаумъ, Сугенгеймъ и другіе крѣпкіе замки, владѣтели которыхъ не захотѣли вступить въ братство и промѣнять добровольно свои жилища на мѣщанскія. Всѣ замки въ Штейгервальдѣ были опустошены. Многіе владѣтели сами разрушили свои жилища и спасли такимъ образомъ свое имущество и строевой матерьялъ. Даже въ окрестностяхъ и въ самыхъ городахъ Кадольсбургѣ, Швабахѣ, Гейльроннѣ и далѣе, гражда-

не и крестьяне были охвачены духомъ мятежа и привлечены къ Аишѣ. Направо и налѣво, на получасовомъ разстояніи отъ Аншпаха маркграфъ увидалъ огненный факелъ крестьянъ; зарево пожара, охватившаго старый замокъ Дорнбергъ, освѣтило почти самыя улицы Аншпаха.

Еще близъ Остгейма онъ убѣдился въ неблагонадежности аншпахскихъ крестьянъ и отпустилъ ихъ. Онъ послалъ въ Оберландъ приказъ выслать къ нему 1500 человѣкъ ландвера и занялъ съ своимъ небольшимъ войскомъ позицію близъ Марктъ-Эрльбаха; передъ нимъ находился его крѣпкій, неосажденный еще замокъ Гогенекъ, по обѣимъ сторонамъ нейтральный Нюренбергъ и еще остававшійся нейтральнымъ Ротенбургъ; маркграфъ стоялъ выше нейштадтскаго лагеря, въ срединѣ между бандами на верхней и нижней Аишѣ, и былъ въ состояніи каждую минуту защищать Аншпахъ, пока на него не было сдѣлано нападеніе со стороны великой франконской рати. Чтобы не допустить этого, маркграфъ, какъ христіанскій братъ, вступилъ въ переговоры съ христіанскими братьями, стоявшими при Вюрцбургѣ. Онъ самъ написалъ 15 мая къ начальнику черной банды, Флоріану Гейеру, и предложилъ ему дружескія отношенія *). Такимъ же образомъ онъ вступилъ въ переговоры съ другими бандами и принялъ совершенно такой тонъ, будто вовсе не считаетъ братскій союзъ дѣломъ невозможнымъ. 19 мая банда на верхней Аишѣ согласилась на восьми-дневное перемиріе, въ тотъ же день о томъ же заявила и франконская рать при Гейдингсфельдѣ, и 23 мая дала свое согласіе оксенфуртская банда **). Союзъ съ крестьянами былъ для маркграфа дѣломъ далеко несерьезнымъ; нѣкоторые полагали, что Казиміръ хотѣлъ въ случаѣ успѣха крестьянскаго дѣла завладѣть съ ихъ помощью восточною Франконіей; но на сколько чужда была ему эта мысль, доказывается

*) Аншпахскіе акты. II. 110

**) Аншпахскіе акты. I. 169, 168. II. 98, 103, 125.

уже тѣмъ, что въ то же самое время, когда онъ просилъ и добился перемирія, онъ сдѣлалъ все, чтобы убѣдить швабскій союзъ немедленно двинуться на Франконію *). Казиміръ думалъ только объ одномъ: какъ бы отклонить отъ себя и направить на другихъ грозившее ему нашествіе; онъ старался обмануть крестьянъ, парализовать ихъ и выиграть время, такъ какъ многія средства къ защитѣ, на которыя онъ разсчитывалъ, оказались ненадежными. Такимъ образомъ, чтобы обезопасить себя съ запада, онъ хотѣлъ поставить въ гогенлоенскій замокъ Шиллингсфюрстъ, находившійся на разстояніи 5 часовъ ходьбы отъ Аншпаха, 200 человѣкъ стрѣлковъ; намѣреніе его открылось, вюрцбургскій военный совѣтъ рѣшилъ, что замокъ надо разрушить. Двое начальниковъ, Андрей Виттихъ изъ Адельсгаузена и Луцъ Сейботъ изъ галльскаго ландвера, отправились съ этимъ приказомъ къ крестьянамъ шиллингсфюрстскаго округа; обманомъ напали они вмѣстѣ съ тремя другими на амтмана и заняли замокъ; его разрушили, унесли, что было можно, все остальное сожгли 21-го мая. Вмѣсто ландвера Казиміръ получилъ изъ горъ непріятныя извѣстія. Въ Байрейтѣ на призывъ явилось не болѣе 700 человѣкъ, которые разбѣжались, угрожая разграбить замки Гиммелькронъ и Кольмбергъ. Волненіе стало обнаруживаться въ Кульмбахѣ, въ Вундзиделѣ, Пегницѣ, даже въ самомъ Байретѣ; тамъ впрочемъ оно выражалось еще пока въ однихъ только словахъ и собраніяхъ. Въ Байретѣ одинъ кузнецъ пустилъ слухъ, что маркграфъ Казиміръ умеръ, и что онъ самъ видѣлъ, какъ его тѣло повезли въ родовой склепъ въ Гейльсброннъ. Въ городѣ Гофѣ волненіе было возбуждено Никласомъ Шторхомъ, анабаптистскимъ пророкомъ. Въ деревнѣ Гезессъ кто-то выкинулъ бѣло-черное знамя, другой, экзалтированный виномъ, сталъ бить въ набатъ. Съ трубами и барабаннымъ боемъ толпа отправилась крестнымъ ходомъ черезъ мистельгаускую долину къ воротамъ Байрейта, выпила на свои деньги и снова отправилась домой; при этомъ былъ изуродованъ одинъ маркграфскій герольдъ, старавшійся успокоить волненіе. Въ другихъ мѣстахъ тоже было неладно, но это было не возстаніе, а просто безпорядки. Казиміръ написалъ даже къ жителямъ верхней страны, что не нуждается больше въ ихъ помощи, такъ какъ спокойствіе внизу возстановляется; онъ просилъ сообщить ему о всѣхъ имѣющихся противъ него неудовольствіяхъ.

*) Аншпахскіе акты I. 178.

Нюренбергскій магистратъ былъ также благоразуменъ, какъ и Казиміръ. Нейтральный во всѣхъ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, христіански-привѣтливый со всѣми, онъ предоставилъ теперь гражданамъ многія льготы и тѣмъ расположилъ ихъ къ себѣ; при наступленіи опасности онъ сдѣлалъ также уступки и въ пользу своихъ крестьянъ и частью простилъ вовсе, частью значительно смягчилъ лежавшій на нихъ тяжелый десятинный сборъ. Городъ Нюренбергъ смѣло и твердо высказывался за крестьянъ. Его посланные должны были заявить на ульмскомъ союзномъ сеймѣ: «что хотя крестьяне поступаютъ весьма неловко, однако все-таки нельзя не принять во вниманіе, что они во многихъ отношеніяхъ терпѣли невыносимыя притѣсненія, и что тираннія прелатовъ и другихъ владѣтелей вынуждаетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ. Притѣсненія, на которыя указывается въ двѣнадцати статьяхъ, очевидны и отрицать ихъ нельзя. Невозможно утаить безмѣрное тиранство владѣтелей, которые употребляютъ евангеліе вмѣсто ширмы для прикрытія своихъ неправедныхъ дѣлъ и посредствомъ его отнимаютъ у крестьянъ деньги; это извѣстно даже всякому уличному ребенку» *). Магистратъ выслалъ въ окрестности отрядъ гражданъ, на жалованьи къ городскимъ воротамъ былъ

*) Лѣтописи Мюльнера, рукопись.

приставленъ караулъ. Въ нюренбергскомъ округѣ многіе анабаптисты работали втихомолку; въ самомъ городѣ было нѣсколько безпокойныхъ. Возставшіе крестьяне изъ ближайшихъ окрестностей и болѣе отдаленныхъ мѣстъ, даже сами проповѣдники тайно подсылали письма, призывавшія къ возстанію, въ тотъ городъ, гдѣ еще не успѣли забыть Мюнцера; воззванія эти печатались въ Нюренбергѣ. Вольфгангъ Фогель, эльтерсдорфскій священникъ, принявшій второе крещеніе, возбудилъ къ возстанію всю свою общину и крестьянъ всего околодка. Онъ заставилъ ихъ присягнуть, наперекоръ всякому начальству, новому анабаптистскому союзу, проповѣдовалъ о близости земнаго царствія Божія и о томъ, что анабаптистамъ данъ въ руки мечъ правосудія. Соединившіеся здѣсь крестьяне состояли въ сношеніяхъ съ Мюльгаузеномъ *). Чтобы успокоить крестьянъ, снова собравшихся въ Поппенрейтѣ, магистратъ послалъ къ нимъ лютеранскаго проповѣдника Карла Ресса, но ему пришлось спрятаться, чтобы спасти свою жизнь. Однако магистрату все-таки удалось успокоить возстаніе въ своемъ округѣ.

Епископъ бамбергскій Вигандъ не умѣлъ ни такъ хорошо притворяться, какъ Казиміръ, ни такъ хорошо плыть по попутному вѣтру.

Епископъ не только писалъ самыя жалобныя посланія къ швабскому союзу и ко всѣмъ князьямъ, прося ихъ помощи противъ своего народа, съ которымъ онъ только-что заключилъ полюбовную сдѣлку, онъ даже далъ замѣтить своимъ подданнымъ, что умышленно затягиваетъ переговоры съ сельскимъ населеніемъ; кромѣ того онъ старался тайно собрать вокругъ города достаточно войска, чтобы держать крестьянъ въ страхѣ, и чтобы въѣздъ и выѣздъ въ замокъ Гихъ казался опаснымъ какъ для крестьянъ, такъ и для депу-

*) Тамъ же.

татовъ сейма. Онъ долженъ былъ дозволить крестьянамъ поставить нѣсколько человѣкъ въ этотъ замокъ; они вскорѣ впустили туда множество народа, одолѣли епископскій гарнизонъ и сожгли замокъ. Инсургенты хотѣли заставить епископа не водить ихъ больше обѣщаніями и согласиться на условія, поэтому статья франконцевъ, въ которой объявлялась война всѣмъ замкамъ, была имъ сильно на руку. Крестьяне возстали во всѣхъ концахъ бамберскаго епископства и принялись въ одно время ломать многочисленные близь лежащіе замки. Немного болѣе восьми дней понадобилось имъ, чтобы очистить страну отъ высокихъ дворянскихъ построекъ. Странное зрѣлище должно было представляться глазамъ народа, когда ночью десять, двадцать, тридцать замковъ, догорая, бросали свой багровый отблескъ на глубокія, обставленныя скалами долины, на темныя поляны франконской Швейцаріи. Болѣе 70 замковъ въ горахъ и въ долинахъ быстро превратились въ развалины. Безполезно перечислять ихъ здѣсь; всѣ они безъ изъятія превратились въ пепелъ. Посланнымъ нюренбергскаго магистрата удалось спасти только прекрасный замокъ Нейдекъ: они увѣрили крестьянъ, что этотъ укрѣпленный пунктъ будетъ необходимъ во время войны самимъ жителямъ, такъ какъ, благодаря своему положенію на границѣ, онъ можетъ служить и для укрыванія людей и имущества, и для сопротивленія внѣшнимъ врагамъ; уцѣлѣли также: Штрейтбергъ и Рабенштейнъ, оба принадлежавшіе бранденбургскому маркграфу; Гаусекъ, принадлежавшій Нюренбергу и пощаженный потому, что по неосторожности и наперекоръ приказанію главныхъ бамбергскихъ начальниковъ нюренбергскій Вильденфельсъ былъ разрушенъ въ горахъ; Марлофштейнъ, быстро переданный подъ видомъ продажи нюренбергскому патрицію Пфинцингу; Фельденштейнъ, рыцарски защищенный кураторомъ Альбрехтомъ Ротсманномъ, Граждане участвовали въ разрушеніи тяготившихъ ихъ крѣпкихъ замковъ точно также усердно, какъ и крестьяне: «они

хотѣли, чтобы дворяне оставили ихъ, переселились въ города, и несли бы наравнѣ съ другими обывателями повинности и тягости». И здѣсь нѣкоторые дворяне сами стали разрушать свои замки. Таже участь постигла и монастыри: всѣ они были уничтожены крестьянами. То, что дѣлали теперь крестьяне, тотчасъ же, по ихъ примѣру, стали производить въ другихъ мѣстахъ князья; вся разница заключалась въ томъ, что послѣдніе нѣсколько прикрывались благовидною формою.

Епископъ, укрывавшійся съ своими людьми въ Альтенбургѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на погибавшіе въ пламени замки; съ содроганіемъ прислушивался онъ къ слухамъ, разглашавшимъ лживыя извѣстія о томъ, какъ крестьяне истязали и продолжаютъ истязать владѣтелей разрушенныхъ замковъ. Изъ Бамберга вдругъ исчезли всѣ находившіеся тамъ совѣтники другихъ городовъ, посредники, каноники: они разбѣжались во всѣ стороны. Крестьяне и горожане провожали ихъ ружейными выстрѣлами. Морицъ фонъ-Бибра былъ даже взятъ въ плѣнъ, и жители всѣхъ окрестныхъ деревень вломились въ городъ. Вскорѣ граждане почувствовали отвращеніе къ дикому буйству ворвавшихся. Кто-то посовѣтовалъ удалить ихъ изъ города подъ предлогомъ смотра за его предѣлами. Такъ и сдѣлали. Когда деревенскій народъ вышелъ за стѣны вмѣстѣ съ горожанами,—6000 вооруженныхъ людей,—обратно въ городъ впустили однихъ только горожанъ, а крестьяне всѣ остались за стѣною. Предводимые Гансомъ Гартлибомъ крестьяне осадили Альтенбургъ; сначала они расположились при Цигельгюттѣ, потомъ въ долинѣ при Галльштадтѣ, а три другія банды расположились на границахъ епископства; одна при Гохштедтѣ на Аишѣ и Эбрахѣ; другая — при Эберманштадтѣ и Кирхеренбахѣ на Визентѣ и Ауфзеесѣ; третья — подъ начальствомъ Петра Гофманна — въ Цедлицѣ близъ Лихтенфельса на Майнѣ. Епископъ снова принялъ видъ, будто онъ серьезно хочетъ войти въ соглашеніе съ сельскимъ населеніемъ и бандами и заключить съ ними договоръ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что возстаніе вспыхнуло на всѣхъ главныхъ пунктахъ. Если принять за центръ его страну отъ истоковъ Некара и Дуная до Майна, то сѣверный флангъ полосы, охваченной движеніемъ, будетъ опираться на Гарцъ южный, на Юлійскія Альпы, и (какъ увидимъ дальше) Венеціянскую республику; авангардъ тянулся по обѣимъ берегамъ Рейна, сверху внизъ. Настало время, «когда всему начальству было не до смѣха» *). Осуществилось то, что уже давно предчувствовали многіе: земля заколыхалась на огромномъ протяженіи, пламя выступило изъ подъ нея; ненависть, месть и злоба, фанатизмъ и любовь къ родинѣ, соединившись вмѣстѣ, раздули его своимъ могучимъ дыханіемъ и направили сначала на монастыри и духовныя владѣнія, потомъ на крѣпкіе замки дворянства, наконецъ на престолы князей. Можно было опасаться, что пламя это охватитъ все существующее.

Какъ 400 лѣтъ тому назадъ божья война, походъ для освобожденія гроба Господня, призвала къ оружію всѣхъ и каждаго и оторвала отцовъ отъ женъ, дѣтей и домашняго очага, сына отъ родителей, священника отъ алтаря, монаха отъ его монастыря, крестьянина отъ его плуга, гражданина отъ ремесла,—точно также и теперь тысячи народа покидали дома и дворы, пашни и виноградники, торговлю, брались за оружіе и шли на новую святую войну народа за освобожденіе того гроба, въ который похоронили его свободу.

И какъ въ то время подъ знамя креста рядомъ съ людьми полными героизма и увлеченія, возвышеннаго стремленія къ высокой цѣли становилась и всякая сволочь, всякій праздный, безпутный сбродъ—необходимый спутникъ каждой войны—прибѣгающій къ насилію, грабежу, злодѣйствамъ и убійству, точно также и теперь подъ знамена новаго еван-

---

*) Себастіанъ Франке.

гельскаго креста стали грубость, страсть къ грабежу и буянству, которыя, вмѣшавшись въ великое народное дѣло, въ значительной степени уронили карающій мечъ народнаго и Божьяго суда. Какъ въ природѣ во время грозы, невинное страдало здѣсь за одно съ виновнымъ.

Но еще было время избѣжать крайностей; господа могли сдѣлать кой-какія уступки и отмѣнить самыя тяжелыя. притѣсненія; умѣренность и предусмотрительность могли еще задержать потокъ разрушенія, распространявшійся все далѣе и далѣе. Однако сучилось противное. Вскорѣ этотъ огненный потокъ наполнился кровью преступныхъ «сильныхъ міра сего», онъ забушевалъ сильнѣе, сталъ подниматься выше и выше, нагорные замки стали, какъ воскъ, таять цѣлыми сотнями, крѣпкія башни прежде сильныхъ властителей рухнули, аристократія, гонимая изъ своихъ замковъ и монастырей, стала скрываться по лѣсамъ и оврагамъ отъ преслѣдовавшаго ее побѣднаго звона и блеска кровожадныхъ крестьянскихъ пикъ. Теперь и тѣ, которые были еще далеко и еще чувствовали себя въ безопасности, не могли разсчитывать даже на недѣлю, на день спокойствія, они видѣли, что гибель грозитъ и имъ, и ихъ имуществу, и ихъ близкимъ. Одни видѣли въ этомъ всеобщемъ, громадномъ пожарѣ очистительный огонь, другіе—адское пламя. Саксонскій курфирстъ говорилъ, какъ почтенный Нюренбергскій магистратъ. «Это Божій судъ, Божья кара за тѣ грѣхи, которыми отяготили себя свѣтскіе и духовные князья и владѣтели, за ихъ тиранію и жестокости къ своимъ подданнымъ, за тѣ препятствія, которыя они воздвигали распространенію евангелія».

Пока такимъ образомъ бушевало всеобщее разрушеніе, лучшіе люди изъ среды народа еще разъ въ тиши залы засѣданія сдѣлали попытку помочь родинѣ путемъ мирнаго совѣщанія и соглашенія.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Народная канцелярія и проектъ постановленій въ Гейльброннѣ при Некарѣ.

Огромныя, вооруженныя, демократически-революціонныя массы стекались со всѣхъ сторонъ въ банды. Людямъ, глубже всматривавшимся въ дѣло, было ясно съ самаго начала, что этой громадной силѣ не достаетъ того, что дѣлаетъ толпу войскомъ, что сплачиваетъ разрозненныя силы,—не достаетъ единства духа и плана, единства религіозной, политической и военной руководящей нити. Крестьяне затѣмъ и посылали Лютеру двѣнадцать статей, затѣмъ и добивались его утвержденія, чтобы имѣть на своей сторонѣ его религіозный авторитетъ. Точно также, чтобы пріобрѣсти для своего дѣла военный авторитетъ, они съ самаго начала движенія старались привлечь на свою сторону дворянство. Крестьяне надѣялись найти въ нихъ вождей, не только свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, но и импонирующихъ простаго человѣка своимъ издавна славнымъ именемъ, людей, которыхъ давно привыкли уважать и повиноваться. Чтобы имѣть во главѣ своей политическій авторитетъ, они (именно Вейгандъ и его друзья) обращали свои взоры и надежды на курфирста саксонскаго Фридриха Мудраго.

Уже съ самыхъ первыхъ дней возстанія убійства и пожары, своеволіе, себялюбіе и страсть къ грабежу далеко превзошли тѣ предѣлы, въ которые хотѣли поставить ихъ зачинатели и вожди движенія. Уже тогда люди разумные ясно видѣли,

какъ сильно вредитъ дѣлу отсутствіе дисциплины. Многіе недовольные, на которыхъ разсчитывали инсургенты, были испуганы образомъ дѣйствій нѣкоторыхъ бандъ и отдѣльныхъ отрядовъ, а это оттолкнуло ихъ отъ возстанія.

Въ революціи приняли участіе не только различные люди и сословія, но и различныя племена и національности; не только образованіе, нравы, привычки и наклонности отличались крайнимъ разнообразіемъ, но даже и въ революціи вообще и въ каждомъ отдѣльномъ лагерѣ можно было увидать рядомъ самыя рѣзкія противоположности желаній и цѣлей. Сдерживать и направлять эти разнообразныя требованія, стремленія, желанія, было тѣмъ труднѣе, что нравственные вожди возстанія держали себя въ сторонѣ, большая часть начальниковъ и предводителей, стоявшихъ на первомъ планѣ, принадлежали къ сословію крестьянъ. Они были одного происхожденія съ своими подчиненными, и потому не имѣли на нихъ большаго вліянія. Почетъ, которымъ пользовались коноводы, былъ основанъ единственно на ихъ популярности. Эта популярность поддерживала ихъ значеніе, съ нею вмѣстѣ оно и падало. При низкомъ уровнѣ образованія большей части возставшихъ, начальники не всегда были въ состояніи препятствовать глупымъ выходкамъ, излишествамъ и даже преступленіямъ; если же иногда они и пытались сопротивляться имъ, то нерѣдко слѣдствіемъ этого была потеря популярности и даже званія предводителей.

Въ каждомъ возставшемъ округѣ, даже въ каждомъ городѣ и въ каждомъ мѣстечкѣ обнаруживались различія во взглядахъ и въ желаніяхъ; даже между людьми, хотѣвшими, повидимому, одного и того же, не было согласія ни относительно средствъ и путей къ достиженію и отысканію общей цѣли, ни относительно того, какъ далеко эта цѣль должна простираться. Говоря современнымъ языкомъ и сводя эти различія на *политическое* направленіе, можно обозначить ихъ такъ: въ революціонной рати стояли рядомъ другъ возлѣ друга консерваторы, приставшіе къ возстанію по принужденію; либералы, которые хотѣли распространить реформы только до извѣстной степени, хотѣли того, что имъ казалось болѣе всего возможнымъ; радикалы, которые хотѣли передѣлать все существующее, сначала до конца и все перестроить заново; наконецъ террористы, готовые пускать въ ходъ крайнія насильственныя мѣры,—люди, дѣйствующіе страхомъ. Различіе въ религіозномъ направленіи можно бы обозначить такъ: рядомъ, близко другъ къ другу стояли лютеране и мюнцеристы; одни желали видѣть церковь очищенною, другіе противились идеѣ всякой церкви; были и фанатики полнаго безвѣрія, съ такою же яростью говорившіе и дѣйствовавшіе противъ всякаго внѣшняго символа божественнаго, противъ всякой вѣры, съ какою ихъ противники отстаивали и вѣру, и ея внѣшніе символы; наконецъ были и фанатики тысячелѣтняго царства, фанатики обоихъ оттѣнковъ, всѣ до извѣстной степени были соціалистами и коммунистами. Если коммунизмъ, какъ религіозная доктрина, былъ не богатъ послѣдователями, за то, въ области практики онъ имѣлъ множество адептовъ между возставшими. Какъ внезапное освобожденіе отъ *политическаго* рабства ведетъ за собою излишества, точно также теперь внезапное освобожденіе отъ *религіознаго* порабощенія заставило многихъ отбросить не только суевѣріе, но даже и церковь, и самого Бога и огрубѣть, и нравственно, и религіозно.

Эти различія, господствуя поочередно, обнаруживались не только близь Некара и на Шварцвальдѣ, но и въ зальцбургскомъ округѣ, и въ Тиролѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней меньшинство часто становилось большинствомъ и наоборотъ. Но исторія всѣхъ революцій учитъ насъ, что часто люди, самые кровожадные на словахъ, оказываются далеко не такими на дѣлѣ, и что нельзя еще дѣлать заключенія о направленіи умовъ массы по нѣсколькимъ отдѣльнымъ мнѣніямъ, оставшимся въ памяти людей, благодаря рѣзкости, съ которой они были выражены. Это можно примѣнить и къ выраженi-

ямъ вродѣ того, что «намъ не нужна церковь»; «смерть *всѣмъ* попамъ, *всѣмъ* дворянамъ и князьямъ». Такъ въ Эльзасѣ разнесся слухъ, что хотятъ добраться и до евреевъ; а между тѣмъ ни изъ чего не видно, чтобы въ Эльзасѣ ограбили хоть одного еврея, хоть одинъ еврейскій домъ, чтобы у нихъ отняли хоть одно ведро вина. Это были только требованія и голоса отдѣльныхъ личностей, которымъ пришлось тотчасъ замолкнуть передъ желаніями большинства.

Замѣчательно, напротивъ, что въ теченіе всей крестьянской войны евреи не потерпѣли никакихъ гоненій. Это заслуживаетъ удивленія тѣмъ болѣе, что еще незадолго до возстанія такія гоненія встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Даже роттенбургецъ Гейшлинъ и Дубмайеръ проповѣдовали противъ жидовъ. Но ни въ одномъ источникѣ временъ возстанія нѣтъ даже намека на то, чтобы хоть разъ въ эту эпоху народныя страсти направились противъ тѣхъ, на кого ихъ такъ часто и такъ безчеловѣчно направляли въ средніе вѣка *). Такое въ высшей степени замѣчательное и поразительное явленіе могло бы придать нѣкоторую достовѣрность свѣдѣніямъ, сообщаемымъ готтаерскимъ каноникомъ Конрадомъ Муціанусомъ и до сихъ поръ остающимся безъ вниманія; имъ можно вѣрить, покрайней мѣрѣ, на столько, насколько они касаются евреевъ.

25 апрѣля 1525 года, стало быть, въ то время, когда возстаніе успѣло уже охватить окрестности, Муціанусъ, самъ потерявшій въ этомъ возстаніи свое имѣніе, писалъ къ своему покровителю, курфирсту Фридриху саксонскому, что онъ убѣдился, на основаніи писемъ и изустныхъ сообщеній разумныхъ людей, что вольные города, прикрываясь евангеліемъ,

*) Въ австрійскихъ альпійскихъ странахъ ненависть направилась не на *еврея* Саламанку, но на графа и всемогущаго *временщика*, на наглаго министра финансовъ Саламанку.

волнуютъ крестьянъ той земли ковами и происками, они желаютъ уничтожить не только духовныхъ владѣтелей и духовныя княжества, но и всѣхъ князей вообще, считая всѣхъ ихъ тиранами,—и превратить Германію въ республику. Въ этомъ помогаютъ имъ евреи.

Такъ какъ евреи остались вездѣ совершенно неприкосновенными, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что они стояли къ движенію и его вождямъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя упрочили безопасность ихъ личности и ихъ имущества; весьма возможно также и то, что они пустили въ ходъ свои богатства, чтобы поддержать возстаніе или при началѣ, или во время его разгара. Первое всего вѣроятнѣе; евреи были болѣе всѣхъ угнетены, къ тому же они были одарены способностью чуять заранѣе будущее и настолько умны, чтобы умѣть къ нему принаравливаться.

Не смотря на овладѣвшее тогда крестьянами стремленіе къ дѣлежу, не смотря на ясно выражаемыя желанія подѣлиться съ фугерами и вельзерами, не было и рѣчи о примѣненіи этого къ имуществамъ евреевъ. Толки о томъ, что такъ какъ всѣ безъ исключенія братья, то было бы хорошо, чтобы всѣ были равны и чтобы богачъ дѣлился съ бѣднякомъ, можно было слышать не только между франконцами, стоявшими передъ Вюрцбургомъ; дѣлиться должны были преимущественно такіе люди, которые нажились на счетъ бѣдняковъ, отнимая у нихъ ихъ достояніе путемъ лихоимства и барышничества въ торговлѣ. Подобныя мнѣнія слышались отъ всюду, особенно изъ устъ разорившихся горожанъ; впрочемъ тоже говорили проповѣдники и духовные, нѣкоторые увлеченные религіознымъ фанатизмомъ и дѣйствительно исповѣдывавшіе всеобщее равенство и общность имущества, другіе, лицемѣрившіе и выставлявшіе только, какъ приманку, что теперь слѣдуетъ нападать на поповъ и свѣтскихъ владѣтелей, и дѣлить между собою ихъ имѣнія и достояніе, такъ чтобы и богатый, и бѣднякъ получили поровну. Многіе надѣялись, что возста-

ніе поможетъ имъ сдѣлаться изъ бѣдняковъ богачами. Впослѣдствіи, въ городахъ, побѣдоносная аристократія и духовенство пыткою вынуждали признаніе въ такомъ кровавомъ коммунизмѣ, поэтому слова плѣнниковъ можно принимать только съ крайнею осторожностью; имъ навязывали вопросы и истязали до тѣхъ поръ, пока не получали утвердительнаго отвѣта, дававшаго право казнить ихъ смертью.

Страшно становится, когда читаешь и слышишь о зальцбургцахъ, «что они хотѣли и говорили, что не отступятъ, пока кардиналъ Маттей не будетъ сваренъ заживо, чтобы можно было сказать, что зальцбургцы съѣли своего господина»; что какой нибудь кутила болталъ за бутылкою вина, подхватывали и распространяли, какъ рѣчи зальцбургскаго народа. А между тѣмъ въ зальцбургскомъ округѣ большинство требовало никакъ не больше того, чего требовали и тирольцы, «чтобы все оставалось по прежнему» *); «чтобы не было налоговъ безъ согласія и совѣта простыхъ людей, чтобы зальцбургскій властитель не управлялъ одинъ, а дѣйствовалъ бы съ согласія и съ вѣдома совѣта» **). Зальцбургцы хотѣли только удержать свои древнія права и имѣть возлѣ князя народный совѣтъ.

Между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ ходѣ возстанія люди крайніе попеременно, то нѣсколько сдавались, то становились еще яростнѣе, умѣренные пріобрѣтали все большее и большее значеніе. Скоро террористы составили только незначительное меньшинство, а радикалы, видѣвшіе вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, сблизились и соединились съ посредствующею партіей. Прежде мнѣнія, въ корнѣ враждебныя дворянству, господствовали на огромномъ протяженіи, теперь это далеко измѣнилось. Въ баварскомъ округѣ въ Неймарктѣ еще

*) Отчетъ баварскихъ совѣтниковъ отъ 25 іюня 1525 г.

**) Письмо крестьянъ изъ Галлейна отъ 11 іюля 1525 г.

недавно среди горѣвшихъ и разваливавшихся замковъ крестьяне спрашивали: «кто сдѣлалъ перваго князя или дворянина? и развѣ у крестьянина не пять пальцевъ на рукѣ, точно также какъ у князя или у дворянина?» Но большинство скоро отказалось и отъ мысли объ уничтоженіи различія между крестьянами и дворянствомъ и отъ поджоговъ замковъ. Поддерживаемые событіями и ходомъ возстанія, Вендель Гиплеръ, Вейгандъ и ихъ единомышленники добились своего и довели большинство, до сознанія необходимости привлечь на свою сторону дворянство и князей, преданныхъ евангелію.

Гиплеръ, Вейгандъ и ихъ партія хотѣли отвести дворянству на нѣмецкой почвѣ такое же мѣсто, какое впослѣдствіи, путемъ революціи, заняло дворянство въ Англіи. Они хотѣли оставить по прежнему не только князей, преданныхъ новому ученію, но даже большихъ духовныхъ князей и епископовъ. Уже въ половинѣ мая Вейгандъ, въ письмахъ своихъ къ соединенному швабо-франконскому крестьянскому совѣту, началъ настаивать на томъ, чтобы принудить, какъ можно скорѣе, кельнскаго и трирскаго курфирстовъ и другихъ духовныхъ князей принять двѣнадцать статей; это слѣдовало сдѣлать прежде, чѣмъ духовные князья успѣютъ соединиться съ свѣтскими и призвать на германскую почву иноплеменниковъ для подавленія христіанскаго братства. Вмѣсто того чтобы терять время на осаду вюрцбургскаго замка, слѣдуетъ перетянуть на свою сторону духовныхъ князей, а потомъ привлечь свѣтскихъ князей, графовъ и рыцарей въ союзъ «для государственнаго преобразованія».

Дворянство Вейгандъ думалъ удовлетворить за его убытки тремя уступками: превращеніемъ всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ до сихъ поръ духовенству въ качествѣ членовъ, въ собственность дворянства, предоставленіемъ дворянству преимуществъ относительно судейскихъ мѣстъ, и наконецъ денежнымъ вознагражденіемъ, которое могло быть извлечено изъ

конфискованныхъ свѣтскихъ владѣній духовенства, долженствующихъ оплатить все новое государственное устройство. Напротивъ въ государственномъ камеральномъ совѣтѣ и въ четырехъ придворныхъ совѣтахъ должны были получить первенство города и сельскія общины: имъ предоставлялось четыре лишнихъ голоса. И князья, и города должны были получить вознагражденіе изъ конфискованныхъ духовныхъ имѣній.

Такъ какъ неизбѣжность измѣненія существующаго порядка чувствовалась давно, то еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ стали думать, говорить и строить планы о томъ, какое устройство будетъ самое лучшее и при какомъ порядкѣ вещей всѣмъ будетъ хорошо. Этимъ объясняется, почему возставшіе такъ скоро перешли отъ первыхъ матерьяльныхъ требованій къ двѣнадцати статьямъ, заключавшимъ въ себѣ высшія требованія, а отсюда къ настоящимъ политическимъ проектамъ устройства; объясняется и быстрое возникновеніе плановъ государственной реформы на Майнѣ и Некарѣ, проектъ земскаго устройства въ Тиролѣ; и то, что эти проекты были такъ хорошо придуманы, больныя мѣста и средства для ихъ исцѣленія такъ удачно подобраны, что еще въ наше время государственные люди самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ отдаютъ имъ дань уваженія и удивленія; многое изъ нихъ введено въ современную государственную жизнь Германіи, многое хотѣли ввести и многое еще ожидается въ будущемъ. Мысли и планы, родившіеся въ центрѣ движенія, на Некарѣ и Этшѣ, составляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ въ исторіи крестьянскихъ и ремесленныхъ отношеній, частнаго и государственнаго права, политическаго и религіознаго прогресса. Въ Тиролѣ и именно во время крестьянской войны впервые возникла мысль о томъ, что *правосудіе* не только должно быть *независимо* въ современномъ значеніи этого слова, но что оно должно стоять совершенно *внѣ* государственной власти, и что правительство,

государь какой нибудь страны, долженъ назначать только *лицъ администраціи*; между тѣмъ какъ судьи не должны быть ни избираемы, ни утверждаемы имъ; что члены администраціи не должны имѣть права голоса въ судебныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ народъ, напротивъ того, самъ долженъ выбирать всѣхъ лицъ, облеченныхъ судебною властью, начиная съ судей и кончая судебными приставами, и что все это должно быть опредѣлено строгимъ закономъ. Подробное перечисленіе всѣхъ идей, проявлявшихся во время крестьянской революціи, завлекло бы насъ за предѣлы нашей книги.

Въ числѣ матерьяловъ, служившихъ для подготовки государственнаго устройства, наряду съ древними народными узаконеніями, и сочиненіями Ульриха Гуттена, Лютера, Эберлина фонъ-Гюнцбургъ и другихъ, видное мѣсто занимала книга, носящая заглавіе: «Реформація императора Фридриха Третьяго». Такъ какъ, до сихъ поръ ни въ одномъ архивѣ не нашлось ни одного рукописнаго или печатнаго экземпляра этого замѣчательнаго сочиненія, написаннаго ранѣе двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка, то изъ этого и изъ содержанія книги можно заключить, что она была написана незадолго до плановъ Зикингена и Гуттена. Во многихъ пунктахъ, относящихся до государственнаго устройства, она сходилась съ идеями Венделя Гиплера; конечно, отсюда нельзя еще заключить, чтобы онѣ были заимствованы изъ нея, гораздо вѣроятнѣе, что «эта тонкая голова, самая умная во всемъ государствѣ», какъ называлъ Гиплера Гецъ фонъ-Берлихингенъ, участвовала въ сочиненіи книги. Она написана перомъ, непохожимъ на перо Ульриха фонъ-Гуттена, и ее скорѣе можно приписать Гиплеру, чѣмъ Вейганду. Вейгандъ состоялъ на службѣ при майнцкомъ дворѣ, гдѣ было довольно много посвященныхъ въ Зикингенское движеніе; имѣнія Гиплера были расположены какъ разъ возлѣ Горнберга, замка Геца фонъ-Берлихингена, и оба они находились къ Гуттену и его друзьямъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ,

чѣмъ это полагаютъ обыкновенно. Такъ какъ теперь обстоятельства про которыхъ писались книги были уже не тѣ, то необходимо было перемѣнить нѣкоторыя частности, вставить много новаго и вообще пойти дальше, чѣмъ это было возможно въ то время, когда люди, преданные Германіи и ея умственному религіозному и національному прогрессу, люди, подобные Вейганду, Гиплеру, Ульриху Гуттену, Буцеру, совѣтовались между собою объ основныхъ положеніяхъ сочиненія, вылившагося изъ подъ одного пера.

Теперь дѣло шло не о томъ, чтобы поставить рыцарство во главѣ движенія, а о томъ, чтобы примирить съ революціею князей, дворянство и города и упрочить ея побѣду такимъ государственнымъ устройствомъ, которое они могли бы принять.

Старая ненависть къ дворянству была еще сильна въ большинствѣ крестьянскихъ бандъ; едва только разнесся слухъ о направленіи, принятомъ людьми, получившими полномочіе на составленіе государственнаго уложенія, какъ уже явились воззванія, въ родѣ «письма собранію простаго крестьянства» разжигавшія недовѣріе къ дворянству и совѣтовавшія крестьянамъ назначать въ должности только «своихъ,» и потому что не приходится прятать волчью шкуру подъ овечью шерсть; врожденные инстикты никогда не позволяютъ ястребу соединиться съ голубкой». Но охлаждающее время и умѣренность оберландскихъ крестьянъ, которые, какъ люди свободные, добивались съ самаго начала только своей старой свободы, а не христіанской свободы и равенства, провозглашаемаго проповѣдниками, давали надежду, что составленный въ такомъ духѣ планъ уложенія привлечетъ наконецъ на свою сторону огромное большинство государства.

Съ 9-го мая депутація отъ крестьянъ была собрана въ имперскомъ городѣ Гейльброннѣ при Некарѣ, съ цѣлью «обсудить всеобщую государственную реформу», на которую ссылались всѣ статьи и соглашенія.

Не въ духѣ Венделя Гиплера было стоять на одномъ мѣстѣ и бездѣйствовать передъ крѣпостями. Было крайне необходимо предпринять что нибудь прочное, рѣшительное для всеобщаго умиротворенія, для объединенія дѣйствій, для всеобщаго соглашенія сталкивающихся интересовъ, для упроченія колеблющихся и неопредѣленныхъ отношеній.

Еще въ Аморбахѣ было рѣшено созвать выборныхъ ото всѣхъ бандъ на конгрессъ всего крестьянскаго сословія, и мѣстомъ собранія былъ назначенъ Гейльброннъ. Здѣсь предполагалось устроить «всеобщую канцелярію»; здѣсь должны были состояться «предварительныя засѣданія ученыхъ крестьянскихъ совѣтниковъ», здѣсь же въ свое время должно было собраться «всеобщее, народомъ открываемое національное собраніе», которому предстояло «обсудить и принять государственную реформу».

Въ Гейльброннѣ засѣдали, въ качествѣ представителей бандъ, соединившихся передъ Вюрцбургомъ, канцлеръ Вендель Гиплеръ и совѣтники его Петръ Лохеръ изъ Кюльсгейма и Гансъ Шикнеръ, изъ Вейсленсбурга.

Ко всѣмъ верхне-швабскимъ, эльзасскимъ и франконскимъ бандамъ были разосланы еще изъ Аморбаха повѣстки, въ которыхъ предписывалось «какъ можно скорѣе выслать уполномоченныхъ на конгрессъ въ Гейльброннъ». Фридрихъ Вейгандъ не присутствовалъ лично на ихъ совѣтѣ, но духъ его былъ съ ними: отъ него были получены замѣчательные концепты относительно государтвенной реформы. Они выписали себѣ и старые проекты и проектъ франкфуртскій, не дожидаясь пріѣзда выборныхъ отъ другихъ бандъ, принялись втроемъ за работу.

Изъ Вюрцбурга имъ было прислано на разсмотрѣніе нѣсколько вопросовъ, которые относились къ дальнѣйшему ходу войны: что должна еще завоевать каждая банда? Какое сопротивленіе онѣ встрѣтятъ при этомъ, какая помощь можетъ имъ понадобиться? Какая банда должна двинуться на

помощь въ случаѣ, если понадобится въ Швабіи подкрѣпленіе противъ швабскаго союза? Какъ поступать относительно Пфальца, Бранденбурга и Бадена, баварскихъ князей и Гессена—снисходительно или сурово? Какимъ образомъ привлечь къ союзу дворянство другихъ земель? Давать ли свѣтскимъ князьямъ и владѣтелямъ вознагражденіе за понесенные убытки изъ духовныхъ имѣній? Просить ли помощи у чужеземныхъ князей, напримѣръ у саксонскаго курфирста, который лучше расположенъ къ союзу? Изъ какихъ бандъ составить рать, которая двинется на Триръ и Кельнъ? Что дѣлать, если императоръ приведетъ чужое войско или другія князья соберутъ наемщиковъ? Какъ держать себя относительно императора, и слѣдуетъ ли предварительно написать къ нему? Когда и гдѣ предпринимать реформу, кого избрать для этого: ученыхъ, горожанъ, крестьянъ? и сколькихъ? Кто станетъ говорить за простаго человѣка о его тягостяхъ? Сколькихъ депутатовъ отъ князей и дворянъ слѣдуетъ допустить, чтобы они вели ихъ дѣло? На чей счетъ и кѣмъ оплатятся издержки на содержанія тѣхъ, кто будетъ представлять дѣла на разсмотрѣніе, и тѣхъ, кого изберутъ для ихъ рѣшенія? Не слѣдуетъ ли также приступить къ улучшенію и уравненію различныхъ войсковыхъ порядковъ, и не должна ли каждая банда представить отчетъ о сдѣланныхъ до сихъ поръ завоеваніяхъ и о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Спрашивали также, что дѣлать въ случаѣ, если, Богъ дастъ, можно будетъ ограничить число бандъ и распустить по домамъ простыхъ людей: слѣдуетъ ли тогда, для предупрежденія несчастья, все-таки оставить въ сборѣ нѣсколькихъ ратниковъ, которые могли бы отстоять право; и такъ далѣе.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, выборные набросали, на основаніи собственныхъ и чужихъ мыслей, проектъ реформы, состоявшій изъ четырнадцати пунктовъ,—проектъ о томъ: «какими мѣрами достигнуть

устройства и преобразованія къ пользѣ, благу и счастію всѣхъ христіанскихъ странъ».

1) Всѣ духовные высшаго и нисшаго званія и состоянія будутъ подвергнуты реформѣ и получатъ достаточное вспоможеніе; ихъ имѣнія обращаются на общую пользу.

2) Всѣ свѣтскіе владѣтели ставятся въ такія условія, при коихъ они не будутъ въ состояніи отнимать у простаго человѣка его христіанской свободы; одинаковое и быстрое правосудіе какъ высшему, такъ и низшему. Князья и дворяне должны защищать бѣдняковъ и держать себя съ ними побратски, за достаточное вознагражденіе.

3) Всѣ города и общины преобразовываются по божескому и естественному праву и по христіанской свободѣ. Всѣ старыя и новыя человѣческія выдумки должны быть отброшены. Всѣ поземельные оброки отмѣняются.

4) Никакой докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ въ судъ или въ княжескій совѣтъ. При каждомъ университетѣ должно быть только по три доктора имперскаго права, къ которымъ слѣдуетъ при случаѣ обращаться за совѣтами.

5) Никакое духовное лицо, высшее или нисшее, не можетъ быть допущено въ государственный совѣтъ или въ совѣтники другихъ князей или общинъ; никто изъ нихъ не можетъ занимать свѣтской должности.

6) Всѣ свѣтскіе законы государства отмѣняются и уничтожаются, а вводится законъ божескій и естественный, чтобы бѣднякъ имѣлъ равныя права съ высшими и богатыми лицами. Въ государствѣ учреждаются 64 свободныхъ суда съ депутатами отъ всѣхъ сословій, а также и отъ крестьянскаго; 16 земскихъ судовъ, 4 придворныхъ суда, 1 императорскій камеральный судъ германской націи, тоже съ выборными членами отъ всѣхъ сословій, но такъ, чтобы въ каждомъ судѣ у народа было *четыре* лишнихъ голоса противъ другихъ сословій. На каждый судъ можно аппелировать въ другой.

7) Всѣ мыты (zölle) и поборы прекращаются, кромѣ податей, необходимыхъ для мостовъ, дорогъ и плотинъ.

8) Всѣ дороги объявляются вольными, всѣ пошлины отмѣняются.

9) Всѣ налоги отмѣняются, исключая императорскаго налога, взносимаго разъ въ десять лѣтъ. (Матѳей 22).

10) Единство монеты для всей германской націи.

11) Единство мѣры и вѣса вездѣ.

12) Ограниченіе процентовъ большихъ банкирскихъ домовъ, которые собираютъ въ свои руки всѣ деньги и обременяютъ и обираютъ по своему благоусмотрѣнію, и богачей, и бѣдняковъ.

13) Освобожденіе дворянства отъ всякихъ ленныхъ обязательствъ какому бы то ни было духовному лицу.

14) Отмѣна всякихъ союзовъ князей, владѣтелей и городовъ: вездѣ только защита и законъ императора *).

По истинѣ это были идеи великія и своеобразныя, практичныя и общеполезныя. Необходимость такихъ реформъ чувствовалась уже цѣлые вѣка: императоры, князья, рыцари и города поднимали, правда, на имперскихъ сеймахъ тотъ или другой вопросъ, но всѣ они вмѣстѣ не придумали и не сгруппировали такихъ превосходныхъ, всеобъемлющихъ положеній, которыя были составлены вождями крестьянъ, стремившимися къ ихъ осуществленію.

Многія лучшія мысли проекта взяты слово въ слово изъ концептовъ Фридриха Вейганда; другія принадлежатъ Венделю Гиплеру.

Такъ какъ у духовенства, князей и дворянства отнимались главные источники ихъ доходовъ, то имъ скоро пришлось бы проститься съ своимъ могуществомъ, даже съ своимъ суще-

*) Этотъ проектъ преобразованія перепечатанъ у Вальхнера, Эхслэ, Бензена.

ствованіемъ. Прелаты должны были превратиться въ проповѣдниковъ, князья и владѣтели въ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ: подъ начальствомъ *одного* главы, императора, должны были существовать на германской почвѣ одни только свободные люди. Однако демократическое остріе проекта, о которое должны были уколоться до крови члены свѣтской и духовной аристократіи, было умно и искусно прикрыто словами и изворатами *).

Между тѣмъ уже не стало того князя, на котораго они хотѣли опереться. «Тотъ, кто былъ отцомъ всѣхъ послѣдователей евангелія, герцогъ Фридрихъ Саксонскій, скончался, писалъ Вейгандъ. Съ нимъ исчезло, по моему убѣжденію, великое утѣшеніе нашей партіи».

Мудрый курфирстъ умеръ 5-го мая. У его смертнаго одра въ Лохау собралась его прислуга. «Милые дѣти, сказалъ онъ имъ на прощаніи, если я обидѣлъ кого-нибудь изъ васъ, я прошу васъ простить мнѣ во имя Божье. Мы, князья, часто дѣлаемъ зло бѣднымъ людямъ». И онъ скончался спокойно на рукахъ своего народа, который видѣлъ при немъ хорошія времена и который при его правленіи повиновался не мечу, а разуму, мудрости и страху Божію; въ ту минуту, когда всѣ князья дрожали передъ своими подданными, объ немъ проливались слезы любви, даже людьми, вызвавшими бушевавшую кругомъ бурю. Его никогда не могли убѣдить присоединиться къ князьямъ, поднявшимъ мечъ противъ крестьянъ. Онъ хотѣлъ предоставить все на волю Божью, просилъ Бога о прощеніи своихъ грѣховъ и совѣтовалъ другимъ князьямъ облегчить гнетъ, тяготѣвшій надъ народомъ; снять ярмо съ подданныхъ и привести ихъ такимъ образомъ къ повиновенію. Если народу суждено достигнуть господства, говорилъ онъ, то никто этому не помѣшаетъ: если же на то нѣтъ

*) Это замѣтилъ прежде всѣхъ Бензенъ

*

Божьей воли, и если они ищутъ не его прославленія, то всѣ эти бури скоро прекратятся.

Мощные дубы реформаціи, въ тѣни которыхъ выросъ и окрѣпъ германскій духъ, покрыли собою и заслонили отъ чужихъ взоровъ могилу того, подъ чьею защитою они вознеслись такъ высоко. Раздвинемъ ихъ тѣнистыя вѣтви и взглянемъ на могилу Фридриха Мудраго! Здѣсь покоится человѣческое сердце, бившееся подъ княжескою мантіей,—сердце, любившее народъ,—сердце безъ суевѣрій и сословныхъ предразсудковъ. Новое слово чище свободнѣе и разумнѣе, чѣмъ могъ учить его Лютеръ, жило въ груди Фридриха. Свѣти же на близкихъ и дальнихъ ты, рѣдкая звѣзда между князьями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Лютеръ и крестьяне; христіанство и крѣпостное право.

Лютеру ставили въ великую заслугу, что онъ своимъ словомъ остановилъ отчасти крестьянское возстаніе. Насколько вѣрно предположеніе, что стань Лютеръ *во главѣ гражданскаго* движенія, онъ бросилъ бы на чашку вѣсовъ громадную тяжесть, настолько же несомнѣнно и то, что съ той самой минуты, какъ онъ высказался противъ народнаго дѣла въ пользу князей, его слово и его значеніе неизмѣримо пало въ глазахъ большинства націи. Это доказывается происшествіемъ въ Орламюндѣ, доказывается успѣхомъ его путешествія по саксонскимъ землямъ. «Лютеръ подольщается теперь къ князьямъ»,

вотъ что говорилось въ Тюрингіи, въ Верхней Швабіи. Вслѣдъ за появленіемъ двѣнадцати верхне-швабскихъ статей, онъ хотѣлъ привести владѣтелей и народъ къ мирному полюбовному соглашенію; въ своемъ посланіи онъ выставлялъ на видъ правителямъ ихъ насилія, говорилъ имъ, что не крестьяне, а самъ Богъ возсталъ противъ нихъ, чтобы покарать ихъ за ихъ беззаконія, и въ тоже время доказывалъ подданнымъ, что возстаніе противно Богу и Евангелію. Въ заключеніе Лютеръ совѣтовалъ повелителямъ смягчить свой гордый духъ и прекратить притѣсненія и тиранства, чтобы дать бѣдняку просторно жить и дышать; крестьянамъ же смириться, отказаться отъ статей, въ которыхъ предъявлялись слишкомъ значительныя требованія, и уладить дѣло по человѣческому праву и согласію *).

Но Лютеръ не замедлилъ сойти съ этого juste-milieu или, лучше сказать, съ этой средней точки между обѣими партіями; онъ бросился въ крайнюю правую сторону, и рѣчи и мысли его стали деспотичнѣе рѣчей и мыслей настоящихъ деспотовъ. Его лучшіе, его ближайшіе друзья пришли въ ужасъ, самъ великій курфирстъ проклялъ его рѣчи, Бренцъ былъ пораженъ горемъ. Многое способствовало этому перевороту: во-первыхъ, въ Лютерѣ шевельнулись человѣческія слабости, отуманившія его взглядъ и разгорячившія его страсти: его доброжелательное увѣщаніе, которому онъ приписывалъ такое чарующее вліяніе, было вовсе не замѣчено крестьянами, буря не утихла по его мановенію, это раздражило его. Воглавѣ народнаго движенія и близко возлѣ него стояли вознесенные этимъ движеніемъ и высокочтимые народомъ: Карлштадтъ, котораго онъ смертельно ненавидѣлъ за ученіе о причащеніи, и который сталъ ему еще ненавистнѣе съ тѣхъ поръ, какъ орламюндцы бросали въ него камнями, и Ѳома Мюнцеръ, ожесточенный про-

---

*) Сочиненія Лютера, Альтенбургъ, III. 114.

тивнкиъ, давно уже возбуждавшій его зависть. Это раздражало его еще больше. Въ то же время пришло извѣстіе о вейнсбергскомъ событіи, и вопли возбужденные имъ, коснулись слуха Лютера; онъ узналъ кромѣ того, что многіе—въ томъ числѣ и герцогъ Георгъ саксонскій — приписываютъ все случившееся ему и реформаціи. Тутъ онъ не выдержалъ, пылкая натура пересилила его. Не подумавши ни минуты о томъ, что большая часть статей, предложенныхъ крестьянами, еще недавно казалась ему весьма удобоисполнимою, что онъ самъ до нѣкоторой степени согласился публично, что ихъ дѣло можетъ быть хорошимъ и правымъ, что, не будучи законникомъ, онъ не можетъ быть въ этомъ отношеніи компетентнымъ судьею, не подумавши, что вейнсбергская знать сама заслужила свою кару вѣроломнымъ убійствомъ сотенъ крестьянъ, мирно шедшихъ во свояси во время перемирія, кровопролитіями на Дунаѣ, попраніемъ всякаго военнаго и народнаго права,—Лютеръ смѣшалъ вейнсбергцевъ съ крестьянами вообще и сталъ громить «толпы крестьянъ-разбойниковъ и душегубцевъ». Теперь они совершенно безправны: «пусть, кто можетъ, разгоняетъ, душитъ и колетъ ихъ, явно и тайно, какъ убиваютъ бѣшеную собаку». Грѣхъ тому начальству, говорилъ онъ въ заключеніе, которое не рѣшается на это, потому что они сами отдались дьяволу, они кромѣ того принуждаютъ многихъ смиренныхъ людей принимать участіе въ ихъ злобѣ и проклятыхъ дѣлахъ. Потому, любезные властители, спасайте здѣсь и тамъ; пусть колетъ, бьетъ и душитъ ихъ всякій, кто можетъ; если ты умрешь въ такомъ дѣлѣ—благо тебѣ; нигдѣ ты не встрѣтилъ бы болѣе блаженной смерти».

Враги реформаціи громко заговорили теперь: «Онъ раздулъ это пламя, а теперь поджигаетъ начальство колоть, рубить, убивать, убѣждая ихъ заслужить такимъ способомъ царствіе небесное; когда со всѣхъ сторонъ горитъ, онъ хочетъ затушить все, такъ какъ ничто не помогаетъ». Всякій разъ, когда католики слышали благовѣстъ къ лютеранской проповѣди, они говорили: опять звонятъ къ убійству *). «Это было прекрасно сказано, говорили о воззваніи Лютера, и какъ разъ въ духѣ ученика, котораго Іисусъ любилъ больше всѣхъ» *). Даже мансфельдскій канцлеръ Мюллеръ напалъ на него за кровожадность и жестокосердіе. Лютера, тѣмъ менѣе можно было оправдать, что еще только два дня тому назадъ онъ выражалъ такое удовольствіе по поводу соглашенія, состоявшагося между крестьянами Альгау и ихъ владѣтелями. Но чѣмъ болѣе вооружался противъ него народъ, чѣмъ болѣе порицали его враги и друзья, тѣмъ болѣе ожесточался и озлоблялся Лютеръ. По свидѣтельству Меланхтона, онъ не выносилъ никакого противорѣчія, привыкнувъ—какъ справедливо упрекали его Мюнцеръ и Карлштадтъ, — среди горячей борьбы считать себя за втораго, непогрѣшимаго папу. Исходя изъ этого перваго противорѣчія, онъ запутался мало по малу въ цѣлую сѣть противорѣчій и самъ сбилъ себя съ ногъ. «Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жалѣетъ, а хочетъ покарать и погубить, говорилъ Лютеръ, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнутъ, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую; а князья узнаютъ, благодаря возстанію, что кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія». Къ доктору Рюлю онъ писалъ: «Мнѣ очень пріятно слышать, что меня называютъ льстецомъ. Понадобилось бы слишкомъ много кожи, еслибъ я хотѣлъ зажимать всякому глотку. Крестьянамъ хотятъ оказывать милосердіе: но если между ними есть невинные, Богъ конечно спасетъ ихъ, какъ онъ спасъ Лота и Іеремію; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то навѣрное они не невинны, они, значитъ, по крайней мѣрѣ молчали и одоб

---

*) Себастіанъ Франке, современникъ.

**) Гормайеръ въ Вѣнскомъ журналѣ.

ряли. Мудрецъ говоритъ: Cibus, onus et virga asino; крестьянина надо набить овсяной соломой; они не слушаютъ словъ и неразумны, и поэтому они должны слушать оружія, и это имъ подѣломъ. Мы должны молить за нихъ, чтобы они повиновались; если нѣтъ, то нечего о нихъ жалѣть. Пусть въ ихъ рядахъ просвищутъ пули, а то они надѣлаютъ еще въ тысячу разъ худшаго» *).

Не надо забывать, читая эти громы, расточаемые Лютеромъ противъ крестьянъ, что самыя черты, которыя въ данномъ случаѣ составляютъ его темную сторону,—его бурная, сила, его вулканическая страстность, его способность вполнѣ предаваться одной сторонѣ дѣла, что только онѣ однѣ сдѣлали возможнымъ осуществленіе его великаго дѣла реформаціи, и что, стало быть, онѣ же, съ другой стороны, составляли и свѣтлую сторону его личности. Къ стыду Лютера относится, что то чувство какой-то робости, которое такъ ясно проглядываетъ въ его примирительномъ отвѣтѣ на двѣнадцать статей, не побудило его уяснить себѣ дѣло и стать на настоящую точку зрѣнія. Всякая остановка на полъ-дорогѣ, всякая половинчатость мститъ за себя. Правители германскаго народа были отчасти свѣтскіе, отчасти духовные. Духовные князья не только стояли выше, но кромѣ того ихъ историческое землевладѣльческое право было старыя права свѣтскихъ землевладѣльцевъ: власть обоихъ относится ко времени послѣднихъ императоровъ гогенштауфенскаго дома. Основываясь на Библіи, въ которой нѣтъ ничего подобнаго, Лютеръ напалъ на незаконность власти духовныхъ князей; но въ Библіи точно также ничего не говорилось и о законности свѣтскихъ властителей; потому крестьяне или ихъ предводители находили, что они совершенно послѣдовательно доводятъ до конца положеніе Лю-

*) Сочиненія Лютера, Альтенбургъ. III. 138. Здѣсь выписано только *самое мягкое* мѣсто.

тера, когда выражаютъ свое нежеланіе признавать какого-нибудь свѣтскаго главу, кромѣ «Кесаря», о которомъ только и упоминается въ Библіи. Они думали, что съ точки зрѣнія Лютера составляетъ противорѣчіе отрицать верховное право однихъ только духовныхъ властителей, оставляя въ сторонѣ право свѣтскихъ, и что непослѣдовательно освобождать подданныхъ отъ повиновенія духовнымъ властямъ, и въ то же время безусловно обязывать ихъ повиноваться свѣтскимъ властителямъ—это противорѣчіе казалось имъ тѣмъ очевиднѣе, что самъ Лютеръ отказывался повиноваться не только папѣ, но даже повелѣніямъ императора и имперскаго сейма, то есть высшему свѣтскому начальству. Противники Лютера говорятъ еще и въ наше время, что Цвингли былъ послѣдовательнѣе въ своей точкѣ зрѣнія, когда онъ основывалъ всякое свѣтское правительство на евангельской свободѣ и на евангельскомъ равенствѣ. Послѣдователенъ также былъ и политическій и церковный республиканизмъ Кальвина *). Оппозиція Лютера народному дѣлу, такъ внезапно перешедшая всякія границы, была основана отчасти на смутномъ пониманіи коренныхъ политическихъ идей, а это смутное пониманіе въ свою очередь происходило отъ того, что Лютеръ выросъ въ государствѣ свѣтскаго властителя, нашелъ въ немъ свою опору, и поэтому никогда не задумывался надъ законностью свѣтской княжеской власти. Онъ тѣмъ крѣпче держался за свѣтское начальство, что боялся въ противномъ случаѣ лишить себя и свое дѣло защиты и поддержки. Руководствуясь такими соображеніями, онъ не слѣдилъ за собою довольно строго и слишкомъ уже усердствовалъ на пользу свѣтскихъ властителей.

Лютеръ говорилъ: не сказано ли у апостола Павла: «вся-

*) Этого мнѣнія держится Никласъ Фохтъ, учитель князя Меттерниха; см. «Рейнскія сказанія и исторіи». т. IV.

кій да повинуется начальству со страхомъ и трепетомъ». Нетерпимость и злоба начальства *) и его противодѣйствіе евангелію, вовсе не оправдываютъ возстанія и грабежа.» Какъ они будутъ держать отвѣтъ передъ Богомъ за то, что возстаютъ противъ начальства, установленнаго самимъ Богомъ? Не въ томъ состоитъ христіанское право, чтобы противиться несправедливости, а въ томъ, чтобы отдавать жизнь и имущество на разграбленіе всякому, кто грабитъ. Право христіанина переносить страданія и умирать на крестѣ». Крестьяне отвѣчали на это такъ: апостолы сказали, что Богу надо больше повиноваться, чѣмъ людямъ; даже христіане первыхъ вѣковъ, слишкомъ слабые для вооруженнаго возстанія, отказывали однако начальству въ повиновеніи и возставали, когда отъ нихъ требовали чего нибудь противорѣчившаго ихъ совѣсти. Лютеръ смѣшиваетъ личность начальства съ порядкомъ, установленнымъ Богомъ, съ правящею властью. Христіанство освящаетъ одну тотько справедливую власть, не возстающую противъ закона Божія, оно объявляетъ неприкосновенною и составляющею часть божественнаго порядка только правящую власть. Правящая же власть — это законы и основныя правила справедливости, выраженныя въ священномъ писаніи. Кто злоупотребляетъ этимъ божественнымъ порядкомъ, тотъ теряетъ защиту, освященіе, даруемыя христіанствомъ: тиранъ стоитъ внѣ закона, потому что онъ возмущается противъ закона Божія. Возстаютъ не противъ божественнаго порядка, а противъ личности тирана; къ такому возстанію должна побуждать самая любовь къ Богу, къ его закону, къ истинѣ и къ ближнему; возстаніе обусловливается не личною выгодой, а общей пользой; отъ нея нельзя отрекаться, хотя бы человѣкъ и былъ готовъ самоотверженно отречься отъ самого

*) Впослѣдствіи Лютеръ сдѣлалъ исключенье въ пользу *борьбы за слово Божіе*.

себя. Мюнцеръ даже съ радостнымъ ликованьемъ поднялъ ветхій завѣтъ и указалъ на тѣ мѣста, гдѣ Самуилъ говоритъ отъ имени Бога о княжеской власти, и которыя не могли казаться крестьянамъ апологіей ея; онъ указывалъ на пророковъ, на книги царей, указывалъ на то, какъ убивали князей по наставленію пророковъ, какъ изгоняли помазанниковъ во имя Божіе, и истребляли всю семью ихъ до послѣдняго спасшагося бѣгствомъ потомка; какъ уничтожались цѣлые города, племена, народности, подданные переходили отъ одного князя къ другому, если только первый владыка переставалъ повиноваться слову Божію, какъ Маккавеи побѣдоносно и славно вели священную войну, и все это происходило по волѣ Божіей и во имя его. Крестьянское возстаніе отмстило за то, что ветхій завѣтъ былъ поставленъ на одну доску съ новымъ, и что въ немъ одинаково превозносили не только его божественную, возвышенную, величественную сторону, не только его основныя изреченія, но все сплошь, безъ разбора и различія.

Лютеръ забылся до такой степени, что объявилъ, будто «попытка уничтожить крѣпостное право совершенно противорѣчитъ евангелію и обнаруживаетъ разбойничьи замашки, потому что такимъ образомъ всякій отнимаетъ у своего господина своетѣло, которое ему принадлежало. У Авраама и патріарховъ также были крѣпостные, а апостолъ Павелъ говоритъ, въ посланіи къ Гал. 4, что для Іисуса Христа «рабъ и господинъ одно и тоже». Послѣднее было однако совершенно ложно истолковано, и смыслъ словъ апостола былъ совершенно иной. Чистое ученье, проповѣдованное Христомъ, не знало ни духовенство съ его властью, ни аристократіи. Оно даже отрицало и то и другое.

Его усилія были скорѣе направлены на то, чтобъ сломить суевѣріе и власть, на немъ основанную, освободить міръ отъ грѣха, опутавшаго его своими сѣтями, и положить начало новому союзу человѣческихъ душъ — союзу, въ которомъ всѣ

члены считали бы себя дѣтьми одного отца, братьями и сестрами. Такое стремленіе христіанства не могло не возбуждать злобу мудрствующихъ ученыхъ и великихъ міра сего; оно было для нихъ камнемъ преткновенія. Чтобы не лишиться своихъ выгодъ, чтобы не утратить своего мірскаго могущества, они умѣли овладѣть юнымъ христіанствомъ. Туда, гдѣ въ началѣ было равенство всѣхъ членовъ, вкрался жреческій элементъ властолюбія. Среди братьевъ явились начальники, которые захотѣли властвовать. На первый разъ партія, державшаяся чистаго ученія, побѣдила *) Но не смотря на то, христіанство все таки пало, оно погибло мало по малу, не устоявъ противъ подтачивающихъ его теократическихъ и аристократическихъ происковъ. Прекрасный духъ простаго ученья Христа былъ убитъ и похороненъ подъ блескомъ еврейско-языческаго богослуженья и широкимъ пестрымъ ковромъ непанятной полной противорѣчій метафизики. Въ новой церкви попрежнему начали царить надъ міромъ, его старые господа; только на этотъ разъ они царили во имя того, кого они сами же умертвили, какъ жертву. Изрѣченія о гражданскомъ рабствѣ звучатъ еще, какъ истинно апостольскіе голоса среди глубокаго, тяготѣющаго мрака новой іерархіи. При своемъ появленіи христіанство застало милліоны рабовъ. Но христіанство считаетъ свободу общечеловѣческимъ правомъ, общимъ достояніемъ всѣхъ, кто созданъ по образу и по подобію божію (1. Кор. 7, 21). По его ученію природа должна сдѣлаться свободною (Римл. 8, 18), надѣть покровы свободы, то есть, населяемая и воздѣлываемая свободными людьми, земля станетъ прекраснѣе и благороднѣе. Тѣмъ грѣховнѣе казалось христіанству униженіе человѣка,

*) Сравните посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ. Роте, начала христіанской церкви и ея учрежденія, Шенкель, въ Богословскихъ изслѣдованіяхъ Уллкманна и Умбрейта, 1841. I, стр. 58 ff.

чада Божія, на степень раба, вещи: «Я не вѣрю, говоритъ аббатъ Исидоръ, чтобы другъ Христа сталъ держать рабовъ». А Григорій великій говорилъ въ шестомъ вѣкѣ: «Нашъ искупитель, властелинъ всей природы, принялъ на себя человѣческое естество, чтобы освободить насъ отъ узъ рабства и снова даровать намъ первобытную свободу, точно также слѣдуетъ освободить и привести въ первобытное состояніе вольности людей, свободныхъ по своей природѣ, но подпавшихъ подъ ярмо рабства, благодаря народному праву». Никто такъ глубоко не уважалъ природу человѣка, какъ Христосъ, хотѣвшій, чтобы въ каждомъ человѣкѣ чтили образъ Божій: весь духъ его ученья, каждая страница новаго завѣта отрицаютъ рабство между христіанами *). Лютеръ впалъ въ противорѣчіе не только съ новымъ завѣтомъ, но и съ самимъ собою: несомнѣнно то, что съ этой минуты онъ почти окончательно потерялъ довѣріе своихъ современниковъ, особенно же людей изъ среды народа, которые сначала такъ горячо стали на его сторону; съ этихъ поръ вліяніе его на народъ стало чрезвычайно слабо, и самымъ печальнымъ ударомъ для Лютера было то, что съ той минуты деспотизмъ сдѣлалъ его своею опорою.

Говорятъ, что Лютеръ долженъ былъ поступать такъ, чтобы не рисковать своимъ дѣломъ и не вовлечь его въ общую погибель, что только такимъ образомъ дѣйствій онъ и спасъ реформацію. Этому воззрѣнію можно противопоставить другой, болѣе основательный и болѣе разумный взглядъ. Еслибъ Лютеръ не отступилъ передъ послѣдствіями своихъ принциповъ, еслибъ онъ выполнилъ реформацію не на половину, не

*) Объ отношеніяхъ истиннаго христіанскаго духа къ гражданскому устройству сравните исторію церкви Неандера I, 60. III. 134, 239, но преимущественно превосходный отрывокъ у Штирма, апологія христіанства, I. 346—395.

одностороннe, а довелъ бы ее до конца, еслибъ онъ остался человѣкомъ народа и рѣшился бы стать во главѣ народнаго движенія, которое, во всякомъ случаѣ было ему не совсѣмъ противно, если бы онъ увлекъ за собою тысячи нерѣшительныхъ и колеблющихся людей, стоявшихъ между народомъ и господами, то нѣмцы слились бы въ одинъ народъ, въ одно цѣлое, съ общею вѣрой и общимъ свободнымъ гражданскимъ устройствомъ, и Германія избѣжала бы религіозной и политической разорванности и безсилія, всѣхъ бѣдствій, всего позора шестнадцатаго, семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ, всѣхъ несчастій, происшедшихъ для нея отъ господства тысячи мелкихъ властителей. Торжество народнаго дѣла, побѣда реформаціи съ политической стороны сдѣлалась бы страшнымъ судомъ, но не тѣмъ, какого боялся Лютеръ; она открыла бы германской націи новое небо и новую землю и даровала бы ей, при свѣтѣ очищенной религіи, великую германскую народную жизнь.

Для того чтобы при данныхъ обстоятельствахъ реформація явилась на свѣтъ во всей своей полнотѣ и законченности, чтобы рожденье ея было нормально и сопровождалось всѣми своими послѣдствіями, ее пришлось бы вырѣзать цѣликомъ изъ самыхъ нѣдръ вѣка. Для такого цезарева сѣченія была необходима искусная рука.

Еще прежде, чѣмъ собрались для совѣщанія на счетъ государственной реформы въ Гейльброннѣ, началась уже *развязка*, послѣдній актъ великой политической трагедіи. Бѣда, обрушившаяся на народное дѣло, вышла изъ Верхней Швабіи.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вейнгартенскій договоръ.

Трухзесъ снова перехитрилъ верхнихъ швабовъ. На другой день послѣ вюрцахской стычки онъ двинулся, черезъ Гайсбейренъ, противъ 15,000 крестьянъ; то были флоріанова и морская банды. Въ послѣдней насчитывали до 10,000 человѣкъ. Стало быть, за исключеніемъ разбѣжавшихся людей, у Флоріана, при отступленіи оставалось еще въ сборѣ 5000 человѣкъ. Вѣсть о томъ, что Трухзесъ идетъ съ вооруженной силой, пришла ночью въ великій четвергъ, какъ разъ въ то самое время, когда Эйтель Гансъ Цигельмюллеръ, главный предводитель морской банды, еще совѣщался съ своими совѣтниками въ монастырѣ Салемѣ. Всѣ тотчасъ же вскочили на лошадей, поскакали въ главную картиру, въ Бермaтингенъ, и разослали по всѣмъ деревнямъ людей съ приказаньемъ бить тревогу. На зарѣ, часа въ 2, въ страстную пятницу, набатъ загудѣлъ во всей долинѣ, одинъ колоколъ будилъ другой до самаго Боденскаго озера, и въ тотъ же день созванные

люди собрались въ Берматингенъ съ оружіемъ въ рукахъ; присоединились къ бандѣ въ 10,000 человѣкъ и двинулись, при звукѣ трубъ и барабанномъ боѣ, съ мерсбургскими и маркдорфскими орудіями на Вейнгартенъ, а оттуда къ лѣсу за Байндтомъ на Гайсбейртъ, гдѣ они столкнулись съ Трухзесомъ и толпами Флоріана. Крестьяне пошли на встрѣчу Трухзесу.

Онъ быстро поставилъ свои орудія за Гайсбейренъ, двинулъ отрядъ за деревню и спряталъ повозки и весь обозъ въ кустарникъ, рядомъ. Передъ крестьянами, занимавшими возвышенность, простиралось низменное пространство, поросшее тростникомъ и недоступное конницѣ. Въ 3 часа пополудни началась съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка. Орудія крестьянъ были разставлены такъ выгодно, что выстрѣлы ихъ могли попадать въ союзниковъ; у нихъ же не было удобнаго мѣста для артиллеріи. Крестьяне пробились насквозь, и ихъ передовой отрядъ занялъ деревню Гайсбейренъ и укрѣпился въ ней. Когда уже почти совсѣмъ стемнѣло, одинъ союзный кнехтъ, державшій сторону крестьянъ, закричалъ: «Бѣгите, мои милые господа и добрые ландскнехты!» Но его тотчасъ же закололи. Онъ хотѣлъ привести въ смятеніе и обратить въ бѣгство союзную пѣхоту. А при бѣгствѣ пѣхоты крестьяне хотѣли отбить у конницы орудія. Эйтель Гансъ разбилъ свой лагерь въ деревнѣ и ея окрестностяхъ, а Трухзесъ отступилъ къ возвышенности передъ мѣстнымъ озеромъ Графъ Вильгельмъ ф. Фюрстенбергъ подкупилъ десятью гульденами трехъ кнехтовъ, чтобы они, когда совсѣмъ стемнѣетъ, пробрались въ лагерь крестьянъ и подожгли деревню. Союзники все еще боялись со стороны крестьянъ ночнаго нападенья; лазутчики передали ихъ намѣреніе. Полагая, что они преданы, крестьяне выступили изъ деревни; они тоже боялись внезапнаго нападенія; при свѣтѣ ярко пылающаго пожара они прокрались сквозь альтдорферскій лѣсъ. Союзники оставались до разсвѣта въ томъ же положеніи; между тѣмъ нѣ-

которые изъ пойманныхъ крестьянъ открыли имъ, что банды частью двинулись на Вейнгартенъ, частью пошли черезъ Шуссенъ. Въ свѣтлое воскресенье Трухзесъ не двигался съ мѣста, потому что лошади слишкомъ утомились. Получены были недобрыя вѣсти о томъ, что крестьяне возстаютъ на всемъ пространствѣ нѣмецкой земли. Въ союзный лагерь ѣхали графъ Гаугъ фонъ Монтфортъ, рыцарь Вольфъ Гремлихъ фонъ Газенвейлеръ и двое членовъ равенсбургскаго магистрата и предложили покончить съ крестьянами миромъ. Господинъ Георгъ узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, что къ Эйтелю Гансу присоединится вскорѣ подкрѣпленіе въ 8000 человѣкъ изъ Оберъальгау, которое уже стоитъ лагеремъ при Лейткирхѣ, и что кромѣ того къ нему еще идутъ 4000 человѣкъ изъ Гегау; не далѣе какъ наканунѣ ему пришлось испытать превосходство силы крестьянъ; посланные швабскаго союза приглашали его вернуться скорѣе въ Вюртембергъ. Вызвавшимся предложить крестьянамъ полюбовное соглашеніе онъ поручилъ передать, что если крестьяне согласятся сложить оружіе и панцыри и выдать ему свои знамена, то онъ останется по сю сторону лѣса, не предприметъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, а обѣщаетъ, что ихъ нужды будутъ разобраны третейскимъ судомъ посредниковъ, избранныхъ обѣими сторонами, и что все случившееся будетъ предано забвенію. Между тѣмъ вечеромъ въ свѣтлое воскресенье Эйтель Гансъ разослалъ изъ Вейнгартена во всѣ стороны гонцовъ, чтобы объявить всѣмъ, имѣющимъ вилы или колья, что они должны пристать къ нему. Народъ сталъ прибывать; пришелъ и Дитрихъ Гурлевагенъ, предводитель райтенауерской или теттнангерской банды, со всѣми своими людьми. Въ понедѣльникъ на Святой прибылъ господинъ Георгъ. Его встрѣтили, при монастырѣ Байндтѣ, графъ Гаугъ и Вольфъ Гремлихъ и другіе; они объявили ему, что крестьяне согласны принять сдѣлку, но не хотятъ сложить оружіе и панцыри и выдать знамена. Господинъ Георгъ не хотѣлъ удоволь-

ствоваться этимъ; онъ еще разъ послалъ ихъ въ лагерь крестьянъ; крестьянскіе совѣтники ожидали отвѣта въ Байерфуртѣ. Господинъ Георгъ охотно согласился на предложеніе посредниковъ пріостановить враждебныя дѣйствія до ихъ возвращенія, «хотя бы даже крестьяне и оставались тамъ, гдѣ они находятся теперь». Этими хитрыми словами военачальникъ разсчитывалъ опутать простодушныхъ крестьянъ, стоявшихъ лагеремъ при Вейнгартенѣ и Бергѣ. Когда онъ двинулся на возвышенность передъ Байерфуртомъ, думая отнять у нихъ преимущество позиціи и занять мѣстечко Вейнгартенъ, крестьяне вышли къ нему на встрѣчу. Тѣ, которые стояли при Бергѣ, поднялись раньше, чѣмъ онъ успѣлъ перевесть черезъ Аахъ и Байерфуртъ орудія и двинулись на Вейнгартенъ черезъ Шуссенъ и Блахфельдъ. Когда крестьяне увидали, что Трухзесъ хочетъ хитростью выманить ихъ изъ ихъ позиціи, Эйтель Гансъ немедленно отдалъ приказаніе занять всѣ выгодные пункты, поставилъ орудія на ст. Блазинбергъ, позади монастыря, расположивъ одинъ отрядъ въ виноградникѣ, а остальную рать выстроилъ въ четыре отряда, такъ что они были защищены отъ конницы рвомъ. Георгу было досадно, что крестьяне разстроили его замыслы. Онъ замѣтилъ двумъ изъ ихъ начальниковъ, что они обѣщали оставаться тамъ, гдѣ были, и нарушили это обѣщанье. Теперь онъ и слышать не хотѣлъ о какомъ бы то ни было соглашеніи, говоря, что крестьяне невѣрны своему слову. Кажется, что и крестьянскіе предводители съ своей стороны тоже хотѣли обмануть Трухзеса. Одинъ прикинулся, будто ему жаль, что его братья выступили на возвышенность, будто сейчасъ отправится и заставитъ ихъ принять прежнюю позицію, другой, Дитрихъ Гурлевагенъ, сталъ на колѣни передъ разгнѣваннымъ военачальникомъ и умолялъ его съ поднятыми къ небу руками не двигаться впередъ, пока онъ не убѣдитъ братьевъ снова вернуться въ горы. Если они добровольно не сойдутъ, я ихъ заставлю сдѣлать это, сказалъ стольникъ ко-

ротко. Онъ двинулся впередъ съ своей конницей, а крестьяне остались на своей позиціи и еще больше укрѣпились тѣмъ временемъ.

Господинъ Георгъ прекрасно понималъ, что ихъ оттуда не выбить и что только голодомъ возможно принудить ихъ сдаться; на это нужно было потратить недѣли двѣ времени. Можно было насчитать 52 развѣвающихся крестьянскихъ значка. Число крестьянъ опредѣляли отъ 12000 до 17000 человѣкъ. Цифры эти, по всей вѣроятности, составляли ихъ собственное показаніе. Трухзесомъ, не смотря на его хладнокровіе, начала овладѣвать робость. Войну надо вести въ столькихъ концахъ Германіи, а онъ даже здѣсь, въ одномъ этомъ уголкѣ, не можетъ добиться желаннаго торжества, нѣтъ даже и надежды на побѣду. Если же его разобьютъ, швабскій союзъ не будетъ въ состояніи выставить новое войско; тогда все придетъ въ упадокъ и разрушеніе; слуги, крестьяне и города, все возстанетъ, и для аристократіи все будетъ потеряно. Фровенъ Гуттенъ и конница хотѣли напасть на ту часть крестьянъ, которая держалась въ равнинѣ Вейнгартена. Но Трухзесу удалось разузнать, что именно здѣсь-то и стоятъ лучшіе воины; онъ боялся, что аттака покончится только «сильною опасностью, поруганіемъ и осмѣяніемъ» и не допустилъ ея. Вновь прибывшіе остались недовольны; они думали, «что господинъ Георгъ не желаетъ кусаться съ земляками». Но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться, что онъ былъ правъ; они открыли, что Эйтель Гансъ поставилъ за рвомъ, черезъ который слѣдовало вести аттаку, 4000 стрѣлковъ съ озера и съ горъ. Господинъ Георгъ все еще дѣлалъ видъ, будто хочетъ начать битву; впрочемъ онъ отчасти боялся, что крестьяне принудятъ его къ этому. Онъ выстроилъ свою рать въ боевой порядокъ, поставилъ одинъ отрядъ къ орудіямъ, за нимъ еще сильный отрядъ и отрядъ австрійскаго дома вмѣстѣ съ гессенцами за заборъ и ограду; потомъ онъ выстроилъ по порядку пфальцграфскій отрядъ, баварскій и маркграфскій, роту лесной ка-

валеріи, роту стрѣлковъ, началась канонада. Одинъ изъ крестьянскихъ знаменщиковъ упалъ замертво съ бѣлымъ знаменемъ, которое держалъ въ рукахъ. Изъ крестьянъ былъ убитъ еще оружейникъ германскаго командора и застрѣлено нѣсколько лошадей. Но господинъ Георгъ думалъ теперь только о томъ, какъ бы поскорѣе заключить миръ до прихода гегаусцевъ и оберальгаусцевъ, которые должны были напасть на него съ тыла. Какъ ни тяжко было ему предлагать миръ крестьянамъ, которыхъ онъ считалъ вѣроломными бунтовщиками, однако онъ послалъ къ ихъ главному предводителю Эйтелю Гансу своего трубача съ просьбою прекратить перестрѣлку и пріѣхать къ нему, такъ какъ онъ хочетъ вести съ нимъ мирные переговоры. Эйтель Гансъ отправился совершенно одинъ въ лагерь къ господину Георгу. Трухзесъ желалъ теперь только сохранить приличіе. Онъ значительно умѣрилъ свои требованія, и съ общаго согласія было рѣшено, что крестьяне выдадутъ ему часть своихъ знаменъ, разставятъ орудія по замкамъ, изъ которыхъ они ихъ взяли, сохранятъ оружія и панцыри, но попросятъ у него прощенія черезъ своихъ предводителей и знаменщиковъ. Эйтель Гансъ отправился назадъ, чтобы сообщить объ этомъ бандѣ. Но вскорѣ посредники опять спустились внизъ и объявили, что крестьяне не согласны на такія условія. Чтобы вынудить ихъ поскорѣе принять предложенныя условія, Георгъ употребилъ хитрость: онъ сдѣлалъ видъ, что упалъ въ глубокую задумчивость и проговорилъ, какъ бы про себя: «Вейнгартенъ, Вейнгартенъ,—неужели я не могу провести въ тебѣ спокойно сегодняшнюю ночь. Если такъ, то и крестьянамъ не будетъ покоя; ты сегодня же превратишься въ груду пепла». Вольфъ Гремлихъ, графъ Гаугъ и равенсбургцы стояли подлѣ него.—Господинъ, сказалъ испуганный рицарь Вольфъ, неужели вы это говорите серьезно?—Да, отвѣчалъ Трухзесъ, сегодня ночью Вейнгартенъ будетъ сторожевымъ костромъ между обоими лагерями. Услыхавши это и представляя уже себѣ зрѣлище своего возлюбленнаго Вейнгартена, охваченнаго пламенемъ, Вольфъ снова отправился въ лагерь къ крестьянамъ, гдѣ въ то время взяла верхъ партія мира и подкупленные предводители. Онъ разсказалъ угрозы Трухзеса и успѣлъ уладить дѣло. Съ общаго согласія было заключено двухчасовое перемиріе. Гремлихъ, графъ Гаугъ и члены равенсбургскаго и юберлингенскаго магистратовъ наскоро составили условія соглашенія, и крестьяне приняли ихъ. Содержаніе ихъ было таково: неудовольствія каждой общины противъ ея господина будутъ разрѣшены третейскимъ судомъ шести безпристрастныхъ городовъ, постановленія этого третейскаго суда должны соблюдаться подданными и господами; тотъ, кто не захочетъ повиноваться, будетъ принужденъ къ этому союзными сословіями; собравшіяся здѣсь банды обязывались отступиться отъ своего братства съ другими и возвратить все отнятое; всѣ происшедшіе безпорядки будутъ преданы забвенію и прощены. Пять *) знаменщиковъ изъ 32 **) выдали въ шесть часовъ вечера свои значки и преклонили ихъ къ ногамъ стольника; тотъ прорвалъ каждый изъ нихъ и потомъ подписалъ вмѣстѣ съ своими главными военачальниками и посредниками договоръ, подписанный затѣмъ и крестьянами; договоръ былъ заключенъ 17 апрѣля, а обмѣнялись обѣ стороны имъ 22 ***).

17 апрѣля было днемъ рѣшительнымъ для всей народной войны. Счастье отдало въ руки крестьянъ Трухзеса, а съ нимъ и все союзное могущество; но имъ были совершенно новы и счастье и побѣда. Они не смѣли воспользоваться ни тѣмъ

---

*) Письмо стольника къ союзнымъ сословіямъ, союзные акты, fasc. 88, № 22. Письмо эрцгерцога къ стольнику, прил. XVI, у Вальхнера.

**) Гансъ Луцъ, герольдъ стольника, рукопись.

***) Кромѣ названныхъ есть еще источники для исторіи всей эпохи; рукописи: Зейдлера, Залльманна и Гольцварта.

ни другимъ, и счастье покинуло ихъ и перешло на сторону стольника. Они еще не знали, что важные бары рѣдко бываютъ вѣжливы безъ задней мысли, иначе они поняли бы, что если стольникъ проситъ и говоритъ миролюбивымъ тономъ, то тутъ что-нибудь да неладно; предложенія мира съ его стороны заставило бы ихъ догадаться о его невыгодномъ положеніи; имъ слѣдовало напасть на него и разбить его. Георгъ откровенно признавался впослѣдствіи, что ему грозила посильная опасность, что счастье такъ ослѣпило въ то время крестьянъ, что они дали ему и его войску возможность во второй разъ выйти изъ бѣды невредимыми. При заключеніи условій господинъ Георгъ отлучился на короткое время и думалъ, что, въ силу оставленныхъ имъ инструкцій, войска его расположатся лагеремъ между Равенсбургомъ и Вейнгартеномъ при Бурахгофѣ, и что главные предводители будутъ слѣдить за народомъ для предупрежденія предательства. Тѣ обѣщали. Возвратившись въ лагерь поздно вечеромъ, онъ нигдѣ не нашелъ порядка, все было перепутано; между тѣмъ пришло извѣстіе, что оберальгаусцы уже въ Шлирсѣ, отстоящемъ всего на часъ ходьбы отъ его лагеря. Гегаусцы могли придти въ ту же ночь; обѣ банды не участвовали въ договорѣ, не знали объ немъ ничего, да и самый договоръ съ вейнгартенскою бандой не былъ еще скрѣпленъ печатями и подписями: все погибло бы, если бы ночью три банды напали съ трехъ сторонъ на союзное войско, находившееся въ полномъ безпорядкѣ. Трухзесъ быстро выдвинулъ отрядъ своихъ войскъ и велѣлъ ему занять позицію между obераллъгаусцами и вейнгартенскою бандой, этотъ отрядъ долженъ былъ задержать ихъ и помѣшать соединиться до разсвѣта. Кромѣ того онъ приказалъ всѣмъ оставаться всю ночь въ латахъ и съ оружіемъ въ рукахъ и слѣдить за малѣйшимъ шумомъ, а самъ на зарѣ поспѣшилъ привести къ концу дѣла съ договоромъ и склонить обераллъгаусцевъ къ его принятію. Покинутые своими союзниками, они избрали депутацію въ 40 человѣкъ и поручили имъ заключить договоръ; сами же начали отступать въ то же утро. 40 депутатовъ приняли вейнгартенскій договоръ; стольникъ также настаивалъ на томъ, чтобы они дали реверсъ, и чтобы за нихъ поручились города Меммингенъ, Кемитенъ и Лейткирхъ. Когда реверсъ былъ ему выданъ, онъ отпустилъ трехъ алльгейерскихъ заложниковъ Ульриха Буба, Конрада Мюллера и Іоганна Аммана. Разошлась также и озерная банда и банда изъ нижняго Альгау: предводитель послѣдней, попъ Флоріанъ удалился въ Швейцарію. Господа Оберланда много толковали о томъ, кто остался бы побѣдителемъ, если бы продолжалась борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Вольфъ Гремлихъ думалъ, что крестьяне побѣдили бы; онъ заспорилъ объ этомъ съ графомъ Гугомъ Монтфортомъ, подрался на шпагахъ съ писаремъ этого послѣдняго и умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія мира, которому способствовалъ больше всѣхъ другихъ. Всѣ отъ души жалѣли этого храбраго и благодушнаго рыцаря *). Вольфа похоронили въ Салемѣ.

Предчувствіе Мюнцера сбылось: договоръ, заключенный при Вейнгартенѣ, былъ большимъ несчастьемъ для народнаго дѣла. Своекорыстіемъ и себялюбіемъ былъ поданъ первый дурной примѣръ: заботясь только о самихъ себѣ, братья оказались измѣнниками передъ своими братьями, отступились отъ общаго дѣла. Онъ писалъ уже отъ 13 апрѣля: «Кажется, господинъ Іергъ проводитъ крестьянъ, состоящихъ при Вейнгартенѣ». Такимъ образомъ былъ разсѣянъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ крестьянскихъ отрядовъ. Трухзесъ, который самъ говорилъ, что борьба противъ соединенныхъ бандъ была сопряжена «съ большою опасностью», радовался, что такъ легко удалось воспрепятствовать соединенію бандъ изъ Рида,

---

*) Рукописи: Зейдлера, Зальманна, Гольцварта.

Альгау, и съ озера съ шварцвальдцами, и гегасцуами **). Обманувъ первыхъ обѣщаньемъ облегчить ихъ тягостное положеніе, онъ могъ теперь, когда они уже не въ силахъ были помѣшать ему разбить по одиночкѣ ихъ союзниковъ, гегауцевъ, шварцвальдцевъ и виртембергцевъ.

Дворяне и правительственные коммисары, осажденные въ Радолфцеллѣ шварцвальдцами, прислали письмо вождю швабскаго союза; письмо это было помѣчено 27 апрѣля, и заключало въ себѣ слѣдующее: «крестьяне, въ своемъ высокомѣріи, ежедневно посылаютъ къ намъ гонцовъ съ угрозами, что, въ случаѣ нашего дальнѣйшаго сопротивленія, они станутъ насъ колоть, и вѣшать, и убивать всякимъ другимъ, позорнымъ образомъ и поступятъ точно также съ дворянствомъ всего свѣта. Съ ними невозможно вступать въ какія бы то ни было соглашенія, ихъ можно только грабить, убивать и поджигать. Если же гдѣ нибудь состоится другое соглашеніе, князья и дворянство навсегда лишатся чести, спокойствія, мира и единодушія. Ваше приближеніе испугало крестьянъ, впрочемъ они неособенно многочисленны. Поэтому вамъ слѣдуетъ продолжать военныя дѣйствія противъ этихъ крестьянъ и уклоняться отъ всякихъ соглашеній съ ними» **).

Целльскіе господа прослышали, что Трухзесъ намѣревается войти въ мирныя сдѣлки и съ ихъ притѣснителями; а имъ хотѣлось во что бы то ни стало крови, долженствовавшей отмстить за ихъ страхъ и ту опасность, которой они подвергались. А между тѣмъ ихъ повелитель, Эрцгерцогъ, стѣсненный въ Тиролѣ своими подданными, такъ «что не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ», отнесся къ присланнымъ договорамъ «съ странною благосклонностью» и просилъ только

*) Письмо стольника къ союзнымъ сословіямъ.

**) Письмо австрійскихъ коммисаровъ въ Целлѣ отъ 27 апрѣля.

довести всѣхъ крестьянъ до того, «чтобы они согласились на такіе выгодные договоры» *).

Трухзесъ обратился въ Гегау и узналъ, что въ Ридѣ, при Штислингенѣ, находятся отъ 6 до 7000 гегаускихъ крестьянъ. Прежде чѣмъ выступить въ походъ, онъ объявилъ, въ угрозу крестьянамъ, «что, если они не сдадутся на его полнѣйшій произволъ, онъ станетъ жечь и грабить ихъ такъ, что имъ придется раскаяться». 25 апрѣля депутаты отъ гегауцевъ и шварцвальдцевъ вышли къ нему на встрѣчу въ поле, при Пфуллендорфѣ. Здѣсь онъ заключилъ съ ними словесно договоръ въ родѣ того, который состоялся съ бандами озера и нижняго Альгау. Статьи договора были записаны, и депутаты вернулись назадъ, чтобы получить одобреніе ихъ отъ обѣихъ бандъ. Трухзесъ двинулся дальше къ Штокаху и вверхъ къ Гогентвилю, и расположился на разстояніи доброй мили отъ крестьянъ. Онъ уже получилъ изъ Ульма предписаніе вернуться какъ можно скорѣе и спасти Вюртембергъ. Онъ отправилъ свои возраженія противъ этого распоряженія и не двигался съ мѣста. Точно также не обратилъ онъ вниманія и на вторичное предписаніе, а напротивъ послалъ сказать осажденнымъ въ Целлѣ, которые уже начинали терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и военныхъ снарядахъ, что навѣрное выручитъ ихъ. Но вечеромъ, когда онъ снаряжалъ своихъ людей въ утреннему приступу, пришелъ третій строгій приказъ немедленно выступить въ походъ и идти въ вюртембергскую область. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли члены союзнаго совѣта, которымъ было поручено, въ случаѣ новаго отказа со стороны Трухзеса, разрѣшить солдатъ отъ обязанности повиноваться ему и принять главное начальство надъ войскомъ. Господа ульмскіе совѣтники, сказалъ Георгъ, распоряжаются, какъ имъ Богъ на душу положитъ, припоминая

*) Рукопись Зейдлера. Письмо эрцгерцога отъ 20 апрѣля.

уроки, которые они слышали въ высшей школѣ. Теперь, по ихъ распоряженію, онъ долженъ оставить въ тылу гегаусцевъ и шварцвальдцевъ, враговъ, которыми пренебрегать вовсе не слѣдуетъ, и ожидать съ часу на часъ, что гегаусцы возмутятъ альгаусцевъ, все еще не ратификовавшихъ договора, и отрѣжутъ отъ него всякій подвозъ; шварцвальдцы будутъ тѣснить его, во время похода, съ фланга, а вюртембергцы тоже загородятъ, съ своей стороны, дорогу для подвоза провіанта. Онъ просилъ отсрочки всего на одинъ день; но члены союзнаго совѣта отказали, и ему пришлось повиноваться. Онъ отдалъ своему войску приказаніе выступить въ походъ въ Тутлингенъ, въ вюртембергской области, и послалъ Томаса Фукса съ 300 всадниковъ выжечь нѣсколько деревень. Этимъ ложнымъ маневромъ онъ хотѣлъ заставить гегаусцевъ и шварцвальдцевъ уйти отъ Радольфцелля глубже въ Гегау. Хитрость удалась, крестьяне удалились, а Трухзесъ въ это время успѣлъ послать въ городъ 500 пѣшихъ солдатъ и съѣстныхъ припасовъ. Потомъ, соединившись съ Дитрихомъ Шпетомъ и его сотнею всадниковъ, онъ поспѣшно выступилъ черезъ Гейбергъ, тяжелою дорогою. 1 мая онъ расположился лагеремъ при Шпайхингенѣ. Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха еще 27 апрѣля вечеромъ отправился въ Шварцвальдъ, чтобы объявить тамъ наборъ въ земское ополченіе (одного съ троихъ). Потомъ онъ поспѣшно разбилъ лагерь при Гюфингенѣ, чтобы защитить Шварцвальдъ отъ опасности, грозящей ему со стороны Трухзеса и Зундгау. 1 мая шварцвальдскіе крестьяне собрались въ гюфингенскій лагерь. Гансъ Мюллеръ взялъ отъ вюртембергской банды то же обѣщаніе, что и отъ гегаусцевъ,—присоединиться къ нему въ самомъ скоромъ времени. Было совершенно необходимо соединить всѣ силы. 19 апрѣля гегаусцы отправили къ свѣтлой бандѣ, стоявшей лагеремъ при Гейльброннѣ, просьбу прислать имъ 7000 человѣкъ. Банда, не будучи въ состояніи исполнить эту просьбу, обратилась къ вюртембергцамъ, а эти тоже отвѣчали отказомъ.

Обѣ банды имѣли основательныя причины для такого отказа: теперь ни для гегаусцевъ, ни для шварцвальдцевъ не было никакихъ уважительныхъ основаній держаться вдалекѣ отъ дѣла своихъ братьевъ, которое было въ то же время и ихъ собственнымъ дѣломъ. До 8,000 оберландцевъ отправились въ Альтштадтъ къ Ротвейлю. Здѣсь ихъ ждалъ герцогъ Ульрихъ вюртембергскій. Онъ хотѣлъ съ ихъ помощью вступить въ свои владѣнія. Въ войскѣ начался изъ-за этого великій расколъ. Предводитель шварцвальдцевъ, Гансъ Мюллеръ, нехотѣвшій ни уступить герцогу главнаго начальства, ни раздѣлить его съ нимъ, сталъ кричать вмѣстѣ съ многими другими, что они возстали не для того, чтобы вводить господъ въ ихъ владѣнія, а напротивъ для того, чтобы выгонять ихъ *). Большая часть крестьянъ «опять отправилась назадъ вмѣстѣ съ вѣроломнымъ шварцвальдскимъ предводителемъ»; **) они отправились потомъ на западъ, черезъ Вольтердингенъ въ Ференбахъ; это былъ тотъ походъ въ Брейсгау, о которомъ, для стройности всей картины, мы уже говорили выше. Часть гегаусцевъ осталась подъ предводительствомъ Ганса Маурера ф. Шлаттъ передъ Радольфцеллемъ, а нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ преводительствомъ Ганса Бенклера двинулись вмѣстѣ съ герцогомъ впередъ. Тогда многіе стали говорить, что Богъ не допустилъ, чтобы крестьяне избрали своимъ главнымъ начальникомъ герцога, по совѣту и наущенію котораго они могли бы подчинить себѣ все государство.

Трухзесъ, испытавшій немало препятствій на походѣ,

---

*) Ансельмъ, Бернская лѣтопись, стр. 287. Это мѣсто можно было бы прочесть: Sie waerent nit uf, Herren insondern uszeseyen», то есть причинять господамъ что нибудь особенное, дѣлать имъ что нибудь необычайное. Это очень подходитъ къ послѣдующему, и изъ этого можно заключить, что Ульрихъ имѣлъ притязанія на верховное начальство.

**) Слова Ансельма, тамъ же.

*

пока гегаусзы тѣснили его съ тыла, а шварцвальдцы съ фланга, теперь снова безъ всякой заслуги съ своей стороны избавился, благодаря ихъ отступленію, отъ большой опасности. Когда онъ стоялъ лагеремъ въ Шпайхингенѣ, городъ Ротвейль, принадлежавшій не къ швабскому, а къ швейцарскому союзу послалъ ему въ подарокъ возъ съ виномъ и возъ съ хлѣбомъ. Ротвейль былъ хорошій городъ. Въ немъ охотно жили по временамъ крупны и мелкіе владѣтели. Время отъ времени сюда заѣзжалъ герцогъ Ульрихъ, аббаты Альпирсбахскій и св. Георгія, бароны фонъ-Циммернъ и многіе дворяне. Всѣ они стали навѣщать городъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ начали безпокоить крестьяне. Между тѣмъ какъ серьезныя и кровавыя сцены разыгрывались повсюду въ окрестностяхъ, благородные и достопочтенные господа потѣшались за безопасными стѣнами Ротвейля, задавая другъ другу пиры и доводя юношескую отвагу до мальчишеской наглости. Развеселившись отъ вина, они затѣвали между собою игру «Maislen», то есть, принимались бросать другъ въ друга всѣмъ, что было подъ руками, обливали одинъ другого нечистою водою, посыпали мукою и т. д. Разъ ночью, перепачкавъ себѣ платья и рясы въ этой игрѣ, достопочтенныя духовныя особы и благородные бароны отправились по домамъ безъ фонарей, во избѣжаніе скандала *): неужели они имѣли бы право претендовать, если бы крестьяне зажгли ихъ замки и дома, чтобы посвѣтить имъ въ пути?

Благородные господа появились наконецъ и въ Остдорфѣ, не подалеку отъ Балингена, гдѣ Трухзесъ стоялъ лагеремъ со 2 мая; они рѣшились выйти изъ Роттвейля, потому что тамошніе крестьяне, осаждавшіе какъ разъ въ то время Балингенъ, отступили въ Горбъ, вслѣдствіе приближенія союзнаго войска, и ограбили тамъ женскій монастырь *). Роттвейлерцы и господа просили Трухзеса не карать самому возставшихъ крестьянъ и не лишать ихъ господства надъ этими бунтовщиками, а въ наказаніе передать крестьянъ въ ихъ распоряженіе. Тотъ согласился, и бароны фонъ-Циммернъ покончили распри съ своими подданными мировою сдѣлкой такого характера, что напримѣръ мескирхцамъ пришлось теперь платить больше податей, чѣмъ прежде; сдѣлка эта была облечена въ такую форму, какъ будто крестьяне, въ знакъ покорности, *сами* возвысили подати, а господинъ обѣщалъ имъ оставаться по прежнему ихъ милостивымъ властелиномъ **)!

*) По рукописи Циммернской лѣтописи, 186—87.

*) Рукопись Гольцварта.

**) Циммернская лѣтопись, Рукгаберъ, стр. 183—84.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Беблингское дѣло и предательство беблингенскихъ господъ.

Какъ только Трухзесъ вступилъ въ вюртембергскую область, онъ тотчасъ же пригласилъ всѣ банды, находившіяся въ странѣ, вернуться домой, сдаться на произволъ побѣдителей и ожидать милостиваго рѣшенія, имѣющаго собраться ландтага; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ поступить по всей строгости, безъ всякаго снисхожденія. Тюбингенское правительство послало къ нему въ Остдорфъ Вольфа ф. Гирнгейма съ просьбою пощадить по возможности страну. «Я сдѣлаю

различіе между добрыми и злыми,—объявилъ военоначальникъ,—и буду, насколько возможно, избѣгать огня, но я не могу согнуть въ бараній рогъ *такое* войско и при *такомъ* походѣ». Форсированнымъ маршемъ добрался онъ до своего стараго лагеря на Неккарѣ, у Вурмлингенской горы, между Роттенбургомъ и Тюбингеномъ. Изъ Гогенъ-Тюбингена пришло извѣстіе, что нѣсколько значковъ крестьянъ находятся въ монастырѣ Бебенгаузенѣ. Хотя въ теченіе дня Георгъ сдѣлалъ уже длинный переходъ, онъ однако выступилъ ночью въ походъ. Онъ хотѣлъ идти съ отрядомъ конницы обыкновенною дорогою, черезъ Лустнау, и въ то же время послать пѣхоту съ нѣсколькими орудіями черезъ Гагеллохъ и бебенгаузерскій лѣсъ. Но солдаты взбунтовались и объявили, что не сдѣлаютъ ни шагу впередъ. Предводителю пришлось уступить и остаться. Бунтъ одержалъ верхъ даже и на другой день; въ этомъ бунтѣ обвиняли самихъ начальниковъ; жалованье не было заплачено за цѣлый мѣсяцъ, и это сильно раздражало людей, тѣмъ болѣе, что имъ пришлось идти форсированнымъ маршемъ по чрезвычайно плохой дорогѣ; Трухзесъ простоялъ три дня въ полномъ бездѣйствіи при Вурмлингенской горѣ *).

Изъ Дегерлоха великая вюртембергская банда двинулась впередъ на Зиндельфингенъ. Отсюда Трухзесу послали такой отвѣтъ: Основательныя и справедливыя неудовольствія противъ правительственныхъ лицъ княжества принудили страну къ этому походу; они рѣшились предпринять его во славу Божію и на пользу странѣ, въ виду ея тягостнаго положенія. Они были вынуждены на такую мѣру. Имъ безъ сомнѣнія было бы гораздо пріятнѣе быть управляемыми въ мирѣ и спокойствіи, что конечно, онъ и самъ прекрасно понимаетъ. Въ свое время, какъ надѣются, они съ честью будутъ держать отвѣтъ за все случив-

*) Рукописи Зейдлера и Ганса Лутца.

шееся передъ его императорскимъ величествомъ. Они не ожидали отъ его милости такой обиды. Они надѣялись, что заслуживаютъ лучшаго *).

Это письмо было написано вчернѣ 6 мая, а переписано и отправлено 7 мая. Гансъ Вундереръ, предводитель штоксбергцевъ, отстоялъ его. Теусъ Герберъ и Матернъ Фейербахеръ сильно спорили противъ письма; несогласія въ совѣтѣ и въ бандѣ возростали съ каждымъ часомъ. Теусу и Фейербахеру удалось однако убѣдить банду отправить въ лагерь швабскаго союза оберъ-фогта Якова фонъ-Бернгаузена (который послѣдовалъ, подобно другимъ дворянамъ, призыву къ присоединенію и находился теперь въ лагерѣ крестьянъ), чтобы просить пропуска для 10 или 12 крестьянъ, назначенныхъ для веденія переговоровъ. Окруженный своими непокорными войсками, Трухзесъ охотно согласился на это. Возвращаясь назадъ, Бернгаузенъ узналъ, что банда двинулась впередъ на Герренбергъ **).

Желая облегчить себѣ соединеніе съ инсургентами вюртембергскаго Шварцвальда, Гансъ Вундереръ въ одинъ переходъ дошелъ до Герренберга. Герренбергъ въ то время былъ занятъ союзнымъ отрядомъ подъ предводительствомъ Ганса Штеклена. Большинство перешло на его сторону. Подъ стѣнами городка съ осаждающими соединился Томасъ Майеръ изъ Фогельсберга съ вюртембергскими шварцвальдцами, возвращавшимися послѣ взятія Зульца. При этомъ поднялись такіе радостные крики, такой шумъ и гвалтъ, что, когда Яковъ фонъ-Бернгаузенъ подъѣхалъ, словъ его не услыхали. Надо убивать всякаго, кто заикнется о переговорахъ! кричали они. Прежд герренбергцы сами писали съ братскою преданностью главному начальнику Матерну Фейербахеру. Матернъ послалъ Якова

*) Концептъ въ штуттгартскомъ государственномъ архивѣ, частью въ рукописи Зейдлера, напечатанъ вполнѣ у Вальхнера, приложеніе XXVI.
**) Акты процессовъ Матерна Фейербахера и Теуса Гербера.

Бернгаузена, Ганса Мюллера и Ганса Гартера, чтобы они приняли начальство надъ городомъ. Но, не смотря на то, что у воротъ стояла банда, ихъ все-таки не отперли. Это раздражило ихъ: шварцвальдцы скомандовали въ аттаку. Хотя Матернъ и Теусъ Герберъ вооружились противъ этого, однако словъ ихъ никто не слушалъ. Матернъ съ своею бандой двинулся къ возвышенностямъ за замкомъ, Вундереръ поставилъ своихъ людей на пашню позади садовъ, Томасъ Мейеръ съ шварцвальдцами занялъ рвы, стѣны и ворота; при немъ же остались охотники изъ другихъ бандъ, вызвавшіеся участвовать въ штурмѣ. Тѣ, которые стояли на валу, замѣтили и запомнили, что между осаждающими находились значки альпирсбахскій, бакнангскій, балингенскій, бебенгаузенскій, боттварскій, булахскій, бракенгеймскій, кальвскій, дердингенскій, дорнштеттскій, гюглингенскій, гирзаускій, марбахскій, мерклингенскій, нагальдскій, нейенбюргскій, розенфельдскій, зульцскій, тюбингенскій, туттлингенскій, вайгингенскій и вильдбергскій *). Тейсъ Герберъ удержалъ штуттгартцевъ отъ приступа. 8 мая въ 8 часовъ утра они написали въ городъ, чтобы оттуда выслали вонъ женщинъ, дѣтей и депутатовъ крестьянства. Послѣ 10 часовъ начался приступъ. Прежде всѣхъ бросились герренбергцы **). Гарнизонъ и горожане мужественно сопротивлялись: два приступа были отбиты. Городъ сдался на капитуляцію только послѣ шестичасовой битвы, когда огненныя стрѣлы, которыя шварцвальдцы употребляли при Зульцѣ и которыя они взяли изъ замка Глатта, подожгли уже 17 домовъ и соборъ. При штурмѣ крестьяне потеряли около 200 человѣкъ. «Это называется выплачивать оброкъ!» вскричалъ одинъ, упавшій съ лѣстницы на землю. Крестьяне отмстили за свою потерю городу. Грабежъ былъ страшный; у баварскихъ кнех-

*) Штуттгартскій архивъ, слѣдственные акты 1527 года.
**) Тамъ же.

товъ также отняли все ихъ имущество. Самихъ ихъ заключили въ церковь всѣхъ до одного человѣка: «каждый часъ приходили туда крестьяне съ намѣреніемъ задушить ихъ и это непремѣнно случилось бы, если бы среди крестьянъ не находился Гансъ Мецгеръ беннигеймскій, профосъ банды».

Одинъ герренбергскій мясникъ принесъ въ лагерь Трухзеса первое извѣстіе о томъ, что городку угрожаетъ опасность. Но кнехты еще не сдавались; господинъ Георгъ послалъ на помощь городу нѣсколько отрядовъ конницы подъ начальствомъ Дитриха гомбургскаго и Ганса и Бастіана эгингенскихъ; имъ однако ничего не удалось сдѣлать. Вечеромъ 8 числа было достовѣрно извѣстно, что Герренбергъ погибъ. Это извѣстіе положило конецъ бунту пѣхоты. На зарѣ 9 числа Трухзесъ выступилъ со всѣмъ войскомъ на помощь къ Герренбергу. Онъ наткнулся на двѣ банды крестьянъ, составлявшія авангардъ. Одна стояла на горѣ за замкомъ, другая съ орудіями и обозомъ—на равнинѣ передъ садами. Союзныя войска тотчасъ же хотѣли напасть на тѣхъ, которые стояли въ равнинѣ; но фельдцейхмейстеръ Михаилъ Оттъ эхтердингенскій, увидѣвъ, что такая аттака врядъ ли приведетъ къ чему нибудь доброму, предварительно нашелъ хорошую позицію для орудій по ту сторону Аммера. Крестьяне двинулись и стали прямо противъ союзной конницы, которая ничего не могла имъ сдѣлать; вблизи города, между прудомъ и болотомъ на горномъ хребтѣ, сзади замка, тамъ выстроились всѣ 3 банды. Господинъ Георгъ расположился лагеремъ на четверть часа ходьбы выше Герренберга, на вершинѣ, близъ деревеньки Гаслаха. Будучи не въ силахъ предпринять что нибудь противъ крестьянъ, онъ поджогъ нѣсколько сосѣднихъ деревень, и пока они догорали, велѣлъ вмѣсто благовѣста къ вечерней молитвѣ открыть изъ всѣхъ орудій огонь по городу и по крестьянскому лагерю: ядра стали попадать въ лагерь и въ городъ. Вскорѣ послѣ этого къ Трухзесу явился отъ крестьянъ войсковой писарь съ письмомъ, въ которомъ объявлялось, что

они вступятъ съ союзными войсками въ бой утромъ на слѣдующій день. Прочитавъ письмо, господинъ Георгъ объявилъ посланному, что удивляется дерзости, съ которою тотъ рѣшился принести ему подобное извѣщеніе, не получивъ предварительно, какъ того требуетъ военный обычай,—пропуска. Онъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ имѣть за посланнымъ бдительный надзоръ и снабжать его пищею и питьемъ. Потомъ ночью, созвавъ предводителей, графовъ и господъ, господинъ Георгъ послалъ за вѣстникомъ и приказалъ ему повторить при всемъ собраніи свой вызовъ на битву. Ну, сказалъ ему Трухзесъ, если ты мнѣ устроишь, что крестьяне перейдутъ на мою сторону, я подарю тебѣ хорошую новую шелковую одежду. А я, вскричалъ графъ Ульрихъ фонъ-Гельфенштейнъ, хорошій шелковый кафтанъ, въ которомъ нестыдно будетъ показаться въ люди. Рано утромъ вѣстника отправили «вмѣстѣ съ Михелемъ, союзнымъ трубачемъ», къ крестьянамъ. Когда они пришли въ лагерь, тамъ уже никого больше не было: крестьяне послали вѣстника для того, чтобы, благодаря этой хитрости, безопасно отступить; отступленіе ихъ совершилось въ 2 часа ночи и они забрали съ собою все, кромѣ нѣсколькихъ телѣгъ и палатокъ, въ которыхъ осталось немного варенаго мяса *). У банды было довольно мяса, такъ какъ крестьяне для добыванья провизіи, повсюду разсылали своихъ посланныхъ. Одинъ Вольфъ, бракенгеймскій мясникъ, добылъ такимъ образомъ изъ монастыря Гиршау 73 теленка и 23 вола. Онъ предъявилъ монастырскому писарю предписаніе своего полковника, а когда тотъ отказался исполнить требованіе, то Вольфъ самъ угналъ скотину. Нѣсколько штукъ ея онъ отдалъ одному крестьянину и Мейеру, которые имѣли долговыя обязательства

*) Рукописи Зейдлера, Ганса Лутца и Гольцварта. Слѣдственные акты надъ Фейербахеромъ и Теусомъ Герберомъ. Рукописная лѣтопись Герренберга у Гейда, герцогъ Ульрихъ. II стр. 259.

на монастырѣ, но никакъ не могли добиться расплаты *).

Пока въ союзномъ лагерѣ дивились и досадовали, соединенныя банды добрались, «благодаря чащѣ лѣсовъ», до своего стараго лагеря между Зиндельфингеномъ и Беблингеномъ со всѣмъ обозомъ, орудіями и повозками. Союзные всадники погнались за ними уже слишкомъ поздно. Чтобы унять ропотъ пѣхоты, которая надѣялась поживиться добычею и получить плату за битву, пришлось прежде послать Дитриха Шпета съ сотнею всадниковъ за деньгами въ Урахъ, вмѣсто того чтобы идти за крестьянами тотчасъ же по горячимъ слѣдамъ. Трухзесъ между тѣмъ, сожигая и разрушая все, что попадалось на пути, **) дошелъ съ своимъ войскомъ только до Вейля въ Шенбухѣ и расположился тамъ лагеремъ.

На этотъ разъ предводителямъ крестьянъ пришлось держать свой планъ въ тайнѣ почти до самой минуты выступленія. Даже, когда былъ уже объявленъ походъ, въ бандѣ не было извѣстно, куда именно идутъ. Безъ этого союзники непремѣнно узнали бы обо всемъ, что происходитъ и предполагается въ крестьянскомъ лагерѣ, такъ какъ въ лагерѣ гегаусцевъ и вюртембергскихъ шварцвальдцевъ ***) у туттлингенскаго фогта были свои довѣренные лазутчики, и Рудольфъ фонъ Эгингенъ писалъ изъ лагеря при Вейлѣ въ Гогентюбингенъ, что, какъ ему достовѣрно извѣстно «многіе дворяне, которыхъ онъ считаетъ вполнѣ преданными герцогу, находятся теперь въ Зиндельфингенѣ, и самъ герцогъ Ульрихъ прислалъ трубача Шварцъ-Іерга сказать бандѣ, чтобы въ эту ночь (съ 11 на 12 мая) пѣшіе и верховые присоединились къ нимъ, но все это однѣ только утки». Какъ видно, они хорошо знали о томъ, что дѣлалось вблизи, только на этотъ

*) Штуттгартскій государственный архивъ, слѣдственные акты, ноябрь 1526 г.

**) Въ рукописи Гофмана письмо Эслингена къ Галлю отъ 12 мая.

***) Штуттгартскій государственный архивъ, письмо фогта отъ 12 апрѣля.

разъ имъ было плохо извѣстно, что происходитъ нѣсколько подальше. Они думали даже впослѣдствіи, что герцогъ пріѣхалъ въ Ротвейль всего только 11 мая въ ночь, а между тѣмъ онъ еще въ первыхъ числахъ мая былъ въ этомъ привѣтливомъ, вольномъ городѣ, издавна извѣстномъ своимъ гостепріимствомъ къ изгнанникамъ. Онъ велъ здѣсь переговоры съ гегаузцами и шварцвальдцами и 7 мая отправилъ отсюда къ своимъ агентамъ, находившимся въ крестьянскомъ лагерѣ, совѣты и наставленія на случай битвы. Вмѣсто того чтобы какъ можно скорѣе явиться лично въ крестьянскій лагерь вмѣстѣ съ своею пѣхотой и конницей, онъ остановился въ Роттвейлѣ, потомъ медленно пошелъ съ Бенклеромъ на Розенфельдъ и сталъ выжидать здѣсь результатовъ своего втораго посольства къ вюртембергской бандѣ.

Прежде чѣмъ посланный герцога Шварцъ-Іергъ, свидѣтель и повѣренный перваго проблеска любви его молодаго сердца, не измѣнявшій ему въ теченіе всей его жизни, ни въ изгнаніи, ни въ бѣдствіяхъ, доставилъ въ Зиндельфингенъ врученное ему письмо, докторъ Фуксштейнъ попытался смягчить сердца крестьянъ и расположить ихъ къ несчастному герцогу. Онъ началъ это еще до похода въ Герренбергъ. Дѣло герцога возбуждало сильные споры среди крестьянъ и совѣтниковъ. Теусъ Герберъ держался тогда того мнѣнія, что Ульриху слѣдуетъ дозволить присоединиться къ бандѣ съ своимъ войскомъ, а въ случаѣ, если Богъ дастъ побѣду,— ему нужно сдѣлать всевозможныя уступки, непротиворѣчащія присягѣ и принятымъ обязательствамъ. Посланному не дали никакого отвѣта. По возвращеніи изъ Герренберга, онъ сталъ настоятельно требовать рѣшенія. Предводитель партіи Ульриха въ лагерѣ, Рамей Гарнашеръ предложилъ водрузить въ полѣ два значка: всѣ, желающіе принять герцога Ульриха, должны были сгруппироваться у одного изъ нихъ, всѣ, несогласные на это,—у другого. Но Теусъ Герберъ объявилъ, что такъ какъ они дали клятву не принимать герцога, то,

по совѣсти, не могутъ взять на себя отвѣтственности за такую мѣру: это неизбѣжно поведетъ къ несогласію между братьями. Штутгартдскаго предводителя отозвали изъ круга, потому что знаменьщики изъявили желаніе переговорить съ нимъ наединѣ. Между тѣмъ канцлеръ Ульриха, Фуксштейнъ, добился слова. Простые люди не были въ состояніи устоять противъ таланта, противъ искусной рѣчи ловкаго повѣреннаго; когда Теусъ Герберъ и каннштатскій знаменьщикъ снова вступили въ кругъ, руки всѣхъ присутствующихъ уже протянулись къ Фуксштейну въ знакъ того, что они согласны принять герцога. Братья, вскричалъ Теусъ Герберъ, мы поклялись ни подъ какимъ видомъ не принимать Ульриха въ качествѣ господина, мы не можемъ нарушить эту клятву. Прибѣгли къ голосованію, большинство оказалось за герцога. Теусъ Герберъ убѣдилъ 14 знаменьщиковъ другихъ округовъ поступать во всемъ согласно съ штутгартцами: ему хотѣлось, чтобы приняли предложенный Трухзесомъ всеобщій ландтагъ. Первый въ кругу заговорилъ въ такомъ смыслѣ главный начальникъ, Матернъ Фейербахеръ. Тотчасъ же стали кричать, что онъ измѣнникъ, другъ дворянства и поповщины, что они подкупили его, и что его слѣдуетъ отставить. Матернъ сказалъ, что онъ не разъ уже говорилъ о своемъ нежеланіи оставаться ихъ предводителемъ, и вышелъ изъ круга. Тогда его схватили, засадили въ монастырь вмѣстѣ съ его профосомъ Гансомъ Мецгеромъ и приставили къ нимъ стражу изъ двухъ прислужниковъ. Однако Теусъ Герберъ и его приверженцы добились таки того, что было принято рѣшеніе отправить къ Трухзесу посольство въ Вейль, въ Шенбухѣ, и просить перемирія и миролюбиваго соглашенія: одни надѣялись выиграть такимъ образомъ время, пока герцогъ подоспѣетъ съ своимъ войскомъ, другіе—избѣжать битвы. «Вотъ видишь ли, старина, говорилъ Матернъ своему профосу, меня засадили за то, что у меня будто бы много денегъ и что я хочу жить широко; а я между тѣмъ долженъ былъ пять гульденовъ». Онъ

былъ сильно удивленъ, услышавъ, что его выбрали членомъ посольства къ Трухзесу Георгу. Въ числѣ уполномоченныхъ находился также Теусъ Герберъ, четыре бургомистра изъ бывшихъ на лицо городскихъ депутатовъ, одинъ вейблингенскій гражданинъ, геннингенскій и шорндорфскій, и Томасъ Мейеръ, предводитель шварцвальдцевъ. Впередъ посольства, какъ посредники, отправились опять рыцарь Яковъ фонъ-Бернгаузенъ и тюбингенскій гофрихтеръ Гансъ Гертеръ фонъ-Гертрингенъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ при Вейлѣ графу Ульриху фонъ-Гельфенштейну и Рудольфу фонъ-Эгингену деньгами, просьбами и подстреканіями удалось наконецъ убѣдить пѣхоту и конницу помочь имъ отмстить крестьянамъ за вейнсбергскія убійства. Имъ въ особенности хотѣлось наказать вейнсбергцевъ, находившихся при бандѣ *). Яковъ фонъ-Бернгаузенъ и Гансъ Гертеръ доложили союзнымъ совѣтникамъ, что большинство крестьянъ невинно въ возмущеніи, что только угрозы и сила вынудили ихъ присоединиться къ движенію. Трухзесъ отвѣчалъ коротко: пусть крестьяне отправляются домой, сдаются на произволъ властей и выдаютъ находящихся въ ихъ рядахъ вейнсбергцевъ. Напрасно депутаты объявили, что имъ невозможно выдать участниковъ въ вейнсбергскомъ дѣлѣ, что жители вейнсбергской долины и Оденвальда присоединились къ нимъ, вюртембергцамъ, помимо ихъ воли; напрасно они предлагали уйти изъ лагеря вейнсбергцевъ вмѣстѣ съ невинными представителями городовъ и сословій, чтобы дать такимъ образомъ господину Георгу возможность наказать ихъ по своему благоусмотрѣнію; никто этого и слышать не хотѣлъ. Трухзесъ повторялъ свой прежній отвѣтъ. Депутаты попросили, чтобы онъ написалъ его для передачи свѣтлой бандѣ. Имъ

*) Письмо Рудольфа фонъ-Эгингена отъ 11 мая. Письмо Ганса Берлинса, Союзные акты, fasc. 94, № 6.

дали письменный отвѣтъ; съ нимъ отправился союзный трубачъ Гансъ Ротенцвейгъ. Вечеромъ они отправились въ крестьянскій лагерь. Близъ Беблингена, тамъ, гдѣ расположилась шварцвальдская банда, ихъ чуть не убили. Крестьяне кричали, что ихъ переговоры съ союзнымъ лагеремъ пахнутъ измѣной, что Матернъ Фейербахеръ отставленъ отъ должности, и что на его мѣсто избранъ предводителемъ винтерштеттенскій Шенкъ.

Пока самые вліятельные изъ умѣренныхъ были въ отсутствіи, другія партіи не зѣвали. Это были приверженцы Ульриха и вейнсбергцевъ, тѣ странные люди, которыхъ мы встрѣтимъ впослѣдствіи съ Ульрихомъ на Гогентвилѣ и которые, вѣроятно, и теперь присоединились къ его партіи. Одинъ изъ некарвейгингенцевъ объявилъ потомъ, что присоединился къ бандѣ, находившейся при Зиндельфингенѣ въ то время, когда прибылъ *предводитель съ курчавыми волосами*. Кто этотъ предводитель съ курчавыми волосами? Не Фукштейнъ ли? это возможно, или рыцарь Бернгардъ, винтерштеттенскій Шенкъ, прибывшій въ банду въ качествѣ слуги Ульриха? Не самъ ли наконецъ герцогъ, курчавая голова котораго вездѣ служила самымъ характеристичнымъ его признакомъ, и который, опередивши свое войско, явился въ бандѣ *инкогнито*.

Теусъ Герберъ въѣхалъ верхомъ въ ряды неукротимыхъ шварцвальдцевъ и повелъ съ ними дружелюбную бесѣду. Онъ старался разрушить ихъ недовѣріе, убѣдилъ наконецъ предводителей отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Зиндельфингенъ. Тамъ было представлено письмо союзниковъ. Банда и здѣсь пришла въ ярость. Теусъ Герберъ говорилъ потомъ, что даже имперскій князь, кто бы онъ ни былъ, даже самъ римскій императоръ, если бы онъ попробовалъ въ то время заговорить съ взбѣшеннымъ народомъ о мирѣ или соглашеніяхъ, не могъ бы поручиться не только за свою неприкосновенность, но даже и за самую жизнь. Предводители объявили въ силу этого союзному трубачу, что теперь въ 6 часовъ

вечера уже слишкомъ поздно устроить въ лагерѣ какое нибудь плодотворное совѣщаніе, они совѣтовали ему доложить союзнымъ начальствамъ, что крестьянство проситъ отсрочки только до 12 часовъ завтрашняго утра, и что къ тому времени ихъ милость получатъ отвѣтъ, который удостоится ихъ благосклоннаго одобренія.

Въ этотъ день въ крестьянскомъ лагерѣ, точно также какъ незадолго предъ тѣмъ въ союзномъ были пущены въ ходъ подкупы. Знаменщики роздали войскамъ деньги, собранныя дотого времени въ казну съ духовенства и составлявшія 5370 гульденовъ 13 батценовъ; кромѣ вольныхъ ратниковъ въ войскѣ было всего 9534 человѣка, и изъ этого числа въ тотъ же вечеръ выбыло три роты, но не изъ вейнсбергцевъ. Впрочемъ при этомъ исчисленіи не были конечно приняты въ соображеніе шварцвальдцы и вновь набранныя войска; еще при отступленіи отъ Герренберга «многіе изъ нихъ бѣжали» *). Въ соединенномъ крестьянскомъ войскѣ ни въ какомъ случаѣ не могло быть болѣе 15000 человѣкъ **); оно было снабжено 22, и по другимъ извѣстіямъ 33 орудіями на колесахъ, конницы почти вовсе не было. Въ союзномъ же войскѣ по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ насчитывали, кромѣ постоянно прибывавшихъ съ разныхъ сторонъ дворянъ, 1200 человѣкъ хорошо вооруженной конницы и 6000 человѣкъ пѣхотинцевъ, 18 крупныхъ орудій и значительное число полевыхъ орудій; высшею цифрою выставляютъ 15000 конницы и пѣхоты, въ числѣ которыхъ было $3^1/_2$ тысячи рейтеровъ. Эта цифра безъ сомнѣнія преувеличена, однако очевидно и достовѣрно, что союзныя силы были не въ примѣръ значительнѣе вюртемберг-

*) Письмо Эслингена къ Галлю отъ 12 мая, пом. въ рукописи Гофмана. Акты процесса надъ Теусомъ Герберомъ. Цѣлый рядъ свѣдѣній въ штуттгартскомъ государственномъ архивѣ.

**) Болѣе подробныхъ свѣдѣній не сообщаетъ даже отчетъ союзнаго бургомистра Фрейбурга, приложеніе Вальхнера XXVIII.

ской крестьянской рати, уже благодаря своей конницѣ и артиллеріи. Поэтому никто изъ понимавшихъ военное дѣло въ зиндельфингенскомъ лагерѣ не желалъ сражаться съ Трухзесомъ при такихъ условіяхъ. На другой день 12 мая въ 7 часовъ утра Теусъ Герберъ и народъ, собравшійся въ монастырѣ, рѣшили устроить общую сходку всей банды и обсудить письмо, полученное отъ Трухзеса. Шварцвальдцы выступили изъ своего беблингенскаго лагеря утромъ и отправились въ поле, находившееся между этимъ городкомъ и Зиндельфингеномъ. Здѣсь-то всѣ значки составили общее, большое собраніе. Но не успѣли еще они всѣ сойтись и приступить къ обсужденію посланія Трухзеса, какъ вдругъ раздались пушечные выстрѣлы, засвистали пули и союзная конница показалась на опушкѣ лѣса: Іоргъ напалъ на нихъ до совѣщанія, «не давши бѣдному народу принять какое нибудь рѣшеніе» *).

Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ и при Вурцахѣ и Вейнгартенѣ: завязалъ сначала переговоры, чтобы удалить всякія опасенія, а потомъ внезапно, какъ гроза, явился изъ за горъ и лѣсовъ.

Еще 11 числа онъ узналъ, что «крестьяне не согласны между собою относительно этого дѣла и что между ними произошелъ раздоръ» **). Онъ самъ и окружавшіе его дворяне жаждали мести за кровь своихъ родственниковъ: Рудольфъ фонъ Эгингенъ лишился въ Вейнсбергѣ двухъ сыновей, самъ Трухзесъ—своего двоюроднаго брата Гельфенштейна, Генрихъ Трайшъ фонъ-Бутларъ—своего зятя Дитриха Вейлера, многіе другіе—родственниковъ; всѣ хотѣли отмстить за честь

*) Все то, что даетъ въ сущности ключъ къ пониманію хода событій при Беблингенѣ, совершенно обойдено молчаніемъ въ союзныхъ отчетахъ: тѣмъ подробнѣе сообщаютъ объ этомъ акты процесса Теуса Гербера.

**) Письмо Эслингена къ Галлю.

своего сословія. Трухзесъ предписалъ Генриху Трайшу выступить съ частью кавалеріи прямо черезъ Гольцгерлингенъ и беблингенскій боръ на лагерь крестьянъ; произвести рекогносцировку и отвлечь вниманіе непріятеля въ эту сторону, между тѣмъ какъ онъ самъ пошелъ съ главною ратью налѣво, мимо замка Маурена и Клеберберга. Вышедши изъ лѣса со стороны Маурана, онъ увидалъ, что Генриху фонъ Бутлару грозитъ опасность быть отрѣзаннымъ отъ главнаго войска. Тогда онъ приказалъ всѣмъ барабанщикамъ и трубачамъ своего отряда бить тревогу, и всѣ конные и пѣшіе поспѣшно двинулись впередъ чрезъ лѣсъ.

Увидавши первыхъ всадниковъ у опушки лѣса и услыхавъ грохотъ орудій, крестьяне, собравшіеся въ полѣ между Беблингеномъ и Зиндельфингеномъ, выстроились въ боевой порядокъ. Позиція между Беблингеномъ и Зиндельфингеномъ была чрезвычайно удачно выбрана, и рыцарь Бернгардъ Шенкъ выстроилъ войска съ большимъ присутствіемъ духа и знаніемъ военнаго дѣла. Арьергардъ упирался въ городокъ Зиндельфингенъ и въ Оксенвальдъ, открывая въ то же время для отступленія двойной путь черезъ газенбергерскій лѣсъ и Вайгингенъ и черезъ Кальтенталь въ Штутгартъ: здѣсь стоялъ Теусъ Герберъ съ штуттгартцами и четырнадцатью подначальными ему ротами. Центръ войскъ съ обозами находился въ полѣ между Зиндельфингеномъ и Беблингеномъ; точкою опоры для авангарда служилъ городъ Беблингенъ и замокъ, находившійся выше города. Здѣсь стояли беблингенцы. Беблингенъ и его фогтъ Леонгардъ Брейтшвертъ принадлежали къ евангелическому братству. По всей линіи были топкія болота и множество озеръ. Бернгардтъ Шенкъ быстро отбросилъ кавалерію Бутлара, поставилъ весьма удобно орудія возлѣ замка надъ городомъ; одну банду привелъ къ городу, а другую выставилъ на горѣ. Трухзесъ понялъ, что всего важнѣе взять Беблингенъ; онъ примкнулъ къ себѣ отброшеннаго Бутлара,

который навѣрно погибъ бы, если бы крестьяне имѣли при себѣ кавалерію Герцога Ульриха.

Было 10 часовъ утра, когда началась битва. Христіанской свѣтлой рати пришлось волей неволей вступить въ сраженіе. Разъединенная, благодаря дѣятельности людей, выдвигавшихъ чуждые интересы на мѣсто народнаго дѣла, введенная въ заблужденіе измѣнниками изъ своей же среды, получавшими подарки отъ господъ, для которыхъ они орудовали, *) поддерживая и возбуждая недовѣріе къ истиннымъ друзьямъ народа,—она колебалась, изъ-за собственной нерѣшительности. Лишенная той твердости, которую придаетъ чувство и сознаніе общаго дѣла, той увѣренности, которая рождается вслѣдствіе согласія и общей привязанности къ одному дѣлу, безъ силы вдохновенія, исчезнувшей среди грабежей и поджоговъ, банда представляла картину всеобщаго смятенія, результатъ отсутствія внутренней связи. Къ довершенію всего этого она подверглась теперь неожиданному нападенію, къ которому вовсе не была приготовлена.

Войско Трухзеса было отдѣлено отъ авангарда крестьянъ болотомъ, и Шенкъ успѣлъ тѣмъ временемъ занять возвышенности и переднюю часть лѣса, поэтому союзная конница могла сдѣлать весьма мало, а крестьянскія орудія и пѣхота обратили въ бѣгство **) союзныхъ кнехтовъ. Благодаря въ особенности удачной перестрѣлкѣ, первые 3 часа битва клонилась на сторону крестьянъ. Дигисгеймскій священникъ, находившійся въ рядахъ крестьянъ, ободрялъ сражающихся, утѣшалъ и напутствовалъ умирающихъ. При началѣ битвы онъ благословилъ войско. Но Трухзеса выручила измѣна,—измѣна беблингенцевъ.

---

*) Союзные акты, fasc 92, № 24.

**) Рукопись свидѣтеля Ганса Лутца. Таковы же и свидѣтельства очевидцевъ.

Леонгардтъ фонъ-Брейтшвердтъ, Фогтъ этого города, былъ вѣрнымъ слугою австрійскаго правительства. Еще 28 апрѣля при Пфуллендорфѣ онъ велъ съ Трухзесомъ переговоры отъ имени этого правительства, стараясь склонить его поскорѣе выступить въ походъ въ Тюбингенъ *).

Въ день битвы онъ рано на зарѣ выѣхалъ верхомъ на встрѣчу господину Георгу Трухзесу, объ этомъ знали одни только члены городскаго магистрата; онъ получилъ порученье просить о помилованіи и пощадѣ города **), обѣщая отпереть ворота, если съ городомъ будетъ поступлено милостиво ***). Господинъ Георгъ тоже построилъ на этомъ весь свой планъ сраженія. Но крестьяне отбили 80 человѣкъ союзныхъ стрѣлковъ, которыхъ онъ послалъ впередъ, къ городскимъ воротамъ. Потомъ Трухзесъ вывелъ къ верхнимъ воротамъ 200 стрѣлковъ; эти ворота были защищены не крестьяпами, а городскими обывателями; тѣ тоже отказались впустить ихъ. Трухзесъ закричалъ людямъ, стоявшимъ на городской стѣнѣ, «что они нарушили капитуляцію, и что онъ сожжетъ ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, если они не отопрутъ немедленно ворота и не впустятъ стрѣлковъ». Ва отвѣтъ на это ворота отворились. Стрѣлки вошли туда и осадили замокъ; крестьяне, находившіеся близко, замѣтили это уже слишкомъ поздно. Такимъ образомъ дѣло скоро дошло до развязки. Трухзесъ двинулъ сначала, вслѣдъ за стрѣлками, четыре фальконета и нѣсколько другихъ орудій съ 200 всадниками; «они открыли огонь по крестьянскимъ рядамъ, стали стрѣлять имъ въ тылъ, выбили крестьянъ изъ ихъ выгодной позиціи у болота, заставили ихъ спуститься съ горъ и холмовъ, такъ что для союзныхъ войскъ открылось довольно мѣста и это дало имъ возможность провезти свои орудія мимо города наверхъ и занять всѣ холмы и выгодныя мѣста орудіями». Между тѣмъ, когда осадили замокъ, «авангардъ союзниковъ вмѣстѣ съ главнымъ отрядомъ и орудіями, поднялся вверхъ; на высотѣ устроили помостъ и на него поставили стрѣлковъ и орудія. Въ то же время Трухзесъ приказалъ Фровену Гуттену обойти Гальгенбергъ съ отрядомъ конницы. Первый залпъ, данный изъ замка и съ высоты, едва долетѣлъ до крестьянъ. Въ ту минуту, когда авангардъ сталъ колебаться и пришелъ въ смятеніе, Гуттенъ, выступивши изъ за Гальгенберга съ своими всадниками, напалъ на крестьянъ съ одного фланга, между тѣмъ какъ Трухзесъ съ конницею, пфальцграфскими всадниками и своими драбантами сдѣлалъ натискъ съ другой стороны и отбилъ у крестьянъ орудія, находившіяся на горѣ, близъ города *). Тогда авангарду крестьянъ пришлось попятиться на центръ. Обстрѣливаемые и своими и союзными орудіями, тѣснимые съ обоихъ фланговъ конницею, «крестьянскою смертью», оробѣвшіе крестьяне были вынуждены оставить всѣ свои позиціи и даже болото; «натискъ сталъ такъ силенъ, что они уже не могли устоять». Разбитый и порѣдѣвшій отъ огня орудій, раздавшійся отъ натиска конницы центръ держался еще, благодаря твердости Теуса Гербера.

*) Письмо Брейтщвердта отъ 28 апрѣля, въ штуттгартскомъ госуд. архивѣ.

**) Акты процесса Теуса Гербера. Письмо Леонгарда Брейтшвердта.

***) Это утверждаетъ стольникъ, Цейль. Рукопись Бальхнера, которая совершенно тождественна съ рукописью, называемою мною Зейдлеровскою.

Когда началась битва, Теусъ поспѣшилъ вернуться съ поля, гдѣ происходило совѣщаніе, въ Зиндельфингенъ; тамъ онъ засталъ свои роты уже готовыми отступить въ Штуттгардтъ. Въ это время явились гонцы отъ штутгардтскаго комитета и

*) Сравнить Ганса Лутца и свидѣтельства очевидцевъ съ показаніями Зейдлера и съ первою частью отчета о ходѣ сраженія, который состоитъ изъ двухъ отрывковъ, поставленныхъ рядомъ; смотри въ матерьялахъ, стр. 107.

отозвали всѣхъ горожанъ, находившихся при крестьянской рати. Нѣкоторые заговорили, что они совершенно неповинны въ дѣлѣ крестьянъ и могутъ сдаться на произволъ побѣдителя, но что, не смотря на это, многіе честные люди изъ ихъ среды могутъ попасть на дурное замѣчаніе въ качествѣ хорошихъ вюртембергцевъ и приверженцевъ герцога Ульриха и вслѣдствіе этого подвергнуться опасности; поэтому они предпочитаютъ умереть всѣ вмѣстѣ, если Трухзесъ не проститъ ихъ окончательно. Братья, вскричалъ Теусъ Герберъ, входя въ ихъ ряды, наши союзники попали въ бѣду, битва началась; мы опозорили бы себя на вѣчныя времена, если бы вернулись домой теперь, какъ трусы. Съ нимъ согласились штуттгартцы и всѣ роты. Теусъ вывелъ ихъ въ битву, которая уже стала кровопролитною. Но отъ штуттгартской роты отпало 80 человѣкъ горожанъ. Знамя центра пало; это было знамя христіанской банды; его отбила союзная конница. Вскорѣ всѣ обратились въ бѣгство къ беблингенскому лѣсу. «Смерть крестьянъ» не могла слѣдовать за ними въ чащу. За мной, вскричалъ Трухзесъ, и за нимъ послѣдовало отъ 40 до 50 всадниковъ. Онъ сталъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обратившіеся въ бѣгство крестьяне должны были проходить чрезъ небольшую равнину, и закололъ многихъ изъ нихъ. Битва кончилась въ два часа по полудни; всѣ банды крестьянъ, или обратились въ бѣгство, или отступили, потому что въ то время, когда часть союзнаго войска бросилась преслѣдовать обратившійся въ бѣгство центръ и авангардъ, другая часть сдѣлала сильный натискъ на значки, находившіеся при Зиндельфингенѣ. Теусъ Герберъ отступилъ въ лѣсъ; при немъ было столько людей, сколько онъ могъ удержать. Онъ отступалъ въ стройномъ порядкѣ до самаго Штуттгардта; потомъ крестьяне разсѣялись. Изъ-за Беблингена черезъ переднюю часть лѣса 200 человѣкъ крестьянъ вышли въ темное мѣсто лѣса; гнавшіеся за ними всадники и пѣшіе кололи и душили встрѣчавшихся на ихъ пути людей, умолявшихъ о пощадѣ. Когда предводители,

находившіеся на полѣ битвы, замѣтили отсутствіе Трухзеса, они велѣли трубачамъ подать сигналъ къ сбору, чтобы привлечь разсѣявшихся въ разныя стороны воиновъ. Трухзесъ направился къ нимъ; вдругъ, на разстояніи полумили отъ поля сраженія, появилось между двумя группами деревьевъ, огромное облако пыли, поднятое повидимому большимъ отрядомъ войскъ, подвигавшихся впередъ. Трухзесъ принялъ этотъ отрядъ за подкрѣпленіе герцога Ульриха. Онъ допросилъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ крестьянъ и узналъ, что герцогъ хотѣлъ присоединиться къ нимъ. Дѣло могло бы принять совершенно иной оборотъ, если бы конница и орудія Ульриха пришли всего однимъ часомъ раньше. Даже и теперь аттака его и Бенклера съ гегаусцами была бы гибельна для союзнаго войска, пришедшаго въ полнѣйшій безпорядокъ отъ побѣды и грабежа; но Ульрихъ вмѣсто этого поспѣшно обратился въ бѣгство. Союзные предводители хотѣли пуститься за нимъ въ погоню, но Трухзесъ нашелъ, что и всадники и лошади слишкомъ утомлены для этого; вмѣсто того «нѣсколько большихъ отрядовъ конныхъ людей», именно гессенцы, бросились чрезъ лѣсъ въ погоню за крестьянами, обратившимися въ бѣгство при Зиндельфингенѣ, и преслѣдовали ихъ до штуттгартской переправы, многіе были убиты *). Союзные кнехты рыскали по лѣсамъ, долинамъ и лощинкамъ отыскивая попрятавшихся крестьянъ; они убивали всѣхъ, кого только находили. Многіе изъ бѣглецовъ падали замертво съ деревьевъ, «какъ журавли изъ гнѣзда».

Трудно опредѣлить число убитыхъ на полѣ сраженія и во время бѣгства, оно колеблется между 1500 и 9000 **). Пре-

---

*) Отчетъ очевидца; этому отчету совершенно соотвѣтствуетъ описаніе, находящееся въ матерьялахъ и въ рукописи Гольцварта.

**) Въ жизнеописаніи Ульриха Бенцъ выставляетъ всего 1500, въ отчетѣ о битвѣ въ матерьялахъ выставлено 1000 чел., убитыхъ во время бѣгства; у Зейдлера — болѣе 8000, въ отчетѣ очевидцевъ, по общему слуху,— болѣе 9000 убитыхъ на полѣ сраженія и въ лѣсахъ; Гольцвартъ выста-

слѣдованіе, сопровождавшееся убійствами, продолжалось въ теченіе всего дня и всей ночи до другаго дня, «потому что въ карманахъ вюртемберцевъ находили много денегъ». Отбито было 5 знаменъ, 18 орудій и всѣ повозки *). Трухзесъ избралъ для своего лагеря мѣсто возлѣ поля битвы при Зиндельфигенѣ и Майхингенѣ. Онъ узналъ, что одинъ изъ вейнсбергцевъ, Мельхіоръ Ноннермахеръ, ильфельдскій трубачъ, спрятался въ Зиндельфингенѣ вмѣстѣ съ другими бѣглецами. Онъ подъѣхалъ къ воротамъ съ нѣсколькими всадниками, вытребовалъ къ себѣ горожанъ и сказалъ имъ: «Вы скрываете у себя одного изъ злодѣевъ, который присутствовалъ въ Вейнсбергѣ при убійствѣ моего двоюроднаго брата; если вы мнѣ не выдадите его чрезъ полчаса, я подожгу городъ и сожгу вашихъ женъ и дѣтей. Когда женщины услышали это, онѣ начали розыски усерднѣе и тщательнѣе мужчинъ. Ребенокъ и женщина замѣтили Ноннемахера на голубятнѣ и отвели его къ Трухзесу. Господинъ Георгъ, отлично знавшій бѣглеца, велѣлъ приковать его въ лагерѣ желѣзною цѣпью къ яблонѣ, близь Майхингена, такъ что онъ могъ отойти отъ дерева на два шага, потомъ велѣлъ принести дровъ и наложить ихъ на полторы сажени вокругъ дерева; онъ самъ, Трухзесъ, графъ Ульрихъ фонъ-Гельфенштейнъ, графъ Фридрихъ фонъ-Фюрстенбергъ, господинъ Фровенъ Гуттенъ, Дитрихъ Шпетъ и другіе рыцари принесли каждый по большой охабкѣ дровъ; потомъ этотъ костеръ зажгли. Дѣло было ночью; на небѣ звѣзды ярко свѣтили; въ сторонѣ широко раскинутыя по полю стояли брошенныя повозки, фуры, орудія, палатки, оружія, всякаго рода сбруя, между ними тихо лежали умершіе и раздавались стоны умирающихъ и раненныхъ; въ дальнемъ лагерѣ шумно кутили и пировали побѣдители; а вокругъ Пфейфера стоялъ цѣлый рядъ ликовавшихъ дворянъ; костеръ былъ весь охваченъ пламенемъ, и въ этомъ огненномъ кругѣ несчастный бѣгалъ все скорѣе и скорѣе, потѣшая собою господъ, между тѣмъ какъ тѣло его «поджаривалось самымъ медленнымъ образомъ»; онъ долго еще былъ живъ, мучился и ревѣлъ отъ боли; другіе плѣнники стояли возлѣ костра блѣдные, какъ полотно, и окаменѣлые отъ ужаса. Наконецъ онъ смолкъ и упалъ *).

вляетъ 6700 Гансъ Лутцъ — 6600 съ чемъ-то; Никласъ Томаннъ 4000, Теусъ Герберъ говоритъ впослѣдствіи, что было убито больше 4000. Гаcельнкоферъ и Крузіусъ показываютъ 4000, агентъ эслингенцевъ въ союзномъ лагерѣ—3000, австрійское правительство показало въ отчетѣ Фердинанду около 4000 человѣкъ; очевидцы, Умгельтеръ и Фрейбургеръ обозначаютъ отъ 1600 до 2000 человѣкъ, Вендель Гиплеръ только 2000. По одному показанію на погребеніе каждаго тѣла было выдано по 2 крейцера, и въ счетѣ было выставлено 7600 крейцеровъ, изъ чего ясно, что было 3800 мертвыхъ тѣлъ изъ крестьянскаго и союзнаго лагеря. Въ числѣ убитыхъ изъ рядовъ гессенцевъ было нѣсколько хорошихъ дворянъ; Гансъ Лутцъ, рукопись.

*) Гансъ Лутцъ. Гольцвартъ.

На другое утро, 13 мая, Трухзесъ двинулся на Плинингенъ: сначала онъ строго наказалъ Беблингенъ и отнялъ у горожанъ оружіе и латы **). Фогтъ Леонгардтъ Брейтшвердтъ имѣлъ основанія бояться за свою жизнь: ему грозила опасность со стороны горожанъ и крестьянъ его области, обзывавшихъ его во всеуслышанье измѣнникомъ и грозившихъ смертью ему, его женѣ и его дѣтямъ. Онъ бѣжалъ въ Пфорцгеймъ ***). Обратившіеся въ бѣгство крестьяне разбрелись во всѣ стороны, одни направлялись къ своимъ деревнямъ, другіе — къ границѣ. Въ страсбургскую область отправились 400 человѣкъ, многіе пошли въ Швейцарію. На пути въ эту страну Матернъ Фейербахеръ былъ захваченъ въ плѣнъ. Кре-

*) Гансъ Лутцъ, Гольцвартъ, очевидецъ, всѣ трое говорятъ въ одинъ голосъ, что самъ стольникъ и рыцари приносили дрова.

**) Заттлеръ, Топографія II, 60.

***) Штуттг. госуд архивъ собственноручное письмо фогта.

стьяне бѣжали по всему Вюртембергу, многіе были безъ башмаковъ, съ непокрытыми головами, безъ оружія. Близь замка Гогенасберга фогтъ задержалъ двухъ изъ самыхъ страшныхъ вейнсбергскихъ дѣятелей, Іеклейна Рорбаха и одного изъ гейльброннцевъ. Господинъ Іеклейнъ остановился здѣсь, чтобы собрать вокругъ себя бѣглецовъ. Такимъ образомъ надъ нимъ совершилась его судьба *). Начальникъ шварцвальдцовъ, Томасъ Майеръ, попался въ плѣнъ во время битвы; голова его пала подъ мечемъ въ Тюбингенѣ. Теусъ Герберъ, который благополучно отвелъ всѣ свои значки въ Штуттгардтъ, и котораго, не смотря на его опасную рану, правительство хотѣло повѣсить на березѣ, на висѣлицѣ, или же выставить на всеобщее поруганіе въ качествѣ «самаго закоснѣлаго мятежника, самаго яраго врага и верховнаго начальника», успѣлъ во время скрыться **).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣроломство герцога лотарингскаго.

По ту сторону Рейна также завязалась борьба съ авангардомъ великаго народнаго возстанія и съ сѣвернымъ его крыломъ.

Герцогъ Антонъ лотарингскій, одинъ изъ тѣхъ тигровъ княжеской породы, которыхъ производила фамилія Гизовъ, кро-

*) Гольцвартъ, рукопись.

**) Письмо правительства къ стольнику.

вожадный ханжа, извѣстный своими наставленіями придворнымъ, что для достиженія блаженства достаточно умѣть читать «Отче нашъ» и «Богородицу», — этотъ Антонъ лотарингскій выдвинулъ теперь изъ горъ свои шайки грабителей и убійцъ на подкрѣпленіе ландфогту Якову фонъ-Мерспергу изъ нижняго Эльзаса и страсбургскому епископу и для защиты своихъ собственныхъ владѣній. Онъ вызвалъ всѣ свои гарнизоны изъ Бургундіи и Шампаньи, призвалъ къ оружію все ленное дворянство своего герцогства, 2000 итальянскихъ стрѣлковъ, и нѣсколько ротъ нидерландскихъ наемниковъ; къ этимъ силамъ присоединились еще подкрѣпленія, присланныя ему его братомъ, правившимъ Франціею во время плѣна короля Франциска, и множество авантюристовъ, лишенныхъ возможности служить послѣ павійскаго пораженія, рыцарей и кнехтовъ, которымъ хотѣлось теперь выместить свою неудачу на нѣмецкихъ крестьянахъ. По французскимъ отчетамъ его войско состояло изъ 30,000 человѣкъ слишкомъ. 6 мая онъ выступилъ изъ Нанси и отправился въ Викъ. Уже въ то время многія изъ возставшихъ подвластныхъ ему мѣстечекъ покорились. 8 мая онъ получилъ письмо отъ Эразма Гербера, главнаго предводителя въ Эльзасѣ, въ которомъ тотъ обращался къ нему съ просьбой вступить, подобно другимъ князьямъ и господамъ, въ ихъ братство и не сопротивляться больше евангельскому ученію; онъ обѣщалъ, что ни ему, ни его странѣ не нанесутъ ни малѣйшаго вреда, ибо крестьяне поставили себѣ единственною цѣлью отстаивать свободу евангелія и провозглашать истину. Дорожа неприкосновенностью католической религіи гораздо больше, чѣмъ своимъ герцогствомъ, герцогъ поступилъ съ вѣстникомъ,—подданнымъ, осмѣлившимся принести такое письмо ему, своему князю, какъ съ государственнымъ преступникомъ, и приказалъ отрубить ему голову. Въ то же самое время явился графъ Рейнгардъ фонъ-Битшъ. Онъ былъ внѣ себя. Изъ 6000 подданныхъ у него не оказалось и 6 покорныхъ людей. Графы фонъ-Лейнингенъ, фонъ-Зальмъ,

фонъ-Нассау, словомъ всѣ благородные владѣтели пограничныхъ земель собрались и стали жаловаться на притѣсненія со стороны крестьянъ. Рыцарь Ганцъ Браунбахъ, которому вмѣстѣ съ другими было поручено охранять владѣнія мецскаго епископа, извѣстный своимъ крайнимъ презрѣніемъ къ крестьянамъ, выпросилъ себѣ 100 всадниковъ и 600 нѣмецкихъ кнехтовъ, чтобы отправиться съ ними осадить «еретиковъ» въ гербельсгеймскомъ аббатствѣ. Но ему пришлось плохо, крестьяне взяли его въ плѣнъ; ему предложили вступить въ евангельское братство; Браунбахъ отказался; тогда его освободили, взявши выкупъ въ 2000 гульденовъ. Это великодушие поразило всѣхъ въ лагерѣ герцога, только-что умертвившаго посланнаго; но крестьянамъ хотѣлось показать, что они истинно евангельскіе христіане. Когда къ герцогу присоединились съ своими войсками (албанцами, стратіотами, піемонтцами и испанцами) принцы Францискъ фонъ-Водемонъ и Клавдій Гизъ, господа изъ Нормандіи и Анжу, и мецкій епископъ братъ герцога, онъ двинулся на крестьянъ, укрѣпившихся при Саргемюнде. Но они отступили до его прибытія въ Эльзасъ, къ свѣтлой бандѣ. Тогда нѣкоторые стали совѣтовать не переходить на ту сторону горъ; здѣсь нѣтъ ни одного врага, говорили они, и никому неудастся перейти черезъ горы; къ чему же подвергаться неминуемой опасности? Но другіе возстали противъ этого: было бы въ высшей степени позорно, возражали они, не покарать враговъ религіи и вернуться во свояси съ такой прекрасной арміей, не сдѣлавши ничего. Армія перешла черезъ горы, отбила нѣсколько проходовъ и Антонъ двинулся на Цабернъ. Эразмъ Герберъ прислалъ другаго гонца съ письмомъ; на немъ находился красный андреевскій крестъ—гербъ свѣтлой банды. Герцогъ отправилъ посланнаго, какъ плѣнника въ Саарбрюгъ. Въ письмѣ Эразмъ Герберъ просилъ, чтобы ему дали охранную грамату, потому что онъ хочетъ повидаться съ герцогомъ и вступить съ нимъ въ переговоры. Князья приняли этотъ пріемъ за уловку крестьянъ,

желавшихъ выиграть время, чтобы собрать всѣ свои банды въ Цабернъ. Нѣкоторые изъ благородныхъ господъ, слишкомъ легко смотрѣвшихъ на крестьянское дѣло и подтрунивавшихъ надъ инсургентами, были ранены или убиты. Наконецъ 16 мая войско герцога стало лагеремъ въ 600 шагахъ отъ Цаберна. Пронесся слухъ, что съ того берега Рейна идетъ подкрѣпленіе тысячъ въ 30 крестьянъ. Въ то же время герцогъ узналъ, что 4,000 крестьянъ пришли въ мѣстечко Лупфштейнъ, находящееся на разстояніи трехъ часовъ ходьбы отъ Цаберна. Тотчасъ же на этотъ пунктъ двинулись герцоги Гизъ и Водемонъ съ ротою ландскнесхтовъ, албанскими и итальянскими стрѣлками и хорошими орудіями. Они нашли крестьянъ собравшимися на равнинѣ у рощицы, пониже Лупфштейна; тѣ устроили засаду изъ повозокъ. Натискъ былъ сдѣланъ быстро; однако крестьянамъ удалось вторгнуться въ укрѣпленный Лупфштейнъ. Графъ фонъ-Водемонъ бился упорно, крестьяне оборонялись «съ яростью». Увидавши, что его брату и пѣхотѣ грозитъ опасность, герцогъ Гизъ приказалъ поджечь повозки, огородку и палиссады, которые служили крестьянамъ защитою. Сначала это смутило ихъ, но они не уступили ни шагу и сдѣлали новый натискъ на пѣхоту. Битва продолжалась долго, и лотарингцамъ все не удавалось вторгнуться въ деревню. Наконецъ конница прорвалась и крестьянамъ пришлось укрыться въ церкви и сосѣднихъ домахъ; они защищались съ отчаянною храбростью и упорно отказывались сдаться. Тогда принцы зажгли деревню съ четырехъ угловъ. Пламя охватило крышу церкви. Она сгорѣла со всѣми, находившимися въ ней; сгорѣла также вся деревня и всѣ, оставшіеся въ ней жители; тѣ же, которые попытались бѣжать, были убиты.

Цабернцы пали духомъ, узнавши о лупфштейнскомъ пораженіи. Къ тому же ихъ столько собралось въ городѣ, что невозможно было держаться долѣе безъ подкрѣпленія, по случаю недостатка съѣстныхъ припасовъ. Они разослали во всѣ

стороны гонцовъ и просили помощи. Въ четвергъ, 18 мая, гонцы достигли банды Вольфа Вагнера, расположенной у Аммерсвейера. Они разсказали крестьянамъ, въ чемъ дѣло. Тѣ инсургенты, которые стояли ниже Ландграбена, хотѣли немедленно отправиться на помощь къ своимъ братьямъ. Они рѣшились тотчасъ же выступить въ походъ и выслать впередъ всѣ пожитки, собранные ими здѣсь. Но крестьяне собрались надъ Ландграбеномъ и забили тревогу на всемъ протяженіи до Беркена. Они выстроились въ боевой порядокъ на аммерсвейерскихъ лужайкахъ, чтобы помѣшать кохерсбергерскимъ крестьянамъ спуститься сверху, и повернули повозки, которыя тѣ хотѣли везти внизъ. Если вы хотите уйти, объявили они, вы должны освободить насъ отъ союзной клятвы, возвратить намъ то имущество, которое мы утратили въ союзѣ съ вами, и вознаградить насъ за понесенные нами убытки; если же вы останетесь съ нами, то мы согласны жить и умирать вмѣстѣ. Теперь, когда у васъ есть имущество, вы хотите покинуть страну и оставить насъ однихъ расправляться, какъ угодно! Или оставайтесь, или освободите насъ, отъ присяги, или же защищайтесь противъ насъ, какъ хорошіе и честные люди. Тогда и мы также поступимъ относительно васъ; увидимъ, за кѣмъ останется побѣда! Да, сказалъ Эккартъ Вигерсгеймеръ, прежде чѣмъ мы отпустимъ васъ отъ себя, надо, чтобъ или мы васъ передушили, или вы насъ,—кто нибудь изъ насъ долженъ остаться побѣдителемъ.

Они остались, двинулись къ Кейзерсбергу и осадили городъ при Алльшпахѣ. Еще въ тотъ же самый вечеръ они подожгли монастырь, который и сгорѣлъ. Ландграбенскіе крестьяне подвинули свои орудія отъ Аммерсвейера на гору, рейхенмейерцы и беркенцы стали по сю сторону, при кейзерсбергскомъ замкѣ, и открыли сильный огонь, который продолжался до обѣда. Въ это время кейзерсбергцы выкинули бѣлое знамя и повели съ крестьянами переговоры, длившіеся до самой ночи; потомъ они сдали городъ, впустили крестьянъ

и приняли присягу членовъ союза. Въ пятницу, 19 мая, всѣ значки собрались на сходку возлѣ Кейзерсберга. Главное начальство надъ крестьянами выше и ниже Ландграбена было ввѣрено Вольфу Вагнеру; 12,000-е войско раздѣлено на двѣ банды, предводителемъ одной изъ нихъ былъ назначенъ Гансъ Бекъ изъ Мюнстера, а другой — Ленцъ Мейеръ изъ Гунненвейера. Войсковое знамя было ввѣрено Денни Беку изъ Бебленгейма. Сходка не успѣла еще разойтись, какъ пришло извѣстіе отъ цабернскихъ крестьянъ о томъ, что они разбиты.

Сильно стѣсненный недостаткомъ провіанта, Эразмъ Герберъ боялся, что непріятель разобьетъ по одиночкѣ всѣ отдѣльные отряды, идущіе на подкрѣпленіе, и началъ переговоры съ герцогомъ о дозволеніи свободно выступить изъ города. Герцогъ согласился на это, но потребовалъ, чтобы крестьяне сложили оружіе представили ему 100 заложниковъ; на этихъ условіяхъ они разошлись по домамъ и отказались отъ своихъ лютеранскихъ заблужденій. 17-го мая они отворили городскія ворота епископскимъ людямъ; графъ фонъ-Зальмъ и Рихарменильскій владѣтель заняли городъ. Сложивши оружіе, крестьяне стали выходить изъ города на зарѣ и собрались въ 400 шагахъ отъ него на горѣ Мучениковъ. Тѣмъ временемъ перехватили нѣсколько писемъ Гербера, въ которыхъ онъ поручалъ своимъ союзникамъ, находившимся по ту сторону Рейна, заготовить въ ожиданіи его припасовъ и оружія, чтобы имѣть возможность немедленно соединиться и снова вступить въ Эльзасъ, но на этотъ разъ съ большими силами и съ лучшими средствами. Уходя, нѣкоторые крестьяне кричали: «да здравствуетъ Лютеръ!» Это раздражило католиковъ ландскнехтовъ, стоявшихъ у воротъ, чрезъ которые должны были проходить крестьяне, выноси съ собою, въ силу договора, все свое добро, возбуждавшее алчность ландскнехтовъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ за рукавъ проходящаго крестьянина и началъ шарить у него въ карманѣ; крестьянинъ не дался и сталъ ругаться. Кто-то

закричалъ: «бейте ихъ, намъ это разрѣшено!» Тотчасъ же ландскнехты принялись бить крестьянъ; они ждали только сигнала. Несчастныя, безоружныя жертвы вѣроломства, вполнѣ убѣжденныя, что бѣлыя палочки, которыя они несли въ рукахъ, послужатъ имъ вѣрнымъ залогомъ мира и неприкосновенности со стороны рыцарей и кнехтовъ, стоявшихъ у городскихъ воротъ, увидали теперь, что эти бѣлыя палочки были только указаніемъ жертвъ, обреченныхъ погибели и поспѣшили снова вернуться въ городъ и захватить свое оружіе. Ландскнекты съ ожесточеніемъ преслѣдовали ихъ и начали страшную рѣзню. Крестьяне хотѣли спустить подъемный мостъ у воротъ, но имъ это не удалось. Толпы лотарингцевъ ворвались въ городъ въ одно время съ ними. Они защищались, насколько хватало силъ, на улицахъ и на базарѣ; но теперь и зальмцы, составлявшіе гарнизонъ города, стали стрѣлять въ нихъ, рубить и колоть ихъ, и рыцари и кнехты повалили толпою въ городскія ворота. Большинство крестьянъ было еще безоружно, и потому они почти не сопротивлялись. Всѣ улицы и дома были обагрены кровью крестьянъ *). Современный французскій писатель разсказываетъ эту исторію нѣсколько иначе. Пока князья, перехвативши письма Гербера, совѣщались, обязаны ли они держать слово относительно людей, которые такъ нагло нарушаютъ собственныя обязательства, какой-то гельдрскій кнехтъ обратился къ одному красивому статному крестьянину, выходившему изъ города въ толпѣ другихъ, съ словами: «ты счастливо отдѣлался, любезный другъ!» Тотъ отвѣчалъ ему оскорбительнымъ образомъ и нѣсколько разъ прокричалъ: «Лютеръ, Лютеръ!» Гельдрецъ ударилъ крестьянина и убилъ. Въ дѣло вмѣшались крестьяне и лотарингцы; такимъ образомъ и произошла рѣзня **).

---

*) Laurentius Pilladius, Rusticiados libri VI.

**) Здѣсь, очевидно, произошло недоразумѣніе между нѣмцами и французами. Когда жадный ландскнехтъ схватился за карманъ эльзасца, тотъ вѣроятно закричалъ не Vive, gentil Luther! какъ разсказываютъ французы, а *Weg*, или даже *pfui, Schandluder!* приправивши, можетъ быть, эти слова неприличнымъ жестомъ.

Французы стараются доказать, что герцогъ Антонъ и прочіе Гизы хотѣли удержать войско, но солдаты не повиновались имъ, и, благодаря этому неповиновенію, было изрублено и убито всего, считая въ томъ числѣ и дѣтей, отъ 16 до 18,000 народу. Сжечь Цабернъ не дозволили, но весь городъ былъ разграбленъ, не исключая и домовъ дворянъ, епископскихъ совѣтниковъ и солдатъ. Побѣдители забрали съ собою всѣ серебряныя и золотыя вещи, деньги и орудія и увели въ плѣнъ многихъ горожанъ, которые потомъ были заколоты. «Они увели съ собою самыхъ красивыхъ женщинъ и дѣвицъ насиловали ихъ по своей прихоти, потомъ отпускали ихъ домой; насилуя женщинъ, они заставляли мужчинъ смотрѣть на это, а потомъ закалывали ихъ и уродовали страшнымъ образомъ» *). Все это происходило въ присутствіи маркграфа Эрнста баденскаго и ландфогта Мерсперга: ландфогтъ, сказалъ герцогъ, если я нуженъ союзу, то я отправлюсь черезъ Рейнъ на помощь къ нему, но съ тѣмъ чтобы и союзъ мнѣ помогъ, когда мнѣ придется прибѣгнуть къ нему. Ландфогтъ отвѣчалъ: милостивый господинъ, военноначальникъ союза мой двоюродный братъ и вполнѣ довѣряетъ мнѣ. Не хотите ли вы, чтобы я написалъ къ нему объ этомъ? Герцогъ приказалъ, ему сдѣлать это. Господинъ Георгъ Трухзесъ получилъ письмо еще въ плинингенскомъ лагерѣ и написалъ эрцгерцогу и союзному совѣту, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ призвать лотарингца или же направить его на Альгау, чтобы онъ тамъ разбилъ крестьянъ **).

---

*) Это говоритъ господинъ фонъ-Раппальтштейнъ, приведенный въ восторгъ побѣдою.

**) Рукопись Зейдлера.

Покинувъ прекрасный Цабернъ *), обращенный теперь въ могилу, герцогъ двинулся на Мауерсмюнстеръ, разрушилъ тамошній замокъ и вывезъ оттуда все достояніе и орудія. Онъ приказалъ повѣсить одного плѣннаго крестьянскаго предводителя и одного проповѣдника и подъ ихъ труппами заставилъ другихъ присягнуть себѣ **).

Въ цаберрскомъ замкѣ онъ взялъ въ плѣнъ главнаго предводителя, Эразма Гербера, который былъ настолько глупъ, что дался въ обманъ этому владѣтельному тигру. Его стали допрашивать подъ пыткой, и онъ показалъ, что черезъ нѣсколько дней его банда состояла бы изъ 60,000 человѣкъ. Герцогъ спросилъ его, признаетъ ли онъ всѣ свои письма? Не я писалъ ихъ, сказалъ предводитель крестьянъ, я самъ не умѣю ни писать, ни читать; ихъ писалъ мой писарь. Далѣе стали его спрашивать, не диктовалъ ли онъ ихъ по крайней мѣрѣ? Суди меня Богъ! сказалъ Эразмъ. Подвигаясь впередъ, среди пылающихъ деревень ***), герцогъ, вѣроломный, какъ и всѣ Гизы, приказалъ повѣсить Гербера на опушкѣ лѣса, вмѣстѣ съ однимъ изъ бывшихъ съ нимъ проповѣдниковъ.

Пока лотарингцы еще грабили Цабернъ, было получено извѣстіе, что близь Буксвейлера появилось 6000 крестьянъ. То была кольбенская банда, по стопамъ которой шла клеебергская. Обѣ хотѣли, по призыву Эразма Гербера, идти на помощь цабернскимъ братьямъ. Услыхавши о происшедшемъ, они повернули назадъ.

Герцогъ хотѣлъ вернуться домой черезъ Леберталь или черезъ Виллерталь. Его авангардъ, лишь только онъ достигъ Соцгейма, наткнулся на цѣлый обозъ съѣстныхъ припасовъ;

*) У Раппольтштейна показано 16,000 убитыхъ, у Кальмета и Пиллада 18,000, у Виггерзейма 18—20,000.

**) Рукопись Ульриха фонъ-Раппольтштейна.

***) Рукопись Вальднера фонъ-Фрейндштейна.

по облаку пыли, виднѣвшемуся вдали, можно было заключить, что идетъ большая банда. Вскорѣ получили извѣстіе, что въ Шервейлерѣ, при Шлеттштадтѣ, были заказаны квартиры для 10,000 крестьянъ.

Какъ только до кейзерсбергской банды дошелъ слухъ о кровавой рѣзнѣ въ Цабернѣ и о движеніи лотарингцевъ вверхъ, всѣ единодушно рѣшили идти навстрѣчу къ непріятелю до самаго Ландграбена. Но теперь было уже поздно. Крестьяне, ниже Ландграбена, тотчасъ же отправились внизъ, верхніе же собрали предварительно по больше народу и хотѣли двинуться вслѣдъ за ними. Отъ Ландграбена они послали людей на рекогносцировку: по какому направленію пойдетъ герцогъ. Было рѣшено идти не дальше Ландграбена и ожидать непріятеля здѣсь за засадой въ 24 фута глубины и ширины; но еще до прибытія враговъ, нижне-эльзасцы вышли изъ-за рва и отправились въ Шлеттштадтъ, внизъ къ Бурнерскому мосту. На ихъ запросъ шлеттштетерцы отвѣчали имъ, что они не впустятъ ихъ въ городъ, но дадутъ имъ присягу, вышлютъ имъ 200 человѣкъ и достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, помогутъ имъ, въ случаѣ притѣсненія непріятелей, орудіями и порохомъ, и даже отопрутъ городскія ворота и впустятъ ихъ, если непріятели заставятъ ихъ обратиться въ бѣгство. На другой день верхне-эльзасцы не нашли своихъ братьевъ у Ландграбена. Они подвинулись впередъ отъ Бурнерскаго моста до Кестенгольца, а лотарингцы тѣмъ временемъ подошли къ Шервейлеру. Они перешли черезъ Гисенъ и выстроились длинными рядами въ боевой порядокъ, до самаго Шервейлера. Эта деревня была отъ нихъ на востокъ. Въ нее упирался ихъ авангардъ, къ западу и въ тылу у нихъ была виллерская долина, горы, покрытыя виноградниками, лежали направо и налѣво, такъ что Шервейлеръ служилъ имъ оплотомъ, и Лотарингцы должны были овладѣть имъ, прежде, чѣмъ добраться до нихъ. Къ

тому же у крестьянъ были хорошія орудія, 12 фальконетовъ, и много ружей.

Когда банда расположилась такъ удобно въ виноградникахъ и Гисенѣ, «многіе рыцари осмотрѣли ее и ловкими происками съумѣли заставить крестьянъ выдти изъ этой выгодной позиціи въ луга» *). «У насъ были предводители, говоритъ Эккартъ Виггерсгеймъ, которые сбивали насъ съ толку, предавали и продавали насъ». Здѣсь, какъ и вездѣ, находившіеся въ бандѣ дворяне являлись измѣнниками, особенно же фогты городовъ. Банда дала знать крестьянамъ, расположенмымъ у Лангробена, что имъ, какъ братьямъ, пора идти на помощь, непріятель уже приблизился. Пойдемте, воскликнули лучшіе люди; неужели же мы не откликнемся на зовъ нашихъ братьевъ. Отъ нижней банды являлся гонецъ за гонцомъ. Они кричали: враги нападаютъ! Идите, идите! Такимъ образомъ и верхніе крестьяне перешли черезъ ровъ; ихъ собралось всего только около 1,800 человѣкъ, явились только беркенскій, раппольтсвейлерскій и рейхенвейерскій значки; тѣ, что были въ долинѣ, еще не подоспѣли. Они дошли до Гаттенберга. Тутъ прискакалъ рейхенвейерскій фогтъ и сказалъ: зачѣмъ вы удаляетесь отъ Ландграбена? Вѣдь мы еще не всѣ собрались вмѣстѣ. Любезные братья, въ настоящее время нашими врагами являются люди страсбургскаго епископа, и они будутъ биться во имя его; они прислали намъ письмо въ Беркенъ о томъ, что епископъ прибылъ и хочетъ наказать свой народъ, но ему нечего съ нами дѣлать у Ландграбена, и онъ не желаетъ вредить намъ чѣмъ бы то ни было. «Сбейте его съ лошади—закричали нѣкоторые,—или пристрѣлите его изъ ружья! Неужели мы допустимъ, чтобъ нашихъ братьевъ убивали совершенно безнаказанно?» Тогда фогтъ сталъ просить, чтобы они были еди-

*) Рукопись Ульриха фонъ-Раппольтштейна.

нодушны, отправились бы въ Кестенгольцъ и не оставляли деревню, пока онъ не вернется къ нимъ снова. Они отправились туда, нижняя банда крестьянъ уже сдѣлала натискъ. Снова одинъ за другимъ стали являться гонцы. Сюда, сюда, милые братья! говорили они. Мы уже окружили враговъ, они въ нашихъ рукахъ и въ нынѣшнюю ночь мы отстоимъ свою честь и пріобрѣтемъ добычу. Всѣ выбѣжали тогда изъ Кестенгольца черезъ Гисенъ и стали позади нижней банды. Дѣло было послѣ 7 часовъ вечера, солнце садилось; тутъ-то и разыгралась битва. Рейхенвейерскій фогтъ не вернулся назадъ. На немъ и на нѣкоторыхъ дворянахъ лежитъ тяжелое подозрѣніе. Лотарингцы сначала уклонялись отъ битвы, такъ какъ мѣстность была имъ совершенно незнакома, но вскорѣ «они окружили крестьянъ спереди и сзади.» Съ одной стороны напалъ графъ фонъ-Водемонъ, съ другой герцогъ Гизъ. Шервейлерскій проходъ былъ взятъ приступомъ, и многочисленный отрядъ непріятельской пѣхоты ринулся, пройдя черезъ деревню, на огромную банду крестьянъ, находившихся въ открытомъ полѣ между Шервейлеромъ и Кестенгольцомъ. Ландскнехты подожгли Шервейлеръ, «чтобы имъ самимъ было видно ночью при огнѣ, и чтобы этотъ огонь ослѣплялъ крестьянъ». Орудія крестьянъ не были снабжены хорошею прислугою и были поставлены слишкомъ высоко. Ядра перелѣтали черезъ концы пикъ и копій лотарингцевъ. Выступивши изъ-за виноградниковъ, ландскнехты сдѣлали аттаку на крестьянскія орудія, разставленныя близъ этого прохода; но такъ какъ пространство было слишкомъ узко, и такъ какъ немногіе могли вступить въ рукопашный бой, то первый и второй приступы были отбиты. Между тѣмъ съ горъ спустилась конница герцога и бросилась съ тылу на банду по выше Ланграбена, и въ то же время ландскнехты сдѣлали третью аттаку съ фронта. Нападеніе съ тыла произвело такое смятеніе, что крестьяне, собравшіеся стрѣлять по всадникамъ, падали потолько другъ въ дру-

га. Они удалились за свои повозки. Итальянцы подлѣзли подъ повозки, подняли ихъ на своихъ спинахъ и отбросили въ сторону: такимъ образомъ открылось мѣсто для пѣхоты и для конницы. Этою минутой воспользовался герцогъ Гизъ и врубился съ своею конницей въ ряды крестьянъ; 250 всадниковъ было убито крестьянскими пулями; однако онъ все-таки пробился сквозь ихъ ряды. Было 10 часовъ вечера; въ теченіе трехъ часовъ 30,000 лотарингцевъ билось съ 7,000 крестьянъ: больше крестьянъ не было; крестьяне, находившіеся въ долинѣ, еще не дошли до поля битвы. Шлеттштеттерцы не выслали ни одного человѣка и ни одного ружья. Мертвыя тѣла лежали одно на другомъ, образуя ворохъ въ сажень вышины. Способъ стрѣльбы давалъ большія преимущества ломбардцамъ и ландскнехтамъ: первые стрѣляли, лежа на землѣ, послѣдніе—стоя на колѣняхъ. Крестьяне стрѣляли, стоя, и внизъ, поэтому они попадали гораздо рѣже въ лежавшихъ и стоявшихъ на колѣняхъ непріятелей; между тѣмъ какъ тѣ почти постоянно попадали въ нихъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, предательскимъ образомъ, крестьне отступили, благодаря ночной темнотѣ, къ лѣсу, но многіе погибли при этомъ отступленіи: изъ крестьянъ были убиты 5000 человѣкъ, изъ войска герцога—3000. «Будь это днемъ, говоритъ Вигерсгеймъ, изъ нашихъ не спаслось бы и 20 человѣкъ: такимъ то образомъ насъ *предали* и *продали*. Все пришло въ безпорядокъ, никто не хотѣлъ слушаться, и всякій дѣлалъ по своему. Мнѣ казалось, что въ крестьянъ вселился самъ чортъ. Даже беблингеймскій знаменщикъ, Дени Бекъ, обратился въ бѣгство и бросилъ свой значекъ, хотя никто изъ враговъ не нападалъ еще на него, и ему ни съ кѣмъ не приходилось биться. Остгеймскій священникъ, Рудольфъ Тейберъ, лишился жизни въ этомъ сраженіи, вмѣстѣ со своею паствою. Я, Эккартъ Вигерсгеймъ, благодарю всемогущаго Творца за то, что мнѣ удалось уцѣлѣть».

Въ теченіе всей ночи лотарингская конница и самъ герцогъ не слезали съ лошадей; онъ боялся нападенія со стороны отступившихъ и еще не бывшихъ въ дѣлѣ крестьянъ; пораженный своими потерями и не имѣя ни малѣйшаго желанія еще разъ вступить въ бой съ крестьянами, онъ рано утромъ поспѣшилъ выйдти изъ страны черезъ виллерскую долину, казнивши предварительно въ своемъ лагерѣ въ отместку крестьянамъ 300 плѣнниковъ изъ Цаберна. Онъ ушелъ, унося съ собою значки, орудія и богатую монастырскую добычу крестьянъ. Въ Вогезахъ ему пришлось натерпѣться сильнаго страха: дороги вездѣ были испорчены, онъ боялся нападеній, но крестьяне дали ему добраться до Нанси, не тронувши его. Если бъ они не слушали воплей женъ и дѣтей, если бы они не поддались тѣмъ, которые говорили прежде, что не къ чему спѣшить, что время еще терпитъ, и которые потомъ старались убѣдить ихъ не ходить на поле битвы, они неминуемо должны были бы уничтожить въ горномъ ущельѣ герцога и всѣхъ его людей *).

Изъ Нанси герцогъ повелъ ожесточенную борьбу съ тѣми мѣстностями своихъ владѣній, которыя придерживались евангельскаго ученія, и сталъ преслѣдовать ихъ огнемъ и мечемъ. Онъ сталъ грозить такимъ гоненіемъ городку Сентъ-Польтенъ. Тамошній священникъ Вольфгангъ Шухъ самъ отправился въ Нанси отдать отчетъ въ своей религіи и отстоять отъ опасности свою паству. Герцогъ Антонъ приговорилъ его къ сожженію, и 19-го августа 1525 года приказалъ сжечь живымъ Шуха, до конца остававшагося героемъ **).

---

*) Рукопись Эккарда Виггерсгейма; рукопись Раппольштейна; рукопись Френдштейна; Кальметъ, V, 508—520; эльзаская хроника герцога.

**) Acta martyrum.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гибель Ѳомы Мюнцера.

Первыя искры въ Эльзасѣ были брошены Ѳомою Мюнцеромъ. Еще прежде эльзасцевъ онъ палъ жертвою своихъ стремленій. Мюнцеръ не хотѣлъ спѣшить. Онъ хотѣлъ выждать той благопріятной минуты, когда время и привычка придадутъ востанію больше силы и сообщатъ ему болѣе совершенную организацію, онъ хотѣлъ выждать время, когда, самые храбрые, опытные въ военномъ дѣлѣ горные ополченцы присоединятся къ нему, когда крестьяне Верхней Швабіи и другія банды одержатъ первыя побѣды надъ своими князьями. Онъ хотѣлъ имѣть всѣхъ ихъ въ резервѣ и только тогда двинуться изъ своего Мюльгаузена съ мечемъ Гедеона. Онъ превосходно зналъ большую часть своихъ тюрингцевъ: то были не швабы, слѣдовавшіе съ самой юности за знаменемъ и выросшіе среди войнъ, то были не франконцы, составлявшіе черную рать Флоріана Гейера, не стрѣлки изъ Альпъ и Эльзаса; ихъ постояннымъ дѣломъ было съ трудомъ вымогать у скудной почвы жалкое пропитаніе; единственными привычными орудіями были лопата и заступъ. Кромѣ того онъ не былъ окруженъ замками, изъ которыхъ можно было доставать хорошія орудія; а за порохомъ ему приходилось посылать швейцарца, снабженнаго 900 гульденовъ, въ Нюренбергъ — этотъ обширный рынокъ, поставлявшій порохъ безразлично и друзьямъ, и врагамъ. Одинъ только мечъ представлялся ему средствомъ помочь своему народу и спасти его, только на лобномъ мѣстѣ стараго міра могъ, по его мнѣнію, родиться но-

вый лучшій міръ, только гибель храмовъ и ихъ жрецовъ могла освободить умы, только уничтоженіе аристократіи и привиллегій могло дать возможность освободить плоть и жизнь Онъ все еще не сомнѣвался въ побѣдѣ, лишь бы только всѣ банды были связаны единодушіемъ и не давали опутать и разбить себя по одиночкѣ. Онъ зналъ свой народъ, который отдаетъ свое полное довѣріе и остается преданъ всѣмъ сердцемъ тѣмъ самымъ людямъ, которые сто разъ обманывали его. Владѣтели казались ему тѣмъ опаснѣе, чѣмъ они становились милостивѣе; ни оружія ихъ онъ боялся: ему казались всего страшнѣе ихъ хитрость, лицемѣріе и предательскіе происки. И весь ходъ народной войны оправдалъ его опасенія.

Тотъ, кто до сихъ поръ такъ усердно помогалъ ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, теперь сдѣлался его злымъ геніемъ: Пфейферъ слишкомъ рано заставилъ его дѣйствовать; онъ думалъ, что Мюнцеръ съ своей медлительностью пропуститъ удобный случай, и не слушалъ увѣреній Мюнцера, что они еще далеко не настолько сильны, чтобы начать открытую борьбу; что крестьяне не достаточно еще подготовлены къ ней. Не смотря ни на какія возраженія Мюнцера, не смотря на увѣреніе его, что духъ, руководящій всѣми его дѣйствіями, въ настоящую минуту запрещаетъ ему начинать дѣло, Пфейеръ настоялъ на своемъ. Чтобы убѣдить народъ, что и онъ также слѣдуетъ внушенію свыше, онъ объявилъ, что имѣлъ откровеніе, въ которомъ ему повелѣвалось не медлить и не слушать на этотъ разъ Мюнцера. Ему снилось, разсказывалъ онъ, будто онъ, въ оружіи стоитъ среди большаго амбара, его окружила стая мышей, и онъ разогналъ ихъ; духъ объяснилъ ему при этомъ, что сонъ предвѣщаетъ побѣду надъ дворянами въ Тюрингенѣ и Эйхсфельдѣ. Народъ охотно поддавался словамъ Пфейфера; они нравились ему. Такимъ образомъ оружіе, которымъ такъ долго пользовался Мюнцеръ и которое доставило ему вліяніе на народъ, обратилось теперь противъ него же самого, этого не могъ предупредить и его умъ и проницатель-

ность. Когда онъ воспротивился было выступленію, Пфейферъ сталъ грозить, что обратится противъ него самъ и возстановитъ другихъ. Мюнцеръ принужденъ былъ дать свое согласіе, и Пфейферъ съ товарищами двинулся къ Эйхсфельду, раззоряя по дорогѣ церкви, монастыри, дворянскія помѣстья; онъ явился въ Мюльгаузенъ съ богатою добычею, ведя за собою плѣнныхъ. Чтобы не потерять вліянія, Мюнцеръ долженъ былъ лично принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Волненіе, проявившееся въ Лангезальцѣ, представило ему удобный поводъ. 26 апрѣля онъ отправился на помощь къ своимъ братьямъ; его окружали 400 вооруженныхъ тѣлохранителей съ бѣлымъ знаменемъ съ изображеніемъ радуги. Въ Лангезальцѣ возстаніе одержало верхъ; урлебенскіе крестьяне хотѣли выбросить изъ окна Эриха Фолькмара, старшаго сына Зиттиха фонъ Ферлепшъ; только великодушіе старой няньки, выдавшей его за своего сына, спасло Эриха. Послѣ обильнаго угощенія у городскихъ воротъ отрядъ Мюнцера двинулся далѣе къ Тунгеда, собравъ по дорогѣ богатую добычу. Здѣсь къ нимъ явилась цѣлая толпа эйхсфельдерцевъ; они притащили съ собою телѣгу, полную всякаго добра, отнятаго у духовныхъ и свѣтскихъ господъ. Тутъ были и съѣстные припасы, и весь домашній обиходъ, драгоцѣнности и церковные колокола. Мюнцеръ принялъ благосклонно эйхсфельдеровъ, сказалъ имъ проповѣдь и раздѣлилъ между ними привезенную добычу. Они просили его вести ихъ далѣе къ Эйхсфельду; Мюнцеръ согласился и двинулся впередъ чрезъ Гейлигенштадтъ. Здѣсь всѣ горожане присягнули евангелическому союзу; оттуда отправились къ Дудерштату, жители этого города также были приведены къ присягѣ. Мюнцеръ и здѣсь конфисковалъ имущества «Ваала и Нимрода», т. е. духовныхъ и свѣтскихъ властителей, потомъ онъ двинулся далѣе. Между тѣмъ Пфейферъ дѣйствовалъ въ то время въ другихъ мѣстностяхъ; онъ разрушилъ многіе дворянскіе дома и помѣстья, раззорилъ замки Шлотгеймъ, Биссингенъ, Альменгаузенъ, Зеебахъ, Арнсбергъ

и другіе. Въ Шлотгеймѣ крестьяне не оставили въ покоѣ и его владѣлицу, которая въ то время была больна послѣ родовъ; они сбросили ее съ постели и раскидали простыни и одѣяла. Удачи подстрекали крестьянъ, счастіе сдѣлало ихъ задорными. Въ Кейлѣ они наварили себѣ цѣлый полный котелъ рыбы, чтобы «хоть разъ наѣсться ея досыта». Съ 30 апрѣля по 12 мая вся плодоносная долина отъ подошвы Гарца до впаденія Унструтта въ Саалу, отъ графства Грубенгагенъ, Гогенштейнъ и Штольбергъ до Фрейбурга, «въ силу священной войны присоединена была къ братству»; такой же участи подверглись монастыри Валькенридъ, Ильфельдъ, Фолькероде, Балленштетъ, Нордгаузенъ, Зангергаузенъ, Кельбра, Михельштейнъ, Ильзенбургъ, Гиммельпфорте, Трубигкъ, Вассерлееръ, Шовенъ, со всѣми своими капиталами и запасами; другіе же, напримѣръ Гейзсбургъ, были преданы пламени. Въ графствѣ Мансфельдъ крестьяне ворвались въ монастыри Зиттихенбахъ, Роде, Виммельбургъ и Эйслебенъ и сожгли кельи. Тайныя подземелья и кельи, выстроенныя на горѣ, гдѣ по преданію уже столько вѣковъ спитъ очарованный императоръ Барбаросса, также озарились свѣтомъ факеловъ, спугнувшимъ стаи поселившихся тутъ вороновъ; казалось, близокъ тотъ роковой часъ, когда проснется отъ заколдованнаго сна старый императоръ, и всѣ нѣмцы, свободные, безъ различія званій и состояній, соберутся вокругъ *одного* главы!

Но именно этаго-то и боялись нѣмецкіе князья и господа; они всѣми силами старались воспрепятствовать объединенію Германіи. Во главѣ всѣхъ ихъ на этомъ поприщѣ стоялъ ландграфъ Филиппъ гессенскій.

Двадцатилѣтній ландграфъ собралъ въ Альсфельдѣ своихъ вассаловъ и отряды изъ принадлежавшихъ ему городовъ, чтобы переговорить съ ними по душѣ. Въ заключеніе своей бесѣды, онъ спросилъ, можетъ ли онъ на нихъ положиться? Всѣ руки единодушно поднялись вверхъ, и всѣ присутствующіе поклялись быть вѣрными ландграфу. Тогда Филиппъ бодро высту-

пилъ противъ своихъ крестьянъ. На походѣ къ нему явился герольдъ, посланный отъ гражданъ Герсфельда съ порученіемъ выхлопотать пропускъ четыремъ совѣтникамъ, избраннымъ для веденія переговоровъ. Ландграфъ отказался отъ всякихъ сдѣлокъ. Тогда городъ сдался и присягнулъ. Крестьяне отодвинулись къ Фульдѣ и выслали оттуда къ ландграфу Даніэля Фишборна и другихъ уполномоченныхъ съ предложеніемъ мира. Филиппъ отвѣчалъ рѣшительно, чтобы крестьяне не надѣялись ни на какую милость, пока не положатъ оружія и не представятъ обезпеченія въ своемъ будущемъ повиновеніи. Получивъ такой отвѣтъ христіанское братство въ Бухенѣ начало стараться объ увеличеніи своихъ силъ. Главный начальникъ банды Дольгоптъ, прежде часовой мастеръ, сдѣлалъ ей смотръ. При этомъ смотрѣ присутствовали выборные отъ союзныхъ городовъ и многіе бухенскіе рыцари. Что каково мое войско, крикнулъ Дольгоптъ, проѣзжая мимо коадъютора Іоанна. Вскорѣ ландграфъ и Конрадъ Гессъ, марбургскій голова, овладѣли Расдорфомъ и Хюнфельдомъ. Въ Хюнфельдъ явился коадъюторъ, чтобы оправдать себя и просить покровительства для бухенской области. На такую просьбу его никто не уполномочивалъ; онъ рѣшился на это самъ. Узнавъ о его отсутствіи, крестьяне обвинили его въ побѣгѣ и измѣнѣ. Двѣнадцатилѣтняго брата своего, графа Поппо, Іоганнъ оставилъ въ замкѣ на Фульдѣ, крестьяне напали на этотъ замокъ, разграбили его и искали вездѣ молодаго графа, чтобы повѣсить. Но одинъ вѣрный слуга спряталъ его въ погребѣ между бочками, и, не смотря на всѣ поиски, графъ не былъ найденъ. Слухъ, что коадъюторъ бѣжалъ въ Кассель, къ ландграфу встрѣвожилъ крестьянъ. Они продолжали еще искать молодаго графа. Если бы мы его нашли, говорили они, мы вѣрно помирились бы съ нимъ. Три дня графъ незамѣченный высидѣлъ между бочками; а 3 мая Филиппъ уже стоялъ подъ Фрауенбергомъ.

Коадъюторъ, не получилъ отъ ланграфа никакихъ положительныхъ обѣщаній, Филиппъ посовѣтовалъ ему только не оправдывать ни себя, ни своихъ подданныхъ, а лучше позаботиться объ усмиреніи мятежа. Двѣнадцать тысячъ золотомъ, обѣщанныя графомъ фонъ-Зольмсъ, смягчили впрочемъ пріемъ, сдѣланный ландграфомъ коадъютору. Дорогой, во время похода на Фульду, они продолжали вести переговоры. Но, подъѣзжая къ Фрауенбергу, они вдругъ увидѣли крестьянскій лагерь, расположенный по берегамъ рѣки. Это обстоятельство послужило не въ пользу коадъютора; ландграфъ взбѣсился. «Бунтовщики поплатятся за это жизнью,» вскричалъ онъ. Крестьяне, владѣвшіе теперь Фрауенбергомъ, наскоро укрѣпили его, и заняли городъ и замокъ, однако ландграфъ, у котораго была порядочная артиллерія, вскорѣ овладѣлъ замкомъ. Крестьяне спрятались въ городѣ и монастырѣ и мужественно защищались. Но гессенская артиллерія, расположенная неподалеку отъ города, своимъ непрерывнымъ огнемъ наносила такой вредъ домамъ горожанъ, что тѣ сами отворили непріятелю ворота. Большая часть крестьянъ разбѣжалась; 1500 человѣкъ скрылись во рву замка. Графъ велѣлъ запереть ихъ тамъ на три дня, надѣясь, что голодъ и жажда заставятъ сдаться крестьянъ. Вечеромъ на третій день ихъ выпустили, несчастные передрались изъ-за хлѣба, который имъ, какъ собакамъ, съ бранью и съ насмѣшками бросали изъ кухни: «ну, гдѣ же вашъ черный крестьянинъ и вашъ евангельскій богъ; что же они заступились за васъ?» издѣвались надъ ними. Плѣнныхъ начальниковъ: Ганса Дольгонта, Генне Вильке, Іоганна Кугеля, и проповѣдника крестьянскаго, ландграфъ велѣлъ обезглавить; головы ихъ посадили на колья и выставили при входѣ въ замокъ; остальныхъ крестьянъ полумертвыхъ отъ голода, отпустили по домамъ *).

*) Лауце, рукопись у Роммеля. Древняя рукопись у Шунка.

Коадъюторъ былъ наказанъ тѣмъ, что съ этихъ поръ фульдскій аббатъ и конвентъ, дворянство и вся страна на вѣчныя времена дѣлались подвластными гессенскому ландграфу, между тѣмъ какъ прежде ландграфы были ленниками аббатовъ; 4000 золотыхъ были наложены въ видѣ контрибуціи и 15000 за военныя издержки; съ фульдерцовъ были взысканы тяжелыя денежныя пени; ихъ скотъ былъ отобранъ. Всѣ орудія фульдерцевъ перешли ландграфу, который поспѣшилъ теперь съ ними къ Фаху и Фридевальду, овладѣвъ по дорогѣ Шмалькальденсмъ. Всюду, при его приближеніи, крестьяне поспѣшно отступали. Теперь онъ побѣдоносно стоялъ между Франконіей и Тюрингіей.

Малодушно отказавшись отъ союза съ фульдерцами и оставивъ такимъ образомъ безъ помощи своихъ братьевъ, верхне-франконцы вскорѣ и сами подверглись одинаковой съ ними участи. Недостатокъ національнаго чувства, давнишній порокъ германцевъ, сказался и здѣсь: каждый считалъ себя швабомъ, франконцемъ или тюрингенцемъ, различали даже верхне и нижне швабовъ, верхне и нижне-франконцевъ. Всѣ они были чужды другъ друга, всѣ съ недовѣріемъ смотрѣли одинъ на другаго.

Въ то время какъ крестьянское дѣло гибло въ Бухенѣ, 4000 вооруженныхъ инсургентовъ стояли въ Обернельцбахѣ безъ всякаго дѣла, глядя на ландграфское войско, а верхне-франконцы судили, да рядили въ Нейенштадтѣ. Не мѣшая имъ свободно заниматься этою работою, ландграфъ быстро перешелъ чрезъ горы въ Тюрингію, на помощь своимъ саксонскимъ родственникамъ. У Эйзенаха къ нему присоединился герцогъ Генрихъ брауншвейгскій, и городъ вскорѣ былъ взятъ. Двадцать четыре человѣка крестьянъ и бюргеровъ, въ томъ числѣ и проповѣдникъ Павелъ, пали подъ сѣкирою палача на площади. Докторъ Штраусъ также былъ взятъ въ плѣнъ. Въ Лангензальцѣ казнено было по приказанію герцога Георга 41 человѣкъ; 7000 гульденовъ взято было

штрафа. Изъ Фаха войско двинулось было къ Мюльгаузену, но ландграфъ повернулъ вскорѣ къ Франкенгаузену.

Здѣсь, въ городѣ, когда-то многолюдномъ крестьяне стояли лагеремъ вмѣстѣ съ шварцбургцами и мансфельдцами. Они пробавлялись все время тѣмъ, что разбирали жалобы монахинь монастыря Кельбра на ихъ пробста, да вели переговоры съ графомъ Альбрехтомъ фонъ-Мансфельдъ. Чтобы не допустить горцевъ своего графства присоединиться въ крестьянскому ополченію, графъ Альбрехтъ надавалъ имъ много заманчивыхъ обѣщаній; онъ увѣрялъ, что, желая отвратить кровопролитіе, хочетъ примирить ихъ съ ихъ владѣльцами; чтобы отвести глаза крестьянамъ, онъ пустился даже на такую штуку: отправился съ небольшею конницей на Гарцъ, спряталъ ее въ горахъ, потомъ выгналъ оттуда и обратилъ въ безпорядочное бѣгство. Этимъ хитрымъ маневромъ графъ заставилъ крестьянъ думать, что онъ разбилъ цѣлый эскадронъ непріятелей. Между тѣмъ какъ агенты графа вели переговоры съ крестьянами во Франкенгаузенѣ, самъ онъ напалъ и разбилъ ихъ Одерлебенъ и Пфиффель. Но крестьяне все еще были ослѣплены и довѣряли ему; 12 мая въ пятницу они даже пригласили его пріѣхать на мостъ въ Мартенридѣ для переговоровъ. Альбрехтъ не явился въ назначенное время, и проводилъ крестьянъ до слѣдующаго воскресенья, зная, что къ тому времени подойдутъ союзные князья. Иначе велъ себя съ крестьянами графъ Эрнстъ фонъ-Мансфельдъ, жившій въ Гельдрунгенѣ; онъ открыто враждовалъ съ ними; такъ что крестьяне, прося подкрѣпленія у мюльгаузенцевъ, отзывались о немъ такъ: «помогите намъ противъ гельдрунгенскаго тирана». Самъ Мюнцеръ двинулся туда съ 300 тѣлохранителями и немногими орудіями. Пфейферъ не хотѣлъ присоединиться къ нему, онъ преслѣдовалъ только противниковъ *новаго ученія, старовѣровъ*. Напрасно Мюнцеръ настаивалъ, напрасно увѣрялъ, что данное ему во снѣ откровеніе повелѣвало, чтобы по восхожденіи солнца выступилъ съ нимъ и Пфейферъ съ мюльгаузенцами; страхъ

подвергнуться одинаковой участи съ Фульдою, Эйзенахомъ и другими городами удержалъ бюргеровъ. Мюнцеръ писалъ жителямъ Эрфурта: «самъ Богъ повелѣваетъ вамъ собраться и вооруженною силою возстать противъ безбожныхъ тирановъ». «Въ писаніи сказано, что сила дана будетъ простому народу. Откровеніе Даніила 18 и 19. Всѣ тексты писанія показываютъ, что всякая тварь должна быть свободна, когда будетъ водворено слово Божіе. Если вы желаете стоять за истинну, присоединитесь къ намъ. Вамъ воздастся сторицею за ту помощь, которую вы окажите теперь бѣдному христіанству.» Также и въ другія мѣста писалъ онъ о поспѣшномъ присоединеніи. По пріѣздѣ въ Франкенгаузенъ онъ сейчасъ же объяснилъ крестьянамъ, что графъ Альбрехтъ ихъ обманываетъ, и что слѣдуетъ раззорить гнѣздо этого коршуна. Мюнцеръ писалъ «брату Альбрехту» такъ: «Бойся и трепещи всякій, творящій зло. Неужели ты думаешь, что Господь Богъ не въ силахъ спасти свой неразумный народъ, или что онъ пощадитъ въ гнѣвѣ своемъ тирановъ? Или ты думаешь, что тираны угоднѣе Богу, чѣмъ его народъ? Познай же, что самъ Богъ чрезъ пророка Даніила даровалъ силу народу. Явись передъ нами, если хочешь, чтобы мы считали тебя своимъ братомъ; въ противномъ случаѣ съ тобою будетъ поступлено, какъ съ злѣйшимъ врагомъ христіанства». Онъ писалъ также и брату Эрнсту: «Ты долженъ придти и покаяться предъ нами въ своихъ жестокостяхъ. Если ты не смиришься предъ малыми, ты будешь вырванъ, какъ сорная трава. Я вѣщаю тебѣ, что вѣчный, всемогущій Богъ дастъ намъ силу низвергнуть тебя съ престола; ты не творишь пользы христіанству и какъ, вредная лоза; будешь уничтоженъ. Господь раззоритъ вертепъ твой и подобныхъ тебѣ злодѣевъ. Ты долженъ сегодня же дать отвѣтъ, или мы возстанемъ на тебя во имя Божіе. Мы творимъ то, что Господь повелѣваетъ намъ; дѣлай же и ты тоже. Вслѣдъ за этимъ письмомъ буду я самъ».

Оба эти письма въ торжественномъ, пророческомъ тонѣ

были написаны Мюнцеромъ еще въ полдень пятницы; оба были подписаны: Томасъ Мюнцеръ, препоясанный мечемъ Гедеона. Они обличали настроеніе его духа; это была не спокойная увѣренность, но какое-то неестественное настроеніе, близкое къ безумію. Видимо, онъ старался разжечь, какъ въ себѣ, такъ и въ своихъ приверженцахъ какую-то искусственную ярость противъ враговъ. Онъ не могъ не видѣть, что стоитъ на краю пропасти. Банда, слабая даже противъ одного ландграфа, естественно должна была оказаться совершенно безсильною противъ соединенныхъ силъ семи союзныхъ государей. Непривыкшіе къ войнѣ, плохо вооруженные, крестьяне терпѣли еще недостатокъ въ порохѣ; швейцарецъ, который долженъ былъ его поставлять, скрылся вмѣстѣ съ данными ему деньгами. Лицомъ къ лицу съ голою дѣйствительностью, Мюнцеръ колебался; издали все казалось такимъ легкимъ и удобоисполнимымъ. Не видавъ никогда ни одного сраженія, онъ долженъ былъ теперь вести свой народъ на бой противъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ враговъ. Новому Моисею не доставало Іисуса Навина, новому Магомету—Омара. И у великихъ героевъ кружилась голова передъ первымъ сраженіемъ; знаменитые полководцы покидали поле первой битвы и проигрывали ее: только опытъ даетъ увѣренность и мудрость, пораженія научаютъ искусству побѣждать другихъ. Мы увидимъ сейчасъ, какъ распорядилась судьба въ настоящемъ случаѣ и дала ли она Мюнцеру и его народу время научиться одерживать побѣды.

На угрожающія призванія Мюнцера изъ всѣхъ окрестныхъ селеній стали собираться крестьяне въ франкенгаузенскій лагерь. Женщины и дѣти провожали своихъ мужей, братьевъ и отцовъ по улицамъ города, «однѣ со вздохами и слезами, другія съ ликованіемъ и торжествомъ, смотря потому, страхъ или надежда волновали ихъ сердца». Изъ отдаленныхъ мѣстъ сбирались медленнѣе. Клеттенбергскіе и шварцфальдскіе крестьяне, вмѣсто того чтобы спѣшить по зову въ общій ла-

геръ, останавливались грабить попадавшіеся на дорогѣ монастыри и погосты; при этомъ они оказались настолько храбрыми, что разъ были прогнаны со стыдомъ роемъ пчелъ, выпущеннымъ на нихъ догадливымъ священникомъ. На крестьянъ, собравшихся въ Зиттихенбахѣ и Остергаузенѣ, напалъ графъ Альбрехтъ съ шестьюдесятью рейтарами. Зажегши ночью Остергаузенъ съ четырехъ сторонъ онъ убилъ 200 человѣкъ; другіе частію были взяты въ плѣнъ, частію пришли въ Франкенгаузенъ, и, конечно, разсказы ихъ не могли содѣйствовать усиленію мужества въ лагерѣ.

Соединенное войско ландграфа, герцоговъ брауншвейгскаго и саксонскаго, состояло отъ 2600 конницы и 6000 пѣхоты и имѣло отличную артиллерію. Новый курфирстъ саксонскій Іоганнъ также долженъ былъ присоединиться съ 800 конныхъ и 2400 пѣшихъ воиновъ. 15 мая союзники показались передъ Франкенгаузеномъ. Произошла небольшая стычка, не принесшая вреда ни одной изъ непріятельскихъ сторонъ. Ландграфъ немедленно хотѣлъ начать рѣшительныя дѣйствія, но такъ какъ его люди были изнурены, повелъ ихъ на время въ лагерь, чтобы освѣжиться. Мюнцеръ увидѣлъ это и, вообразивъ, что страхъ гонитъ непріятелей назадъ, пустилъ въ слѣдъ удалявшимся рейтарамъ фальконетовое ядро, которымъ убитъ былъ молодой дворянинъ Матернъ фонъ-Гегофенъ, единственный сынъ престарѣлаго отца *).

Расположившись на возвышенности противъ Франкенгаузена, до сихъ поръ носящей имя «горы битвы», Мюнцеръ окружилъ себя баррикадами изъ военныхъ повозокъ и рвомъ, такъ что добраться до него, особенно для конницы, было довольно затруднительно, но его банда состояла большею частію

*) Рукопись Лауце (Роммель, II, 77). положительно утверждаетъ, что крестьяне не умерщвляли непріятельскихъ посланныхъ, и расказанное можетъ быть ложно. По словамъ Мюнцера манфельдскіе служители еще ранѣе приговорены были къ смерти.

изъ людей робкихъ; она не имѣла способнаго предводителя и никакъ не превышала 8000 человѣкъ; къ тому же въ бандѣ царствовали несогласія: одни хотѣли сражаться, другіе въ то же время были расположены вести переговоры и желали заключить миръ; а мирныя предложенія противниковъ грозили Мюнцеру большой опасностью. По прибытіи герцога Георга, ландграфъ отправилъ къ крестьянамъ посольство съ предложеніемъ выдать ему ихъ предводителей, въ такомъ случаѣ Филиппъ обѣщалъ крестьянамъ свое заступничество. На это крестьяне отвѣчали ему такъ:—мы признаемъ Іисуса Христа, и пришли сюда не затѣмъ, чтобы проливать кровь, но затѣмъ, чтобы искать правды Божіей. Если князья согласны съ нами въ этомъ, то мы не намѣрены враждовать съ ними». Опасность положенія Мюнцера увеличивалась партіей, желавшей мира. Главными сторонниками этой партіи были дворяне, находившіеся въ крестьянскомъ лагерѣ. Видя, что непріятель со всѣхъ сторонъ окружаетъ ихъ, что его орудія направлены на нихъ, они отправили къ князьямъ изъ среды своей трехъ посланныхъ графа Вольфгагена ф.-Штольбергъ, Каспара фонъ-Рюкслебенъ и Ганса фонъ-Вертернъ для вторичныхъ переговоровъ. Князья дали три часа на размышленіе и потребовали безусловной сдачи, прибавляя впрочемъ, что крестьяне все-таки могутъ надѣяться на помилованіе, если выдадутъ своего лжепророка Мюнцера съ его приверженцами. Посланные, принесшіе этотъ отвѣтъ, вновь были отправлены къ князьямъ ходатайствовать о помилованіи всѣхъ, не исключая и Мюнцера. Князья задержали Штольберга и Рюкслебена, а чрезъ Вертерна объявили крестьянамъ, что они болѣе не будутъ съ ними спорить о Мюнцерѣ, но если тѣ не выдадутъ имъ его и не положатъ оружія, то въ силу закона страны съ ними поступлено будетъ, какъ съ бунтовщиками.

Въ лагерѣ явилось несогласіе и смятеніе, обнаружена была измѣна, задуманная однимъ дворяниномъ и священникомъ. Участь дворянина Мюнцеръ отдалъ на рѣшеніе всего войска,

*

а священникъ былъ казненъ. Со всею силою своего краснорѣчія Мюнцеръ сталъ теперь увѣщевать поколебавшійся и робкій народъ. Ему удалось подѣйствовать на тѣхъ инсургентовъ, которые были всегда съ нимъ, они понимали, что уже то отчаянное положеніе, въ которомъ они находятся, заставляетъ ихъ во что бы то ни стало вступить въ бой. За то какъ горько было Мюнцеру убѣдиться, что прочіе крестьяне вовсе не приготовлены къ великому дню, что нельзя ввѣрять защиту свободы людямъ, которые не свободны внутри своей души.

Ему оставался только одинъ исходъ: попытаться экзальтировать массу, возбудить въ ней если не мужество, то, по крайнѣй мѣрѣ, ярость, чтобы хоть на одинъ часъ, превратить забитыхъ и малодушныхъ рабовъ въ храбрыхъ и славныхъ поборниковъ свободы. Онъ говорилъ имъ о своемъ небесномъ посланничествѣ; говорилъ, что дѣло начато было по повелѣнію Божію; возставалъ противъ властителей, которыхъ называлъ безбожными тиранами, въ порочной роскоши сосущими кровь и потъ бѣдняковъ; самъ Господь повѣдалъ ему, что спасетъ бѣдныхъ и благочестивыхъ и погубитъ нечестивыхъ; князья слишкомъ трусливы, для того чтобы вступить въ открытый бой, говорилъ онъ, потому-то они и стараются посѣять раздоры между крестьянами вооружить ихъ другъ противъ друга. Гедеонъ, Іонаѳанъ и Давидъ съ немногими избранными побивали тысячи. Онъ заключилъ свою рѣчь такъ: «не поддавайтесь наущеніямъ немощной плоти, но нападайте мужественно на врага. Не бойтесь ихъ орудій: скоро вы сами увидите, что вражескія пули не могутъ причинять вамъ вреда, я наловлю ихъ полныя пригоршни». Пока онъ говорилъ, на небѣ голубомъ и ясномъ вдругъ показалась прекрасная радуга. Это было въ полдень. Мюнцеръ принялъ это явленіе за особое предзнаменованіе; это казалось ему тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что и на его знамени изображена была радуга. «Видите, вскричалъ онъ, Богъ благоволитъ къ намъ, онъ посылаетъ намъ знаменіе на небеси. Онъ поможетъ намъ наказать

нашихъ враговъ. Богъ не хочетъ, чтобы мы помирились съ нечестивцами. Идите же безстрашно въ бой, Господь ниспошлетъ вамъ свою помощь!» *).

Эта рѣчь воспламенила многихъ, она заставила замолчать трусовъ, а приверженцы Мюнцера снова пріобрѣли силу. Рѣшено было не покоряться князьямъ. Когда Мюнцеръ спросилъ теперь у крестьянъ, что они намѣрены дѣлать и выдадутъ ли они его князьямъ, всѣ объявили, что, мертвые или живые, они останутся неразлучны. И такъ въ бой, нѣтъ пощады кровопійцамъ, вскричали приверженцы Мюнцера. Вся банда хоромъ запѣла праздничную пѣснь: «Пріиди духъ святый, Господь Богъ». Передъ сраженіемъ хотѣли помолиться, еще оставалось нѣсколько времени до истеченія срока, назначеннаго непріятелемъ; но вдругъ, въ то время какъ они въ «мирномъ спокойствіи пѣли свои псалмы, неожиданно грянулъ залпъ изъ всѣхъ орудій непріятеля и оторванные члены крестьянъ разлетѣлись во всѣ стороны»: князья не сдержали своего слова.

Во время переговоровъ непріятель окружилъ гору; Ландграфъ Филиппъ объѣзжалъ свое войско и уговаривалъ его быть храбрымъ. Онъ зналъ, что графъ Штольбергъ и другіе дворяне находятся теперь внѣ власти крестьянъ. «Крестьяне вѣрно готовятся къ битвѣ, говорилъ онъ, они вынуждаютъ насъ къ защитѣ. Нападемъ же на нихъ храбро, самъ чортъ ослѣпилъ ихъ. Они жалуются на правительство, но зачѣмъ же они молчатъ о нашихъ попеченіяхъ и стараніяхъ, сравнительно съ которыми ихъ подати и оброки совершенно ничтожны. Они клевещутъ на Бога и на свое начальство и по спра-

---

*) Рѣчь изъ которой мы сдѣлали общее извлеченіе, повидимому произведеніе Меланхтона, тутъ нѣтъ и слѣда мюнцеровскаго пріема. Это не болѣе какъ перефразированныя,настоящія мысли мюнцеровской рѣчи. Что же касается до схватыванія непріятельскихъ пуль, то враги Мюнцера, въ томъ числѣ и Яковъ Веге, разсказываютъ, что Мюнцеръ увѣрялъ крестьянъ, будто ружья и орудія непріятельскія направятся на тѣхъ, кто изъ нихъ будетъ стрѣлять, а имъ не нанесутъ никакого вреда. Зейдлеръ.

ведливости должны понести за то наказаніе. Побивая ихъ, вы исполняете волю Всевышняго. И такъ, впередъ во имя Божіе!» Филиппъ двинулъ свое войско противъ баррикады; орудія его дали по крестьянамъ громовой залпъ. Множество инсургентовъ повалились, другіе пришли въ сильное смущеніе. Нѣкоторые изъ крестьянъ съ надеждою обратили взоры на небо: они ждали, не явится ли оттуда сверхъестественная помощь. Но прежде, чѣмъ къ нимъ успѣли слетѣть легіоны ангеловъ, баррикады были разрушены и многіе крестьяне «безжалостно умерщвлены». Видя, что всѣ его восемь орудій взяты, Мюнцеръ не препятствовалъ бѣгству своего войска. Нѣкоторые бѣжали въ Франкенгаузенъ, другіе скрылись по ту сторону горы въ ближайшихъ лѣсахъ, только небольшая кучка, засѣвшая въ разсѣлинѣ, съ дикою отвагою защищалась до послѣдней возможности. Бѣглецы, направившіеся къ городу, собрались было защищаться, но отрядъ конницы, посланный ландграфомъ, загналъ ихъ въ Франкенгаузенъ; тутъ произошло ужасное кровопролитіе. Пострадали не только крестьяне, но и церкви, монастыри и дома; ничто не было пощажено, все было разграблено и перебито; стоны и вопли слышались повсюду, рѣчка, протекающая чрезъ городъ, была обагрена кровью. Въ полѣ и въ городѣ было убито до 5000 крестьянъ, а князья все еще не насытились кровію; безъ *суда* и *расправы* повелѣно было привести на площадь 300 плѣнныхъ и казнить ихъ. Между погибшими была одинъ старый священникъ и капеланъ. Когда горожанки Франкенгаузена отправились просить, чтобы освободили ихъ мужей, взятыхъ въ плѣнъ, одинъ рейтаръ обѣщалъ имъ исполнить эту просьбу, если онѣ убьютъ этихъ поповъ. Женщины убили несчастныхъ палками. Когда рейтара потребовали къ суду за такое самоволіе, его никто не выдалъ *). Какъ ни просили женщины за своихъ му-

*) Рукопись эрфуртской хроники разсказываетъ нѣсколько иначе: «Ландграфъ и герцогъ Георгъ выдали проповѣдника съ капеланомъ жен-

жей, всѣ 300 плѣнныхъ были казнены. На другой день казнены были городскіе чиновники; всѣ трупы свезены были за городъ и погребены въ общей могилѣ *). Многіе бѣжавшіе спаслись въ горахъ, другіе достигли Готы, Эйзенаха или эрфуртскихъ селеній **). Князья оцѣнили голову Мюнцера.

Мюнцеръ тоже бѣжалъ въ Франкенгаузенъ. Такъ какъ ландграфскіе рейтары жестоко преслѣдовали скрывшихся туда крестьянъ, то онъ бросился въ первый попавшійся ему домъ у нордгаузенскихъ воротъ, переодѣлся, перевязалъ голову, чтобы болѣе замаскировать себя, и легъ въ постель. Въ этомъ самомъ домѣ по окончаніи рѣзни намѣренъ былъ расположиться люнебургскій дворянинъ Отто фонъ-Эббе; слуга его пришелъ осмотрѣть новое жилище и увидѣлъ лежащаго въ постели Мюнцера. На его вопросъ, кто онъ? Мюнцеръ, представляясь очень слабымъ, отвѣчалъ, что онъ болѣнъ и давно уже лежитъ въ лихорадкѣ. Рейтаръ, искавшій себѣ поживы, сталъ осматривать мюнцерову одежду и нашелъ въ карманѣ письмо графа Альбрехта къ крестьянамъ; это письмо выдало Мюнцера. Отто фонъ-Эббе повелъ его къ князьямъ. Тѣ встрѣтили его вопросомъ, зачѣмъ онъ развращалъ бѣдный народъ и допустилъ такое кровопролитіе? Мюнцеръ тотчасъ оправился; онъ сталъ говорить о духѣ, наставлявшемъ его съ ранней юности,—духѣ, который приказалъ ему жертвовать отдѣльными личностями ради великаго дѣла, для спасенія всего человѣчества. «Вѣдь жертвовали же ими князья ради своего эгоизма, прихоти и потѣхи. Этотъ духъ нисходитъ на меня и под-

щинамъ Франкенгаузена, обѣщая освободить ихъ мужей, если онѣ убьютъ ихъ. Женщины такъ исколотили проповѣдника и капелана, что головы ихъ стали похожи на пареные кочни, а мозгли облѣпили палки. Князья видѣли все это и отпустили женщинамъ ихъ мужей».

*) По нѣкоторымъ источникамъ извѣстно о 7423 убитыхъ. Мюнцеръ насчитываетъ 4000, герцогъ Георгъ 5000.

**) Письмо ландграфа курфирсту Іоганну отъ 8 декабря.

держиваетъ меня, говорилъ Мюнцеръ. Наказать тирановъ требовала сама справедливость, они были врагами евангелія, врагами христіанской свободы, на нихъ слѣдовало надѣть узду и удила. Отчего при этомъ пострадали крестьяне, онъ не знаетъ, но должно быть, господа сами того пожелали». На его рѣчь молодой ландграфъ, основываясь на ученіи Лютера, сталъ истолковывать реформатору, голосу котораго внимали тысячи людей, обязанности каждаго подданнаго въ отношеніи правительства. Гордый Томасъ не удостоилъ никакимъ отвѣтомъ подобную попытку; молодой ландграфъ принялъ это молчаніе за согласіе и гордился побѣдою, одержанною въ диспутѣ; такъ мало понималъ онъ чувство гордаго убѣжденія. Князья приговорили Мюнцера къ пыткѣ,—имъ любы были его мученія и стоны. Вѣрю, Томасъ, тебѣ тяжело, говорилъ ему герцогъ Георгъ, но, подумай, каково было тѣмъ людямъ, которые сегодня были казнены по твоей милости. «Нѣтъ, отвѣчалъ Мюнцеръ, не я, а вы того захотѣли.» Пытка не вырвала у него никакихъ важныхъ признаній: о казни дворянина онъ говорилъ, что она совершена была на основаніи военнаго права и по рѣшенію всей общины. Князья приковали Мюнцера къ телегѣ и отправили, какъ военный призъ, къ жестокому графу Эрнсту фонъ-Мансфельдъ, тому самому, которому онъ еще недавно писалъ: «Я буду вслѣдъ за письмомъ». Въ Гельдрунгенѣ «сильно изнеможеннаго, его посадили на нѣсколько дней въ башню, а потомъ подвергли мучительнѣйшей пыткѣ, послѣ которой въ горячечномъ состояніи онъ выпилъ двѣнадцать кружекъ воды». Герцогъ Георгъ и графы присутствовали при пыткѣ, которая хотя и вынудила признанія, но самыя отрывочныя, объяснявшія только половину его дѣла и его сношеній; онъ сказалъ имена своихъ сообщниковъ въ Альтштетѣ, Мансфельдѣ, Мюльгаузенѣ, Ашерслебенѣ, Виммельбургѣ, Вольферодѣ и другихъ мѣстахъ, но повидимому онъ назвалъ людей, уже не *существовавшихъ*, по крайней мѣрѣ имена ихъ не встрѣчаются между *казненными*.

Изъ глубокаго подземелья въ Гельдрунгенѣ писалъ онъ въ Мюльгаузенъ къ своимъ сообщникамъ, убѣждая ихъ ходатайствовать у князей о пощадѣ города. Несчастіе, писалъ онъ, постигшее ихъ предпріятіе, есть слѣдствіе не разъ выказаннаго ими своекорыстія. Онъ сердечно доволенъ, что Провидѣнію угодно было избрать его очистительною жертвою за безуміе и грѣхи другихъ. Дѣла Божіи не должно судить поверхностно, поэтому смерть его не должна возмущать никого, пусть она служитъ къ просвѣщенію неразумныхъ. Онъ хотѣлъ искоренить злоупотребленія и улучшить состояніе народа, но неразуміе и своекорыстіе, помрачившія правду Божію, испортили начатое имъ дѣло. «Теперь, заключалъ онъ, прощаясь съ вами и отрѣшаясь отъ всего земнаго и житейскаго, я прошу васъ отказаться пока отъ всякаго покушенія къ возстанію, чтобы не проливать невинной крови». Также нѣсколько разъ просилъ онъ о своей женѣ, чтобы заступились за нее, не мстили бы ей, и не отнимали бы отъ нея небольшаго имѣнія, которымъ она владѣла *).

Этотъ сильный и стремительный духъ, какъ видно, теперь совершенно покорился обстоятельствамъ и уже не ожидалъ ничего отъ настоящаго. Съ горестію сознавая, какъ слѣпота и самолюбіе другихъ сокрушили его великіе замыслы, онъ еще не терялъ надежды на счастіе народа въ будущемъ; его не покидала, хотя онъ и не договариваетъ этого, несокрушимая вѣра въ успѣхъ великаго дѣла; «справедливость» и «необходимость этого дѣла» безпрестанно встрѣчаются въ его письмахъ. А между тѣмъ по всему свѣту разгласили, что Мюнцеръ отрекся отъ своихъ заблужденій и, раскаявшись, какъ бѣдный грѣшникъ, обратился къ римской церкви **).

---

*) А виттенбергцы и ихъ адепты безсовѣстно распустили ложь, что Мюнцеръ обогатился, присвоивая одному себѣ добычу съ монастырей.

**) Подобную ложь заключаетъ письмо доктора Ругеля отъ 21 мая къ Лютеру, Зекендорфъ II, 13.

Слѣдя за ходомъ событій, всюду убѣждаемся, насколько правъ былъ Мюнцеръ, обвиняя крестьянъ въ томъ, что они заботятся о собственной, личной а не объ общей пользѣ. Вмѣсто того чтобы соединиться и крѣпко стоять другъ за друга, цѣлыя тысячи, усмиренныя то ласковыми, то грозными письмами своего милостиваго господина курфирста *), стояли лагеремъ въ Тюрингенѣ и не шевельнули пальцемъ, чтобы спасти своихъ братьевъ; шварцвальдцы и клеттенбергцы были близко. Когда проиграна была битва подъ Франкенгаузеномъ, вечеромъ 14 мая они пировали на мызѣ Фларикс-мюлѣ; въ Герингенѣ, до нихъ дошла вѣсть о пораженіи и заставила ихъ въ безпорядкѣ разбрестись по своимъ деревнямъ **).

Изъ Мюльгаузена 19 мая писали верхнефранконцамъ, что князья при Франкенгаузенѣ напали на христіанское воинство «во время перемирія», и что непріятели замышляютъ теперь направиться на Мюльгаузенъ и Франконію. Потому мюльгаузенцы во имя Бога и справедливости просили немедленно дать имъ помощь.

Если бы верхнефранконцы бросились съ своею артиллеріею за ландграфомъ, который былъ въ горахъ при Эйзенахѣ, они легко могли бы разбить его. Даже и теперь, если бы они по зову мюльгаузенцевъ, не теряя времени, собрали небольшія шайки, разсѣянныя между верхнимъ Рейномъ и тюрингенскими горами, и заняли проходы выше Эйзенаха, дѣло пошло бы иначе, такъ какъ конница и тяжелыя орудія князя, столь вредныя крестьянамъ на открытомъ мѣстѣ, не могли быть употреблямы противъ нихъ въ горахъ. Но верхнефранконцы поступили съ мюльгаузенскими братьями также, какъ поступили при Фульдѣ и Франкенгаузенѣ: они оставили ихъ безъ

*) Спалатинъ, исторія Саксоніи.

**) Экстромъ, хроника Валькенрида.

всякой помощи. И тутъ себялюбіе и своекорыстіе повредили народному дѣлу. Было гораздо пріятнѣе и спокойнѣе грабить небольшіе замки по Майну и вдоволь наливаться виномъ, чѣмъ идти въ тюрингенскія ущелья и преслѣдовать тамъ непріятеля. Вмѣсто Тюрингена они двинулись въ бамбергскую область и назначили въ Швейнфуртѣ общій франконскій ландтагъ, какъ будто было время собирать ландтаги, когда банды одна за другою терпѣли пораженія отъ непріятеля. 23 мая изъ Мюльгаузена отправили второе письмо: «если мы падемъ, то и вамъ не сдобровать. Помогите намъ, будьте смѣлы и мужественны и Богъ постоитъ за насъ». Послѣ долгихъ колебаній верхнефранконцы рѣшились послать въ Мюльгаузенъ только нѣсколько ротъ, остальные были заняты распрями изъ-за своихъ проповѣдниковъ, да спорами о правильномъ толкованіи библіи; явились раздоры; лагерь раздѣлился на партіи; старшина банды Генрихъ Крумпфусъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Ремгильда, человѣкъ вліятельный, подъ предлогомъ болѣзни, отказался отъ своей должности; его мѣсто занялъ писарь изъ Кенигсгофена, Гансъ Мартеллъ. Несогласіе и недовѣріе дошли до того, что главнаго предводителя Шнабеля начали подозрѣвать въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ фонъ-Геннебергъ. Пока они, какъ старыя бабы, проводили время въ дрязгахъ, надежное убѣжище народнаго возстанія, сильный Мюльгаузенъ былъ взятъ *).

Изъ Франкенгаузена княжеское войско отправилось въ Зеебахъ, чтобы возстановить тамъ права свергнутаго Ганса фонъ-Ферлепшъ. Возвращенному владѣтелю подарили 20 человѣкъ плѣнныхъ крестьянъ, и на нихъ-то онъ выместилъ всѣ причиненныя ему непріятности. Въ Шлотгеймѣ войско расположилось лагеремъ. Здѣсь одинъ отважный крестьянскій начальникъ, оружейникъ, попытался возбудить народную энер-

*) Рукопись Фризе.

гію; онъ задумалъ напасть ночью на орудія ландграфа и взять ихъ. Но народъ лишился всякаго мужества, и оружейнику не удалась его попытка. Въ Шлотгеймѣ къ союзникамъ присоединились курфирстъ Іоганнъ съ сыномъ, а вслѣдъ за ними Филиппъ и Отто брауншвейгскіе. Вечеромъ 19 мая Мюльгаузенъ былъ осажденъ съ трехъ сторонъ. Предмѣстья города были сожжены. Въ городѣ находилось тогда 1200 вооруженныхъ бюргеровъ подъ командою Пфейфера, и онъ былъ хорошо снабженъ съѣстными припасами; не смотря на это, по полученіи перваго же княжескаго письма, обѣщавшаго амнистію невиннымъ, въ случаѣ выдачи зачинщиковъ мятежа, часть горожанъ изъявила желаніе вступить въ переговоры. Вскорѣ непріятели пробили брешь въ стѣнѣ и начали штурмъ. Пфейферъ сопротивлялся, какъ могъ, и отъ хорошо направленныхъ выстрѣловъ его сподвижниковъ пали многіе въ княжескомъ войскѣ. Но поджидаемая помощь не подходила, партія, «желавшая лучше повинною головою пріобрѣсти княжескую милость, чѣмъ чрезъ немилость подвергать жизнь, имущество и весь городъ опастности», одержала верхъ и вступила въ переговоры съ курфирстомъ саксонскимъ. Видя, что все потеряно, Пфейферъ бѣжалъ тайно изъ города въ ночь на 24 мая съ 400 приверженцами и нѣкоторыми другими, надѣясь пробраться къ верхнефранконцамъ. Бѣгство это очень поразило бюргеровъ, такъ какъ у нихъ выскользнуло изъ рукъ главное условіе ихъ помилованія. На слѣдующій же день, это было въ вознесенье 26 мая, мюльгаузенцы отправили въ княжескій лагерь 600 женщинъ въ разорванныхъ платьяхъ, босыхъ и съ развѣвающимися волосами и 500 дѣвушекъ съ полынными вѣнками на головахъ просить помилованія городу, опираясь на собственное письмо князей, въ которомъ обѣщалась пощада, если городъ раскается. Фрау *Фибихъ* поручено было вести рѣчь. Князья угостили ихъ хлѣбомъ и сыромъ, возобновили свое обѣщаніе о помилованіи и приказами, чтобы сами граждане пришли въ лагерь. Граждане явились

съ непокрытыми головами, босые, съ бѣлыми посохами въ рукахъ; преклонивъ трижды колѣни передъ князьями, они предложили имъ ключи отъ городскихъ воротъ. Но лишь только союзное войско вошло въ «еретическое гнѣздо», князья потребовали выдачи оружія. Они отмѣнили вѣчный совѣтъ, поставили прежній, казнили бургомистра Себастіана Кюненмунда и съ нимъ многихъ бюргеровъ «безъ всякаго суда и расправы, точно нечаянно или изъ личной ненависти». Городскія укрѣпленія были сравнены съ землею; на древній имперскій городъ наложена ежегодная подать по 300 гульденовъ каждому изъ князей. Кромѣ того городъ долженъ былъ дать удовлетвореніе эйхсфельдскому и шварцбургскому дворянству; все вооруженіе, лошади и сокровища изъ городскаго казначейства были забраны; городъ откупился отъ совершеннаго раззоренія только 40000 гульденовъ контрибуціи. Въ княжескомъ лагерѣ подъ Мюльгаузеномъ одинъ рыцарь публично, ставъ на колѣни, просилъ молодую, несчастную беременную жену Мюнцера сдѣлаться его любовницей. Самъ Лютеръ сказалъ тогда, что онъ «опасался того и другаго исхода дѣла»: если крестьяне станутъ господствовать, говорилъ онъ, самъ дьяволъ будетъ аббатомъ, если же подобные тираны останутся побѣдителями вѣдьма сдѣлается аббатиссой.

Князья были вполнѣ увѣрены, что Пфейферъ намѣренъ присоединиться къ франконскимъ крестьянамъ, потому они послали въ погоню за нимъ къ тюрингенскому лѣсу рыцаря Вольфа фонъ-Энде съ отрядомъ конницы. Въ округѣ Эйзенаха его нагнали; произошла отчаянная схватка. Часть крестьянъ пала въ битвѣ, часть скрылась въ лѣсу; раненный Пфейферъ былъ взятъ въ плѣнъ съ 92 приверженцами и, связанный, привезенъ въ мюльгаузенскій лагерь. Его сейчасъ же казнили вмѣстѣ съ другими плѣнными. Онъ умеръ безмолвно, отказавшись отъ исповѣди и причастія, безъ страха и раскаянія, какъ воинъ, съ презрѣніемъ къ смерти; послѣдній взглядъ его былъ упорно устремленъ на враговъ. *Мюнцера*

также вытащили изъ глубокаго гельдрунгскаго подземелья и привезли въ лагерь подъ Мюльгаузеномъ для совершенія казни. Когда онъ былъ приведенъ на мѣсто казни, князья подошли къ нему и герцогъ Георгъ сталъ уговаривать реформатора покаяться. «Покайся, Томасъ, восклицалъ онъ, покайся въ томъ, что ты отрекся отъ своего ордена, сбросилъ монашескую одежду и женился». Но молодой ландграфъ перебилъ его. «Не въ этомъ кайся, Мюнцеръ, а въ томъ, что ты возмутилъ народъ; возложи надежду на Бога, Онъ милосердъ и проститъ тебя, вѣдь отдалъ же онъ на смерть за тебя Сына Своего».

Тогда мученикъ, силу духа котораго не могли сломить ни ужаснѣйшія пытки, ни заточеніе, ни даже близость самой смерти, сталъ громко и ясно говорить своимъ мучителямъ. Онъ сознался, что началъ дѣло *слишкомъ великое, несоразмѣрное* съ своими силами *); потомъ обратясь къ князьямъ увѣщевалъ, просилъ, предостерегалъ ихъ не поступать такъ жестоко съ бѣдными людьми ихъ подданными, чтобы не навлечь на себя вторично подобнаго несчастія. Онъ совѣтовалъ имъ чаще читать священное писаніе, книги Самуила и царей, чтобы имѣть всегда передъ глазами примѣры, каковъ бывалъ конецъ подобныхъ имъ тирановъ.

Послѣ этой рѣчи Мюнцеръ смолкъ и ждалъ смертнаго удара. Преступники обыкновенно читали передъ смертію Вѣ-

*) «Majora justo», слишкомъ велико, безмѣрно велико, пишетъ Меланхтонъ Коммерарію. Позже слова эти перевели такъ: «Мюнцеръ сознаlъ свою несправедливость». Однако ни въ одной древней лѣтописи ни говорится, чтобы Мюнцеръ малодушно встрѣтилъ смерть. Одинъ Меланхтонъ обвиняетъ его въ этомъ, но тутъ же самъ прибавляетъ, что Мюнцеръ говорилъ выше написанную рѣчь. Подобныя противорѣчія показываютъ пристрастіе его приговора. Всякій знаетъ, что лихорадка, произведенная ранами, сопровождается сильною жаждою; если Мюнцеръ пилъ много воды, то пилъ отъ жажды, которая была возбуждена пыткой, а не отъ страха смерти, какъ то пустомелютъ виттенбергцы.

рую; герцогъ Генрихъ брауншвейгскій вообразилъ, что человѣкъ съ понятіями и убѣжденіями Мюнцера подчинится этому обычаю; онъ думалъ, что только страхъ смерти сковалъ его языкъ; такъ какъ Мюнцеръ безмолствовалъ, то герцогъ прочелъ за него молитву; по окончаніи ея голова Мюнцера пала. Туловище его было тутъ же насажено на колъ, а голова выставлена по дорогѣ въ Шадебергъ. Голова Пфейфера была выставлена въ ущельи по дорогѣ въ Больштетъ, гдѣ еще долго спустя можно было ее видѣть.

Такъ погибъ этотъ смѣлый и сильный, но еще недостигшій полной зрѣлости умъ; его ранняя смерть много повредила германскому народу. Лютеръ, вѣрно понимавшій замыслы Мюнцера и приписавшій «упорству и скрытности его нежеланіе раскаяться», не могъ скрыть своего злорадства при вѣсти объ участи, постигшей въ Гельдрунгенѣ его соперника. Онъ забылъ, что подобная смерть не пятнаетъ личности въ глазахъ мыслящихъ людей, что исторія рисуетъ намъ многихъ честныхъ людей, возведенныхъ на эшафотъ, что жизненный потокъ новаго времени сложился изъ крови, пролитой на лобномъ мѣстѣ.

Мюнцеръ, превосходившій Лютера въ пониманіи политическихъ и даже отчасти религіозныхъ идей, менѣе кровожадный деспотъ, чѣмъ Кальвинъ, хотя и раздѣлявшій съ нимъ убѣжденіе, что ради Бога и дѣла можно жертвовать людьми, палъ жертвою обстоятельствъ и своего заблужденія. Въ своихъ отношеніяхъ къ государямъ онъ былъ выше всякаго самообольщенія; Лютеръ же долженъ былъ впослѣдствіи сознаться, что жестоко обманулся въ нихъ. Мюнцеръ заблуждался, ошибался въ своихъ надеждахъ на народъ. По идеямъ онъ опередилъ свое время, а по стремленіямъ и дѣйствіямъ далеко опередилъ народъ. Современный ему строй общественной жизни, противорѣчившій по его мнѣнію духу христіанства, былъ настолько проченъ, что разрушить его могло только постоянное сильное одушевленіе народа, но духъ христіанства былъ

еще не настолько силенъ чтобы произвести подобное одушевленіе въ народѣ и разрушить всѣ узы, сковывавшіе его. Увлекаясь своей идеей, Мюнцеръ мѣрялъ народъ ложнымъ масштабомъ, онъ заблуждался, надѣясь на зрѣлость и силу народа, заблуждался, пока явный эгоизмъ массы не открылъ ему глаза. И онъ погибъ жертвой этого эгоизма, жертвою незрѣлости и безсилія вѣка, который съ радостью слышалъ, что явился человѣкъ спасти его отъ духовной и отъ тѣлесной смерти, что рабство и крѣпостничество та же смерть, но который былъ до того разслабленъ этимъ рабствомъ, что былъ уже не въ силахъ осуществить свои стремленія, достичь своей цѣли. Мюнцеръ родился не во время. Въ то время какъ другіе еще только смутно сознавали неестественность своего положенія, онъ вполнѣ понялъ его ложность и началъ истинную жизнь; онъ, чувствовалъ, мыслилъ и дѣйствовалъ въ пользу своего народа; но какъ мы уже замѣтили, единичная дѣятельность была недостаточна: основаніе народнаго благополучія закладывалъ *одинъ* Мюнцеръ, а надъ разрушеніемъ его трудились многіе. Духъ будущаго увлекалъ его впередъ; будущее должно и судить его. Когда сѣмя, брошенное Мюнцеромъ и орошенное его собственною кровію, дастъ плоды, тогда будетъ признана истинность многихъ его словъ и мыслей, гонимыхъ и отвергнутыхъ его современниками, а онъ самъ будетъ возвеличенъ, какъ орудіе высшей силы, какъ это не разъ случалось съ творцами революціи политической, религіозной и научной. Историкъ, который пожелаетъ безусловно увѣнчать могилу Томаса Мюнцера, долженъ ожидать много возраженій. Но, по ученію Христа, слѣдуетъ взвѣшивать не одни дѣйствія людскія, но и ихъ помыслы и желанія; такъ должна поступать и исторія: тогда между волчцами и терніями, которыми клевета окружила могилу реформатора, появятся свѣжія лавровыя вѣтви.

Спустя долго времени послѣ смерти Мюнцера, его ученіе имѣло въ Тюрингіи много тайныхъ, юныхъ приверженцевъ,

они чтили Мюнцера какъ святаго, богобоязненнаго мужа и пылкость его посланій оправдывали рвеніемъ угодить Богу *).

И до сихъ поръ идеи Мюнцера не погибли, онѣ живутъ въ хижинѣ поселянина, посѣщаютъ мыслителя въ полуночный часъ, звучатъ въ устахъ справедливаго заступника народа. Могущественнѣе, чѣмъ его «руническій мечъ» въ Дрезденѣ, останутся проповѣданные имъ принципы **).

Между противниками Мюнцера были люди умные и ученые, они не признавали въ немъ умственныхъ способностей и считали его за тщеславнаго глупца, который, обманывая другихъ, прежде всѣхъ обманываетъ самого себя, и замыслы котораго не болѣе какъ бредни сумасшедшаго.

Но великія стремленія его только близорукимъ могли казаться пустыми мечтами. Планы Мюнцера, стремившіеся пересоздать церковь и государство, были плодами генія, задачею всей жизни котораго было довести идею свою до общественнаго сознанія, сдѣлать ее понятною, доступною человѣчеству и господствующею идеею своего времени. Для достиженія этой цѣли Мюнцеръ жертвовалъ всѣмъ, даже жизнью: этого самоотверженія и не могли понять обыденные люди, узкость взглядовъ которыхъ мѣшала имъ добраться до истины. Нѣкоторыя изъ идей Мюнцера приведены въ исполненіе, и этимъ положено основаніе счастью народа и величію страны.

Кто способенъ мыслить и провѣрять свои ощущенія, тотъ не станетъ спорить, что Европа многимъ обязана Мюнцеру: онъ первый сознаъ необходимость тѣхъ государственныхъ преобразованій, которыя вообще приписываютъ духу христіанства. Впослѣдствіи его идеи нашли пропагандистовъ, которые

---

*) Себастіанъ Франкъ.

**) Источники къ исторіи паденія Мюнцера: цѣлый рядъ старинныхъ тюрингенскихъ хроникъ, Исторія Мюнцера, написанная Меланхтономъ. Рукописи у Шунка, Лауце. Сочиненія Лютера. Выписки изъ мюльгаузенскаго архива.

привили ихъ къ жизни общественной и такимъ образомъ преобразовали государство.

Еще и теперь всякое движеніе, религіозное или политическое, бродящее въ обществѣ, опирается на идеи Мюнцера, какъ на свою исходную точку; время очистило нѣкоторыя изъ нихъ, другія же не достигли еще зрѣлости и потому кажутся намъ скорѣе заблужденіемъ, нежели истиной.

Уже одинъ этотъ фактъ и то вліяніе, которое оказывали идеи Мюнцера, не смотря на постоянныя нападки, всюду свидѣтельствуютъ, что этотъ смѣлый боецъ былъ покрайней мѣрѣ человѣкъ недюжинный *).

Именно потому, что онъ слишкомъ опередилъ свое время, оно и не познало его. «Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось все, что позднѣйшія времена должны были привести въ исполненіе, этому только новѣйшее время сняло съ памяти его тѣ посмѣянія и поруганія, которыми наградили его современники, только потомство по достоинству оцѣнило его **).

Мюнцеръ былъ человѣкъ необыкновенный, но его нельзя назвать великимъ, «микроказмомъ будущности, личностью, въ которой выразились стремленія послѣдующихъ временъ». Если бы рядомъ съ своими многосторонними способностями, своимъ живымъ, человѣчнымъ и глубокимъ чувствомъ, справедливостью, поэтическою эксцентричностью и вліяніемъ на массы, онъ соединялъ въ себѣ и такія качества, которыя могли бы реализировать его идеалы, тогда, вѣроятно, въ новѣйшее время Мюнцеръ стяжалъ бы себѣ названіе великаго дѣятеля и преобразователя.

*) Св. Левъ признаетъ за нимъ это, евангельск. церковная лѣтопись 30, 1856 г. Сочиненіе его погрѣшаетъ иногда незнаніемъ фактовъ, слѣдов. недостаткомъ истины.

**) Трейчке, всеобщій историческій архивъ.

То, чего не доставало ему самому, онъ не могъ передать и другимъ. Большая часть его приверженцовъ были сильны въ молитвѣ, въ пѣніи, въ проклятіяхъ, расточаемыхъ противъ князей, поповъ и неравенства между людьми, умѣли грабить и дѣлить добычу, но сражаться, поддерживать военный порядокъ—объ этомъ никто не заботился; особенно никто не былъ способенъ благоразумно взвѣшивать средства и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Эти ранніе германскіе революціонеры, сподвижники Мюнцера, походили во многомъ на позднѣйшихъ своихъ послѣдователей; только въ мечтахъ стремились они осуществить свои идеалы и ждали осуществленія ихъ не отъ себя, не отъ собственной силы и дѣятельности, а откуда-то извнѣ, отъ благопріятныхъ событій и случая. Особенно они походятъ на новѣйшихъ коммунистовъ и соціалистовъ своимъ легковоспламеняемымъ воображеніемъ и своею праздностью. Недостатокъ практическихъ свѣдѣній, повредившій людямъ движенія во время Мюнцера, позже былъ вполнѣ вознагражденъ въ англійской революціи Кромвелемъ и его пуританами. Эти также молились, пѣли свои псалмы, вѣрили и ждали вдохновенія свыше. Кромвель молился и говорилъ проповѣди, но при этомъ и онъ, и его сподвижники обладали несокрушимой силой и усердіемъ, упражнялись въ военномъ искусствѣ, подчинялись военнымъ уставамъ и сохраняли солдатскую отвагу; они были воины божіи, въ полномъ смыслѣ слова, какъ нѣкогда Маккавеи. Мюнцеръ же, какъ самъ онъ говорилъ, во всю жизнь свою никогда не былъ воиномъ. Кромвель также не былъ солдатомъ, но это не мѣшало ему обладать военнымъ смысломъ, который сдѣлалъ изъ него прекраснаго предводителя; не одинъ энтузіазмъ дѣлалъ его сильнымъ, онъ имѣлъ желѣзный кулакъ и взоръ, глядѣвшій прямо на дѣло, какъ того требовала дѣйствительность; Мюнцеръ же былъ недостаточно практиченъ, чтобы смотрѣть въ глаза дѣйствительности, и потому опасность всегда застигала его въ расплохъ. Войско свое онъ не въ состо-

янiи былъ содержать въ дисциплинѣ; люди его дѣлали, что хотѣли, и онъ не могъ обуздать своеволiе массы.

Ни Мюнцеръ, ни Пфейферъ не были жестоки и корыстолюбивы. Оба, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, умерли въ бѣдности. Пока они стояли въ Мюльгаузенѣ, небыло пролито ни капли крови.

Во всѣ времена реакцiя бывала всегда ужаснѣе самой революцiи; и если Мюнцера обвиняютъ, впрочемъ не совсѣмъ справедливо, въ нѣкоторыхъ казняхъ, то это мщенiе было только каплею крови сравнительно съ тѣмъ кровавымъ моремъ, которое проливали князья.

Всѣ тяжелые денежные налоги за военныя издержки, за право гражданства выпали на долю богатѣйшихъ гражданъ Мюльгаузена, которые вообще были противниками движенiя. Только синдикъ фонъ-Оттера взысканъ былъ княжескою милостью: его сдѣлали княжескимъ управителемъ города и окрестныхъ селенiй.

Герцогъ Георгъ саксонскiй, исповѣдовавшiй старую вѣру, взялъ на себя обязанность протектора города на первый годъ. Городской совѣтъ, какъ и прежде, былъ составленъ изъ представителей старыхъ дворянскихъ родовъ города, и составъ его ежегодно смѣнялся заранѣе назначаемыми кандидатами, новый составъ совѣта избирался выслужившимъ свой срокъ магистратомъ. Въ городѣ строже, чѣмъ прежде, все было подчинено старому порядку въ строго католическомъ духѣ. Единственною заботою этого католическаго князя было уничтожить въ городѣ всякое свѣтское начальство и самоуправленiе; въ его глазахъ, а равно и по мнѣнiю баварскихъ князей и канцлера Эка, лютеранство и крестьянская война были однозначущи; какъ то, такъ и другая должны быть вырваны съ корнемъ.

Съ потерею своихъ старинныхъ правъ, городъ неминуемо долженъ былъ потерять и свое благосостоянiе, а между тѣмъ на немъ теперь лежали не только прежнiя повинности, несомыя каждымъ имперскимъ городомъ, но и новые налоги побѣдителей и всего окрестнаго дворянства. Эта крайняя нужда въ деньгахъ вооружила новый магистратъ противъ всѣхъ принимавшихъ участiе въ обѣихъ революцiяхъ, какъ виновниковъ настоящаго стѣснительнаго положенiя города. Наряженное герцогомъ правительство мечомъ, пытками и фискальствомъ домогалось требуемаго; магистратъ также помогалъ ему своею властью. Всѣ имѣнiя лицъ, бывшихъ въ отсутствiи во время вступленiя князей въ городъ, были конфискованы, и вообще съ ними поступлено, какъ съ мятежниками; многiе послѣдователи ученiя Лютера были преданы проклятiю, не смотря на то, что курфирстъ саксонскiй и ландграфъ гессенскiй открыто признали это новое ученiе.

Но и эти новые протекторы города не оказали никакой защиты своимъ единовѣрцамъ и оставили евангелическiй Мюльгаузенъ во власти закоренѣлаго католика. Теперь могло благоденствовать только городское дворянство, покровительствуемое герцогомъ и магистратомъ.

Какъ ни жестоки были мѣры, предпринимаемыя противъ послѣдователей новаго ученiя, магистратъ не рѣшился однако конфисковать все ихъ имущество. Но всѣ, принимавшiе *личное* участiе въ движенiи, поплатились своею безопасностью и всѣмъ достоянiемъ; продажею этого имѣнiя такъ поспѣшили, что небольшiе дома были оцѣнены въ два гульдена; было условлено, чтобы ихъ не покупалъ никто, не смотря на ихъ низкую оцѣнку *).

---

*) Ф. Стефанъ изъ мюльгаузенскаго архива.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Верхне-Франконцы расходятся.

Появленіе союзнаго войска почти всюду ознаменовывалось кровопролитіемъ. 26 человѣкъ казнены были въ лагерѣ подъ Гермаромъ, 20 въ Тунгеда и 30 въ Обермарктѣ. 31 мая союзное войско раздѣлилось. Ландграфъ отправился въ свои владѣнія. Брауншвейгцы двинулись къ Эйхефельду, наложивъ на него, Гейлигштадтъ и Дудерштадтъ, тяжелую контрибуцію, они лишили городъ многихъ льготъ, однако никто не былъ казненъ. Въ Эрфуртѣ, гдѣ все еще расположена была сильная шайка, магистратъ при приближеніи княжескаго войска самъ захватилъ и казнилъ четырехъ ея начальниковъ; это заставило другихъ разсѣяться; въ числѣ прочихъ бѣжали и знаменитые предводители Фенеръ и Дингеръ *). Герцогъ Георгъ саксонскій все еще продолжалъ казни: въ Лангезальцѣ пали 41 человѣкъ на площади, съ города взято было 7000 гульденовъ пени; въ Зангергаузенѣ погибло 12 человѣкъ. Въ Лейпцигѣ герцогъ казнилъ осмерыхъ приверженцевъ Мюнцера, 15 другихъ гражданъ были подвергнуты тѣлесному наказанію и изгнаны изъ города **). На другой день, вечеромъ Георгъ потребовалъ къ себѣ членовъ магистрата и чрезъ своего канцлера объявилъ имъ, что кромѣ подвергнутыхъ наказанію въ его спискѣ еще значатся человѣкъ 300; онъ не хочетъ лишать ихъ жизни, но за сношенія съ мятежниками они

*) Эфуртская городская хроника, рукопись.

**) Гундорфъ, историческій календарь.

должны быть наказаны заключеніемъ. Тутъ же онъ сослалъ на вѣчное заточеніе къ епископу мерзебургскому нѣсколькихъ магистровъ лейпцигскаго университета, подозрѣваемыхъ въ принятіи новаго ученія; двое бюргеровъ, обвиняемые въ томъ же, были казнены на площади *). Всюду герцогъ взималъ большія контрибуціи. Курфирстъ Іоаннъ повелъ войско свое чрезъ Эйзенахъ къ Мейнингену, чтобы оттуда достичь Кобурга, гдѣ сбиралось теперь бѣжавшее изъ вюрцбургскаго епископства дворянство: «взошло солнце и высушило смокшія перья этихъ пѣвчихъ птицъ и они вспорхнули,» говоритъ рукопись Къ этимъ дворянамъ не замедлилъ присоединиться и старый Геннебергеръ. Понимая, откуда теперь дуетъ вѣтеръ, онъ, нисколько не стѣсняясь своими обязательствами относительно крестьянъ, вступилъ въ союзъ съ своимъ леннымъ господиномъ епископомъ Конрадомъ. Верхне-франконцы, по призыву мейнингенцевъ, двинулись въ числѣ 7000 на помощь городу. Впереди банды былъ отправленъ обозъ съ съѣстными припасами. При Дрейсигагерѣ на этотъ обозъ напалъ графъ Вильгельмъ, а вслѣдъ затѣмъ банда, поспѣшившая на помощь своему обозу, была аттакована и потерпѣла значительный уронъ отъ поспѣвшаго войска курфирста. Крестьяне отступили къ Мейнингену, потерявъ еще нѣсколько орудій. Шнабель, главный начальникъ банды, хотѣлъ ночью отступить съ своимъ войскомъ и сдать Мейнингенъ. Желая обсудить это рѣшеніе на общемъ совѣтѣ, онъ послалъ своего бейтмейстера Гефнера созвать сходку. Тотъ былъ захваченъ по дорогѣ непріятелемъ и выпущенъ только подъ условіемъ склонить своихъ положить оружіе. Явившись въ городъ, Гефнеръ такъ напугалъ бюргеровъ, что рѣшено было немедленно отправить депутацію къ курфирсту и просить его покровительства. Въ числѣ этой депутаціи находились многіе крестьянскіе

*) Шнейдерсъ, лейпцигская хроника, стр. 179.

уполномоченные, въ томъ числѣ и канцлеръ банды, Михель Шримпфсъ. Шнабель, видя, что дѣло потеряно, и опасаясь за собственную жизнь, рѣшился бѣжать, но былъ схваченъ мейнингенцами выданъ курфирсту. Тотъ отправилъ его къ Геннебергу. Въ лагерѣ наступила полная рознь: каждый думалъ только о себѣ. Крестьяне спѣшили по домамъ, это было неправильное отступленіе, а безпорядочное бѣгство. Теперь они во всемъ должны были положиться на милость курфирста.

Курфирстъ направился въ свои владѣнія. Тамъ въ Эйзенахѣ и Готѣ нѣсколько смѣлыхъ людей дѣлали попытки раздуть потухавшее возстаніе; но съ приходомъ курфирста погасли и послѣднія его искры. Хотя курфирсту не могло быть не извѣстно, что возстаніе было поднято только противъ духовныхъ и дворянъ, и крестьяне не касались правъ верховной власти, однако всюду результатомъ его усмиренія явились огромныя контрибуціи и лишеніе или ограниченіе правъ и вольностей. Многіе были казнены и лишены свободы.

Мелкіе властители брали примѣръ съ большихъ. Гогенштейнскіе графы забыли клятвы, которыми они связали себя съ христіанскимъ братствомъ; они схватили и казнили возвратившихся домой народныхъ предводителей. «Какого наказанія заслуживаютъ бунтовщики,» спросилъ графъ собравшихся дворянъ? Берендъ ф. Теттенборнъ, у котораго крестьяне убили сына и опустошили имѣніе, — отвѣчалъ: «Каждый дворянинъ поступитъ справедливо, если заколетъ по девяти негодяевъ своимъ охотничьимъ копьемъ.» Другіе дворяне предложили загнать крестьянъ въ прудъ и потопить тамъ. «Милостивый государь, возразилъ на это Балтазаръ ф. Зунгаузенъ, городской начальникъ Нордгаузена, справедливо, что эта презрѣнная толпа заслуживаетъ смерти; но если они всѣ умрутъ, кто же будетъ служить вамъ и обрабатывать ваши земли? не говоря уже о вдовахъ и сиротахъ,

которыя останутся нищими и придадутъ такой печальный видъ всему вашему шварцбургскому графству. Поэтому я предлагаю, чтобы каждый, смотря по состоянію, былъ наказанъ денежнымъ штрафомъ. «Зундгаузенъ, сказалъ графъ Эрнстъ, ты говоришь, какъ честный человѣкъ, я принимаю твой совѣтъ!» И такъ крестьяне подверглись денежной контрибуціи не свыше четырехъ гульденовъ каждый. Дворянство однако осталось недовольно Зундгаузеномъ, державшимъ сторону крестьянъ; такъ что графъ Эрнстъ нашелъ нужнымъ дать ему конвой рейтаровъ, чтобы онъ могъ безопасно добраться до Нордгаузена *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Осада Фрауенберга.

Въ Верхней и Нижней Швабіи, въ Эльзасѣ, въ Бухенѣ, въ Тюрингіи и Саксоніи всѣ народныя банды были разсѣяны; только большое главное крестьянское войско подъ Вюрцбургомъ еще держалось.

Когда Георгъ Мецлеръ и Гецъ ф. Берлихенгенъ потребовали принятія 12 статей, изъ Фрауенберга отправили посла къ епископу. Тотъ отвѣчалъ, что онъ надѣется на обѣщанную помощь пфальцграфа, поэтому пусть гарнизонъ возобно-

*) Ф. Роръ, Географически—историческія достопримѣчательности Верхняго Гарца. Ecstorm, Chronicon Walkenried.

вить сношенія съ оденвальдцами и объявить имъ, что епископъ поступитъ съ своими подданными также, какъ и другіе князья. Въ крайнемъ случаѣ можно согласиться и на 12 статей. 9 мая деканъ ф. Гутенбергъ и другіе каноники и рыцари объявили, что они согласны на 12 статей, и что Конрадъ также по всей вѣроятности согласится, но нужно время, чтобы его уговорить. Они объявили также, что епископъ не будетъ противиться и всѣмъ предполагаемымъ реформамъ, если онѣ состоятся.

Крестьянскій совѣтъ составляли тогда члены по пяти отъ каждой банды; каждыя двѣ недѣли составъ его измѣнялся. Общія собранія совѣта засѣдали въ новомюнстерской думѣ; впродолженіи всего засѣданія на лѣстницѣ стояла вооруженная стража. Кромѣ этого общаго совѣта начальники и совѣтники каждой банды имѣли еще отдѣльныя совѣщанія. Составленный на собраніяхъ договоръ, Гецъ и Мецлеръ предъявили общему сходу. Крестьяне, казалось, остались довольны имъ. Но тогда выступилъ Флоріанъ Гейеръ. «Время настало, сказалъ онъ, сѣкира лежитъ у корня дерева; дѣло начато справедливо и должно быть окончено. Неужели мы должны препятствовать его окончанію и удерживать сѣкиру?» Онъ хотѣлъ склонить крестьянъ требовать немедленной сдачи крѣпости. Іаковъ Кель и крестьянскій совѣтникъ Бернгардъ Бубенлебенъ, священникъ изъ Мергентгейма, предлагали, чтобы Фрауенбергъ съ остальными замками епископства и всѣми въ нихъ находившимися запасами и вооруженіемъ былъ сданъ крестьянамъ, чтобы духовенство сообща дало за себя достаточный выкупъ; только на этихъ условіяхъ гарнизону будетъ данъ свободный пропускъ; время и обстоятельства укажутъ затѣмъ, слѣдуетъ ли разрушить Фрауенбергъ, или нѣтъ. Посланные объявили, что они не уполномочены согласиться на сдачу крѣпости; этимъ переговоры были прекращены.

11 мая соборный пробстъ лично, со свитою явился для вторичныхъ переговоровъ, съ прежними же предложеніями. Гецъ фонъ-Берлихингенъ и Мецлеръ очень настаивали на ихъ принятіи. Гецъ, жаждавшій отмстить своимъ давнишнимъ врагамъ—епископу бамбергскому и нюрнбергцамъ, старался объяснить крестьянамъ, что они не принесутъ никакой пользы своему дѣлу, если, вмѣсто того чтобъ идти далѣе, продолжать начатое и защищать своихъ братьевъ, будутъ терять время, осаждая Фрауенбергъ. Безпорно, говорилъ онъ, что для успѣха дѣла весьма важно овладѣть Нюренбергомъ, его выгодное положеніе и огромныя средства принесутъ огромную пользу крестьянамъ. Но подданные епископа требовали, чтобы замокъ былъ раззоренъ, а городъ сдѣланъ вольнымъ имперскимъ городамъ. Флоріанъ, строго послѣдовательный 12 статьямъ, также настаивалъ на раззореніи какъ этого замка, такъ и прочихъ. Братья не такъ нуждаются въ ихъ помощи, а князей нечего опасаться, говорилъ онъ, время имъ прошло. Онъ надѣялся, что съ хорошими орудіями графа Вертгейма, крестьяне легко овладѣютъ замкомъ. Его мнѣніе восторжествовало. Въ тотъ же день получено было письмо отъ пфальцграфа, предлагавшаго свое посредничество; но крестьяне отвергли его. 12 мая начались приготовленія къ штурму, и городъ и евангелическое братство Вюрцбурга снова потребовали сдачи замка. Но гарнизонъ не соглашался на это безъ епископа. Для переговоровъ отправились графъ Георгъ Вертгеймъ, Эбергардъ Рюдъ и Гансъ Гартгеймъ. Въ замкѣ долго не хотѣли вѣрить, что графъ Георгъ на сторонѣ крестьянъ и считали за шутку всѣ его увѣренія въ этомъ. На переданное имъ предложеніе банды пятеро изъ начальниковъ гарнизона отвѣчали, что честь не позволяетъ имъ поступить такъ, и что они рѣшились держаться въ замкѣ. Но если крестьяне пожелаютъ взять выкупъ и оставить замокъ въ покоѣ, то они не постоятъ ни за какой суммой. Они торжественно обѣ-

*

щали, что въ случаѣ, если начальники оденвальдской банды избавятъ вюрцбургскаго епископа отъ вынужденнаго вступленія въ братство и принятія двѣнадцати статей, дадутъ свободный пропускъ и защиту ему и пробсту и наконецъ отступятъ отъ замка, то гарнизонъ согласенъ дать начальникамъ войска 3,000 гульденовъ, а каждому рядовому половину мѣсячнаго жалованья.

Этимъ думали они поссорить оденвальдцевъ съ Флоріаномъ и съ франконцами.

Графъ Георгъ съ двумя рыцарями поѣхалъ назадъ. Предложеніе фрауенбергцевъ не осталось тайной; въ городѣ распространился слухъ, что хотятъ взять выкупъ съ замка. Граждане, вооруженные топорами и лопатами съ крикомъ и угрозами, бросились къ начальникамъ. Гецъ, на котораго главнымъ образомъ сыпались укоры, рѣзко отвѣчалъ франконцамъ, что подобное звѣрство: разрушать все, что попадается подъ руки, простительно только туркамъ. Споръ зашелъ такъ далеко, что самая жизнь Геца была въ опасности. Франконцы кричали, что онъ измѣнникъ и заодно съ гарнизономъ замка. Онъ увѣрялъ впослѣдствіи, что его собирались убить или прогнать сквозь строй. Переговоры этимъ и кончились.

Гансъ Берметеръ и Стефанъ Дитмаръ особенно возбуждали волненіе гражданъ; они не прочь были свергнуть магистратъ, для того чтобы самимъ занять его мѣсто; но такъ какъ имъ не удалось это, то они отправились теперь во франконскій лагерь и обвинили ратгерровъ въ сношеніи съ епископомъ. Флоріану такъ надоѣли городскіе интриги и сплетни, что по его совѣту рѣшено было: поставить въ трехъ различныхъ мѣстахъ города висѣлицы и объявить, что всякій, кто на будущее время нарушитъ покой и согласіе братства будетъ сейчасъ же повѣшенъ.

Между тѣмъ крестьяне сдѣлали противъ замка, на Никласбергѣ окопы, свезли туда орудія и, прикрывъ ихъ габіонами,

устроили паромъ подъ сводомъ каменнаго моста между предмѣстьемъ Санктъ-Букгартъ и городомъ, на которомъ подъ защитою моста можно было, безопасно отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, переѣзжать Майнъ на мостъ изъ замка можно было стрѣлять какъ въ цѣль.

Въ воскресенье 14 мая еще до восхода солнца отряды франконцевъ поднялись съ барабанами и трубами изъ Гейдингсфельда къ Никласбергу и, занявъ шанцы, съ 4 часовъ начали огонь. Впрочемъ ихъ орудія причиняли вредъ только кровельнымъ черепицамъ замка; Никласбергъ былъ слишкомъ удаленъ отъ него. Орудія же непріятеля были направлены не къ Никласбергу, а ближе, въ городъ. Крестьяне стрѣляли изъ небольшихъ орудій изъ дома нѣмецкаго ордена, бюргеры изъ подъ арки августинскаго монастыря, и съ этой стороны замку болѣе всего причинено было вреда. Даже ночью орудія не умолкали, епископскій капеланъ былъ убитъ выстрѣломъ съ городской башни. Оденвальдцы и неккартальцы во время перестрѣлки спустились съ Гохберга къ с. Буркгарду, раззорили монастырскую церковь, разбили каменныя и деревянныя изображенія святыхъ и захватили церковныя украшенія; во время стоянки своей здѣсь они выпили изъ монастырскаго погреба 289 бочекъ вина.

На другой день, 15 мая, въ самый полдень, въ Вюрцбургѣ (въ то же самое время какъ и въ Франкенгаузенѣ) на совершенно чистомъ небѣ видна была вокругъ солнца радуга. Явленіе это всякій толковалъ по своему: въ замкѣ иные считали это хорошимъ знакомъ, другіе—предвѣстіемъ смерти. Крестьяне сочли появленіе радуги за благопріятное для себя предзнаменованіе; знамена ихъ всѣ вмѣстѣ представляли цвѣта радуги. Приказано было привести изъ Бишофсгейма три шланга, стали приготовляться къ штурму отдѣльной непріятельской баттареи, устроенной на островкѣ Майна, откуда непріятель болѣе всего вредилъ го-

роду. Въ тотъ же день вечеромъ нѣсколько сильныхъ отрядовъ, принадлежавшихъ черной бандѣ собрались въ саду, прикрывшемъ восточную сторону Фрауенберга. Около 10 часовъ, когда было совсѣмъ темно, подошли изъ города новые крестьянскіе отряды съ лѣстницами, рогатками, топорами и другими необходимыми орудіями для штурма. Съ крикомъ, подъ звуки барабана и трубъ, взбѣжали они на гору; верхняя ограда была разрублена, переломлена, шанцы взяты; многіе засѣвъ въ глубокія ямы, бросали оттуда на замокъ штурмовыя лѣстницы.

Цѣлый градъ ядеръ посыпался на осаждающихъ; подоспѣвшіе на помощь были засыпаны осколками снарядовъ; достигшіе же самаго замка—ослѣплены, оглушены и обожжены брандскугелями, сѣрными и смоляными кружками, камнями, которые летѣли изъ всѣхъ оконъ; крестьяне не въ состояніи были ни стрѣлять, ни подняться. Изъ города замокъ казался облитымъ пламенемъ; народъ на городскихъ улицахъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту картину, со страхомъ прислушивался къ грому орудій и къ крикамъ сражавшихся, оглашавшихъ ночную тишину. Крестьянамъ пришлось уступить. Гарнизонъ замка освѣжился старымъ виномъ, но не покинулъ своихъ постовъ. Сдѣлали второй приступъ. Окруживъ весь замокъ, отважнѣйшіе смѣльчаки банды достигли даже наружныхъ воротъ, нѣкоторые взбирались на стѣны противъ Никласберга. Но осажденные не уступали въ храбрости осаждавшимъ, и второй штурмъ былъ отраженъ; крестьяне вторично отступили. Колоколъ ударилъ 2 часа по полуночи. Гарнизонъ ожидалъ третьяго штурма. Остатокъ ночи осажденные провели въ томъ, что лили ружейныя пули. Они потеряли мало раненными и всего троихъ убитыми; въ окопахъ же, окружавшихъ замокъ, насчитали до 400 человѣкъ крестьянъ мертвыхъ или тяжело раненныхъ; кромѣ того многихъ еще послѣ штурма крестьяне унесли съ собою. Утромъ, съ знакомъ мира, т. е. со шляпою, надѣтою на палку, явились послы изъ крестьянскаго лагеря. Они просили не начинать непріятельскихъ дѣйствій до 2 часовъ пополудни, чтобы дать имъ время унести раненыхъ и погребсти своихъ умершихъ братьевъ. Маргграфъ согласился на перемиріе до полуночи, съ условіемъ, чтобы крестьяне не приближались къ окопамъ замка. Посланные отвѣчали, что не могутъ согласиться на это, но подумаютъ. А между тѣмъ время шло, и несчастные раненые, благодаря жестокости благородныхъ рыцарей, «оставлены были въ окопахъ; ни одному не подана была помощь, ни одинъ не вынутъ былъ изъ рва, никто не обратилъ вниманія на ихъ стоны и страданія: такъ они и умерли брошенные» *).

Крестьяне поплатились лучшими своими воинами за эти два безуспѣшные штурма. Причина неудачи крылась въ томъ, что они начали штурмовать замокъ, когда еще не было сдѣлано бреши. Къ несчастію, именно эти два дня опытный въ подобныхъ дѣлахъ *Флоріанъ Гейеръ*, предводительствовавшій осадой Вейнсберга и другихъ крѣпостей, былъ въ отлучкѣ. Прежде нежели рѣшенъ былъ въ крестьянскомъ совѣтѣ вопросъ о приступѣ, онъ съ Гансомъ Пецольдомъ, судьей изъ Оксенфурта, вѣроятно по собственному предложенію, былъ командированъ въ Ротенбургъ, чтобы доставить оттуда большія осадныя орудія и окончательно присоединить городъ къ братству. Они отправились въ сопровожденіи Леонарда Деннера изъ Лейценбронна и Себастіана Рааба изъ Гебзаттеля, состоявшихъ при нихъ въ качествѣ совѣтниковъ.

Дано было сроку два дня для присоединенія Ротенбурга къ братству. Въ городѣ существовало нѣсколько различныхъ партій, но поучительный примѣръ многихъ городовъ и монастырей, превращенныхъ въ пепелъ, помирилъ противоположныя мнѣнія, и предложеніе Эренфрида Кумпфа оставаться въ союзѣ съ крестьянами для распространенія святаго еван-

*) Собственныя слова Томаса Цвейфеля.

гелія до тѣхъ поръ, пока они будутъ вѣрны слову Божію, было принято. Эренфридъ Кумпфъ, Менцингеръ, Конрадъ Эбергардъ и другіе заключили договоръ въ Гейдингсфельдѣ въ домѣ доктора Штеймеца. Флоріанъ пріѣхалъ въ городъ и здѣсь прежде всего поставилъ висѣлицу, чтобы сохранить «всеобщее въ городѣ спокойствіе, злымъ въ наказаніе, добрымъ въ защиту». Потомъ онъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой говорилъ о необходимости, чтобы каждый имѣлъ вѣрное понятіе о священномъ писаніи и чтобы не существовало никакихъ къ тому препятствій; о необходимости испытанныхъ и избранныхъ народомъ правителей и правительствъ, контроль надъ которыми былъ бы также предоставленъ народу; не слѣдуетъ конечно, чтобы подати съ народа были вовсе уничтожены, но они должны быть распредѣлены по усмотрѣнію благочестивыхъ мужей; духовныя имущества должны быть обращены на общую пользу, но ни одно духовное лицо не должно терпѣть отъ этого, духовенство будетъ получать приличное содержаніе. Наконецъ онъ предложилъ ротенбургцамъ франконскихъ семь параграфовъ, и заключилъ такъ: Скажите согласны ли вы поступать такъ, какъ мы того желаемъ; если вы въ чемъ нибудь затрудняетесь, то сообщите намъ это дружески, какъ братьямъ.

Не по вкусу пришелся ратгеррамъ параграфъ о временномъ прекращеніи оброковъ и рентъ. Оксенфуртскій судья пробовалъ успокоить ихъ тѣмъ, если война продолжится долѣе чѣмъ они ожидаютъ, то вѣроятно найдутся средства, которыя смягчатъ жестокость нововведеній; имъ стоитъ только послать трехъ или четырехъ довѣренныхъ отъ себя, чтобы имѣть мѣсто и голосъ въ крестьянскомъ совѣтѣ. Разумѣется, заключилъ судья, «съ вейнсбергской шайкой вы будете настолько же связаны, насколько и мы». Какъ ни тяжело было, но ратгерры должны были вступить въ братство. Ротенбургскимъ крестьянамъ, пришедшимъ сюда же, Флоріанъ

объяснилъ значеніе братства и просилъ сохранять спокойствіе, порядокъ и послушаніе. На другой день онъ подтвердилъ тоже въ приходской церкви, гдѣ принята была имъ отъ всѣхъ присяга. 600 человѣкъ вооруженныхъ ротенбургскихъ крестьянъ конвоировали два орудія съ принадлежащимъ къ нимъ пороховымъ фургономъ въ вюрцбургскій лагерь. По желанію города Эренфридъ Кумпфъ и молодой Георгъ Шпельтъ отправились съ конвоемъ, чтобы принять участіе въ засѣданіи крестьянскаго совѣта. Карлштадтъ также присоединился къ нимъ; но роль его была уже сыграна въ Ротенбургѣ. «Неужели мы должны ѣхать вмѣстѣ съ подобнымъ злодѣемъ, вскричалъ, выходя изъ города, Шефергансъ,—съ злодѣемъ, который убилъ бы доктора, если бы Шпельтъ не отразилъ удара». 16 мая орудія были привезены въ Гейдингсфельдъ. Здѣсь прибывшіе встрѣчены были съ большой радостью. Эренфридъ, высказавшійся за свободу Вюрцбурга и роззореніе замка, былъ избранъ вюрцбургцами въ судьи, и въ этой новой должности занялъ мѣсто во внутреннемъ крестьянскомъ совѣтѣ. Не такой пріемъ сдѣланъ былъ столь почитаемому имъ товарищу его Карлштадту, рѣчи его слушались съ неудовольствіемъ и онъ возвратился съ крестьянами, сопровождавшими орудія, назадъ въ Ротенбургъ, куда его впустили съ трудомъ, и то только по ходатайству Менцингена.

18 мая было совѣщаніе начальниковъ и совѣтниковъ о томъ, какимъ способомъ овладѣть замкомъ. Въ лагерѣ носились слухи, что швабскій союзъ вступилъ уже въ вейнсбергскія владѣнія. Ротенбургскія пушки употреблены были теперь въ дѣло; вскорѣ крѣпкая каменная стѣна была разрушена: Гансъ Бослеръ, канонеръ, хорошо зналъ свое дѣло.

Но 19 мая Гецъ ф. Берлихингенъ съ другими начальниками объявилъ, что народъ долженъ выступить противъ швабскаго союза: ихъ неккарскіе братья находятся въ стѣснительномъ положеніи, и ихъ христіанскіе союзники потерпѣли много пораженій; теперь не время медлить, по его мнѣнію,

слѣдуетъ сейчасъ же идти на помощь. Нужно было скорѣй кончить съ замкомъ. Осажденнымъ снова посланы были двѣнадцать статей, но теперь гарнизонъ сталъ требовать отсрочки, чтобы подумать, такъ какъ статьи эти были слишкомъ пространны. Время шло, а отвѣтъ не являлся, поэтому 20 мая начальники оповѣстили, что взявшіе замокъ могутъ воспользоваться всѣми его богатствами, золотомъ, серебромъ, клейнодами и всѣмъ хозяйствомъ и кромѣ этого получатъ хорошее жалованье, какъ награду. Сдѣланъ былъ листъ, для внесенія именъ охотниковъ; внутренній совѣтъ составилъ планъ штурма; однако желающихъ оказалось немного. Еще прежде вюрцбургцы думали взорвать крѣпость, и потому выше С. Букгарда начато было у нихъ 40 подкоповъ въ горѣ, но работа двигалась медленно, а событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ *).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вендель Гиплеръ на Неккарѣ и въ Вюрцбургѣ.

Двинувшись отъ Зиндельфингена къ Плинингену, Трухзесъ четыре дня стоялъ лагеремъ здѣсь при Нейгаузенѣ. Многіе виртембергскіе города прислали сюда своихъ депутатовъ просить о помилованіи. Трухзесъ обѣщалъ, но лишь съ тѣмъ,

*) Гроппъ, Вюрцбургская хроника 115—126 и другія лѣтописи.

чтобы города сдались на безусловную волю побѣдителя; при этомъ онъ назначилъ земскимъ чинамъ собраться въ Штутгартѣ. Многіе не могли явиться на это собраніе собственно потому, что ничего не знали о немъ; города же и округа Вейнсберга, Боттвара, Браккенгейма и Бейльштейна были выключены, какъ первые зачинщики возстанія. Все населеніе Виртемберга, не разбирая праваго и виноватаго, должно было съ покорностью внести 36,000 флориновъ штрафа, въ противномъ случаѣ Трухзесъ угрожалъ ограбить и жжечь городъ и, его окрестности. Всюду царствовалъ ужасъ, опальные города искали случая захватить начальниковъ возстанія и выдачею ихъ снискать себѣ помилованіе *).

Гейльброннъ не былъ совершенно спокоенъ; оттуда только что выбыли Вендель Гиплеръ, Петръ Лохеръ, и Гансъ Шикнеръ, трудившіеся здѣсь надъ планомъ государственной реформы. Удаленію ихъ изъ города способствовали разсказы бѣжавшаго начальника виртембергской шайки, потерпѣвшей пораженіе, Бернгарда изъ Винтерштетена и Михаеля Шарпфа изъ Ерингена, также участвовавшаго въ сраженіи. Только на другой день послѣ битвы они достигли Гейльбронна и были первыми, принесшими вѣрныя о ней свѣдѣнія. У союзныхъ войскъ, говорили они, такія ужаснѣйшія пушки, какихъ мы до сихъ поръ никогда не видывали: къ тому же ихъ двухтысячная хорошо вооруженная конница, возбуждаемая смертоноснымъ дѣйствіемъ страшныхъ орудій, съ сокрушающею силою вторгалась въ наши ряды. Выслушавъ эти вѣсти, говоритъ преданіе, Вендель Гиплеръ и другіе совѣтники безъ оглядки бѣжали изъ Гейльбронна, оставивъ тамъ даже свои сѣдла.

При первыхъ слухахъ о пораженіи граждане собрались отдѣльными группами. Къ одной изъ нихъ присоединился Ве-

*) Союзные акты, связка 94. № 2.

нингеръ-Эндресъ и нѣкоторые изъ магистратскихъ; тутъ же былъ и канатчикъ Петеръ Кобереръ, стоявшій впереди прочихъ. Знаешь ли ты, обратились къ нему ратгерры, что отрядъ легкой конницы убилъ многихъ крестьянъ? Я не вѣрю этому, отвѣчалъ Кобереръ. И такъ, возразилъ Венингеръ, ты полагаешь, что не союзъ побилъ крестьянъ, а они его? «Когда перерѣжутъ мнѣ мои крестьянскія жилы, возразилъ Кобереръ, и я истеку кровію, тогда, пожалуй, можете меня заставить думать, что хотите. А если вы ужь такіе храбрые, чтоже вы не сдѣлали этого ранѣе *).

Іоссъ Деймлинъ подошелъ къ Вольфу Лейпгейму. Слышалъ ты, Вольфъ, крестьяне разбиты; я не останусь здѣсь, а пойду въ Вюрцбургъ. Ты знаешь дорогу? спросилъ Вольфъ. Іоссъ отвѣчалъ утвердительно. «Прекрасно, сказалъ Вольфъ, и я отправлюсь съ тобою. Здѣсь на церковномъ дворѣ я говорилъ такія вещи, за которыя могу поплатиться. Такъ я сказалъ: если крестьяне побѣдятъ, то я на радостяхъ разложу огонь на площади». Такъ въ короткое время измѣнился этотъ человѣкъ, который недавно еще похвалялся: «Покажись-ка сюда этотъ безчестный союзишка, мы его сокрушимъ» **)! Деймлина привлекало въ Вюрцбургъ золото дворца нѣмецкаго ордена, Вольфа же гналъ страхъ.

Ратсгерры, желая чѣмъ нибудь угодить вдовствующей графинѣ Гельфенштейнъ бросились отыскивать у ювелировъ между пріобрѣтенными ими отъ крестьянъ драгоцѣнностями, дорогой крестикъ, принадлежавшій графинѣ, также ея жемчугъ и кольца. Но одинъ вѣрный служитель Эргардъ Клемпейсъ предупредилъ позднюю услужливость ратсгерровъ и еще раньше выкупилъ эти вещи для своей госпожи ***). Еще съ большею поспѣшностью послалъ магистратъ отъ себя депутатовъ швабскому союзу. Гансъ Берлинъ, недавно еще работавшій надъ составленіемъ плана государственныхъ реформъ, отложилъ теперь свое перо въ сторону и вмѣстѣ съ бургомистромъ Ризеромъ отправился на встрѣчу Турухзесу; почтенный гейльбронецъ оглохъ и ослѣпъ къ бѣдствіямъ своихъ братьевъ и своего любезнаго отечества. 17 мая, въ среду вечеромъ они застали въ Штуттгартѣ часть военнаго совѣта и начальниковъ, которымъ они и объяснили причину своего появленія, присовокупивъ, что они опасаются новыхъ притѣсненій со стороны вюрцбургцевъ и крестьянъ. Любезные господа, дружелюбно отвѣчалъ имъ на это Рудольфъ фонъ Эхингенъ, вы можете спокойно ночевать, я утѣшу васъ: сегодня ночью войска выступаютъ, чтобы въ четвергъ быть въ Плинингенѣ, оттуда, перейдя Ремсъ, въ пятницу будутъ вблизи Гейльбронна. Мы пойдемъ ближайшей дорогой, чтобы наказать Вейнсбергъ. Прощайте дозавтра, рано утромъ герцогъ Георгъ будетъ въ Штуттгартѣ.

*) Союзные акты связка 99 № 11.
**) Союз. акты связка 99 № 13, 14.
***) Союзные акты связка 96 № 4.

Ночью гейльбронскіе посланники были разбужены прибывшимъ нарочнымъ; онъ привезъ извѣстіе, что въ Вейнсбергѣ собрались 1,200 человѣкъ крестьянъ и что такое же число ихъ можетъ быть настигнуто подъ Вюрцбургомъ; всѣ они идутъ на Гейльброннъ; магистратъ опасается за свою жизнь и имущество. Если помощь замедлитъ однимъ часомъ, городъ можетъ погибнуть. Магистратъ проситъ послать ему покрайней мѣрѣ два отряда для защиты. Но союзники, опасаясь чтобы эти отряды, ранѣе чѣмъ достигнутъ Гейльбронна, не были перебиты дорогой крестьянами, отказали. Правители Гейльбронна находились въ большой тревогѣ; имъ угрожали съ одной стороны крестьяне вейнсбергской долины, съ другой—Гецъ фонъ Берлихингенъ, письма котораго не оставляли никакого сомнѣнія о его приближеніи. Изъ Штуттгарта успокоивали магистратъ скорымъ приходомъ Трухзеса.

Вендель Гиплеръ изъ Гейльбронна поспѣшилъ въ Вейнсбергъ. Отсюда онъ послалъ извѣстить начальниковъ въ Вюрцбургѣ

о пораженіи беблингенцевъ и о выступленіи Трухзеса; написалъ приказъ эрингерцамъ, въ Якстъ—и Кохерталь и другія близкія мѣстности поспѣшно собраться въ Вейнсбергѣ, а графамъ Гогенлоэ —выслать ему орудія и военные припасы. Потомъ онъ поспѣшилъ въ Тальгеймъ, чтобы напомнить о себѣ крестьянамъ гейльброннскимъ и принадлежащимъ нѣмецкому ордену; 15 числа посѣтилъ Лауфенъ, чтобы устроить тамъ лагерь для сбора разсѣянныхъ остатковъ вюрцбургскаго скопища. Гиплеръ употребилъ всѣ усилія, чтобы вновь соединить подъ одно знамя всѣхъ разбѣжавшихся и воодушевить малодушныхъ. Къ нему присоединились многіе крестьяне, но большая часть побратавшихся городовъ послала Трухзесу изъявленія покорности и рѣшилась впредь осторожнѣе браться за оружіе, быть осмотрительнѣе и не рисковать многимъ. Узнавъ объ отпаденіи гейльброннскаго магистрата Вендель Гиплеръ долженъ былъ перенести назадъ въ Вейнсбергъ лагерь, только что устроенный имъ при Лауфенѣ, а самъ между тѣмъ немедленно отправился въ Вюрцбургъ, созвать вюрцбургскихъ братьевъ на помощь.

Михаэль Руапъ ф. Рупрехтсгефенъ привелъ сюда, по приказанію Гиплера, отрядъ въ 500 человѣкъ, отдѣленный отъ гайльдерфской банды.

Присутстіе Венделя Гиплера въ крестьянскомъ лагерѣ подъ Вюрцбургомъ поставило на ноги самыхъ нерадивыхъ. Онъ одинъ выказывалъ энергическую дѣятельность среди общей апатіи. Прибывъ въ лагерь, онъ тотчасъ же сталъ всѣми силами работать, чтобы не дать окончательно пасть погибающему дѣлу. 20-го онъ издалъ приказъ, чтобы всѣ вступившія въ союзъ общины готовы были выступить по первому призыву. Поручено было въ Кенигсгофенѣ, Тауберталѣ и Мергентгеймѣ созвать все тамошнее населеніе. Вендель Гиплеръ сдѣлалъ еще распоряженіе, чтобы подъ Фрауенбергомъ оставлено было только 4,000 человѣкъ, а въ Краутгеймѣ расположено было сильнымъ лагеремъ 20,000; этимъ онъ думалъ прикрыть Тауберъ и средній Майнъ, и, угрожая всему Неккару, держать въ страхѣ еще невооружившіяся вюртембергскія общины *). Но несчастіе шло быстрѣе крестьянъ, и разумнымъ начертаніямъ Венделя Гиплера не суждено было исполниться. Наконецъ онъ отдалъ приказъ выступить свѣтлой бандѣ Оденвальда и Неккарталя, 23 числа, подъ предводительствомъ Геца ф. Берлихингена и Георга Мецлера; Флоріанъ забылъ о всѣхъ личныхъ неудовольствіяхъ и вмѣстѣ съ франконцами по первому призыву намѣревался выступить; а тѣмъ временемъ братья на Неккарѣ были покорены.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Auto-da-fe, *совершенное дворянами на Неккарѣ и въ вейнсбергской долинѣ.*

Когда Трухзесъ шелъ изъ Штуттгарта мимо гогенсбергской крѣпости, фогтъ послалъ къ нему двухъ крестьянскихъ начальниковъ, находившихся у него въ плѣну **): одинъ былъ Яковъ Рорбахъ, а другой гейльброннецъ, бывшій въ Вейнсбергѣ бейтемейстеромъ. Герръ Яклейнъ былъ отличной добычей для дворянъ: имъ они могли вдоволь утолить свою жажду мести и рѣшили его изжарить. Ведя его за собою, они отправились

---

*) Военное значеніе этого плана можно видѣть у Бензена, стр. 264—265.

**) Рукопись Гольцварта согласна съ показаніями очевидцевъ. Рукопись Ганса Луца.

черезъ Беннгеймъ на Неккарѣ и достигли Неккаргартаха 20 мая. Въ прекрасной неккарской долинѣ, между Неккартахомъ и Фурфельдомъ Трухзесъ расположился лагеремъ, чтобы отпраздновать дворянское auto-da-fe, и отомстить огнемъ и кровью за своихъ погибшихъ родныхъ и товарищей. Въ окрестныхъ деревняхъ не было ни одного крестьянина. Якова Рорбаха, скованнаго желѣзными цѣпями, привязали къ дереву, обложили кругомъ дровами и стали зажигать ихъ исподоволь, чтобы огонь не вдругъ обхватилъ его, и чтобы несчастный, пожираемый медленнымъ пламенемъ, подъ звукъ барабановъ и трубъ, могъ свободно прыгать вокругъ дерева. Дѣти, сидя на плечахъ солдатъ, смотрѣли на это зрѣлище, а дворяне стоявшіе вокругъ, наслаждались стонами несчастнаго и не ушли до тѣхъ поръ, пока страдалецъ не испустилъ послѣдняго дыханія.

Это было только прологомъ драмы. На другой день, 21 мая Трухзесъ отдалъ приказъ Траутскирхеру, баварскому дворянину, взять изъ войска отъ 4—5000 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, двинуться къ вейнсбергской долинѣ и сжечь городъ Вейнсбергъ.

При вѣсти о грозномъ выступленіи союзниковъ изъ Штутгарда, сотни семействъ бѣжали изъ Вейнсберга и вейнсбергской долины, захвативъ съ собою все, что было возможно; они скрылися частью въ Гейльбронѣ, частью въ другихъ мѣстахъ. Изъ 2,000 человѣкъ, оставленныхъ Венделемъ Гиплеромъ въ Вейнсбергѣ и въ Шеммельбергѣ нѣкоторые присоединились къ франконской бандѣ, другіе разбѣжались по лѣсамъ. Трухзесъ велѣлъ выгнать изъ Вейнсберга женщинъ, дѣтей и стариковъ, а городъ со всѣмъ имуществомъ превратить въ пепелъ. Траутскирхеръ явился передъ городомъ и не нашелъ тамъ никого, кромѣ женщинъ дѣтей и стариковъ; онъ велѣлъ имъ выйти вонъ; дозволилъ также вынести святыню; одного старика не хотѣвшаго оставить городъ и двухъ роженницъ солдаты вытащили насильно, за тѣмъ подожгли го-

родъ съ трехъ сторонъ; сгорѣло нѣсколько женщинъ, не послушавшихъ предостереженія и не хотѣвшихъ выйти изъ своихъ домовъ» *). Запрещено было брать съ собою скотъ и имущество. «Городъ былъ сожженъ до тла» **). Ужасно было слышать ревъ горѣвшаго скота и стоны невинныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, смотрѣвшихъ, какъ передъ ними горѣло ихъ послѣднее добро. Издали виднѣлось пламя горѣвшихъ деревень: Ерленбаха, Бинсвангена Гельмершпаха и пр. обреченныхъ вмѣстѣ съ Вейнсбергомъ на сожженіе. Небо надъ Вейнсбергомъ казалось огненнымъ моремъ. Это происходило въ послѣднее воскресенье передъ Вознесеніемъ Христовымъ. Когда пламя потухло, оказалось, что изъ прекраснаго города Вейнсберга уцѣлѣло всего десять домиковъ. Герцогъ, чтобы удовлетворить дворянство, объявилъ, что вейнсбергское пожарище должно на вѣчныя времена остаться пустыней ***).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Пфальцграфъ Людвигъ и крестьяне.

Пфальцграфъ Людвигъ, побуждаемый постоянными настояніями командора нѣмецкаго ордена, епископовъ вюрцбург-

*) Гансъ Луцъ, бывшій тамъ въ качествѣ герольда.

**) По его же показаніямъ.

***) Рукописи Ганса Лутца, Никласа Томана и Гольцварта. Записки Рудольфа фонъ-Егингена, отъ 21 мая. Томанъ и Гольцвартъ также говорятъ, что это случилось въ послѣднее воскресенье передъ Вознесеньемъ (21 мая.)

скаго и шпейерскаго, и бѣжавшихъ къ нему рыцарей, началъ приготовляться къ войнѣ. Для успокоенія совѣсти набожный князь отправилъ прежде письмо къ Меланхтону спрашивая его мнѣнія относительно 12 статей. Меланхтонъ отвѣчалъ ему такъ: «было бы хорошо, если бы такой дикій, необузданный народъ, какъ нѣмцы, пользовался еще меньшей свободой, чѣмъ теперь; все, что дѣлаетъ правительство, оно дѣлаетъ по праву, оно конфискуетъ общинное имущество, и никто не долженъ этому противиться; оно взимаетъ съ церквей десятину и отдаетъ по своему усмотрѣнію другимъ, и нѣмцы должны признавать это справедливымъ; вѣдь и Іудеи дозволяли римлянамъ пользоваться церковнымъ имуществомъ. Всякое правительство имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, налагать штрафы: самъ Богъ повелѣлъ не допускать зла и наказывать его; крестьяне не правы въ своемъ сопротивленіи верховной власти. Ихъ беззаконіе состоитъ въ томъ, что они не хотятъ оставаться попрежнему крѣпостными и отказываются платить прежнія подати. Нѣмцы—народъ необузданный, своевольный и кровожадный, ихъ нужно держать строго. Свѣтская власть названа мечемъ самимъ Богомъ, а мечъ долженъ разить и т. д. и т. д. *).

Подобной логикой Меланхтонъ силился опровергнуть законность крестьянскихъ требованій. Послѣ его письма пфальцграфъ Людвигъ съ спокойной совѣстью поднялъ мечъ противъ крестьянъ и безъ всякихъ упрековъ казнилъ послѣ пораженія въ Эльзасѣ и Швабіи.

Всѣ князья, находившіеся въ мирномъ договорѣ съ своими подданными, запрещали имъ въ силу этого договора въ какомъ бы то ни было случаѣ, оказывать помощь другимъ крестьянамъ во время перемирія; но сами они не стѣснялись до-

*) Рукопись Филиппа Меланхтона противъ крестьянскихъ параграфовъ 1525.

говоромъ и считали себя вправѣ помогать вооруженною рукою своимъ товарищамъ. Курфирстъ пфальцскій поступилъ также.

Въ Брейтгеймѣ были сложены купеческіе товары, привезенные съ франкфуртской ярмарки и принадлежавшіе нагорнымъ городамъ. Крестьянъ они очень соблазняли. Чтобы предохранить товары отъ разграбленія, пфальцграфъ послалъ въ Брейтгеймъ нѣсколько конныхъ и 500 человѣкъ пѣшихъ съ приказаніемъ занять городъ. Около деревни Унтернейсгеймъ крестьяне напали на этотъ отрядъ и угрожали перебить всѣхъ солдатъ, если они не возвратятся назадъ въ Гейдельбергъ. Пфальцграфъ считалъ это за полное нарушеніе договора. Еще большее нарушеніе онъ увидѣлъ въ дѣйствіяхъ вагенгеймской и винцингенской шаекъ. Эти шайки снова соединились вмѣстѣ, чтобы съобща помогать своимъ эльзаскимъ братьямъ и защитить себя противъ герцога Антона лотарингскаго. Они поставили гарнизонъ въ Нейкастелѣ и въ Дрейфельсѣ и старались занять войсками Ландау. Пфальцграфъ кромѣ того обвинялъ крестьянскихъ начальниковъ, что они слабо слѣдили за отдѣльными отрядами, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грабили и дѣлали поджоги. Это обвиненіе не имѣло смысла: понятно, что предводителямъ, находившимся въ Бругзалѣ, весьма трудно было слѣдить и держать въ повиновеніи всѣ разсѣянные отряды; точно также какъ невозможно было Трухзесу отвѣчать за хищничество каждаго солдата. 23 мая пфальцграфъ Людвигъ вышелъ изъ Гейдельберга съ 4,500 пѣшихъ и 1800 конныхъ, всѣ они имѣли красные кресты на груди и были хорошо вооружены. Первое нападеніе онъ сдѣлалъ на Мальшъ, считая его гнѣздомъ возстанія въ Брурайнѣ. Жители, надѣясь на договоръ, распустили свои войска; вдругъ, совершенно неожиданно они увидѣли себя обманутыми; въ справедливомъ негодованіи они защищались, чѣмъ попало и какъ могли, но пфальцграфъ зажегъ деревню со всѣхъ сторонъ, желая стереть ее съ лица земли. Всѣ

деревни, бывшія на его пути, были разграблены, стада угнаны, и въ замкѣ Кислау казнены четыре крестьянина, составлявшіе его гарнизонъ. 25 мая было сдѣлано нападеніе на Бругзаль: бюргеры, не помня себя отъ ужаса, сдались и сами отворили ворота. Пфальцграфъ настаивалъ на выдачѣ зачинщиковъ. Послѣ долгихъ размышленій магистратъ выдалъ нѣсколькихъ, всего до 70. Ихъ связали и ввалили въ башню одинъ на другаго, такъ что они чуть не задохлись *).

Пфальцграфъ условился о планѣ похода съ Трухзесомъ **). Послѣдній дѣлалъ набѣги изъ своего лагеря подъ Неккаргартахомъ въ Крайхгау; онъ напалъ на Еппингенъ, гдѣ главный начальникъ, Антонъ Ейзенгутъ, съ тремя другими находился въ совершенномъ спокойствіи, надѣясь на договоръ. Трухзесъ взялъ ихъ въ плѣнъ и отправилъ всѣхъ четверыхъ къ пфальцграфу Людвигу «въ подарокъ», какъ «пфенигъ добычи». Пфальцграфъ, слѣдуя ученію Меланхтона, что народъ не смѣетъ ничего предписывать правительству, а слѣдовательно не смѣетъ заключать съ нимъ и никакихъ договоровъ, велѣлъ обезглавить Антона Ейзенгута и трехъ другихъ начальниковъ. Брурайнерцы должны были заплатить 40,000 гульденовъ штрафу и были обезоружены; пять изъ нихъ были обезглавлены, шестой помилованъ курфирстомъ по ходатайству дворянъ.

Теперь нужно было очистить Шпейергау. Въ Шпейерѣ стояли франкфуртскіе товары на 40 подводахъ; задержанные крестьянами, они немогли проѣхать далѣе. Трухзесъ рѣшился помочь епископу шпейерскому и купцамъ въ этомъ затрудненіи. 300 крестьянъ въ Офенгеймѣ, окруживъ себя окопами, не сдавались. Трухзесъ, не дававшій спуску крестьянамъ, ежедневно убивалъ и обиралъ всякаго попавшагося въ его

*) По подлиннымъ словамъ Гаарера, секретаря пфальцграфа.

**) Рукопись Зейдлера.

руки. Въ лагерѣ при Оденгеймѣ его алчность испытала жестокій ударъ, крестьяне этой деревни ночью, тайкомъ зажгли свое собственное селеніе съ разныхъ концовъ, такъ что изъ 49 домовъ многіе сгорѣли съ лошадьми, подводами и имуществомъ *).

28 мая между Фюрфельдомъ и Неккаргартахомъ пфальцграфское войско соединилось съ войскомъ швабскаго союза. Союзное войско простиралось теперь до 13,000, изъ нихъ 1,000 вооружены были ружьями съ желѣзными стволами, доставленными архіепископомъ трирскимъ. Кромѣ того при войскѣ было болѣе 2,000 военныхъ повозокъ, два орудія большаго размѣра, заряжавшіяся 80 фунтовыми ядрами, двѣ кулеврины, каждая въ 20 футовъ длины, 8 большихъ шлангъ, 12 полевыхъ и много другихъ орудій.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Неккарсульмъ и Кенигсгофенъ.

24 мая оденвальдское и неккартальское войско достигло Краутгейма. Въ тотъ же день, въ полночь три отряда двинулись къ Нейштадту на Кохерѣ **). Главный недостатокъ этого войска состоялъ въ томъ, что большинство ратниковъ

*) Показанія очевидцевъ. Рукопись Гольцварта.

**) Союзные акты, связка 94 № 14.

считало предпринимаемый походъ не движеніемъ противъ непріятеля, а возвращеніемъ въ свои родныя селенія. Деревни по Неккару около Гейльбронна только что вновь приняли присягу и поклялись отдѣлиться отъ банды, которой они обѣщали свою помощь *), поэтому на походѣ бандамъ постоянно встрѣчались посланные съ увѣщевательными письмами отъ своихъ земляковъ. Въ Мекмюлѣ уполномоченные отъ Бекингена, Неккаргартага и Флейна письменно отдались подъ защиту своихъ старостъ и совѣта, бѣжавшихъ въ Гейльброннъ, и письменно же просили ихъ милостиво позаботиться о нихъ въ союзномъ войскѣ **). Неккаргартахцы прямо отправились въ свою деревню: ихъ гейльброннскіе господа, поручили они сказать шайкѣ, требуютъ ихъ теперь къ себѣ и они не хотятъ дѣйствовать противъ нихъ, а потому прекращаютъ свои обязательства къ свѣтлой бандѣ. На угрозу банды снова набрать людей, чтобы повредить имъ, они отвѣчали: такъ какъ они вытребованы, то и не считаютъ себя обязанными подчиняться бандѣ и слѣдовать за ней ***). Но многіе изъ гейльброннскихъ деревень принимали такое дѣятельное участіе въ возстаніи, что конечно не могли разсчитывать на какое бы то ни было помилованіе въ отечествѣ.

Гейльброннскіе ратсгерры всѣми силами старались заслужить благосклонность союзнаго совѣта. Трухзесу они доставили повозки, фельдцейхмейстеру подарили небольшую круглую палатку; Рудольфу фонъ-Егингенъ возвратили его сына, Траишу фонъ-Бутларъ—лошадей, принадлежавшихъ зятю его, Дитриху фонъ-Вейлеръ. По приказанію Трухзеза тотчасъ же было описано и конфисковано все еще остававшееся у крестьянъ имущество. Опись конфискованнаго отослали Трухзесу

*) Союзные акты, связка 93. № 1. Клятва союзныхъ деревень Гейльбронна.

**) Союзные акты, связка 93 № 10.

***) Писано отъ 28 мая въ союзныхъ актахъ.

и ожидали его дальнѣйшихъ распоряженій *). Когда 25 мая крестьяне вступили въ Ерингенъ, созвали въ Неккарсульмѣ большую сходку и прислали письмо въ городъ, магистратъ тотчасъ отправилъ, одного за другимъ, двухъ курьеровъ къ Трухзесу въ Крайхгау съ просьбою о безотлагательной помощи, необходимой имъ **). Трухзесъ отвѣчалъ, что «онъ готовъ спасти ихъ и не дать въ обиду собакамъ, но съ такою горстью войска, какъ у него, въ настоящее время невозможно двинуться съ мѣста ***). Вслѣдствіе этого свѣтлой бандѣ былъ отправленъ такой отвѣтъ: «мы вамъ дозволили наказать духовенство, это правда; но теперь мы обѣщали всепочтеннѣйшему союзу, которому присягали, также какъ и императору, не оказывать вамъ никакого вспоможенія, не давать провіанта и недозволять входа въ городъ; это обѣщаніе мы считаемъ священнымъ, желаемъ, чтобы и вы поступали также» ****). Въ Вознесеніе пфальцграфъ и Трухзесъ писали изъ Брухзаля: кажется крестьяне желаютъ занять Гейльбруннъ; это обличаетъ ихъ намѣренія дѣйствовать противъ союза и привлечь къ себѣ виртембергцевъ и другихъ. Легко себѣ представить, какой вредъ можетъ послѣдовать для императора, всѣхъ князей и чиновъ союза, если они успѣютъ достигнуть своей цѣли. Вы имѣете надежное, достаточно укрѣпленное мѣстечко; оно можетъ доставить вамъ до нашего прихода безопасное убѣжище противъ легковѣрнаго народа, который рѣшается вести войну, не имѣя ни одного орудія, и такъ не впускайте ихъ и не оказывайте имъ никакого вспоможенія; въ противномъ случаѣ бойтесь со стороны князей того же, чего боитесь со стороны крестьянъ» *****).

*) Союзные акты, связка 95. № 12, 13, 8, 6, связка 95. в. Опись связка 93 № 7.

**) Союзные акты, связка 94 № 16.

***) Два письма отъ 26 мая. Союзные акты, связка 95 № 10 и 11.

****) Союзные акты, связка 94 № 17.

*****) Союзные акты, связка 94 № 17.

Легко понять, какъ было важно для крестьянъ, чтобы Гейльброннъ не нарушалъ данную братству клятву, и чтобы свѣтлая банда могла занять этотъ укрѣпленный городъ. Заставивъ присягнуть всѣхъ вейнсбергцевъ и другихъ скрывавшихся здѣсь бѣглецовъ, что они, не жалѣя жизни будутъ стоять за городъ такъ, какъ бы за свою родину—магистратъ сталъ приготовляться къ защитѣ. Однако въ городѣ были и сильно расположенные къ крестьянамъ бюргеры *).

Праздная стоянка передъ Вюрцбургомъ и вообще медлительность крестьянъ имѣли самыя пагубныя послѣдствія для ихъ дѣла. Вюртембергъ положилъ оружіе, Вейнсбергъ былъ сожженъ и Гейльброннъ былъ совершенно потерянъ для крестьянъ; имъ оставалось теперь только отступить, какъ можно скорѣе. Они отправили гонцовъ въ нижнефранконскіе округи просить ихъ поспѣшить помощью; писали герцогу Ульриху и гегауцамъ, чтобы они двинулись въ тылъ союзниковъ и такимъ образомъ поставили ихъ между двухъ огней. Писали также зарейнскимъ крестьянамъ, прося ихъ перейти Рейнъ. Чтобы выиграть время, пока подоспѣетъ ожидаемая помощь, они 28 мая сдѣлали попытку завязать съ Трухзесомъ письменные переговоры. Но это только подтвердило догадки Трухзеса о слабости банды: онъ не далъ никакого отвѣта и продолжалъ подвигаться впередъ. Свои тяжелыя орудія и обозъ оденвальдцы отправили въ Неккарсульмъ подъ прикрытіемъ значковъ, состоявшихъ большею частію изъ участниковъ вейнсбергскаго дѣла,—людей, потерявшихъ теперь всякую надежду и мужество. Мульмихель, начальникъ гайльдорфскаго отряда, былъ отправленъ съ двумя другими значками впередъ, въ Ерингенъ заготовлять квартиры; затѣмъ, съ полными признаками внутреннаго и внѣшняго разстройства, банда двинулась вверхъ по Зульму чрезъ Левенштейнъ къ Ерингену. Съ каждымъ

*) Союзные акты, связка 99 № 1.

шагомъ она теряла бодрость и уменьшалась въ числѣ; слухи объ ужасной конницѣ Трухзеса и его артиллеріи наводили на всѣхъ паническій страхъ. Не составлялъ изъятія изъ числа прочихъ и безстрашный рыцарь Гецъ фонъ-Берлихингенъ.

Его *измѣна* довершила всеобщее смятеніе. Во время похода на Левенштейнъ и обратнаго движенія въ Ерингенъ подъ предлогомъ, что «онъ идетъ набирать людей», главный крестьянскій вождь бѣжалъ изъ Адольцфурта съ десятью другими подобными ему измѣнниками *). Ровно мѣсяцъ тому назадъ онъ принялъ начальство надъ крестьянами и присягнулъ имъ, вступая въ эту должность. Почтенный рыцарь забылъ, что данная присяга связывала его съ ними, не только какъ начальника съ подчиненными, но и какъ соучастника въ затѣянномъ дѣлѣ. Какого названія заслуживаетъ полководецъ, который покидаетъ постъ свой въ такую критическую минуту, за нѣсколько часовъ до сраженія, не предувѣдомивъ войско о своемъ намѣреніи, бѣжитъ, бросая его на произволъ случая!

Тотчасъ же онъ снесся съ своимъ пріятелемъ Дитрихомъ Шпэтомъ, совѣтникомъ швабскаго союза, и на другое утро послѣ своего бѣгства уже писалъ другу своему и доброжелателю Гансу Рейтеру Бирингенскому, старостѣ банды, что всѣмъ повстанцамъ слѣдуетъ сдаться на безусловную волю союза; всѣ, за исключеніемъ зачинщиковъ возмущенія и участниковъ въ вейнсбергской катастрофѣ, могутъ надѣяться на снисхожденіе; онъ уже переговорилъ объ этомъ съ Дитрихомъ Шпетомъ.

Какъ только въ войскѣ стала извѣстна измѣна Берлихингена, нечего было и думать о сколько нибудь порядочномъ отступленіи: всѣ бросились бѣжать. Въ Ерингенѣ ихъ не впустили въ городъ. «Съ самаго утра стали носиться слухи, что войско союза приближается: знаменщики стали отрѣзывать

*) Экъ герцогу Вильгельму отъ 7 іюня

знамена съ древковъ и бѣжали вмѣстѣ съ другими въ Краутгеймъ, чтобы собраться тамъ снова» *). Однако при всей суматохѣ Венделю Гиплеру и Георгу Мецлеру удалось настолько водворить порядокъ, что дѣйствительно въ Краутгеймѣ собралось 2,000 человѣкъ и всѣ полевыя орудія.

Городокъ этотъ былъ занятъ крестьянами, преимущественно вейнсбергцами. Надѣясь на скорую помощь, они мужественно защищались. Ночью, въ то время какъ союзное войско безпечно, въ совершенномъ безпорядкѣ расположилось отдыхать по обоимъ берегамъ Неккара, подошли 5,000 франконцевъ. Но Трухзесъ опять былъ спасенъ, благодаря собственной ошибкѣ, обратившейся въ его пользу. Онъ слишкомъ разбросалъ свое войско, и сторожевые огни, пылавшіе на огромномъ пространствѣ, обманули франконцевъ, на счетъ численности войска съ которыми уже не было теперь Флоріана Гейера. Если бы они напали на Трухзеса, онъ навѣрное былъ бы разбитъ. Но крестьянскіе начальники не рѣшились на это и отступили къ Эрингену.

На разсвѣтѣ бюргеры, узнавъ объ отступленіи франконцевъ, вступили въ переговоры съ Трухзесомъ и предали гарнизонъ. Крестьяне бѣжали, 60 изъ нихъ были схвачены, связаны и приведены въ лагерь, 16 человѣкъ были казнены. 18 большихъ орудій достались въ добычу союзникамъ; конница, отправленная преслѣдовать бѣжавшій гарнизонъ, подожгла мѣстечки Зонтгеймъ, Кирхгаузенъ и Беккингенъ, чтобы заставить выйдти оттуда скрывавшихся крестьянъ; при этомъ пострадали дома виновныхъ и невинныхъ безъ разбора. Между прочимъ сгорѣлъ домъ несчастной вдовы Якова фонъ-Ольнгаузенъ, которая ни словомъ, ни дѣломъ не принимала участія въ этихъ событіяхъ, и мужа которой убили крестьяне **).

*) Союзные акты, связка 99 а. № 31.

**) Союзные акты, связка 95 № 17.

При отступленіи франконское ополченіе послало предложеніе всѣмъ братьямъ въ Лаудѣ, Тауберцеллѣ и ротенбургскому ландверу идти на Краутгеймъ. Между тѣмъ Трухзесъ, отправивъ въ погоню за отступившими Дитриха Шпэта и пфальцскаго маршала съ 600 рейтарами, самъ двинулся съ войскомъ къ Эрингену, чтобы ограбить и сжечь его. Однако, по просьбѣ графа Альбрехта фонъ-Гогенлоэ, городъ былъ пощаженъ и присужденъ къ уплатѣ 2,000 гульденовъ; домъ Клауса Сальва — главное мѣсто сборища мятежниковъ — былъ превращенъ въ пепелъ, а на его мѣстѣ былъ поставленъ позорный столбъ; все имущество домовладѣльца было конфисковано, даже отняты были три гульдена, оставшіеся у его жены; вечеромъ здѣсь совершена была казнь надъ шестью плѣнными. Вскорѣ за этими шестью послѣдовали еще три бюргера и много крестьянъ, между прочими и Ромбертенъ изъ Вюртемберга. Всѣ гогенлоэскіе вассалы снова должны были принять присягу. Дитрихъ Шпэтъ и маршалъ настигли отступавшихъ франконцевъ передъ Краутгеймомъ, но, видя ихъ численность и выгодную позицію, не рѣшились вступить въ бой; а число крестьянъ между тѣмъ было не болѣе 5,000 человѣкъ, оденвальдцевъ и франконцевъ вмѣстѣ, потому что изъ франконской банды многіе бѣжали, бѣжалъ даже и Гансъ Шикнеръ Вейслинсбургскій. Отступленіе конницы придало мужества крестьянамъ, а новыя подкрѣпленія изъ ближайшихъ долинъ увеличили число ихъ до 7,000 человѣкъ. Они рѣшились твердо держаться до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ изъ Вюрцбурга Флоріанъ съ своей черной шайкой.

31 мая Трухзесъ овладѣлъ Мекмюлемъ и взялъ въ плѣнъ находившихся тамъ пятерыхъ крестьянскихъ начальниковъ и совѣтниковъ. Всѣ лежавшія на его пути селенія были ограблены и сожжены; всѣхъ пойманныхъ крестьянъ вѣшали на деревьяхъ или обезглавливали, тѣла ихъ бросали на дорогѣ. Зарево пожаровъ, груды труповъ обозначали путь Трухзеса отъ Мекмюля до Балленберга. Балленбергъ предназначался къ

совершенному уничтоженію, такъ какъ тамъ была гостинница, принадлежавшая Мецлеру. Но Фровенъ ф.-Гуттенъ упросилъ, чтобы этотъ городокъ, принадлежавшій майнцскому епископству, сохранили для его властителя *). Баллингенъ былъ разграбленъ и потомъ наказанъ денежнымъ штрафомъ, домъ же Мецлера срытъ и сожженъ. Шестеро плѣнныхъ, приведенные еще изъ Неккарсульма, были приговорены къ висѣлицѣ. «Но такъ какъ подобный приговоръ приходилось исполнять надъ многими, то по недостатку веревокъ, повѣшено было только трое, остальнымъ отрублены были головы» **).

Боясь, что Трухзесъ, двинувшись прямо изъ Мекмюля къ Балленбергу, перерѣжетъ путь свѣтлой бандѣ отъ Вюрцбурга, Вендель Гиплеръ и Мецлеръ торопились достичь скорѣе Кенигсгофена на Тауберѣ. 2 іюня, въ 4 часа пополудни, крестьяне, расположившіеся лагеремъ въ полѣ близь города, приготовляли себѣ обѣдъ, когда со стороны Шюпферргрунда у саксонской границы показались эскадроны Фровена фонъ-Гуттена и пфальцскаго маршала. Бросивъ свой обѣдъ, крестьяне поспѣшно двинулись со всѣми своими орудіями и всѣмъ обозомъ налѣво, къ Бишофсгейму, въ горы выше Кенигсгофена и, расположившись около старой сторожевой башни, устроили изъ своихъ повозокъ, которыхъ было болѣе 300, укрѣпленіе. Число же крестьянъ простиралось болѣе 8000 человѣкъ, и они владѣли 33 полевыми орудіями ***).

*) Рукопись Гольцварта.

**) Рукопись Гольцварта.

***) Свѣдѣнія, которыя имѣются о числѣ крестьянъ и ихъ орудій различны. Наприм по Гансу Лутцу ихъ было 9000 человѣкъ и 33 орудія; по Никласу Томану 4000 челов. и 42 орудія, о такомъ же числѣ говоритъ и Трухзесъ, но онъ упоминаетъ только объ оденвальдцахъ и неккартальцахъ, но не о франконцахъ. Гольцвартъ считаетъ 8000 человѣкъ и 40 орудій; по расказамъ очевидцевъ, ихъ было по крайней мѣрѣ 3000 человѣкъ и 42 орудія. Есть и другіе источники, но всѣ они не согласны въ цифрахъ.

По плану Трухзеса, Фровенъ долженъ былъ занять позицію выше Кенигсгофена, а маршалъ долженъ былъ расположиться внизу надъ Тауберомъ; крестьяне угадали этотъ планъ и заняли гору противъ Кенигсгофена прежде прихода Трухзеса. Увидя, что гора уже занята крестьянами, оба предводителя повели войско чрезъ Тауберъ. Крестьяне хотѣли заставить непріятеля измѣнить направленіе; они сдѣлали 11 залповъ изъ своихъ орудій, но Фровенъ, хотя и съ большимъ урономъ, перешелъ рѣку. 30 числа канонеры стали угрожать крестьянамъ, что оставятъ ихъ орудія, если имъ не заплатятъ задержаннаго жалованья. Мергентгеймцы не прислали обѣщанныхъ денегъ, назначенныхъ на этотъ расходъ. Нужно думать, что послѣ этого канонеры дѣйствительно или совсѣмъ удалились, или были *подкуплены*, такъ какъ орудія крестьянъ, между которыми были и мергентеймскія и майнцскія, вообще хорошія, дѣйствовали крайне плохо; видно было, что ими управляла неискусная рука; отрядъ непріятельской конницы разсыпался такъ близко около горы, что крестьяне, занимая возвышенность, легко могли бы цѣлить въ непріятеля, не прикрытаго ни деревьями, ни кустарниками. Трухзесъ, перейдя съ стрѣлками Тауберъ, также окружилъ гору и хотѣлъ удержать позиціи до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ ожидаемый отрядъ пѣхоты, чтобы начать штурмъ укрѣпленія. Противъ этого ожидаемаго подкрѣпленія направился удачный огонь крестьянской баттареи, она послала по немъ уже 8 залповъ и помѣшала ему приблизиться съ назначенной стороны, съ Таубера, поэтому отрядъ этотъ и замедлилъ нѣсколько. Когда крестьяне увидѣли, что помощь поспѣваетъ съ другой стороны, и что за окружавшей гору конницей виднѣется еще пѣхота швабскаго союза, ими овладѣлъ ужасъ. Нѣкоторые изъ стоявшихъ на верху горы за укрѣпленіемъ стали выпрягать лошадей изъ повозокъ и готовиться къ бѣгству. Занимавшіе нижнюю позицію, увидя этихъ «длинныхъ болвановъ, усѣвшихся на клячи», и замѣтивъ, что и начальники не прочь были послѣдовать ихъ

примѣру, сами сдѣлали тоже *). Трухзесу показалось, что крестьяне намѣрены двинуться, чтобы занять другую болѣе крѣпкую позицію, и онъ, не дождавшись спѣшившей къ нему помощи, немедленно двинулся съ нѣсколькими эскадронами къ вершинѣ, а пфальцграфъ занялъ его мѣсто и окружилъ гору. Георгъ благополучно добрался вершины горы и сдѣлалъ аттаку. Увидѣвъ передъ собою «всегда наводящую ужасъ на крестьянъ» конницу, крестьяне въ страхѣ разбѣжались. Многіе спѣшили добраться до лѣса, лежавшаго неподалеку сзади, на разстояніи полпушечнаго выстрѣла. Бѣгство это было гибельнѣе сраженія, потому что многіе въ страхѣ бѣжали, сами не зная куда, и попадали прямо въ руки окружавшаго со всѣхъ сторонъ гору непріятеля. «Множество народу легло мертвымъ въ Вальштаттѣ», они были заколоты рейтарами или же застрѣлены стрѣлками. Погибло около 3000, «бѣжавшихъ въ густой дремучій лѣсъ» между Таубергрундомъ и Ротенбургомъ, храбро защищаясь противъ всей союзной конницы: «Кавалерія, не знавшая мѣстности въ лѣсу, много пострадала отъ крестьянскихъ выстрѣловъ». Это было жестокое сраженіе: крестьянамъ, лишившимся всего, оставалось теперь только продать свою жизнь дорогою цѣною. «Изъ лѣсу они не могли выйдти, потому что онъ былъ окруженъ непріятелемъ, и не одинъ, вошедшій въ лѣсъ, не вышелъ оттуда». Многіе изъ нихъ влѣзали на деревья и, скрытые вѣтвями, стрѣляли оттуда въ конныхъ, пока подоспѣвшая союзная пѣхота съ 1500 стрѣлками, пробравшись въ самую глубину лѣса, не положила всѣхъ на мѣстѣ; весь лѣсъ былъ обшаренъ, всѣ деревья осмотрѣны, никто не остался въ живыхъ; это было сдѣлано по приказанію начальниковъ. Герцогъ Георгъ былъ раненъ въ бедро, подъ маршаломъ убита была лошадь, и другая, на которую онъ пересѣлъ, тоже была ранена; много людей и благородныхъ и неблагородныхъ было тяжело ранено. Архіепископа трирскаго, пфальцграфа и другихъ государей эта битва потѣшала «какъ кабанья травля» *).

*) Показанія Леонарда Вельднера, союзные акты, связка 99 а. № 31.

600 человѣкъ **) засѣло въ засѣкѣ и долго оборонялось тамъ противъ ландскнехтовъ. Ночью главный начальникъ пѣхоты Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ выхлопоталъ имъ помилованіе и они сдались, въ числѣ 300 человѣкъ ***). Подаренные предводителямъ войска, они должны были внести за себя огромный выкупъ; и пока одни ходили за деньгами другіе заперты были въ приходской церкви.

Въ то врамя, какъ одна часть войска сражалась въ лѣсу, другая, по приказанію пфальцграфа, добивала раненныхъ на горѣ. «Многіе изъ бѣжавшихъ спрятались подъ убитыми, въ надеждѣ спастись по окончаніи сраженія, но ихъ вытащили изъ подъ труповъ и закололи; число ихъ простиралось до 500 человѣкъ» ****).

Крестьянскіе начальники и совѣтники, не бѣжавшіе раньше, были увлечены теперь «горячностью своихъ коней»; между прочими спаслись такимъ образомъ Вольфъ Менгъ, Гансъ Флуксъ, Ульрихъ Вишеръ, гейльбронцы; Георгъ Мецлеръ и Вендель Гиплеръ. Между доставшейся союзникамъ добычей, найдена была верхняя одежда послѣдняго. Другія извѣстія разсказываютъ, что «утка *****) нырнула еще раньше» при Адольцфуртѣ ******); но этотъ фактъ подлежитъ сомнѣнію.

*) Собственныя слова пфальцграфскаго секретаря Гаарерь.

**) О такомъ числѣ упоминается въ разсказахъ очевидцевъ.

***) Письма Трухзеса членамъ союза въ самый день сраженія. Это же число значится въ рукописи Томанса.

****) Собственное выраженіе Гольцварта.

*****) Въ частыхъ своихъ поѣздкахъ, чтобы не быть узнаннымъ и не попасть въ руки непріятеля, Вендель Гиплеръ носилъ накладной носъ. Пер.

******) Главные источники, очень подробные: показанія очевидцевъ; Лоренцъ Фризе и Гаареръ, Гансъ Лутцъ, Гольцвартъ, Зейдлеръ.

Не всѣ народные герои имѣли счастіе пасть въ бою. Въ ночь съ субботы на троицу, въ городкѣ Кенигсгофенѣ, въ которомъ еще вчера считалось 300 жителей, осталось только 15 человѣкъ, другіе погибли въ сраженіи; четырехъ казнили союзные государи: «первый, взошедшій на эшафотъ, былъ крестьянскій начальникъ—одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ возстанія—высокій сильный мужчина; онъ предлагалъ за себя двѣ тысячи гульденовъ, но на это не согласились и онъ долженъ былъ умереть» *).

День спустя, разосланы были по окрестностямъ посланные собирать контрибуцію и приводить къ присягѣ. Гейсфихъ Трухзесъ, маршалъ вюрцбургскаго епископа, взялъ Лауду: два бюргера и проповѣдникъ Леонардъ Бейсъ «поплатились своими головами за усердіе, которое они принимали въ дѣлѣ евангелія». Въ Мергентгеймѣ, который сдался 1 іюня, полагаясь на милость государей, «уже ликовали рыцари нѣмецкаго ордена, радуясь, что имъ придется скоро играть человѣческими головами, какъ дѣти катаютъ мячикомъ»; въ Бишофсгеймѣ, въ Грюнсфельдѣ пало много людей, принимавшихъ участіе въ народномъ возстаніи.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Геройская смерть Флоріана Гейера и черной банды.

Тысячи народу погибли на Вартбергѣ, а между тѣмъ, если бы подана была немедленно помощь изъ Вюрцбурга, или

*) Рукопись Ганса Лутца.

если бы въ дѣлѣ участвовалъ Флоріанъ Гейеръ съ своей черной бандой, то неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ была бы удача.

Но Флоріанъ, этотъ человѣкъ, благородный и на словахъ, и на дѣлѣ,—человѣкъ, обладавшій замѣчательными военными познаніями,—былъ въ тягость крестьянскому совѣту въ Вюрцбургѣ, онъ женировалъ его; потому то, чтобъ избавиться отъ него, его и послали съ дипломатическимъ порученіемъ въ Ротенбургъ.

Нижнефранконцы, когда дѣла ихъ начали принимать болѣе благопріятный оборотъ, рѣшились привести въ исполненіе планъ верхнефранконцевъ: назначить съѣздъ всѣхъ франконскихъ чиновъ въ Швейнфуртѣ, чтобы сообща посовѣтоваться, какъ ввести добрый порядокъ, утвердить слово Божіе, миръ и правду, особенно же разсудить дѣла, касавшіяся правительства. Вечеромъ наканунѣ перваго іюня всѣ уполномоченные должны были явиться въ Швейнфуртѣ, чтобы на другой же день утромъ открыть засѣданіе. 26 и 27 мая разосланы были приглашенія прибыть на съѣздъ графамъ фонъ Гогенлоэ, фонъ Геннебергъ, фонъ Вертгеймъ, маркграфу бранденбургскому, городамъ Нюрнбергу и Бамбергу, всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Франконіи, даже въ Гейдельбергъ, самому епископу вюрцбургскому. Въ то же время обнародованъ былъ во всемъ государствѣ манифестъ, которымъ доводилось до общаго свѣдѣнія о намѣреніяхъ крестьянъ поступать согласно христіанскимъ правиламъ, водворить въ странѣ истинное пониманіе слова Божія, а съ нимъ вмѣстѣ миръ и спокойствіе; чтобы съ этихъ поръ ни одинъ проповѣдникъ не терпѣлъ бы преслѣдованій; чтобы простолюдинъ освобожденъ былъ отъ обременительныхъ налоговъ, чтобъ благородные разбойники изъ своихъ разбойничьихъ гнѣздъ не подымались на истязанія народа, отрубая ему руки и ноги и обрѣзывая уши, не мучили бы и не грабили бы его. Въ заключеніе они просили всѣ власти государ-

ства помочь имъ въ этихъ христіанскихъ намѣреніяхъ и дать возможность провести ихъ въ дѣйствительность.

Уже столько разъ обманутые маркграфомъ Казиміромъ, крестьяне терпѣли его присутствіе на съѣздѣ, только какъ необходимое зло. Казиміръ постоянно торговался, назначалъ новые сроки и мѣста для переговоровъ, требовалъ безпрестанно новыхъ пропускныхъ листовъ и постоянно подъ какимъ нибудь предлогомъ отлынивалъ отъ свиданій. *) Наконецъ, прежде чѣмъ окончился восьмидневный срокъ перемирія, въ тотъ же самый день, когда послано было ему приглашеніе на съѣздъ, 26 мая, маркграфъ неожиданно напалъ на Гуттенштеттенъ, Диспейкъ, Штупбахъ, близъ Нейштадта на Айшѣ, на Оберндорфъ, Каубенгеймъ и Мейнгеймъ и сжегъ всѣ эти шесть селеній. Теперь обнаружилось, какой вредъ нанесли себѣ крестьяне, не озаботясь отправить съ самаго начала изъ Вюрцбурга въ Айшгрундъ нѣсколько порядочныхъ отрядовъ съ искусными предводителями на помощь своимъ братьямъ, чтобы тѣ имѣли возможность напасть чрезъ бургъ-бернгеймерскій лѣсъ на Аншпахъ и, поднявъ такимъ образомъ все маркграфство, прибрать къ рукамъ и самого маркграфа. Только 27 мая, начальникъ Бургъ-Бернгейма, Грегоръ съ отрядами изъ маркграфскихъ крестьянъ былъ отправленъ для соединенія съ франконскою бандою, чтобы вмѣстѣ подать помощь находившемуся въ опасности Нейштадту. На пути Грегоръ дѣлалъ воззванія всѣмъ общинамъ. На призывы его присоединялось по 20, 30 и 50 человѣкъ съ своими священниками. Въ полдень того же 27 числа маркграфъ напалъ на нихъ, нѣкоторые погибли въ схваткѣ, десятеро, взятые въ плѣнъ, были казнены; вечеромъ было казнено еще десять человѣкъ въ Инсгеймѣ; въ ночь Казиміръ ограбилъ Унтерлеймбахъ, сжегъ Оберлеймбахъ и Ганбюль;

*) Аншпахскіе акты II, 98, 99, 100, 101, 102, 103.

28-го раззорилъ Ленкерсгеймъ и Лейтергаузенъ. Онъ казнилъ тамъ проповѣдника и четырехъ бюргеровъ, семерымъ отрубилъ пальцы. Тоже было повторено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Верницѣ священнику Коблейну и четыремъ бюргерамъ были отрублены головы. Отъ Ленкерсгейма были отняты всѣ льготы, Икельгеймъ, Зонтгеймъ и Вестгеймъ были сожжены. Затѣмъ маркграфъ сталъ лагеремъ при Бюргелѣ. 29 мая Грегоръ со всѣми присоединившимися къ нему повстанцами остановился подъ стѣнамъ Виндсгейма. Казиміръ послѣдовалъ за нимъ. Но позиція, занятая крестьянами, была неприступна. Поэтому Казиміръ двинулся назадъ. При отступленіи онъ понесъ большую потерю. Крестьяне овладѣли всѣми бывшими при немъ орудіями, загнали его въ близъ лежавшій замокъ Гогенэкъ и осадили тамъ *), 29 мая они сожгли замокъ Релингсгаузенъ. Грегоръ разослалъ посланія, къ которыхъ онъ приглашалъ общины верхняго Таубера, ротенбургскій ландверъ, жителей Бебенбурга и Вердека какъ можно скорѣе выступать въ походъ въ полномъ составѣ; сборнымъ мѣстомъ назначена была гора Эндзееръ при Оренбахѣ. Эти распоряженія принудили маркграфа быстро отступить къ Лейтерсгаузену: лѣвое крыло его войска и его резиденція находились въ безопасности. Уходя, рейтары сожгли Штеттбергъ, Бинсвангъ, Виндельсбахъ и Геслау. Грегоръ хотѣлъ было преслѣдовать отступавшихъ, но 1 іюня онъ получилъ приказаніе отъ крестьянскаго совѣта въ Вюрцбургѣ немедленно выступить къ Гейдингсфельду. Вслѣдствіе этого онъ поспѣшно двинулся съ 4,000 человѣкъ на соединеніе съ тѣснимыми Трухзесомъ оденвальдцамъ. По дорогѣ крестьяне услышали, что оденвальдцы проиграли большое сраженіе; но они не хотѣли вѣрить слухамъ и продолжали свой путь съ

*) Рукописная лѣтопись Мюльнера.

надеждою быть полезными своимъ братьямъ въ Кенигсгофенѣ *).

Въ Швейнфуртѣ на общій съѣздъ франконскихъ чиновъ собралось всего 20 уполномоченныхъ, да и тѣ большею частью пріѣхали только изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, какъ далеко зашли крестьянскія дѣла. Эти явившіеся на съѣздъ были: Кель фонъ Эйвельштадтъ, главный начальникъ франконской банды, Стефанъ Зоргъ, Гансъ Винтеръ, Эндресъ Мордеръ и Флоріанъ Гейеръ; изъ Ротенбурга: Стефанъ фонъ-Менцингенъ и Іеронимъ Гассель, также уполномоченные изъ Бамберга, изъ Верхней Франконіи и изъ Айшгрунда. При такомъ малочисленномъ составѣ совѣщаніе не могло привести къ предполагаемой цѣли. Господствующее между крестьянами разъединеніе со всѣми его гибельными послѣдствіями обнаружилось и здѣсь: такъ бамбергцы прямо заявили, что они ведутъ переговоры съ своимъ владыкой, епископомъ, и потому ничего не могутъ предпринять. 27 мая бамбергское крестьянство и епископъ Вейгандъ взаимно поклялись поддерживать мирныя отношенія и не только ничего не принимать другъ противъ друга, но и обязывать другихъ къ тому же. Бамбергцы вѣрно держали свою клятву и, въ силу даннаго слова, вернули изъ войска болѣе 10,000 вооруженныхъ людей. Однако честность ихъ относительно своего господина нисколько не мѣшала ему поступать совершенно иначе. Епископъ и теперь, послѣ заключенія договора, не прерывалъ своихъ сношеній съ Трухзесомъ и звалъ его расправиться съ своими подданными **). На второй день засѣданія въ Швейнфуртъ явились послы изъ Вюрцбурга съ приказаніемъ отъ совѣта начальникамъ, бывшимъ на съѣздѣ, возвратиться въ лагерь. Между прочими незначительными

*) Томасъ Цвейфель.

**) Рукописи Зейдлера и Мюльнера.

постановленіями сейма рѣшено было послать Флоріана Гейера и нѣкоторыхъ другихъ къ маркграфу для переговоровъ о вступленіи его въ братство и о возстановленіи мира между нимъ и его подданными. Флоріанъ Гейеръ отправился по дорогѣ въ Ротенбургъ. Пріѣхавъ туда наканунѣ Троицы 3 іюня, онъ хотѣлъ ждать письменнаго пропуска отъ Казиміра; но тутъ онъ узналъ, что Трухзесъ находится вблизи; онъ продолжалъ путь всю ночь и на другое утро, 4 іюня, былъ уже въ гейдингсфельдскомъ лагерѣ.

На воззванія Грегора собрались на горѣ Эндзееръ многочисленныя толпы народа, готовыя идти на маркграфа; а такъ какъ теперь Казиміръ отступалъ, то и они двинулись къ Тауберу. Во время этого похода имъ встрѣтились крестьяне, бѣжавшіе изъ подъ Кенигсгофена. Ихъ разсказы разсѣяли собравшіяся толпы.

Съ ужасомъ видѣли возвращавшіеся теперь въ Вюрцбургъ уполномоченные швейнфуртскаго съѣзда кровавое зарево, виднѣвшееся со стороны Швабіи; это горѣли селенья, зажженыя князьями въ окрестностяхъ Кенигсгофена; но никто изъ нихъ не зналъ еще о несчастіи, постигшемъ ихъ братій.

Между тѣмъ въ *Вюрцбургѣ* ротенбургскія орудія нанесли вредъ замку. Осажденные съ своей стороны, занимая командующую высоту, тоже немало вредили крестьянамъ своимъ огнемъ; однако изъ перехваченныхъ писемъ повстанцы узнали, что гарнизонъ замка начинаетъ терпѣть крайнюю нужду. Мины въ горѣ успѣшно подвигались, и осаждавшіе надѣялись, что вскорѣ представится возможность взорвать замокъ. Это именно и отнимало мужество у гарнизона, тѣмъ болѣе, что извнѣ онъ не получалъ никакихъ извѣстій. Одному изъ посланныхъ отъ замка удалось благополучно добраться до Гейдельберга; здѣсь онъ случайно столкнулся въ кабакѣ съ двумя гонцами, которыхъ епископъ посылалъ въ замокъ; они повѣрили другъ другу данныя имъ порученія. Епископскіе гонцы были на пути перехвачены крестьянами, подъ пыт-

кой они показали все; та же участь постигла и посланнаго изъ замка. Въ замкѣ терпѣли такой недостатокъ въ водѣ, что кушанье готовилось на винѣ. Въ скоромъ времени перебѣжчики разсказали, что и вино на исходѣ. Мѣдникъ Гансъ Шиллеръ дѣятельно принялся за отливку орудій такого огромнаго калибра, что одного изъ нихъ достаточно для разрушенія стѣны. Но вскорѣ послѣдствія праздной жизни стали мало по малу сказываться въ лагерѣ, дисциплина и порядокъ исчезали особенно съ тѣхъ поръ, какъ болѣе строгіе изъ начальниковъ были въ отсутствіи. Построенныя въ городѣ три висѣлицы не наводили ни на кого страха, потому что никто еще не былъ повѣшенъ ни на одной изъ нихъ. Подгулявшіе молодцы, глядя на нихъ, посмѣивались, говоря: «мы вздернемъ на нихъ поповъ съ причтомъ». Драки, кончавшіяся иногда кровавой развязкой, безчинства, грабежъ даже у своихъ же товарищей—все это зачастую и открыто случалось въ лагерѣ. Начальникамъ не доставало энергіи наказывать негодяевъ строже для примѣра другимъ; вообще весь крестьянскій совѣтъ страдалъ отсутствіемъ рѣшимости и дѣйствовалъ далеко не единодушно. Такимъ образомъ праздная лагерная жизнь имѣла гибельное вліяніе на банду. Праздность, пресыщенность изгнали изъ сердца крестьянъ всякіе проблески мужества и энтузіазма. Гусситы тоже были большею частью простые крестьяне, не привыкшіе къ войнѣ, но постоянныя упражненія доставили имъ опытность въ военномъ дѣлѣ, такъ что во всей Европѣ они слыли неустрашимыми воинами, а военные законы Жижки были одинаково строги какъ чужимъ, такъ и къ своимъ. «Въ крестьянскихъ бандахъ, говоритъ Эренфридъ Кумпфъ, нѣтъ ни спокойствія, ни послѣдовательности, нѣтъ ни единства, ни вѣрности, ни вѣры; сегодня они присягаютъ, завтра нарушаютъ свои клятвы». Чѣмъ ближе подвигалось союзное княжеское войско, тѣмъ хуже шли дѣла въ Вюрцбургѣ. Этому всего болѣе способствовало отсутствіе лучшихъ предводителей и удаленіе изъ войска порядочныхъ людей. Многіе, въ которыхъ именно и нуждалось народное дѣло, были отпущены изъ войска по своимъ домашнимъ надобностямъ; ихъ отсутствіе, быть можетъ, было причиною неудачной осады Фрауенберга. Теперь крестьянскій совѣтъ вспомнилъ горькія слова, вырвавшіяся у Венделя, когда отказались отъ его предложенія нанять ландскнехтовъ; онъ разослалъ во всѣ концы своихъ агентовъ вербовать солдатъ. Всѣхъ духовныхъ, присоединившихся къ братству, заставили ставить за себя наемныхъ солдатъ. Шестеро ландскнехтовъ вызвались переманить своихъ пріятелей со службы швабскаго союза на сторону крестьянъ. Каждому изъ нихъ при отъѣздѣ дано было по лошади и по 300 гульденовъ. Но зловѣщія тучи со стороны швабскаго союза подвигались все ближе и ближе, а для исполненія запоздавшихъ рѣшеній крестьянскаго совѣта требовалось время. Крестьяне послали двухъ бюргеровъ въ Нюрнбергъ и двухъ къ графу Георгу Вертгейму, чтобы просить ихъ быть посредниками между крестьянами и швабскимъ союзомъ.

Нюрнбергъ отказался отъ посредничества. Многіе вюрцбургскіе бюргеры совершенно пали духомъ; у другихъ, до сихъ поръ молчавшихъ, развязались языки: «Не говорилъ-ли я еще раньше,—болталъ одинъ изъ такихъ,—что нужно ожидать подобнаго конца? Хоть бы Богъ помогъ благочестивымъ, справедливымъ людямъ спасти насъ и возстановить миръ между нами; а то мы совсѣмъ забиты, ограблены и погибнемъ съ нашими женами и дѣтьми» *) Духовенство, оставшееся большею частію въ городѣ и вѣроятно измѣнявшее неоднократно крестьянамъ, и теперь конечно постаралось втайнѣ поселить недовѣріе въ жителяхъ, большинство которыхъ было до того нерѣшительно, что находило невозможнымъ идти противъ союза на помощь своимъ братьямъ. Не

*) Такъ разсказываетъ Гансъ Бюттнеръ, у Бензена 420.

смотря на это, въ ночь на 3 іюня начальники вывели войско изъ города. Въ Гейдингсфельдѣ они встрѣтили мергентгеймскаго крестьянина, ѣхавшаго изъ подъ Кенигсгофена; тотъ разсказалъ наединѣ начальникамъ о проигранномъ сраженіи. Его разсказъ такъ напугалъ ихъ, что они тотчасъ повернули назадъ въ Вюрцбургъ. Въ Рандесаккерѣ эти извѣстія принесены были еще раньше бѣжавшими изъ-подъ Кенигсгофена, но имъ не повѣрили и вѣстовщиковъ, какъ обманщиковъ и перемѣтчиковъ, заковали въ кандалы и отправили въ главную квартиру. Но, къ несчастію, ихъ показанія вполнѣ согласовались съ разсказомъ крестьянина. Тогда бургомистръ и члены магистрата, даже тѣ, которые прежде и слышать не хотѣли ни о чемъ подобномъ, отправили тайно покорный адресъ Трухзесу. 3 іюня, пополудни, кто-то привезъ вѣсть, что крестьяне не побиты, а стоятъ лагеремъ и поджидаютъ помощи отъ Вюрцбурга; въ то же время Грегоръ фонъ Бернгеймъ пришелъ изъ Айшгрунда съ своимъ отрядомъ и разсказалъ о бѣгствѣ маркграфа. Эти извѣстія снова наэлектризовали всѣхъ. Въ 9 часовъ вечера отряды, назначенные въ походъ, выступили, получивъ благословеніе отъ брата Амброзіуса, увѣщевавшаго ихъ мужественно сражаться за слово Божіе. Къ ночи они пришли въ Гейдингсфельдъ и остановились тамъ на ночлегъ. На другой день, это была Троица, туда же прибылъ еще до восхода солнца отважный предводитель франконцевъ, Флоріанъ Гейеръ. И такъ подъ Гейдингсфельдомъ собрались теперь: Флоріанъ съ остатками своей черной шайки; вюрцбургская банда, состоявшая частію изъ вюрцбургцевъ, частію изъ китцингерцевъ, подъ начальствомъ Якова Келя и отважныхъ молодцевъ Грегора. Все это войско простиралось до 4,000 человѣкъ *), имѣло много лег-

*) Гансъ Лутцъ называетъ 7 отрядовъ, очевидцы же насчитываютъ до 5,000 человѣкъ

кихъ и полевыхъ орудій, оно заняло лѣса, окружавшіе Гейдингсфельдъ по дорогѣ къ Реттингену. Другіе отряды оставались подъ Фрауенбергомъ. Какъ ни тихо совершалось выступленіе изъ Вюрцбурга, оно не ускользнуло отъ наблюдательности осажденныхъ: въ ту же ночь епископскій маршалъ Трухзесъ съ 250 рейтарами бродилъ около самаго Фрауенберга. Онъ послалъ нѣсколько человѣкъ къ самой стѣнѣ замка; по данному сигналу была спущена со стѣны лѣстница; трое взобрались на нее и извѣстили осажденныхъ о побѣдѣ подъ Кенигсгофеномъ и о приближеніи союзнаго войска. Гарнизонъ на радостяхъ заставилъ сторожа на средней башнѣ сыграть пѣсню, сложенную въ насмѣшку надъ крестьянами: «Если ты раскаялся въ нанесенныхъ тобою поношеніяхъ, то проваливай восвояси»; съ другой башни, со стороны Вюрцбурга, сыграли «бѣднаго Іуду». Осажденныя, съ своей стороны, сообщили посланнымъ о приходѣ черной шайки и о занятіи ею лѣсистыхъ высотъ. Посланные, спустившись, извѣстили объ этомъ епископскаго маршала, который съ необыкновенною ловкостью повелъ отрядъ свой прочь. Крестьянскіе стрѣлки, находившіеся въ шанцахъ, видѣли въ сумеркахъ рейтаровъ и стрѣляли по нимъ; въ городѣ ударили тревогу, но маршалъ со своими скрылся въ лѣсу; многіе увѣряли даже въ страхѣ, что это были привидѣнія рейтаровъ, а не живые люди, ихъ напустилъ извѣстный чернокнижникъ, монахъ изъ монастыря босоногихъ (ловкій шарлатанъ, находившійся въ замкѣ).

Епископскій маршалъ пришелъ въ Гибельштадтъ двумя часами раньше Трухзеса и князей. Онъ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за шайкой Флоріана, потомъ, пользуясь туманомъ, свернулъ въ сторону и прошелъ долиной. Онъ извѣстилъ, что черная шайка въ походѣ и находится на разстояніи полмили отъ Гибельштадта.

Отдохнувъ одинъ день послѣ сраженія, союзное войско въ Троицу выступило по дорогѣ въ Вюрцбургъ. При выступленіи ландскнехты Трухзеса взбунтовались: они требовали добавоч-

наго жалованья за послѣднее сраженіе *) и отказывались идти за войскомъ, можетъ быть, они уже снюхались съ вюрцбургскими вербовщиками. Трухзесъ напомнилъ имъ о ихъ присягѣ, но это не подѣйствовало. Опасаясь, чтобы они не завладѣли орудіями, онъ отправилъ ихъ впередъ и самъ пошелъ сзади съ конницей. Дойдя до возвышенности онъ узналъ о движеніи крестьянъ. Георгъ послалъ своего герольда, переговорить съ ландскнехтами, онъ надѣялся, что при видѣ непріятеля они, какъ честные воины, вернутся къ исполненію своихъ обязанностей. Но ландскнехты не хотѣли слушать никакихъ увѣщеваній. «Теперь дѣло не въ присягѣ,—кричали они,—подавайте намъ денегъ, денегъ!» Большинствомъ голосовъ на сходкѣ рѣшено было, что кто пожелаетъ вернуться, тотъ будетъ убитъ. Трое не согласились съ этимъ рѣшеніемъ и были тутъ же убиты. Конечно въ другое время Трухзесъ не задумался бы наказать бунтовщиковъ, но теперь въ виду непріятеля «онъ опасался, чтобы и съ нимъ не случилось того же, что было съ герцогомъ Леопольдомъ австрійскимъ; онъ не рѣшился напасть на крестьянъ съ фронта изъ боязни, чтобы ландскнехты не напали на конницу съ тыла, какъ нерѣдко они о томъ проговаривались» **). Впрочемъ въ войскѣ Трухзеса остались почти всѣ отрядные и ротные начальники, всѣ получившіе двойное жалованье и еще много ландскнехтовъ, не присоединившихся къ бунтовщикамъ, такъ что все его войско простиралось до двухъ тысячъ человѣкъ ***).

Въ бандѣ вѣрили, что слухи о кенигсгофенскомъ пораженіи

*) Прибавочную сумму, должную имъ за сраженіе подъ Беблингеромъ, слѣдовало имъ получить въ Крайхгау. Рукопись Гольцварта. Въ ней говорится, что они требовали прибавочнаго жалованья за два сраженія, слѣдовательно за неккарсульмское и кенигсгофенское.

**) Рукопись Зейдлера.

***) Очевидѣцъ, котораго показанія согласны съ цифрою командора фонъ-Горнэкъ, который называетъ 2,000 человѣкъ.

ложны, поэтому большинство крестьянъ, одушевленные увѣренностью, что дѣла ихъ братій идутъ вполнѣ хорошо, мужественно и съ полною надеждою на побѣду шли въ битву. Они поклялись жестоко отмстить швабскому союзу. Рѣшено было не оставлять въ живыхъ ни единаго плѣнника, вѣшать рейтаровъ и перерѣзывать горло ландскнехтамъ *). Полагая, что братья ихъ находятся между ними и союзнымъ войскомъ, крестьяне безпечно двинулись въ открытое поле чрезъ Ингольштадтъ и Зульцдорфъ.

Герцогъ Георгъ съ нѣсколькими всадниками выѣхалъ впередъ, на рекогносцировку; онъ нашелъ, что непріятель слишкомъ близко подошелъ къ нему и перерѣзалъ ему путь къ Гуттенбергвальду, отстоявшему на полмили позади. Онъ сейчасъ же двинулъ назадъ всѣ эскадроны съ шедшимъ впереди ихъ отрядомъ легкой конницы. Завидѣвъ, неожиданно обратившійся на нихъ непріятельскій летучій отрядъ, крестьяне хотѣли скрыться въ лѣсъ, но ихъ съ двухъ сторонъ аттаковала кавалерія, удачнымъ поворотомъ заградила имъ путь и стала между лѣсомъ и ими, какразъ въ тылу у нихъ; въ то же время Трухзесъ съ остальной конницей, со всею своею пѣхотою и всѣми орудіями двинулся вслѣдъ за ними. Такимъ образомъ крестьяне внезапно увидѣли себя окруженными въ совершенно открытомъ мѣстѣ союзнымъ войскомъ; они не имѣли возможности выбрать выгодную позицію ни для повозокъ, ни для артиллеріи. Въ эту несчастную минуту Флоріанъ распорядился привести крестьянскія толпы въ боевой порядокъ, устроилъ вокругъ ихъ баррикады изъ военныхъ повозокъ, обставилъ ихъ 26 орудіями и началъ огонь противъ конницы. Но когда

*) Въ томъ, что крестьяне ничего не знали о пораженіи при Кенигсгофенѣ и о близости союзнаго войска, согласны всѣ рукописи: Фризе, Лутцъ, Зейдлеръ, Гольцвартъ, съ этими согласны и очевидцы и рукопись въ матеріалахъ.

шварценбургскій шенкъ подоспѣлъ сюда съ своими стрѣлками, къ нимъ присоединились союзные эскадроны и пущены были въ дѣло страшныя ихъ орудія; въ заднихъ баррикадахъ оказалась брешь, и крестьяне пустились въ бѣгство: за первыми трусами послѣдовали и другіе. Но бѣгство не спасло, ихъ преслѣдовали, настигли, и бѣжавшіе всѣ до одного были убиты. Изъ Оксенфурта бѣжавшихъ преслѣдовали до самаго Майна. Часть крестьянъ достигла Эйхсфельда выше Гейдингсфельда и засѣла здѣсь на церковномъ дворѣ, но была перебита; часть бѣжала въ Зульцдорфъ, Гибельштадтъ, Бюттгардъ и другія селенія. 60 крестьянъ были схвачены живыми; взявшіе ихъ въ плѣнъ хотѣли стянуть съ нихъ богатый выкупъ, но Трухзесъ приказалъ умертвить ихъ, «такъ какъ они сами поклялись не оставлять никого въ живыхъ изъ противниковъ»,—доказательство, что между крестьянами во время похода находились *лазутчики*.

Флоріанъ не оставилъ поля сраженія; его храбрецы твердо держались около него, въ то время какъ другіе бѣжали. Среди всеобщаго бѣгства и смятенія 600 человѣкъ крестьянъ съ ружьями, длинными пиками и аллебардами, въ строгомъ порядкѣ стали отступать къ мѣстечку и замку Ингольштадтъ. Это былъ Флоріанъ Гейеръ съ остатками своей черной шайки и съ пятидесятью ратниками, навербованными вюрцбургскимъ духовенствомъ, которые теперь присоединились къ шайкѣ Флоріана. Не разъ бросались рейтары на эту горсть храбрецовъ, но каждый разъ мѣткіе выстрѣлы отбрасывали ихъ назадъ. Шайка засѣла за плетнемъ мѣстечка Ингольштадта. Пфальцграфъ Людвигъ самъ повелъ противъ нее 1200 человѣкъ своихъ рыцарей и рейтаровъ. Тогда 200 человѣкъ крестьянъ бросились на церковный дворъ, въ церковь и на колокольню; остальные 3—400 добрались до замка. Превосходство силы непріятеля принудило бывшихъ на церковномъ дворѣ войти въ церковь; съ колокольни, съ церковной крыши раздавались выстрѣлы, на непріятеля летѣли кровельныя черепицы и обломки стѣны. Солдаты въ свою очередь бросали пылавшими головнями; онѣ зажгли церковь и колокольню, вмѣстѣ съ нею сгорѣли и засѣвшіе тамъ герои. Окруженные пламенемъ они до послѣдней минуты не переставали осыпать непріятеля градомъ пуль и каменьевъ, полумертвые они наносили еще вредъ врагу; всѣ они пали смертію героевъ.

На этихъ древнихъ развалинахъ сосредоточился теперь во всей своей силѣ весь героизмъ народнаго возстанія. Замокъ сто лѣтъ тому назадъ былъ раззоренъ ротенбургцами, потомъ снова возстановленъ, и 7 мая опять былъ сожженъ крестьянами; однако въ немъ все-таки сохранились высокія и крѣпкія стѣны, крѣпкая башня. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ. Самъ Флоріанъ былъ тамъ. Крестьяне быстро загородили входъ, такъ что никто не могъ проникнуть въ замокъ, «и стрѣляли оттуда, будто имъ до своей потери никакого дѣла не было, будто они не нуждались ни въ помилованіи, ни въ мирѣ». Между ними оказалось только три труса: они бѣжали, чтобы просить помилованія, но тутъ же, на мѣстѣ были заколоты тѣлохранителями пфальцграфа. Пфальцграфъ направилъ на замокъ почти всѣ союзныя орудія большаго и малаго калибра; началась страшная канонада, и вскорѣ часть стѣны въ 24 фута толщиною пала, образовавъ такимъ образомъ 6 футовую брешь. Пѣхота тотчасъ же бросилась на штурмъ чрезъ глубокій, обросшій мохомъ и полный глинистой грязи ровъ; графы, рыцари и рейтары, спѣшившись, устремились въ безпорядкѣ вслѣдъ за нею; думали, что штурмъ не представитъ особыхъ затрудненій. Выпачканные грязью, наполнявшею дно рва, они стремительно бросились въ аттаку. Ихъ встрѣтилъ цѣлый градъ пуль и большихъ каменьевъ: крестьяне стояли за брешью и приготовились мужественно выдержать напоръ. Атакующіе были отброшены назадъ въ ровъ, болѣе 100 человѣкъ изъ нихъ были убиты или сильно ранены, «въ томъ числѣ много рыцарей и ратниковъ». Люди, понимавшіе дѣло, говорили потомъ, что имѣй осаж-

денные достаточно пороху и пуль для своихъ ружей, союзникамъ пришлось бы плохо. Пока крестьяне таскали каменья, чтобы завалить проломъ въ стѣнѣ, возобновленная канонада еще увеличила брешь. Новый штурмъ былъ удачнѣе перваго. Множество союзниковъ, графы, рыцари, дворяне и простые воины вломились въ брешь; на этотъ разъ ни одинъ выстрѣлъ не встрѣтилъ ихъ, крестьяне истратили почти весь свой порохъ. Но, пройдя брешь, между разрушившейся стѣной и дворомъ замка они увидѣли еще другую не очень высокую стѣну, съ небольшимъ окномъ и узкою дверью, ведшею во внутренность двора, гдѣ стояли враги: въ окно, дверь и чрезъ стѣны летѣли мѣткіе выстрѣлы и каменья. Однако «милостію Божіею» никто изъ господъ не былъ убитъ, хотя жизнь ихъ была при этомъ въ большой опасности; многіе были контужены и ранены. Встрѣтивъ это неожиданное препятствіе, союзники вторично были отброшены, хотя многіе изъ нихъ никакъ не хотѣли уступить и «цѣплялись, какъ кошки», на стѣны.

Теперь слѣдовало иначе направить орудія: чрезъ брешь наружной стѣны надо было цѣлить во внутреннюю. Артиллеристы поставили орудія на самомъ краю рва, теперь имъ нечего было опасаться непріятельскихъ выстрѣловъ.

Союзная пѣхота и всѣ рыцари, пылая негодованіемъ отъ первыхъ двухъ неудачъ, начали третій штурмъ. Многіе изъ осажденныхъ были изнурены и обезсилены. Уже одно непріятельское знамя, черное съ желтымъ, развѣвалось на стѣнѣ; воины прибывали; вскорѣ рядомъ съ первымъ появилось еще три знамени. Знаменосцы Гансъ Заттлеръ. Аугсбургскій и другой изъ Нюрнберга сброшены были со стѣны одинъ за другимъ. Кнехты не имѣли ружей, точно также какъ черные не имѣли пороху; они бросали другъ въ друга осколками стѣны до тѣхъ поръ, пока кнехты не переправились чрезъ ровъ. Тутъ началась жестокая рукопашная схватка, черные герои были оттѣснены во внутренность раз-

валины. Никто не просилъ и не давалъ пощады; борьба шла на жизнь и на смерть. Многіе изъ повстанцевъ уже пали; около 50 изъ нихъ спустились въ глубокій подвалъ замка и отчаянно защищались тамъ. Непріятель бросалъ туда чрезъ отверстія пуки зажженной соломы и боченки, начиненные порохомъ; только трое изъ крестьянъ спаслись и бѣжали, скрытые темнотой. 206 труповъ павшихъ героевъ лежало кругомъ развалинъ: но между ними не было Флоріана Гейера. Когда союзники овладѣли замкомъ, онъ, благопріятствуемый темнотою ночи, съ горстью самыхъ отважныхъ и сильныхъ людей изъ своей шайки, въ числѣ 200 человѣкъ, проложилъ себѣ путь въ ближайшій лѣсъ. Въ то время какъ барабаны и литавры ударили въ честь побѣды, пфальцграфъ оцѣпилъ лѣсъ всадниками, чтобы впродолженіи ночи никто не могъ выйдти оттуда. Однако Флоріану съ нѣсколькими храбрыми сподвижниками удалось выбраться изъ лѣса и скрыться въ темнотѣ. Утромъ союзники вошли въ лѣсъ и убили всѣхъ, которымъ не достало мужества послѣдовать за своимъ отважнымъ предводителемъ, и которые рѣшились лучше умереть, не защищаясь. Только 17 плѣнныхъ взято было въ этомъ сраженіи.

Союзное войско «въ этотъ день потеряло такое множество людей, какого ему не случалось еще никогда терять, кромѣ сраженія при Беблингенѣ; при Кенигсгофенѣ и Ингольштадтѣ было убито столько лошадей, что потомъ въ гейдингсфельдскомъ лагерѣ распространилось такое зловоніе, что не знали, куда дѣваться.» Трухзесъ велѣлъ разбить лагерь въ четверти мили отъ замка «на полѣ, поросшемъ мохомъ, близъ проточной воды они отдохнули ночью», между тѣмъ кругомъ ихъ, какъ сторожевые огни, пылали Бютгардъ, Зульцдорфъ, Ингольштадтъ и Гибельштадтъ. Селенія эти были оцѣплены и зажжены; оставшіеся тамъ жители погибли въ огнѣ, а бѣжавшіе были убиты рейтарами. Въ Гибельштадтѣ, гдѣ былъ фамильный замокъ Флорі-

ана Гейера, противъ замка *Цобеля*, жители не сдавались и стрѣляли въ непріятеля изъ оконъ своихъ пылающихъ домовъ. Семеро бѣжали и скрылись во рву окружавшемъ замокъ, притаившись за кустами. Рейтары преслѣдовали ихъ, но не могли спуститься на лошадяхъ въ ровъ. Желая посмѣяться надъ бѣжавшими, они закричали имъ, что тотъ, кто убьетъ другихъ, будетъ помилованъ. Одинъ изъ несчастныхъ поднялъ руку на своихъ братьевъ и убилъ пятерыхъ; съ шестымъ онъ не могъ справиться, оба они въ борьбѣ упали на дно рва и захлебнулись. Позже, когда спущена была вода, на днѣ нашли два скелета, крѣпко обнявшіеся другъ съ другомъ.

Путь союзнаго войска къ Вюрцбургу былъ обозначенъ развалинами сожженныхъ селъ. Чтобы добраться до Вюрцбурга Флоріанъ долженъ былъ пройти въ виду самаго непріятеля, онъ рѣшился поэтому присоединиться къ гайльдорфской бандѣ, съ которою всегда состоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Немного уже оставалось съ нимъ его черныхъ удальцевъ; въ одинъ день погибла почти вся его храбрая шайка; одинокій и сумрачный, Флоріанъ однако не отчаявался, несчастіе не сломило его мощной души, и надежда все еще не покидала его. Пока рука его была въ состояніи владѣть мечемъ, въ немъ не остывало желаніе быть полезнымъ своему народу и защищать попранныя права его; онъ все еще не терялъ вѣры въ успѣхъ дѣла.

Большая гайльдорфъ-галльская банда не понесла никакихъ потерь. Она все еще стояла лагеремъ при Таннѣ въ числѣ 7,000 человѣкъ. Но когда въ окресностяхъ явился отрядъ союзнаго войска, и въ бандѣ пронеслись слухи о пораженіяхъ крестьянъ и угрозахъ Трухзеса, крестьяне стали разбѣгаться. Обнаруженіе сношенія главнаго начальника банды съ господами довершило смятеніе. Галльскіе крестьяне отдѣлились и, внявъ увѣщаніямъ своего магистрата, положили оружіе и приняли присягу. Союзная пѣхота выступила противъ остатковъ банды, еще стоявшихъ лагеремъ при Таннѣ въ числѣ 2,000 чел., но, подойдя къ ихъ стоянкѣ, пѣхота уже не нашла банды въ Таннѣ. Увѣдомленные о приближеніи непріятеля сторожевыми выстрѣлами и огнями, зажженными на горахъ, крестьяне скрылись по лѣсамъ. Наводившіе ужасъ разсказы о Кенигсгофенѣ и Ингольштадтѣ произвели глубокое впечатлѣніе въ Гмюндеръ-Вальдѣ, въ Эльвангенѣ и Лимбургѣ. Флоріанъ Гейеръ нашелъ здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ: одни совсѣмъ отложились отъ братства, другіе разсѣялись въ разныя страны, горсть же еще державшихся была лишена всякаго мужества. Онъ пытался снова соединить разрозненные, но еще не обезоруженные отряды виртембергцевъ, кохеръ и якстъ-таллерцевъ, — которые, не надѣясь на помилованіе, бѣжали въ лѣса,—чтобъ двинуться съ ними въ тылъ врагу. Но Флоріанъ не успѣлъ осуществить своего плана. 3 іюня онъ былъ настигнутъ непріятелями на Шпельтихѣ, «на возвышенности, покрытой лѣсомъ, между замками Фельбергъ и Лимбургъ, неподалеку отъ Галля». Флоріанъ Гейеръ, аттакованный пѣхотою, подъ предводительствомъ Вильгельма фонъ-*Грумбаха*, молодаго человѣка, его зятя, палъ въ отчаянномъ бою смертію героя; съ нимъ пали и его вѣрные товарищи.

Геройская смерть спасла его отъ эшафота и дала ему ту вѣчную свободу, которую онъ тщетно всю жизнь старался завоевать для своихъ ближнихъ. Онъ отстаивалъ до послѣдней капли крови погибавшее народное дѣло. Живой онъ не слыхалъ побѣдныхъ криковъ непріятеля, враги ликовали уже надъ его трупомъ.

Жизнь Флоріана началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Еще при Гогенштауфенахъ предки его отличались своими рыцарскими доблестями. Съ ранней молодости сердце Флоріана было открыто состраданію къ бѣдному, угнетенному народу. Онъ посвятилъ всю жизнь этому народу и умеръ, защищая права его, «благочестивый и вѣрный до конца слову Божію и евангелію», преданный крестьянской свободѣ, не ложной и односторонней, но полной, истинной. Подобно сво-

ему предшественнику Ульриху фонъ-Гуттену онъ былъ силенъ не только словомъ, но и дѣломъ. По смерти ему отдана была полная справедливость. Клевета не смѣла коснуться этой свѣтлой личности. Впослѣдствіи народъ раскаявался, что позволилъ оттереть его отъ себя, чрезъ что войско, парализованное измѣною Геца, лишено было его полезныхъ совѣтовъ во время штурма Фрауенберга; всѣ понимали, что дѣйствіями Флоріана руководило не честолюбіе, не жажда къ обогащенію; даже враги цѣнили его достоинства. Долгое время память о славномъ героѣ слабо держалась въ потомствѣ, но придетъ время, когда въ свободной Германіи отцы будутъ разсказывать дѣтямъ и внукамъ повѣсть о всѣхъ павшихъ за свободу, которая сдѣлается тогда общимъ достояніемъ всѣхъ, и великихъ, и малыхъ, и горожанъ, и селянъ. Тогда всѣ почтутъ память Флоріана Гейера, предводителя черной банды *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣдители.

Послѣ всѣхъ описанныхъ кровавыхъ битвъ, предводитель союзнаго войска свелъ счетъ своимъ потерямъ. Въ началѣ компаніи у него было 18 ротъ **), по 400 человѣкъ каждая.

*) Источники, служившіе для этой главы, были слѣдующіе: Рукопись Ганса Лутца, Зейдлера и другихъ, также показанія очевидцевъ.

**) Рукопись Гольцварта. Показанія очевидцевъ.

Послѣ же соединенія съ пфальцграфомъ и другими князьями, вся армія простиралась до 6,000 человѣкъ, считая тутъ же и все вюртенбергское дворянство и тѣ новыя силы, которыми тюбингенское правительство замѣщало выбывшихъ изъ арміи; было ясно, что отъ Бальдрингена до беблингенскаго сраженія войско лишилось, по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ. Съ беблингенскаго сраженія число отрядовъ усилилось, а между тѣмъ общая численность арміи значительно уменьшилась *); такъ аугсбургскій отрядъ, считавшійся однимъ изъ сильнѣйшихъ, заключалъ въ себѣ едва 300 человѣкъ. Союзные чины были совершенно поражены, когда обнаружились такія потери. Тогдашняя манера писать извѣстія, которыя они получали съ театра войны, положительно заставляетъ предполагать, что парижскій Монитеръ старше цѣлымъ столѣтіемъ: по этимъ извѣстіямъ побѣдоносныя войска побивали непріятеля безъ всякаго урона для себя!

Вечеромъ 5 іюня въ понедѣльникъ, на другой день послѣ Троицы, княжеское войско направилось къ Вюрцбургу и стало лагеремъ въ городкѣ Гейдингсфельдѣ и въ садахъ по берегамъ Майна.

Бой барабановъ, звуки трубъ и звонъ цимбаловъ, раздавшійся въ лагерѣ, наполнилъ радостью сердца осажденныхъ и навелъ ужасъ на бюргеровъ и крестьянъ. Изъ замка отвѣчали тремя залпами, пущенными въ городъ.

Въ ту же ночь крестьяне оставили шанцы; взяли оттуда свои четыре большихъ орудія и переправили ихъ чрезъ мостъ въ городъ. Они заперлись въ Вюрцбургъ въ числѣ 5000 человѣкъ. 7 іюня, два дня спустя по приходѣ княжескаго войска, вся правая сторона Майна была еще свободна и не занята непріятелемъ. Крестьянамъ и ихъ сторонникамъ

*) Въ томъ и въ другомъ удостовѣряютъ многія извѣстія въ союзныхъ актахъ.

*

въ городѣ было еще время бѣжать, если они не надѣялись дать отпоръ непріятелю. Всего на часъ пути лежалъ огромный лѣсъ, имъ они могли совершенно безопасно отъ рейтаровъ добраться до Шпессарта и ожидать тамъ помощи. Но крестьяне и горожане не двигались, никто изъ предводителей не выходилъ изъ города. Бургомистръ и старый магистратъ предали крестьянъ и бюргеровъ. Имъ было извѣстно, что пфальцграфъ и Трухзесъ дарують пощаду, если они выдадутъ имъ вождей возстанія. Яковъ Кель, главный начальникъ, въ это время уѣхалъ изъ Ингольштадта въ Эйфельштадтъ, его сограждане выдали его вюрцбургскому магистрату; закованнаго его посадили тайкомъ въ страшную Эккардову башню; вюрцбургскій магистратъ поступилъ съ нимъ также, какъ мейнингенцы съ Шнабелемъ. Магистратъ также тайно заключилъ договоръ съ Трухзесомъ. Въ договорѣ этомъ поставлены были 4 условія, при соблюденіи которыхъ сдавшійся городъ могъ разсчитывать на помилованіе: 1) уплата довольно незначительной суммы въ видѣ контрибуціи; 2) обезоруженіе мятежниковъ; 3) выдача зачинщиковъ и предводителей возстанія, и 4) присяга повиноваться старому порядку. 7 іюня, въ 4 часа пополудни, въ городѣ было объявленно о сдачѣ его. Такъ какъ изъ всѣхъ условій выдача начальниковъ всего болѣе могла способствовать помилованію города, а между тѣмъ магистратъ не былъ въ силахъ исполнить ее открыто, то совѣтники скрыли до времени настоящій смыслъ договора, и объявили, что городъ сдается на милость князей. Даже и теперь, когда стало извѣстно о сдачѣ города, впродолженіи всего вечера и ночи бѣжалъ только одинъ изъ бывшихъ въ городѣ начальниковъ; на другой же день утромъ всѣ входы и выходы оцѣплены были эскадронами непріятельскихъ рейтаровъ.

Трухзесъ съ князьями вступилъ въ Вюрцбургъ 8 іюня въ 8 часовъ утра. Кругомъ города разставлены были рейтары, чтобы никто не могъ бѣжать чрезъ стѣны. Ворота, чрезъ ко-

торые вступили союзники, занимала легкая конница, въ городъ вошли двѣ съ половиною тысячи рейтаровъ. Тотчасъ по вступленіи отданъ былъ приказъ собраться: вюрцбургскимъ бюргерамъ на рыночной площади, бюргерамъ изъ другихъ городовъ на такъ называемой жидовской площади и крестьянамъ на плацу, окруженномъ рвомъ и назначенномъ для турнировъ. Всѣ три мѣста были обставлены рейтарами. Побѣдители отправились прежде на рыночную площадь. Трухзесъ, окруженный четырьмя палачами, вооруженными сѣкирами, обратился съ рѣчью къ бюргерамъ, стоявшимъ «съ непокрытыми головами и со слезами на глазахъ», раскаяваясь въ своей невѣрности и клятвопреступленіи, за которое теперь имъ приходилось платить головою. Всѣ пали на колѣни. Одна женщина, *жена* Бернгарда *Виснера*, ходившая въ послѣднемъ періодѣ беременности, протолкавшись между рейтарами, бросилась въ ноги князьямъ и умоляла ихъ не лишать жизни ея мужа; но они отвергли ея просьбу. Князья зашли въ канцелярію и, посовѣтовавшись тамъ около часу, прислали инструкцію Трухзесу. Послѣ этого Трухзесъ велѣлъ привести изъ башни закованнаго Якова *Келя* и казнить. Затѣмъ изъ числа бюргеровъ былъ вытребованъ Бернгардъ *Виснеръ*, потомъ Филиппъ Диттмаръ, сынъ скульптора, старикъ отецъ его успѣлъ бѣжать; четвертымъ былъ Гансъ *Лемингеръ*, цирюльникъ изъ Левена, пятымъ Гансъ *Шиллеръ*, кузнецъ;—съ ними вмѣстѣ пали четверо изъ предводителей. 70 бюргеровъ были брошены въ тюрьму, 13 изъ нихъ казнены, прочіе откупились деньгами.

Съ рыночной Трухзесъ отправился на жидовскую площадь, гдѣ стояли иногороднія роты. Ротные начальники, знаменосцы и «всѣ нарушители спокойствія во Франконіи» были казнены въ числѣ 24 человѣкъ. Шраутенбахъ изъ Карлштадта предлагалъ за свою жизнь 2,000 гульденовъ, но просьба его была отвергнута. Отсюда Трухзесъ отправился на плацъ, гдѣ стояли крестьяне. Изъ вызванныхъ имъ 70 человѣкъ,

находившихся въ бандѣ, 37 были обезглавлены, другіе, по ходатайству дворянъ, помилованы *). Всего было назначено къ казни 200 человѣкъ. Въ замкѣ также были казнены бюргеръ и жидъ; слѣдовательно всего на все казнено 81 человѣкъ **). «Увы, вскричалъ одинъ молодой крестьянинъ, когда его подвели къ палачу, я уже долженъ умереть, а между тѣмъ еще и двухъ разъ въ жизни не наѣдался досыта хлѣба». Одинъ мужичекъ, любопытствуя посмотрѣть, что будетъ съ его товарищемъ, пробрался между рейтарами и смотрѣлъ на происходившее; онъ былъ не изъ числа назначенныхъ къ казни, но «помощникъ палача, увидавъ его, схватилъ и потащилъ къ палачу, а тотъ отрубилъ его голову». Князья всѣ присутствовали при казни. Вдоволь налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, они «принялись за попойку». У крестьянъ отняли оружіе и взамѣнъ его дали бѣлые посохи; въ сумерки ихъ выгнали изъ города. Многіе утромъ покушались бѣжать, но были настигнуты рейтарами и всѣ перебиты; нѣкоторые изъ возвращавшихся мирно домой подверглись той же участи. Между Вюрцбургомъ и Гейдингсфельдомъ находили потомъ въ виноградникахъ и канавахъ много труповъ застрѣленныхъ и заколотыхъ. Городъ и весь округъ были обезоружены, повсемѣстно возстановлена была старая

*) Конечно, должна быть причина, почему дворяне, не пощадившіе никого при Кенигсгофенѣ и Ингольштадтѣ, были здѣсь такъ милостивы. Вѣроятно, это были помѣщики, просившіе пощады своимъ собственнымъ крестьянамъ, потому что отъ этого зависѣла ихъ собственная выгода. При Кенигсгофенѣ они имѣли дѣло съ крестьянами, которые кромѣ вейнсбергскаго дѣла еще многимъ другимъ вооружили противъ себя все дворянство. Себастіанъ Франкъ говоритъ, что они, забирая замки, безчестили находившихся въ нихъ женщинъ и дѣтей; въ гейльбронскихъ слѣдственныхъ актахъ встрѣчается вопросъ, «кто въ Краутгеймѣ первый вошелъ въ спальню жены Макса Штумпфа». связ. 99 и № 31. Приложеніе.

**) Гансъ Лутцъ и очевидцы согласны въ этихъ цифрахъ.

вѣра. Вюрцбургъ одинъ долженъ былъ отсчитать Союзу 8,000 гульденовъ; епископъ также предоставилъ себѣ право наказанія, «которымъ впослѣдствіи порадѣлъ воспользоваться»; себѣ, духовенству и дворянству своего епископства онъ взялъ 218,175 гульденовъ. Впродолженіи восьми дней побѣдители собирали контрибуціи съ окрестностей. Ревностнѣе всѣхъ прочихъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ въ своихъ владѣніяхъ маркграфъ *Казиміръ*. Когда онъ подходилъ къ Мертисгейму, двое крестьянъ изъ принадлежавшихъ къ общинѣ, еще ранѣе сдавшейся на волю побѣдителей, взлѣзли на дерево, чтобы посмотрѣть на вступленіе войска. Казиміръ велѣлъ схватить этихъ двухъ любопытныхъ и казнить. 7 іюня онъ подступилъ къ Кицингену, выставившему въ банду три значка; 52 бюргера бѣжали при его приближеніи, остальные сдались на безусловную волю маркграфа. Казиміръ обѣщалъ имъ свое покровительство и, чтобы отнять у нихъ всякій поводъ къ опасенію, онъ велѣлъ повѣстить, чтобы никто изъ его солдатъ, подъ страхомъ смертной казни, не смѣлъ притѣснять жителей. На другой день, 8 іюня вечеромъ онъ казнилъ на площади пять бюргеровъ, приведенныхъ имъ съ собою изъ Бургъ-Бернгейма; потомъ велѣлъ собраться всѣмъ кицингенцамъ, болѣе 100 человѣкъ изъ нихъ въ эту же ночь заперъ въ большомъ погребѣ близъ Лейденгофа. На другой день они были выведены, многимъ отрублены пальцы; 62-мъ выколоты глаза *). Многіе изъ приговоренныхъ къ ослѣпленію умоляли лучше уже умертвить ихъ. Но Казиміръ былъ не умолимъ. «Я знаю, сказалъ онъ, что вы поклялись, что глаза ваши не могутъ переносить моего вида, и не хочу сдѣлать васъ клят-

*) По Гансу Лутцу ихъ было 63. По Гольцварту 70. Въ дневникѣ же палача значится 62.

вопреступниками *). Онъ строго приказалъ, чтобы никто подъ страхомъ тяжкаго наказанія не смѣлъ ни ухаживать за ними, ни водить ихъ **). Ихъ отвели за 10 миль отъ города; двѣнадцать изъ нихъ вскорѣ умерли, другихъ еще видѣли долго послѣ; они бродили по окрестностямъ, прося милостыню и проклиная имя маркграфа.

Казиміръ отправился теперь въ Вюрцбургъ къ прочимъ князьямъ, чтобы вмѣстѣ съ Трухзесомъ чинить тамъ кровавую расправу. Съ нимъ отправился палачъ мейстеръ Августинъ, прозванный кицингенцами «мейстеромъ *увы*». Швейнфуртъ, сдѣлалъ сначала видъ, будто намѣренъ сопротивляться, тутъ же сдался князьямъ вмѣстѣ съ бывшими въ немъ крестьянами; двое изъ предводителей бѣжали, другіе пятеро пали на площади отъ руки палача; каждый бюргеръ наказанъ былъ 10 гульденами штрафа. Отсюда князья отправились чрезъ Гальштадтъ къ Бамбергу. Солдаты грабили и жгли попадавшіяся на дорогѣ деревни и села, часто они дѣлали это совершенно произвольно безъ всякаго приказанія со стороны начальства. Бамбергскій епископъ отправилъ въ Вюрцбургъ умоляющее письмо къ Трухзесу; онъ писалъ о притѣсненіяхъ, которыя терпѣлъ отъ своихъ подданныхъ, писалъ, что онъ не увѣренъ въ своей безопасности и не ручается за жизнь канониковъ, потому онъ умоляетъ поспѣшить помощью и наказаніемъ виновныхъ.

Такимъ образомъ епископъ нарушилъ только-что подтвержденный клятвою договоръ. Та же участь постигла почти всѣ договоры, на которые Лютеръ и подобные ему недальновидные люди возлагали всѣ свои упованія. Опытъ не научилъ ихъ еще, что только тѣ сдѣлки враждующихъ партій имѣютъ силу, которыя запечатлѣны кровью одной изъ нихъ, они не

*) Рукопись Гольцварта.
**) Рукопись Никласа Томанна.

понимали, что мечъ, положенный не во время, ведетъ прямо на плаху.

Уполномоченные Нюренберга замѣтили на письмо епископа, что вести войска въ его владѣнія вовсе нѣтъ нужды; епископъ ведетъ переговоры съ своими подданными, и крестьяне спокойно разошлись по домамъ. Однако Трухзесъ, не смотря на то, продолжалъ свой путь.

Одно его имя, одинъ слухъ о его приближеніи наводилъ такой страхъ, что всѣ крестьяне разбѣгались по лѣсамъ. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ изъ современниковъ *) о паникѣ, овладѣвшей крестьянами: «рейтары казались имъ закаленными изъ стали, несокрушимыми; при малѣйшемъ шумѣ, при незначительномъ шорохѣ, произведенномъ полетомъ птицы или паденіемъ листа съ дерева, они безъ оглядки бѣжали, воображая, что за ними уже гонятся рейтары; Богъ, казалось, совсѣмъ отступился отъ нихъ, допуская ихъ до такого малодушія». 500 бюргеровъ бѣжало изъ Бамберга въ Нюрбергъ, а оттуда, по просьбѣ жителей, еще далѣе.

Приближеніе союзныхъ войскъ придало храбрости вельможамъ епископства, на ихъ устахъ появились смѣлыя рѣчи. Такая же метаморфоза совершилась и съ кавалерами нѣмецкаго ордена. Въ Гейльброннѣ братъ командора проходилъ мимо лавки канатнаго мастера Коберера, засѣдавшаго въ крестьянскомъ совѣтѣ. Сынъ Коберера сидѣлъ у лавки. Гдѣ твой отецъ, спросилъ рыцарь, я хочу купить у него веревку, на которой его повѣсятъ. Эта угроза испугала Петра Коберера; онъ удалился въ Страсбургъ **). Мергентгеймскіе вельможи радовались, что они будутъ теперь «катать головами, какъ дѣти играютъ мячикомъ» ***). Духовные властители Бамберга разсуждали

*) Себастіанъ Франке.
**) Въ союзн. акт. показанія Петра Коберера, связка 99 в.
***) Письмо секретаря Шписа дейчмейстеру, при Оксле.

такъ: «Не говоря уже о послѣднихъ событіяхъ, мятежники виноваты и тѣмъ, что приняли лютеранство; за всѣ эти дѣла, они поплатятся своими головами *).

Трухзесъ безъ всякаго сопротивленія вступилъ въ Бамбергъ. Двѣнадцать схваченныхъ начальниковъ и зачинщиковъ возстанія были сейчасъ же казнены; между ними были два члена магистрата **). Той же участи подверглись 12 крестьянъ; двоимъ были выколоты глаза. Казнимые были не связаны и по очереди подходили къ палачу. Къ смерти было приговорено всего 13; когда 12 ти были уже отрублены головы, палачъ обернулся, поджидая тринадцатаго. Но этотъ не шелъ. „Довольно, —вскричалъ онъ,—я насмотрѣлся на эти вещи, пора убираться", съ этими словами онъ шмыгнулъ подъ лошадь, пустился бѣжать и скрылся изъ виду ***).

Девятеро богатѣйшихъ бюргеровъ, которымъ, какъ всѣмъ было извѣстно, епископъ былъ обязанъ избавленіемъ отъ многихъ непріятностей, а Альтенбургъ—отъ раззоренія и грабежей, но которые исповѣдывали новое ученіе, были заключены Трухзесомъ въ башню; имѣнія ихъ онъ раздарилъ своимъ клевретамъ; онъ хотѣлъ даже казнить ихъ въ угоду епископу, только вмѣшательство Нюренберга спасло бюргеровъ отъ казни. Договоръ, заключенный епископомъ со своими подданными, объявленъ былъ *вынужденнымъ* и потому былъ уничтоженъ: на все епископство, въ пользу епископа и дворянъ, наложена была контрибуція въ 170,000 гульденовъ. Гольштаттъ весь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ домовъ, былъ выжженъ.

Всюду союзное войско оставляло послѣ себя ужасные слѣды: тянувшіяся за нимъ лошади и обозы, большія стада награбленных

*) Рукопись Мюллера.

**) Рукопись Гонса Лутца.

***) Михаэль Гроссъ ф. Трокгафъ, Бранденбургъ, Обертъ, очевидецъ въ Листкѣ германскаго музея 1855 г. стр. 116.

ныхъ имъ овецъ и рогатаго скота, портили и поѣдали поля и луга поселянъ. При проходѣ чрезъ Нюренбергъ войску дозволено было идти только по главной улицѣ, всѣ дома на этой улицѣ и во всемъ городѣ были замкнуты цѣпями; 400 всадниковъ нарочно нанятыхъ для этого магистратомъ и всѣ бюргеры въ полномъ вооруженіи раставлены были вдоль улицы съ своими орудіями *). Пройдя чрезъ Нюренбергъ, побѣдители наложили тяжелую контрибуцію на Рисъ. Въ *Нордлингенѣ* изъ 100 домовъ каждый долженъ былъ внести по 6 гульденовъ штрафа, новый магистратъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ прежній, нѣкоторыхъ изъ членовъ смѣненнаго магистрата казнили, другихъ отправили въ ссылку **); но, не смотря на все это, въ городѣ все было въ такомъ порядкѣ, что даже ярмарка совершалась по прежнему и привлекла множество посѣтителей. Дейнингенъ былъ сожженъ. Четыре дня войско опустошало окрестности Нордлингена, но не входило въ самый городъ. Отсюда Трухзесъ поспѣшилъ въ *Верхнюю Швабію*.

Возвращеніе *Казиміра* въ его владѣнія ознаменовалось пожарами и казнями. Изъ *Нейштадта* по Аишѣ, который тотчасъ по выступленіи крестьянъ просилъ помилованія, вышли на встрѣчу маркграфу мужчины и женщины съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ; всѣ бросились ему въ ноги ***). Однако такая покорность не помогла имъ. Восемнадцать человѣкъ были казнены. Бернбекъ, ихъ главный вожакъ, купилъ себѣ жизнь цѣною 700 гульденовъ. Зачинщикъ возстанія въ Эрлбахѣ Морицъ Вильдъ содержалъ здѣсь гостиницу, въ которой останавливался обыкновенно маркграфъ; онъ былъ помилованъ. Казиміръ объявилъ, что онъ поквитался съ

*) Показанія очевидца, Ганса Лутца и Гольцварта.

**) Рукопись Зейдлера.

***) Аншпахскій архивъ. V. 76

трактирщикомъ. Повсюду разосланы были повелѣнія «предавать уголовному суду всѣхъ зачинщиковъ возстанія и безъ пощады рубить имъ головы» *). Съ Бюргеля была взята контрибуція, не смотря на это и на добровольную сдачу жителей, Казиміръ все-таки казнилъ здѣсь 43 крестьянина, остальные должны были, преклонивъ колѣни, съ красными крестами на груди умолять о пощадѣ. Виндсгеймъ, вольный городъ, только благодаря покровительству Нюренберга, избавленъ былъ отъ мщенія Казиміра. Пока одинъ братъ свирѣпствовалъ такимъ образомъ здѣсь, другой, Гансъ Альбрехтъ, коадъюторъ магдебургскій, чинилъ по порученію Казиміра расправу въ горахъ. Онъ такъ дѣятельно принялся здѣсь за пытки и за казни, что когда онъ уѣзжалъ за нимъ съ проклятіями бѣжало по улицамъ множество вдовъ и сиротъ казненныхъ. «Ужъ не всѣ ли крестьяне убиты?» кричали ему во слѣдъ: болѣе двухсотъ тысячъ гульденовъ штрафа было собрано Казиміромъ. Два года мучилъ онъ своихъ бѣдныхъ подданныхъ розысками. Наконецъ даже его собственное рыцарство, съ Гансомъ фонъ-Вальденфельсъ во главѣ, воспротивилось дальнѣйшимъ тиранствамъ. «Государь, писалъ ему Гансъ, до сихъ поръ еще многихъ несчастныхъ мучатъ изъ за самыхъ пустыхъ вещей, забудьте прошлое и откройте сердце ваше состраданію».

Трухзесъ охотно самъ посѣтилъ бы вольный городъ Ротенбургъ, но онъ спѣшилъ въ другія мѣстности, поэтому удовольствіе наказать этотъ городъ выпало на долю маркграфа. Ротенбургъ горько раскаялся теперь въ своемъ отчужденіи отъ общаго дѣла и своекорыстіи. Когда Андрессъ Решъ, священникъ изъ Тауберцелля предлагалъ городу пустить въ дѣло свои орудія «противъ жестокаго тирана, маркграфа», магистратъ отказался исполнить это предложеніе. Послѣ кенигсгофенскаго сраженія, командоръ Каспаръ Христіанъ, Стефанъ Менцингеръ

*) Тамъ же I. 291.

и другіе сторонники народнаго дѣла пытались было воодушивить бюргеровъ и заставить ихъ взяться за оружіе, но всѣ ихъ усилія были тщетны: городъ отправилъ депутацію просить помилованія. Многіе бюргеры бѣжали изъ Ротенбурга; они надѣялись поднять еще разъ крестьянъ, осадить городъ и защищаться противъ союза. Они вели дѣятельныя сношенія съ монастыремъ францисканцевъ, прилегавшимъ къ городской стѣнѣ. Но магистратъ провѣдалъ объ этихъ сношеніяхъ, задержалъ братьевъ въ городѣ и осадилъ монастырь. 18 іюня, въ день годоваго церковнаго праздника, лошади Менцингера стояли уже осѣдланныя; самъ онъ, совсѣмъ готовый къ побѣгу, слушалъ проповѣдь. Послѣ службы, въ богатой, черной камлотовой мантіи, онъ стоялъ у лавки одного золотыхъ дѣлъ мастера и разговаривалъ съ суконщикомъ Киліаномъ Этшлихомъ. Во время этого разговора его окружили городскіе наемные солдаты. «Помогите мнѣ, граждане, христіанскіе братья!» вскричалъ онъ, когда его схватили. «Братства уже не существуетъ, мой милый,» возразилъ ему тутъ одинъ изъ знатныхъ горожанъ. Никто изъ толпы, собравшейся на шумъ, не вступился за Менцингера, трусливо и малодушно допустили они увести его и посадить въ крѣпкую башню. Чтобы запугать крестьянъ, магистратъ велѣлъ ограбить и зажечь нѣсколько селеній. Докторъ Дейшлинъ старался расшевелить народъ своею проповѣдью и заставить его вступиться за Менцингена. Онъ говорилъ, что каждый долженъ имѣть состраданіе къ заточеннымъ братьямъ и освобождать ихъ. Но вскорѣ и онъ и слѣпой монахъ тоже были посажены въ темницу: командоръ бѣжалъ, бѣжали и Мельхіоръ, Іоргъ Шпельтъ, Іоргъ Кумпфъ и другіе. Герръ Эренфридъ, прежній бургомистръ, раньше другихъ скрылся изъ города.

Казиміръ вступилъ съ войскомъ 28 іюня. Бреттгеймъ и Оренбахъ были преданы огню. Бретгеймцы пробовали было защищаться, и многіе были убиты; оренбахцы скрылись въ лѣса, забравъ съ собою все свое имущество. Въ обвинительномъ спискѣ

стояло 70 именъ ротенбургскихъ бюргеровъ и 30 именъ окрестныхъ крестьянъ. Но только 19 изъ обвиненныхъ находились налицо, и они приведены были на мѣсто казни, прочіе скрылись; пятеро изъ приведенныхъ также спаслись, пробившись съ отчаяннымъ мужествомъ чрезъ ряды солдатъ. Изъ числа приговоренныхъ крестьянъ, нашелся только одинъ, глуповатый парень. 14 бюргеровъ были казнены, между ними мейстеръ Бессенмайеръ, ректоръ школы, и Гансъ Кумпфъ, священникъ,— его больнаго принесли на мѣсто казни. Стефанъ Менцингеръ тоже долженъ былъ умереть отъ руки палача, не смотря на всѣ старанія его мужественной жены, добивавшейся спасти мужа, не смотря даже на то, что и Казиміръ охотно бы даровалъ прощеніе ему и двумъ проповѣдникамъ: старый магистратъ ни за какую цѣну не хотѣлъ лишить себя удовольствія насладиться казнью своего смертельнаго врага, и Казиміръ пожертвовалъ своимъ вѣрнымъ слугою. Голова Менцингера пала первая, за нимъ слѣдовалъ докторъ *Дейшлинъ; слѣпой монахъ* упорно сопротивлялся, не вставалъ на колѣни и получилъ ударъ стоя; но ударъ этотъ не былъ смертеленъ, и онъ снова поднялся, и только отъ втораго удара голова его пала. Очевидецъ Михаэль Гроссъ, служившій начальникомъ въ войскѣ Казиміра, разсказываетъ: «Видно было, что они совершенно приготовились къ смерти; они не были связаны, даже сами раздѣлись и, воздѣвъ руки къ небу, молились: Господи Іисусе, да омоются грѣхи наши Твоею кровію! Они утѣшали другъ друга и съ радостію клали головы свои на плаху. Только Менцингенъ нѣсколько упалъ духомъ, и докторъ Дейшлинъ долженъ былъ его успокоить!» Тутъ же были казнены два пойманные старшины Оренбаха, Гансъ Вальтманъ и Леонгартъ Рейтнеръ; за ними слѣдовали Бартель Вердеръ изъ Гилькертсгаузена и крестьянинъ изъ Эндзее. Всѣ они умерли съ твердостью и спокойствіемъ.

Маркграфъ двинулся далѣе, отмѣчая свой путь обезглавленными трупами и горящими селеніями. Въ Фейхтвангенѣ

онъ казнилъ между прочими «монаха, отправлявшаго богослуженіе въ женскомъ монастырѣ въ Зюльцѣ и состоявшаго въ перепискѣ съ крестьянами. Передъ казнью монахъ велъ себя, какъ истинный христіанинъ; съ молитвою и увѣщеваніями взошелъ онъ на эшафотъ. Когда его казнили, голова его скатилась съ помоста на землю и, ударившись о случившійся тутъ пень, открыла ротъ три раза и какъ будто произнесла слово «Іисусъ» *).

Старый, вновь утвержденный магистратъ въ Ротенбургѣ принялъ на себя окончаніе расправы, начатой Казиміромъ: казнили Киліана Этшлиха, Фрица Мелькнера и двухъ другихъ; домъ суконщика, гдѣ собирались большею частію мятежники, былъ срытъ до основанія и мѣсто это засыпано солью въ знакъ проклятія. Клейменіе, сѣченіе розгами были самыми обыкновенными наказаніями. Лингарту шварценброннскому удалось долгое время укрываться въ безопасномъ мѣстѣ. Но въ одной гостиницѣ его выдали магистрату, его окружили рейтары, которымъ поручено было схватить его; но сильный, дюжій крестьянскій начальникъ отчаянно защищался одинъ противъ многихъ, пока не палъ въ неравной борьбѣ **).

Высокопреподобный князь епископъ Конрадъ вюрцбургскій, преосвященный коадъюторъ фульдскій, который еще такъ недавно принималъ въ Бухенѣ почести свѣтскаго властителя, и котораго волшебное пѣніе гессенскаго соловья и гессенскаго пѣтуха ***) быстро возвратили въ нѣдра папства, вступилъ теперь съ старымъ Геннебергомъ, какъ палачъ, въ герцогство Франконію. Днемъ шелъ грабежъ; епископъ, кромѣ денежныхъ штрафовъ, отбиралъ льготныя грамоты, серебро, вино, пиво,

*) Михаэль Гроссъ, въ герм. музеѣ, 1855, стр. 139.

**) Томасъ Цвейфель.

***) Соловьемъ и пѣтухомъ назывались два большія орудія ландграфа; они достались ему въ добычу при Эренбургѣ отъ Зиккингена.

плоды, однимъ словомъ все, что только можно было взять; вечеромъ, насладившись казнью 3, 4, 7, 8, 10, 13, 17, 22 человѣкъ, онъ «устроивалъ попойку съ товарищами». Здѣсь кончили жизнь свою отъ руки палача: священникъ изъ Киссингена, начальникъ Гансъ Шнабель, Гансъ Шаррсъ и смѣлый Крумпфусъ, судья верхнефранконцевъ. Въ селеніи Зульцфельдъ приговорены были къ смерти два кирпичника. Когда ихъ вели на казнь, одинъ изъ приговоренныхъ, обливаясь слезами, говорилъ: «я оплакиваю будущія господскія постройки, кто безъ меня будетъ изготовлять для нихъ такие хорошие кирпичи!» Другой, небольшаго роста толстякъ, громко хохоталъ, стоя возлѣ палача. «Мнѣ пришло теперь въ голову, говорилъ онъ, куда же я буду надѣвать свою шляпу, когда мнѣ отрубятъ голову?» Ихъ шутки спасли ихъ; князья приказали отпустить обоихъ. 256 казней усладили христіанско-княжеские взоры епископа во время возвращенія его въ Вюрцбургъ; 13 обезглавливаній закончили его кровавую работу.

Съ такою же легкостію, какъ и бамбергскій повелитель, штаттгальтеръ архіепископства маинцскаго, епископъ Вильгельмъ страсбургскій *нарушилъ клятву и договоръ*, связывавшій его съ крестьянами. Но кровопролитіе было ему не по вкусу. Онъ вышелъ изъ Вюрцбурга съ пфальцграфомъ и герцогомъ Отто Гейнрихомъ и съ высокопреподобнымъ архіепископомъ трирскимъ въ маинцскую территорію, гдѣ безъ всякаго сопротивленія положено было оружіе и всенародно на площади уничтожены договоры поселянъ съ маинцскими бюргерами, какъ заключенные «по принужденію». Дѣйствуя въ силу интересовъ своего господина, а можетъ быть, и руководимый чувствомъ совѣсти, Вильгельмъ выхлопоталъ, чтобы все населеніе было обложено штрафомъ не свыше 15,000 гульденовъ. Казнены были только 4 начальника; 50 человѣкъ наказаны были заключеніемъ. Въ Рейнгау, услышавъ о пораженіи своихъ братьевъ, крестьяне тихо собрались въ одномъ домѣ. Фровенъ Гуттенъ, *бывшій въ опалѣ* и теперь снова вошедшій

въ милость, накрылъ ихъ тутъ и, не уличивъ ни въ какомъ проступкѣ, казнилъ 9 въ Эльтфельдѣ и 3 въ Бингенѣ. *Вормсъ*, только что вступившій въ союзъ съ крестьянами, тоже изъявилъ покорность побѣдителямъ; здѣсь и въ Шпейерѣ возстановлено было согласіе между епископомъ и магистратомъ. Передъ побѣдоноснымъ оружіемъ союзниковъ многіе проповѣдники и крестьяне бѣжали во *Франкфуртъ* съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Князья потребовали ихъ выдачи; магистратъ отказалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ и бѣглецамъ входъ въ городъ. Гансъ ф.-Зигенъ со своими привеженцами конвоировалъ проповѣдниковъ. Напуганные совершившимися на ихъ глазахъ событіями и угрозами князей цехи города отказались отъ своихъ тезисовъ. Докторъ Вестербургъ также бѣжалъ. Умилостивленные деньгами, тайно врученными магистратомъ, князья держали войско вдали отъ города. Тогда никто не былъ наказанъ; но позже въ 1527 году Кунцъ Гаасъ былъ брошенъ въ Майнъ.

Большая часть прирейнской Франконіи не положила еще оружія: нарушеніе пфальцграфомъ договора и кровопролитія, совершаемыя имъ на пути въ Вюрцбургъ, возмущали жителей страны. Въ то же время явились послы отъ остъ-франконцевъ съ просьбою присоединиться къ нимъ и, двинувшись чрезъ Рейнъ, по крайней мѣрѣ заставить непріятеля измѣнить маршрутъ. Въ Рейнпфальцѣ собрались снова всѣ прежнія банды въ числѣ 8,000 человѣкъ. Они были такъ ожесточены, что грозились жестоко отмстить пфальцграфу и его клевретамъ. Осадивъ замокъ Дирмштейнъ, они убили пятнадцать человѣкъ засѣвшаго тамъ гарнизона, не хотѣвшаго сдаться; тѣла ихъ побросали за стѣны замка; потомъ они сожгли укрѣпленныя замки Боланденъ, Штауфенъ, Вестербургъ и Нейлейнингенъ, также Альтлейнингенъ и другіе въ окрестностяхъ Доннерсберга; взяли Кирхгеймъ, ограбили монастырь Гейнингенъ и заставили графиню Вестербургъ готовить кушанья и прислуживать имъ за столомъ. Повстанцы были на пути въ Оппенгеймъ,

когда туда же подошло союзное войско. Князья надѣялись вступить съ ними въ бой на открытомъ полѣ противъ замка Гентгеймъ: но банда, отступивъ ночью назадъ отъ Дальгейма къ Гундельсгейму, отправилась далѣе къ Пфедерсгейму. Не смотря на свой 300-ный гарнизонъ, городъ открылъ имъ ворота. Пфальцграфъ двинулся за ними. Чтобы выманить непріятеля изъ города онъ послалъ впередъ себя только 7 ротъ пѣхоты и 700 человѣкъ конницы, самъ же съ остальнымъ войскомъ держался позади, въ резервѣ. Крестьяне стали въ небольшомъ разстояніи отъ пфальцграфа: первое ядро, пущенное изъ крестьянскихъ орудій, убило, къ большому сожалѣнію пфальцграфа, его секретаря, стоявшаго рядомъ съ нимъ. Крестьяне сильно поплатились за этотъ выстрѣлъ. Эскадронъ рейтаровъ, стоявшій въ резервѣ, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и навелъ такой страхъ на крестьянъ, что они пустились бѣжать къ городскимъ воротамъ, провожаемыя сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Одни рейтары убили болѣе 1500 человѣкъ; большая часть разбѣжалась по окрестностямъ или скрылась въ городѣ, оставивъ военныя повозки и орудія на полѣ битвы. Однако если бы пфальцграфскіе кнехты поторопились и напали бы на крестьянъ нѣсколько ранѣе, когда тѣ еще были въ виноградникѣ, то навѣрно немногіе бы вернулись оттуда. Ночью пфальцграфъ окружилъ Пфедерсгеймъ, и съ ранняго утра 4 іюня началась конанада, послѣ 262 выстрѣловъ городъ съ бывшими въ немъ крестьянами сдался на добрую волю побѣдителей. Пфальцграфъ велѣлъ покореннымъ раздѣлиться на 3 части: въ одной были чужіе крестьяне, большею частію принадлежавшіе пфальцграфу, въ другой — гарнизонъ, въ третьей — жители города. Послѣ полудня потребовано было первое отдѣленіе. При выходѣ изъ города оно должно было положить оружіе и потомъ пройти между выстроившихся шпалерой рейтаровъ, на гору св. Георгія; тамъ въ кругу, составленномъ изъ всей конницы, надъ

болѣе виновными, для примѣра другимъ, должна была свершиться казнь. Во время шествія нѣкоторые изъ крестьянъ пытались бѣжать; рейтары, составлявшіе шпалеры, бросились за ними. Замѣтивъ это, стоявшій на возвышенности отрядъ конницы ринулся туда же. Такимъ образомъ совершенно обезоруженные бѣглецы окружены были со всѣхъ сторонъ и въ одно мгновеніе было изрублено 800 человѣкъ крестьянъ. Самъ архіепископъ трирскій лично участвовалъ въ сѣчѣ и собственнымъ примѣромъ воодушевлялъ сражавшихся. Разсказывали потомъ, что ландграфъ жалѣлъ о случившемся. Но въ его подробномъ письмѣ объ этомъ происшествіи нѣтъ и тѣни сожалѣнія. Этотъ молодой и легкомысленный князь, разъ отвѣдавъ, крови вошелъ во вкусъ ея. Выбравъ послѣ рѣзни изъ оставшихся крестьянъ восемьдесятъ человѣкъ, онъ приговорилъ ихъ къ казни *). День спустя, казнивъ еще одного начальника и фендриха, пфальцграфъ перенесъ мѣсто своихъ кровавыхъ дѣйствій въ Фрейнсгеймъ и Нейштадтъ на Гардтѣ; оттуда въ нижній Эльзасъ. Ландау сдался безъ всякаго сопротивленія; Вейсенбергъ, только что принявшій сторону крестьянъ, мужественно защищался. Послѣ 600 пущенныхъ въ него выстрѣловъ, городъ сдался 7 іюня на условія заплатить 8,000 гульденовъ, выдать князьямъ 6 орудій и 3 бюргеровъ, которые и поплатились смертію за мужество свое и своихъ согражданъ. Отсюда Курфирстъ-архіепископъ отправился въ Триръ, въ свои собственныя владѣнія: здѣсь все было спокойно. Въ Кельнѣ также никѣмъ не была нарушена всеобщая тишина. Въ Мюнстерѣ, говоря высокимъ слогомъ епископа, бюргеры стояли за свое достоинство. Братъ его, архіепископъ Кельнскій, совѣтовалъ ему, для того чтобы не воз-

*) Собственное, очень подробное письмо пфальцграфа къ Георгу Трухзесу отъ 26 іюня, въ рукописи Никласа Томанна. Не мѣшаетъ сравнить съ Гареромъ и съ древней рукописью у Шунка.

становить вторично противъ себя и духовенства, и бюргеровъ, прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости, и дѣйствительно въ слѣдующій же годъ городъ «лишь изъ желанія сдѣлать пріятное своему повелителю» отказался отъ своихъ тезисовъ и изгнанные каноники вернулись въ свою обитель. Курфирстъ Лудвигъ вернулся въ Гейдельбергъ. Кровавый слѣдъ обозначалъ его обратный путь; облагая побѣжденныхъ постоянно штрафами, онъ принесъ съ собою солидную сумму 200,000 гульденовъ *). На ландтагѣ, назначенномъ имъ 26 сентября, онъ объявилъ, что если его подданные слишкомъ обременены налогами, то онъ готовъ облегчить ихъ; земскіе чины отвѣчали, «что это будетъ пріятно Богу и послужитъ вѣрнымъ средствомъ для избѣжанія будущихъ возмущеній». Хозяйство при дворѣ Лудвига и Фридриха велось до сихъ поръ съ расточительностью, близкою къ безпорядочности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Усмиреніе мятежа въ верхней Швабіи.

Послѣ выступленіи Трухзеса въ Виртембергъ и далѣе во Франконію, около Ульма осталось только нѣсколько небольшихъ конныхъ и пѣшихъ отрядовъ. Съ помощью этихъ отрядовъ ульмскіе совѣтники казнями и контрибуціями усмиряли волненія крестьянскихъ общинъ и приводили ихъ вновь

*) Томасъ Цвейфель стр. 485.

къ присягѣ. Деревни и дворы, отказывавшіеся отъ присяги, были сжигаемы. Такъ былъ сожженъ Ферингенъ. Грумбахеръ спасся, только благодаря заступничеству одного дворянина. Жители Гаузена отказались отъ присяги, за это ихъ село было предано пламени. Эти жестокости вызвали и со стороны крестьянъ грабежи и поджоги. Съ ульмскихъ башенъ на далекое разстояніе можно было видѣть горящіе селенія, замки и монастыри. Крестьяне дали полную волю своей мести. Они жгли и грабили замки и монастыри. Въ особенности послѣднимъ приходилось плохо. Въ нижней Швабіи разнеслись даже слухи, что крестьяне угрожаютъ Ульму. Болѣе всего отличалась при этомъ красная банда, стоявшая главной квартирой около Винцгейма. Соединившись съ другимъ отрядомъ, пришедшимъ изъ Алльгау, 12-го мая банда заняла мѣстечко Таннгаузенъ, а 13-го числа подошла къ замку Мюнгстергаузенъ, принадлежавшему фамиліи ф. Ротъ и расположенному на высокой открытой равнинѣ; замокъ этотъ былъ хорошо снабженъ всѣмъ кромѣ войска: въ немъ находилось всего 34 человѣка.

Послѣ отчаяннаго сопротивленія замокъ былъ взятъ, причемъ погибъ почти весь гарнизонъ. Но крестьянамъ не удалось воспользоваться побѣдою. Едва они вступили въ замокъ, какъ загорѣвшійся или, можетъ быть, нарочно зажженный, боченокъ пороха произвелъ взрывъ, и побѣдителямъ пришлось искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Вслѣдъ затѣмъ крестьяне взяли и ограбили замокъ Ерольсгеймъ. Тогда союзъ прислалъ сюда одного изъ своихъ начальниковъ Зигмунда Бергера съ 1,000 пѣхоты и 100 конницы; 17 мая Бергеръ напалъ близъ деревни Аленъ на крестьянскую шайку, состоявшую изъ 4,000 человѣкъ, разсѣялъ ее и взялъ до 1,000 человѣкъ плѣнныхъ, которые и присягнули союзу. Вслѣдъ затѣмъ къ нему подоспѣло значительное подкрѣпленіе, впрочемъ дѣло нигдѣ не доходило до сраженія: при видѣ сильнаго непріятеля крестьяне прятались въ лѣса. Союзники гра-

били крестьянъ, не хотѣвшихъ принимать присягу; крестьяне въ свою очередь разворяли присягнувшія селенія. Съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ.

Въ Обер-и Унтераллъгау, въ Гегау, Зундгау дѣло было серьезнѣе.

Въ Меммингенѣ, гдѣ альгауцы держали свое второе собраніе, дѣло дошло почти до открытаго возстанія. Революціонная партія въ городѣ одержала верхъ. Магистрату и знати приходилось плохо. Тогда совѣтники тайно обратились въ Ульмъ съ просьбою о помощи.

Въ пятницу послѣ Троицы въ городѣ явился отрядъ войска, они вступили въ переговоры съ горожанами, прося ихъ позволить имъ остановиться на время въ городѣ съ 100 лошадей. Горожане согласились. Солдаты вошли въ городъ, разоружились и мирно разошлись по домамъ. Но ночью тайно въ городъ вступило еще 2200 человѣкъ. Мятежъ былъ усмиренъ. Зачинщики его, не умѣвшіе спастись бѣгствомъ, казнены и въ городѣ возстановленъ старый порядокъ.

Алльгауцы, какъ мы видѣли выше, не утвердили договора, заключеннаго ихъ уполномоченными въ Вейнгартенѣ. Они продолжали раззорять замки и монастыри. 11 мая въ лагерь алльгауцевъ явились уполномоченные Фердинанда и завязали переговоры. Эрцгерцогу хотѣлось помощью миролюбивыхъ уступокъ присоединить Альгау къ австрійскимъ владѣніямъ. Мѣстомъ для рѣшительныхъ переговоровъ назначенъ былъ Кауфберенъ. Но переговоры шли туго. Между тѣмъ приближался Трухзесъ съ союзнымъ войскомъ. Путь его всюду сопровождалася пожарами, грабежами, убійствами. Около Нордлингена Георгъ получилъ письмо Эрцгерцога. Фердинандъ писалъ ему, что въ Оберъ-Алльгау все спокойно, поэтому его дальнѣйшій походъ совершенно безполезенъ и можетъ подвергнуть опасности не только австрійскія владѣнія, но и самую особу Эрцгерцога. Трухзесъ сообщилъ это письмо членамъ союзнаго совѣта. Тѣ приказали ему идти впередъ, не

взирая на Эрцгерцога: не Эрцгерцогъ, а союзъ сдѣлалъ его начальникомъ войска. Трухзесъ двинулся. Онъ съ такимъ рвеніемъ принялся за поджоги и грабежи, что испугалъ даже членовъ союза: они попытались остановить его напоминаніемъ, что союзъ вовсе не имѣетъ ввиду разорить страну. Но Трухзесъ не унялся: онъ отвѣчалъ на письмо, что если господа совѣтники хотятъ учить его вести войну, пусть идутъ на поле битвы, онъ охотно помѣняется съ ними ролями и займетъ ихъ мѣсто на перинѣ.

При Шраттенбахѣ Георгъ встрѣтился съ авангардомъ альгауской банды. Вскорѣ оба войска стояли лицомъ къ лицу. Крестьяне успѣли занять выгодную позицію на горѣ, между Иллеромъ и Луибасомъ. Банда была многочисленна (до 27 т.) снабжена многими орудіями. Ею командовали люди опытные въ военномъ дѣлѣ: Вальтеръ Бахъ, служившій прежде подъ начальствомъ Трухзеса, Каспаръ Шнейдеръ, и другіе. Войско Трухзеса даже послѣ присоединеній къ нему Георга Фрейндсберга съ 3 т. кнехтовъ было гораздо малочисленнѣе. Исходъ борьбы его съ альгауцами былъ весьма сомнителенъ. А между тѣмъ пораженіе Трухзеса здѣсь обратило бы въ нуль всю предшествовавшую работу союза: налѣво лежала вся нагорная область Альпъ, еще не положившая оружія, направо—вся страна отъ Геагау до Зундгау, сзади грозило новое возстаніе Виртемберга, а за нимъ и всей Германіи. Но Трухзесу помогла *измѣна*. Предводители крестьянъ Бахъ и Шнейдеръ предали ихъ. Имъ удалось уничтожить пороховые запасы банды какъ разъ во время аттаки Трухзеса. Смятеніе войска было довершено бѣгствомъ предводителей въ самую рѣшительную минуту и открытіемъ ихъ предательства. Въ короткое время почти вся банда разсѣялась. Только одинъ отрядъ подъ предводительствомъ Шмидта сохранилъ порядокъ среди всеобщаго отступленія. Онъ отступилъ и укрѣпился на горѣ у Калленберга. Однако скоро голодъ и пожаръ окрестныхъ селеній, зажженныхъ Фрейндсбергомъ, что-

бы выманить съ горы повстанцевъ изъ этихъ селъ, заставили крестьянъ сдаться. Условіями сдачи были поставлены: новая присяга, контрибуціи и казнь зачинщиковъ. Впрочемъ нѣкорымъ изъ нихъ удалось спастись бѣгствомъ.

Около этого же времени было подавлено возстаніе въ Гегау; и здѣсь крестьянъ сгубила измѣна военоначальниковъ. Начальникъ швейцарцевъ Гансъ Мюллеръ и бывшій предводитель неккартальцевъ Гейнрихъ Малеръ, теперь главный начальникъ гегауцевъ, оставили войско въ рѣшительную минуту. 16 іюня крестьяне были разбиты Маркомъ Зиттихомъ. Многіе бѣжали; другіе сдались на довольно выгодныхъ условіяхъ; посредниками при договорѣ были швейцарскіе города.

Уже съ мая мѣсяца въ Базелѣ шли совѣщанія между уполномоченными отъ пяти городовъ Цюриха, Берна, Базеля, Золотурна, Шафгаузена о средствахъ къ успокоенію верхняго Эльзаса, Зундгау, Брейсгау и Шварцвальда. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ временно были прекращены военныя дѣйствія до дня св. Ульриха, 4 іюля; впродолженіи перемирія хотѣли утвердить доброе соглашеніе между владѣтелями и ихъ подданными. Швейцарцы прибѣгали даже къ угрозамъ. Если дѣйствовать не по справедливости, говорили они, крестьяне снова возьмутся за оружіе, а союзники примутся за дѣло такъ, что всей странѣ будетъ не до смѣху. Довольно уже натѣшились этой забавой *). Опасеніе вооруженнаго вмѣшательства швейцарцевъ, отъ которыхъ, напротивъ, ожидали еще помощи, сильно подѣйствовало на крестьянъ. На успѣхъ миролюбивыхъ стараній болѣе прочихъ имѣлъ вліяніе благородный маркграфъ баденскій Филиппъ. 18 сентября ему удалось наконецъ устроить мирную сдѣлку между пограничными австрійскими владѣніями и ихъ правительствомъ. Крестьяне

*) Письмо крестьянскаго начальника Грегора Мюллера Фрейбургу отъ 3 іюня.

не могли вообще пожаловаться на этотъ договоръ. Однако предводители были исключены изъ амнистіи. Въ субботу послѣ Троицы покорился верхній Эльзасъ; вслѣдъ затѣмъ и Брейсгау принялъ договоръ.

Правительство недолго однако соблюдало его. Скоро начались казни, насилія и жестокости. Возстаніе вспыхнуло снова и грозило принять значительные размѣры. Однако, благодаря посредничеству Филиппа и другихъ сторонниковъ мира, дѣло было улажено. Золотурнъ и Лауфенталь еще ранѣе были успокоены. Также и Тургау.

Только восемь согласій *Шварцвальда* еще не приняли присяги и не положили оружія. Надѣясь на нихъ, въ октябрѣ клеттгауцы возстали противъ тираніи своего господина, графа зульцскаго, который нарушилъ договоръ и сталъ притѣснять своихъ подданныхъ. Жестокость его особенно проявлялась въ преслѣдованіи принявшихъ новое ученіе; онъ истязалъ ихъ, наказывая желѣзными прутьями, и довелъ до того, что они прибѣгли къ оружію для защиты личной безопасности. Но эрцгерцогъ и города, державшейся старой вѣры, соединившись, вскорѣ заставили ихъ положить оружіе; это было имъ тѣмъ легче, что союзники крестьянъ, особенно въ Цюрихѣ, обѣщавшіе имъ покровительство и защиту, оставили возставшихъ безъ всякой помощи. Послѣ двухчасоваго сраженія при Грисенѣ, служившемъ когда то мѣстопребываніемъ Томасу Мюнцеру, они должны были сдаться на безусловную волю побѣдителей. Проповѣднику Гансу Рембану графъ Рудольфъ велѣлъ вырвать желѣзными ложками глаза и, набивъ глазницы сѣномъ, прогналъ его: несчастный умеръ отъ жестокихъ страданій. Предводители были повѣшены. Швейцарія и швабскій союзъ настояли однако, чтобы жалобы на Рудольфа его подданныхъ были разобраны и рѣшены третейскимъ судомъ *).

*) Буллингеръ, Ансельмъ, Пуппикоферъ, Зейдлеръ, Себастіанъ Шертлинъ.

13 ноября при замкѣ Гутенбергѣ положили оружіе и восемь согласій Шварцвальда. Они заключили договоръ и присягнули въ вѣрности австрійскому дому. Однимъ изъ условій договора была предоставлена произволу мѣстныхъ властителей колыбель возстанія—городъ *Вальдсгутъ*. Покинутый всѣми, городъ этотъ держался до 5 декабря, когда измѣна его же собственныхъ бюргеровъ предала его въ руки австрійцевъ. Ночью многіе успѣли бѣжать изъ города. Храбрый начальникъ *Конрадъ Іеле* изъ Нидермюля, пощадившій *Сентъ-Блазіенъ*, былъ пойманъ и тотчасъ же повѣшенъ на первомъ попавшемся деревѣ. Утромъ въ Сентъ-Блазіенѣ на городскихъ воротахъ появилась пригвожденная правая рука казненнаго съ надписью: «Рука эта будетъ мстителемъ». Четыре мѣсяца спустя, аббатство пылало яркимъ пламенемъ *).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Волненія на сѣверѣ Германіи.

На сѣверѣ Германіи волненіе вообще проявилось слабо. Впрочемъ югъ Германіи и всегда принималъ гораздо большее участіе въ политическихъ событіяхъ. Идеи, руководившія возстаніемъ, только еще начали проникать на сѣверъ, въ то время когда въ Тирингіи, на Майнѣ, Неккарѣ и Дунаѣ мятежъ былъ уже почти потушенъ. Первые предвозвѣстники войны появились въ сѣверной Германіи только уже во время опаснаго кризиса на югѣ.

*) Шрейберъ, Карманная книга, 1840.

Волненіе въ *Силезіи*, къ которому мы еще возвратимся, носило главнѣйшимъ образомъ религіозный характеръ. Болѣе политическій оттѣнокъ приняло движеніе въ Лифляндіи, Эстляндіи, Самогитіи, на границахъ Польши и Пруссіи,—тамъ, гдѣ Балтійское море омываетъ нѣмецкіе берега. Новое ученіе скоро было занесено въ Лифляндію и Эстляндію и пустило тамъ корни; но двѣнадцать тезисовъ проникли туда только лѣтомъ 1525 года.

Страшная тиранія, многочисленнаго дворянства тяготѣвшая здѣсь надъ населеніемъ деревень и небольшихъ городовъ, должна была сдѣлать 12-ть тезисовъ особенно привлекательными народу. Осенью 1525 года поднялись эстляндскіе крестьяне между озеромъ Пейпусомъ и Финскимъ заливомъ; въ окрестностяхъ городовъ Везенберга и Тольсберга. Въ Лифляндіи тоже начались волненія. Въ Ревелѣ многіе изъ бюргеровъ, принявшихъ новое ученіе, были за одно съ крестьянами. На основаніи двѣнадцати тезисовъ и другихъ дополнительныхъ статей, прибавленныхъ ими самими, крестьяне стали требовать, чтобы отъ дворянства были отняты всѣ привилегіи, которыми оно пользовалось вопреки евангелію. Дворянство поняло, какой вредъ приноситъ новое ученіе его интересамъ, и стало во враждебныя къ нему отношенія. Между тѣмъ въ октябрѣ самогитскіе крестьяне и рыбаки въ окрестностяхъ Прегеля, по берегамъ Фришгафа, Куришгафа и Нѣмецкаго моря тоже возстали и требовали не только уничтоженія дворянскихъ привиллегій, но и полнаго искорененія дворянства, какъ «негодныхъ плевелъ».

Командоръ ордена, Альбрехтъ бранденбургскій, братъ ревностнаго реформатора Казиміра, оказывалъ всевозможное покровительство лютеранскимъ пасторамъ, думая ввести съ ихъ помощью во всей странѣ лютеранство. За пасторами явились

и проповѣдники. Ученіе о евангельскомъ братствѣ и равенствѣ пришлось вполнѣ по сердцу крестьянамъ; если какой проповѣдникъ удалялся отъ него, то они тотчасъ же останавливали его словами: «Господинъ священникъ, вы должны проповѣдывать вашей паствѣ чистое слово Божіе, а не лицемѣрить, какъ это дѣлалось прежде». Иногда они даже угрожали проповѣдывавшимъ не въ ихъ духѣ. Что они понимаютъ подъ «чистымъ словомъ Божіемъ», крестьяне поясняли такъ: «Евангеліе, по ихъ мнѣнію, отдастъ въ ихъ распоряженіе всѣ имущества господъ, а это не можетъ быть исполнено до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ дворянинъ будетъ въ Пруссіи».

Альбрехтъ писалъ брату своему Казиміру, что крестьяне настаиваютъ на полномъ сравненіи дворянства съ прочими осло̀віями, въ противномъ случаѣ угрожаютъ перебить всѣхъ благородныхъ.

Основываясь на евангельскомъ изреченіи: «Покланяйтесь *единому* Богу и служите *единому* господину», крестьяне собирались раззорить гнѣзда вороновъ и искоренить ихъ родъ. Съ насъ довольно и одного господина, говорили они, государя страны; нѣтъ никакой надобности повиноваться дворянству; дворяне никогда не держатъ даннаго слова; они запрещаютъ намъ пользоваться птицей, летающей въ воздухѣ, рыбой, плавающей въ водѣ, которыхъ самъ Богъ создалъ на то, чтобы каждый могъ свободно пользоваться ими. Господь теперь смиловался надъ крестьянами и хочетъ освободить ихъ отъ подобныхъ несправедливостей.

Въ Швабіи и Франконіи ярость крестьянъ была преимущественно направлена противъ кавалеровъ нѣмецкаго ордена. Крестьяне преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ. Это ожесточеніе можно объяснить тѣми особыми обстоятельствами, въ которыхъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ актовъ, находились элльвангенцы, ерингерцы и гейльбронцы, обстоятельства эти слишкомъ грязны и слишкомъ мерзки, чтобы объ нихъ можно

было говорить въ печати. Они дѣлаютъ совершенно понятною ту злобу, которую бюргеры и крестьяне питали къ нѣмецкому *рыцарскому* ордену. Но были въ Германіи области, въ которыхъ рыцари нѣмецкаго ордена поступали еще гнуснѣе. Такъ было въ Самогитіи.

Предводителями движенія въ Самогитіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, были частію духовныя, частію міряне. Когда герцогомъ Альбрехтомъ обнародованъ былъ указъ, призывающій къ усмиренію возстанія, одинъ проповѣдникъ изъ Фридланда снялъ съ герцогскаго указа печать и скрѣпилъ ею сочиненное имъ самимъ письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что народное движеніе совершается не безъ вѣдома и согласія властителя страны, который самъ принимаетъ сердечное участіе въ крестьянахъ, что время освобожденія наступило, такъ какъ на ихъ сторонѣ Богъ и его святое евангеліе и благоволеніе и воля государя.

Проповѣдникъ этотъ былъ сынъ одного бюргера изъ города Фридланда, получившій образованіе въ высшей саксонской школѣ. Его фальшивый манифестъ, выдававшій герцога Альбрехта участникомъ движенія, съ безусловною вѣрою былъ принятъ крестьянами. Проповѣдникъ день и ночь уговаривалъ и возбуждалъ «вырвать съ корнемъ плевелы», плевелы «Цицанія»,—этимъ таинственнымъ лозунгомъ обозначалъ онъ въ своемъ письмѣ дворянство.

Крестьяне начали съ дворянства, разсуждалъ горцогъ Альбрехтъ, но покончатъ вѣроятно государемъ страны. Это умозаключеніе заставило его поспѣшить кровавымъ подавленіемъ возстанія, хотя до сихъ поръ крестьяне не пролили ни капли крови. Во главѣ трехсотеннаго отряда рейтаровъ отправился онъ по городамъ и селамъ, вывѣдывая и захватывая горожанъ и крестьянъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ мятежѣ. Все его путешествіе, начавшееся 5 ноября, было странствующимъ уголовнымъ судомъ. Въ Кенигсбергѣ казнено было тридцать человѣкъ крестьянъ, подвергнутыхъ прежде пыткѣ,

и нѣсколько бюргеровъ, названныхъ крестьянами во время пытки. Многіе крестьяне были высланы изъ страны, другіе бѣжали сами. Между казненными въ Кенигсбергѣ былъ проповѣдникъ, обвиненный, какъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ возстанія. Въ городѣ Фридландѣ былъ схваченъ другой проповѣдникъ и четвертованъ. Его обвиняли въ сочиненіи и распространеніи письма, въ которомъ герцогъ Альбрехтъ выдавался за сторонника крестьянъ.

Главными двигателями возстанія на берегахъ Балтійскаго моря были безъ сомнѣнія не лютеранскіе пасторы, а проповѣдники, впрочемъ не изъ перекрещенцевъ. Пылкое краснорѣчіе этихъ проповѣдниковъ, пересыпанное библейскими текстами, истолковываемыми по произволу, имѣло огромное вліяніе на народъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его держали въ большомъ невѣжествѣ. Одинъ очевидецъ такъ описываетъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ, которыхъ онъ слышалъ въ Вестфаліи: «эти люди прельстили бы самого чорта своими рѣчами и проповѣдями; сами они увѣрены, что Богъ сопутствуетъ имъ, и никто не въ силахъ имъ противодѣйствовать. Невозможно пересказать, до чего они умѣютъ говорить» *).

Неудивительно, что самогитскіе крестьяне были увлечены ихъ проповѣдями. Сборнымъ пунктомъ крестьянъ была назначена мельница *Каспара* въ городѣ *Кайнанѣ*. Въ желаніи крестьянъ измѣнить нѣкоторыя политическія отношенія, герцогъ заподозрилъ какое-то кровавое, требующее отмщенія преступленіе. Онъ не принималъ въ разсчетъ того, что самъ онъ поступалъ гораздо хуже въ отношеніи своего ордена, чѣмъ эти крестьяне; онъ забывалъ, что настоящіе его поступки противъ нихъ были вопіющею несправедливостью и воз-

*) Генрихъ Грасбекъ, въ своемъ показаніи о перекрещенцахъ въ Мюнстерѣ, источники для исторіи Мюнстера, Корнеліуса II стр. 70, 49.

буждали еще большую жажду местисъ ихъ стороны. Когда сами государи дѣйствуютъ противозаконно, они никогда не сознаются въ этомъ; въ *Пруссіи* это подтвердилось также какъ и въ *Зальцбургѣ* и въ *Тиролѣ*.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Кровавая расправа альпійскихъ крестьянъ съ дворянствомъ въ Шладмингѣ.

Когда народное дѣло почти вездѣ было проиграно, и со всѣхъ сторонъ слышались ликованія побѣдителей, съ верхнихъ Альпъ были получены извѣстія, утѣшительныя для побѣжденныхъ; великіе міра должны были умѣрить свое торжество. Въ то время когда штирійскіе крестьяне отодвинулись въ зальцбургскія владѣнія, Зигмундъ *Дидрихштейнъ* писалъ въ Вѣну, прося денегъ на жалованье своимъ нѣмецкимъ и богемскимъ солдатамъ. Военный совѣтъ отвѣчалъ ему на это, что если онъ станетъ сильнѣе наказывать зачинщиковъ мятежа и брать контрибуціи вездѣ, гдѣ только появлялось возстаніе, то и самъ достанетъ необходимыя ему деньги. Сообразно съ этимъ Дидрихштейнъ бралъ контрибуціи и съ виноватыхъ, и съ правыхъ; крестьяне съ ужасомъ смотрѣли, какъ погибали лучшіе люди изъ ихъ среды: ихъ сажали на колъ, сдирали съ живыхъ кожу, четвертовали. Крысы Дидрихштейна (такъ крестьяне называли его гусаровъ) оказались злѣе турокъ, они «отрѣзывали жен-

щинамъ груди, изъ беременныхъ вырѣзали младенцевъ» *). Такія звѣрства не усмирили крестьянъ; напротивъ, они возбудили въ нихъ жажду мщенія и заставили ихъ собраться на зальцбургскихъ границахъ. Городокъ *Шладмингъ* былъ во власти Дидрихштейна. Рудокопы изъ Шладминга бѣжали въ Майндлингъ и просили собравшихся тутъ штирійскихъ и зальцбургскихъ братьевъ послать въ Шладмингъ угрожающее письмо, чтобы заставить его вступить въ христіанское братство. Получивъ письмо, 7 бюргеровъ поспѣшили изъ Шладминга къ Дидрихштейну въ Іердингъ съ просьбою о помощи. Дидрихштейнъ двинулся къ Шладмингу, занялъ городокъ и его окрестности и рѣшился до ухода своего усмирить крестьянъ.

Шладмингъ лежалъ на самой зальцбургской границѣ. Крестьянскими отрядами, охранявшими эту границу, командовалъ зальцбургскій начальникъ Михаэль *Груберъ* фонъ *Радштаттъ*. Дидрихштейнъ написалъ ему, что онъ готовъ отступить отъ города, если Груберъ не станетъ держать у себя непокорныхъ подданныхъ эрцгерцога и не будетъ обижать послушныхъ. Груберъ отвѣчалъ, что на это можетъ быть дано разрѣшеніе только изъ главной квартиры мѣстныхъ крестьянъ въ Зальцбургѣ. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ посланный отъ коммисіи изъ Зальцбурга и вслѣдъ за нимъ письмо эрцгерцогскихъ совѣтниковъ. И то и другое извѣстіе увѣдомляли о восьмидневномъ перемиріи. Дидрихштейнъ принялъ его съ условіемъ, «пока онъ здѣсь находится, пользоваться властію эрцгерцога.»

Кромѣ того онъ получилъ тайное извѣстіе, что съ часу на часъ слѣдуетъ ожидать Никласа фонъ Зальма, преемника его въ главной командѣ, и что тогда съ полными силами можно будетъ напасть на безпечныхъ крестьянъ.

---

*) Показанія эрцгерцогскихъ совѣтниковъ. Собственныя признанія Дидрихштейна и Никласа фонъ-Зальма.

На другое утро Дидрихштейнъ хотѣлъ приготовить письменный отвѣтъ по поводу перемирія. Весь вечеръ и часть ночи на 3 іюля проведены были рыцарями въ неумѣренномъ бражничаньи. Утромъ въ 5 часовъ полководецъ былъ разбуженъ вѣстію, принесенною пойманнымъ мальчикомъ, что въ крестьянскомъ лагерѣ не спали почти всю ночь. Дидрихштейнъ вскричалъ: «Шельмы затѣваютъ противъ насъ что нибудь недоброе, они вѣрно собираются напасть на насъ». «Зигмундъ,—возразилъ ему Кенигсфельдеръ,—не безпокой свою больную ногу, крестьяне не могутъ напасть на насъ.» Рыцарь разсчитывалъ на невозможность аттаки, потому что крестьянамъ необходимо было пройти при этомъ чрезъ дикія и неприступныя горныя вершины.

Однако Дидрихштейнъ поспѣшно поднялся. Вдругъ раздался крикъ: «Непріятель, непріятель!» Онъ схватился за оружіе и, позвавъ пажа, велѣлъ посмотрѣть, что тамъ за шумъ. Мальчикъ растворилъ окно и высунулся, но тотчасъ же былъ раненъ въ шею. Дидрихштейнъ бросился на лошадь и окруженный 200 солдатъ выѣхалъ на площадь, гдѣ происходила схватка. Лошадь подъ нимъ была ранена, самъ онъ получилъ сильный ударъ въ голову, Куэндорфъ палъ возлѣ него, Кристофъ Вельзеръ, заколотый, повисъ на сѣдлѣ. Многіе солдаты передались крестьянамъ. Рыцари, большею частію застигнутые врасплохъ въ постели, бросились къ верхнимъ воротамъ, но, подъѣхавъ туда, нашли, что и здѣсь солдаты перешли уже на сторону крестьянъ, что орудія взяты, конница разсѣялась, богемцы частію забраны въ плѣнъ, частію разбѣжались. Рупрехтъ Вельзеръ палъ, смертельно раненный. Груберъ закричалъ рыцарямъ, чтобъ они бѣжали въ церковь; они повиновались. Дидрихштейнъ сдался въ плѣнъ ландскнехтамъ, передавшимся крестьянамъ.

Число крестьянъ, напавшихъ на войско Дидрихштейна, было весьма невелико, ихъ насчитывали всего 4,000 человѣкъ. Однако нападеніе это удалось, какъ нельзя лучше, ми-

гомъ, не только были захвачены всѣ австрійскія орудія, но и всѣ люди, неумѣвшіе бѣжать, были или перебиты, или сброшены въ Эннсъ. Городъ былъ ограбленъ. По приказанію Дидрихштейна, данному еще наканунѣ, вся конница въ 4 часа утра вышла изъ города черезъ Эннскій мостъ и оставила городскія ворота открытыми. Въ числѣ 3,000 человѣкъ, убитыхъ при схваткѣ, было много каринтійскихъ и штирійскихъ дворянъ; 18 рыцарей были схвачены въ церкви. Съ барабаннымъ боемъ всѣхъ плѣнныхъ повели въ квартиру главнаго крестьянскаго начальника. Груберъ спросилъ о *Кейтшахѣ* и *Пранкѣ*, но ихъ не оказалось между плѣнными. «Пранке долженъ умереть, вскричалъ онъ, даже если бы это стоило тысячу человѣкъ.»

Созвана была сходка, и профосъ съ барабаннымъ боемъ ввелъ взятаго въ плѣнъ непріятельскаго начальника въ кругъ. Одинъ рудокопъ выступилъ противъ него обвинителемъ: «Присутствующій здѣсь Дидрихштейнъ,—сказалъ онъ,— косоглазый выблядокъ, недавно еще преслѣдовалъ братьевъ нашихъ, отправляя ихъ въ ссылку, сажалъ ихъ на колъ и раздиралъ на двое, привязывая къ лошадямъ; онъ былъ причиною погибели Вельфеля фанъ-деръ-Гефта, котораго онъ посадилъ на колъ. Недавно еще онъ поступилъ также съ нашими начальниками въ Ирмингѣ, онъ хотѣлъ посадить на колья и насъ,— съ этою цѣлью онъ привезъ сюда цѣлую телѣгу кольевъ; его крысы изрубили и изрѣзали въ куски нашихъ женъ и сестеръ. Мы должны обдумать, какъ поступить съ нимъ также, какъ бы онъ поступилъ съ нами, если бы мы были въ его власти. Кто изъ находящихся здѣсь въ кругу имѣетъ что либо возразить противъ этого, тотъ пусть выступитъ впередъ.» Никто не выходилъ, всѣ молчали. «И такъ,—воскликнулъ обвинитель,—моя жалоба достаточно доказана, и мы поступимъ справедливо, если также посадимъ его на колъ. Кто со мною согласенъ, подними руку!»

Болѣе 4,000 рукъ поднялись въ воздухѣ. Дидрихштейнъ

защищался, умолялъ, напоминалъ ландскнехтамъ, что онъ, какъ рыцарь, сдался на честь. *Ландскнехты* и *Груберъ* стали поддерживать его. Споръ между ними и крестьянами дошелъ до кровавой развязки: рѣшили спросить совѣта въ Зальцбургѣ. Комитетъ въ Зальцбургѣ отвѣчалъ, что съ плѣнными рыцарями слѣдуетъ поступать благородно; общее же собраніе писало, что ихъ всѣхъ должно умерщвлять. Но послѣднее письмо было подмѣнено Вейтмозеромъ.

На третій день 32 богемца, между ними дворяне и простые кнехты, были казнены на площади; ровно столько же крестьянъ было казнено прежде Дидрихштейномъ. Дворяне должны были смотрѣть на казнь, и ни одинъ изъ нихъ не могъ поручиться, чтобы и съ нимъ не поступили бы также. Сходка опять потребовала, чтобы Дидрихштейнъ былъ казненъ первый, но Груберъ и ландскнехты и тутъ спасли его. Всевозможныя поношенія и насмѣшки должны были вытерпѣть дворяне въ плѣну, наконецъ, въ крестьянскихъ балахонахъ и крестьянскихъ шляпахъ, посаженные на рабочихъ клячъ, они были отправлены въ замокъ Верфенъ. Въ Шладмингѣ найдены были крестьянами огромныя суммы денегъ, набранныя Дидрихштейномъ, и много вещей, принадлежавшихъ дворянамъ и войску.

Нарядившись въ золотыя рыцарскія цѣпи и блестящіе шлемы на породистыхъ, доставшихся имъ въ добычу рыцарскихъ боевыхъ коняхъ, крестьяне уѣхали изъ города.

Такъ поступали крестьяне съ заслужившими такого обращенія дворянами. Груберъ доносилъ объ этой битвѣ такъ «Въ 5 часовъ я напалъ на Шладмингъ и раззорилъ его. Хвала честь и благодареніе за это Господу. Когда я освободилъ бывшихъ въ плѣну нѣмецкихъ кнехтовъ и нѣкоторыхъ бюргеровъ, они объявили мнѣ, что Богъ былъ слишкомъ милостивъ ко мнѣ, потому что дворяне имѣли намѣреніе напасть на насъ и умертвить».

При Роттеманѣ графъ Зальмъ встрѣтилъ нѣсколько сотъ

бѣжавшихъ съ сраженія рейтаровъ и кнехтовъ. Онъ собралъ эти остатки и, получивъ подкрѣпленіе въ нѣсколько тысячъ, весь августъ держался съ ними за стѣнами Любена и Брука; въ то же время шладмингскіе ратники, перешедши въ эннскую долину, готовили въ Штиріи новое возстаніе. Эрцгерцогъ поспѣшилъ одобрить предложенія правительствъ всѣхъ пяти герцогствъ, настаивая въ то же время, чтобы ихъ контингенты соединились, а не дѣйствовали одиночно въ каждой мѣстности противъ крестьянъ. Въ Каринтіи и верхней Австріи около Варѳоломеева дня крестьяне снова были спокойны: помѣщики помирились съ ними, отмѣнивъ нѣкоторые налоги. Вездѣ въ герцогствахъ сами владѣтели и города настаивали, чтобы повинности простолюдина были облегчены. Они не упускали при этомъ изъ виду и своихъ выгодъ, и точными опредѣленіями старались по прежнему оставить за собою право эксплуатировать силами народа. Они избавили своихъ крестьянъ отъ контрибуціи, не смотря на всѣ внушенія эрцгерцога; они даже готовы были сейчасъ же вызвать изъ войска своихъ людей. Предводители возстанія были отлучены отъ церкви; всѣ они бѣжали въ зальцбургскія владѣнія *).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Постановленія тирольскаго сейма.

Гонцы и письма безпрестанно летали отъ Зальцбургцевъ въ Швацъ и другія тирольскія рудокопни съ просьбою о помощи. Если Зальцбургъ будетъ усмиренъ, писали онѣ, то подобная же участь неизбѣжно постигнетъ и Тироль и другія мѣстности. Между тѣмъ эрцгерцогъ всѣми силами старался возстановить спокойствіе въ зальцбургскихъ владѣніяхъ, такъ какъ почти вездѣ они граничили съ его собственными наслѣдственными землями. 1,000 рудокоповъ бѣжали въ Зальцбургъ, гдѣ были уже родственники и друзья.

*) Изъ австрійскихъ архивовъ, у Бухольца. Хроника Зальцбурга и Штиріи

Въ большей части Тироля эрцгерцогу удалось водворить спокойствіе назначеніемъ ландтага для рѣшенія дѣлъ.

На этомъ ландтагѣ, открытомъ въ первое воскресенье послѣ Троицы, предполагалось устранить всѣ причины къ неудовольствіямъ. Для отмѣны нѣкоторыхъ обременительныхъ повинностей назначенъ былъ новый ландтагъ въ Боценѣ, отмѣненный впрочемъ до Михайлова дня. Фердинадъ сдѣлалъ многія уступки по вопросамъ о мѣрѣ и вѣсѣ, о ремесленномъ уставѣ, о торговлѣ, о пошлинахъ, тяготахъ, въ особенности же по вопросу о поземельныхъ отношеніяхъ, всѣ барщины, на которыя за полстолѣтія не имѣлось документовъ, были отмѣнены, мелкіе полевые десятинные сборы и двойные ренты были уничтожены, нѣкоторые повинности замѣнены незначительными денежными взносами, разрѣшена безпрепятственная охота и рыбная ловля, облегчена возможность крестьянамъ имѣть свою собственность, дозволена свободная проповѣдь евангелія и предоставлено право имѣть своихъ священниковъ *). За это всѣ общины, освобождаемыя отъ всякаго взысканія за прошлое, обязывались содѣйствовать усмиренію и наказанію виновныхъ въ возстаніи. Фердинадъ произвелъ временную секуляризацію Бриксена или, какъ обыкновенно говорится, въ качествѣ покровителя, принялъ его во временное управленіе; также и зданія нѣмецкаго ордена въ Боценѣ, Ленгмоосѣ и

*) Болѣе подробное изложеніе этихъ постоановленій находится у Бухольца IX, 336—339.

Сландерѣ, прежде занятыя крестьянами, онъ прибралъ къ рукамъ до «общей реформы». Постановленія ландтага приняты были съ благодарностью въ верхнемъ и нижнемъ Инталѣ, Иннсбрукѣ и Галлѣ, Бриксенѣ, Клаусенѣ и Нейштифтѣ.

Только въ бриксенскомъ архіепископствѣ крестьяне не хотѣли сдавать занятыхъ ими зданій и замковъ и не соглашались съ постановленіями ландтага. Они созвали новое собраніе патріотовъ; два опредѣленные Гайсмайеромъ проповѣдника открыто возстали противъ постановленій ландтага, именно въ *Меранѣ* и *Штерцингѣ*, гдѣ по сложеніи съ себя званія главнаго начальника жилъ Гайсмайеръ. Общины по *Эйзаху* не дали также удовлетворительныхъ объясненій; шландерзы разрушили монастырь, нумійерцы сожгли судью своего Петро Бузи въ его домѣ. Штейнекъ, Трутгофенъ, Велльсъ, Кастельрейхъ, Пфейфербергъ, Малейтъ снова соединились тѣснѣе прежняго, выбрали новыхъ предводителей. Вооруженные крестьяне днемъ и ночью бродили по окрестностямъ. Симонъ фонъ Паделло и Николо дель Викторъ начальствовалъ здѣсь. Общины Вальцигау поступали также: въ Стрингѣ и Ифанѣ крестьяне убили своего начальника Буленъ, овладѣли княжескимъ замкомъ и взяли въ плѣнъ княжескаго коммисара. Вслѣдъ за этимъ соединившіяся общины двинулись къ *Тренту*, отвели Эчь и бомбардировали городъ. Нонскіе и зульцскіе крестьяне положили убить того, кто будетъ провозглашать постановленія ландтага.

Правительство объявило, что тому, кто выдастъ головы Паделло и Виктора, будетъ выдана половина ихъ состоянія. Общинамъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи, но потомъ выдавшимъ главныхъ мятежниковъ, предоставлено было право свободнаго наказанія, т. е. они сами на себя налагали наказаніе Созвано было 16,000 человѣкъ, чтобы подавить возстаніе. *Нумієрцы* пали первые, потомъ *вальцигауеры*, за ними крестьяне *Нонса* и *Примера*. Съ 13 до 29 сентября здѣсь пало много мятежниковъ,—одни на висѣлицѣ, другіе на плахѣ; дома ихъ срыты до основанія; прочіе крестьяне обложены были контрибуціей; нѣкоторые изъ осужденныхъ бѣжали въ венеціянскія владѣнія.

Въ эпархіальныхъ владѣніяхъ въ *Тріентѣ*,—этомъ отечествѣ пролетаріата безземельныхъ поденщиковъ,—реакція была жестче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Послѣ многократныхъ стычекъ съ иноземнымъ войскомъ инсургенты были уничтожены. Взятые въ плѣнъ подвергались различнымъ истязаніямъ: «*имъ отрѣзывали носы, уши, четвертовали, сажали на колъ, живыми сжигали*, нѣкоторымъ *вырѣзали сердце, ударяли имъ въ лицо и распарывали животъ*; многіе лишены были имущества, наказаны розгами и высланы изъ отечества, никто не былъ отпущенъ безъ особеннаго *выжженнаго на лбу знака*.

Отсюда кровавая расправа охватила *Бриксенъ*, *Эйкзакфиштель* и *Пустерталь*: не вездѣ и не всегда дѣйствовали открыто по закону; правительство не было разборчиво на средства для достиженія цѣли и положительно уничтожило мятежниковъ. Вся Ломбардія была наполнена бѣжавшими тирольцами.

Вскорѣ послѣ ландтага *Гайсмайеръ* былъ призванъ къ суду въ *Иннсбрукъ*, чтобы дать показанія по дѣлу *бриксенцевъ*,—подозрѣвали его личное участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ долженъ былъ присягнуть, что не убѣжитъ изъ города. Однако, видя, что правительство и не думаетъ приводить въ *исполненіе рѣшенія, принятыя имъ на ландтагѣ, и обагряетъ руки кровью*, Гайсмайеръ послѣ семидневнаго пребыванія въ Иннсбрукѣ бѣжалъ оттуда въ концѣ сентября. При этомъ онъ обнародовалъ свое защитительное письмо, въ которомъ онъ оправдывался въ нарушеніи присяги: «18 городовъ и общинъ по Эйзаку,—говоритъ онъ,—обѣщали мнѣ вѣрное убѣжище, я чувствовалъ себя оскорбленнымъ и не видѣлъ причинъ, почему мнѣ не воспользоваться предлагаемымъ убѣжищемъ».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Зальцбургскій договоръ и новое возстаніе въ 1526 г.

Между тѣмъ зальцбургцы продолжали осаду замка. Главнымъ начальникомъ банды былъ теперь Михаель Груберъ, шладмингскій побѣдитель, смѣнившій Праслера. Недостатокъ хорошаго оружія у крестьянъ сильно затруднялъ осаду. Между тѣмъ къ замку явилось подкрѣпленіе: изъ дурахскаго лагеря пришелъ Фрейндсбергъ и герцогъ Людвигъ баварскій съ 10,000 конныхъ и пѣшихъ солдатъ. Они расположились лагеремъ около С. Максимиліана. Людвигъ баварскій хотѣлъ было штурмовать гору, на которой укрѣпились крестьяне, но осторожный Фрейндсбергъ отговорилъ его отъ этого предпріятія. Герцогъ, уже сильно потерпѣвшій отъ войны, сдался на его доводы и выразилъ намѣреніе быть посредникомъ между крестьянами и кардиналомъ. Въ крестьянскомъ лагерѣ въ то время тоже одержала верхъ умѣренная партія; уже не слыхать было, какъ прежде, что «крестьяне не положатъ оружія, до тѣхъ поръ пока не изжарятъ и не съѣдятъ своего тирана». И такъ переговоры завязались.

Первоначальныя условія, предложенныя герцогомъ, требовали, чтобы крестьяне положили оружіе, согласились нести прежнія повинности, заплатили 14,000 гульд. контрибуціи и выдали имена главныхъ зачинщиковъ. Всѣмъ, кромѣ зачинщиковъ и виновныхъ шладмингской катастрофы, была обѣщана амнистія. Архіепископъ обязывался съ своей стороны принять въ свой совѣтъ троихъ, выбранныхъ крестьянами мудрыхъ мужей, которые будутъ засѣдать въ немъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполненъ весь договоръ; отмѣнить всѣ незаконные поборы, удовлетворить всѣ основательныя жалобы и вообще водворить въ странѣ прочный порядокъ.

Однако положеніе дѣлъ въ Зальцбургѣ и во всей странѣ было таково, что Людвигъ и канцлеръ Экъ вскорѣ сочли возможнымъ согласиться на *полную амнистію крестьянъ.*

Кардиналъ Лангъ сначала объявлялъ, что не успокоится, пока «не изжаритъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ», но и онъ однако долженъ былъ выразить удовольствіе договорамъ. Кардиналъ понималъ, что Зальцбургъ во что бы то не стало долженъ быть успокоенъ, — иначе онъ можетъ служить точкою опоры возстанію во всей странѣ. Были и другія причины, побуждавшія его согласиться на договоръ. Лангъ зналъ чрезъ своего тайнаго совѣтника Рибейзена о всѣхъ интригахъ, которыя ковались противъ него уже цѣлый мѣсяцъ при австрійскомъ и баварскомъ дворахъ: и баварскій и австрійскій домъ зарились на владѣнія зальцбургскаго архіепископства.

Крестьяне между тѣмъ старались привлечь на свою сторону тирольцевъ и швейцарцевъ. Страхъ вооруженнаго вмѣшательства послѣднихъ ускорилъ заключеніе мира. Зальцбургцы объявили, что они согласны даже на раздѣленіе страны между австрійцами и баварцами, лишь бы избавиться отъ ненавистнаго архіепископа. Лангъ былъ настолько уже усмиренъ, что согласился на это и обязался уступить страну баварскому принцу въ качествѣ коадъютора. Но кардиналъ былъ спасенъ соперничествомъ австрійскаго и баварскаго домовъ и обѣщаніемъ помощи со стороны швабскаго союза.

Ему удалось даже найти сторонниковъ въ средѣ крестьянъ. 1 сентября былъ подписанъ наконецъ договоръ, австрійскіе дворяне были освобождены изъ замка Верфена, и послѣ трехъ съ половиною мѣсяцевъ осады епископъ вздохнулъ свободно.

Миръ водворился въ Зальцбургѣ; но онъ не удержался тамъ. Лангъ былъ давно извѣстенъ, какъ вѣроломный человѣкъ. Онъ положительно не исполнялъ условій договора. Но болѣе всего способствовалъ нарушенію мира эрцгерцогъ Фердинандъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ мыслью о томъ, что баварскій принцъ будетъ коадъюторомъ въ Зальцбургѣ. Поэтому Фердинадъ объявилъ, что согласенъ утвердить договоръ только въ томъ случаѣ, если ему будетъ дано удовлетвореніе за то, что зальцбургцы распространяли свои возванія въ его земляхъ, если они возвратятъ ему шладмингскія орудія, и вознаградятъ плѣнныхъ, выдадутъ шладмингскихъ бѣглецовъ и зачинщиковъ нападенія на этотъ городъ и проч.

Осенью 1525 г., среди глубокаго мира, войска эрцгерцога напали на Шладмингъ; городъ былъ взятъ, разграбленъ, сожженъ и сравненъ съ землею.

Въ то же время и Лангъ ясно показалъ, что онъ ни во что не ставитъ договоръ и вовсе не намѣренъ измѣнять прежней политики.

Тогда крестьяне снова взялись за оружіе. Въ Альтмарктѣ и Радштадтѣ снова стали сбираться сходки, крестьяне отказались соблюдать и съ своей стороны договоръ; выбрали предводителей, снова набатъ загудѣлъ въ окрестностяхъ. Пинсгау тоже заволновался. Пинсгауцы отправили посла въ Тироль и въ Бриксенъ пригласить тирольцевъ соединиться съ ними. Но большинство въ Бриксенѣ объявило, что дѣло зальцбургцевъ не касается болѣе ихъ и что они, не хотятъ нарушать мира.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Бѣглецы.

Но зальцбургцы могли разсчитывать не на однихъ тирольцевъ. Они могли надѣяться на помощь и изъ другихъ источниковъ. Множество рудокоповъ было въ то время безъ работы. Частью это происходило отъ избытка рабочихъ рукъ, частью же и оттого, что рудокопы, принимавшіе слишкомъ явное участіе въ возстаніи, не могли найти себѣ мѣстъ. Всѣ, кто не успѣлъ пробраться въ Кицбюль, оставались безъ работы и безъ денегъ.

Число ихъ было очень значительно. Всѣ они отправились на зиму въ Пинцгау. Вмѣстѣ съ ними двинулись туда же и 300 кнехтовъ, служившихъ въ распущенномъ теперь зальцбургскомъ ополченіи. Примѣру рудокоповъ послѣдовали и штирійцы, бѣжавшіе изъ подъ Шладминга и его окрестностей. Всѣ они нашли себѣ хорошій пріемъ и надежное убѣжище частію въ Понгау, частію у пинцгаусцевъ. Вообще въ долинѣ зальцбургскихъ горъ стеклось много бѣжавшихъ начальниковъ, совѣтниковъ и простыхъ ратниковъ крестьянскихъ бандъ изъ всей нѣмецкой земли. Здѣсь было также много бюргеровъ, крестьянъ и проповѣдниковъ изъ верхнешвабскихъ городовъ и мѣстечекъ. Пережившее всѣ пораженія, понесенныя крестьянами въ остальной Германіи, *зальцбургское* возстаніе сдѣлалось убѣжищемъ многимъ неуспокоившимся головамъ, оно давало имъ возможность осуществить свои цѣли здѣсь, на новой родинѣ.

Они надѣялись, что свобода и чистое евангеліе спустятся съ

этихъ вершинъ на нѣмецкую землю, и что отсюда они побѣдоносно вернутся назадъ въ отечество. Князья, владѣтели и священники тоже боялись, что эта гористая мѣстность можетъ сдѣлаться центромъ, изъ котораго возстаніе съ новою силою разразится по всей странѣ. Здѣсь собралось теперь множество народа даже изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Германіи.

Изъ другихъ бѣглецовъ многіе скрывались въ *Швейцаріи*, нѣкоторые въ *Страсбургѣ* и *Базелѣ*, большая же часть въ *Аппенцеллѣ*, въ С. *Галленѣ* и *Граубюндтенѣ*. Въ послѣднихъ кантонахъ было особенно много бѣглецовъ изъ Альгау. Среди нихъ находились многія замѣчательныя личности альгаускаго движенія.

Бѣглецы раздѣлялись на двѣ категоріи. Одни ждали только помилованія швабскаго союза и своего начальства, чтобы вернуться къ своимъ на родину и никогда болѣе уже не принимать участія, въ подобныхъ дѣлахъ. Такъ думали нѣкоторые. Другіе, у которыхъ не было надежды на амнистію, думали новою революціею открыть себѣ путь въ отечество. Впрочемъ и первые твердо рѣшились проложить силою дорогу на родину, если имъ не удастся выхлопотать прощеніе.

Изгнанники, среди которыхъ были многіе изъ хорошихъ фамилій, имѣли непрерывныя сношенія съ родиной. При помощи родственниковъ и вліятельныхъ друзей они хлопотали о возвращеніи. Другимъ удалось, переодѣтыми, съ измѣненною наружностью, пробраться въ Алльгау и къ Боденскому озеру. Тамъ они снова возобновили старыя связи и втайнѣ работали, приготовляя новое востаніе.

Они знали здѣсь всѣ дороги и тропинки; скрываться въ этой мѣстности имъ было тѣмъ удобнѣе, что крестьяне жили здѣсь разбросанно, отдѣльными дворами, часто весьма отдаленными другъ отъ друга. Нѣкоторые успѣли купить себѣ на деньги, врученныя другими изгнанниками, пропускъ въ отечество. Они обязаны были хлопотать здѣсь объ общемъ дѣлѣ возвращенія своихъ товарищей. Нѣсколько вернувшихся

изгнанниковъ отправились теперь по всей странѣ, чтобы снова воодушевить народъ и заставить его взяться за оружіе. Къ числу такихъ путешественниковъ принадлежали: Гансъ Шмидтъ фонъ Раппенъ изъ Алльгау, Петръ Штегеленъ, Валентинъ Остерридъ Штрабель и др.

Въ С. Галленѣ и Аппенцеллѣ изгнанники устроили свой клубъ, имѣли ораторовъ, держали засѣданія. Эмигранты изъ Меммингена имѣли постоянно свои собственныя совѣщанія; Гансъ Гельцлинъ и Бестлинъ Амбергъ играли тутъ первую роль. Они вступили въ сношеніе съ другимъ клубомъ, въ которомъ ораторствовали Штофель Рейтеръ фонъ-Грененбахъ и Урбанъ Мюлльнеръ фонъ-Энглисгаузенъ.

Во время войны Гансъ Шмидтъ не былъ ни начальникомъ, ни совѣтникомъ, онъ только велъ переговоры, служилъ гонцомъ и лазутчикомъ. Отъ времени до времени изгнанники назначали *сеймы*, о которыхъ оповѣщали далеко кругомъ. Такой сеймъ былъ собранъ въ *С. Галленѣ*. На немъ было условлено все, о чемъ мы сейчасъ упоминали. Штофель Рейтеръ отобралъ отъ всѣхъ присягу. Гансъ Шмидъ признавался впослѣдствіи, что имѣлъ намѣреніе въ случаѣ, если бы ему опять пришлось возвратиться на родину, причаститься и исповѣдаться, чтобы этимъ отклонить отъ себя подозрѣніе, и работать на свободѣ надъ пропагандою возстанія.

Когда подобный послъ приходилъ къ кому нибудь изъ надежныхъ людей, тотъ указывалъ ему на другаго надежнаго человѣка и т. д.

На С. Галленскомъ сеймѣ рѣшено было послать въ графство Тироль эмиссаровъ, чтобы возмутить жителей; была также рѣчь и о томъ, чтобы напасть съ граубюнденцами на Алльгау, наказать и побить дворянъ и духовенство. Многіе были доведены до такого отчаянія, что подумывали въ случаѣ неудачи новаго возстанія бѣжать въ швабскія и верхнебаварскія горы и тамъ начать разбойническую жизнь.

Слѣдующее собраніе назначено было на 12 февраля, въ понедѣльникъ на масляницѣ, «въ *Гайсъ*», швейцарскомъ селеніи; тамъ должно было приняться окончательное рѣшеніе.

Вскорѣ послѣ этого изгнанники въ Трогенѣ получили письмо отъ одного «*дворянина* изъ *Эчланда*». Въ письмѣ этомъ всѣ эмигранты приглашались въ одинъ небольшой монастырь на полмили пути отъ *Адельберга*; въ немъ Эчландецъ увѣрялъ, что дастъ имъ содержаніе и снабдитъ всѣмъ нужнымъ; что онъ не имѣетъ намѣренія вредить кому либо или отнимать у кого либо собственность, его цѣль—покровительствовать распространенію евангелія и охранять его.

Штофель Рейтеръ и Бальтасъ Зейллеръ стали совѣщаться съ эмигрантами въ Трогенѣ объ этомъ предложеніи. Несчастіе научило ихъ наконецъ осторожности. Такъ какъ дворянинъ оставлялъ у нихъ своихъ посланныхъ заложниками, то Штофель Рейтеръ и Бальтасъ Зейллеръ рѣшились идти къ нему въ монастырь, депутатами, чтобы извѣстить другихъ изгнанниковъ, въ чемъ состоитъ его планъ, въ какомъ мѣстѣ или въ какой странѣ они должны дѣйствовать и противъ кого онъ хочетъ двинуться съ ними.

Переговоры были вполнѣ удачны: рѣшено было, что дворянинъ изъ Эчланда, котораго родъ и имя оставалось пока тайной для всей массы изгнанниковъ, а можетъ быть, (даже очень вѣроятно), и для ихъ довѣренныхъ,—долженъ самъ отправиться съ ними обоими въ Трогенъ; всѣ трое уѣхали вмѣстѣ.

Свиданіе Эчландца съ изгнанниками (которыхъ, кромѣ женщинъ, находилось въ Трогенѣ человѣкъ пятьдесятъ) окончилось ихъ полнымъ обоюднымъ соглашеніемъ. Онъ объявилъ, что поведетъ ихъ на берега Эча, въ страну, какъ говорилъ онъ, хорошую, гдѣ никто не будетъ противъ нихъ, а напротивъ всѣ—заодно съ ними.

Чрезъ «священника *Андре*, нѣсколько лѣтъ бывшаго проповѣдникомъ въ *Люзенѣ*», тирольскій дворянинъ вступилъ въ

сношеніе съ бѣглецами, скрывавшимися въ *Базелѣ* и *Страсбургѣ*. Всѣ они дали ему слово слѣдовать за нимъ; *Трогенъ* былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Михаэль Гайсмайеръ.

«*Дворянинъ* изъ Эчланда, *господинъ Михель*», какъ называли его служители, былъ никто другой, какъ *Михаэль Гайсмайеръ*, глава тирольскаго возстанія.

Выбравшись изъ проклятыхъ горъ — какъ называлъ ихъ герцогъ Лудвигъ—эрцгерцогъ, повидимому, совершенно забылъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ народу. Ничто въ его поступкахъ не показывало, чтобъ онъ былъ намѣренъ соблюдать договоръ, хотя тирольцы и исполнили всѣ статьи, относящіяся до нихъ.

Михаэль Гайсмайеръ рѣшился пріискать другой путь для достиженія своей цѣли: такъ или иначе, сдѣлать Тироль свободнымъ.

Зимою 1525—1526 года онъ побывалъ въ Цюрихѣ, Люцернѣ и Граубюнденѣ. Носились слухи, что его видѣли въ курфиршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ вмѣстѣ съ французскимъ эмиссаромъ.

Франція и венеціанская республика хотѣли при помощи Гайсмайера вовлечь испанско-австрійскій домъ въ новую войну, вырвать отъ князей нагорныя страны и освободить Тироль,

Зальцбургъ и другія альпійскія земли, чтобы имѣть въ нихъ надежный оплотъ противъ могущества Австріи. Конецъ зимы Гайсмайеръ пробылъ на границахъ Швейцаріи и Тироля, по большей части при Тафасѣ. Отсюда онъ велъ сношенія со всѣми.

Въ началѣ 1525 года онъ напечаталъ и распространилъ въ странѣ проектъ новаго государственнаго устройства. Гайсмайеръ хотѣлъ поднять этимъ народъ. Первый пунктъ этого устава предписывалъ искоренить всѣхъ нечестивцевъ, гнавшихъ слово Божіе, отягчавшихъ народъ и вредившихъ общему дѣлу. Далѣе говорилось о срытіи всѣхъ городскихъ стѣнъ, замковъ и укрѣпленій: въ странѣ должны существовать одни селенія. Мессы, иконы, капеллы, всѣ мерзости стариннаго суевѣрія— уничтожаются. Каждая община ежегодно избираетъ себѣ судей; каждый понедѣльникъ эти судьи разбираютъ дѣла, неотлагая ихъ отъ одного засѣданія до другаго; судьи получаютъ содержаніе отъ страны. Центральное правительство назначается всеобщимъ избраніемъ. Оно имѣетъ резиденцію въ Бриксенѣ; тамъ же учреждается высшее училище; трое свѣдущихъ въ словѣ Божіемъ мужей этого высшаго училища будутъ присоединены къ правительству въ качествѣ совѣтниковъ. Далѣе предполагалось уничтоженіе несправедливыхъ рентъ и пошлинъ,—десятинный церковный сборъ должно предоставить въ пользу проповѣди евангелія и призрѣнія нищихъ, монастыри должны быть обращены въ госпитали и воспитательные дома. Далѣе говорится объ устройствѣ богадѣленъ и больницъ, объ усовершенствованіи скотоводства и земледѣлія чрезъ осушеніе болотъ, акклиматизацію оливковыхъ деревьевъ, шафрана, хорошаго винограда и болѣе полезныхъ сортовъ зерноваго хлѣба; о рачительномъ наблюденіи доброты товаровъ и умѣренной цѣнѣ на нихъ, о мѣрахъ противъ ростовщиковъ и фальшивыхъ монетчиковъ, объ улучшеніи старыхъ и заведеніи новыхъ рудниковъ, объ устрой-

ствѣ и поддержкѣ горныхъ проходовъ, дорогъ, мостовъ, водныхъ и сухопутныхъ сообщеній и о военной защитѣ страны.

Гайсмайеръ хотѣлъ разомъ поднять Зальцбургъ, Тироль и Верхнюю Швабію. Мы видѣли, что онъ завелъ сношенія съ швейцарскими изгнанниками. Во время совѣщанія съ ними въ Трогенѣ явился курьеръ изъ Иннсбрука: онъ объявилъ, что эчландецъ бунтовщикъ, что онъ намѣревается произвести новое возстаніе въ странѣ, и что поэтому его надо схватить и представить правительству. Эмигранты, узнавъ объ этомъ курьерѣ, хотѣли просто-на-просто повѣсить его. Но аппенцельцы хотѣли выдать Гайсмайера. Однако ему удалось бѣжать къ Боденскому озеру и завязать оттуда сношенія съ крестьянами.

Гайсмайеръ надѣялся пріобрѣсти оружіе въ Хурбургѣ и Глурнсѣ на Эчѣ, съ которыми состоялъ въ сношеніяхъ. Кромѣ того онъ надѣялся на поддержку въ Тиролѣ, благодаря тому неудовольствію, которое было порождено тамъ неисполненіемъ постановленій послѣдняго сейма. Онъ могъ разсчитывать и на Алльгау. О состояніи этой страны самъ канцлеръ выражался въ письмѣ къ своему господину такъ: «въ Алльгау дѣла идутъ плоше прочихъ мѣстъ, хотя нельзя сказать, чтобы между крестьянами замѣтно было особенное броженіе». Но аппенцелльцы не хотѣли болѣе выносить присутствія въ своихъ горахъ выходцевъ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что они что-то затѣваютъ противъ швабскаго союза, дворянства и правительства. Они запретили всѣмъ содержателямъ гостиницъ въ Аппенцеллѣ давать бѣглецамъ пріютъ, пищу и питье. Выходцы, перемѣнивъ мѣстопребываніе, оставались по близости. Къ тому же еще разнесся слухъ, будто *герцогъ Виртембергскій* укрѣпляетъ Гогентвиль.

Между тѣмъ Михаэль Гайсмайеръ уже настолько подготовилъ дѣло, что ему оставался только одинъ шагъ къ исполненію своего плана. Съ оружіемъ, взятымъ изъ Хурбурга и Глурнса, онъ хотѣлъ двинуться черезъ *Винчгау*, *Освальдъ*,

Пенгерль и верхніе округа на *Шватцъ*, на *Оберъ* и *Унтеринн-таль*; въ то же время нонзерскіе изгнанники должны были, спустившись съ горъ, сдѣлать нападеніе на Нонсъ. Такимъ образомъ во всей странѣ должна была распространиться тревога, которой только и ждалъ простой народъ, чтобъ примкнуть къ возставшимъ.

Уже былъ назначенъ день для нападенія на Глурнсъ, именно пасхальная суббота, 31 марта; нападеніе должно было совершиться вечеромъ, когда, по старому обычаю, народъ будетъ присутствовать при богослуженіи въ приходской церкви, стоявшей внѣ города. Жители Тафаса и Претигау обѣщали свое содѣйствіе. Казалось, все было готово, и Гайсмайеръ вполнѣ надѣялся на успѣхъ. Но онъ упустилъ изъ виду одну странную особенность своего народа, не разъ замѣченную за тирольцами въ критическія минуты ихъ исторіи. Тирольцы никогда не собирались къ сроку въ назначенное мѣсто. И на этотъ разъ легкомысліе этого альпійскаго народца погубило смѣлое предпріятіе Гайсмайера. Явившись, онъ нашелъ въ самую рѣшительную минуту полную разрозненность: одинъ былъ здѣсь, другой тамъ, третій шелъ причащаться»; это была страстная суббота. Смущенный Гайсмайеръ долженъ былъ удалиться.

Вѣстники новаго возстанія во многихъ мѣстахъ были схвачены и казнены. Въ числѣ ихъ казненъ и Гансъ Гайсмайеръ, братъ Михаэля. Это, естественно, еще болѣе усилило ненависть Гайсмайера къ притѣснителямъ родной страны. Что онъ теперь дѣлалъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Но не всѣ швейцарскіе бѣглецы послѣдовали за нимъ на этомъ новомъ поприщѣ: даже Штофель Рейтеръ и Зайллеръ отказались отъ его приглашенія отправиться съ нимъ въ Зальцбургъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Усмиреніе мятежа въ Альпахъ.

Иннсбрукское правительство еще 1-го октября 1525 года опубликовало манифестъ, въ которомъ опровергались «ложные, безразсудные и несправедливые толки», распускаемые безпокойными людьми о томъ, будто бы правительство не намѣрено исполнять обѣщаній, данныхъ на ландтагѣ.

Но факты весьма краснорѣчиво говорили противъ этого объявленія.

Въ Зальцбургѣ архіепископъ поступалъ также, какъ эрц герцогъ въ Тиролѣ. Въ 1526 году онъ созвалъ ландтагъ; члены этого ландтага, набранные изъ клевретовъ архіепископа, въ угоду ему, публично объявили, что они добровольно и единодушно признаютъ невинными какъ его княжескую свѣтлость, архіепископа, такъ и его совѣтниковъ и служителей, и, согласно этому, находятъ, что онъ управлялъ страною надлежащимъ образомъ, не какъ тиранъ, но честно и достохвально. Они просятъ имперскихъ князей не давать никакой вѣры тѣмъ, достойнымъ порицанія, ругательнымъ сочиненіямъ, пасквилямъ, афоризмамъ и прочимъ злымъ толкамъ, которые распространялись на счетъ архіепископа, но уничтожать ихъ; а съ тѣми, которые осмѣливаются пѣть непристойныя пѣсни о его милости и распространять ихъ въ народѣ, они просятъ поступать настолько строго, чтобы навсегда прекратить подобныя выходки.

Конечно, всѣ хорошо понимали, насколько такое объявленіе возстановляло запятнанную честь архіепископа. Никто не

былъ такъ глупъ, чтобы считать его дѣйствительно за голосъ зальцбургскаго народа.

Въ *Даксенбахѣ*, подъ Раурисcомъ, во время самаго зальцбургскаго ландтага, пинцгаусцы держали свой собственный ландтагъ. Здѣсь было объявлено, что набранный архіепископомъ зальцбургскій ландтагъ не долженъ считаться дѣйствительнымъ. Изъ Зальцбурга было отправлено крестьянскому собранію въ Даксенбахѣ «превосходное посланіе», чтобъ отклонить ихъ отъ «недобраго намѣренія». Но посланіе было принято смѣхомъ.

«Послушное» земство Зальцбурга согласилось выплатить архіепископу сто тысячъ гульденовъ за военныя издержки и и снарядить на счетъ страны двѣ тысячи солдатъ, чтобы они привели къ послушанію и наказанію непокорныхъ. Всѣ налоги и пошлины, которые предполагалось уничтожить, были оставлены попрежнему съ обѣщаніемъ договориться впослѣдствіи объ ихъ отмѣнѣ съ особыми выборными.

Рибейзенъ обратился за помощью въ Мюнхенъ и къ швабскому союзу. Онъ сообщалъ при этомъ угрозы крестьянъ, что Пинцгау и Понгау возстанутъ, какъ только зазеленѣютъ деревья. Изъ перехваченныхъ писемъ крестьяне увидѣли, что архіепископъ призываетъ въ страну *иноземное* войско. Обстоятельство это возстановило противъ него многихъ, доселѣ спокойныхъ и бывшихъ ему вѣрными.

Около пасхи архіепископъ послалъ въ Пинцгау гофмаршала своего Вигелиуса фонъ Турнъ съ отрядомъ солдатъ «укротить мятежъ во что бы то ни стало».

Около Целля маршала встрѣтили вооруженные крестьянскіе отряды. Вскорѣ возстаніе охватило всю страну до самыхъ предѣловъ Баваріи. Кардиналъ обратился къ союзу, прося немедленной помощи.

Онъ старался увѣрить Лудвига, уполномоченнаго баварскаго и швабскаго союза, что онъ со своей стороны не подавалъ никакого повода ни къ прошлогоднимъ, ни къ новымъ неудовольствіямъ, по этому нѣтъ никакой причины не вступиться за него.

Тщетно Нюрнбергъ чрезъ своего уполномоченнаго на сеймѣ старался внушить, «что союзъ скорѣе обязанъ помочь бѣдному зальцбурскому народу, чѣмъ архіепископу, который, благодаря этой помощи союза, останется по прежнему такимъ же тираномъ Стремленія духовенства и въ особенности епископовъ направлены единственно къ тому, чтобы подъ покровительствомъ швабскаго союза властвовать надъ бѣднымъ народомъ, оставаясь при своей тираніи и злоупотребленіяхъ; жечь, рѣзать и грабить, совершать разныя богопротивныя дѣла, стараться искоренить евангельское ученіе, подъ предлогомъ, что оно есть причина мятежа. Отъ людей, на слова которыхъ можно положиться, достовѣрно извѣстно, что бѣдные пинцгаусцы намѣрены не возставать противъ своихъ господъ, но защитить заключенный договоръ». Эрцгерцогъ и знать опасались, что вся горная страна съ помощію Венеціи и Швейцаріи завоюетъ себѣ свободу, и тогда вся нѣмецкая земля снова возьмется за оружіе по примѣру этихъ округовъ.

Эти опасенія были не безъ основанія. Огонь таился еще подъ пепломъ, вспыхивалъ тамъ и сямъ и грозилъ превратиться въ страшное пламя. Притѣсненія, чрезмѣрныя контрибуціи, варварства и жестокости побѣдителей угнетали и ожесточали народъ. Чтобы судить до чего разыгралась ярость реакціи, достаточно вспомнить, что въ однихъ владѣніяхъ швабскаго союза было совершено до 10 т. казней; до конца 1526 г. Бертольдтъ Эхелинъ казнилъ собственноручно 1200 человѣкъ. Сироты и вдовы казненныхъ взывали о мщеніи; «палачи заработывали много денегъ, не было почти ни одного господина, который бы не казнилъ нѣсколькихъ.» *) Послѣ побѣды настала игра, доставившая богатство, деньги и кровь; дворянство, духовенство и князья наказывали своихъ крестьянъ» **).

---

*) Гольцвартъ, рукопись.

**) Никласъ Томанъ, рукопись.

По улицамъ, въ лѣсахъ, на пожарищахъ валялись женщины и дѣти, умиравшія съ голоду *). Между тѣмъ по всей странѣ тайно ходили какіе то люди и говорили народу, что «не слѣдуетъ падать духомъ отъ прежней неудачи, что нужно снова собраться и сражаться противъ враговъ Христа и страны; хотя безбожники и одержали теперь верхъ, но побѣда ихъ не прочна, ибо ихъ злоба превзошла мѣру пролитіемъ невинной крови и возобновленіемъ царства антихриста». Все это было подкрѣпляемо текстами изъ писанія (изъ книгъ Судей 16, 20. Юдиѳи 5. Матѳія 7). Нѣкоторые возставали противъ этихъ безпокойныхъ людей, говоря, что уста ихъ проповѣдуютъ недоброе и поджигаютъ народъ на несчастіе **). Но предостереженія эти проходили безслѣдно; гоненіе вѣры, преслѣдованіе евангелія глубоко запали въ сердца и заставляли забывать все остальное. Уже и со стороны крестьянъ выражено было желаніе собраться вновь ***). На большой равнинѣ при Кенигсгофенѣ, на могилахъ тысячи убитыхъ тамъ братій стали появляться толпы поселянъ, сходившіяся для переговоровъ. Крестьяне узнавали своихъ сторонниковъ по лозунгу. Захваченные признавались подъ пыткой, что «дѣло скоро должно начаться» ****). Въ Гегау находился грозный герой Твиля, герцогъ Ульрихъ, окруженный многими изъ извѣстныхъ изгнанниковъ и бѣглецами изъ Некарталя. Тамъ были и *Андреасъ Реми* фонъ-Циммернъ, и *Габріэль*, служившій при *Іеклейнъ Рорбахѣ* и молодцы изъ Гроссгартаха. Въ Страсбургѣ и Бокенгеймѣ расположились распущенные союзомъ ландскнехты, въ ожиданіи приглашенія герцога; говорили, что оно послѣдуетъ скоро. Въ числѣ бѣжавшихъ въ Страсбургъ былъ

*) Никласъ Томанъ.
**) Увѣщаніе Эберлина бюргауерцамъ.
***) Изъ архива въ Кауфейре.
****) Показанія Лутца Ташенмахера. Союз. акт. связ. 99 а. № 31.

Бернгардъ, сынъ старосты Вельднера, который имѣлъ съ собою даже «печатню» и защищалъ свою партію, болѣе же прочихъ Якова Рорбаха *).

Брамбергскіе рудокопы бѣжали, бросивъ женъ и дѣтей, дома и имущества. Кристофъ *Граффъ*, архіепископскій военачальникъ, былъ окруженъ крестьянами при Радштадтѣ; войско его потерпѣло сильный уронъ. «Эта шайка, писалъ онъ 15 апрѣля, состоитъ изъ всевозможныхъ негодяевъ; они снуютъ всюду, число ихъ доходитъ до тысячи двухсотъ человѣкъ».

Послѣдствія показали, что на этотъ разъ люди, взявшіеся за дѣло, были хорошіе воины. Ихъ образъ дѣйствій не былъ похожъ на прошлогодній. Они не останавливались передъ замками, не застаивались въ городахъ, но быстро проходили по всей странѣ, принимали крестьянъ въ союзъ и тѣмъ подвигали дѣло къ развязкѣ. Они были отлично вооружены и хорошо стрѣляли. По всему было видно, что это не только уже бывалые крестьяне, но что ими руководитъ искусная рука; они не знали покоя ни днемъ, ни ночью, какъ писалъ кардиналъ 11 апрѣля герцогу Вильгельму.

Но и зальцбургское возстаніе не избѣгло общей участи всѣхъ междоусобій и инсуррекцій. Среди крестьянъ было не мало такихъ, которые хотѣли остаться на прежнихъ условіяхъ съ своими господами, ибо ставили покой выше всего; были и такіе, которыхъ горькій опытъ прошлаго года научилъ смотрѣть на вещи хладнокровнѣе. Многіе изъ крестьянъ и мѣщанъ Зальцбурга вполнѣ сочувствовали рисскимъ крестьянамъ, которые еще 1525 году объявили, «что скорѣе сожгутъ свои жилища и умрутъ тутъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, чѣмъ выйдутъ на поле сраженія.» Въ каждой общинѣ были подобныя разногласія; стали просить у правительства защиты противъ мятежниковъ, которые принуждали вступать въ брат-

*) Союзные акты, связка 99 а № 31.

ство, но, такъ какъ просимая помощь не приходила, то волей не волей даже самые смирные и миролюбивые должны были принимать участіе въ движеніи.

Кардиналъ собралъ наконецъ войско тысячи въ 4 пѣшихъ и конныхъ и двинулъ его противъ крестьянъ. При Голлингѣ произошло сраженіе. За крестьянами осталась полная побѣда. Архіепископское войско было разбито и, потерявъ всѣ выгодныя позиціи, которыя занимало прежде, принуждено было отступить къ Кухелю.

Между тѣмъ, неизвѣстно какимъ путемъ, въ Тироль явился Михаэль Гайсмайеръ съ 3 прекрасно вооруженными отрядами. Это были частью нѣмецкіе бѣглецы, частью тирольцы. Гайсмайеръ осадилъ съ ними Радштадтъ.

Союзныя войска, явившіяся на помощь, были разбиты крестьянами попеременно при *Кютцбюхелѣ*, *Маутерндорфѣ* и *Кухелѣ*.

Между тѣмъ крестьяне Рауриса, Понгау, Гастейна взяли штурмомъ и сожгли замки Миттерзилль, Капрунъ, Фишернъ, Даксенбахъ, Лихтенбергъ, Энгельбергъ, Иттернъ. Дѣло пошло вообще удачно для крестьянъ. Отрядъ союзныхъ войскъ подъ начальствомъ Тангаузена почти весь погибъ въ высокихъ Альпахъ.

Изъ *Зальцбурга* приближалось между тѣмъ большое союзное войско, шло 8 отрядовъ лучшихъ воиновъ. При Кухелѣ на Зальцахѣ *Гайсмайеръ* напалъ на нихъ и остался побѣдителемъ (14 іюня).

До прихода Гайсмайера главнымъ вождемъ крестьянъ въ горахъ былъ Кристофъ Зетценвейнъ. Теперь, быть можетъ, изъ зависти къ Гайсмайеру, а можетъ быть соблазнившись примѣромъ Праслера и Грубера и надѣясь, подобно имъ, сдѣлать карьеру на придворномъ поприщѣ, Зетценвейнъ вступилъ въ переговоры съ кардиналомъ. Измѣна его была открыта, и онъ вмѣстѣ съ своимъ профосомъ былъ казненъ крестьянами. Съ этихъ поръ Гайсмайеръ, уже и раньше игравшій

первую роль, открыто принялъ званіе главнаго предводителя возстанія.

Побѣда крестьянъ такъ подѣйствовала на архіепископа, что онъ со всѣмъ своимъ имуществомъ готовился бѣжать изъ Зальцбурга. Онъ «не надѣялся совладать съ возстаніемъ, потому что швабскій союзъ потерялъ много людей». Онъ былъ уже почти на пути въ Аугсбургъ, «когда баварскіе князья со строгостью воспрепятствовали этому отъѣзду».

Безъ этой задержки Зальцбургъ во второй разъ попалъ бы въ руки крестьянъ. Повстанцы такъ твердо вѣрили въ это, что уже заранѣе разослали всюду курьеровъ съ извѣстіями о взятіи города. Одинъ изъ такихъ курьеровъ былъ схваченъ австрійскимъ правительствомъ. Онъ показалъ, что крестьяне послали еще 12 курьеровъ.

Крестьянамъ однако не удалось поднять своихъ братій. Не только Шварцвальдъ и округъ Боденскаго озера, даже и алльгаусцы не двинулись во время: имъ не доставало предводителей. Только въ Тиролѣ, какъ писалъ отъ 1 мая 1525 канцлеръ Экъ герцогу Вильгельму, «начались большія безпорядки». Въ Алльгау и къ Боденскому озеру швабскій союзъ, опасавшійся возстанія, отправилъ множество рейтаровъ, они разъѣзжали всюду и препятствовали крестьянамъ собираться.

Только теперь союзные совѣтники поняли, что значитъ вести войну въ горахъ, въ незнакомой мѣстности, противъ непріятеля, вполнѣ сроднившагося съ этими Альпами, умѣвшаго пользоваться всѣми преимуществами, которыя представляетъ мѣстность. Зальцбургское возстаніе показалось имъ теперь «опаснымъ для всей нѣмецкой націи». Военачальники союза, бывшіе въ лагерѣ кардинала, уже 10 мая на военномъ совѣтѣ, составили планъ, чтобы подкрѣпленія швабскаго союза, которыя должны были скоро прибыть, шли изъ верхней Баваріи, изъ Розенгейма на Иннѣ чрезъ Грассерталь и Іохбергъ къ Пинцгау, а австрійскія войска въ то же время подвинулись на Радштатдъ, такъ какъ позиція инсургентовъ

при Кухелѣ казалась имъ неприступною. Союзные совѣтники въ Аугсбургѣ, которые засѣдали въ совѣтѣ, а не въ горахъ, отвергли тогда этотъ планъ. Но въ зальцбургскомъ лагерѣ его отстояли.

Іоргъ Фрейндсбергъ съ хорошимъ войскомъ двинулся изъ Розенгейма, а старый графъ Никласъ Зальмъ шелъ изъ австрійскихъ герцогствъ съ арміей, состоявшей изъ наемщиковъ частію итальянцевъ, частію чеховъ, стратіотовъ и албанцевъ.

31 іюня въ *Пинцгау* при *Целлѣ* Фрейндсбергъ сразился съ шайкой пинцгаусцевъ. Онъ отнялъ у крестьянъ шесть фальконетовъ и столько же знаменъ. Разбитые пинцгаусцы, оставивъ шестьсотъ человѣкъ изъ шайки въ Вальштаттѣ, разрушили за собою мостъ чрезъ Зальцахъ. Они отступили въ строгомъ порядкѣ и тѣмъ только спасли себя отъ окончательнаго пораженія. Пинцгаусцы хотѣли теперь соединиться подъ начальствомъ Гайсмайера съ восточной бандою которая стояла у Радштадта.

Между тѣмъ осада Радштадта не подвигалась къ концу не смотря на всю храбрость крестьянъ. Ихъ жалкія деревянныя пушки не могли причинить большаго вреда осажденнымъ, имѣвшимъ хорошую артиллерію.

4 іюля Гайсмайеръ послѣ совѣщаній съ Песслеромъ, предводителемъ пинцгаусцевъ, снялъ осаду съ Радштадта, и все крестьянское войско двинулось въ свой прежній лагерь, въ ближній *Альтенмарктъ*.

Гайсмайеръ тотчасъ же понялъ опасность, которая грозила ему съ трехъ сторонъ: прямо съ фронта, со стороны Кухеля, черезъ Абтенау двигались рейтары и 13 пѣшихъ ротъ швабскаго союза; справа подступалъ графъ Никласъ Зальмъ; онъ шелъ чрезъ *Маиндлингъ* съ порядочнымъ числомъ конницы и четырьмя ротами пѣхоты къ Радштадту, за *Торштейномъ* къ нему присоединились 8 изъ 13 швабскихъ ротъ. Сильная артиллерія Зальма уже заняла форпосты вокругъ маиндлингскаго прохода. Слѣва Гайсмайеру грозилъ побѣдитель пинцгаусцевъ Фрейндсбергъ.

Гайсмайеръ рѣшился. Онъ собралъ всѣхъ иноземцевъ, бѣглецовъ и тѣхъ зальцбургцевъ, которые болѣе другихъ опасались за свою участь. Все это были большею частію люди, уже испытанные въ сраженіяхъ, отчаянные, готовые на все. Лошади и фуры были нагружены добычею, пріобрѣтенною впродолженіи двухъ побѣдоносныхъ мѣсяцевъ.

Гайсмайеръ хотѣлъ попытаться перенести театръ войны въ горы *Тироля*, собрать тамъ крестьянъ подъ свои знамена и увеличить такимъ образомъ свои силы Каждому повстанцу было предоставлено на выборъ идти или остаться.

Непріятели, стоявшіе подъ Радштадтомъ, ждали, что Гайсмайеръ вступитъ въ отчаянный бой, они видѣли, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и находится въ ихъ рукахъ. Огни, не потухавшіе всю ночь въ лагерѣ Гайсмайера съ понедѣльника на вторникъ послѣ Петрова дня (съ 4 на 5 іюля) держали союзниковъ всю ночь на сторожѣ. Они думали, что рано утромъ крестьяне намѣрены вступить въ бой. Однако все было тихо, и когда насталъ день, они увидѣли, что лагерь уже пустъ.

Большинство крестьянъ разошлось въ эту ночь по долинамъ, а Гайсмайеръ и Песслеръ со всею добычею и шестьюстами повстанцами продолжали свой путь. Союзники съ яростію гнались за ними до самаго с. Іоганна; не найдя тамъ никого, они ограбили это мѣстечко, а на возвратномъ пути сожгли Альтенмарктъ. Съ восходомъ солнца Гайсмайеръ и его отрядъ достигли благополучно горъ. Изъ Пинцгау они спѣшили чрезъ раурисскій Тауеръ достичь Линца въ Тиролѣ. Оттуда чрезъ Инниxенъ они напали на Брунекенъ, резиденцію бриксенскаго епископа въ Пустерталѣ.

Нападеніе это привело всѣхъ въ «страшный испугъ». Инсбрукское правительство «поражено было ужасомъ». Эта неслыханная дерзость заставила его опасаться, что Гайсмайеръ имѣетъ огромное число приверженцевъ и единомышленниковъ во всей странѣ.

Но, вслѣдствіе апрѣльскихъ безпорядковъ, въ Брунекенѣ и Мильбахѣ стоялъ до сихъ поръ сильный гарнизонъ. Гайсмайеру не удалось напасть врасплохъ ни на одинъ изъ этихъ пунктовъ. Рыцарь Кюнигль собралъ войско и убѣдилъ пустертальцевъ не только остаться спокойными, но даже вооружиться противъ шайки Гайсмайера. Къ Брунекену снова подступилъ Фрейндсбергъ съ 3000 войска. Гайсмайеръ не рѣшился вступить въ бой съ такими превосходными силами, онъ переправился черезъ Ріенцъ у Финтеля и мимо Гахельштейна, черезъ Роденеггъ на Люзенъ, Еннебергъ и бухенштейнское аббатство, благополучно прибылъ въ венеціанскія владѣнія.

Вплоть до Бухенштейна его преслѣдовали отряды Кюнигля и Фрейнсдберга. Съ удивленіемъ смотрѣли непріятели во слѣдъ удаляющемуся смѣльчаку: «Никто не проникалъ такъ далеко въ глубь страны, какъ Гайсмайеръ», говоритъ одинъ современникъ *).

Удача этого похода выказала во всемъ блескѣ таланты Гайсмайера. Его имя сдѣлалось славнымъ не только въ Тиролѣ, но даже въ глазахъ *венеціанскаго правительства и швейцарскаго союза.*

Только теперь показался онъ опаснымъ австрійскому правительству, зальцбургскому кардиналу и баварскимъ князьямъ. Только теперь въ глазахъ ихъ онъ сталъ человѣкомъ, «который не остановится ни предъ какими препятствіями» **). Теперь только вспомнили и заговорили о томъ, какъ многосторененъ Гайсмайеръ, какъ силенъ словомъ и дѣломъ этотъ славный народный вождь; вспомнили, какое краснорѣчіе выказывалъ онъ на ландтагахъ; вспомнили, съ какимъ умѣніемъ и искусствомъ онъ приготовилъ, организовалъ и руководилъ возстаніемъ; вспомнили, какъ искусенъ онъ и при аттакѣ,

*) Кирхмайеръ, хроника Бриксена, у Зиннахера, VII, 246, 250—255.
**) Письмо кардинала отъ 10 октября 1525 баварскимъ князьямъ.

и при оборонѣ и при отступленіи, съ какими незначительными силами онъ умѣлъ такъ долго оставаться побѣдителемъ, только благодаря умѣнью разумно пользоваться выгодами мѣстности; даже и теперь, отступивши, онъ все-таки не былъ побѣжденъ. Въ венеціанской республикѣ онъ былъ принятъ съ огромнымъ почетомъ. Самъ дожъ дѣлалъ смотръ его войску, оно такъ понравилось ему, что онъ назначилъ ему «прекрасное содержаніе». Самому предводителю предложено было четыреста дукатовъ ежегоднаго содержанія и дворецъ въ Падуѣ для жилища. Тамъ жилъ онъ, говорили въ горахъ, «съ пышностью кардинала». Гайсмайеръ съ своимъ войскомъ скорѣе считался гостемъ венеціанской республики, чѣмъ состоящимъ у нея на службѣ: дожъ понималъ, что планы Гайсмайера, если они осуществятся, съ лихвой вознаградятъ республику за ея теперешнее гостепріимство.

Гайсмайеръ не отказался отъ своихъ старыхъ плановъ. И теперь онъ ставилъ цѣлью своей жизни распространить въ Альпахъ и во всей Германіи священную для него свободу, религіозную и политическую. И если теперь онъ хотѣлъ достичь при помощи Венеціи и Швейцаріи того же чего добивался прежде съ поддержкою германскаго простонародья,—во всякомъ случаѣ ни съ точки зрѣнія религіозно-нравственныхъ воззрѣній того времени, ни съ точки зрѣнія политической практики государей тогдашняго и позднѣйшаго времени, Гайсмайеръ никакимъ образомъ не заслуживалъ названія измѣнника, которымъ хотѣла заклеймить его извѣстная партія, указывая на то, что онъ пользовался чужеземною помощью для своихъ цѣлей.

Уже и тогда Германія была настолько несчастна, что слово «отечество» было для нея только отвлеченнымъ понятіемъ не имѣвшимъ никакого живаго, реальнаго смысла. Императоръ считалъ своими интересами интересы габсбургскаго дома, а не выгоды государства. Князья тоже знали только династическіе интересы. Города долго жили исключительно мѣ-

стною, особенною жизнью, только теперь притѣсненія князей заставили ихъ взывать къ единому великому нѣмецкому отечеству, но это отечество уже не существовало. Идея объ общемъ нѣмецкомъ отечествѣ стала совершенно чуждою въ Германіи; каждая народность, каждое самое незначительное княжество думало только о себѣ и ничего нехотѣло знать о нѣмецкой землѣ. Только по временамъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, изъ среды народа сталъ раздаваться вопль отчаянія и мольба о защитѣ, обращенная къ общей родинѣ; возванія эти впрочемъ скоро умолкали, потопленныя въ потокахъ крови.

Чужая помощь, которой искалъ и которой воспользовался Гайсмайеръ, не была обращена имъ противъ своего *отечества*, онъ противопоставилъ ее только тѣмъ, кого считалъ самыми злѣйшими врагами свободы и религіи, а стало быть, и врагами народа. Это были: императоръ, братъ его Фердинандъ съ своими испанцами, а главнымъ образомъ духовные князья. Гайсмайеръ воспользовался иноземными силами, чтобы съ ихъ помощью доставить народу свободу религіозную и политическую, онъ дѣйствовалъ не для себя, но для народа. А государи Австріи, герцоги баварскіе, и властители другихъ германскихъ государствъ искали и пользовались постороннею помощью лично *для себя противъ цѣлаго народа*.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на союзномъ сеймѣ Нюрнбергъ возвысилъ голосъ о томъ, что и послѣ побѣды надъ народомъ побѣдители грозятъ протестантству. Голосъ Нюрнберга былъ тогда почти единственнымъ. Но въ августѣ 1526 г. вопросъ о послѣдствіяхъ побѣды надъ возстаніемъ возникъ для всѣхъ протестантскихъ государствъ союза: староверы прямо называли эту побѣду побѣдою католичества надъ «лютеранствомъ». Протестанты конечно не могли согласиться принять предложеніе австрійскихъ уполномоченныхъ на сеймѣ не распускать союзныхъ войскъ и сейма до тѣхъ поръ, «пока не

будетъ извѣстно, какой оборотъ примутъ переговоры съ Гайсмайеромъ».

Были сдѣланы и другія предложенія: усилить средства союза въ Альпахъ и просить венеціанское правительство не держать болѣе у себя Гайсмайера и дозволить союзному войску войти во владѣнія республики, чтобы овладѣть имъ. Но всѣ эти редложенія австрійцевъ остались безъ послѣдствій. Послѣдователи новаго ученія въ имперіи вступили въ союзъ съ венеціанской республикой и съ реформатскими кантонами Швейцаріи для защиты своей религіи отъ императора и габсбурговъ. Ненависть деспотизма къ свободолюбивымъ стремленіямъ народа уже почти вовсе не считала нужнымъ маскировать себя, гоненіе свободы совѣсти, звѣрскій, дикій фанатизмъ высказывался самымъ откровеннымъ образомъ. Профосъ союза Бертольдъ Эхелинъ и другіе профосы и палачи католическихъ властителей схватывали и казнили евангелическихъ проповѣдниковъ, не принимавшихъ никакого участія въ возстаніи, за то только, что они «*лютеране*». Герцогъ Вильгельмъ баварскій поступалъ еще лучше: онъ приказалъ казнить одного схваченнаго анабаптиста за то, что онъ прежде былъ лютераниномъ *).

Въ Альтенмарктѣ австрійскіе солдаты бросали въ огонь пылающихъ домовъ дѣтей убѣжавшихъ крестьянъ, «лютеранскихъ собакъ», какъ они ихъ называли.

Вскорѣ по отступленіи Гайсмайера Понгау сложилъ оружіе; Пинцгау уже послѣ битвы при Целлѣ принялъ новую присягу. Войско архіепископа, проходя черезъ Целль и Зальфельденъ и разогнавъ послѣдніе остатки крестьянъ, не положившихъ еще оружіе, объявило пинцгасцамъ, чтобы въ воскресенье, передъ днемъ св. Ульриха, 2 іюля, всѣ явились въ Даксенбахъ, каждый въ томъ вооруженіи, въ какомъ онъ былъ на

*) Письмо Экка герцогу Георгу саксонскому отъ 26 ноября 1527 г.

войнѣ. Но только очень немногіе изъ пинцгауцевъ явились въ Даксенбахъ. Страхъ удержалъ остальныхъ. Пришедшимъ не причинили никакого вреда, имъ приказано было только положить передъ собою оружіе, внести съ каждаго двора по восьми гульденовъ контрибуціи и принять присягу. Каждому, кто выполнилъ это, данъ былъ красный бумажный крестъ, стоившій также полгульдена; крестъ этотъ крестьяне прибивали на дверяхъ.

Неявившимся назначенъ былъ вторичный срокъ для принятія присяги, именно день св. Маргариты 13 іюля. Кроткое обращеніе съ явившимися 2 іюля въ Даксенбахъ ободрило крестьянъ. Во множествѣ стеклись они въ Радштадтъ. У воротъ отъ нихъ отобрано было оружіе. Затѣмъ изъ города выступило дворянство съ конницею и четырьмя отрядами пѣхоты, которые и окружили обезоруженныхъ крестьянъ. Кристофъ Граффъ ф. Шернбергъ сталъ обвинять ихъ въ возмущеніи. Потомъ изъ списка прибывшихъ названо было двадцать семь именъ, эти двадцать семь были вызваны изъ толпы. Явились четыре палача и здѣсь же, на глазахъ народа, объятаго ужасомъ, казнили обвиненныхъ. Было уже слишкомъ поздно раскаяваться въ наивности, съ которою крестьяне допустили поймать себя въ ловушку. Вся толпа должна была присягнуть на мѣстѣ кровавой казни и дать клятвенное обѣщаніе никогда не мстить за казненныхъ. Послѣ этого крестьяне были распущены по домамъ. Подобныя же кровавыя расправы учинены были въ Кухелѣ, Целлѣ и другихъ мѣстахъ. Жилища казненныхъ, а равно и тѣхъ, «которые не дались въ обманъ и вмѣстѣ съ Гайсмайеромъ отдѣлались отъ преслѣдованія», были разрушены; городки и мѣстечки были низведены на степень простыхъ деревень. Набатные колокола были сброшены съ башенъ на землю.

Оставшіеся вѣрными епископу города Радштадтъ, и Целль были награждены.

Въ прочихъ владѣніяхъ Зальцбурга и въ Тиролѣ дѣла были

въ томъ же положеніи, какъ и въ Германіи: каждую минуту можно было ожидать новаго возстанія, «до такой степени ожесточено было сердце крестьянина».

Въ Швабіи народъ съ напряженнымъ вниманіемъ, надеждою и радостію слѣдилъ за событіями въ Зальцбургѣ: легко понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести тамъ разнесшійся весною 1526 г. слухъ, будто замокъ и городъ Зальцбургъ взяты крестьянами и всѣ, находившіеся тамъ, кромѣ дѣтей до 7 лѣтъ, перебиты. Крестьяне обнаруживали сильное желаніе снова взяться за оружіе, такъ что швабскій союзъ долженъ былъ оффиціально опровергнуть ложный слухъ. По селамъ ходили, подъ видомъ нищихъ, эмиссары и старались возбудить народъ къ возстанію.

Простолюдины Швабіи, Франконіи, Саксоніи, всѣ надежды которыхъ разбилъ несчастный 1525 г., съ упованіемъ обращали теперь свои взоры къ Альпамъ, съ высоты которыхъ впервые низошла свобода на такъ давно угнетаемую Германію. Всѣ надежды народа возлагались теперь на того героя, котораго считали единственною грозою тирановъ и утѣшеніемъ простыхъ людей.

Ландскнехты, возвратившіеся на родину въ Швабію и Франконію, разсказывали тамъ о великомъ и счастливомъ крестьянскомъ предводителѣ, который такъ часто побѣждалъ ихъ, и всегда ускользалъ отъ ихъ преслѣдованій. Такіе же разсказы ходили о немъ и между народомъ, разсѣяннымъ въ одинокихъ хижинахъ долинъ и на альпійскихъ высотахъ Зальцбурга и Тироля.

Всю весну и лѣто 1527 г. князья провели въ постоянномъ опасеніи новаго вторженія Гайсмайера въ альпійскую страну. Въ началѣ зимы, 10 октября 1527 г., архіепископъ зальцбургскій писалъ баварскимъ князьямъ, что онъ получилъ на дняхъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ весьма основательныя предостереженія, будто бы Гайсмайеръ съ своими приверженцами и бѣглецами изъ епископскихъ владѣній, при помощи и содѣйствіи

Венеціи, намѣренъ въ этомъ же году напасть на графство Тироль и вривлечь крестьянъ на свою сторону. Имѣя въ виду всю трудность проникнуть въ Тироль сверху, онъ рѣшился идти нижними проходами на Виллихъ, верхнюю Каринтію, а оттуда въ Зальцбургъ. Овладѣвъ зальцскими высотами, онъ направится въ Тироль. Близость зимы и затрудненія похода, по словамъ епископа, врядъ ли могли остановить Гайсмайера. Напротивъ вѣроятнѣе, что онъ еще скорѣе вздумаетъ осуществить свое предпріятіе теперь, когда его всего менѣе ожидаютъ, а передъ препятствіями онъ вѣдь и прежде никогда не останавливался.

По другимъ извѣстіямъ ожидали, что Гайсмайеръ вторгнется одновременно черезъ Нонсъ и черезъ Тріентъ въ долины Тироля и, поднявъ народъ, откроетъ венеціанской республикѣ и ея союзникамъ свободный доступъ противъ императора. Однако лѣто и зима миновали, а слухи эти не оправдались.

Напротивъ того, весною 1528 г. пронесся слухъ, что Гайсмайеръ въ Швейцаріи, именно въ Цюрихѣ. Говорили, что этотъ кантонъ далъ ему право гражданства и что онъ находится тамъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ Венеціи и ведетъ переговоры съ канцлеромъ герцога Ульриха виртембергскаго, Фуксенштейномъ; съ реформатскими кантонами и нѣкоторыми евангелическими партіями государства, которыя намѣрены заключить союзъ противъ императора. Гайсмайеръ производитъ будто бы большія вербовки, особенно въ Граубюнденѣ. Въ концѣ іюня стали поговаривать, что нѣсколько тысячъ швейцарцевъ тайно выступили въ походъ, и что Гайсмайеръ поджидаетъ ихъ въ горахъ, чтобы общими силами напасть на при-эчскія страны.

Нѣкоторые изъ этихъ слуховъ имѣли основаніе. Гайсмайеръ дѣйствительно сдѣлался швейцарскимъ гражданиномъ и центромъ тайнаго наступательнаго и оборонительнаго союза, заключеннаго нѣкоторыми имперскими городами и князьями, опасавшимися стремленій Австріи уничтожить новую вѣру и ниспровергнуть существующій порядокъ государственнаго

устройства: императоръ не скрывалъ, что онъ хочетъ употребить силу противъ протестантовъ; поэтому они и вступили въ союзъ съ швейцарскими кантонами и Венеціею; даже и имперскіе города подумывали о томъ «какъ бы поднять крестьянъ за религію». Теперь народу представлялась возможность поставить во главѣ своей великаго вождя. Но большая часть народныхъ военныхъ силъ была уже истреблена; побѣда, одержанная императоромъ при Неаполѣ въ 1528 г., разстроила планы союзниковъ, а вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ, распространился слухъ объ *убійствѣ Гайсмайера*.

Бриксенскій епископъ не разъ говаривалъ, что «не связывай его высокій санъ, онъ давно уже освободилъ бы правительство отъ такого бремени, какъ Гайсмайеръ». Эрцгерцогское правительство въ Иннсбрукѣ оцѣнило голову Гайсмайера. Одинъ изъ тѣлохранителей Гайсмайера былъ подкупленъ убить своего начальника; однако, взявъ деньги, онъ не исполнилъ этого. Не смотря на всѣ старанія епископа, не смотря на публикаціи правительства, во всемъ Тиролѣ не нашлось никого, чья рука поднялась бы на человѣка, котораго одни считали благочестивымъ предводителемъ народа, другіе—человѣкомъ мужественнымъ, опытнымъ и многостороннимъ умомъ, а народъ чтилъ, какъ героя, подвигамъ котораго долго будетъ дивиться потомство.

Два *испанца*, подвигнутые фанатизмомъ и золотомъ, прокрались ночью въ жилище Гайсмайера въ Падуѣ и умертвили его во время сна. Это было убійство въ самомъ полномъ значеніи этого слова, такъ какъ злодѣи совершили свое дѣло въ венеціанскихъ владѣніяхъ, а не въ Австріи. Убійцы бѣжали въ Иннсбрукъ, унося съ собою голову своей жертвы.

Испанскій кинжалъ покончилъ Михаэля Гайсмайера; но не слѣдуетъ забывать, что этотъ кинжалъ былъ купленъ нѣмецкими прелатами и нѣмецкимъ правительствомъ.

Другъ и сподвижникъ Гайсмайера, храбрый и умный *Песлеръ*, нѣкоторое время находился на жалованьи Венеціи, въ

качествѣ начальника нѣмецкаго отряда. Его голова также была оцѣнена въ двѣсти дукатовъ. Одинъ изъ его собственныхъ людей, Лука *Визеръ* изъ *Верфена* (стало быть не тиролецъ), соблазнясь золотомъ, рѣшился застрѣлить своего начальника; и это убійство было совершено на Венеціанской территоріи, въ *Фріулѣ*. Голова Песлера также отнесена была убійцею въ Иннсбрукъ; тамъ онъ получилъ за нее назначенную плату и былъ помилованъ австрійскимъ правительствомъ *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Смерть Гайсмайера избавила и тирольское правительство и прочихъ государей отъ множества заботъ. Ударъ, нанесенный ему попадалъ прямо въ сердце народному движенію Германіи и совершенно разстраивалъ планы тайнаго союза. Все было уже готово къ возстанію, ждали только сигнала. Въ *Швейцаріи*, *Гегау*, *Алльгау*, на *Дунаѣ*, весною 1527 уже все было готово; рѣшено было овладѣть *Страсбургомъ* и сдѣлать его главнымъ сборнымъ мѣстомъ новаго возстанія. Правительство страсбургскаго епископа было въ безпокойствѣ. Въ *бамбергскихъ владѣніяхъ* уже въ январѣ 1527 открыто было новое тайное народное общество. Маркграфъ Казиміръ говорилъ по этому поводу, что «съ бамбергскими подданными поступлено было такъ снисходительно, что отъ нихъ ежедневно можно ожидать новаго возстанія».

*) Источниками къ этой главѣ кромѣ уже названныхъ донесеній и документовъ изъ австрійскаго государственнаго архива у Бухольца, четырехъ донесеній начальниковъ швабскаго союза въ штуттгартскій государственный архивъ, служили: древняя рукопись у Мегизера, Метцгеръ, Historia Salisburgensis, Себастіанъ Франкъ, Ансельмъ, Гаузитцъ, Germania sacra, Клеменсъ Зендеръ, historica relatio de ortu et progressu haeresium in Germania, Ingolstadii 1654; также цѣлое собраніе записокъ Іорга, донесенія и документы изъ государственнаго архива Баваріи.

Состояніе народа во *Франконіи* и *Богеміи* было очень опасно. Въ январѣ 1527 на границахъ Шварцвальда и Швейцаріи перехвачены были бумаги, распространяемыя тайными эмиссарами. Въ нихъ говорилось о народномъ возстаніи или покрайней мѣрѣ о приготовленіяхъ къ нему. Двѣнадцать евангелическихъ проповѣдниковъ и священниковъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, были схвачены близъ Энзисгейма; также пойманы были 120 человѣкъ, скрывавшихся еще съ 1525 г. въ Шварцвальдѣ и Швейцаріи. Всѣ они были казнены *) Въ страсбургскомъ епископствѣ много крестьянъ было взято подъ стражу; въ бамбергскихъ владѣніяхъ рейтары швабскаго союза нападали на селенія, въ которыхъ жили члены новаго тайнаго крестьянскаго союза. Триста крестьянъ, подозрѣваемыхъ въ сообщничествѣ съ ними, были схвачены и частію заколоты на мѣстѣ рейтарами, частію казнены.

Смерть Гайсмайера развязала руки правительствамъ. Теперь нечего было и думать о возстаніи. Лучшіе вожди народа были или мертвы, или скитались въ изгнаніи. Нѣкоторые изъ нихъ пропали безъ вѣсти. *Георгъ Мецлеръ* исчезъ съ той поры, какъ оставилъ Кенигсгофенъ. *Эндресъ Виттихъ*, ограбленный и раненый, найденъ былъ на дорогѣ близъ Нюрнберга *Михаэлемъ Газенбартомъ*. «Многіе изъ мятежниковъ, говоритъ очевидецъ, въ нищетѣ блуждали безъ цѣли; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали даже къ туркамъ **).

*) Зендеръ, Relatio historica, стр. 22.
**) Гольцвартъ, рукопись.

Народные ораторы и проповѣдники должны были умолкнуть подъ гнетомъ солдатъ и палачей. Всюду, гдѣ старая вѣра и старая свѣтская система одержали верхъ, начались преслѣдованія и искорененіе *евангелическихъ* проповѣдниковъ, какъ бунтовщиковъ, только потому, что «лютеранство» въ глазахъ властителей было равносильно мятежу, а каждое проявленіе новыхъ воззрѣній считалось за «лютеранство». Вмѣстѣ съ народнымъ возстаніемъ въ большей части южной Германіи потерпѣла крушеніе и новая религія. Исповѣдовавшихъ ее гнали, истребляли книги, казнили проповѣдниковъ. Еще лѣтомъ и осенью 1525 изъ 71 обвиненныхъ «еретиковъ» уголовный судъ въ Энзисгеймѣ только *одного* нашелъ невиннымъ: 12 изъ осужденныхъ лицъ духовнаго званія были колесованы, сожжены или утоплены, только одинъ обезглавленъ; подобному же наказанію подверглись и другіе *). Въ Алльгау, между Штуттгартомъ и Каннштадтомъ на границахъ Франконіи, проповѣдники новаго ученія раздѣлили участь шютцингенскаго священника, который по приказанію правительства «былъ повѣшенъ на суку». Народные ораторы изъ мірянъ, спасались или временно эмигрируя изъ отечества, или совсѣмъ покидая его; иногда они прибѣгали къ покровительству властей. *Вейгандъ* оставленъ былъ въ покоѣ. За измѣнника *Фирлера*, танненбургскаго фогта и начальника гайльдорфской банды, такъ рѣшительно вступились маркграфъ Казиміръ, духовный властитель Элльвангена и пфальцграфъ, что Галль, потребовавшій было его выдачи, долженъ былъ отказаться отъ этого; тѣмъ не менѣе по смерти Фирлера, не смотря на участіе, принимаемое въ покойномъ при жизни, эльвангенскій пробстъ, въ наказаніе «за содѣйствіе его мятежу 1525 года», отнялъ отъ его вдовы имѣніе. Совѣтника той же банды, священника *Гельда* изъ Бюлертанна, укрылъ его родной городъ Нердлингенъ *). Непомилованный *Бенклеръ* нѣсколько лѣтъ скитался «бандитомъ» на Шварцвальдѣ; нѣсколько другихъ — на Гмюндервальдѣ. Болѣе пятнадцати лѣтъ опальные безнадежно держались въ развалинахъ *нейфельскаго замка* въ Гогенлоэ; между ними были принимавшіе участіе въ народномъ движеніи въ Швабіи, Пфальцѣ и Франконіи, такъ скитались они, пока не пали подъ ударами солдатъ вюрцбургскаго епископа и имперскихъ городовъ. *Фейербахеръ* и *Теусъ Герберъ* встрѣтили участіе и пріютъ, одинъ у швейцарцевъ, другой въ имперскомъ городѣ Эсслингенѣ; много лѣтъ спустя они однако возвратились на родину. Нѣкоторые инсургенты даже послѣ десяти или пятнадцати лѣтъ своей бродячей жизни всетаки не избѣгли плѣна. Михаэль *Кохъ* изъ Мюльгаузена много лѣтъ спустя былъ арестованъ, подвергнутъ пыткѣ и посаженъ въ тюрьму. Такимъ образомъ ненасытное мщеніе всюду искало себѣ жертвъ. Явились доносы и предательства не только между посторонними, но даже въ нѣдрахъ семействъ. Надежда попользоваться достояніемъ опальнаго была ихъ главною побудительною причиною.

*) Акты въ штуттгартскомъ государственномъ архивѣ.

Къ *Венделю Гиплеру* судьба была жесточе, чѣмъ къ прочимъ. Ему суждено было видѣть гибель всѣхъ своихъ надеждъ, всѣхъ упованій, всѣхъ плановъ. Онъ указалъ на главные источники бѣдствій и золъ своего отечества; онъ хотѣлъ создать новое, крѣпкое, здоровое тѣло для германскаго духа, но судьба не хотѣла этого. Онъ былъ устраненъ и отброшенъ отъ своей работы, какъ безполезный труженикъ, опальный изгнанникъ; его преслѣдовали, будто преступника, какъ какого нибудь простого разбойника или убійцу, преслѣдовали даже тѣ, для кого онъ работалъ.

Эренфридъ *Кумпфъ* тоже умеръ скоро вдали отъ отечества, хотя и на свободѣ. Онъ страдалъ подъ конецъ меланхо-

*) Гофманъ, рукопись. Въ эльвангенскихъ архивныхъ актахъ.

лiей. *Карлштадтъ*, выпущенный одной дѣвушкой изъ Ротенбурга, былъ спрятанъ по старой дружбѣ Лютеромъ въ августинскомъ монастырѣ въ Виттенбергѣ; позже онъ снова разошелся съ нимъ и сдѣлался, при содѣйствiи Цвингли, профессоромъ теологiи въ Базелѣ. Монастырскiе служители въ Виттенбергѣ разсказывали, что «его унесъ чортъ».

Гецъ ф. Берлихингенъ пожалъ плоды своей измѣны: онъ долгое время находился въ заточенiи, обвиненный въ государственной измѣнѣ, не смотря на дружбу съ Трухзесомъ и Дидрихомъ Шпэтомъ; наконецъ онъ былъ выпущенъ на свободу съ условiемъ никогда не садиться на лошадь, не переступать границы и ни одной ночи не проводить внѣ дома. Народъ осмѣялъ его въ сложенныхъ про него пѣсняхъ, а великiй писатель восемнадцатаго столѣтiя сдѣлалъ его имя безсмертнымъ. Заслуги самого *Трухзеса* плохо оцѣнены были союзомъ и эрцгерцогомъ. Георгъ Фрейндсбергъ жаловался въ стихахъ собственнаго сочиненiя на неблагодарность правительства; часто онъ заставлялъ пѣть ихъ во время обѣда, заливая виномъ нанесенную ему обиду. Маркграфъ Казимiръ окончилъ свои дни, покинутый всѣми приближенными, въ жестокихъ страданiяхъ отъ кроваваго поноса, а кардиналъ *Маттеусъ Лангъ* умеръ идiотомъ.

Народъ и послѣ подавленiя возстанiя не отказывался отъ своихъ лучшихъ надеждъ, онъ еще лелеялъ себя вѣрою сбросить гнетущее иго. Поэтому швабскiй союзъ еще нѣсколько лѣтъ не рѣшался распустить своихъ войскъ, хотя содержанiе ихъ обходилось ему очень дорого. Чтобы успокоить умы союзный сеймъ рѣшенiемъ 27 августа 1526 приглашалъ князей обращаться съ виновными съ большею милостiю и кротостью, объявляя, «что тотъ, кто чрезъ увеличенiе повинностей заставитъ подданныхъ своихъ взяться за оружiе, не долженъ разсчитывать на помощь союза» *). Тѣмъ не

*) Во многихъ союзныхъ актахъ,

менѣе откупившихся на волю принудили въ наказанiе давать вѣчную десятину съ плодовъ и животныхъ *). Опасно было даже говорить о событiяхъ крестьянской войны; одинъ человѣкъ разсказывавшiй, что онъ былъ при томъ, какъ, Дитрихъ фонъ Вейлеръ брошенъ былъ съ башни, самъ, по приказанiю Вольфа фонъ Фелльберга, былъ сброшенъ съ колокольни. Угнетенные утѣшали себя надеждою на новое, побѣдоносное возстанiе. Въ это бѣдственное время они предавались религiознымъ мечтанiямъ, вѣрили въ предсказанiя перекрещенцевъ, что въ троицу 1530 «турки покорятъ австрiйскiй домъ», и что затѣмъ будетъ основано «святою общиною анабаптистовъ высокосвященническое государство». Еще лѣтомъ 1525 народъ говорилъ, что черезъ 6 лѣтъ онъ дастъ знать о себѣ; поэтому, правительство было насторожѣ.

Неуспѣхъ великаго народнаго движенiя 1525 зависѣлъ отъ многихъ причинъ. Прежде всего онъ объясняется крайнею раздробленностью множества мелкихъ военныхъ отрядовъ, разсѣянныхъ между карпатами и вогезами. Къ тому же банды состояли изъ такихъ элементовъ, что *сила* ихъ была гораздо ниже *численности*. Всѣ онѣ составляли огромную массу, но не войско. Это былъ «гигантъ, вооруженный, но неумѣющiй управлять своими членами». Нужно было привлечь къ непосредственному участiю въ возстанiи низшее дворянство и города: оно должно было руководить имъ. Кромѣ того возстанiю недоставало главной силы, которая бы концентрировала его и управляло массою, недоставало главы, великаго полководца народной войны. Время было слишкомъ коротко, чтобы такой вождь могъ выработаться и явиться изъ массы; война окончилась такъ быстро, что не могла служить кресть-

*) Iоганъ Шпретеръ изъ Роттвиля, Инструкцiя 1542, II, ст. 329.

янамъ школою военнаго искусства; гусситы были въ этомъ отношеніи счастливѣе. Всѣ народныя движенія, какія только знаетъ исторія, бились за *свободу* уже тогда, когда было достигнуто *національное единство*. Представляя *единое* цѣлое, они успѣшно завоевывали себѣ *свободу*. Нѣмцы же не составляли *одного* народа; національный духъ пробуждался только въ отдѣльныхъ личностяхъ, а не въ массахъ,—точно также и понятіе о свободѣ созрѣло только у немногихъ. Вмѣсто того, чтобы неустанно стремиться къ своей цѣли, крестьяне оставались въ бездѣйствіи и пьянствовали день и ночь. Неопытные какъ въ политикѣ, такъ и въ военномъ дѣлѣ, они пропускали удобныя минуты и для переговоровъ, и для битвъ. Вмѣсто того, чтобы стараться привлечь на свою сторону своихъ естественныхъ союзниковъ—мелкое дворянство, нисшій классъ горожанъ и нисшее духовенство—они отталкивали ихъ отъ себя и въ то же время заключали договоры съ сильными врагами,—договоры, не принесшіе имъ никакой выгоды, такъ какъ, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, они не имѣли силы охранять ихъ.

Между причинами, породившими неудачу возстанія, является и то обстоятельство, что многіе лучшіе люди изъ среды крестьянъ покинули дѣло или оскорбленные недовѣріемъ, или оттертые отъ него недостойными происками. Самые способные изъ предводителей и совѣтниковъ не пользовались всеобщимъ довѣріемъ повстанцевъ. Въ начальники выбирались не храбрѣйшіе и опытные воины, а люди богатые и имѣвшіе вліяніе у себя дома. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить измѣну и предательства всякаго рода. На этомъ konькѣ преимущественно выѣзжали господа. Главныя преимущества непріятеля состояли во первыхъ, въ томъ, что совѣтники и предводители крестьянскіе часто были подкупаемы ими, и въ свою очередь подкупали крестьянъ; во вторыхъ, вѣроломство было возведено у нихъ въ принципъ; всѣ договоры и обѣщанія въ силу того только что заключены съ «мятежниками» и «еретиками», могли быть, по ихъ мнѣнію, нарушаемы во всякое время, безъ всякой помѣхи. Не имѣя ни конницы, ни орудій, ни укрѣпленій, плохо вооруженные, лишенные главнаго вождя, крестьяне стояли разбросанными тамъ и сямъ отдѣльными шайками лицомъ къ лицу съ врагомъ, обладавшимъ всѣмъ чѣмъ, чего имъ недоставало, врагомъ, собиравшимъ воедино всѣ свои силы при каждомъ нападеніи. Швабскій союзъ, силы котораго были бы ничтожны предъ соединенными крестьянскими бандами, былъ однако сильнѣе каждой изъ нихъ и потому постоянно оставался побѣдителемъ. Энтузіазмъ, одушевлявшій крестьянъ, обыкновенно пропадалъ въ рѣшительныя минуты. Только женщины, съ самаго начала заявившія себя мужественнѣе мущинъ, постоянно оставались вѣрными себѣ. Сродная крестьянскому сердцу, недовѣрчивость ко всему высоко постановленному отталкивала крестьянъ отъ ихъ лучшихъ, разумнѣйшихъ предводителей. Отношенія, въ которыя стали къ евангелическому движенію, Лютеръ и многіе другіе проповѣдники, пользовавшіеся довѣріемъ народа, тоже отняли у него немало энергіи. *Религіозная сила* возстанія между умѣренными, раздѣлявшими воззрѣнія Лютера,—именно въ городахъ,—была *подавлена* ихъ собственными единовѣрцами, была прервана религіозными ораторами раньше, чѣмъ дѣло дошло до битвъ. Что результаты реформаціи не имѣли болѣе обширнаго примѣненія,—главную причину этого нужно искать въ томъ, что среди народнаго движенія погибли знаменитѣйшіе реформаторы, еще съ самаго начала стремившіеся дать этому движенію другое направленіе.

Спокойствіе послѣ войны можно было назвать могильною тишиною. Побѣдители все еще находились въ страхѣ, что, какъ привидѣнія, въ полночь вдругъ подымутся изъ могилъ тѣни умершихъ. Веселье покинуло тирольскія, штирійскія и швабскія долины: неслышно было болѣе ни скрипки, ни танцевъ, ни пѣнія. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а матеріальный вредъ, нанесенный народу, не сглаживался, еще ме-

нѣе могъ исчезнуть *политическій* и *религіозный* вредъ. Германія лишилась съ этихъ поръ единства въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и стала все болѣе и болѣе разъединяться и политически. Могущество князей начало превышать могущество императора. Вмѣсто того, чтобы стремитьсякъ единству, государство и народъ все болѣе и болѣе удалялись отъ него. Обезсиленіе народа повело къ ослабленію внѣшнейсилы имперіи. Сраженія, казни, изгнанія, голодъ и нищета уничтожили сотни тысячъ людей. Какъ неизбѣжныя послѣдствія реакціи—обѣдненіе и его вѣрный спутникъ рабство стали быстро распространяться въ Германіи. Просвѣщеніе, промышленность и ремесла, даже успѣхи земледѣлія были замедлены на цѣлое столѣтіе. Пораженіе протестантскихъ князей и тридцатилѣтняя война представляются также естественными слѣдствіями неуспѣха великаго народнаго возстанія 1525 года.

Массы народа не были настолько развиты, чтобы понять необходимость нѣкоторыхъ жертвъ для достиженія великой цѣли. Но многіе дворяне пожертвовали собою для дѣла. Они, правда, не достигли ближайшей своей цѣли, но во всякомъ случаѣ ихъ жертвы не пропали даромъ. Много средневѣковаго погребено было подъ обломками народнаго движенія. Князья легко добили остатки.

Болѣе тысячи монастырей и замковъ было разрушено крестьянами; только немногіе изъ нихъ были возобновлены; прежніе владѣтели ихъ должны были начать новый образъ жизни. Весьма немногіе употребили контрибуціи, полученныя съ крестьянъ, на постройку башенъ и келій; большею частью эти контрибуціи были употребляемы на совершенно другія цѣли, а государи переняли у крестьянъ обычай секуляризировать монастыри.

Свободное пользованіе землею, уничтоженіе барщины, отмѣна крѣпостнаго права,—всѣ эти идеи пустили такіе глубокіе корни и были такъ распространены, что уже не было никакой возможности подавить ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

скоро появились добрые плоды пролитой крови и раззоренія. Такъ крестьянамъ Кемптена, при посредничествѣ швабскаго союза, еще въ 1526 удалось заключить съ своимъ духовнымъ господиномъ договоръ, предоставлявшій имъ нѣкоторыя изъ льготъ, которыхъ они такъ долго добивались и отказъ въ которыхъ и былъ причиною возстанія. Съ другой стороны, произволъ, грабежъ и злоупотребленія дворянства и духовенства были ограничены,—такъ какъ война лишила ихъ многихъ опоръ ихъ тираніи. Секуляризація монастырей сдѣлала многихъ монастырскихъ вассаловъ подданными свѣтскихъ государей. Дворянство, раззоренное войною, не могло поправиться скоро: швабскій союзъ неоднократно запрещалъ взимать контрибуціи съ раззоренныхъ въ конецъ селеній. Главнымъ образомъ пострадали помѣщики, крестьяне которыхъ были наказаны за возмущеніе. Тамъ, гдѣ нельзя было избѣжать контрибуціи, платежъ ея разсроченъ былъ на самый отдаленный срокъ; такъ, во владѣніяхъ Кемптена контрибуція была выплачена только въ 1546—48 г. т. е. чрезъ 23 года.

Все, что было истиннаго и прекраснаго въ этомъ движеніи не прошло, не погибло безслѣдно. Оно перешло въ руки времени, которое все переработываетъ: одно развиваетъ и возращаетъ, другое сушитъ и погребаетъ. За жестокіе поступки крестьянъ господа отплатили неслыханными злодѣйствами. Но всякій разъ, какъ подобныя злодѣйства совершались въ исторіи, послѣдствія ихъ отражались на самихъ виновникахъ; палачи сами страдали отъ своихъ казней. Большая часть дворянства никогда не оправилась отъ удара, нанесеннаго ей крестьянскимъ возстаніемъ; и пришло время, когда поздніе внуки побѣдителей надъ крестьянами должны были сознаться, что грѣхи отцовъ отмщаются на потомкахъ.

Надъ всей исторіей царитъ непреложный законъ, святая Немезида; и прошедшее взываетъ къ будущему: Бойтесь Бога и поступайте справедливо.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА ПЯТАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.